МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

2–6 декабря 2024 г.

Сборник научных статей: Социально-гуманитарные науки. Часть I

Ереван
Издательство РАУ
2025

HOMORES SACRA

ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻ ԴԱՇՆՈՒԹՅԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ, ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ, ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ԵՎ ՍՊՈՐՏԻ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ (ՍԼԱՎՈՆԱԿԱՆ)
ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ՏԱՍՆՈՒԹԵՐՈՐԴ ՏԱՐԵԿԱՆ ԳԻՏԱԺՈՂՈՎ

Դեկտեմբերի 2–6, 2024թ.

ՄԱՍ I

Երևան–2025

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И СПОРТА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

2–6 декабря 2024г.

ЧАСТЬ I

Ереван–2025

УДК 3(082)
ББК 6/8я43
В 760

Печатается по решению Ученого и Редакционно-Издательского советов РАУ

***Редакционный совет Конференции*:**

Э.М. Сандоян (председатель), П.С. Аветисян (заместитель председателя), М.Г. Хачатрян, Е.Г. Маргарян, Ж.Б. Арамян, М.А. Калашян, К.В. Маркарян, Г.С. Асатрян, Н.И. Таткало, Г.А. Багратян, А.М. Суварян, М.А. Восканян, И.Б. Петросян, А.А.Тавадян, А.В. Агаджанян, Б.В. Маилян, А.С. Берберян, К.С. Акопян, Г.Э. Галикян, Л.С. Меликсетян, А.А. Симонян, Г.Г. Геворгян, Н.В. Геворгян, О.Л. Саркисян, В.А. Оганесян, К.Г. Сардарян, Н.Ю. Зограбян, А.С. Гамбарян, М.В. Алекян, Н.И. Кеворкова, В.Р. Кеворков, А.Л. Григорян.

В 760 Международная Восемнадцатая годичная научная конференция (2–6 декабря 2024г.): Сборник научных статей: Гуманитарные и общественные науки. – Ер.: Изд-во РАУ, 2025. Часть I. – 472с.

Сборник печатается по материалам 18-ой Годичной научной конференции, проведенной в Российско-Армянском университете. Статьи публикуются в алфавитном порядке и под авторскую ответственность.

Публикация сборника осуществлена в соответствии с требованиями ВАК РА к сборникам научных трудов.

Сборник зарегистрирован в базе данных РИНЦ и КиберЛенинка.

УДК 3(082)
ББК 6/8я43

ISBN 978-9939-67-382-0

© Издательство РАУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Аветисян С.С., Барсегян А.О. Психологическая составляющая мотива и цели в уголовном праве 9

Барсегян С.В. Предупреждение повторных преступлений осужденных к штрафу, как основному виду наказания 17

Егян Э.Г. Сравнительно-правовой анализ общих начал назначения наказания по уголовному праву РФ и РА 24

Зограбян Н.Ю., Падарян Ю.А. Проблемы определения ограниченной вменяемости и практика ее применения 28

ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Айрапетян Ю.В. Правовые инструменты сближения гражданского процессуального права на евразийском пространстве 36

Гончарова О.С. Конститутивное (волезамещающее) решение суда как способ защиты прав участников корпоративного договора 43

Երվանդյան Զ.Կ. Պարտքերի ժառանգումը քաղաքացիաիրավական հարաբերություններում. Պարտատերերի իրավունքների պաշտպանությունը ՀՀ Սահմանադրական դատարանի որոշման համատեքստում 49

Зыкина Т.А. Право работника на достоинство в период трудовой деятельности 58

Мхитарян Н.А. Проблемные аспекты правового регулирования договора розничной купли-продажи дистанционным способом 63

Папикян С.А., Айрапетян А.К. Золотая акция: ключ к управлению корпоративными гигантами на примере государств-членов ЕАЭС 68

Шабоян А.А. Правовое регулирование договора купли-продажи долей в обществах с ограниченной ответственностью 76

Филимонова М.В. Интересы законности как основание выхода за пределы рассмотрения дела кассационым судом общей юрисдикции в Российской Федерации 81

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Варданян Д.Г. Дискриминация прав женщин как преступление против человечности 85

Мкртчян А.Р. Сравнительный анализ правовых стандартов кибербезопасности: Республика Армения и международное право 95

Խաչատրյան Ա.Ս. Աշխատանքային միգրանտների իրավունքների պաշտպանության արդի հիմնախնդիրները ռդ-ում՝ մարդու իրավունքների միջազգային իրավունքի համատեքստում 105

ТЕОРИЯ ПРАВА И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Ёлчян А.Г. Особенности вотума недоверия к министрам на примерах ФРГ, Италии и РА 113

Касаткин С.Н. Проблема понимания коллизионных пробелов и возможности их существования в правовой системе 118

Овсепян М.Т. Конституционные ограничения в сфере отчуждения государственного имущества 123

Тебеньков М.В., Абашева О.В. Связь земельного права с другими правовыми отраслями 134

ПОЛИТОЛОГИЯ

Sargsyan D. Peculiarities of nation-building in the post-soviet space: the case of Azerbaijan 139

Simonyan T. Political and legal analysis of evolving mandates and their impact 147

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Джанян Д.В. Китайская и индийская диаспоры как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Китая и Индии 160

Мнацаканян И.А. Перспективы стратегического партнерства между Арменией, Ираном и Россией как сдерживающего фактора турецко-азербайджанской экспансии на Южном Кавказе 169

Оганнисян М.Г., Татунц С.А. Армянские диаспоры Франции и США как факторы внешней политики Республики Армения 185

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Hayrapetyants A. A short commentary on the phonetic status of /xw/ in early judeo-persian text “Tafsīr of Ezekiel” 197

Евстратов А.Г. Идеологические истоки исламского экстремизма на постсоветском пространстве 203

Цымбал А.В. Переосмысление живописи абстрактного экспрессионизма в новом искусстве Китая 210

ИСТОРИЯ

Акопян В.З., Акопян З.В., Гранкин Ю.Ю. Инициирование властями внутриобщинного противостояния по вопросу закрытия Церкви Сурб Таргманчац города Пятигорска (1929) 219

Асоян Л.А. История Ольгинской гимназии Александрополя по документам Национального архива Армении 230

Бардакчян О.Х. Армянские общины в странах Индийского океана: история появления, становления и угасания 238

Дадаян С. К вопросу о военно-политическом месте Куракского трактата в русско-персидской войне 1804–1813гг. 243

Котенко Д.Г. Интеграция грузинской элиты в социально-политические институты Российской Империи (на примере Западной Грузии) 252

Лисенкова А.А. Фиджитал мир: воображение в цифровую эпоху 260

Оганесян А.Б. «Шрамы» послевоенной Японии: «талидомидовая трагедия» 268

Սալիյան Ա. Թուրքիայի Հանրապետության Ազգային անվտանգության ծառայության (ԱԱԾ) գործունեությունը Երկրորդ համաշխարհային պատերազմի ժամանակ (1939–1945) 270

Saribekyan K. Historical perception of Cilicia and the French mandate system in the interwar period, 1918–1939 286

Սաֆարյան Վ. Արցախի միջնադարյան կրոնական ճարտարապետությունը աղբբեջանական պատմագրության մեջ (Դադիվանք և Գանձասար) 294

Степанянц С.М. Армяне в Москве в XVII веке 307

ФИЛОСОФИЯ

Багдасарян В.А. Проблема постчеловека: трансгуманизм VS постгуманизм 318

ПСИХОЛОГИЯ

Берберян А., Африкян Д. Взаимосвязь самоотношения со стилем любви у молодежи: этнопсихологический аспект 332

Берберян А., Петросян Э., Африкян Д. Взаимосвязь мотивации с некоторыми эмоциональными состояниями молодежи 351

Ваганян А.В. Духовность, как фактор психологического здоровья современной молодежи 356

Григорянц С.А. Специфические особенности психологического благополучия у специалистов в сфере IT 365

Григорян Э.А., Мурадян А.Р. Взаимосвязь стилей семейного воспитания и формирования копинг-стратегий у детей подросткового возраста 373

Давтян Е.Н. К вопросу о дисциплинарном статусе психотерапии 385

Կնյազյան Հ.Մ. Էկրանային կախվածության դրսեվորումները կրտսեր դպրոցական տարիքի երեխաների մոտ 391

Малоян З.А. Психологическое исследование отражения коммуникативной изоляции в изобразительном искусстве (молчание, немота и одиночество) 402

Берберян А.С., Матвеева Н.В. Взаимосвязь личностной зрелости и психологического благополучия у молодежи 410

Берберян А.С. Микаелян А.А. Взаимосвязь ценностных ориентаций и восприятия особенностей референтных групп у студенческой молодежи 420

Берберян А.С., Мкрдумян М.С. Взаимосвязь эмпатии и психотипа личности у студенческой молодежи 435

Саргсян И.А., Арутюнян Л.А. Исследование особенностей субъективной оценки межличностных отношений в юношеском возрасте 442

Саркисян В.Р. Искусственный интеллект: польза и возможные угрозы для развития человечества 453

Согомонян А.А. Методический инструментарий психодиагностики как предмет творческих разработок 457

Тумасян А.Л. Влияние длительности проживания на позитивность этнической идентичности у представителей диаспоры (на примере армянской диаспоры в США) 464

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-9-16

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МОТИВА И ЦЕЛИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

С.С. Аветисян, А.О. Барсегян

Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт права
avetisyanserj@mail.ru, albert_barseghyan04@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются мотив и цель преступного поведения. Их влияние на квалификацию преступлений. Важную часть исследования составляет изучение психологических предпосылок возникновения преступных мотивов, а также влияние психологических состояний на формирование мотивов и целей преступления. Отечественное уголовное право о виновной ответственности требует при анализе субъективной стороны преступления, помимо вины (умысла и неосторожности), учитывать мотивы, цели, разнообразные эмоциональные проявления, которые обуславливают общественно опасное деяние субъектов преступления. Мотив и цель имеют важное значение в реализации принципа субъективного вменения, правильной уголовно-правовой оценки содеянного, разграничении преступлений друг от друга. Признаки субъективной стороны преступления имеют существенное значение, особенно при назначении наказания и освобождении лица от уголовной ответственности.

Ключевые слова: мотив, цель, преступное поведение, субъективная сторона, психология преступника.

Введение

Любое действие человека имеет определенную мотивацию, а желаемый результат этих действий – цель. Нужно отметить, что, в первую очередь, мотив и цель – явления социально-моральные и только потом – юридические. Мотив и цель преступного поведения могут быть обусловлены не только общеизвестными факторами (корысть, месть, ревность и т.п.), но и такими явлениями, как психологические травмы и личностные качества лица, совершившего преступление. Следует отметить, что психологические данные имеют за-

метное влияние на развитие уголовно-правовой теории. Внимание субъективным основаниям ответственности важно в свете качественно нового Уголовного кодекса Республики Армения (принят 05.05.2021, вступил в силу с 01.07.2022), в котором дается новое понятие вины, включающее осознание лицом противоправности своего деяния.

Материал и методы

В первую очередь мотив и цель имеют морально-психологическую обусловленность. Каждый человек вкладывает в свои действия своеобразный мотив, чтобы достичь желаемого результата – своей цели. В основе поступков человека лежит один единственный мотив для достижения одной цели, а в основе поведения человека мотивы разнообразны. Мотивы, которые носят побуждающий элемент, зачастую имеют неосознанный характер. Лица, совершившие преступления, иногда не могут объяснить, что же ими двигало в момент совершения преступления. В основе мотивации стоят и другие психологические понятия: чувства, эмоции, интересы. Часто в тяжких и особо тяжких преступлениях важную роль играют сильные, острые и интенсивные чувства и эмоции. В мотивах именно конкретизируются первоисточники потребностей, эмоций и чувств. Гораздо хуже, когда мотив и цель прямо конфликтуют с нравственностью. Именно в этих случаях чаще всего наблюдается преступное поведение. Все мотивы, а также цели формируются в социальных отношениях. Они являются связью личности с окружающими людьми.

Психологические особенности личности и социальная среда во многом определяют мотивацию преступления. Мотив является внутренней стороной деяния, цель же как результат – внешней стороной. Это не означает, что внешние явления не играют роли в формировании мотивов. Цель же толкает человека на определенные поступки, разжигает мотив. Таким образом, цель и мотив любого деяния взаимно связаны и тесно переплетены. Мотив и цель преступления являются факультативными признаками субъективной стороны преступных посягательств и могут считаться обязательными при квалификации преступлений в строго установленном законом порядке (в статьях Особенной части уголовного кодекса).

Мотивом преступления является то побуждение, которое толкает человека на совершение преступного деяния, которого лицо придерживается с момента совершения преступления до его окончания.

Цель преступления – это идеальная модель конечного результата преступного посягательства в сознании субъекта преступления, к исполнению которого совершается преступное деяние.

Цель всегда возникает на основании определенного мотива. Только умышленные преступления охватывают такие понятия, как мотив и цель.

Из-за отсутствия дефинитивных норм в уголовных кодексах понятие мотива и цели могут толковаться своеобразно, что создает немало проблем в правоприменительной деятельности, а также ведет к разным классификациям в теории уголовного права и в учениях психологии. Одни авторы предпочитают заимствовать классификации из психологии, тогда как другие адаптируют эти понятия под уголовно-правовые рамки. По этому поводу В.Н. Кудрявцев отмечал, что «имеющиеся на сегодняшний день классификации в разной степени отражают те или иные требования»[1]. Мы взяли за основу самую актуальную из них. А.И. Рарог, комбинируя мотивы и цели, дает следующую классификацию[2]:

1) низменные, с которыми связано установление или усиление уголовной ответственности (корысть, хулиганские мотивы, месть и т. п.);

2) лишенные низменного содержания, с которыми не связано усиление уголовной ответственности (трусость, сострадание и т.д.).

Классификация, предложенная О.С. Ивченко, более детально раскрывает систему, предложенную А.И. Рарогом. Согласно этой классификации, выделяются три группы мотивов:

- мотивы, с которыми связано установление уголовной ответственности (например, подмена ребенка – ст. 153 УК РФ);
- мотивы, которые выступают в качестве отягчающих обстоятельств (например, корысть, хулиганство, месть и т.д.);
- мотивы, которые выступают в качестве смягчающих обстоятельств (например, сострадание, стремление избавить потерпевшего от страданий)[3].

Психология связывает мотивы с потребностями человека, а цель заключается в удовлетворении этих же потребностей. С этой точки зрения различаются два типа мотивов:

- «только понимание», которые предопределяют, как человек должен действовать;
- «реально действующие», которые побуждают человека совершить то или иное действие.

---

[1] *Кудрявцев В.Н.* Криминальная мотивация. М., 1986. С. 39.

[2] *Рарог А.И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. С-Пб., 2003. С. 145.

[3] *Ивченко О.С.* Проблемы мотива и цели убийства в уголовном праве России: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 14.

Некоторые авторы (Плехан Сергеевич Дагель) также выделяют положительные для общества мотивы[4]. Мы не согласны с такой классификацией, ибо в таком ключе выделяются мотивы преступления, которые якобы не наносят вред общественным отношениям, да еще и влияют на них положительным образом, что, по-нашему мнению, недопустимо. Так, альтруистический мотив в случае убийства ради родного человека не может положительным образом влиять на общественные отношения. Сторонники экспериментальной психологии отрицают существование мотивации поведения человека. Это связано с трудностями определения мотива преступления, ведь даже в психологии, откуда, между прочим, были заимствованы термины «мотив» и «цель» в уголовном праве, нет единого подхода к характеристике данных понятий. Бельгийский психолог Ж. Нюттэн справедливо отметил: «Психологи далеки от согласия в вопросе о том, какое место занимает мотивация в изучении и объяснении поведения»[5]. В юридической литературе авторитетные источники зачастую дают единую классификацию как для мотивов, так и для целей преступлений. Все вышеуказанные классификации применимы и к целям преступных посягательств. Основываясь на анализе исследований в области классификации мотивов и целей преступлений, многие авторитетные ученые склоняются к тому, что все мотивы и цели преступлений делятся на низменные и лишенные низменного содержания.

Так, корыстные мотивы по своей сущности одни из самых «первобытных». Еще с древних времен (разбойные нападения на торговые караваны; фальшивомонетничество в Древнем Риме; пиратство) корысть была наиопасным катализатором совершения самых разнородных деяний. Корысть – сильное и динамичное побуждение, которое уступает разве что половому инстинкту. Можно утверждать, что корысть возникла с возникновением частной собственности. Стремление к обогащению лежит в основе поведения человека. Отличительной чертой корысти выступает то, что она не остается неизменной, постоянно видоизменяется под влиянием разных обстоятельств. Не все преступления, которые возникли из-за имущества являются корыстными. По мнению Б.С. Волкова, если мотив совершения преступления не был связан с корыстью, а обусловлен другими побуждениями, но после совершения преступления у лица появились корыстные побуждения, то подобные действия не должны рассматриваться как корыстные[6].

---

[4] *Дагель П.С.* Классификация мотивов и ее криминологическое значение // «Вопросы социологии права», 1976. СС. 272–275.

[5] Вопросы мотивации и эмоций. Вып. 1. Сб. переводов с французского 2 изд.: учебное пособие для студентов. М., Изд-во МГУ, 1973. С. 3.

[6] *Волков Б.С.* Мотивы преступлений (Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование) М.,1982. С. 49.

В Постановлениях Пленума Верховного Суда дается разъяснение низменных мотивов, что в свою очередь, подчеркивает необходимость дефиниций мотивов и целей в уголовных кодексах. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ сказано, что убийство из корыстных побуждений следует квалифицировать как убийство, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц, или избавления от материальных затрат[7].

Хулиганские мотивы одни из самых распространенных мотивов совершения преступлений. В основном, это преступления против личности и общественного порядка. С точки зрения психологии и социологии, этот мотив имеет наисложнейшее содержание и многообразие форм выражения. Как уже было отмечено, каждый мотив имеет свою специфику. Так, в хулиганских мотивах мы не видим вовне причину совершения общественно опасного деяния. В теории уголовного права хулиганские мотивы нередко именуются «иррациональными» или же «беспричинными». В основном, хулиганские действия совершают лица, которые находятся в нетрезвом состоянии, и действия которых направлены на разрушение, насильственные действия или повреждения. Хулиганский мотив имеет место, когда в действиях человека лежит демонстративное пренебрежительное отношение к внешнему распорядку, моральным устоям общества и общественной нравственности. Примером может служить решение Кассационного суда по делу К. Маркосяна (ՀՓ-03/08, принято 1 февраля 2008г.), в котором суд проанализировал состав убийства, совершенного по хулиганским мотивам, подчеркнув, что для квалификации такого преступления в действиях виновного должно доминировать явное пренебрежение к общественному порядку. Также, с точки зрения психологии, нельзя оправдывать поведение «хулигана» извращенностью его психики, хотя, естественно, такие детали имеют важное значение в характеристике данных побуждений. В основе хулиганского мотива обычно лежит эгоизм, злоба или неудовлетворенность собственной жизнью или же другими обстоятельствами. В таких случаях индивидуальные и психологические характеристики личности могут сыграть большую роль в совершении общественно опасного деяния лицом.

Месть, как мотив совершения преступления, исследуется психологией очень детально. Первоистоки данного мотива можно увидеть еще с древних времен, а именно со времен кровной мести. Мстительный мотив имеет высокую опасность и всегда связан с прошлыми событиями. Такой мотив дает

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

накопительный эффект, но все же не исключается, что месть может возникнуть из-за обычных бытовых ситуаций и конфликтов. В основе мести лежит сильное душевное волнение. Месть, как мотив преступления, является побуждением, которое направлено на получение удовольствия за причиненный в прошлом вред. С точки зрения психологического анализа мести, получается, что зло само порождает зло. Тем самым месть – явление аморальное и низменное. Мы считаем, что с точки зрения юридической оценки мести, нельзя утверждать, что мстительный мотив должен являться только отягчающим обстоятельством, ведь тем самым обесцениваются все остальные обстоятельства, которые подтолкнули лица к совершению общественно опасного деяния. Чтобы возник мстительный мотив, недостаточно наличия каких-либо действий другого лица. Важно также способность лица к осуществлению мести.

Ревностные мотивы, хотя и не криминализированы в настоящее время, но с теоретической точки зрения имеют место быть. В сравнении с другими мотивами ревность – не такой уж и распространенный мотив. Ревность, независимо от вызванных обстоятельств (действительных или ложных), олицетворяет собой боязнь потери или же сомнения и связана со стремлением любыми способами и средствами удержать кого-либо или что-либо в своей жизни. Считаем, что при убийствах ревностный мотив отсутствует или, проявляясь косвенным путем, преобразуется и становится местью.

Что касается других мотивов совершения преступлений, то можно отметить также *зависть*. Завистливый человек готов на многое, чтобы видеть неудачи своего оппонента. Зависть, как и ревность, не первородная эмоция человека, а продукт определенного процесса, вытекающий из конкретных ситуаций. К таким характеристикам можно отнести также мотивы ненависти. Ненависть сильнее зависти, и она способна привести к преступлению большой тяжести. Тщеславие также способствует совершению многих преступлений, особенно против личности и собственности. Считаем, что тщеславие может дополнять основной мотив преступного деяния, а также изменять его содержание и придавать новый оттенок. Опасным также является стремление скрыть другое преступление, избежать неблагоприятных последствий.

Проведенное интервью с экспертами-психологами Г.А. Казарян и А.Г. Тер-Степанян свидетельствует о междисциплинарных аспектах мотивов и целей преступного деяния. Так, на формирование мотивов и целей преступления, в частности, влияют травматические события детства или взрослой жизни. Выражается это в основном в том, что лицо начинает совершать с дру-

гими то, что претерпел сам. Личностные качества также имеют свои особенности в формировании мотивов и целей, такие как акцентуация характера[8], неудовлетворенные потребности, тип воспитания. Психология учит, что мотивы и цели возникают в сознании виновного, отражены в психике человека как объективные признаки преступления. Уголовно-процессуальное законодательство требует доказательств мотивов и целей преступления в числе обязательств, составляющих предмет доказывания. Доказывание мотивов и целей – сложный процесс, бремя которого лежит на следственных органах. Обусловленное их сложным характером, при выявлении и доказывании мотивов и, соответственно, целей преступления в данный процесс должны быть включены наряду со следственными органами эксперты-психологи. В РФ активно практикуется институт профайлинга[9], который должен быть внедрен и в РА, для анализа поведения человека с целью выявления мотивов, намерений и эмоционального состояния лица, совершившего преступления.

Таким образом, основным выводом является то, что мотивы и цели преступлений осложняются отсутствием единых дефинитивных норм, что приводит к неоднозначному их толкованию в правоприменительной практике. Различия в классификациях этих категорий между уголовным правом и смежными дисциплинами затрудняют формирование целостного подхода к их исследованию. Для лучшего понимания и выявления мотивов и целей преступного поведения необходим комплексный подход, включающий правовые, психологические и социальные аспекты, которые позволяют всесторонне оценить причины и последствия преступного поведения. Учет психологических факторов играет важную роль в квалификации деяний, определении меры наказания и разработке мер профилактики и превенции. Трудности доказывания мотивов и целей требуют применения специализированных знаний, что подчеркивает важность взаимодействия юриспруденции и смежных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 – ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Эл. ресурс] // «Система Гарант».

[8] Понятие, введенное психологом Карлом Леонгардом, обозначающее чрезмерное усиление отдельных черт характера, которое делает человека уязвимым к определенным стрессовым ситуациям, но при этом не выходит за пределы нормы. Леонгард К. «Акцентуированные личности» [Эл. ресурс]: https://ncpz.ru/lib/1/book/37

[9] Профайлинг – это система анализа поведения, внешности, речи и других характеристик человека с целью выявления его психологических особенностей, мотивов и прогнозирования действий.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [Эл. ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/
3. *Кудрявцев В.Н.* Криминальная мотивация. М., 1986. С. 39.
4. *Волков Б.С.* Мотивы преступлений (Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). М.: Изд-во Казанского университета, 1982. С. 49.
5. *Рарог А.И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. С-Пб.: «Юрид. центр пресс», 2003. С. 145.
6. *Ивченко О.С.* Проблемы мотива и цели убийства в уголовном праве России: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 14.
7. «Вопросы мотивации и эмоций», вып. 1. Сб. переводов с французского, 2 изд.: учебное пособие для студентов. М., Изд-во МГУ, 1973. С. 3.
8. *Дагель П.С.* Классификация мотивов и ее криминологическое значение // «Вопросы социологии права». 1976. СС. 272–275.
9. *Леонгард К.* Акцентуированные личности // Официальный сайт «Научный центр психического здоровья» [Эл. ресурс]: https://ncpz.ru/lib/1/book/37 (Дата обращения: 20.01.2025)

PSYCHOLOGICAL COMPONENTS OF MOTIVE AND PURPOSE IN CRIMINAL LAW

S. Avetisyan, A. Barseghyan
Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of law

ABSTRACT

The article examines the motives and purposes of criminal behavior, as well as their impact on the classification of crimes. An essential part of the study is the analysis of the psychological prerequisites for the emergence of criminal motives, as well as the influence of psychological states on the formation of motives and purposes of crime. Domestic criminal law, in the context of culpable liability, requires that when analyzing the subjective element of a crime, in addition to guilt (intent and negligence), motives, purposes, and various emotional manifestations that determine the socially dangerous act of the offender should also be taken into account. Motives and purposes play a crucial role in the implementation of the principle of subjective imputation, the proper legal assessment of the committed act, and the differentiation of crimes from one another. The characteristics of the subjective element of a crime are of significant importance, particularly in the imposition of punishment and the exemption of an individual from criminal liability.

Keywords: motive, purpose, criminal behavior, subjective element, criminal psychology.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-17-23

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОВТОРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ К ШТРАФУ, КАК ОСНОВНОМУ ВИДУ НАКАЗАНИЯ

С.В. Барсегян

Академия управления МВД России
barsegyan.suren1986@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Предупреждение повторных преступлений, безусловно, занимает важное место в борьбе с преступностью. Статья посвящена специфике предупреждения повторных преступлений, совершаемых лицами, которые были привлечены к уголовному наказанию без изоляции от общества, а именно – к штрафу. В статье указывается на отличия в исполнении данного вида наказания по сравнению с другими видами уголовного наказания, не связанными с лишением свободы.
Ключевые слова: предупреждение; повторная преступность; штраф как основной вид наказания; исправление.

Введение

Не секрет, что преступность – это неотъемлемое и в то же время отрицательное общественное явление, и вопрос о предупреждении преступности волновал общественные круги во все времена и во всех странах. На протяжении столетий преступность каралась многообразием имущественных и неимущественных наказаний. В настоящее время, среди видов наказаний, предусмотренных в уголовном законодательстве Российской Федерации, штраф, полагаем, является самым либеральным, кроме того, в «лестнице наказаний» он занимает «первую строчку».

Применение наказаний, не связанных с лишением свободы, имеет глубокие исторические корни. Штраф как вид наказания стал применяться еще в эпоху формирования российской государственности и занял место не только в процессе регулирования общественных отношений внутри государства, но и в регулировании отношений с государствами-соседями. До зарождения писаного уголовного права одним из видов наказания являлась кровная месть. Вследствие появления существенных ограничений по реализации принципа кровной мести у виновника появилась возможность избежать мести путем дачи выкупа [1, с. 129]. Таким образом, месть была заменена системой денежных взысканий [2, с. 15], что послужило фундаментом для появления вида наказания под названием «штраф». В пе-

риод Древней Руси денежные штрафы являлись основным видом наказания, применяемым за различные категории преступлений [3, с. 10]. Применения штрафа не утратили актуальность и после Октябрьской революции. Так, для осуществления более успешной борьбы с саботажниками и контрреволюционерами В.И. Ленин в записке народному комиссару внутренних дел Ф.Э. Дзержинскому рекомендовал применять штраф в отношении лиц, принадлежащих к богатому классу к богатому классу [4, с. 156].

Изучением особенностей штрафа как вида наказания стали заниматься еще основатели российской правовой мысли. Так, в дореволюционный период отдельным аспектам штрафа были посвящены труды выдающихся ученых С.В. Позднышева, Н.Д. Сергеевского, Н.С. Таганцева, И.В. Фойницкого и др. В советский период наказания в виде штрафа были изучены в работах известных ученых М.Н. Гернета, А.А. Герцензона, В.Н. Кудрявцева, Н.С. Стручкова, А.Я. Эстрина и др. Более глубоким анализом уголовно-правовых и криминологических особенностей штрафа посвящены работы Т.Ю. Погосян [5], И.В. Смольковой, З.А. Тадевосяна, М.Д. Шаргородского и других ученых.

Импульсом к развитию научной разработанности темы штрафа стали события 1977г., в феврале которого произошли значительные изменения в законодательстве СССР, направленные на формирование демократических и гуманных начал уголовной политики. Новые законы были направлены на выполнение требований Программы КПСС об искоренении преступности, замене мер уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания. В свете этого заслуживает внимание монография З.А. Тадевосяна [6].

Процесс гуманизации наказаний продолжался и в последующие годы. Так, в 1980-е гг. процент лишения свободы стал резко снижаться, по сравнению с 1983–1988гг., разница составила 34,7%. Соответственно, возросла доля применения иных наказаний, среди которых штраф составил 13,3%. Данную закономерность поддержал академик В.Н. Кудрявцев, который выразил мнение о том, что необходимо продолжать снижение объема применения лишения свободы [7].

В современный период отдельные аспекты предупреждения повторных преступлений осужденных к штрафу отражена в научных трудах А.А. Дорожинского, И.С. Дроздова, Е. А. Жарких, О.В. Филипповой и других авторов.

Штраф считается наиболее мягким и гуманным видом наказания в сравнении с другими. Однако П.П. Осипов считал, что по идеологическим соображениям штраф неприемлем в системе наказаний, т.к. у преступника может возникнуть представление о том, что от правосудия можно откупиться [8, с.

92]. По этому поводу свое несогласие высказал А.И. Коробеев, который полагал, что штраф при правильном его применении даже правосознанием преступника будет восприниматься как вид уголовного наказания, преследующего цели его исправления и перевоспитания или, по меньшей мере, удержания от совершения новых преступлений [9, с. 160]. Анализируя содержание наказания в виде штрафа, И.В. Смолькова пришла к выводу, что цели наказания достигаются исключительно за счет ущемления материальных, имущественных интересов лица, совершившего преступление [10, с. 6]. Автор статьи полагает, что достижение перечисленных целей послужит снижению совершения повторных преступлений, что, в свою очередь, является индикатором эффективности применения данного наказания.

Материал и методы

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (№ 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания»), за последние пять лет (2018–2023гг.) доля осужденных к штрафу (как основному виду наказания) от общего числа осужденных калибруется на уровне 11,6–15,3%. При этом в период 2018–2023гг. рост назначенных наказаний в виде штрафа составил 2,2%. Между тем среди назначенных наказаний в виде штрафа наблюдается рост показателей по категориям тяжести совершенного преступления; так за совершение тяжких преступлений рост составил 47,2%, за совершение особо тяжких преступлений – 34,9 %. Это свидетельствует о том, что чаще стали применяться штрафные санкции к правонарушителям, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления. По социально-демографическому и возрастному критерию наиболее многочисленной среди преступников является категория лиц мужского пола (81,3%); граждане Российской Федерации составляют 91%; лица, не имеющие основного заработка – 86,4%; лица в возрасте от 30 до 49 лет – 43%. К слову, беспокойство вызывают и показатели совершения повторных преступлений лицами, которые были привлечены к уголовному наказанию в виде штрафа. Так, за 2023г. к штрафу были приговорены 76 тыс. 992 гражданина, и в этом же году 5 тыс. 52 гражданина, имевших непогашенные или неснятые судимости, повторно совершили преступления. Указанные лица больше всего совершают повторные преступления против собственности (52,8%). Однако, несмотря на мягкость назначенного наказания, не исключаются и случаи, когда осужденный в установленный срок не исполняет свои обязанности, а именно не уплачивает штраф. Так, за 2023г. в

суд из Федеральной службы судебных приставов (далее: ФССП России) поступило 6 тыс. 683 представления о замене штрафа иным видом наказания.

Вне сомнения, в предупреждении повторных преступлений, совершаемых вышеуказанными лицами, существенное место занимает профилактическая работа. Однако по сравнению с другими видами уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, штраф отличается не только спецификой исполнения, но и особенностями предупреждения. Согласно ч. 1 ст. 16 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации[1], наказание в виде штрафа исполняется ФССП России (в отличие от других видов наказаний, не связанных с лишением свободы). В соответствии с Федеральным законом «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007г. № 229-ФЗ[2], на ФССП России не возложены полномочия осуществлять контроль (или надзор) за поведением лиц, в отношении которых исполняется судебное решение о взыскании штрафа, осуществление профилактических мероприятий, направленных на предупреждение повторных преступлений. Индивидуальная профилактика, направленная на предупреждение совершения повторных преступлений лицами, приговоренными к штрафу, не предусмотрена как в Федеральном законе от 6 февраля 2023г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее: ФЗ «О пробации»)[3], так и в ряде нормативных правовых документов (с оговоркой)[4]. Отсутствие профилактической работы в отношении осужденных к штрафу, предполагается, в правосознании преступника не воспримется как уголовное наказание, что приведет недостижению целей уголовного наказания.

---

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. С. 198.

[2] «Об исполнительном производстве» Федер. закон Рос. Федерации от 2 окт. 2007г. № 229-ФЗ» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 4. С. 4849.

[3] «О пробации в Российской Федерации» Федер. закон от 6 февр. 2023г. № 10-ФЗ» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 6. С. 917.

[4] «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: Федер. закон от 23 июня 2016г. № 182-ФЗ» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26 (ч. I). С. 3851. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 20 мая 2009г. № 142 // «Рос. газета». 2009. 14 авг. № 151 О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений [Эл. ресурс]: приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 24 авг. 2023г. № 619. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Режим доступа: для авторизир. пользователей.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 7 февраля 2011г. № 3-ФЗ «О полиции»[5], основным направлением деятельности полиции является предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений. Согласно разделу VI приказа Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) от 29 марта 2019г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»[6] (далее – приказ МВД России № 205), участковый уполномоченный полиции (далее – УУП) не осуществляет контроль за поведением лиц, которые были приговорены к штрафу, и это в том случае, когда судимость снимается или погашается по истечении одного года после исполнения наказания. Согласно ст. 33 приказа МВД России № 205, УУП проводит индивидуальную профилактическую работу с лицами, совершившими умышленные преступления в отношении несовершеннолетних; допускающими правонарушения в семейно-бытовой сфере (ст. 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 УК РФ). Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (№ 10.3.1 «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов (приложение к отчету формы № 10.3») за 2023г. [13], к уголовному наказанию в виде штрафа (как основному виду) по ст. 112 УК РФ были привлечены 114 граждан, по ст. 115 УК РФ – 796 граждан, по ст. 116 УК РФ – 12, по ст. 117 УК РФ – 3, по ст. 119 УК РФ – 107, что в сумме составляет 1 тыс. 415 граждан. Эти данные составляют только 1,8% от всех граждан (76 тыс. 992 гражданина), привлеченных к наказанию в виде штрафа (как основному виду) за 2023г. Далее, согласно ст. 33.3 – приложения № 1 к приказу МВД России от 29 марта 2019г. № 205 МВД России, УУП посещает лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, по месту их жительства или пребывания не реже одного раза в квартал. Указанным лицам УУП может вручить официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо о недопустимости продолжения антиобществен-

[5] «О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февр. 2011г. № 3-ФЗ» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. С. 900.

[6] «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Эл. ресурс]: приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 29 марта 2019г. № 205». Опубликован на официальном интернет-портале правовой информации 04.07.2019 (Зарегистрирован 03.07.2019 № 55115). Дата опубликования: 04.07.2019. Номер опубликования: 0001201907040017.

ного поведения. Исходя из этого, можно полагать, что индивидуальную профилактику среди осужденных к наказанию в виде штрафа осуществляет МВД России силами УУП.

Конечно, в данном аспекте важное место занимает обеспечение социальной защиты этих лиц, но для достижения более положительных результатов здесь необходимо применить комплекс профилактических мер, которые обеспечат не только материальную сторону исправления, но и нравственную. Полагаем, что профилактическими беседами вполне реально убедить лицо в том, что финансовые трудности можно преодолеть законным путем, мотивировать этих лиц к работе (труду). Помимо этого, считаем немаловажным выявление лиц, поведение которых свидетельствует о возможности совершения повторных преступлений, с дальнейшей постановкой их на учет в службе УУП.

Подводя итоги, можем отметить, что в работе по предупреждению совершения повторных преступлений осужденными к штрафу следует применять как комплексные меры, направленные на социально-моральную поддержку осужденных к штрафу, так и меры по выявлению лиц, имеющих склонность к совершению преступлений. Стоит также подчеркнуть, что профилактическая работа с осужденными к штрафу требует совершенствования и массового применения, поскольку основная масса этих лиц ускользает от внимания правоохранительных органов после исполнения наказания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шаргородский М.Д.* Наказание в советском уголовном праве / М.Д. Шаргородский. М., 1958. С. 240.
2. *Болтин И.И.* Правда русская, или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. СПб., 1792. С. 138.
3. *Качаева Т.А.* Система наказаний уголовном праве России и зарубежных стран / Т.А. Качаева, И.А. Подройкина, С.И. Улезько. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2008. С. 151.
4. *Ленин В.И.* Полн. сбор. соч. / В.И. Ленин, Т. 35. С. 599.
5. *Погосян Т.Ю*. Штраф как мера уголовного наказания: учеб. пособ. / Т.Ю. Погосян. Свердловск, 1989. С. 48.
6. *Тадевосян З.А*. Штраф как мера наказания. Ер., 1978. С. 98.
7. *Кудрявцев В.Н.* Советское государство и право. 1987. № 8. С. 134.
8. *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций / П.П. Осипов. Л., 1976. С. 134.
9. *Коробеев А.И*. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А.И. Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. С. 160.
10. *Смолькова И.В.* Штраф как мера наказания по советскому уголовному праву. Иркутск, 1979. С. 22.

PREVENTION OF RE-OFFENDING SENTENCED TO A FINE AS THE MAIN FORM OF PUNISHMENT

S. Barsegian
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ABSTRACT

The prevention of repeat crimes certainly occupies an important place in the fight against crime. The article is devoted to the specifics of preventing repeated crimes committed by persons who were brought to criminal punishment without isolation from society, namely to a fine. The article points out the differences in the execution of this type of punishment in comparison with other types of criminal punishment not related to imprisonment.
Keywords: prevention; repeat crime; fine as the main type of punishment; correction.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-24-27

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОБЩИХ НАЧАЛ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РФ И РА

Э.Г. Егян

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Ереван
eliza_eghyan@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена сравнительно-правовому анализу назначения наказания в рамках уголовного права Российской Федерации и Республики Армения. Исследуются основные особенности законодательств обеих стран и уделяется внимание различиям и сходствам в подходах к уголовной ответственности, критериям назначения наказания и факторам, которые влияют на судебную практику.
Ключевые слова: уголовное право, сравнительно-правовой анализ, общие начала назначения наказания, соотношение общих начал назначения наказания и принципы уголовного законодательства.

Введение

Актуальность данной темы состоит в разнообразии правовых систем Российской Федерации и Республики Армении, изучение и сравнение которых позволит понять, насколько эффективно работают эти системы, поможет найти более оптимальные пути для обеспечения справедливости. Проведенный сравнительный анализ, в частности, позволит понять особенности законодательного регулирования общих начал назначения наказания, а также возможные пути развития уголовного законодательства Республики Армении и Российской Федерации в данной сфере.

Цель данного исследования – изучение и анализ норм уголовного законодательства РФ и РА, регулирующие общие начала назначения наказания, для выявления общих и отличительных черт, а также разработки практических рекомендации по совершенствованию законодательства.

Для достижения указанной цели было необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть статьи уголовных кодексов РФ и РА, которые регламентируют назначение наказания;
- изучить принципы уголовного права, которые влияют на назначение наказания;

- выявить общие и отличительные черты систем назначения наказания в РФ и РА.

Во всех системах уголовного права очевидна одна позиция: невиновный должен быть оправдан, а виновный должен быть наказан. Без наказания и связанными с ним институтами, с помощью которых закон определяет меру наказания и его исполнение, уголовное право не может существовать. Назначение наказания в уголовном праве является одним из ключевых аспектов, определяющих правоприменение, судьбу осужденного и эффективность борьбы с преступностью.

Ст. 69 Уголовного кодекса РА и ст. 60 Уголовного кодекса РФ посвящены общим началам назначения наказания.

Часть 1 ст. 69 УК РФ гласит, что лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание, которое определяется в пределах санкции соответствующей статьи особенной части настоящего Кодекса с учетом положений общей части настоящего Кодекса. Также в ч. 1 ст. 60 УК РФ написано, что лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, и с учетом положений Общей части настоящего Кодекса. Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания.

Обе статьи акцентируют внимание на назначении справедливого наказания лицу, который признан виновным в совершении преступления. Тут отражается принцип справедливости, которая предусматривается частями 1 ст. 6 УК РФ и ст. 7 УК РА.

Также в обеих статьях указано, что наказание определяется в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части, и с учетом положений Общей части, еще раз подчеркивая важность принципа законности, которая предусмотрена ст. 3 УК РФ и ст. 4 УК РА.

Так, ч. 2 ст. 69 УК РА гласит, что вид и размер наказания определяются характером и размером ущерба, причиненного преступлением, способом, местом, временем, мотивами и целями преступления, типом умысла или неосторожности, обстоятельствами, смягчающими и отягчающими ответственность и наказание, а также назначаемым наказанием, влияющим на процесс ресоциализации преступника и формирования правоприменительного поведения, а также на условия жизни его семьи.

В ч. 3 ст. 60 УК РФ установлено, что при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Исходя из вышесказанного можем полагать, что первое определение акцентирует внимание на характере и размере ущерба, а также на мотивах и целях преступления. Тут более детализировано рассматриваются условия совершения преступления, такие как способ, время и место. А второе определение фокусируется на общественной опасности преступления и личности виновного, подчеркивая более широкое понимание факторов, которые влияют на назначение наказания.

Структура первого определения также включает тип умысла и неосторожности. Несмотря на это, обе статьи еще раз подчеркивают важность принципа справедливости.

В УК РФ есть ч. 3 ст. 60, которая отдельно предусматривает, что при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. В УК РА это включается в часть 2.

В свою очередь в ст. 69 УК РА имеется часть 4, предусматривающая, что порядок и условия исполнения наказания устанавливаются уголовно-исполнительным законодательством Республики Армения, которая отсутствует в ст. 60 УК РФ.

В итоге отметим, что оба определения подчеркивают важные правила назначения наказания.

Таким образом можем сказать, что основной акцент на назначение справедливого наказания подтверждает, что обе страны стремятся к обеспечению справедливости, а важность принципа законности свидетельствует о необходимости строгого соблюдения законодательных норм.

В обеих странах предусмотрены условия для учета характера преступления и личности виновного.

Также, исследование назначения наказания в уголовном праве двух стран показывает, что обе системы стремятся к гуманизации правоприменения. В России это проявляется в смягчении наказаний, а в Армении – в акценте на реабилитацию.

Сравнительный анализ назначения наказания уголовным законодательством Российской Федерации и Республики Армения показывает, что обе страны сталкиваются с общими проблемами, связанными с обеспечением справедливости, эффективности и гуманности систем назначения наказания. Однако существуют отличительные особенности, обусловленные особенностями исторического развития, правовыми системами и социально-экономическими факторами. Несмотря на все трудности, обе страны продолжают работать над совершенствованием систем назначения наказания, что является залогом эффективной борьбы с преступностью и укрепления правового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024).
2. Уголовный кодекс Республики Армении от 05.05.2021.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE GENERAL PRINCIPLES OF SENTENCING UNDER THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF ARMENIA

E. Yeghyan
Branch of Lomonosov Moscow State University in Yerevan

ABSTRACT

The main features of the legislation of the two countries are considered, and attention is paid to differences and similarities in approaches to criminal liability, criteria for sentencing and factors affecting judicial practice.
Keywords: Criminal law, comparative legal analysis, general principles of sentencing, correlation between the general principles of sentencing and the principles of criminal legislation.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-28-35

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОГРАНИЧЕННОЙ ВМЕНЯЕМОСТИ И ПРАКТИКА ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ

Н.Ю. Зограбян, Ю.А. Падарян

Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт права
naira.zohrabyan@rau.am, yulia.padaryan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема определения ограниченной вменяемости в контексте уголовного права. Проведен сравнительный анализ подходов к термину «ограниченная вменяемость» в законодательстве Российской Федерации и Республики Армения, с акцентом на ст. 22 УК РА. Особое внимание уделено практическому применению этой статьи в Армении.

В рамках исследования проведен опрос специалиста в области судебно-психиатрической экспертизы, чтобы выявить критерии диагностики и особенности установления ограниченной вменяемости. Результаты исследования демонстрируют существующие трудности в теоретическом и практическом аспектах данного понятия, а также подчеркивают необходимость унификации подходов на международном уровне.

Ключевые слова: ограниченная вменяемость, вменяемость, невменяемость, психические аномалии, уголовная ответственность.

Введение

Вопрос определения ограниченной вменяемости играет ключевую роль в юридической практике, поскольку влияет на степень ответственности лица за преступление. В уголовном праве разных стран подходы к этому термину различаются: в России он отсутствует, тогда как в Армении закреплен в ст. 22 УК РА. Ограниченная вменяемость подразумевает состояние, при котором лицо частично осознает характер своих действий, но не может ими в полной мере руководить из-за психического расстройства. Это создает сложности в правоприменении и ведет к неопределенности. Исследование включает сравнительный анализ подходов к ограниченной вменяемости в разных странах, а также опрос специалиста медицинского института Армении для выявления проблем ее установления. Это поможет определить наиболее эффективные правовые механизмы, обеспечивающие справедливость и правовую определенность.

Материалы и методы

Рассмотрим доктринальные подходы к определению понятий вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости.

Классический подход к этому определению традиционно опирается на критерии, установленные в уголовном праве: способность лица осознавать характер своих действий и руководить ими. В этом подходе выделяются два ключевых элемента: интеллектуальный и волевой.

Интеллектуальный элемент касается способности осознавать сущность совершенных действий и их правовые последствия, а волевой – способности контролировать свои поступки. Если эти элементы нарушены в полной мере, лицо может быть признано невменяемым[1].

Психиатрический подход акцентирует внимание на различных психических расстройствах, которые могут влиять на способность лица осознавать или контролировать свои действия. В этом подходе рассматриваются различные состояния психических заболеваний (например, шизофрения, эпилепсия, психозы), которые могут повлиять на способность лица отличать правомерное от противоправного. В случае частичных расстройств, когда нарушения психики не приводят к полному отсутствию вменяемости, может быть установлена ограниченная вменяемость[2].

Ограниченная вменяемость – это термин, который обозначает психическое состояние, при котором лицо осознает характер своих действий, но не в полной мере может их контролировать. Это состояние наблюдается при различных психических заболеваниях, где интеллект сохранен, но волевая сфера нарушена. В таких случаях лицо может быть признано ограниченно вменяемым, что означает его частичную ответственность за совершенное правонарушение.

В юридической и медицинской литературе употребляются также следующие термины, обозначающие психическое расстройство, не исключающее вменяемости: «уменьшенная», «пограничная», «относительная», «частичная» вменяемость.

Уменьшенная вменяемость часто используется для обозначения состояния, когда психическое расстройство лица снижает его способность осознавать или контролировать свои действия, но не влечет за собой полного отказа

---

[1] *Мацкевич И.М., Аветисян С.С., Чучаев А.И.* Уголовное право Армении и России. М., «Контракт», 2014.

[2] *Сирожидинов Д.В.* Ограниченная вменяемость: проблемы теории и практики. Екатеринбург, 1998.

от ответственности. В этом случае лицо может быть признано частично ответственным за свои поступки, но с учетом смягчающих обстоятельств.

Пограничная вменяемость описывает состояние, когда лицо находится на грани между нормальным состоянием и состоянием, при котором оно не способно полностью осознавать или контролировать свои действия. Этот термин часто применяется к людям с психическими расстройствами, которые могут изменяться в зависимости от состояния психики. В таких случаях может возникнуть трудность в точном определении вменяемости, так как осознание и контроль могут быть нарушены лишь частично[3].

Нужно отметить, что данные концепции не получили широкой поддержки.

Н.С. Таганцев признавал, что и способность познавать и понимать окружающие нас явления, и способность оценивать познанное допускают весьма различные оттенки, что эти оттенки могут вялить на ответственность.

Но они «не могут рассматриваться как особый вид или даже особый оттенок вменяемости, так как в этом отношении существует только двоякая возможность: или признать, что в данном случае существуют условия, устраняющие вменяемость, или установить, что таковые отсутствуют. В первом случае виновный освобождается от ответственности, во втором подлежит наказанию; признать какое-либо третье, посредствующее состояние мы не можем ни теоретически, ни практически».

Таганцев отмечает, что в юридическом контексте нельзя вводить промежуточные состояния между этими категориями, так как это нарушает четкость и логику правовых норм[4].

Среди противников уменьшенной вменяемости был и один из основоположников судебной психиатрии профессор Московского университета В.П. Сербский. Он писал: «Введение в законодательство этого понятия при невозможности дать какую-либо правильную мерку для приложения его на практике вызвало бы значительные недоразумения и дало бы ложное направление разрешению вопроса о невменяемости, который допускает только два решения: или человек обладал свободой действия – и тогда он вменяем, или же он не обладал ею – и тогда он невменяем»[5].

Сравнительный анализ подходов к понятию ограниченной вменяемости в уголовном праве Армении, России, Великобритании и Японии показывает

---

[3] *Мацкевич И.М., Аветисян С.С., Чучаев А.И.* Уголовное право Армении и России. М., «Контракт», 2014. С. 140.

[4] *Сербский Вл.* Судебная психопатология. Вып. 1. М., 1896. С. 154.

[5] *Сербский Вл.* Судебная психопатология. Вып. 1. М., 1896. С. 44.

значительные различия в его правовом регулировании. В Уголовном кодексе Армении ст. 22 четко выделяет ограниченную вменяемость как самостоятельную категорию. Лицо признается ограниченно вменяемым, если оно осознает характер своих действий, но не может полностью их контролировать из-за психического расстройства. Это положение позволяет суду учитывать различные степени расстройства психики и устанавливать более индивидуализированное наказание для лиц, страдающих психическими заболеваниями, с сохранением частичной ответственности.

В российском уголовном праве данный термин отсутствует. Статья 21 УК РФ регулирует вопросы невменяемости, признавая таковым лицо, которое не осознавало характер своих действий или не могло ими руководить вследствие психического расстройства. Статья 22 УК РФ регулирует вопросы, когда психическое расстройство не полностью исключает осознание или контроль над действиями, и суд может учитывать это как смягчающее обстоятельство при назначении наказания. Однако в законодательстве России отсутствует отдельное определение данного состояния.

В Великобритании психическое состояние обвиняемого рассматривается в рамках принципа «ответственности за преступление». В английском праве существует понятие “diminished responsibility” (уменьшенная ответственность), которое аналогично ограниченной вменяемости и применяется в случаях, когда обвиняемый страдает психическим расстройством, снижающим его способность осознавать свои действия или контролировать их. Это может привести к смягчению наказания и переводу обвиняемого в специализированные учреждения для лечения. При этом данный термин используется в качестве смягчающего обстоятельства, а не признака полной невменяемости[6].

В Японии согласно статье 39 УК, действие, совершенное психически ненормальным лицом, признается ненаказуемым, а за действия, совершенные слабоумным, наказание подлежит смягчению. Японское законодательство не содержит четких юридических критериев, определяющих, как должно быть установлено психическое состояние обвиняемого, что оставляет определенную гибкость в применении этих норм. Если психическое расстройство ограничивает осознание или контроль над действиями, суд может учесть это как смягчающее обстоятельство при вынесении приговора.[7]

---

[6] *Аистова Л.С., Краев Д.Ю.* Уголовное право зарубежных стран. Уч. пособие, 2-е изд., перераб. С-Пб., 2020. С. 61.

[7] Там же. С. 101.

Анализ ответов эксперта демонстрирует, что термин «ограниченная вменяемость» является значимым элементом судебной практики, однако его применение сопряжено с определенными трудностями. Критерии этого состояния включают широкий спектр психических расстройств, таких как легкая умственная отсталость, расстройства личности, шизофрения в ремиссии и другие состояния, что требует тщательного подхода к его определению.

Эксперт отмечает, что термины «ограниченная», «уменьшенная» и «пограничная вменяемость» часто используются как синонимы, однако их правовая интерпретация может различаться, что создает необходимость в четкости формулировок и единообразии правоприменения.

Отсутствие специфических психиатрических тестов для точной оценки способности осознавать и контролировать свои действия делает диагностику ограниченной вменяемости сложной и во многом субъективной. Тем не менее, судебная практика требует учета данного состояния, поскольку оно позволяет более справедливо и индивидуально подходить к назначению наказания.

Влияние внешних факторов, таких как стресс и травмы, также играет важную роль в экспертной оценке и может изменять клиническую картину психических расстройств, что усложняет установление ограниченной вменяемости. Однако это не отменяет необходимости ее применения в судебно-психиатрической практике.

Таким образом, несмотря на сложности в трактовке и правоприменении, ограниченная вменяемость остается важным инструментом уголовного права, позволяющим учитывать особенности психического состояния лица при назначении наказания и обеспечивать справедливость судебных решений.

Судебная практика, связанная с применением статьи 22 УК РА, остается крайне ограниченной, несмотря на ее законодательное закрепление. Формулировка «ограниченная вменяемость» официально присутствует в уголовном праве Армении, однако ее фактическое использование в судебных решениях встречается крайне редко. Это может свидетельствовать о нескольких проблемах: сложности определения данного состояния, недостаточности методических разработок для его квалификации, а также возможной осторожности судебных органов в применении нормы, имеющей столь неоднозначное толкование.

Отсутствие устоявшейся судебной практики приводит к правовой неопределенности, затрудняя предсказуемость решений по делам, связанным с лицами, имеющими частичное расстройство психики. В условиях отсутствия единообразных подходов к применению статьи 22 УК РА суды вынуждены опираться на индивидуальные экспертные заключения, которые могут носить субъективный характер. Это создает риск различной трактовки одних и тех же

случаев в зависимости от состава судебно-психиатрической комиссии, что снижает правовую определенность и предсказуемость судебных решений.

Кроме того, недостаток систематизированной судебной практики затрудняет разработку унифицированных критериев, на которые могли бы ориентироваться как эксперты, так и судьи. Это также влияет на эффективность защиты прав лиц, подпадающих под действие данной нормы, поскольку в условиях размытости правоприменения они могут оказаться в неравном положении в зависимости от конкретных обстоятельств дела и интерпретации суда.

Данная ситуация подчеркивает необходимость более детального анализа применения статьи 22 УК РА, разработки унифицированных методологических рекомендаций и совершенствования нормативной базы. Только комплексный подход, включающий как юридическое, так и судебно-психиатрическое регулирование, позволит обеспечить эффективное и справедливое применение данного института в уголовном праве Армении.

Понятие «ограниченная вменяемость» продолжает вызывать правовую неопределенность в связи с его сложным и многозначным определением, а также разнообразием психических расстройств, которые могут быть отнесены к этому состоянию. Важно отметить, что это явление не является статичным и представляет собой широкий спектр состояний, варьирующихся от легких психических отклонений до серьезных расстройств, что делает задачу его точного правового оформления и применения крайне сложной. Неопределенность, которая возникает из-за недостаточно четких критериев, существенно затрудняет правоприменительную практику и препятствует созданию последовательной правовой логики. В особенности это проявляется в вопросах, касающихся индивидуализации ответственности, что является ключевым аспектом правосудия.

Отсутствие ясных и согласованных подходов к определению «ограниченной вменяемости» приводит к правовой путанице и ошибкам при применении уголовного законодательства, что затрудняет не только правосудие, но и защиту прав и свобод граждан. В юридической теории выдающиеся ученые, такие как Н.С. Таганцев и В.П. Сербский, выражали свою оппозицию введению промежуточных категорий между полным осознанием (вменяемостью) и отсутствием вменяемости, считая, что это нарушает четкость и логику правовых норм. Таганцев, например, подчеркивал, что в правовой практике должно быть четкое разграничение между лицами, которые способны осознавать свои

действия и нести за них ответственность, и теми, кто не может быть признанными ответственными из-за серьезных психических заболеваний.[8]

Тем не менее, в некоторых странах, таких как Армения и Великобритания, использование термина «ограниченная вменяемость» стало важным инструментом для создания более гибкого подхода к правосудию. Этот термин позволяет учитывать не только наличие психических заболеваний, но и степень их влияния на способность обвиняемого осознавать свои поступки. Это, в свою очередь, способствует более точной индивидуализации ответственности, поскольку суд может учитывать особенности психического состояния конкретного обвиняемого, а также степень его вины. Такой подход позволяет обеспечить более справедливую оценку поведения, учитывая, что степень психического расстройства может значительно варьироваться и не всегда полностью исключает возможность осознания своих действий.

Однако в странах, таких как Россия и Япония, этот термин отсутствует в юридической практике, что приводит к строгому разграничению между состояниями вменяемости и невменяемости. В этих системах закон четко определяет, кто является вменяемым и кто невменяемым, исключая возможность промежуточных состояний, что, с одной стороны, упрощает правоприменение, но с другой – может привести к неоправданной жестокости по отношению к тем, кто, несмотря на наличие психических отклонений, способен осознавать некоторые аспекты своих действий.

Но также стоит учитывать, что ст. 22.1 УК РФ подразумевает уголовную ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, что является более четким определением данного состояния.

Мы полагаем, что явление, обозначаемое термином «ограниченная вменяемость», действительно имеет место в правовой и медицинской практике. Оно отражает существующую градацию психических состояний, и игнорирование этого феномена может привести к недооценке факторов, влияющих на поведение человека. При этом использование данного термина, несмотря на его практическую значимость, создает проблемы для правоприменения. Отсутствие четкого и единого понимания содержания этого термина и его критериев приводит к разногласиям в судебной практике и затрудняет разработку методических рекомендаций, которые могли бы быть использованы экспертами при проведении судебно-психиатрических экспертиз.

Особое внимание следует уделить вопросу индивидуализации ответственности, который является важнейшей составляющей правосудия. Каждый

[8] *Сербский Вл.* Судебная психопаталогия. Вып. 1. М., 1896.

случай применения статьи 22 УК РА должен рассматриваться с учетом конкретных особенностей психического состояния обвиняемого, что позволит более точно и справедливо оценить его вину и степень ответственности. Индивидуализация ответственности, в свою очередь, способствует более справедливому подходу в уголовном праве, когда санкции или наказания могут быть адаптированы под реальные возможности и ограничения субъекта.

Кроме того, важным шагом в этом направлении является глубокий анализ международного опыта. Изучение практики других стран, где термин «ограниченная вменяемость» используется в праве, позволит выработать более четкие и гибкие критерии, которые могут быть адаптированы к национальной правовой системе. Важно подчеркнуть, что внедрение гибкости в правовую практику способствует не только улучшению правоприменения, но и обеспечивает более справедливое и гуманное отношение к тем, кто в силу психических расстройств может не осознавать всех последствий своих действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мацкевич И.М., Аветисян С.С., Чучаев А.И.* Уголовное право Армении и России. М., «Контракт», 2014.
2. *Сирожидинов Д.В.* Ограниченная вменяемость: проблемы теории и практики. Екатеринбург, 1998.
3. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право в 2-х ч. Часть 2. М.: Изд-во «Юрайт», 2025.
4. *Сербский В*. Судебная психопатология. Вып. 1. М., 1896.
5. *Аистова Л.С., Краев Д.Ю.* Уголовное право зарубежных стран. Уч. пособие. 2-е изд., перераб. С-Пб., 2020.

PROBLEMS OF DEFINING DIMINISHED RESPONSIBILITY AND ITS APPLICATION PRACTICE

N. Zohrabyan, Y. Padaryan
Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of Law

ABSTRACT

The article examines the problem of defining diminished responsibility in the context of criminal law. A comparative analysis of approaches to the term “diminished responsibility” in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Armenia, with a focus on Article 22 of the RA Criminal Code, is conducted. Special attention is paid to the practical application of this article in Armenia. As part of the study, a survey of a forensic psychiatric expert was conducted to identify the diagnostic criteria and peculiarities of establishing diminished responsibility. The results of the study highlight existing theoretical and practical difficulties of this concept and emphasize the need for unified approaches at the international level.

Keywords: diminished sanity, sanity, insanity, mental abnormalities, criminal liability.

ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-36-42

ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СБЛИЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ю.В. Айрапетян

Российско-Армянский (Славянский) университет
yuriy-ayrapetyan@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены основные правовые инструменты сближения в рамках гражданского процессуального права на евразийском пространстве, проведен сравнительный анализ их функционирования и влияния на законодательные системы, выявлены необходимые направления совершенствования, сделаны соответствующие предложения.

Ключевые слова: правовые инструменты, правовая интеграция, гражданское процессуальное право, ЕАЭС, международное право.

Введение

Многолетний опыт функционирования некоторых интеграционных объединений ярко демонстрирует тот факт, что сближение правовых систем государств-участников является важным показателем развития интеграционного объедения, поскольку расширение внутреннего рынка и реализация принципов свободы движения услуг и капитала пропорционально приводят к увеличению количества правовых конфликтов, выходящих за границы одного государства, тем самым осложненных иностранным элементом.

Исследование современных интеграционных процессов показывает, что вышеуказанные явления, а именно расширение и усиление экономических процессов на внутренних рынках и реализация принципов свободы движения услуг и капитала так или иначе приводят и к сближению гражданского процессуального права, которое преимущественно является основным направлением нашей научной активности. Крайне нежелательным видится ограничение внутренней торговли из-за сильно разнящихся между собой гарантий до-

ступности правосудия и содержания права на судебную защиту. По этой причине сопоставимые между собой положения процессуального законодательства отдельных государств-участников о защите прав и законных интересов в порядке процессуального права, в частности, гражданского процесса не менее важны, чем сближение материального права.

Если сближение гражданского процессуального права на европейском пространстве осуществлялось по общему правилу, по нарастающей, путем интенсификации интеграционных и правовых процессов (через смену различных инструментов сближения), то на постсоветском пространстве динамика была не столь очевидной. Высокая активность государств в сфере гражданского процесса наблюдалась, как это ни парадоксально, в самой начальной степени интеграции, а именно во времена СНГ. Возникновение углубленной экономической интеграции в рамках ЕврАзЭС, а вслед за ним и ЕАЭС, кардинально не отразилось на наращивании процессов сближения в рассматриваемой сфере.

Данный факт обосновывает особую актуальность комплексного сравнительно-правового анализа понятия инструментов сближения гражданского процессуального права в рамках ЕАЭС.

В отечественной научной литературе есть множество определений сближения права, так, например, под сближением права понимается многогранное правовое явление, проявляющееся в двух взаимосвязанных, но различающихся по своему содержанию процессах – унификации и гармонизации права (видовые понятия). При этом подчеркивается, что сближение суть деятельность или процесс, целью которого выступает создание, введение в действие и обеспечение применения сходных или идентичных правовых предписаний, обеспечивающих стирание различий в правовой регламентации отношении определенного типа для удобства осуществления трансграничных отношений.

Но, на наш взгляд, наиболее полно отражает всю суть и значимость рассматриваемой категории, дефиниция, которая была предложена К.Л. Брановицким, по его мнению, сближение права есть процесс, имеющий своей целью преодоление различий в отдельных правопорядках путем создания близких, но не идентичных правовых норм. В отличие от унификации, которая располагает единственным инструментарием (создание идентичных норм), сближение права также возможно путем принятия общих принципов, минимальных стандартов, модельных законов и т.д. [2].

Таким образом, если сближение права – это процесс сближения правопорядков путем преодоления различий и расхождений, то основными правовыми инструментами достижения определенного уровня сближения следует

считать такие известные в международном праве правовые средства как, международный договор, мягкое право, модельные законы и кодексы и наднациональное право. Рассмотрим значение и перспективы функционирования каждого правового инструмента в рамках евразийской интеграции.

Международный договор. Как известно, Евразийский экономический союз был учрежден Договором о Евразийском экономическом союзе, который призван обеспечить экономический прогресс путем совместных действий, направленных на решение стоящих перед государствами – членами Евразийского экономического союза общих задач по устойчивому экономическому развитию, всесторонней модернизации и усилению конкурентоспособности национальных экономик в рамках глобальной экономики. Значение данного договора врядли можно переоценить и, не останавливаясь подробно на безусловных достоинствах данного правового инструмента сближения права, хотелось бы сделать акцент на наличии потенциальных недостатков, которые, впрочем, присущи многим ключевым международным договорам в рамках функционирования интеграционных объединений.

- **Преобладание политической ориентированности**, которая выражается в том, что представители договаривающихся сторон действуют исключительно в рамках полномочий и указаний от главы государства или министра иностранных дел, а при обсуждении конкретных вопросов зачастую преобладают политические мотивы, а не предметная аргументация.
- **Дипломатический конформизм**. Конформистский характер международного договора, в особенности, если это результат консенсуса всех или большинства сторон (при многосторонних соглашениях), влечет, в свою очередь, сложность любого последующего изменения текста принятого документа, потому что стороны, примкнувшие к инициативе, будут ждать последующих предложений в первую очередь именно от инициатора и только потом проявлять самостоятельность.
- **Склонность к статике**. Учитывая скорость развития гражданского оборота, потребность в периодическом обновлении и совершенствовании отдельных институтов права, правовой инструмент под названием «международный договор» ввиду его неповоротливости и тяжести больше склонен к статике, чем к динамике.
- **«Мягкое право».** Появившееся еще в прошлом веке явление «мягкого права» является предметом острых дискуссий на всем протяжении

своего существования. Как известно, «мягкое право» представляет собой правила поведения, не являющиеся общеобязательными, не имеющими публичный характер, однако которые могут выступать в качестве регулятора отношений, создавая практический или правовой эффект. В гражданском процессуальном праве случаи включения типовых договорных конструкций «мягкого права» в процессуальные отношения редки, что вытекает из общеобязательного характера норм процессуального права. Однако расширение сфер действия принципов диспозитивности и состязательности сторон, путем усиления уровня договорной свободы сторон в некоторых сферах гражданского процесса (например, в вопросах договорной и альтернативной подсудности) может поспособствовать большему использования этого инструмента сближения права. Особенно важно изучение вопросов влияния «мягкого права» на правовые системы государств – членов ЕАЭС.

- **Модельные законы и кодексы**. 30 сентября в Ереване проходил III Евразийский экономический форум. На тематической сессии «Единый рынок труда: перспективы развития» были представлены модельные законы и кодексы, разработанные Межпарламентской Ассамблеей СНГ в сфере занятости населения, миграции и социальной защиты трудящихся. На сессии обсуждались возможность прогнозирования потребностей рынка труда, признание профессиональных навыков трудящихся при межгосударственном трудоустройстве, трансграничное непрерывное профессиональное развитие работников, роль общественных организаций в функционировании единого рынка трудовых ресурсов, а также вопросы охраны здоровья трудящихся мигрантов и членов их семей. Среди наиболее важных документов были представлены модельные Трудовой и Миграционный кодексы, принятые Ассамблеей в 2020 и 2021гг. В этой связи нельзя не вспомнить Модельный кодекс гражданского судопроизводства СНГ, который был разработан и принят 16 июня 2003г. постановлением Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. Одновременно с ним была принята его структура. Документ был разработан с учетом опыта зарубежных стран, где правосудие по гражданским и экономическим делам осуществлялось по единым процессуальным регламентам. Впоследствии некоторые страны СНГ практически скопировали положения модельного кодекса в национальные кодексы с минимальными изменениями и дополнениями. Та-

ким образом, в отличие от международных договоров, которые допускают возможность выбора национальным законодателем ратифицировать договор или нет, модельные законы, как инструменты правового сближения, позволяют законодателю по собственному усмотрению и политическому настроению обновить или частично имплементировать нормы модельных законов в национальное законодательство.

- **Наднациональное право**. Пожалуй, самым важным инструментом или даже апогеем в процессе сближения права в рамках ЕАЭС следует считать превращение ЕАЭС в супранациональное интеграционное объединение с автономной системой наднационального права, когда правовые акты Союза непосредственно создают у граждан Союза права и обязанности в той или иной сфере. Делегировав полномочия на уровень Союза, государства-участники теряют возможность их осуществления на межгосударственном уровне, что будет означать приоритет действия актов ЕАЭС. В таких условиях представляется возможным создание принципиально новых видов евразийского гражданского судопроизводства, действующих во всех государствах-участниках ЕАЭС (приказное производство, ускоренное производство, упрощенное производство). Безусловно, процесс создания евразийского наднационального права крайне трудоемкий, долгий и противоречивый и воспринимается некоторыми государствами достаточно настороженно, особенно в вопросах суверенитета, однако, исходя из возможных в ближайшее время тенденций сближения права в рамках гражданского процесса, хотелось бы выделить формирование единого подхода к праву на судебную защиту и доступность правосудия в рамках ЕАЭС.

Так, на V Международной конференции Суда Евразийского экономического союза «Обеспечение эффективности доступа к правосудию в ЕАЭС», прошедшей 17 ноября 2022г., председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Михаил Мясникович высказал ряд предложений в отношении совершенствования системы правосудия в Евразийском экономическом союзе, в числе которых прозвучало следующее: «доступность правосудия является базовым элементом любой правовой системы, обеспечивающим восстановление нарушенных прав и свобод заинтересованных лиц, не является исключением и наш Союз. Соответствующие институциональные положения реализованы в Договоре о ЕАЭС и позволяют субъектам хозяйствования отстаивать свои интересы в судебном порядке. Безусловно, ведущая роль в фор-

мировании эффективного и доступного правосудия в нашем Союзе принадлежит Суду ЕАЭС» [3].

И с ним трудно не согласиться, в правовых позициях Суда Союза не раз подчеркивалось, что право хозяйствующего субъекта на обращение в Суд Евразийского экономического союза, и, соответственно, на доступ к правосудию также закреплено положением подпункта 18.2 пункта 18 «Порядка рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений Евразийской экономической комиссии, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии», утвержденного Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 марта 2013г. № 46 (в редакции решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020г. № 179) и гарантированного конституциями всех государств-членов Союза, Всеобщей декларацией прав человека, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, Международным Пактом о гражданских и политических правах, Договором и Статутом Суда и другими актами международного и национального права.

В целом, если под доступностью правосудия в рамках ЕАЭС понимать, установленную законом совокупность необходимых правовых, процессуальных, социально-экономических и иных институциональных гарантий, позволяющих каждому беспрепятственно реализовывать свое право на судебную защиту и восстановление нарушенного права, то можно прийти к выводу о том, что закрепленные в Договоре о ЕАЭС механизмы в принципе обеспечили базовую доступность правосудия для хозяйствующих субъектов [1]. Однако, по словам Михаила Мясниковича, например, необходимо устранить пробел в праве Союза, который не позволяет определенной категории физических лиц получить судебную защиту. Речь о тех, кто может привлекаться к ответственности за нарушение требований союзного антимонопольного законодательства. Следует расширить компетенцию Суда в этой части, обеспечив доступ к правосудию таким лицам. Как известно, Комиссия совместно с государствами-членами уже приступила к подготовке соответствующих изменений в Договор о ЕАЭС.

Стремление ЕАЭС сделать право на судебную защиту в рамках системы союзного права более доступным для хозяйствующих субъектов совершенно оправдано, ведь от этого напрямую зависит успех всего интеграционного объединения. Но в этом вопросе, на наш взгляд, важно понимать, насколько доступным является правосудие в государствах-членах ЕАЭС. Процесс «евразиации», в том числе и правовой, должен носить взаимный и взаимодополняющий характер. Уровень доступности правосудия в национальных правовых

системах непосредственно влияет на общесоюзный уровень доступности правосудия и наоборот.

Считаем, что в числе основных тенденций формирования единого подхода к праву на судебную защиту и доступность правосудия в ближайшие годы в рамках евразийской интеграции на национальном уровне должно стать совершенствование таких институтов-критериев доступности правосудия, как: 1) постатейное закрепление принципа доступности правосудия в процессуальном законодательстве; 2) право на бесплатную юридическую помощь; 3) размеры государственной пошлины, а также льготы по ее уплате при подачи заявлений в суд; 4) цифровизация судебного разбирательства. Указанные институты до сих пор имеют ряд принципиальных отличий в государствах-членах.

Плюс ко всему в ближнесрочной перспективе хозяйствующие субъекты могут быть наделены правом обжалования любого правового акта, принятого в рамках ЕАЭС, в том числе и актов Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айрапетян Ю.В.* Принцип доступности правосудия в системе принципов гражданского процессуального права / Ю.В. Айрапетян // «Научные труды. Российская академия юридических наук». Вып. 15. М.: Общество с ограниченной ответственностью. М.: Изд-во «Юрист», 2015. С. 822.
2. *Брановицкий К.Л.* Сближение (гармонизация) гражданского процессуального права в рамках Европейского союза и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект). М.: «Статут», 2018. 17с.
3. Обеспечение эффективности доступа к правосудию в ЕАЭС: Междунар. конф. (г. Минск, 17–18 ноября 2022г.): сб. материалов / «Суд Евразийского экономического союза», ред. А.С. Бугаева [и др.]. Мн.: «Колорград», 2023, 18с.

LEGAL INSTRUMENTS FOR THE CONVERGENCE OF CIVIL PROCEDURE LAW IN THE EURASIAN SPACE

Yu. Airapetyan
Russian-Armenian (Slavonic)University

ABSTRACT

This article examines the main legal instruments of convergence within the framework of civil procedure law in the Eurasian space, provides a comparative analysis of their functioning and impact on legislative systems, identifies the necessary areas of improvement, and makes appropriate proposals.

Keywords: legal instruments, legal integration, civil procedure law, EAEU, international law.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-43-48

КОНСТИТУТИВНОЕ (ВОЛЕЗАМЕЩАЮЩЕЕ) РЕШЕНИЕ СУДА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА

О.С. Гончарова

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева
goncharova.olga.s@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу предлагаемых законодательных поправок о защите прав сторон корпоративного договора путем вынесения судом конститутивного (волезамещающего) решения, в основе которого находится замещение судом воли ответчика, не исполнившего либо исполнившего ненадлежащим образом обязанность голосовать по корпоративному договору. Автором исследуются правовые основы признания недействительным решения общего собрания акционеров на основании удовлетворения требования истца о волезамещении стороны акционерного соглашения и признании нового решения общего собрания участников принятым с момента вступления в законную силу волезамещающего решения.

Ключевые слова: волезамещающее решение суда, защита прав акционеров, корпоративный договор, акционерное соглашение.

Предпосылки введения волезамещающего решения суда в корпоративное законодательство. Министерство экономического развития Российской Федерации в своих законопроектах № 02/04/11-21/00122141 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] и № 02/04/11-21/00122129 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [2] предлагает ввести в гражданское и корпоративное законодательство институт волезамещающего решения суда в качестве способа защиты прав участников корпоративного договора.

Статью 32.1 Федерального закона № 208-ФЗ от 26.12.1995г. «Об акционерных обществах» предлагается дополнить пунктом 8 следующего содержания: «Нарушение стороной акционерного соглашения обязанности при принятии решения (решений) общего собрания акционеров осуществить право голоса определенным образом может являться основанием для признания арбитражным судом по иску другой стороны акционерного соглашения голосования такой стороны акционерного соглашения недействительным или признания ее проголосовавшей предусмотренным в акционерном соглашении образом».

В настоящее время участники корпорации, заключившие акционерное соглашение, могут требовать возмещения причиненных нарушением соглашения убытков, взыскания неустойки (штрафа, пеней), выплаты компенсации или применения иных мер ответственности в связи с нарушением акционерного соглашения (абзацу 2 пункта 7 статьи 32.1 «Закона об АО»).

Взыскание убытков или неустойка подходят для обеспечения денежных обязательств корпоративного договора. Вместе с тем корпоративный договор чаще содержит неденежные обязательства участников корпорации друг перед другом, такие как голосовать определенным образом; номинировать кандидатов в качестве членов совета директоров, отвечающих определенным критериям; правила разрешения сложившихся в корпорации «тупиковых» ситуаций.

Для таких корпоративных соглашений не характерна классическая возмездность по формуле «ты мне – я тебе», в них отсутствует ярко выраженная синаллагма, нет прямого экономического эквивалента. Проблема взыскания убытков при нарушении условий корпоративного договора, имеющих неимущественный характер, состоит в сложности, а порой и невозможности доказывания не только размера, а вообще самого факта причинения ущерба для стороны корпоративного соглашения акционером-нарушителем [3, СС. 592–593]. В итоге участник корпоративного договора лишен возможности возмещения убытков, т.к. их либо в принципе нет, либо их наступление потенциально возможно лишь в отдаленном будущем.

Сущность конститутивного решения суда. В науке цивилистического процесса конститутивные решения предполагают удовлетворение притязания истца о совершении ответчиком определённых действий, в основе которых лежит замещение судом воли стороны, когда возникает необходимость создать волеизъявление помимо и вместо воли ответчика, признав его замещающим отсутствующее должное волеизъявление [4, с. 305].

Согласно пункту 1 ст. 308.3, ст. 396 ГК РФ в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено ГК РФ, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства.

Представляется, что конститутивное судебное решение, изменяющее голосование акционера-должника, является действенным средством защиты истца. Обоснованием такого решения является главный постулат обязательственного права: “pacta sunt servanda” – обязательства, в том числе неденежные корпоративные, должны исполняться надлежащим образом.

«Преобразовательный» эффект волезамещающего решения суда. Согласно законопроектам, признание стороны акционерного соглашения проголосовавшей определенным образом является основанием для признания недействительным решения общего собрания акционеров, принятого по итогам прежнего голосования и признания нового решения общего собрания акционеров принятым с момента вступления в законную силу соответствующего решения суда при условии, если на момент принятия решения все лица, голосовавшие «за» его принятие, знали или должны были знать о нарушении корпоративного договора (за исключением лиц, чье голосование заведомо не могло повлиять на принятие решения), и такое нарушение повлияло на кворум или на необходимое для принятия оспариваемого решения количество голосов.

Фактически требование о волезамещении стороны корпоративного договора входит составной частью в другой иск – иск о признании решения общего собрания недействительным. Думается, что удовлетворение требования о понуждении к исполнению обязанности из корпоративного договора в натуре не должно ставиться в зависимость от того, какой был исход голосования общего собрания акционеров.

Гурвич М.А. подчеркивает, что решение о замещении волеизъявления нельзя рассматривать как некий юридический суррогат: оно обладает самостоятельным значением, обладает повышенной силой (неоспоримостью, неизменяемостью). Его предметом ***не является преобразовательное правомочие*** (выделено мной – О. Г.), и его действие не «изменяет» ранее существующее правоотношение, а создает не достигнутый сторонами индивидуальный (для данного случая и данных сторон) регламент [4, сс. 309–310].

Полагаем, что суд своим конститутивным решением должен лишь «подвернуть болтик» во всем механизме голосования путем замещения воли акционера-нарушителя на голосовании. Эффект должен касаться лишь голоса конкретного акционера – того, кто заключал корпоративный договор и обязал себя по корпоративному договору голосовать определенным образом. Никакого преобразовательного эффекта (как у преобразовательного решения) у конститутивного (волезамещающего) решения нет, а потому суд в данном процессе не должен оценивать и брать за основу критерий голосования как ориентир в удовлетворении иска о волезамещении.

Часть 1 ст. 168 АПК РФ прямо говорит, что при принятии решения арбитражный суд *устанавливает* права и обязанности лиц, участвующих в деле. Конститутивным решением суд подтверждает обязанность стороны договора и санкционирует ее надлежащее исполнение в принудительном порядке. Суд

не преобразовывает договорное корпоративное правоотношение, установленное соглашением участников корпорации, а охраняет уже существующее право истца требовать от нарушителя исполнить обязанность неимущественного характера так, как прописано в условиях корпоративного договора.

Право на иск о понуждении исполнения корпоративного договора в натуре. В случае, когда сторонами корпоративного договора являются только участники корпорации, вопросов не возникает. Однако как быть, если стороной корпоративного соглашения на основании п. 9 ст. 67.2 ГК РФ выступает кредитор общества или иное третье лицо, не являющееся участников хозяйственного общества – например, будущий участник корпорации, намеревающийся купить акции?

Право на иск о понуждении исполнения корпоративного договора в натуре имеется только у стороны корпоративного договора в статусе участника корпорации, или оно также присуще третьему лицу, заключившему квази-корпоративный договор? Если, например, по такому договору нарушителем является участник корпорации, проголосовавший «за» на общем собрании участников в нарушение обязанности голосовать «против», то может ли третье лицо – другая сторона договора (не участник корпорации) – предъявить ему иск о волезамещении и потребовать исполнения обязательства в натуре? В логике правила «обязательства должны исполняться надлежащим образом», безусловно, может. Однако, помня о последствии в виде признания решения общего собрания недействительным в этом же процессе, насколько это коррелируется с правилом о недопустимости вмешательства третьих лиц в управление корпорацией? Значит ли это, что фактически по иску третьего лица может быть признан недействительным внутрикорпоративный акт хозяйственного общества, в то время как одним из общих правил корпоративного права является недопустимость вторжения третьих лиц во внутренние дела корпорации путем оспаривания решений общих собраний?

По общему правилу правом на иск о признании решения общего собрания недействительным наделяется лицо, которое должно быть участником корпорации не только на момент предъявления иска, но и на момент проведения собрания, итоговое решение которого оспаривается. Более того, во избежание обхода этого правила право на иск о признании решения собрания недействительным не переходит к новому участнику в порядке правопреемства при купле-продаже акций.

С другой стороны, почему квази-корпоративные договоры не должны быть снабжены исковой защитой конститутивного иска? Третьим лицам-

участникам таких корпоративных договоров также должна быть предоставлена возможность понудить исполнить в натуре обязанность из договора об осуществлении корпоративных прав. Иначе они оказываются в более ущемленном положении, чем сторона корпоративного договора со статусом участника корпорации.

Надлежащий ответчик. Еще один сложный вопрос, на который, тем не менее, придется ответить, – кто является надлежащим ответчиком по иску о волезамещении участника корпоративного договора. Вроде ответ очевиден – это контрагент истца по корпоративному договору, ведь требование о выполнении обязанности из корпоративного договора в натуре должно предъявляться к стороне, нарушившей условия корпоративного договора. Вопрос о надлежащем ответчике и не возник бы, если б в законопроекте не было указания на последствие удовлетворения требования о волезамещении в виде признания решения общего собрания участников недействительным по итогам прежнего голосования и признания нового решения общего собрания участников принятым с момента вступления в законную силу волезамещающего решения суда.

Дело в том, что надлежащим ответчиком по иску о признании решения общего собрания недействительным является само хозяйственное общество и только оно. Никаких процессуальных соучастников в виде мажоритария, единоличного исполнительного органа, совета директоров судебная практика не допускает, и такие лица признаются ненадлежащими ответчиками. Очевидно, что корпорация должна быть привлечена к участию в деле. Вместе с тем, изначально в суд предъявлен иск, вытекающий из относительных договорных правоотношений, и в каком процессуальном статусе хозяйственное общество должно быть привлечено в судебное разбирательство, возникшее изначально как спор о понуждении к исполнению обязательства в натуре, законопроект не устанавливает.

В научной литературе существует позиция, согласно которой в качестве надлежащего ответчика по искам о признании недействительными решений общих собраний должны выступать те участники, которые принимали оспариваемое решение, а не само общество [6, сс. 9–12; 7, сс. 150–155]. Думается такой подход укладывался бы в логику законопроекта, где в качестве ответчика по иску о волезамещении и о признании решения общего собрания недействительным выступал бы нарушивший корпоративный договор акционер лично.

ЛИТЕРАТУРА

1. URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=122141. Дата обращения: 30.08.2023.
2. URL: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=122129. Дата обращения: 30.08.2023.
3. *Глухов Е.В.* Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. М.: «Логос», 2017. СС. 592–593.
4. *Гурвич М.А.* Учение об иске (состав, виды). М., 1981г. Избранные труды/М.А. Гурвич; МГУ им. М.В. Ломоносова, Юрид. фак., Кубан. гос.ун-т. Краснодар: «Совет. Кубань», 2006. С. 305.
6. *Раздьяконов Е.С.* Ответчик по иску об оспаривании решения общего собрания акционеров // «Арбитражный и гражданский процесс», 2007. № 3. СС. 9–12.
7. *Степанов Д.И.* Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М.: «Статут», 2021. СС. 150–155.

CONSTITUTIVE (WILL-SUBSTITUTING) COURT DECISION AS A MEANS OF PROTECTING THE RIGHTS OF PARTIES TO A CORPORATE AGREEMENT

O. Goncharova
V.F. Yakovlev Ural State Law University

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of proposed legislative amendments concerning the protection of the rights of parties to a corporate agreement through the issuance of a constitutive (will-substituting) court decision. This decision is based on the substitution by the court of the will of the defendant who either failed to fulfill or improperly fulfilled the obligation to vote in accordance with the corporate agreement. The author examines the legal grounds for invalidating a resolution of the general meeting of shareholders based on the plaintiff's claim for will-substitution in a shareholder agreement, and the recognition of a new resolution of the general meeting of participants as adopted from the moment the will-substituting court decision comes into legal force.

Keywords: will-substituting court decision, protection of shareholders' rights, corporate agreement, shareholder agreement.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-49-57

ՊԱՐՏՔԵՐԻ ԺԱՌԱՆԳՈՒՄԸ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԻՐԱՎԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ. ՊԱՐՏԱՏԵՐԵՐԻ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆԵՐԻ ՊԱՇՏՊԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀՀ ՍԱՀՄԱՆԱԴՐԱԿԱՆ ԴԱՏԱՐԱՆԻ ՈՐՈՇՄԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Ջ. Կ. Երվանդյան

Հայ-ռուսական (Սլավոնական) համալսարան
Իրավունքի ինստիտուտ
Քաղաքացիական և քաղաքացիական դատավարության ամբիոն
yervandyanzaven@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածում ուսումնասիրվել են պարտքերի ժառանգման հետ կապված խնդիրները և դրանց իրավական կարգավորումները, մասնավորապես, ուսումնասիրվել են պարտքերի՝ ժառանգական զանգվածի մեջ ներառվելու ձևերը, և ինչ ծավալով են դրանք մտնում ժառանգական զանգվածի մեջ: Քննարկել ենք ժառանգների և պարտատերերի իրավունքները և պարտականությունները՝ երբ են դրանք ծագում և ավարտվում, արդյոք հնարավոր է վերականգնել պահանջ ներկայացնելու համար նախատեսված բաց թողնված ժամկետները, թե ոչ: Սույն հոդվածի շրջանակում կատարել ենք ներպետական և օտարերկրյա իրավական պրակտիկայի ուսումնասիրություն՝ փորձելով վեր հանել արդի խնդիրները կապված պարտքերի ժառանգման հետ: Հատուկ ուշադրություն է դարձվել ժառանգների և պարտատերի իրավունքների պաշտպանության մեխանիզմներին: Հոդվածի նպատակն է վեր հանել արդի խնդիրները և նպաստել օրենսդրության հետագա զարգացմանը:

Հիմնաբառեր՝ պարտքերի ժառանգում, ժառանգական իրավունք, պարտատերերի իրավունքներ, ժառանգների պարտականություններ, ժամկետների վերականգնում, իրավական կարգավորում:

ՀՀ քաղաքացիական օրենսգրքի 1184-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն՝ ժառանգության դեպքում մահացածի գույքը (ժառանգությունը) անփոփոխ վիճակում, որպես միասնական ամբողջություն, անցնում է այլ անձանց (համապարփակ իրավահաջորդություն), եթե այլ բան նախատեսված չէ սույն օրենսգրքի կանոններով [1]:

ՀՀ քաղաքացիական օրենսգրքի 1225-րդ հոդվածի համաձայն՝ ժառանգությունը ձեռք բերելու համար ժառանգը պետք է այն ընդունի: Ժառանգությունը պայմանով կամ վերապահումներով ընդունել չի թույլատրվում, իսկ ժառանգի կողմից ժառանգության մի մասի ընդունումը նշանակում է իրեն հասանելիք ամբողջ ժառանգության ընդունում՝ անկախ այն բանից, թե ինչ է այն իրենից ներկայացնում և որտեղ է գտնվում [2]:

Ժառանգության բացումը դեռևս չի նշանակում, որ անձը, ով մտնում է ժառանգների շրջանակում, արդեն իսկ այդ փաստով մտնում է այն գույքային իրավահարաբերությունների մեջ, որի սուբյեկտը մահացածն էր: Որպեսզի ժառանգը դառնա ժառանգատուի իրավահաջորդը, անհրաժեշտ է, որ նա ցույց տա ժառանգությունը ձեռք բերելու իր կամքը և կամահայտնությունը [3]:

Ըստ Վճռաբեկ դատարանի՝ ժառանգության ընդունումը ժառանգի կողմից իրականացվող կանխամտածված, ակտիվ գործողությունների համակցություն է, որն ուղղված է ժառանգական գույքն իր սեփականությունը դարձնելուն: Այսինքն, թե ըստ օրենքի և թե ըստ կտակի ժառանգության ընդունման դեպքում ժառանգը պետք է գիտակցի, և նրա գործողությունները պետք է նպատակաուղղված լինեն համապատասխան ժառանգության ընդունմանը [4]:

ՀՀ քաղաքացիական օրենսգրքի 1186-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն՝ ժառանգության զանգվածի մեջ է մտնում ժառանգության բացման օրը **ժառանգատուին պատկանող գույքը**՝ ներառյալ դրամը, արժեթղթերը, գույքային իրավունքները և **պարտականությունները**:

ՀՀ քաղաքացիական օրենսգրքի 1243-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն՝ պարտատերերն իրավունք ունեն ժառանգության բացման օրվանից **վեց ամսվա ընթացքում** ներկայացնել իրենց պահանջները:

Նույն հոդվածի 2-րդ մասի համաձայն՝ պահանջները, մինչև ժառանգների կողմից ժառանգության իրավունքի վկայագիր ստանալը, կարող են ներկայացվել ժառանգությունն ընդունած ժառանգին կամ կտակակատարին, իսկ նշված անձանց բացակայության դեպքում՝ ժառանգության բացման վայրի նոտարին:

Վճռաբեկ դատարանը անդրադառնալով սույն նորմի մեկնաբանությանը,արձանագրել է, որ օրենսդիրը հնարավորություն է ընձեռել ժառանգատուի պարտատերերին ժառանգության բացման օրվանից վեց ամսվա ընթացքում մինչև ժառանգների կողմից ժառանգության իրավունքի վկայագիր ստանալն իրենց պահանջները ներկայացնել նախ հետևյալ անձանց՝ ժառանգությունն ընդունած ժառանգին կամ կտակակատարին,

ապա միայն նշված անձանց բացակայության դեպքում՝ ժառանգության բացման վայրի նոտարին [5]*:*

ՀՀ քաղաքացիական օրենսգրքի 1244-րդ հոդվածի 3-ին մասի համաձայն՝ ժառանգները, ժառանգության իրավունքի վկայագիրը ստանալուց հետո, իրենց անցած գույքի արժեքի սահմաններում հատուցում են ծախսերը [6]։

ՀՀ վճռաբեկ դատարանը, արձանագրել է, որ ժառանգության իրավունքի վկայագիր ստանալուց հետո ժառանգը ժառանգատուի պարտքերով պարտատերերի առջև իրեն անցած գույքի սահմաններում կարող է կրել պարտավորություններ, եթե ժառանգության բացումից վեցամսյա ժամկետում պարտատերերի կողմից իրեն պահանջ է ներկայացվել։ Պահանջների ներկայացման համար սահմանված վեցամսյա ժամկետի ավարտից հետո ներկայացված պահանջները, ՀՀ քաղաքացիական օրենսգրքի 1244-րդ հոդվածի 1-ին կետով սահմանված կարգով, ենթակա չեն բավարարման, քանի որ մինչև ժառանգության իրավունքի վկայագիր ստանալը պահանջի ներկայացման դեպքում միայն ժառանգը կարող էր որոշել ժառանգությունն ընդունելու նպատակահարմարությունը [7]*:*

Ելնելով վերոնշվածից կարող ենք պնդել, որ օրենսդիրը փորձել է որոշակի առումով հավասարակշռել պարտատերերի և ժառանգների իրավունքները, քանի որ պարտատերերի բոլոր պարտքերը ծածկվում են միայն «նախկին» պարտապանի միջոցների հաշվին առանց լրացուցիչ ծանրաբեռնվածություն դնելու ժառանգների վրա։ Հաշվի առնելով այն հանգամանքը, որ պարտքերը կարող են անհամաչափ ավելի շատ լինել, քան մահացածի գույքը օրենսդիրը սահմանել է նաև պարտատերերի հստակ հերթականություն և յուրաքանչյուր հերթի պահանջները բավարարվում են միայն նախորդ հերթի պահանջների լրիվ բավարարելուց հետո։

Ինչպես նշեցինք վերևում, պարտատերերը ժառանգության բացման օրվանից հետո 6 ամսվա ընթացքում իրավունք ունեն ներկայացնելու իրենց պահանջը, սակայն տվյալ ժամկետը ի տարբերություն ժառանգությունն ընդունելու վեցամսյա ժամկետի, վերականգնվող չէ և, եթե պարտատերը սահմանված ժամկետում չի դիմում նոտարին, ժառանգին կամ կտակարարին դրա բացասական հետևանքները ամբողջովին կրում է նա։

ԵԱՔԴ/2190/02/15 քաղաքացիական գործով քննության առարկա հարցի վերաբերյալ Վճռաբեկ դատարանը նշել է. «պարտատերերի կողմից պահանջների ներկայացման ժամկետի սահմանափակում դնելը նպատակաուղղված է ժառանգի կողմից ժառանգությունն ընդունելու իր իրավունքի իրացման համար *բավարար հստակություն և որոշակիություն*

մտցնելուն, որպեսզի սահմանված ժամկետի ընթացքում ժառանգը հնարավորություն ունենա որոշել ընդունել ժառանգությունը, թե՝ ոչ, կամ օրինակ՝ **պարտատերերի կողմից նշված ժամկետում պահանջ ներկայացվելու դեպքում հրաժարվել ժառանգությունից, թե՝ ոչ [8]:**

Տվյալ դեպքում առաջանում է տրամաբանական հարց, թե արդյո՞ք ծանուցման պարտականություն չկա դրված ժառանգների վրա:

Սահմանադրական դատարանը ՍԴՈ-1495 փաստում է, որ քաղաքացիական օրենսդրությունը **չի պարտավորեցնում** ժառանգներին փնտրել ժառանգատուի պարտատերերին ժառանգության բացման մասին տեղյակ պահելու նպատակով: Ժառանգը կարող է տարբեր օբյեկտիվ պատճառներով չիմանալ ժառանգատուի պարտքերի մասին և պարտատերերին տեղյակ պահել, կամ տեղյակ լինել մահացած ժառանգատուի պարտքերի մասին, սակայն ինչ-ինչ պատճառներով չտեղեկացնել (այդ թվում՝ չարամիտ դիտավորություն ունենալով) ժառանգության բացման մասին: Սահմանադրական դատարանը գտնում է, որ դիտարկվող «պարտապան-պարտատեր» իրավահարաբերություններում պարտապանի ժառանգների կողմից ժառանգությունն ընդունելու արդյունքում վնաս կրելու ռիսկը վերաբերում է պարտատերերին, ուստի վերջիններս՝ որպես շահագրգիռ անձինք, պետք է համապատասխան վարքագիծ դրսևորեն: Օրենքը չի արգելում պարտատիրոջը որոշակի պարբերականությամբ ինքնուրույն տեղեկանալու պարտապանի մասին, և վերջինիս կողմից պարտավորություն չկատարելը պետք է դրդի պարտատիրոջն ակտիվ գործողություններ կատարելուն, ընդ որում՝ պարտատերերի պահանջները կարող են ներկայացվել և բավարար միջոցների առկայության և սահմանված ժամկետը բաց չթողնելու պայմաններում հատուցվել ինչպես ժառանգների կողմից ժառանգությունն ընդունելու, այնպես էլ ժառանգությունը չընդունելու պարագայում, նույնիսկ ժառանգների բացակայության դեպքում պարտատերերը կարող են հավակնել իրենց հասանելիք պարտքերը ստանալուն [9]:

Սույն որոշման շրջանակում Սահմանադրական դատարանը արտահայտել է իրավունքի ընդհանուր սկզբունքներին հակասող կարծիք, մասնավորապես Սահմանադրական դատարանը նշում է, որ ժառանգը կարող է անգամ չարամիտ դիտավորությամբ չտեղեկացնել պարտատերերին ժառանգատուի մահվան մասին, ինչը գործնականում առաջացնում է բազում խնդիրներ, և քաղաքացիները հիմնվելով սույն որոշման վրա, դրսևորում են ոչ բարեխիղճ վարքագիծ: Մասնավորապես պրակտիկայում առկա են դեպքերը, երբ ժառանգները իմանալով ժառանգատուի պարտավո-

րությունների մասին, ժառանգատուի մահվանից հետո հաջորդող 6 ամսվա ընթացքում շարունակում են կատարել ամենամսյա վարկային մարումները, և վեցամսյա ժամկետի լրանալուն պես, երբ արդեն պարտատերը չի կարող որևէ կերպ ներառել իր պարտքը ժառանգական զանգվածի մեջ, դադարում են վճարումները: Այսինքն սույն գործողությունների հետևանքով տարատեսակ դրամավարկային կազմակերպություններ զրկվում են, իրենց օրինական իրավունքները իրականացնելուց, ժառանգների ոչ բարեխիղճ վարքագծի պատճառով, որը կարելի է համարել Սահմանադրական Դատարանի որոշման ուղիղ հետևանք:

Անդրադառնալով օտարերկրյա պրակտիկային, փորձելով պրոեկտել հայ իրականությանը:Նշենք որ սույն իրավիճակից խուսափելու նպատակով տարբեր երկրներ կիրառում են տարբեր մեխանիզմներ: Մասնավորապես որոշ երկրներ նախատեսում են պարտատերերի կողմից պահանջ ներկայացնելու ավելի երկար ժամկետներ, որոշները սահմանում են կտակարարի ինստիտուտը, ով պարտավորություն է կրում գտնել բոլոր պարտատերերին և միայն ժառանգական զանգվածը «մաքրելուց» հետո տրամադրել ժառանգներին:

Ի տարբերություն ՀՀ օրենսդրության, որում ինչպես նշեցին պարտատերերին ընդամենը տրվում է 6 ամիս՝ պահանջ ներկայացնելու համար, ՌԴ քաղաքացիական օրենսգրքի 1175-րդ հոդվածի 3-րդ մասի համաձայն՝ ժառանգատուի պարտատերերը իրավունք ունեն ներկայացնելու իրենց պահանջները ժառանգությունը ընդունած ժառանգներին՝ հայցի վաղեմության ժամկետների սահմաններում [10]:

ՌԴ քաղաքացիական օրենսգրքի 196-րդ հոդվածի համաձայն՝ հայցի վաղեմության ժամկետն այն ժամանակահատվածն է, որի ընթացքում անձը կարող է դիմել դատարան՝ իր իրավունքների պաշտպանության համար: Հայցային վաղեմության ընդհանուր ժամկետը կազմում է երեք տարի:

Այսինքն, եթե ժառանգատուն չի կատարել իր պարտավորությունները պարտատերերի նկատմամբ, նրանք կարող են դատարանի միջոցով պահանջել դա անել երեք տարվա ընթացքում: Իսկ ժառանգատուի մահվան դեպքում նշված պահանջը կարելի է ներկայացնել ժառանգներին նույն երեք տարվա ընթացքում:

Ելնելով վերոգրյալից կարելի է պնդել, որ ՌԴ օրենսդրությունը պահանջ ներկայացնելու տեսանկյունից որևէ տարանջատում չի մտցնում սովորական քաղաքացիաիրավական պարտքերի և ժառանգական պարտքերի միջև, երկու դեպքերի համար էլ սահմանելով ընդհանուր հայցային վաղեմության կանոնը:

Մեր կարծիքով սույն իրավահարաբերությունների համար ընդհանուր հայցային վաղեմության երեք տարի սահմանելը այդքան էլ տեղին չէ, քանի որ, եթե փորձենք սույն դրույթը ներդնել ՀՀ օրենսդրությունում, ապա ամբողջովին կհակասենք ժառանգության նպատակներին, մասնավորապես տվյալ դեպքում կբացակայի բավարար հստակությունը և որոշակիությունը: Այսինքն ժառանգը ունենալով ամբողջական համոզմունք, որ ժառանգական գույքը փոխանցվել է իրեն, սկսում է տիրապետել, տնօրինել և հանկարծ ի հայտ է գալիս մի պարտատեր, որի մասին ժառանգը չգիտեր և չէր էլ կարող իմանալ, և պահանջում է ժառանգատուի չմարված պարտավորությունները արդեն ժառանգից:

Տվյալ դեպքում ստեղծվում է չափազանց անբարենպաստ պայմաններ ժառանգների համար, սակայն բավականին բարենպաստ պարտատերերի համար:

Անգլիական և սկանդինավյան իրավական համակարգերը նախատեսում են ընթացակարգ, որի շրջանակում ադմինիստրատորը կամ կատարողը, ով սովորաբար անձնական պատասխանատվություն չի կրում ժառանգության պարտավորությունների համար, կատարում է դրանք, այնուհետև, եթե առկա է մնացած գույք, բաշխում այն ժառանգների միջև:

Ըստ անգլիական իրավունքի՝ մահացածի գույքի կառավարման պատասխանատու անձնական ներկայացուցիչը նշանակվում է կա՛մ մահացածի կտակի հիման վրա (կատարող), կա՛մ դատարանի կողմից (ադմինիստրատոր):

Նորվեգական և դանիական իրավունքի համաձայն՝ այս գործառույթը կատարում է դատարանը, որը պահպանում է գույքի նկատմամբ օրինական իրավունքը, մինչև այն բաշխվի ժառանգներին:

Շվեդական իրավունքը ընտրում է այլ ճանապարհ՝ գույքն ինքը դարձնելով իրավաբանական անձ (*dödsboet*)՝ այդպիսով այն դարձնելով մահացածի իրավունքների և պարտավորությունների կրող [11]:

Այսպիսով տարբեր երկրների իրավական համակարգերի պարտքերի ժառանգման կարգավորման մոտեցումը թույլ է տալիս ապահովել ժառանգների և պարտատերերի շահերի հավասարակշռությունը: Նման մեխանիզմների կիրառումը, ինչպիսիք են կտակը կատարողի նշանակումը, պահանջների ներկայացման ժամկետների երկարացումը կամ ժառանգական զանգվածը իրավունքի սուբյեկտ ճանաչելը նպաստում է ավելի մեծ իրավական որոշակիության և կողմերի շահերի պաշտպանության:

ՀՀ իրավական համակարգի ուսումնասիրությունից, ներառյալ ՀՀ սահմանադրական դատարանի վերոնշված որոշումը, պարզ է դառնում,

որ պարտատերերի իրավունքների պաշտպանության տեսանկյունից գործող համակարգը այդքան էլ արդյունավետ չէ:

Այդ խնդիրների համար կարող ենք առաջարկել հետևյալ ՀՀ օրենսդրական փոփոխությունները՝

Առաջարկ 1. ՀՀ քաղաքացիական օրենսգիրք 1243-րդ հոդված 1-ին մաս՝ Պարտատերերն իրավունք ունեն ժառանգության բացման օրվանից վեց ամսվա ընթացքում ներկայացնել իրենց պահանջները: Սույն ժամկետի բաց թողումը կարող է հարգելի համարվել, եթե պարտատերը ժառանգի ոչ իրավաչափ գործողությունների հետևանքով չի իմացել և չեր կարող իմանալ պարտապանի մահվան մասին:

Առաջարկ 2. Ներդնել ժառանգական ադմինիստրատոր և կտակը կատարողի ինստիտուտները, սահմանելով որոշակի իրավունքներ կապված ժառանգական զանգվածի տիրապետման և տնօրինման հետ կապված մինչև ժառանգների կողմից ժառանգության ընդունումը: Մասնավորապես սահմանել պարտականություն ծանուցել բոլոր պարտատերերին պարտապանի մահվան մասին:

Եզրափակելով, պետք է նշել, որ պարտքերի ժառանգման հարցերի կարգավորումը կարևոր դեր է խաղում քաղաքացիական շրջանառության իրավական կայունությունն ու արդարությունը ապահովելու գործում: ՀՀ օրենսդրության և դատական պրակտիկայի, այդ թվում՝ Սահմանադրական դատարանի ՍԴՈ-1495 որոշման վերլուծությունը բացահայտում է մի շարք բացեր, որոնք թույլ են տալիս չարաշահումներ և խախտում են ժառանգների և պարտատերերի շահերի հավասարակշռությունը: Խնդիրը կայանում է պարտատերերի իրավական պաշտպանության ոչ բավարար մակարդակում, որը պայմանավորված է պահանջների ներկայացման կարճ ժամկետներով, այդ ժամկետների անվերականգնելիության և ժառանգների գործողությունների նկատմամբ վերահսկողության արդյունավետ մեխանիզմների բացակայությամբ: Միևնույն ժամանակ, միջազգային պրակտիկան առաջարկում է բազմազան լուծումներ, ինչպիսիք են պահանջների ներկայացման ժամկետների երկարացումը, կտակի կատարողի կամ ժառանգության կառավարչի ինստիտուտի ստեղծումը, ինչպես նաև ժառանգության զանգվածը իրավունքի սուբյեկտ ճանաչելը: Այս մոտեցումները ապահովում են կողմերի շահերի ավելի մեծ հավասարակշռություն և նվազեցնում չարաշահումների հավանականությունը: Սա ոչ միայն կամրապնդի պարտատերերի իրավունքների պաշտպանությունը, այլև կբարձրացնի քաղաքացիների վստահությունը ժառանգական իրավունքի համակարգի նկատմամբ՝ ապահովելով ժառանգների համար իրավական որոշակիություն:

Օրենսդրության օպտիմալացումը այս ոլորտում կլինի արդար և արդյունավետ իրավական համակարգ ստեղծելու կարևոր քայլ, որը կկարողանա արձագանքել ժամանակակից մարտահրավերներին:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական օրենսգիրք 05.05.1998 ՀՕ-239 // ՀՀՊՏ 1998.08.10/17(50) հոդված 1184:
2. Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական օրենսգիրք 05.05.1998 ՀՕ-239 // ՀՀՊՏ 1998.08.10/17(50) հոդված 1225:
3. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. Изд. 2-е, испр. М.: «Статут», 2003. С. 169:
4. Վճռաբեկ դատարանի՝ Գևորգ Բերբերյանի ընդդեմ Մարինե Բերբերյանի թիվ ԵԱՔԴ/1018/02/09 քաղաքացիական գործով 01.07.2011 թվականի որոշում:
5. Վճռաբեկ դատարանի Սերգեյ Թաիրյանն ընդդեմ Երևանի Կենտրոն նոտարական տարածքի նոտարի թիվ ԵՔԴ/0279/02/08 քաղաքացիական գործով 25.06.2010 թվականի որոշում:
6. Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական օրենսգիրք 05.05.1998 ՀՕ-239 // ՀՀՊՏ 1998.08.10/17(50) հոդված 1244:
7. Վճռաբեկ դատարանի Սեդա Սոնյանն ընդդեմ Իդա Էբզիմյանի, և Իդա Էբզիմյանն ընդդեմ Սեդա Սոնյանի թիվ 3-1778(ՎԴ) քաղաքացիական գործով 5.12.2007 թվականի որոշում:
8. Վճռաբեկ դատարանի «Յունիբանկ» ԲԲԸ-ն ընդդեմ Անիկ Ստեփանյանի իրավահաջորդ Սիմոն Արզումանյանի թիվ ԵԱՔԴ/2190/02/15 քաղաքացիական գործով 07.04.2017 թվականի որոշում:
9. Սահմանադրական Դատարանի 06.12.2019 թվականի թիվ ՍԴՈ-1495 որոշում:
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 3) от 26 ноября 2001г. № 146-ФЗ (в актуальной редакции) статья 1175.
11. Tobias Helms-Liability of Heirs: URL: https://max-eup2012.mpipriv.de/index.php/-Liability_of_Heirs

НАСЛЕДОВАНИЕ ДОЛГОВ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ. ЗАЩИТА ПРАВ КРЕДИТОРОВ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РА

З.К. Ервандян
Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с наследованием долгов и их правовым регулированием. Особое внимание уделено формам включения долгов в наследственную массу и тому, в какой степени они входят в состав наследства. Обсуждаются права и обязанности наследников и кредиторов: когда они возникают и прекращаются, а также возможно ли восстановление пропущенных сро-

ков для предъявления требований. В рамках статьи проведено исследование национальной и международной правовых практик, направленное на выявление актуальных проблем, связанных с наследованием долгов. Особое внимание уделено механизмам защиты прав наследников и кредиторов. Цель статьи – выявить современные проблемы и способствовать дальнейшему развитию законодательства.
Ключевые слова: наследование долгов, наследственное право, права кредиторов, обязанности наследников, восстановление сроков, правовое регулирование.

INHERITANCE OF DEBTSINCIVILLAWRELATIONS. PROTECTION OF CREDITORS' RIGHTSINTHECONTEXT OF THECONSTITUTIONALCOURT OF THEREPUBLIC OF ARMENIA'S DECISION

Z. Yervandyan
Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of Law
Department of CivilLawandCivilProcedure

ABSTRACT

This article explores issues related to the inheritance of debts and their legal regulation. Specifically, it examines the forms in which debts are included in the inheritance mass and the extent to which they are part of the inheritance. The rights and obligations of heirs and creditors are discussed, including when they arise and terminate, and whether it is possible to restore missed deadlines for submitting claims.
The article includes a study of both domestic and foreign legal practices aimed at identifying current issues related to debt inheritance. Special attention is given to the mechanisms for protecting the rights of heirs and creditors. The aim of this article is to highlight contemporary issues and contribute to the further development of legislation.
Keywords: debt inheritance, inheritance law, creditors' rights, heirs' obligations, restoration of deadlines, legal regulation.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-58-62

ПРАВО РАБОТНИКА НА ДОСТОИНСТВО В ПЕРИОД ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т.А. Зыкина

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
t.zykina@narfu.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу понятия и особенностей реализации права работника на достоинство в период трудовой деятельности. Сделан вывод, что данное право имеет в своем основании конституционное право личности на достоинство, но осуществляется в особых условиях трудовой деятельности. Предложено собственное определение права работника на достоинство в период трудовой деятельности. Проанализированы некоторые условия реализации данного права и предложено разработать стандарты его осуществления, как на государственном, так и на локальном уровнях.
Ключевые слова: работник, право на достоинство, достойный труд.

Конституция Российской Федерации в ст. 7 частью политики нашего государства называет создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Право на достоинство личности является абсолютным, оно охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Это закреплено в ст. 21 Конституции РФ.

В трудовых отношениях это значит, что право работника на достоинство преломляется в категориях достойного труда и достойной оценки труда: материальной и моральной.

Международная организация труда (далее – МОТ), начиная с 1999г., объявила курс на создание достойных условий труда, признание труда высшей ценностью. На международном уровне, в соответствии с решением МОТ, выбраны индикаторы достойного труда, к которым отнесены показатели занятости, социальной защищенности, соблюдения прав работников и показатели развитости института социального диалога.

Несмотря на то, что в ст. 22 «Всеобщей декларации прав человека» (1948) сказано, что каждый человек имеет право на осуществление необходимых для поддержания его достоинства прав в экономической, социальной и культурной областях, как на национальном, так и на международном уровнях, усто-

явшихся стандартов, как международных, так и внутригосударственных, в области достойного труда, права работника на достоинство и связанных с ним категорий, пока не выработано [1].

Как часть права личности на достоинство, следует рассматривать право работников на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности. Это право также отражено в формулировании одного из основных принципов трудового законодательства. Право работника на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности является залогом и основой неукоснительного соблюдения работодателем и всеми, кто контактирует с работником в период выполнения им своей трудовой функции всех его трудовых прав. Работник не станет трудиться там, где его унижают, поэтому от эффективности реализации данного права зависит стабильность трудовых правоотношений.

Актуальность изучения данной проблемы вызвана необходимостью проанализировать само право работника на достоинство и особенности его реализации. Следует учитывать, что несмотря на моральную составляющую, право работника на достоинство, имеет правовую природу.

Дать детальное определение права работника на достоинство в законодательном порядке достаточно сложно, поскольку для этого требуется показать, как процесс достижения ценностной категории достойного труда находит отражение в трудовом праве.

Тем не менее, несмотря на сложность, все интересы, нужды, потребности личности работника, как отмечали еще в 1982г. С.А. Иванов и Р.З. Лившиц, требуют отражения в праве: они приобретают правовое значение, лишь, когда получают государственное признание и юридическое оформление [2, 23].

Право работника на достоинство предполагает отсутствие унижения работника со стороны всех лиц, с которыми он вступает в трудовые и иные отношения, связанные с трудовыми. Работодатель безусловно должен не просто признавать, но соблюдать право работника на достоинство в период трудовой деятельности.

Однако, среди основных обязанностей работодателя, ТК РФ не называет обязанность следовать неукоснительному соблюдению достоинства работника в период его трудовой деятельности. При этом, далеко не все работодатели обладают высоким уровнем культуры поведения в обществе и понимают необходимость уважительного отношения к работникам.

Кроме того, в науке трудового права признано наличие неоспоримого экономического неравенства работодателя и работника, которое проявляется в том числе, при реализации права работника на достоинство.

Для сглаживания данного противоречия может быть использовано предоставление работнику процессуальных преимуществ при ведении споров в сфере труда. Например, при доказывании случаев морального унижения со стороны работодателя. Тем более, что законодатель уже идет по такому пути. Например, в соответствии со ст.19 ТК РФ неустранимые сомнения при рассмотрении судом споров о признании отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями толкуются в пользу наличия трудовых отношений.

Добавим, что право работника на достоинство должно быть реализовано в условиях повсеместного создания стандартов этого права. Например, при формировании безопасной материальной базы применения труда. Начиная с марта 2022г. в России запрещен опасный труд, его можно использовать в исключительных случаях (например, работа спасателей МЧС). Следует добавить, что возможным следующим шагом государства будет постепенное сокращение сферы применения труда во вредных условиях.

В качестве еще одного возможного стандарта, способствующего реализации права работника на достоинство, следует назвать преодоление дискриминации. Запрет дискриминации работников, при наличии внушительной нормативной базы, не может окончательно остановить такие нарушения. Все еще имеют место предоставление преимуществ одним работникам по сравнению с другими работниками или ограничение прав одних работников по отношению к другим работникам на основании пола, национальности, языка, происхождения и др.

Безусловно, проявления дискриминации препятствуют реализации права работника на достоинство в период трудовой деятельности. При этом преодоление неравенства в труде следует рассматривать не только как самостоятельное право, но и как стандарт формирования благоприятных условий для реализации права работника на достоинство.

Обжаловать проявление дискриминации можно только в суде, поэтому существует настоятельная необходимость создания досудебных возможностей сбора доказательств, свидетельствующих о том, что дискриминация имела место. Для этого необходимо создать специальные государственные комиссии, которые уже зарекомендовали себя в отдельных зарубежных странах. Также следует возвратить Государственной инспекции труда право рассматривать вопросы, связанные с дискриминацией.

Право работника на достоинство является также показателем уровня социальной защиты личности. В этой связи следует поддержать мнение Н.С.

Бондаря, который предлагает ввести обязанность государства по установлению минимальных стандартов социальной защиты, соотнесенных с объективными показателями, характеризующими потребности гражданина в пользовании минимальным набором социальных благ. Эти стандарты призваны, по мнению автора, выполнять двойственную функцию. С одной стороны, они представляют собой юридическую форму опосредования экономических возможностей государства в обеспечении социальных прав граждан, а с другой – меру признаваемых государством социально-экономических потребностей гражданина, неудовлетворение которых ставит под сомнение человеческое достоинство, возможность реализации всех иных конституционных прав и свобод, что ведет, по существу, к отрицанию конституционного статуса личности [3, 61–62].

Общий уровень культуры прав в сфере трудовых отношений также влияет на реализацию права работника на достоинство в труде. Например, работники, обладающие недостаточным образованием, относятся к особенно уязвимым категориям трудящихся, часто не имеют возможности получить достойную работу, и уровень их жизни остается низким.

Для повышения культуры трудовых отношений обе стороны, которые в них вступили, должны следовать нормам деловой этики. Взаимная почтительность, высокий уровень соблюдения прав, свобод и законных интересов – это основа и гарантия реализации права работника на достоинство в период трудовой деятельности. При этом, работа в комфортных, а не просто безопасных, условиях труда объективно снижает количество случаев морального преследования работников, унижения их человеческого достоинства и деловой чести.

Подводя итог, следует отметить, что успешность претворения в жизнь права работника на достоинство в период трудовой деятельности связана с четким обозначением в ст. 22 ТК РФ обязанности работодателя соблюдать право на достоинство работника в период выполнения им трудовых обязанностей.

Можно предложить определение права на достоинство в период трудовой деятельности, как отсутствие унижения работника со стороны работодателя и иных субъектов, с которыми работник взаимодействует в процессе труда, наличие и соблюдение этических норм всеми лицами, с которыми вступает в контакт работник в период наличия трудовых правоотношений, а также создание для работников не просто безопасных, но комфортных условий труда.

В качестве определяющих факторов для следования работодателем принципу соблюдения достоинства работника в период трудовой деятельности следует отметить необходимость разработки и внедрения как на государственном, так и на локальном уровнях стандартов благоприятных условий труда, включая

реальные рычаги для противодействия дискриминации и моральному унижению, последовательный отказ от предоставления работы во вредных условиях труда и создание комфортного микроклимата в трудовом коллективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета», 10.12.1998.
2. *Иванов С.А., Лившиц Р.З.* Личность в советском трудовом праве. М., 1982. 230с.
3. Социальные права и практика Конституционного Суда Российской Федерации: Сборник материалов научной конференции 5–7 июня 2007г. // Сост. В.В. Коробченко. СПб., 2008, 376с.

EMPLOYEE'S RIGHT TO DIGNITY DURING WORK

T. Zykina
Northern (Arctic) Federal University named after M. Lomonosov

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the concept and features of the implementation of the employee's right to dignity in work. It is concluded that this right is based on the constitutional right of the individual to dignity, but is implemented in special conditions of work. A proprietary definition of the employee's right to dignity in work is proposed. Some conditions for the implementation of this right are analyzed and it is proposed to develop standards for its implementation, both at the state and local levels.
Keywords: employee, right to dignity, decent work.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-63-67

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ

Н.А. Мхитарян

Саратовская государственная юридическая академия
Юридический институт правосудия и адвокатуры
Mkhitaryan_nelli.arm@mail.ru

АННОТАЦИЯ

На сегодняшний день все большее значение приобретает электронный товарооборот, который помогает коммерческим организациям достичь взаимоприемлемых соглашений. Предприниматели используют дистанционную продажу как эффективный инструмент для реализации товаров. Несмотря на наличие правовых норм, которые осуществляют правовое регулирование в области дистанционной продажи товаров в розницу, остаются вопросы о их юридическом статусе и применимых нормах.

Ключевые слова: договор розничной купли-продажи, дистанционная торговля, правовое регулирование, защита прав потребителей, гражданское законодательство.

Введение

В настоящее время дистанционный способ продажи товаров активно развивается и приобретает популярность среди населения. Это связано с тем, что заметно сократились временные затраты на покупку товаров, стало значительно удобнее осуществлять выбор товаров и на интернет-площадках товаров значительно больше. Договор купли-продажи в данном случае заключается после того, как потребитель ознакомится с карточкой товара, буклетов, фотоснимков – его описанием.

Для защиты интересов потребителей действующим законодательством предусмотрено право на возврат товара, приобретенного дистанционным способом, без объяснения причин в течение определенного срока. Потребитель также имеет право требовать замены товара надлежащего качества или устранения недостатков, если они обнаружены после покупки[1].

[1] См.: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // «Собрание законодательства РФ»,1996. № 3. Ст. 140; 2023. № 32 (Ч. I). Ст. 6206.

Договор розничной купли-продажи является основой для формирования взаимоотношений между продавцом и покупателем при приобретении товаров. В нем должны иметь четкое закрепление условия сделки, права и обязанности сторон, порядок оплаты и возврата товара.

Нормы Гражданского кодекса РФ определяют правила, в соответствии с которыми заключается и исполняется договор, а также устанавливают ответственность сторон за его нарушение. ФЗ «О защите прав потребителей»[2] защищает интересы покупателей, обязывая продавцов предоставлять качественный товар и соблюдать права потребителей при возврате или обмене товара.

Правильно оформленный договор розничной купли-продажи является гарантией безопасности и надежности сделки для обеих сторон. Поэтому важно внимательно изучать условия договора.

Основное содержание работы

А.Н. Скородумов определяет розничную куплю-продажу как основной механизм обмена товарами между продавцом и покупателем на рынке. Однако эта сфера деятельности подвержена влиянию различных правовых норм и требований, что делает ее усложненной.

Для заключения договора розничной продажи необходимо учитывать правовые нормы, регулирующие защиту прав потребителей, торговлю, договоры купли-продажи и многое другое. Понимание и правильное применение этих норм является ключом к успешной сделке[3].

Л.Ю. Киселева отмечает, что в современном мире, с развитием дистанционной торговли, появились новые способы розничной продажи, такие как электронная коммерция, курьерская доставка и мобильный банкинг. В связи с этим, законодательство должно постоянно адаптироваться к новым реалиям, чтобы регулировать эти процессы[4].

Следовательно, сегодняшнее общество все более озабочено вопросами качества товаров, условиями гарантийного обслуживания, возможностью возврата товара. Поэтому задачей является совершенствование законодательства с учетом интересов всех сторон – продавцов и потребителей.

---

[2] См.: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // «Собрание законодательства РФ», 1996. № 3. Ст. 140; 2023. № 32 (Ч. I). Ст. 6206.

[3] См.: *Скородумов А.Н.* Договор розничной купли-продажи, логико-правовой анализ, актуальные вопросы законотворчества, заключения и исполнения обязательств в современном гражданском праве России // «Молодой ученый», 2023. № 7 (454). СС. 214–219.

[4] См.: *Киселева Л.Ю.* Интернет-торговля и особенности ее правового регулирования // «Научные записки молодых исследователей», 2021. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-torgovlya-i-osobennosti-ee-pravovogo-regulirovaniya.

В свою очередь, правовое регулирование дистанционной розничной купли-продажи играет важную роль в современном рыночном обществе, обеспечивая защиту интересов всех участников этой сферы и способствуя развитию экономики. Нарушения условий договора, несоблюдение сроков поставки товара или некачественный товар – все это проблемы, с которыми сталкиваются стороны при исполнении розничного договора. В таких случаях важно знать свои права и обязанности, обращаться за помощью к юристам или специалистам по защите прав потребителей.

В настоящее время одной из основных проблем правового регулирования договора розничной купли-продажи дистанционным способом является правовой нигилизм и недостаточная осведомленность потребителей о своих правах, что открывает широкие возможности для недобросовестных продавцов. Договор розничной купли-продажи является публичным договором, который заключается с каждым гражданином, который этого желает. При заключении подобного договора необходимо обращать внимание на все скрытые условия и непонятные формулировки в договорах, с целью пресечения нарушений прав потребителя.

Ученые полагают, что в настоящее время необходимо проводить информационную работу среди потребителей, обучая их основным нормам законодательства и способам защиты своих прав. Внедрение различных образовательных программ и консультаций помогут повысить уровень правовой грамотности населения и укрепить их позиции в отношениях с продавцами. Современное общество стремится к защите интересов потребителей, и важно, чтобы законы были четко соблюдены и защищали права всех участников розничной торговли[5].

В настоящее время действующим законодательством защищаются интересы как продавца, так и покупателя. С этой целью необходимо детально определить и закрепить в законодательстве такие понятия, как качество товара, сроки гарантии, ответственность сторон и прочие моменты, чтобы исключить двусмысленность и неоднозначность в их толковании. Кроме того, нужно обратить внимание на возможные случаи недобросовестной торговли и установить четкие правила защиты потребителей от подобных действий.

Следовательно, развитие законодательства в сфере дистанционной розничной торговли способствует созданию честной и прозрачной среды для потребителей и продавцов.

---

[5] См.: *Кунин Е.И., Арсенькина Л.С.* Современное состояние правового регулирования в сфере интернет-торговли // «Концепт». 2019. № 7. СС. 1–6.

В.В. Сумилин считает, что защита прав потребителей является важным аспектом современного законодательства. Ведь основные проблемы возникают в случае передачи некачественного товара, неисполнения или ненадлежащего исполнения условий договора при розничной купле-продаже. Особенно актуальными становятся эти вопросы в сфере дистанционной Интернет-торговли, где отсутствует детальная правовая регламентация[6]. Видится, что необходимо принимать во внимание все нюансы законодательства при осуществлении покупок дистанционно. Только соблюдение законодательства и осознанное поведение со стороны потребителей позволят обеспечить надлежащую защиту прав и устранить возможные правовые пробелы в области отношений продавца и покупателя.

В настоящее время научно-технический прогресс развивается быстрее законодательства, которое не всегда успевает меняться и до конца не отвечает требованиям, которые предъявляются потребителями товаров, приобретенных дистанционным способом. Дистанционная торговля приобретает все большее распространение, и часть этих правоотношений остается слабо урегулированной. В частности, в зоне правового пробела находится достоверность информации, которую предоставляет продавец потребителю о покупаемом товаре.

Выводы

В заключение можно прийти к выводу о том, что розничная продажа товаров дистанционным способом приобретает все большую популярность среди потребителей и продавцов, этот сектор торговли приобрел стремительный вектор развития. Тем не менее, потребителю необходимо помнить о том, что законодательство в настоящее время развивается медленнее торговли, и часть сделок так и остается в тени, что указывает на нарушение прав потребителей отдельными недобросовестными продавцами.

В силу непроработанности правового регулирования договора розничной купли-продажи дистанционным способом часть обязанностей по защите своих прав потребитель сегодня берет на себя. Законодатель, конечно, в нормах ГК РФ устанавливает обязанность продавца предоставлять покупателю правдивую и полную информацию о товаре, но ответственности за то, что эта информация не соответствует действительности, не предусмотрено. Следова-

[6] См.: *Сулимин В.В.* Частное право и защита прав потребителей в России: возможности и ограничения // «Право и управление», 2023. № 7. СС. 39–50.

тельно, необходимо включить в законодательство, регулирующее дистанционную торговлю, ответственность продавца за предоставление недостоверной информации о товаре или заведомо ее искажение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // «Собрание законодательства РФ», 1996. № 3. Ст. 140; 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6206.
2. *Скородумов А.Н.* Договор розничной купли-продажи, логико-правовой анализ, актуальные вопросы законотворчества, заключения и исполнение обязательств в современном гражданском праве России // «Молодой ученый», 2023. № 7 (454). СС. 214–219.
3. *Киселева Л.Ю.* Интернет-торговля и особенности ее правового регулирования // «Научные записки молодых исследователей», 2021. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-torgovlya-i-osobennosti-ee-pravovogo-regulirovaniya
4. *Кунин Е.И., Арсенькина Л.С.* Современное состояние правового регулирования в сфере интернет-торговли // «Концепт», 2019. № 7. СС. 1–6.
5. *Сулимин В.В.* Частное право и защита прав потребителей в России: возможности и ограничения // «Право и управление», 2023. № 7. СС. 39–50.

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF THE RETAIL SALE AGREEMENT BY REMOTE MEANS

N. Mkhitaryan
Saratov State Law Academy
Law Institute of Justice and Advocacy

ABSTRACT

Today, electronic trade is becoming increasingly important, which helps commercial organizations reach mutually acceptable agreements. Entrepreneurs use remote sales as an effective tool for selling goods. Despite the existence of legal norms that provide legal regulation in the field of remote retail sale of goods, questions remain about their legal status and applicable norms.

Keywords: retail sale agreement, distance trading, legal regulation, consumer protection, civil legislation.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-68-75

ЗОЛОТАЯ АКЦИЯ: КЛЮЧ К УПРАВЛЕНИЮ КОРПОРАТИВНЫМИ ГИГАНТАМИ НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС

С.А. Папикян, А.К. Айрапетян

Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт права
papikyann.susanna@gmail.com, hayrapetyanarshak@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье раскрывается суть механизма «Золотой акции» – особого инструмента корпоративного управления, наделяющего его владельца правом блокировать ключевые решения компании, даже при меньшинстве акций. Статья исследует правовое содержание этого института, его роль в современной экономике стран ЕАЭС и влияние на стратегические решения крупнейших корпораций. Исследовав правовые акты, которыми вводился в действие этот институт в странах ЕАЭС, мы выявили последствия использования этого механизма и его правовое содержание. Нами будет рассмотрено, с какой целью на самом деле используется институт «Золотой акции» и какое влияние она может иметь для контроля над бизнесом в руках государства или частных лиц.

Ключевые слова: акционерное общество, «Золотая акция», корпоративное право, государственный контроль.

Введение

Институт «Золотой акции» исторически связан с процессом приватизации, имевшим место в европейских странах в поздних 80–90-х годах XX века. В последствие заключения Маастрихтского договора 1992г., государства-члены Европейского союза (далее также – «ЕС») ставились перед проблемой погашения публичных долгов и поднятия экономических показателей, как предварительных условий для ввода в оборот новой единой валюты – Евро, вследствие чего и начался ускоренный процесс приватизации государственных предприятий. Но ввиду того, что утрата контроля над приватизируемыми предприятиями сразу после их приватизации казалась экономически нецелесообразной для государств, большинство из них приняли решение внедрить механизм «Золотой акции», иногда называемой также «специальным правом», позволяющим его владельцу – государству или государственному органу, иметь решающий голос при принятии решений, влияющих на экономи-

ческо-социальную политику предприятия, или в вопросах, касающихся управления им.

Понятие и роль «Золотой акции» в современном праве

Институт «Золотой акции» часто рассматривается как механизм баланса между приватизацией и сохранением стратегического контроля. В классической дефиниции «Золотая акция» – это особое право государства на участие в управлении акционерных обществ, изначально созданных на основании государственных средств, но такая формулировка на данный момент больше совместима с реалиями стран СНГ. Владение «Золотой акцией» дает государству возможность одним своим голосом аннулировать или в некотором смысле преодолеть решения других акционеров, в частности, таких как назначение исполнительного директора или членов совета директоров, а также количества выпускаемых акций. Кроме того, владелец такой акции мог блокировать участие иностранных инвесторов в управлении предприятием и вдобавок обладал правом наложения вето на решения остальных акционеров. После того, как в 2006–2007гг. Европейский Суд (ECJ) неоднократно выразил свою позицию насчет этого механизма, установив в своих решениях, в частности, в делах **Комиссия против Португалии (C–367/98, 2006г.)**[1], **Комиссия против Германии (C–112/05, 2007г.)** [2] , **Комиссия против Бельгии (C–101/08, 2009г.)**[3], что механизм противоречит сразу нескольким положениям, закрепленным в ДФЕС (Договор о функционировании Европейского союза 2009г.), таким как свобода движения капитала и недискриминация в отношении иностранных инвесторов, государства-члены ЕС были вынуждены отказаться от владения этим специальным правом, и на данный момент в таких странах понятие «Золотой акции» может внедряться лишь уставными договорами негосударственных акционерных обществ в отношении частных лиц.

Анализ нормативно-правовых актов государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), отметим, что «Золотая акция» как специальное право государства в определенные периоды времени, а в некоторых из них – и на данный момент, действовало в четырех из пяти государств-членов именно под этим названием. А именно:

1. В Беларуси механизм «Золотой акции» был внедрен Указом президента в 1998 году и сначала являлся исключительной мерой воздействия на предприятия, созданные на основе госсобственности, однако

[1] CURIA– Documents (europa.eu).

[2] CURIA – Documents (europa.eu).

[3] CURIA – Documents (europa.eu).

с момента вступления в силу Указа от 1 марта 2004г. № 125 «Об особом праве («Золотой акции») государства на участие в управлении хозяйственными обществами», механизм превратился в рычаг постоянного воздействия на предприятия вне зависимости от наличия в них госдоли. В Беларуси был зарегистрирован также случай внедрения «Золотой акции» в частное предприятие (ООО «Мозырский НПЗ плюс»)[4], что вызвало резонанс среди инвесторов. Институт был отменен 4 марта 2008г. опять же указом президента с обоснованием, что институт был отменён в целях создания благоприятных условий для иностранных инвестиций. В то же время, отмена «Золотой акции» стала одной из ключевых реформ, нацеленных на повышение прозрачности управления акционерными обществами и снижение государственного вмешательства в частный сектор экономики. Белорусский подход демонстрирует недостатки слишком широкого использования «Золотой акции», особенно в частных предприятиях, что подрывало доверие инвесторов.

2. В Кыргызской Республике право «Золотой акции» устанавливалось в ст. 31 Закона от 1 января 2002г. «О приватизации государственной собственности», где указывалось, что Правительство Кыргызской Республики имело право принимать решения об использовании в отношении преобразуемых из государственных организаций в открытые акционерные общества учреждений специальное право – «Золотую акцию», «в целях защиты наиболее важных, стратегических интересов государства», как излагается в самой статье. Глава, предусматривающая указанные положения, опять же была признана утратившей силу в 2008 году. Однако причиной стала не только необходимость улучшения инвестиционного климата, но и переход к более рыночным методам управления. Отказ от применения «Золотой акции» в Кыргызстане был частично связан с необходимостью выполнения рекомендаций международных организаций, таких как Всемирный банк и МВФ, которые настаивали на сокращении государственного вмешательства в корпоративное управление как условии для предоставления финансовой помощи и улучшения инвестиционной привлекательности страны. В Кыргызстане «Золотая акция» показала себя как временная мера, эффективно защищающая интересы государства в переходный период приватизации.

[4] Банкротство.by – «Золотая акция» отменена.

3. В Республике Казахстан регулирование этого механизма ближе к европейскому или английскому праву – его использование предусматривается Гражданским кодексом с указанием на то, что «Золотая акция» может быть введена уставным договором акционерного общества, но все же присутствует указание и на то, что в приватизированных АО уставным договором может быть предусмотрено, что контрольный пакет акций, то есть специальное право, закрепляется за государством. Фактически, в данном случае круг субъектов, имеющих возможность внедрять золотую акцию, не ограничивается государством, и наличие специального права государства в отношении приватизированных АО не является обязательным, в отличие от рассмотренных выше примеров. Суммируя, отметим, что Казахстан смог сохранить стратегический контроль над ключевыми предприятиями, не отпугивая иностранных инвесторов благодаря четкому и сбалансированному регулированию. В Казахстане подход к регулированию «Золотой акции» можно охарактеризовать как гибридный: государство сохраняет контроль только в тех акционерных обществах, где это прямо указано в уставе, что обеспечивает определенную свободу частному сектору. Это способствует созданию более открытого инвестиционного климата, в отличие от государств, где «Золотая акция» применяется автоматически ко всем стратегическим предприятиям.
4. В России же этот институт действует и сейчас – ст. 31 Федерального закона от 21 декабря 2001г. № 178-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «О приватизации государственного и муниципального имущества» предусматривает возможность Правительства Российской Федерации (далее также – «РФ» или «Россия») или органов государственной власти субъектов РФ использовать специальное право («Золотую акцию») на участие в управлении акционерных обществ «в целях обеспечения обороноспособности страны и безопасности государства, защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан Российской Федерации»[5]. В отличие от вышеупомянутых государств, российский законодатель, в силу того что институт до сих пор применяется, намного детальнее регулирует нюансы его внедрения и правового положения ак-

[5] Статья 38. Особенности правового положения акционерных обществ, в отношении которых принято решение об использовании специального права («золотой акции») \ КонсультантПлюс.

ционерных обществ, в отношении которых применяется этот механизм. После принятия решения об использовании специального права Правительство назначает своего представителя в совет директоров и ревизионную комиссию выбранного акционерного общества. Законодательством регулируется также то, что Федерация и субъекты Федерации не могут одновременно использовать право «Золотой акции» в отношении одного акционерного общества. Фактически, Россия больше всех сталкивается с проблемой обеспечения прозрачности применения этого института и его соответствия рыночным условиям. Один из примеров практики РФ связан с делом **ОАО «Сургутнефтегаз»**. В рамках корпоративного спора обсуждался вопрос правомочий государства, обладающего «Золотой акцией», на назначение представителей в совет директоров компании. Судебные органы подтвердили, что наличие «Золотой акции» предоставляет государству право не только голосовать по важным вопросам, но и влиять на формирование органов управления. Однако в ряде случаев суды акцентировали внимание на том, что использование этого механизма должно соответствовать целям, указанным в законодательстве, а именно: защита обороноспособности и национальной безопасности.

5. Что касается Республики Армения (далее также – «РА» или «Армения») институт «Золотой акции» здесь никогда не действовал под этим названием. Вопросы, касающиеся участия государства в управлении приватизированными учреждениями, регулируются Законом РА «О приватизации государственного имущества» от 17 декабря 1997г. ЗР-188. Примечательно, что в законе предусматривается такое понятие, как общество с государственным участием, которое раскрывается следующим образом: «общество, 50 или более процентов акций которого являются государственной или муниципальной собственностью». [6] Данный институт не сопровождается теми же привилегиями, что и отдельное специальное право «Золотой акции». Основные положения, касающиеся этих обществ, указывают на то, что этот механизм применяется по отношению к обществам, занимающимся «добычей полезных ископаемых, использованием воспроизводимых природных ресурсов или оказанием услуг, считающихся естественной монополией (водоснабжение, канализация, энергоснабжение и т.д.)», что означает,

[6] «Закон РА о приватизации государственного имущества».

что Армения нашла способ сохранять контроль над стратегически важными объектами, не прибегая к применению права вето, сопровождающего «Золотую акцию», а также сохранять баланс между привлечением иностранных инвестиций и защитой национальных интересов.

Каждое из государств адаптировало этот институт по определенным политическим, правовым или экономическим причинам, но далеко не для каждого институт имел положительные последствия. Беларусь, демонстрируя пример активного вмешательства государства в управление, столкнулась с проблемой снижения доверия инвесторов, что привело к отмене механизма. Для Кыргызстана же «Золотая акция» стала инструментом контроля в переходный для экономики государства период. Казахстан проявил сдержанность и нашел баланс между защитой государственных интересов и использованием института в ограниченной форме. Такого же баланса достигла Армения, но пойдя по иному пути – не используя «Золотую акцию» во всем ее объеме, но предусматривая возможность государства владеть контрольным пакетом акций в стратегически важных объектах. Россия же больше всех сталкивается с правовыми последствиями применения института, поскольку вопрос прозрачности его применения рано или поздно поднимется.

Заключение

Применение «Золотой акции» ставит на повестку вопросы конституционности с точки зрения соблюдения ряда основополагающих прав, таких как свобода предпринимательства, права акционеров, а также соблюдение принципов экономической свободы и конкуренции. Проанализировав вышеуказанные положения отметим следующие преимущества и недостатки данного института.

Из преимуществ

Государство может использовать свое специальное право для обеспечения соблюдения национальных интересов и предотвращения принятия неблагоприятных для государства решений. В правовом контексте «Золотая акция» может быть использована для обеспечения долгосрочной стабильности на стратегически важных рынках и в отраслях, исключая возможность быстрого изменения условий на них в результате волатильных решений акционеров. **Управление рисками**: механизм «Золотой акции» позволяет правительству регулировать или блокировать решения, которые могут нанести ущерб экономике или создать риски для национальной безопасности (например, продажа

стратегически важных активов). Государство также может использовать «Золотую акцию» для недопущения монополизации в критически важных отраслях, что сохраняет конкурентоспособность.

Но одновременно возникает и вторая сторона данного вопроса – монополизация со стороны государства во множестве случаев имеет неблагоприятное последствие на экономику и устраняет здоровую конкуренцию.

Из недостатков

С юридической точки зрения, использование «Золотой акции» может противоречить принципам свободной торговли и рыночной конкуренции, поскольку предоставляет государству возможность регулировать рынок и вмешиваться в частные сделки и корпоративные решения, что может быть воспринято как неэкономичное и несовместимое с принципами рыночной экономики. Также очевидно отрицательное влияние на инвестиционный климат: слишком активное участие государства отпугивает как местных, так и иностранных инвесторов. Дискриминация иностранных инвесторов: «Золотая акция» может создавать дискриминацию в отношении иностранных инвесторов, препятствуя им в получении полноценного контроля над акционерными обществами. Также отметим, что, как и указал Суд ЕС, механизм нарушает принцип свободы капитала и права собственности. Применение «Золотой акции» может быть воспринято как нарушение основополагающих прав акционеров, в частности, их права на свободное распоряжение своим капиталом. Это может ограничить акционеров в принятии решений, даже если они владеют большинством акций, что противоречит принципу свободы предпринимательства и управления. Трудности в обеспечении прозрачности: «Золотая акция» создает проблемы в обеспечении прозрачности в корпоративном управлении. Если государство использует ее для назначения представителей в органы управления компании, это может снизить уровень доверия со стороны частных акционеров и инвесторов, особенно если назначение государственных представителей непрозрачно или не отвечает интересам всех акционеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ от 1 марта 2004г. № 125 «Об особом праве (золотой акции) государства на участие в управлении хозяйственными обществами» Президента Республики Беларусь.
2. Закон Кыргызской Республики от 31 января 2002г. «О приватизации государственной собственности».
3. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О приватизации государственного и муниципального имущества» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155/
4. Закон РА «О приватизации государственного имущества» от 17.12.1997, ЗР-188. Закон РА «О приватизации государственного имущества».

5. «Золотая акция» как форма управления акционерными обществами с участием государства. *Бандурина Н.В.,* 2011, СС. 2–3. «Золотая акция» как форма управления акционерными обществами с участием государства
6. “Golden Shares and the Jurisprudence of the ECJ” – Zisis Chatzigiannakos, 2013, Masters Dissertation.
7. Комиссия против Португалии (C-367/98, 2006г.) CURIA – Documents (europa.eu).
8. Комиссия против Германии (C-112/05, 2007г.) CURIA – Documents (europa.eu).
9. Комиссия против Бельгии (C-101/08, 2009г.) CURIA – Documents (europa.eu).

GOLDEN SHARE: A KEY TO MANAGING CORPORATE GIANTS THROUGH THE EXAMPLE OF EAEU MEMBER STATES

S. Papikyan, A. Hayrapetyan
Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of Law

ABSTRACT

This article explores the essence of the “Golden Share” mechanism – a special corporate governance tool that grants its holder the right to block key company decisions, even with a minority shareholding. The paper examines the legal nature of this institution, its role in the modern economy of EAEU countries, and its impact on the strategic decisions of major corporations. By analyzing the legal acts that introduced this institution in EAEU member states, we have identified its legal framework and the consequences of its application. We will examine the true purpose behind the use of the “Golden Share” mechanism and its potential impact on business control, whether in the hands of the state or private individuals.
Keywords: Joint-stock company, Golden Share, Corporate law, State control.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-76-80

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ ДОЛЕЙ В ОБЩЕСТВАХ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

А.А. Шабоян

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в Ереване
ani.shaboyan2018@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная работа посвящена изучению договора купли-продажи долей в уставном капитале Общества с ограниченной ответственностью (ООО). В статье проводится анализ правовой природы доли в ООО, а также рассматриваются вопросы оборота долей. Особое внимание уделяется процедуре отчуждения долей, правовому оформлению договора купли-продажи и различным позициям авторов в юридической доктрине. Рассматриваются также ключевые проблемы, возникающие при реализации участниками ООО их права преимущественной покупки, а также правовые возможности третьих лиц.
Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, доля, участники, право преимущественной покупки, уставной капитал.

В современной экономической среде одним из наиболее распространенных видов юридического лица является общество с ограниченной ответственностью. Основными преимуществами ООО являются ограничение ответственности его участников и гибкость в управлении.

Актуальность данной темы заключается в том, что на сегодняшний день ООО – это одна из наиболее распространенных организационно-правовых форм ведения предпринимательской деятельности. Отчуждение доли в ООО играет огромную роль для развития инфраструктуры предприятия. Важную роль играет и тот факт, что при отчуждении доли третьему лицу, у участников общества возникает право преимущественной покупки доли. Данное право возникает только при заключении договора купли-продажи доли третьему лицу, а не при заключении иного вида договора.

Целью данной работы является комплексное изучение и расширение представлений о договоре купли-продажи доли в ООО на основе анализа научной и судебной практик, нормативно-правовой базы, а также разработка научно-обоснованных предложений по совершенствованию действующего законодательства в сфере продажи доли в уставном капитале ООО.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- рассмотрение и изучение правовой природы уставного капитала ООО, оборота долей в уставном капитале ООО;
- рассмотрение и изучение сделки купли-продажи доли в уставном капитале ООО: как именно происходит отчуждение доли, как необходимо надлежащим образом оформить договор купли-продажи отчуждения доли;
- рассмотрение изменений, внесенных в ФЗ № 312 «О внесении изменений в часть первую ГК РФ и отдельные законодательные акты РФ», в частности, каким образом они коснулись порядка организации ООО, как изменились имущественные отношения между членами общества;
- рассмотрение ключевых проблем, возникающих при реализации участниками общества их права преимущественной покупки, сферы его действия, а также детальный анализ правовых возможностей участников общества и третьих лиц.

Важно в первую очередь понять, что представляет собой «Доля». Доля в Обществе с ограниченной ответственностью представляет собой часть уставного капитала, которая принадлежит участнику. От размера доли зависит, какую часть прибыли в виде дивидендов может получить участник от деятельности ООО.

Часто в теории гражданского права определяют правовую природу доли в ООО через рассмотрение его в качестве вещи. Данная концепция предполагает рассмотрение доли как совокупности имущественных прав участника хозяйственного общества. Важной является также позиция, которая утверждает, что нужно рассматривать долю как вид корпоративных отношений.

Анализируя подходы, направленные на установление правовой природы доли, можно утвердить, что доля в ООО – комплекс прав и обязанностей, включающий как имущественные, так и неимущественные аспекты.

В соответствии с п.1 ст. 451 ГК РФ, по договору купли-продажи одна сторона, именуемая «Продавец», обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне, именуемой «Покупатель». Покупатель, в свою очередь, обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму [1].

Важно отметить, что можно применять правовые нормы купли-продажи при рассмотрении вопроса о купле-продаже долей в ООО. При этом немаловажно отметить, что 30 декабря 2008г. были внесены изменения в ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2]. В прежней редакции закона предусматривалось, что участники ООО могут заключать договор купли-продажи с другими участниками. Новая редакция предусматривает три случая, при которых возможно отчуждение доли, а именно:

- заключение договора;
- порядок правопреемства, который происходит при наследовании;
- иное законное основание.

Новая редакция закона определяет возможность закрепления цены доли в уставном капитале, она также определяется той ценой, которая была предложена третьему лицу.

Необходимо также затронуть вопрос оформления соглашения о купле-продаже доли. Для этого целесообразно отметить, что в доктрине выделяют два типа сделок, а именно: обязательственную и распорядительную [4]. При обязательственной сделке происходит передача доли, и устанавливается обязанность покупателя по уплате денег. При распорядительной сделке происходит передача права на определенную вещь.

Закон закрепляет обязательность нотариальной регистрации именно распорядительной сделки [1]. Важно отметить, что при уклонении одной стороны от передачи доли другой стороне, возможно требование передачи в судебном порядке.

Целесообразным является также рассмотрение особого института, который возникает, когда участник общества намеревается продать свою долю третьему лицу. Участник Общества с ограниченной ответственностью при намерении продать свою долю третьему лицу, обязан сначала известить об этом остальных участников ООО. Право, возникающее у участников общества, называется правом преимущественной покупки.

Доля может быть приобретена участниками общества по цене, предложенной третьим лицам или по цене, утвержденной в уставе. Существует мнение, что сообщение, направленное участникам о том, что лицо имеет желание продать долю третьему лицу, является ничем иным, как офертой [5]. Таким образом, предъявление согласия на приобретение доли является акцептом, и так мы признаем, что между участниками ООО состоялся договор.

Закон считает, что сообщение о продаже доли участникам является офертой, а ее принятие – акцептом [2]. При этом, при направлении оферты участникам ООО, она должна быть нотариально удостоверена. Также предусматривается своего рода защита тех участников, которые хотят нотариально удостоверить оферту, а другая сторона противится этому. В таком случае суд может принудить последнюю сторону заключить сделку.

Немаловажно отметить, что предоставление данных о третьем лице в извещении о продаже доли необязательно. То есть, закон не предусматривает указания в извещении данных о потенциальном покупателе.

Участники имеют тридцать дней на использование своего права на приоритетную покупку доли. Такие сроки Е.А. Суханов называет пересекательными. Эти сроки являются временными рамками для осуществления действий уполномоченного лица. Если в данный срок правообладатель не извещает о своем желании приобрести долю, или отказаться от своего права на приобретение доли, то доля может быть продана иному заинтересованному человеку [3].

Необходимо отметить, что в случае нарушения права на преимущественную долю, возможно предъявление участникам общества требования о переводе на него прав и обязанностей покупателя, то есть третьего лица, в течение трех месяцев.

В заключение данной работы были установлены следующие выводы:

- доля ООО – это особый комплекс имущественных и неимущественных прав;
- в Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью» предусмотрен открытый перечень оснований перехода доли или части доли участника общества в уставном капитале общества к другим участникам общества и третьим лицам;
- сообщение о продаже доли в ООО, в соответствии с законодательным закреплением, является офертой, а ее принятие – акцептом.

В связи с вышеизложенным, предлагаю внести некоторые изменения в ФЗ «Об ООО»**.**

В частности, новая редакция закона определяет возможность закрепления цены доли в уставном капитале. При этом, в зарубежной судебной практике часто встречается вопрос о несоразмерности стоимости отчуждаемой доли и ее реальной рыночной стоимости. Предлагаю внести изменение в ФЗ «Об ООО», по которому цена не должна быть заранее определена в уставе, а должна быть определена в связи с ее рыночной стоимостью.

Важную роль играет и вопрос о том, что ФЗ «Об ООО» не предусматривает указания данных о потенциальном покупателе в извещении о продаже доли участникам ООО. При этом, отсутствие данных о третьем лице является определенным видом нарушения со стороны продавца. Подразумевается, что своего рода информация о третьем лице играет важную роль при принятии решения о реализации права преимущественной покупки или отказа от нее. Считаю целесообразным внести изменение в ФЗ «Об ООО», предусматривающее необходимость установления данных о третьем лице в извещении о продаже доли участникам ООО.

Немаловажным является также вопрос о признании сделки, заключенной между продавцом доли и покупателем, недействительной, а именно, каким образом он влияет на реализацию правообладателем его права преимущественной покупки.

Предлагаю внести изменение в ФЗ «Об ООО», согласно которому, расторжение договора между продавцом доли и покупателем должно допускаться только перед тем, как правообладатель использовал свое право преимущественной покупки.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. От 08.08.2024/// (сайт) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ ред. От 13.06.2023)///(сайт)https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1 7819/18d8e7b184053c6519cdf8238125f6c5bf905fd1/
3. Российское гражданское право. Учебник. В 2-х т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: «Статут», 2011 (СПС «КонсультантПлюс»).
4. *Карапетов А.Г.* Распорядительная сделка и ее абстрактность: «за» и «против» //https://zakon.ru/blog/2013/9/26/rasporyaditelnaya_sdelka_i_ee_abstraktnost_za_i_protiv.
5. *Толчеев Н.* Является ли извещение о преимущественном праве покупки офертой? // «Российская юстиция», № 7, 2003.

LEGAL REGULATION OF SALES CONTRACTS IN LIMITED COMPANIES RESPONSIBILITY

A. Shaboyan
Branch of M. V. Lomonosov MSU in Yerevan

ABSTRACT

This work is devoted to the study of the contract of sale and purchase of shares in the capital of the Company with limited liability (LLC). The article analyzes the legal nature the legal nature of the share in the LLC, as well as considers issues of turnover of shares. Special attention is given to the procedure of disposal of shares, legal formation of the contract of sale and various positions of authors in the legal doctrine. The key issues arising in exercising the pre-emptive rights of the parties to the LLC as well as the legal possibilities of third parties are also discussed.
Keywords: limited liability company, share, participants, right of pre-emption, authorized capital.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-81-84

ИНТЕРЕСЫ ЗАКОННОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ВЫХОДА ЗА ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА КАССАЦИОНЫМ СУДОМ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.В. Филимонова

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
margarita188@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются некоторые аспекты пересмотра судебных актов кассационным судом общей юрисдикции. С позиции толкования гражданских процессуальных норм исследуется сущность термина «в интересах законности» как основания выхода за пределы рассмотрения дела судом проверочной инстанции.
Ключевые слова*:* гражданское судопроизводство, кассационный суд общей юрисдикции, пределы рассмотрения дела.

Принцип независимости судей приобретает особенное содержательное наполнение, когда речь идет о деятельности судов проверочных инстанций.

Для того, чтобы данный принцип не был нарушен самими судебными органами, процессуальным законодательством Российской Федерации регламентированы пределы рассмотрения дел судами проверочных инстанций.

В настоящей работе проводится анализ правовой природы пределов рассмотрения дела кассационными судами общей юрисдикции через призму анализа правового понятия «в интересах законности» как основания выхода за пределы доводов поданной кассационной жалобы.

Общие нормы ст. 279.6 ГПК РФ [1] устанавливают пределы рассмотрения дела, которые ограничены доводами поданной жалобы. Однако данное императивное предписание может быть преодолено «интересами законности».

Несмотря на то, что Верховный Суд РФ в своем постановлении [2] разъяснил со ссылкой на ст. 2 ГПК РФ, что понимается под интересом законности, имеются случаи отмены определений кассационных судов общей юрисдикции в связи с тем, что суд проверочной инстанции в нарушение своих полномочий вышел за пределы рассмотрения дела.

Все это дает основания полагать, что четких критериев определения понятия «в интересах законности» все еще не выработано.

Если обратиться к теории права, то, по мнению ученых, законность – это многоаспектное, многомерное явление. Доктрина права за довольно длительное время не выработала единого определения понятия законности: одни ученые считают, что законность является принципом неуклонного соблюдения законов; другие – что это процесс практического претворения в жизнь законодательных предписаний; третьи обосновывают правовую природу законности как правового режима [3].

Такая многоплановость правовой природы законности еще более усложняет понимание «ее интересов» как основания выхода судом кассационной инстанции за пределы доводов кассационной жалобы.

В этой связи представляется необходимым подробнее рассмотреть ранее упомянутое постановление пленума Верховного Суда РФ, в п. 32 которого дано определение интересов законности.

Высший суд указывает, что «под интересами законности следует понимать необходимость проверки правильности применения процессуальных и/или материальных норм права в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов участников гражданских, трудовых (служебных) и иных правоотношений, а также в целях защиты семьи, материнства, отцовства, детства; социальной защиты; обеспечения права на жилище; охраны здоровья; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; защиты права на образование и других прав и свобод человека и гражданина; в целях защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц и публичных интересов и в иных случаях необходимости охраны правопорядка».

Означает ли это, что проверка судебных актов в пределах доводов жалобы находится как бы «вынесенной» за рамки это самой законности, поскольку в системном толковании нормативных предписаний ст. 279.6 ГПК РФ во взаимосвязи с п. 32 Постановления Верховного Суда РФ можно сделать вывод о том, что «выходить» за пределы жалобы или нет – это самостоятельное решение состава судей, рассматривающих кассационную жалобу и всякое преодоление пределов жалобы законно.

Вопрос не праздный, поскольку, как уже отмечалось, известны случаи отмены определений кассационных судов общей юрисдикции по основаниям проверки судебных актов по собственной инициативе суда, хотя заявитель не просил об этом.

Так в одной кассационной жалобе заявитель просила отменить апелляционное определение по мотивам, изложенным в кассационной жалобе. Верховный Суд РФ, анализируя законность уже определения кассационного суда общей

юрисдикции, в частности, указал, что «… суд фактически проигнорировал доводы жалобы, проверив законность решения суда первой инстанции по собственной инициативе, в нарушение требований процессуального закона» [4].

Следуя позиции Верховного Суда, справедливо утверждение о том, что применение правил «выхода» за пределы доводов жалобы в интересах законности не могут зависит от субъективного усмотрения судей. С другой стороны – ни законодательство, ни акты официального судебного толкования не определяют конкретные условия, при наличии или отсутствии которых кассационные суды общей юрисдикции будут обязаны или вправе выйти за пределы доводов, изложенных в жалобе.

Тем более, вопросы о пределах рассмотрения кассационной жалобы, требуют своего разрешения в том числе на том простом основании, что не редки случаи переоценки кассационными судами фактических обстоятельств дела.

В этой связи Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что «суд кассационной инстанции не вправе осуществлять «исследование и оценку обстоятельств, не установленных нижестоящими судебными инстанциями», не вправе непосредственно исследовать доказательства и устанавливать фактические обстоятельства дела», что, по мнению Конституционного Суда РФ, выходит за пределы полномочий кассационных судов [5, 6].

В итоге хотелось бы отметить, что вопросов много, а объем работы не позволяет провести глубокий анализ данных правовых коллизий, поэтому хотелось бы начать с вопроса о том, а когда кассационный суд общей юрисдикции в силу правовых предписаний 279.6 ГПК РФ однозначно не может выйти за пределы доводов кассационной жалобы?

По нашему мнению, ответ на этот вопрос позволит законодателю и правоприменителю максимально близко приблизиться к определению условий, при которых выход за пределы доводов жалобы будет необходим, а не просто возможен по усмотрению суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138–ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС «Гарант Максимум».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 22.07.2021 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // СПС «Гарант Максимум».
3. Теория государства и права /под ред. М.М. Рассолова. // М.: «Закон и право»., 2004. СС. 450–453.
4. См., например: Определение Верховного Суда РФ от 19.12.2023 по делу № 5–КГ23-140-К2 // СПС «Гарант Максимум».

5. См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 24.04.2018 № 998–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Жеругова Олега Руслановича, Кузнецова Валентина Владимировича и других на нарушение их конституционных прав ч. 3 ст. 286, п. 5 ч. 1 ст. 287, ч. 1 ст. 288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, п. 2 ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС «Гарант Максимум».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 274–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дериглазова Юрия Харитоновича на нарушение его конституционных прав статьями 286–288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант Максимум».

THE INTERESTS OF LEGALITY AS A BASIS FOR GOING BEYOND THE CONSIDERATION OF THE CASE BY THE CASSATION COURT OF GENERAL JURISDICTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

M. Filimonova
Saratov State Academy of Law

ABSTRACT

The article discusses some aspects of the review of judicial acts by the cassation court of general jurisdiction. From the point of view of the interpretation of civil procedural norms, the essence of the term “in the interests of legality” is investigated as a basis for going beyond the consideration of the case by the court of verification instance.
Keywords: civil proceedings, court proceedings, cassation court of general jurisdiction, limits of consideration of the case.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-85-94

ДИСКРИМИНАЦИЯ ПРАВ ЖЕНЩИН КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Д.Г. Варданян

Российско-Армянский (Славянский) университет
julie.raulaw@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Дискриминация прав человека в современном мире остается острой проблемой. Еще чаще нарушаются права женщин, особенно в регионах, где нарушение их прав носит систематичный и грубый характер на уровне государственной политики. Одним из ярких примеров является Афганистан, где ограничения в отношении женщин принимают формы, которые могут подпадать под квалификацию преступлений против человечности. Преследования по признаку пола, насильственное ограничение прав на свободу передвижения, образования, труда и участия в общественной жизни – все это не только нарушает фундаментальные права, но и угрожает физической и психической безопасности женщин.

В данной статье рассмотрим правовые критерии, при соблюдении которых нарушения прав женщин могут быть квалифицированы как преступления против человечности согласно международному праву.

Ключевые слова: дискриминация, преступления против человечности, право на образование, право на свободу передвижения, право на труд.

В разные исторические периоды государственной и общественной жизни люди сталкивались с дискриминацией, ограничением прав, неравными подходами, обусловленными какими-либо признаками. Уязвимыми группами считались темнокожие и женщины, их права часто ограничивали по расовому или половому признаку.

До 1865г. в США сохранялось рабство, темнокожие были лишены правосубъектности и считались объектами права. Об этом свидетельствует дело Дреда Скотта (Scott v. Sandford), которое описывает реалии того времени. Дред Скотт родился в рабстве в период 1795–1800гг. в штате Виргинии. В 1832г. его купил армейский офицер по имени Джон Эмерсон. После того, как Эмерсон умер, его имущество, включая Дреда Скотта унаследовала супруга.

Скотт предлагал выкуп за себя, но получил отказ[1]. Данное решение подверглось широкой критике, и тринадцатой поправкой в Конституцию США рабство было отменено. Тринадцатая поправка гласит: «В Соединенных Штатах или в каком-либо месте, подчиненном их юрисдикции, не должно существовать ни рабство, ни подневольное услужение, кроме тех случаев, когда это является наказанием за преступления, за которые лицо было надлежащим образом осуждено»[2]. Таким образом, общество пришло к той идее, что дискриминация, то есть ограничение прав по расовому или иному признаку строго запрещается, и не должно иметь места в цивилизованном мире.

Следующей уязвимой группой были женщины, поскольку еще издревле мужчины считались главой семьи, а женщины были под покровительством мужчин. Женщина, выходя замуж, всегда находилась под опекой: отца, мужа, сыновей. Древнему Китаю была присуща патриархальная семья, где женщина находилась под полной властью мужа, не имела права на собственность и была ограничена в наследственных правах. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Древней Индии, где законы Ману устанавливали, что женщина в детстве подчинена отцу, в молодости – мужу, а после смерти мужа – сыновьям, поскольку «женщина никогда не пригодна для самостоятельности» [3]. В Древней Армении ситуация существенно отличалась. Согласно судебнику Гоша, брак должен был заключаться на основе взаимного согласия, и мужчина был обязан уважать свою жену, а оба партнера должны были заботиться друг о друге. Семья всегда была фундаментом армянского общества. Несмотря на некоторые исключения, людям было свойственно думать, что женщины созданы для мужчин, и не «пригодны» в отдельности.

В современном мире, казалось бы, сложно представить случаи ограничения прав человека по половому, расовому, национальному или иному признакам, поскольку с развитием человечества были приняты ряд конвенций и нормативно-правовых актов, по которым, все люди равны, а дискриминация эксплицитно запрещается, но права человека ограничиваются и в нынешнее время, а идея собственного превосходства глубоко укоренена в людях.

Обратимся к конкретным конвенциям и нормативно-правовым актам. Первый абзац статьи 2 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Каждый

---

[1] Dred Scott v. Sandford, 60 U.S. 393 (1856). [Эл. ресурс]: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/60/393/

[2] Конституция Соединенных Штатов. Дата принятия: 17 сентября 1787г. [Эл. ресурс]: https://constitutioncenter.org/media/files/RU-Constitution.pdf

[3] Законы Ману, п.3 гл. 9. [Эл. ресурс]: https://www.bharatiya.ru/india/zak_manu/zak_manu09.html

человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения»[4]. 14 статья Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод[5] также запрещает дискриминацию. Таким образом, как мужчины, так и женщины пользуются равными правами и свободами, и их права не могут быть ограничены по какому-либо признаку. Соответствующая статья предусмотрена в Конституции Республики Армения, конкретнее статья 29 «Запрет дискриминации»[6], и в Конституции Российской Федерации, точнее в п. 2 ст. 19[7]. Исходя из вышесказанного, государства имеют позитивные обязательства перед обществом и должны обеспечивать равный доступ к правам и свободам, предусмотренные конвенциями и нормативно-правовыми актами. Отметим, что позитивные обязательства включают в себя не только обеспечение равенства перед законом, но и создание условий для полноценного осуществления прав. Несмотря на формальное признание равенства и запрещение дискриминации в законодательных актах, на практике права женщин, особенно в определенных странах и регионах, часто нарушаются. В современных реалиях женщины сталкиваются с различными ограничениями, которые лишают их равенства в правовой и социальной сферах. Эти барьеры часто принимают форму гендерной дискриминации, ограничений в доступе к образованию, здравоохранению, трудовой деятельности и политической жизни. Порой права женщин нарушаются на государственном уровне, нормы международного права прямо игнорируются или нарушаются. Например, в Афганистане, Саудовской Аравии, Ираке, Пакистане и некоторых других странах, женщины лишены определенных прав, несмотря на ряд конвенций о запрете дискриминации.

В данной работе, мы проанализируем и попробуем выяснить, какие ограничения прав человека считаются допустимыми и целесообразными, а какие

---

[4] Всеобщая декларация прав человека – 10 декабря 1948г. [Эл. ресурс]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

[5] Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим, 1950г. [Эл. ресурс]: https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols

[6] Конституция РА (5 июля 1995г. с изменениями от 22 июня 2020г.) [Эл. ресурс]: https://www.president.am/ru/constitution-2015/

[7] Конституция РФ (12 декабря 1993г. с изменениями 2020г.)[Эл. ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/a4d26fe6022253f9f9-e396e9ca6f63c80946702f/

могут быть квалифицированы как преступления против человечности. Первоначально, обратимся к Римскому статуту, чтобы выяснить какие преступления относятся к данной категории. По смыслу статьи 7 Римского статута, преступлениями против человечности являются «любые из следующих деяний, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно: a) убийство; b) истребление; c) порабощение; d) депортация или насильственное перемещение населения; e) заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права; f) пытки; и так далее[8]». Таким образом, Римский статут подчеркивает два важных элемента: систематичность и широкомасштабность. Отметим, что в ряде стран права женщин ущемляются на уровне государственной политики, принимаются вопиюще противоправные законы, которые обеспечиваются силой.

21 августа 2024г. власти Афганистана объявили о ратификации закона «О поощрении добродетели и предотвращении порока», который налагает обширные ограничения на население, в особенности на женщин. Данный нормативно-правовой акт вводит обязательные требования к женщинам закрывать все тело и лицо, а также сохранять молчание. Женский голос считается «аврат[9]» и не должен быть слышен на публике, с членами семьи женщины должны общаться настолько тихо, чтобы третьи лица не услышали их голос. Кроме того, женщинам запрещено взаимодействовать с немусульманами, пользоваться общественным транспортом в одиночку и вступать в визуальный контакт с мужчинами, с которыми у них нет кровных уз или брачных отношений[10]. Проанализировав ситуацию в Афганистане и вышеупомянутый закон, принятый талибами, мы можем установить, что у женщин нарушаются такие права как: право на образование, право на труд, право на свободу передвижения, право на свободу слова и выражения мнений, право на свободу религии, а в совокупности – затрагивается вопрос достоинства, не обеспечивается жизнь без дискриминации. В основе данных ограничений, по обоснованиям талибов, лежит Шариат, уполномоченные органы пытаются бороться с

[8] Римский статут МУС – 1998г. [Эл. ресурс]: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf

[9] Арабское слово «awrah» означает части тела, которые должны быть покрыты.

[10] Структура «ООН-женщины» обеспокоена новым законом о морали в Афганистане. [Эл. ресурс https://eca.unwomen.org/ru/stories/zayavlenie/2024/09/struktura-oon-zhenschiny-gluboko-obespokoena-novym-zakonom-o-morali-v-afganistane

«пороком». Но стоит особо подчеркнуть, что помимо известной Всеобщей декларации прав человека[11], есть Всеобщая исламская декларация прав человека[12], которая основана на Коране и Сунне, и была принята по инициативе Исламского совета Европы и зачитана 19 сентября 1981г. в Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО. В ней подчеркивается право на равенство и запрещение всех форм дискриминации, а также закреплены те права, которые активно ущемляются в Афганистане. Таким образом, это еще раз подтверждает, что политика талибов не имеет ничего общего с Шариатом и мусульманскими канонами, это лишь форма «подавления» прав женщин.

Говоря о правах женщин в Афганистане, мы можем установить нарушения пунктов e – «заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права», h – «преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным, как это определяется в пункте 3, или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи с любыми деяниями, указанными в данном пункте, или любыми преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Суда», k – «другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью» (ст. 7).

Рассмотрим ситуацию в Ираке. Шиитские и суннитские учреждения, с поддержкой ультраконсервативных лидеров инициировали законопроект по снижению брачного возраста для девушек до 9 лет. Правозащитные организации утверждают, что детские браки нарушают права человека, лишают девочек образования и работы, а также подвергают их насилию. В основе лежит идея избавления от «аморальных» поступков, а также данное предложение аргументируется тем, что пророк Мухаммед женился на одной из своих жен Аише в этом возрасте[13]. Хотим подчеркнуть Конвенцию о правах ребенка[14], в особенности статью 19, которая запрещает любое сексуальное злоупотребление.

---

[11] Всеобщая декларация прав человека – 10 декабря 1948г. [Эл. ресурс]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

[12] Всеобщая исламская декларация прав человека – 19 сентября 1981г. [Эл. ресурс]: https://idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-01.htm

[13] Fears for women's rights as Iraqi bill resurfaces. Check: https://www.france24.com-/en/live-news/20240808-fears-for-women-s-rights-as-iraqi-bill-resurfaces

[14] Конвенция о правах ребенка – 20 ноября 1989г. [Эл. ресурс]: https://www.un.org/-ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

Таким образом, несмотря на формальное закрепление международных норм и принципов, некоторые государства продолжают заниматься систематическим нарушением прав женщин на государственном уровне, аргументируя это религией либо нормами морали.

В Римском статуте, в перечне преступлений против человечности имеется преступление апартеида. В классическом смысле, важный элемент данного преступления – сегрегация по расовому признаку. Преступления апартеида рассматриваются как бесчеловечные деяния, совершаемые в контексте узаконенного режима систематического угнетения и господства одной расовой группы над любой другой расовой группой или группами, и совершаемые с намерением сохранить этот режим[15]. Возвращаясь к политике талибов, можем отметить, что в нынешнем Афганистане, женщин угнетают исключительно по половому признаку. У представительниц женского пола максимально ограничены права, и делается это систематически в контексте узаконенного режима и с целью сохранить такое положение. Считаем, что актуально рассматривать внедрение в международное право термина «гендерный апартеид». Некоторые специалисты квалифицируют рассматриваемые преступления как «преследование по гендерному признаку». Элементы однозначно совпадают, поскольку в п. 2 ст. 7 (g) Статута МУС дается такое определение: «преследование означает умышленное и серьезное лишение основных прав вопреки международному праву по признаку принадлежности к той или иной группе или иной общности»[16], но стоит особо подчеркнуть, что права женщин нарушаются на уровне государственной политики, и появляется новый элемент – институционализированный режим систематического угнетения и господства. Считаем, что ситуация выходит за рамки преследования и должна рассматриваться как «гендерный апартеид», то есть как бесчеловечные деяния, совершаемые в контексте узаконенного режима систематического угнетения и господства одной гендерной группы над другой.

Рассмотрим постановление Европейского суда по делу «АН и FH против Федерального управления по иммиграции и предоставлению убежища». В данном деле, женщины обратились к правительству Австрии с ходатайством получить убежище, поскольку в их родной стране они подвергаются насилию такого уровня, что возникает угроза их жизни, здоровью, безопасности. В пункте 44 данного дела заявлено: «меры оказывают кумулятивный эффект и применяются

[15] Римский Статут МУС, ст.7, п.2 (h)

[16] Римский Статут МУС – 1998г. [Эл. ресурс]: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf

преднамеренно и систематически, они ярко и беспощадно лишают афганских женщин основных прав, связанных с человеческим достоинством, только из-за их пола. Эти меры отражают установление социальной структуры, основанной на режиме сегрегации и угнетения, в котором женщины исключаются из гражданского общества и лишаются права вести достойную повседневную жизнь в своей стране»[17]. Суд эксплицитно не упоминает термин «гендерный апартеид», но в связке с преследованием по гендерному признаку, подчеркивает такие элементы как «систематичность» и «режим». Таким образом, мы склонны считать, что существует некий пробел, который был обусловлен реалиями того времени и патриархальностью общества.

Обратимся к конкретным правам, которые ограничены у афганских женщин, но представляют угрозу для женщин всего мира. Выше было упомянуто, что женщины ограничены в праве на образование и, помимо того, не могут получать медицинскую помощь от мужчин. Ограничение доступа женщин к полноценному образованию, которое ограничивается лишь обучением до шестого класса, имеет крайне негативные последствия, ибо в совокупности с запретом на получение медицинской помощи от врачей мужского пола фактически лишает женщин возможности получить необходимые услуги, что представляет собой реальную угрозу их жизни и здоровью. Жизнь и фактическое существование женщин ставится под сомнение, появляется реальная угроза «выживания». Сфера здравоохранения является жизненно важным для любого индивида. Рассмотрим конкретное дело. Афганка Сугра, будучи беременной не могла получить медицинскую помощь, поскольку больницы были закрыты, была нехватка акушерок, а женщины, которые могли оказать какую-либо помощь, ограничены в праве на свободное передвижение. Для получения неотложной медицинской помощи, Сугре пришлось поехать к своему отцу, преодолев достаточно длинную дистанцию, чтобы акушерка по имени Мариза Ахмади смогла оказать необходимую услугу. Отметим, что последняя не покинула страну только по тем соображениям, что жизнь и здоровье женщин под угрозой, а врачи мужского пола не имеют право на оказание медицинского обслуживания[18]. Таким образом, ограничение права на образование и на получение медицинской помощи в совокупности могут быть квалифицированы как преступления против человечности.

---

[17] Judgement of the Court «AH & FN v. Federal Migration and Asylum Office». Check: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=290687&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=4760698

[18] UN. The midwife from Afghanistan. Check: https://news.un.org/ru/story/2024/08/1455551

В силу значимости прав человека и большой угрозы человечеству, сроки давности к преступлениям против человечности не применимы. Об этом гласит статья 1 Конвенции о неприменении срока давности к военным преступлениям и к преступлениям против человечности[19].

Исходя из вышеизложенного, приходим к выводу, что представители женского пола определенно не защищены в некоторых своих же государствах. Систематичное нарушение прав женщин на государственном уровне стало общей практикой, в особенности в мусульманских странах, где все обосновывается канонами Шариата. Ущемление прав женщин часто прикрывается, ссылаясь на традиции, религию, мораль и другие трансцендентные ценности. В целях защиты прав женщин, в современном мире государства уже начали практику предоставления убежища по половому признаку. Важно подчеркнуть, что все государства erga omnes обязаны защищать права людей, без какой-либо дискриминации, а ограничение прав допустимо только при соблюдении следующих критериев: законность, легитимная цель и соразмерность. Во всех остальных случаях неравный доступ к осуществлению или защите прав является противоправным, а в случае, когда ограничение прав предоставляет реальную угрозу жизни и здоровью индивидов, оно может рассматриваться в контексте преступлений против человечности.

Международное сообщество должно предпринимать активные шаги для пресечения систематичного нарушения прав женщин на уровне государственной политики, ибо это угрожает не только конкретным индивидам, но и каждой женщинам в отдельности. Предлагаем также внедрить в нормативно-правовые акты термин «гендерный апартеид», а в Конвенцию о статусе беженцев[20]– предоставление убежища по половому признаку при наличии реальной угрозы жизни и здоровью лиц, а также в случае дискриминационной политики государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Структура «ООН-женщины» обеспокоена новым законом о морали в Афганистане. [Эл. ресурс]:
2. https://eca.unwomen.org/ru/stories/zayavlenie/2024/09/struktura-oon-zhenschiny-gluboko-obespokoena-novym-zakonom-o-morali-v-afganistane
3. Fears for women’s rights as Iraqi bill resurfaces. Check: https://www.france24.com/en/live-news/20240808-fears-for-women-s-rights-as-iraqi-bill-resurfaces

[19] Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и к преступлениям против человечности (26 ноября 1968г.) [Эл. ресурс]: https://www.un.org/-ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml

[20] Конвенция о статусе беженцев (28 июля 1951г.)[Эл. ресурс]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml

4. UN. The midwife from Afghanistan. Check: https://news.un.org/ru/story/2024/08/1455551
5. Законы Ману, п.3 гл. 9. [Эл. ресурс]: https://www.bharatiya.ru/india/zak_manu/zak_manu09.html

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

1. Римский статут Международного уголовного суда. Рим, 1998. [Эл. ресурс]: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf
2. Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948г.) [Эл. ресурс]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
3. Всеобщая исламская декларация прав человека (19 сентября 1981г.) [Эл. ресурс]: https://idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-01.htm
4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим, 1950г. [Эл. ресурс]: https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols
5. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. [Эл. ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/a4d26fe6022253f9f9e396e9ca6f63c80946702f/
6. Конституция РА, принята на референдуме 5 июля 1995г. с изменениями от 22 июня 2020г., внесенными Национальным Собранием РА. [Эл. ресурс]: https://www.president.am/ru/constitution-2015/
7. Конституция Соединенных Штатов, принята 17 сентября 1787г. [Эл. ресурс]: https://constitutioncenter.org/media/files/RU-Constitution.pdf
8. Конвенция о правах ребенка (20 ноября 1989г.) [Эл. ресурс]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
9. Конвенция о статусе беженцев (28 июля 1951г.) [Эл. ресурс]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml
10. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и к преступлениям против человечности (26 ноября 1968г.) [Эл. ресурс]: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml

СУДЕБНЫЕ АКТЫ

1. Dred Scott v. Sandford, 60 U.S. 393 (1856) [Эл. ресурс]: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/60/393/
2. Judgement of the Court «AH & FN v. Federal Migration and Asylum Office». Check: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=290687&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=4760698

DISCRIMINATION AGAINST WOMEN'S RIGHTS AS A CRIME AGAINST HUMANITY

J. Vardanyan
Russian-Armenian (Slavonic)University

ABSTRACT

Discrimination of human rights remains a pressing issue in the modern world. Women's rights are violated even more frequently, especially in regions where such violations take on a systematic and severe nature at the

level of state policy. One striking example is Afghanistan, where restrictions on women take forms that could qualify as crimes against humanity. Gender-based persecution, the forced restriction of rights to freedom of movement, education, work, and participation in public life – all of these not only violate fundamental rights, but also pose a threat to the physical and mental security of women.

This article will examine the legal criterias under which violations of women's rights can be qualified as crimes against humanity under international law.

Keywords: discrimination, crimes against humanity, right to education, right to freedom of movement, right to work.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-95-104

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ: РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

А.Р. Мкртчян

Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт права
alexmkrtchyan14@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Данная работа посвящена исследованию правовой базы кибербезопасности в Республике Армения и ее соотношению с международными стандартами в этой области. В статье проводится сравнительный анализ национальных нормативных актов Армении в сфере кибербезопасности и международно-правовых актов, таких как директивы ЕС, Будапештская конвенция и Конвенция ООН. Освещаются ключевые проблемы и вызовы, с которыми сталкивается Армения в стремлении к гармонизации национальных норм с международными требованиями, выявляя недостатки и предлагая возможные решения для повышения уровня кибербезопасности. Особое внимание уделяется отсутствию единого понимания в области кибербезопасности на международном уровне и его негативному влиянию на сложившиеся общественные отношения.

Методологию работы составили методы сравнительного анализа, синтеза, аналогии, а также частно-научные методы.

Ключевые слова: кибербезопасность, Республика Армения, международное право, правовое регулирование, сравнительный анализ.

Введение

В условиях стремительного роста цифровых технологий, продолжающихся процессов глобализации, развития наук и техники, появления нового пространства складывания и реализации общественных отношений – киберпространства, вопросы кибербезопасности становятся одной из важнейших составляющих как международной, так и национальной безопасности, которая должна основываться на устойчиво сформированном и развитом правопорядке, отражающем современные научно-теоретические и практические взгляды регулирования отношений по кибербезопасности. Учитывая возможность появления новых киберугроз, способных нанести существенный вред национальным инфраструктурам, государства все стремительнее активизируют усилия по созданию надежных механизмов защиты от киберугроз не только на

внутригосударственном, но и на международном уровне, присоединяясь к различным международным соглашениям, а также участвуя в создании новых универсальных и общеобязательных актов в сфере кибербезопасности. Республика Армения как субъект международного права, находясь на пересечении региональных и глобальных интересов, сталкивается с рядом уникальных вызовов в сфере кибербезопасности. Сравнение подходов Армении к вопросам кибербезопасности с международно-правовыми стандартами позволяет не только оценить эффективность национальной политики, но и учитывать международный опыт различных передовых стран для дальнейшего развития и гармонизации с глобальными практиками.

В данной статье проводится сравнительно-правовой анализ законодательства Армении в области кибербезопасности с международно-правовыми нормами для выявления существующих недостатков, проблем национальной системы кибербезопасности и возможностей для ее улучшения.

В международном праве вопросы кибербезопасности стали актуальными начиная с конца 1990-х и начала 2000-х годов, когда цифровые технологии стали играть ключевую роль в глобальной экономике, коммуникациях и безопасности. Прежде всего, что такое «кибербезопасность» в международном праве. Договорное право не содержит положений об определении данного понятия, а в доктрине существуют разные подходы по его определению. Например, одни авторы определяют кибербезопасность как «совокупность условий, при которых все составляющие киберпространства защищены от максимально возможного числа угроз…» [1], или же, например, как было указано в определении Полномочной конференции Международного союза электросвязи (МСЭ): «это технологии, концепции, меры государственной политики…, направленные на защиту активов… и киберпространства от атак, нанесения ущерба и неавторизованного доступа» [2].

Предпосылками для объединения усилий государств для создания единых стандартов кибербезопасности стали изменение и перерастание имеющего изначально внутригосударственную распространенность и значение характера киберпреступлений в международно-распространенные противоправные деяния, причинение ими ущерба международным критическим инфраструктурам, включая международную безопасность, использование цифровых технологий для ведения кибервойн, террористических и иных деяний, направленных на запугивание населения, получение секретной информации и т.д. А главное, различие внутригосударственного правового регулирования по вопросам кибербезопасности или его полное отсутствие у некоторых стран по-

служили едва-ли не основным фактором разработки согласованного международно-правового подхода в сфере кибербезопасности и киберпреступности в целях сохранения международного баланса и обеспечения международной безопасности, защиты прав и свобод человека.

При рассмотрении вопроса о том, можно ли распространить существующие принципы и нормы международного права на регулирование киберпространства и отношения, касающиеся кибербезопасности, необходимо исходить из специфики кибер-отношений, их новизны и отсутствия длительной законодательной практики государств в этой сфере. С одной стороны, верно то утверждение, что некоторые конвенционные и обычные нормы международного права ввиду характера отношений не могут быть применимы к отношениям по кибербезопасности, например, нормы Женевских конвенций 1949г. касательно гуманного отношения к военнопленным или к гражданскому населению во время вооруженного конфликта, или же такие конвенционные нормы, как нормы по регулированию морских, космических, экологических отношений между государствами. Однако такой подход не должен истолковываться как рассмотрение киберправа и киберотношений в контексте, отдельном от международного права, иначе получилось бы, что нераспространение международно-правовых принципов и норм на данную сферу породило бы отсутствие каких-либо международных обязательств у государств и иных субъектов международного права, и вследствие – отсутствие конкретного правового регулирования. Поэтому необходимо констатировать, что несмотря на специфику киберправа в целом, общие и универсальные принципы и нормы международного права должны распространяться на правоотношения, касающиеся кибербезопасности, например, закрепленные в Уставе ООН принципы международного права, конвенционные нормы о запрете дискриминаций, защите прав и свобод человека, личных данных и т.д., налагающих на государства позитивные обязанности по ох обеспечению [3].

Как мы отметили, в международном договорном праве отсутствует понятие «кибербезопасность» ввиду отсутствия универсального документа по регулированию отношений кибербезопасности. Первые попытки создания единого международного документа, регулирующего отношения кибербезопасности и киберпреступности, воплотились в **Будапештской конвенции о киберпреступности** (Convention on Cybercrime) от 23 ноября 2001г. Само название конвенции указывает на предмет его регулирования – киберпреступления или преступления в сфере компьютерной информации, причем в конвенции понятие «киберпреступности» не раскрывается, а закреплены конкретно рас-

пространенные противоправные деяния. Основными целями и задачами принятия конвенции, учитывая тенденции развития цифровизации и глобализации компьютерных сетей, стали, как это указано в ее преамбуле, достижение большего сотрудничества между государствами в сфере уголовной-правовой политики, пресечение и предупреждение киберпреступлений, защита конфиденциальности, целостности и доступности персональных данных. Однако по кругу регулируемых отношений конвенция не охватывала другие аспекты обеспечения кибербезопасности, имея строго установленный уголовно-правовой характер.

Будапештская конвенция стала первой отправной точкой сплочения усилий государств на создание универсального международного акта, устанавливающего единые стандарты регулирования их деятельности в борьбе с киберпреступностью. Конвенция имеет два дополнительных протокола: Дополнительный протокол I «Об инкриминировании расистских актов и совершенного ксенофоба при помощи информационных систем» и Дополнительный протокол II «О расширении сотрудничества и раскрытии электронных доказательств».

Помимо Будапештской конвенции, существуют несколько отдельных документов, регулирующих вопросы кибербезопасности и киберпреступности, которых нельзя однозначно назвать международными по кругу участников таких соглашений и сфере действия. Такими соглашениями являются, например, *Шанхайское соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности* (Екатеринбургское соглашение)[1], в которую входят всего 6 стран, или же Конвенция Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных[2], которая является региональным документом.

В рамках кибербезопасности наиболее продвинутым законодательством обладает конечно же ***Европейский союз*** (ЕС). Политика ЕС по обеспечению кибербезопасности началась с 2004г. созданием Европейского агентства по сетевой и информационной безопасности (ENISA), который занялся мониторингом угроз и консультированием государств-членов по вопросам кибербезопасности. С 2013г. ЕС принял свою первую Стратегию по кибербезопасности[3], в которой обозначил три основных составляющих политики ЕС в этой

[1] https://ccdcoe.org/uploads/2018/11/SCO-090616-IISAgreementRussian-1.pdf

[2] https://au.int/sites/default/files/treaties/29560-treaty-0048_-_african_union_convention_on_cyber_security_and_personal_data_protection_e.pdf

[3] https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52013JC0001

области: борьба с киберпреступностью, обеспечение сетевой и информационной безопасности, кибербезопасности и интеграции в Общей внешней и оборонной политики ЕС [4]. Другими важнейшими документами ЕС являются Директивы NIS (2016–2021) (Network and Information Security Directive) и NIS2[4] (2022), которые стали первым обязательным актом ЕС в области кибербезопасности, обязывающими государств-членов ЕС улучшить защиту критической инфраструктуры (энергетика, транспорт, финансы, здравоохранение и т.д.), или же Общий регламент о защите данных (GDPR), Акт об ИИ (Artificial Intelligence Act), который находится на стадии обсуждения, но главным актом является принятый в 2019г. *Акт о кибербезопасности* (Cybersecurity Act)[5], который наделил ENISA постоянным статусом агентства по достижению высокого уровня кибербезопасности по всему ЕС, действующего независимо от государственных структур, учредил единую систему сертификации продукции, услуг и процессов в сфере кибербезопасности в целях улучшения внутреннего рынка информационно-коммуникационных технологий (ICT) путем повышения уровня кибербезопасности в ЕС и гармонизации государственных систем сертификации.

Исходя из анализа характера вышеуказанных документов, необходимо отметить, что несмотря на то, что киберпространство и киберправо не находятся «вне правового регулирования», однако данное регулирование носит лишь местный (региональный) характер, в отсутствие единого, универсального и сложного международно-правового механизма регулирования [5].

Для создания единого международно-правового документа в сфере кибербезопасности в 2021г. ООН был создан специальный комитет по вопросам кибербезопасности (UN Ad Hoc Committee), который после трех лет работы разработал Проект Конвенции о киберпреступности (*UN Treaty on Cybercrime*)[6], который может быть принят в конце 2024г. Данная конвенция станет первым глобальным юридически обязательным документом о киберпреступности. Проект конвенции предоставляет инструменты, которые укрепят международное сотрудничество, усилия по обеспечению соблюдения законодательства, техническую помощь и наращивание потенциала в области борьбы с киберпреступностью.

Перейдя к сравнительно-правовому анализу международно-правового регулирования правоотношений, касающихся кибербезопасности, и регулирова-

[4] https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2555

[5] https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/the-eu-cybersecurity-act.html

[6] https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v24/055/06/pdf/v2405506.pdf

ния тех же отношений в Республике Армения, необходимо отметить, что отношения по обеспечению кибербезопасности в Республике Армения начали формироваться с 2000-х годов с появлением первых актов киберпреступлений, направленных на незаконное получение личных данных и информаций, содержащихся в компьютерных данных. Армянский законодатель не мог игнорировать распространенность таких актов в общественной жизни с точки зрения появления угроз национальной безопасности, критическим инфраструктурам и конфиденциальности личных данных, поэтому основание правового регулирования кибербезопасности было заложено в конституции страны. Конституция Республики Армения (ст. 33 и 34) предусматривает право каждого на защиту персональных данных от незаконного вмешательства как государственных органов, так и других лиц, а также право на свободу и тайну переписки, телефонных разговоров и других средств связи, связанных с этим правом. Тенденция криминализации киберпреступлений и других актов, направленных против безопасности компьютерной информации, нашедших место в первом Уголовном кодексе Республики Армения, принятого в 2003г., продолжилась и после принятия нового УК РА в 2021г., содержащего уже 7 составов преступлений (Глава 38), запрещающих незаконный допуск к информации, ее изменение, распространение, уничтожение и т.д. Следует отметить, что Уголовный кодекс регулирует отношения в области кибербезопасности только в общих чертах, на это также указывает общий характер раскрытия диспозиций только некоторых типов киберпреступлений. Вот почему в дополнение к Кодексу армянский законодатель, принимая во внимание интенсивность киберпреступности и уделяя особое внимание определенным категориям уязвимых групп, активно разрабатывает и принимает отдельные законодательные акты, касающиеся определенных типов киберпреступности.

Наряду с Законом РА «О защите персональных данных», который регулирует деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, а также юридических и физических лиц по обработке и защите персональных данных, недавним примером государственной политики в сфере кибербезопасности является разработанный Министерством высокотехнологической промышленности проект нового закона – *Закон Республики Армения «О кибербезопасности»*[7], который в настоящее время находится на стадии обсуждения перед окончательным принятием. Закон направлен на создание безопасного киберпространства и обеспечение кибербезопасности государственных и частно-коммерческих

[7] https://www.e-draft.am/ru/projects/6656/about

информационных систем и критических инфраструктур, регулирование отношений по предоставлению услуг в сфере кибербезопасности частными компаниями, соблюдение ими мер по кибергигиене, а также сообщение о всех случаях кибервмешательств и киберпреступлений в уполномоченный государственный орган. В основу законопроекта были заложены правовые регулирования Директивы ЕС 2022/2555 (NIS2), а учитывался законодательный опыт таких развитых в киберсфере стран, как Эстония, Сингапур, Узбекистан, Грузия, Албания и др. Необходимо отметить, что, в отличие от международных документов, армянский законодатель в данном законопроекте определил понятие **кибербезопасности** как *совокупность организационных, технических, программных средств, обеспечивающих доступность, целостность, аутентичность, конфиденциальность и неоспоримость информации, обрабатываемой, хранящейся и передаваемой в компьютере, компьютерном оборудовании*…, что является прогрессивным шагом с точки зрения правовой определенности регулирования отношений кибербезопасности.

В настоящее время Республика Армения активно сотрудничает с различными государствами и международными организациями в рамках политики укрепления сотрудничества в области обеспечения мер кибербезопасности и пресечения киберпреступности. Республика Армения является участницей Будапештской конвенции о киберпреступности с 2007г.[8], кроме того, как член ООН, Армения также активно участвует в процессе обсуждения с другими государствами-членами «Договора ООН о борьбе с киберпреступностью». Армения также сотрудничает с НАТО в сфере кибербезопасности. Это партнерство началось в 1992г. с присоединения к Совету Североатлантического сотрудничества (Euro-Atlantic Partnership Council). Несколько индивидуальных планов действий партнерства (IPAP) между Арменией и НАТО, реализованных в период с 2009 по 2014–2016гг., способствовали позитивному развитию сотрудничества в киберпространстве и разработке новых элементов кибербезопасности.

Однако, несмотря на проводимую государственную политику в области кибербезопасности, выраженную в ежегодных отчетах ответственных органов с точки зрения выполнения поставленных задач, следует отметить, что «киберправо» в целом является новым видом законодательства как в Армении, так и в международном праве. Среди актуальных проблем и задач как во внутригосударственном, так и на международном уровне можно назвать:

[8] https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=48028

1) *Отсутствие систематизированного и всеобъемлющего законодательства* в области кибербезопасности и киберпреступности. Об этом свидетельствует наличие лишь нескольких «узких» законодательных актов, которые дают хоть какое-то представление о видах киберпреступности и мерах кибербезопасности в Армении и в международном праве целом. Кроме того, действующих законов недостаточно для решения таких задач, связанных с современными угрозами кибербезопасности, как кибертерроризм, защита персональных данных во время чрезвычайного или военного положения, юридическая неуязвимость киберпреступников и латентность киберпреступлений. Таким образом, одной из проблем является разработка нормативно-правовой базы и внедрение надежных законов и положений о кибербезопасности для защиты критически важной инфраструктуры, такой как национальная безопасность, энергетика, финансы, транспорт и персональные данные.

2) *Появление новых видов киберугроз*. «Дело Аванесова»[9], «первого хакера Армении», создавшего вирус «Bredolab» и получившего незаконный допуск к компьютерной информации огромного количества лиц в целях их изменения и уничтожения, яркий пример того, что Армения не была готова к такой масштабной кибератаке из-за отсутствия продвинутого законодательства, поэтому одним из основных направлений государственной политики должно быть противодействие различным киберугрозам. Например, принимая во внимание данные за 2023г., Армения занимает 96-е место в мире по Национальному индексу кибербезопасности (NCSI), который измеряет потенциал стран в области кибербезопасности, реализуемый центральными правительствами. Показатель NCSI в Армении составляет около 35,06%, а уровень цифрового развития (DDL) измеряется примерно в 55,06%[10]. С этими показателями Армения входит в число таких стран, как Руанда, Кувейт, Черногория, Южная Африка и другие развивающиеся страны, что означает довольно слаборазвитую систему кибербезопасности.

3) *Небольшое количество специализированных юридических органов в области кибербезопасности* и отсутствие стандартизированных практик. На данный момент в Армении центральным правительственным органом, координирующим политику в сфере отношений, касающихся кибербезопасности,

[9] Hacker Avanesov: legend or reality? (Internet resource), URL: https://www.aravot.am/2012/05/22/297832/; Bredolab Botnet Operator Gets Jail Time in Armenia (Internet resource), URL: https://www.bitdefender.com/blog/hotforsecurity/bredolab-botnet-operator-gets-jail-time-in-armenia/

[10] National Cybersecurity System Index. (Internet resource): URL: https://ncsi.ega.ee/ncsi-index/?order=rank&archive=1

является Министерство высокотехнологической промышленности Армении, которое разрабатывает и осуществляет политику правительства в сферах связи, информатизации, информационных технологий и других сфер. Подконтрольными министерству органами являются **AM-CERT**, который занимается обследованием и координацией реагирования на инциденты кибербезопасности в национальной критической инфраструктуре[11]; **Агентство информационных систем Армении** (ISA), занимающееся вопросами обеспечения национальной системы идентификации, а также создания инфраструктур по обеспечению безопасного взаимодействия базы данных и кибербезопасности[12]; **ISOC** (Интернет-сообщество) Армения, **DPA** (Управление по защите данных), а также Служба национальной безопасности (СНБ). На международной арене и в таких ведущих странах в сфере кибербезопасности, как США, Китай, Израиль и т.д., существуют такие органы, как CISA (Cybersecurity and infrastructure security agency), специальные подразделения FBI и отдельные органы в структуре ООН и ЕС, каждый из которых имеет свои региональные подразделения, деятельность которых охватывает сферы национальной безопасности, критической инфраструктуры, пресечения киберпреступности, а также сферы частного коммерческого сектора и обеспечения интересов частных лиц. В Армении же существующие центральные органы обладают лишь строго ограниченными полномочиями и ресурсами, то есть, в основном их полномочия охватывают только базовые функции реагирования на кибер-инциденты, оставляя многие вопросы превентивного характера, включая отсутствие мониторинга потенциальных кибер-угроз и защиту частного сектора, поэтому приоритетным является либо создание дополнительных органов с региональными подразделениями для повышения эффективности обеспечения кибербезопасности и на местах, либо расширение полномочий существующих органов в целях охватывания остальных вопросов в сфере отношений, касающихся кибербезопасности.

Таким образом, актуальность проблемы кибербезопасности в международном праве остается связанной с отсутствием единого общеобязательного правового регулирования, а также взаимодействия государств для достижения гармонизации своих законодательств и правоприменительной практики в сфере кибербезопасности. Отсутствие законодательства может сказаться и на международной судебной практике, так как при рассмотрении и разрешении

[11] https://am-cert.am/

[12] https://finport.am/full_news.php?id=49100

конкретного спора о нарушении прав человека в связи с совершением киберпреступлений или иных деяний, подвергающих угрозе кибербезопасность, суду будет тяжело применить соответствующую норму, так как прямого регулирования нет. Поэтому суды, исходя из необходимости и важности обеспечения защиты прав человека, считают целесообразнее развитие практики применения доктрины «живого права или инструмента», которая, хоть и применяется в международном праве в рамках ЕКПЧ [6], но осуществляет ее распространение также и на другие международные конвенции, закрепляющие и обеспечивающие права человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Безкоровайный М.М, Татузов А.Л.* Кибербезопасность – подходы к определению понятия // журнал «Вопросы кибербезопасности», 2014. С. 25.
2. *Верхелст Э., Ваутерс Я.* Глобальное управление в сфере кибербезопасности: взгляд с позиции международного права и права ЕС // «Вестник международных организаций», т. 15.2, 2020. СС. 142–143.
3. *Даниельян А.А., Гуляева Е.Е.* Международно-правовые аспекты кибербезопасности // «Московский журнал международного права», 2020. С. 48.
4. Sinan Ulgen Cybersecurity: Governing Cyberspace, published by: Carnegie Endowment for International Peace, 2016. P. 55.
5. *Kubo M.* Is the International law of cyber security in crisis? 2016. P. 132.
6. Linos-Alexander Sicilianos Interpretation of the European Convention on Human Rights: Remarks on the Court`s Approach, 8p.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CYBERSECURITY: THE REPUBLIC OF ARMENIA AND INTERNATIONAL LAW

A. Mkrtchyan
Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of law

ABSTRACT

This work is devoted to the study of the legal framework of cybersecurity in the Republic of Armenia and its relationship with international standards in this field. The article provides a comparative analysis of Armenia's national regulations in the field of cybersecurity and international legal mechanisms such as EU directives, the Budapest Convention and the UN Convention. It highlights the key issues and challenges that Armenia faces in seeking to harmonize national norms with international requirements, identifying shortcomings and suggesting possible solutions to improve cybersecurity. Particular attention is paid to the lack of unified international legislation in the field of cybersecurity and its negative impact on existing public relations.

The methodology of the work was based on methods of comparative analysis, synthesis, analogy and other private scientific methods.

Keywords: cybersecurity, Republic of Armenia, international law, legal regulation, comparative analysis.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-105-112

ԱՇԽԱՏԱՆՔԱՅԻՆ ՄԻԳՐԱՆՏՆԵՐԻ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆԵՐԻ ՊԱՇՏՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ՌԴ-ՈՒՄ՝ ՄԱՐԴՈՒ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆԵՐԻ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Ա.Ս. Խաչատրյան

Հայ-ռուսական (Սլավոնական) համալսարան
Իրավունքի ինստիտուտ
anna.khachatryan.intrel@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածի նպատակն է ներկայացնել ՌԴ-ում միգրացիոն օրենսդրության բարեփոխումների միջոցներն ու ուղիները, ինչպես նաև միգրացիոն օրենսդրության ոլորտի այնպիսի փաստաթղթերի վերհանումը, որոնք առաջնահերթ ապահովում են աշխատանքային միգրանտների իրավունքների պաշտպանությունը՝ միջազգային իրավունքի նորմերին համապատասխան։

Հիմնաբառեր՝ միգրացիա, օրենսդրություն, մարդու իրավունքներ, աշխատանքային միգրացիա, միջազգային իրավունք։

Ներածություն

Աշխատանքային միգրանտների իրավական պաշտպանությունը ժամանակակից միգրացիոն քաղաքականության և միջազգային իրավունքի կարևոր ասպեկտ է, քանի որ միգրանտների իրավունքների և շահերի ապահովումը կարևոր է ինչպես առանձին պետությունների, այնպես էլ տարածաշրջանային ինտեգրացիոն կազմակերպությունների մակարդակով: Սույն զեկույցի նպատակն է իրականացնել համապարփակ վերլուծություն և ընդգծել աշխատանքային միգրանտների իրավական պաշտպանության հիմնական ասպեկտները ՌԴ-ում՝ միջազգային իրավունքի համատեքստում: Զեկույցի նպատակն է բացահայտել միգրացիոն գործընթացում աշխատանքային միգրանտների առջև ծառացած խնդիրները, ինչպես նաև առաջարկություններ և գործնական մոտեցումներ տրամադրել իրավական պաշտպանության համակարգի բարելավման համար՝ հաշվի առնելով վերոնշյալ պետության առանձնահատկությունները: Ուշադրության կենտրոնում ոչ միայն առկա նորմերի և օրենքների վերլուծությունն է, այլև դրանց արդյունավետության գնահատումը, ինչպես նաև

միջազգային իրավունքի նորմերի ներդրման և այս ոլորտում միջազգային համագործակցության բարելավման առաջարկները:

Ուսումնասիրության մեթոդ

Ուսումնասիրությունն իրականացնելիս կիրառվել է ինչպես սոցիալ-իրավական մեթոդը, որը թույլ է տալիս ընդգծել աշխատանքային միգրանտների օրինական պաշտպանության խնդրին առնչվող սոցիալական տարբեր շրջանակներում առկա բոլոր ասպեկտները, այնպես էլ պատմաիրավական և համեմատական-իրավական մեթոդները:

Աշխատանքային միգրանտները, թերևս, միգրանտների այն խումբն են, որոնք առավել հաճախ են առնչվում պետական մարմինների, վարչական տարբեր փաստաթղթերի հետ, դառնում են պայմանագրային կողմ, խզում են դրանք, օգտվում են օրենքի պաշտպանությունից և ինչպես նաև խախտումներ կատարում:

Օտարերկրյա քաղաքացիների և քաղաքացիություն չունեցող անձանց իրավական կարգավիճակի հիմունքները ամրագրված են ՌԴ Սահմանադրությամբ, ըստ որի՝ այդ կատեգորիայի անձինք օգտվում են իրավունքներից և պարտականություններից Ռուսաստանի քաղաքացիների հետ հավասար հիմունքներով՝ բացառությամբ դաշնային օրենքներով սահմանված դեպքերի: Սահմանադրական մակարդակով երաշխավորվում է օտարերկրյա քաղաքացիների նկատմամբ հավասարության սկզբունքների տարածումը՝ անկախ անձի (ազգության) ազգությունից և ծագման երկրից [3]:

Աշխատանքային միգրանտների պաշտպանության ոլորտում կարևորագույն իրավական աղբյուր է «Բոլոր աշխատանքային միգրանտների և նրանց ընտանիքների անդամների իրավունքների պաշտպանության միջազգային կոնվենցիան» [2][1], որը հիմնարար իրավունքներ և երաշխիքներ է սահմանում աշխատանքային միգրանտների և նրանց ընտանիքների անդամների համար: Անդրադառնանք «Օտարերկրյա քաղաքացիների իրավական կարգավիճակի մասին» ՌԴ դաշնային օրենքի մարդու իրավունքների պաշտպանությանը վերաբերող մի քանի հոդվածների, որոնք հակասում են նշված Կոնվենցիային:

Վերոնշյալ Կոնվենցիայում նշվում է՝ «Աշխատող միգրանտները և նրանց ընտանիքների անդամներն ունեն անձնական ազատության և

[1] Տե՛ս «Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей», https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-protection-rights-all-migrant-workers, հասանելի է 1.03.24:

անձեռնմխելիության իրավունք» [2]: Սա նշանակում է, որ միգրանտները և ընտանիքի անդամները իրավունք ունեն պաշտպանել իրենց անձը ապօրինի ձերբակալությունից, ֆիզիկական կամ հոգեբանական բռնությունից և իրենց անձնական կյանքին կամայական միջամտությունից: Այս կարևոր իրավունքն ապահովում է անհատների ինքնավարությունն ու անկախությունը, պաշտպանում է նրանց մարդկային արժանապատվությունը և հանգեցնում է ազատ և անվտանգ ապրելու պայմանների ստեղծմանը այն երկրում, որտեղ նրանք գտնվում են: Աշխատանքային միգրանտների և նրանց ընտանիքների ազատության և անվտանգության ապահովումը ներառում է նաև տեղաշարժի ազատությունը: «Օտարերկրյա քաղաքացիների իրավական կարգավիճակի մասին» ՌԴ դաշնային օրենքում նշվում է[4], որ «ՌԴ-ում ժամանակավոր բնակվող օտարերկրյա քաղաքացին իրավունք չունի կամայական փոխել իր բնակության վայրը Ռուսաստանի Դաշնության այն տարածքում, որի տարածքում նրան թույլատրվում է ժամանակավոր բնակություն»: Սա նշանակում է, որ ՌԴ-ում ժամանակավոր բնակվող օտարերկրյա քաղաքացին իրավունք չունի ընտրելու իր բնակության վայրը Ռուսաստանի Դաշնության այն սահմաններից դուրս, որտեղ նրան տրվել է ժամանակավոր կացության թույլտվություն: Սույն դրույթը ոչ միայն հակասում է վերոնշյալ կոնվենցիային, այլև հակասություն ունի նույն դաշնային օրենքի հետ [4], որտեղ նշված է, որ «Օտարերկրյա քաղաքացիները ՌԴ-ում անձնական կամ գործնական նպատակներով ազատ տեղաշարժվելու իրավունք ունեն՝ սույն դաշնային օրենքին համապատասխան իրենց կողմից տրված կամ կազմված փաստաթղթերի հիման վրա, բացառությամբ այն տարածքների, կազմակերպությունների և օբյեկտների այցելությունների, որոնց մուտքը դաշնային օրենքներով պահանջում է հատուկ թույլտվություն»: Այս տարածքները ներառում են տարածքներ, որտեղ հայտարարվել է արտակարգ կամ ռազմական դրություն, փակ վարչատարածքային սուբյեկտներ, հակաահաբեկչական գործողության իրավական ռեժիմով տարածքներ, էկոլոգիական աղետի գոտիներ և այլն [7]: Ի վերջո, փաստացի բնակության հասցեում բնակվելու պարտադիր պահանջը սահմանափակում է միգրանտների ազատ տեղաշարժի իրավունքը:

Որպեսզի պարզենք, արդյոք ՌԴ իրավապահ մարմինները ողջ գործընթացը իրականացնում են միգրանտների իրավունքների պաշտպանության միջազգային իրավունքի սկզբունքներով, քննարկենք որոշ դեպքեր: Ինչպես գիտենք, միգրանտների կողմից կեղծ տեղեկություններ տրամադրելը կարող է լուրջ իրավական հետևանքներ ունենալ: «Վարչական իրա-

վախախտումների մասին» ՌԴ օրենսգրքում նշվում է՝ «…ՌԴ-ում օտարերկրյա քաղաքացիների և քաղաքացիություն չունեցող անձանց գտնվելու իրավունքի, նրանց բնակության, տեղաշարժի, ՌԴ-ում գտնվելու վայրի կամ բնակության վայրի փոփոխության և նրա սահմաններից դուրս ճանապարհորդելու փաստաթղթերի մշակման սահմանված կարգը խախտելը, եթե այդ գործողությունները չեն պարունակում քրեական հանցագործության նշաններ… ենթադրում է վարչական տուգանքի նշանակում…»[5]: Նման սահմանափակումը միգրանտների ազատ տեղաշարժի և անձնական անձեռնմխելիության իրավունքների մարդու իրավունքների միջազգային իրավունքի նորմերի կոպիտ խախտում է: Նշենք նաև, որ պրակտրիկայում քիչ չեն դեպքերը, երբ քաղաքացիները պատասխանատվության են ենթարկվել և արտաքսվել հենց այն պատճառով, որ միգրացիոն ծառայողների կողմից տեսչական ստուգումների ժամանակ միգրանտը չի գտնվել այն վայրում, որտեղ միգրացիոն հաշվառում է անցել:

Ռուսաստանը մի շարք միջազգային կոնվենցիաների կողմ է, ինչպիսիք են Աշխատանքի միջազգային կազմակերպության (ԱՄԿ) թիվ 97 կոնվենցիան, Աշխատանքային միգրանտների մասին և թիվ 143 կոնվենցիան՝ միգրացիոն չարաշահումների և աշխատանքային միգրանտների համար հավասար հնարավորությունների և վերաբերմունքի մասին: Այս միջազգային փաստաթղթերը Ռուսաստանին պարտավորեցնում են պաշտպանել աշխատանքային միգրանտների իրավունքները ազգային աշխատողների հետ հավասար հիմունքներով, ապահովել նրանց սոցիալական պաշտպանության հասանելիություն և կանխել խտրականությունը [1]: Ազգային մակարդակում իրավական աղբյուրներն են Ռուսաստանի Դաշնության «Աշխատանքային օրենսգիրքը» [4], «Ռուսաստանի Դաշնությունում օտարերկրյա քաղաքացիների իրավական կարգավիճակի մասին» դաշնային օրենքը և այլ կանոնակարգերը կարգավորում են միգրանտների հետ կապված աշխատանքային հարաբերությունները: Այս փաստաթղթերը սահմանում են անվտանգ աշխատանքային պայմանների, նվազագույն աշխատավարձից ոչ ցածր աշխատավարձի, հանգստի և սոցիալական այլ երաշխիքների իրավունքներ:

Ռուսաստանի Դաշնության Աշխատանքային օրենսգիրքը, որը աշխատանքային հարաբերությունները կարգավորող կարևոր իրավական աղբյուրն է, վերաբերում է բոլոր աշխատակիցներին, ներառյալ աշխատանքային միգրանտներին, եթե այլ բան նախատեսված չէ ՌԴ դաշնային օրենքներով, կամ միջազգային պայմանագրերով: Կարևոր սկզբունքը հավասար իրավունքներն են ՌԴ քաղաքացի աշխատողների և աշխատանքային միգրանտների միջև իրավունքների և պարտականությունների

վերաբերյալ: Սա նշանակում է, որ միգրանտներն իրավունք ունեն նույն աշխատանքային պայմանների, վճարման, հանգստի եւ սոցիալական պաշտպանության, որպես տեղական աշխատողներ: Մասնավորապես, Ռուսաստանի Դաշնության աշխատանքային օրենսգրքում նշում է հետևյալը՝ «Միջազգային իրավունքի հիմնական սկզբունքների և նորմերի հիման վրա և Ռուսաստանի Դաշնության Սահմանադրության համաձայն, ճանաչվում են աշխատանքային հարաբերությունների և դրանց հետ անմիջականորեն առնչվող այլ հարաբերությունների իրավական կարգավորման հիմնական սկզբունքները՝

- աշխատանքի ազատությունը, ներառյալ աշխատանքի իրավունքը, որը յուրաքանչյուրն ազատորեն ընտրում է կամ ազատորեն համաձայն է, ընդ որում՝ իր աշխատունակությունը կառավարելու, մասնագիտություն և գործունեության տեսակ ընտրելու իրավունք,
- հարկադիր աշխատանքի և աշխատանքի մեջ խտրականության արգելում,
- պաշտպանություն գործազրկությունից և աջակցություն աշխատանքում,
- ապահովել յուրաքանչյուր աշխատակցի՝ ժամանակին և լիարժեք աշխատավարձի վճարը, ապահովելով իր և իր ընտանիքի համար արժանապատիվ մարդկային գոյակցությունը, և ոչ ցածր, քան դաշնային օրենքով սահմանված նվազագույն աշխատավարձը,
- աշխատողների իրավունքների և հնարավորությունների հավասարություն…» [4]:

«Աշխատանքային միգրանտների և նրանց ընտանիքների անդամների իրավունքների պաշտպանության մասին» ՄԱԿ-ի Կոնվենցիան 25-րդ հոդվածը պահանջում է, որ աշխատանքային միգրանտները վայելեն աշխատանքային պայմանների նկատմամբ հավասար իրավունքներ այն երկրի քաղաքացիների հետ, որտեղ նրանք աշխատում են[2]: Սակայն ՌԴ միգրացիոն օրենսդրության վերջին փոփոխությունը[8] (ուժի մեջ է մտել 2025 թվականի հունվարի 1-ից), ակնհայտորեն դժվարություններ է առաջացնելու ՀՀ քաղաքացի միգրանտների համար՝ հակասելով հենց այս կոնվենցիոն նորմին: Սույն օրենքի համաձայն՝ այն երկրների քաղաքացիները, որոնք վիզայի պահանջ չունեն ՌԴ-ում, կարող են ՌԴ-ում գտնվել առավելագույնը 90 օր մեկ տարվա ընթացքում, եթե չեն նախատեսում այնտեղ աշխատել կամ չունեն ժամանակավոր կամ մշտական բնակության կարգավիճակ: Նախկինում այդ անձինք կարող էին մնալ Ռուսաստանում 180 օրվա ընթացքում 90 օր, որից հետո պարտավոր էին դուրս գալ երկրից: Այս փոփոխությունը լուրջ խնդիրներ կարող է առաջացնել

օրինակ բեռնափոխադրումներ իրականացնող վարորդների համար(և ոչ միայն այս կատեգորիայի), քանի որ նրանք ՌԴ-ում գտնվելու այլ օրինական հիմքեր չունեն: Նախկինում միգրանտները կարող էին օգտագործել 90/180-օրյա ռեժիմը՝ գտնվելով ՌԴ-ում երեք ամիս, ապա երկարացնել ժամկետը հաջորդ երեք ամսվա համար: Սակայն նոր կարգավորմամբ, եթե նրանց աշխատանքի բնույթը պահանջի ավելի երկար մնալ ՌԴ-ում և 90-օրյա սահմանաչափը գերազանցվի, նրանք կարող են ստանալ մուտքի արգելք: Դա կհանգեցնի նրան, որ նրանք առնվազն մի քանի տարի չեն կարողանա վերադառնալ Ռուսաստան՝ շարունակելու իրենց գործունեությունը: Սույն փոփոխությունները վերոնշյալ կոնվենցիոն նորմերի տեսանկյունից կարող են դիտարկվել որպես **իրավունքների անհամաչափ սահմանափակում և աշխատանքի իրավունքի խոչընդոտում:**

Վերոնշյալ օրենքի հաջորդ փոփոխությունը վերաբերում է միգրանտների անչափահաս երեխաներին, կամ անչափահաս այն օտարերկրյա քաղաքացիներին, ովքեր միգրանտի օրինական ներկայացուցչության ներքո են [8]: Եթե Ռուսաստանի իշխանությունները անցանկալի են համարում օտարերկրյա անչափահաս քաղաքացու կեցությունը (օրինակ՝ միգրացիոն օրենսդրության խախտման, անվտանգության սպառնալիքի կամ այլն պատճառով), ապա նման որոշում կայացվում է իր օրինական ներկայացուցչի նկատմամբ ևս, եթե նա ևս գտնվում է Ռուսաստանում՝ անգամ եթե նրա կացությունը օրինական է: Օրենքի նման փոփոխությունը հանգեցնելու է նրան, որ մի խումբ աշխատանքային միգրանտներ, ովքեր օրինական գտնվում են ՌԴ տարածքում, կարող են արտաքսվել՝ միաժամանակ կորցնելով ընտանիքի հետ միավորման և աշխատանքի իրավունքները՝ երկուսն էլ միջազգային կոնվենցիաներով հաստատված:

ՌԴ-ում աշխատանքային միգրանտների իրավունքների պաշտպանության արդյունավետության ապահովման և միջազգային իրավունքի նորմերին համապատասխանեցման համար անհրաժեշտ է միգրանտներին առնչվող պետական մարմինների նկատմամբ սահմանել հատուկ հսկողություն, մշտադիտարկման համակարգ, օրենսդրական բարեփոխումներ՝ հիմնվելով միջազգային իրավունքի սկզբունքների վրա: Ելքի պետությունների պետական մարմինները առաջնայնորեն պետք է ձեռնարկեն համապատասխան մեխանիզմներ՝ իրազեկելու իրենց քաղաքացիների իրավունքների ու պարտականությունների մասին՝ նախքան նրանց մեկնելը, ինչպես նաև լծակներ ունենան պաշտպանելու իրենց քաղաքացիների շահերը օտար պետություններում: Կարևոր է նաև օրենքով թույլատրել հասարակական կազմակերպություններին զբաղվել

նման գործերով՝ միաժամանակ պարտադիր վերահսկողություն ունենալով նրանց գործունեության վրա և աջակցելով ծրագրերի իրականացմանը: Կատարվելիք հաջորդ ուսումնասիրություններում կանդրադառնանք նաև այս խնդիրներին:**ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ**

1. *Жеребцов А.Н., Малышев Е.А*. Миграционное право. М., «Юрайт», 2024. СС. 95–98.
2. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, https: //www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-protection-rights-all-migrant-workers
3. Конституция РФ, http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm
4. Трудовой кодекс РФ, https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024, с изм. от 24.05.2024), https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
6. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», 25 июля 2002 года № 115-ФЗ, https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/
7. Ռուսաստանի Դաշնության Կառավարության 2002 թվականի հոկտեմբերի 11-ի № 754 որոշումը (փոփոխվել է 2006 թվականի հուլիսի 14-ին) «Տարածքների, կազմակերպությունների և օբյեկտների ցանկը հաստատելու մասին, որտեղ օտարերկրյա քաղաքացիներից պահանջում են հատուկ թույլտվություն», https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39083/34c174f314d770f8e4a19795486f0d7825335143/#dst100008
8. Федеральный закон от 08.08.2024 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», № 260-ФЗ, П. 2 ст. 7: http://kremlin.ru/acts/bank/51023

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

А.С. Хачатрян
Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт права

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи – представить средства и пути реформирования миграционного законодательства Российской Федерации, а также выявить документы в сфере миграционного законодательства, которые в первую очередь обеспечивают защиту прав трудовых мигрантов в соответствии с нормами международного права.

Ключевые слова: **м**играция, законодательство, права человека, трудовая миграция, международное право.

PROBLEMS OF PROTECTING LABOR MIGRANTS' RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION WITHIN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL LAW

A. Khachatryan
Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of Law

ABSTRACT

The purpose of this article is to present the means and ways of reforming migration legislation in the Russian Federation, as well as to identify documents in the field of migration legislation that primarily ensure the protection of labor migrants' rights in accordance with international legal norms.

Keywords: migration, legislation, human rights, labor migration, international law.

ТЕОРИЯ ПРАВА И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-113-117

ОСОБЕННОСТИ ВОТУМА НЕДОВЕРИЯ К МИНИСТРАМ НА ПРИМЕРАХ ФРГ, ИТАЛИИ И РА

А.Г. Ёлчян[1]

[1]*Российско-Армянский (Славянский) университет*
arturyolchyan78@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье проводится анализ института вотума недоверия к министрам в республиках с парламентской формой правления, в частности, коллективная ответственность всего правительства и (или) индивидуальная ответственность министра перед парламентом, а также конституционно-правовые регулирования вотума недоверия в РА.

Ключевые слова: вотум недоверия, парламентский контроль, коллективная ответственность, индивидуальная ответственность.

Введение

Вотум недоверия является очень сложным и разнообразным институтом в странах с парламентской формой правления. Вотум недоверия – это инструмент, заключающийся в выраженном «неодобрении политической линии, определенной акции или законопроекта правительства либо отдельного министра».

Актуальность данной темы связано с фактом малоизученности данного понятия в российской и полной неизученности в армянской юридической литературе. В 2015г. в РА были проведены изменения в Конституции, согласно которым РА перешло к парламентской форме правления, и в этом смысле весьма важно изучение опыта государств, которые уже имеют состоявшуюся и проверенную десятилетиями практику парламентского контроля за исполнительной ветвью власти. Также важной целью данной статьи является аналитика парламентаризма в РА и способствование дальнейшему развитию данной темы в отечественной юридической доктрине.

В данной работе приводятся примеры государств с парламентской формой правления: с коллективной (на примере ФРГ) и индивидуальной (на примере Республики Италия) ответственностью министров перед парламентом, а

также изучаются теоретические и практические вопросы института вотума недоверия в РА.

Материалы и методы

1. *Вотум недоверия в ФРГ*

В соответствии со ст. 64 «Основного закона» формирование Кабинета является прерогативой **канцлера**, который предлагает кандидатов федеральному президенту. Федеральные министры освобождаются от должности тем же образом.

В соответствии со ст. 65 «Основного закона» федеральные министры ведут дела своих ведомств автономно и под своей ответственностью. Тем не менее, они связаны политическими директивами, установленными канцлером. Если в Кабинете возникают разногласия, решение о дальнейшем курсе принимается большинством министров.

Срок полномочий федеральных министров в любом случае заканчивается на первом заседании нового Бундестага (ст. 69 «Основного закона»). Срок полномочий федеральных министров также заканчивается при любом другом прекращении полномочий **федерального** канцлера. По просьбе федерального канцлера или федерального президента федеральный министр обязан продолжать исполнять свои обязанности до назначения преемника (ст. 69 «Основного закона»).

«Основной закон» говорит только о выражении недоверия федеральному канцлеру (ст. 67 «Основного закона»). Как уже говорилось выше, срок полномочий федеральных министров также заканчивается при любом другом прекращении полномочий **федерального канцлера**. Анализируя вышеперечисленные факты, становится ясно, что федеральные министры напрямую зависят от канцлера и отстранение последнего всегда означает и отстранение всего федерального правительства (данный вид ответственности называется коллективной ответственностью правительства).

Коллективная ответственность правительства фигурирует также и в Конституциях Франции, Испании, Чехии, Португалии и т.д.

2. *Вотум недоверия в Республике Италии*

Вотум недоверия в данной стране является очень интересным и сложным институтом. По Конституции Италии существуют как коллективное, так и индивидуальное недоверие министрам. Нас в данной части больше интересует индивидуальное недоверие.

Прецедент: дело Манкузо.

В 1996г. Конституционный Суд впервые должен был оценить допустимость индивидуальной жалобы о недоверии к Филиппо Манкузо, тогдашнему Министру юстиции. Вопрос возник, когда была одобрена жалоба против него (на фоне открытых конфликтов между министром и другими членами Правительства) и когда Президент Республики поручил временные полномочия Председателю Совета Ламберто Дини, министр отказался уйти в отставку. Дело в том, что министр, которому было предъявлено недоверие, считал, что, учитывая, как устроена форма итальянского правительства, доверительные отношения касаются всего Правительства, и поэтому акт индивидуального недоверия является незаконным. Его позиция основывалась на том, что доверительные отношения могут быть прерваны только путем действия, равного и противоположного тому, что их создало. Как известно, жалоба, с помощью которой Правительство получает доверие палат, касается всего состава правительства (ст. 95 Конституции). Проблема в том, что Конституция практически ничего не говорит об этом, а явные нормы об индивидуальном недоверии существуют только в Регламенте Палаты (ст. 115), в то время как Регламент Сената ничего не предписывает.

Поэтому Конституционный суд пришел к признанию допустимости индивидуального недоверия, сделав усилие по систематической реконструкции соответствующих положений. Из этого следует, что Конституция, предусмотрев в ч. 2 ст. 95 формы коллегиальной и индивидуальной ответственности, намеревается возложить коллегиальную политическую ответственность на министров как членов Правительства, так и индивидуальную политическую ответственность – как на руководителей соответствующих министерств.

После прецедентного решения Конституционного суда Италии уже не остается открытых вопросов во поводу выражении недоверия. Сравнивая с другими парламентскими государствами, выражение недоверия очень часто используется итальянскими парламентариями (не учитывая результаты этих процедур).

3. *Вотум недоверия в РА*

В данной части более детально разберем положение министров в РА, включая их полномочия, а также способы освобождения, и, наконец, изучим выражение недоверия.

В РА формирование правительства является прерогативой Премьер-министра, который в пятидневный срок после своего назначения предлагает Президенту Республики кандидатуры вице-премьеров и министров (ст. 150 Конституции), также Президент Республики вносит изменения в составе Правительства (ст. 131 Конституции, ч.1 ст. 5 «Закон о структуре и деятельности

правительства»). В Республике Армения каждый министр самостоятельно руководит сферой деятельности, закрепленной за министерством (ч. 3 ст. 152 Конституции), имеет правомочие принимать подзаконные нормативно-правовые акты (ч. 4 ст. 152 Конституции), осуществляет управление и контроль над органами, подведомственными министерству, а также над организациями, подчиненными министерству, включая пересмотр решений органов, подведомственных министерству (ч. 2 ст. 9 «Закон о структуре и деятельности правительства»), представляет премьер-министру предложения по основным направлениям деятельности, отнесенным к компетенции министерства (ч. 3 ст. 9 «Закон о структуре и деятельности правительства»), представляет на обсуждение правительства проекты законов и решения правительства (ч. 4 ст. 9 «Закон о структуре и деятельности правительства»). В вышеназванном законе подчеркивается, что публичные выступления министра должны соответствовать основным направлениям политики правительства.

В Конституции РА детально говорится о выражении недоверия Премьер-министру (ст. 115 Конституции). При отстранении Премьер-министра члены Правительства продолжают исполнение своих обязанностей до формирования нового Правительства (ст. 158 Конституции). В случае отставки премьер-министра Президент Республики незамедлительно издает указ о принятии отставки правительства.

Анализируя все вышеперечисленные конституционно-правовые нормы, мы видим, что при конституционных реформах 2015г. в основу института вотума недоверия была взята немецкая модель, как в вопросе конструктивного вотума недоверия, так и в вопросе коллективной ответственности всего правительства. В Конституции РА, как и в Основном законе ФРГ, нет положений о выражении парламента недоверия отдельным министрам, данная прерогатива дана Премьер-министру.

Это, с одной стороны, делает исполнительную власть единым, целостным организмом, тем самым гарантируя эффективность и независимость деятельности Правительства, но, с другой стороны, ограничивает парламентский контроль над деятельностью отдельных министров, их подотчетность высшему представительному органу страны.

В заключение мы хотим подчеркнуть, что в РА есть конституционное положение о стабильном парламентском большинстве, и в этом смысле в парламенте и правительстве не может быть разногласия по поводу государственной политики, и нынешние конституционно-правовые регулирования являются достаточными. Если в будущих конституционных изменениях РА перейдет к коалиционному правительству (образованному несколькими политическими

партиями), то выражение недоверия отдельным министрам будет весьма эффективным способом парламентского контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юридический словарь [https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/13806?ysclid=ln k2itceo02-76422545].
2. Основной закон Федеративной Республики Германии [https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf]. СС. 20–22.
3. [https://www.bundesregierung.de/breg-en/federal-government/acting-in-accordance-with-the-constitution-470512#tar-4].
4. Конституция Итальянской республики – [https://wwwext.comune.fi.it/costituzione/cirillico.pdf: СС. 37–38.
5. The Motion of No Confidence as a Mean of Parliamentary Control in Relation to the Government and the Dissolution of the Parliament: A Comparative View Between Kosovo, France, Germany, Italy and Croatia – Arif Riza; Alban Kryezi – [http://ijssrr.com editor@ijssrr.com] Volume 6, Issue 4 April, 2023. PP. 14–23.
6. Judgment of the Constitutional Court of the Italian Republic. (1996). № 7. [https://www.giurcost.org/decisioni/1996/0007s-96.htm]
7. Взаимодействие высших органов государственной власти в процессе парламентской ответственности правительства в странах ЕС – Светлана Сорока: [http://ssp.amu.edu.pl/wp-content/uploads/2016/02/ssp-2015-3-045.pdf]. СС. 46–49.
8. Осуществление парламентом контроля в государствах с республиканской формой правления – Кононенко Д.Х.: [https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvlenie-parlamentom-kontrolya-v-gosudarstvah-s-respublikanskoy-formoy-pravleniya/viewer. СС.58–60.
9. Конституция РА – [https://www.concourt.am/ru/normative-legal-bases/constitution-of-ra]
10. Закон РА «О структуре и деятельности правительства» – [https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=195408]
11. Legislative coalition breaking: the constructive vote of no-confidence – Reuven Y. Hazan – [https://www.sv.uio.no/isv/english/research/projects/evolution-parliamentarism/events/seminars/hazan---idlcm-paper.pdf]. СС. 1–4.

FEATURES OF THE MOTION OF NO CONFIDENCE IN MINISTERS: CASES OF GERMANY, ITALY AND THE REPUBLIC OF ARMENIA

A. Yolchyan[1]
[1]*Russian-Armenian (Slavonic) University*

ABSTRACT

This scientific article analyzes the institution of motion of no confidence in ministers in republics with parliamentary form of government, particularly the collective responsibility of the entire government and (or) individual responsibility of a minister before the parliament, as well as the constitutional and legal regulations of the motion of no confidence in the Republic of Armenia.

Keywords: motion of no confidence, parliamentary control, collective responsibility, individual responsibility.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-118-122

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ КОЛЛИЗИОННЫХ ПРОБЕЛОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

С.Н. Касаткин

Самарский государственный экономический университет,
kasatka_s@bk.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01893, https://rscf.ru/project/24-28-01893/

АННОТАЦИЯ

В работе обсуждаются сложившиеся в постсоветской литературе позиции в области теории коллизионных пробелов, отстаивающие, с одной стороны, возможность и неизбежность их существования в правовой права, с другой – невозможность подобного существования в силу неадекватности самой идеи коллизионного пробела. В работе обосновывается более умеренная трактовка данных позиций: пробельность в праве видится совместимой с ситуацией «абсолютной» или «неразрешимой» юридической коллизии, а существование коллизионных пробелов (их констатация) представляется скорее делом толкования или конструирования правовых норм и систем в перспективе принципов и презумпций конкретного правопорядка.

Ключевые слова: коллизионный пробел, юридическая коллизия, правовой пробел, полнота права, непротиворечивость права.

Введение

Функционирование института права в условиях современного сложноорганизованного общества предполагает надлежащий доктринальный аппарат понятий и концепций, обеспечивающий разумность, стройность и эффективность построения системы правовых норм и их реализации. Одним из важных элементов такого аппарата является теория правовой неопределенности и коллизионности права, и, более конкретно, понятие коллизионного пробела.

Идея коллизионного пробела, ассоциируемого с ситуацией «абсолютной» или «неразрешимой» юридической коллизии, известна по современной постсоветской и зарубежной литературе по юриспруденции (Б. Виндшейд [1], Е.В. Васьковский [2], З. Зембинский [3], В.В. Лазарев [4], Дж. Раз [5], К. Альчуррон и Е.В. Булыгин [6], Д.В. Агашев [7], В. Йетнер [8], А.А. Петров [9], А.С. Гамбарян и Л.Г. Даллакян [10] и др.). Однако, при всей ее актуальности, теоретической и практической значимости, данная проблематика не получила здесь серьезного внимания и однозначной оценки. В частности, в отношении понимания

коллизионного пробела в постсоветской литературе обнаруживаются противоположные позиции, отстаивающие, с одной стороны, возможность, распространенность и, по сути, неизбежность существования в правовой системе коллизионных пробелов [4], с другой – наоборот, невозможность подобного существования в силу неадекватности самой идеи таких пробелов [9].

Указанные точки зрения и выступают предметом анализа в настоящей работе, полагающей их скорее крайностями в интерпретации коллизионного пробела и выдвигающей более умеренное его истолкование.

Методы

Обсуждение различных позиций в отношении идеи и существования коллизионных пробелов в правовой системе осуществляется на основе использования общенаучных и частно-научных методов исследования, включая техники конструирования и обоснования правовых понятий.

Результаты

Итак, коллизионный пробел можно ассоциировать с ситуацией «абсолютного» противоречия или несоответствия между действующими правовыми нормами, регулирующими один и тот же вопрос, не преодолеваемого или «неразрешимого» через принятые правила и принципы разрешения коллизий [4, 8].

При этом, в отношении самой возможности существования коллизионных пробелов в постсоветской литературе имеются различные и, в некотором смысле, даже противоположные взгляды.

Так, среди прочего здесь, с одной стороны, провозглашается в целом весьма типичная позиция о возможности, распространенности и, по сути, неизбежности коллизионных пробелов в правовой системе, выступающая частным случаем тезиса о возможности и распространенности в праве юридических пробелов [4]. С другой стороны, имеют место и сравнительно редкие позиции о неадекватности, внутренней противоречивости самой идеи коллизионного пробела, тем самым отрицающие традиционный тезис о существовании пробела в правовом регулировании в случае непреодолимых или «дискреционных» юридических коллизий [9].

Обсуждение результатов

Традиционно первый тезис о возможности и распространенности коллизионных пробелов как частного случая пробельности в праве базируется на аргументах о невозможности исчерпывающей юридической регламентации

общественных отношений, обусловленной как субъективными, так и (что особенно важно) объективными причинами: даже если каким-то фантастическим образом удастся предотвратить ошибки или злой умысел «законодателя», последний остается по-прежнему неспособным предусмотреть все возможные будущие ситуации и заранее предложить для них надлежащие юридические решения [11; 12; 13].

Как представляется, данная позиция парируется распространенными в зарубежной литературе доктринами о фундаментальной полноте права (или, как минимум, о подобной его рациональной реконструкции или интерпретации) [14; 15; 16; 17; 18]. В русле таких доктрин неопределенность права не тождественна наличию в нем пробелов: последние нейтрализуются лежащими в основе правовой системы юридическими принципами, интерпретативными презумпциями, «правилами замыкания» («все, что не запрещено, разрешено») и т.п., которые задают план толкования и применения действующего права и соответствующие институциональные обязанности судей, предусматривая тем самым единственно верный юридический ответ даже в спорных делах. При этом, в отличие от названных доктрин, существование таких принципов и презумпций не является универсальным и прямо зависит от их признания в конкретной правовой системе (в законодательстве, в юридической доктрине, судебной практике и т.д.) [ср.: 19].

Второй тезис, отрицающий существование коллизионных пробелов, указывает на абсурдность или некорректность самой их идеи, концепции. Прежде всего, пробельность и коллизионность в праве противопоставляются здесь как различные по природе (истокам) феномены – как, соответственно, недостаточность и избыточность нормативно-правового регулирования: неразрешимая юридическая коллизия не может последовательно считаться в качестве примера «правовой пустоты». К тому же, подобные ситуации доступны нейтрализации через различные правовые средства: классический арсенал средств преодоления пробела через аналогию права и закона неуместен или неэффективен в преодолении «неразрешимых» коллизий (где применяются «примиряющее» толкование коллидирующих норм или либо дискреционный выбор одной из них, восходящий к экстра-легальным доводам) [9; ср.: 7].

Подобный тезис, однако, также не представляется обоснованным. Прежде всего в имеющейся постсоветской теории пробельность права традиционно ассоциируется с отсутствием даже частичной регламентации в сфере в целом урегулированной правом [4] (т.е. она не тождественна «правовой пустоте»), а описание преодоления пробела через дискрецию как обращение к экстра-ле-

гальным доводам – важная часть современных позитивистских доктрин за рубежом [20; 5]. Кроме того, далее, в случае коллизионного пробела недостаточность и избыточность регламентации не являются взаимоисключающими, находясь на разных «уровнях»: тогда как коллизия касается регулирования фактической ситуации, пробел касается ситуации нормативной, связанной с неурегулированным деонтическим выбором коллизионного предписания. В свете сказанного аргумент об «эксклюзивности» инструментов преодоления коллизионных пробелов следует скорее трактовать как специальное (исключительное) правило по отношению к традиционно признаваемым в юриспруденции общим правилам восполнения юридических пробелов.

Таким образом, приведенные выше тезисы представляются слишком сильными в отношении природы или существования коллизионного пробела в правовой системе. Пробельность в праве видится вполне совместимой с ситуацией «абсолютной» или «неразрешимой» коллизии правовых норм, а существование коллизионных пробелов (их констатация) представляется скорее делом толкования или конструирования правовых норм и систем в перспективе принципов и презумпций конкретного правопорядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виндшейд Б.* Учебник пандектного права. Общая часть. СПб.: «Гиероглифов и Никифоров», 1874. Т. 1. 375с.
2. *Васьковский Е.В.* Руководство к толкованию и применению законов. М.: «Городец», 1997. 128с.
3. *Ziembinski Z.* Podstawy sporow o “luki w prawe” // “Panstwo i prawo”, 1966. № 2. PP. 205–215.
4. *Лазарев В.В.* Пробелы в праве и пути их устранения. М.: «Юридическая литература», 1974. 184с.
5. *Raz J.* The Authority of Law: Essays on Law and Morality. 2nd ed. Oxford, New York: “Oxford University Press”, 2009. 340p.
6. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013. 380с.
7. *Агашев Д.В.* Коллизионные проблемы в праве социального обеспечения России. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 2005. 269с.
8. *Jeutner V.* Irresolvable Norm Conflicts in International Law: The Concept of a Legal Dilemma. Oxford: “Oxford University Press”, 2017. 182p.
9. *Петров А.А.* Может ли коллизия юридических норм порождать пробел в праве? // «Вестник Томского государственного университета», 2018. № 432. СС. 218–223.
10. *Гамбарян А.С., Даллакян Л.Г.* Коллизионные нормы и их конкуренция: монография. М.: «Юрлитинформ», 2019. 160с.
11. *Власенко Н.А.* Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1984. 99с.
12. *Матузов Н.И.* Коллизии в праве // *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: «Юристъ», 2004. СС. 175–183.

13. *Петров А.А., Тихонравов Е.Ю.* Пробелы и коллизии в праве: уч. пособие. М.: «Проспект», 2019. 80с.
14. *Савиньи Ф.К. фон.* Система современного римского права. М.: «Статут», 2011. Т. I. 510с.
15. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве Ганса Кельзена. 2-е изд. СПб.: «Алеф-Пресс», 2015. 540с.
16. *Дворкин Р.* О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. 389с.
17. *Dworkin R.* A Matter of Principle. Cambridge, Ma.: "Harvard University Press", 1985. 448p.
18. *Nino C.* Consideraciones sobre la dogmática jurídica (con referencia particular a la dogmática penal). México: UNAM, 1989. 120p.
19. *Булыгин Е.В.* Нормы и нормативные предложения: различие между ними и опасность их смешения // «Известия высших учебных заведений. Правоведение», 2008. № 2. СС. 147–154.
20. *Hart H.* The Concept of Law. 2nd ed. Oxford: "Clarendon Press", 1994. 315p.

A PROBLEM OF UNDERSTANDING CONFLICT GAPS AND OF POSSIBILITY OF THEIR EXISTENCE IN LEGAL SYSTEM

S. Kasatkin
Samara State University of Economics

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01893, https://rscf.ru/project/24-28-01893/

ABSTRACT

The paper discusses the viewpoints developed in the post–Soviet literature in the field of the theory of conflict gaps, which defend, on the one hand, the possibility and inevitability of their existence in legal system, on the other hand, the impossibility of such existence due to the inadequacy of the very idea of a conflict gap. The paper substantiates a more moderate interpretation of these positions: a gap in law is seen as compatible with a situation of an "absolute" or "insolvable" legal conflict, and the existence of conflict gaps (their statement) seems rather a matter of interpretation or construction of legal norms and systems in the perspective of principles and presumptions of a particular legal order.
Keywords: conflict gap, legal conflict, legal gap, completeness of law, consistency of law.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-123-133

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СФЕРЕ ОТЧУЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

М.Т. Овсепян

Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт права
artur.ghambaryan@gmail.com , mika_hovsepyan@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются ныне существующие правовые ограничения, касающиеся сферы отчуждения государственного имущества. Автор затрагивает проблемы существующих на данный момент ограничений, анализирует законодательство, касающееся отчуждения государственного имущества, в том числе, отчуждения имущества, которое является культурным наследием. В данной работе коснемся рекомендаций по улучшению законодательства, регулирующих процедурный порядок конституционными нормами в сфере отчуждения государственного имущества, как и рекомендации по вводу конституционных ограничений в данной сфере. Цель исследования состоит в полном раскрытии законодательства, регулирующего эту сферу, переход от обычного законодательства к рекомендациям по вводу новых конституционных норм, упорядочивающих отчуждение государственного имущества.

Ключевые слова: правовые ограничения, отчуждение государственного имущества, культурное наследие, конституционные ограничения, правовое регулирование.

Введение

Отчуждение государственного имущества – это процесс, связанный с передачей собственности, принадлежащей государству, в частные или иные руки. Этот процесс имеет большое значение для эффективного использования ресурсов, однако его проведение должно учитывать публичные интересы. Одной из важнейших проблем в этой сфере является недостаточное правовое регулирование в сфере отчуждения государственного имущества.

Данное исследование направлено на рассмотрение существующих правовых ограничений в сфере отчуждения государственного имущества, с акцентом на культурные ценности, их защиту и сохранение посредством конституционных ограничений, а не обычного законодательства. Внимание уделяется анализу существующего законодательства и предложению рекомендаций по совершенствованию законодательства вводом конституционных ограниче-

ний. Основной целью работы является формулирование предложений по внесению новых, более эффективных и актуальных конституционных регуляторов, которые будут соответствовать требованиям времени и охранять публичные интересы.

Понятие отчуждения государственного имущества. Отчуждение государственного и муниципального имущества, а точнее, ввод конституционных ограничений в сфере отчуждения государственного и муниципального имущества – весьма важный вопрос, который должен обсуждаться повсеместно в реалиях нашего времени, но этому вопросу придается не такая большая значимость, ибо само понятие приватизации или отчуждения в законодательстве РФ и РА появилось относительно недавно, ибо в механизме советской власти не имелось такого понятия, как приватизация государственного имущества физическим или юридическом лицом. Это понятие ввелось в использование в РФ и РА около 30 лет назад, использовалось весьма часто и имело развитие, вследствие чего возникали новые институты и новые правовые ограничения, по итогу которых гражданское законодательство дошло до нынешнего состояния.

Публичная (государственная) собственность – это одна из форм собственности, которая закреплена в Конституции РФ и РА. Ст. 214 Гражданского Кодекса Российской Федерации аналогично ст. 168 Гражданского кодекса Республики Армения закрепляет право государственной собственности, описывая под этим имущество, принадлежащее государству (в случае РФ имеется ввиду федеральное имущество) на праве собственности; имущество, принадлежащее субъектам федерации на праве собственности; отдельно статья закрепляет, что земли, которые не находятся в собственности юридических лиц, муниципальных образований, граждан – являются государственными, а имущество, находящееся в собственности государства, подразумевает под собой содержание права собственности в виде владения, пользования, распоряжения.

В состав муниципальной собственности входит имущество, принадлежащее на праве собственности городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям. От имени муниципального образования право собственника осуществляется органами местного самоуправления. Средства местного бюджета и иное муниципальное имущество, не закрепленное за муниципальными предприятиями и учреждениями, составляют муниципальную казну соответствующего городского, сельского поселения или другого муниципального образования.

Под понятием приватизации государственного и муниципального имущества понимается возмездное отчуждение имущества, которое находится в соб-

ственности государства (федеральное имущество, имущество субъекта, имущество государства, имущество муниципальных образований), либо передача прав собственности на возмездной основе физическим или юридическим лицам.

Субъектами приватизации, как и субъектами права государственной и муниципальной собственности (как уже было отмечено в нашем исследовании) являются юридические и физические лица, но кроме них – иностранные лица, у которых имеются равные права с юридическими и физическими лицами РА на право в участии в приватизации государственного имущества, государственные компании, компании с государственным участием, государство, как владелец федеральной собственности, субъекты РФ, муниципальные образования как собственники.

Кроме того, в Федеральном законе Российской Федерации отдельно описаны ограничения покупателей (субъектов приватизации) государственного и муниципального имущества, которых нет в законодательстве о приватизации Республики Армения:

государственных и муниципальных унитарных предприятий, государственных и муниципальных учреждений; юридических лиц, в уставном капитале которых доля Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований превышает 25%, кроме случаев, предусмотренных ст. 25 настоящего Федерального закона; юридических лиц, местом регистрации которых является государство или территория, включенные в утверждаемый Министерством финансов Российской Федерации перечень государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны), и которые не осуществляют раскрытие и предоставление информации о своих выгодоприобретателях, бенефициарных владельцах и контролирующих лицах в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Объектом приватизации может выступать большой перечень имущества, указанный в законодательстве о приватизации. Объектом, в основном, является государственное и муниципальное имущество, в постсоветское время особо часто выступали жилые помещения.

Говоря о приватизации, мы в нашем исследовании имеем ввиду не события 90-х годов, а события нынешних дней, что в основном и будет рассматриваться, как повод для ввода новых ограничений.

Методы отчуждения государственного имущества. Федеральным законодательством дан исчерпывающий перечень способов, которыми может быть

прекращено право собственности государственной и муниципальной собственности и порядок осуществления. Перечень способов: преобразование унитарного предприятия в акционерное общество; продажа государственного или муниципального имущества на аукционе; продажа акций акционерных обществ на специализированном аукционе; продажа государственного или муниципального имущества на конкурсе; продажа за пределами территории Российской Федерации находящихся в государственной собственности акций акционерных обществ; продажа государственного или муниципального имущества посредством публичного предложения; продажа государственного или муниципального имущества по минимально допустимой цене; внесение государственного или муниципального имущества в качестве вклада в уставные капиталы акционерных обществ; продажа акций акционерных обществ по результатам доверительного управления; продажа акций акционерных обществ по результатам доверительного управления.

Правовые ограничения отчуждения государственного и муниципального имущества. Наше исследование изучает больше ныне существующие правовые ограничения в сфере отчуждения недвижимого государственного имущества (земельных участков, строений), касающееся конкретно конституционных ограничений, но как таковых конституционных ограничений в сфере приватизации не существует, ни в Российской Федерации, ни в Республике Армения, имеются лишь федеральные законы в РФ или законы в РА, которые недостаточны. Важно то, что приватизация государственного имущества (в Российской Федерации) делается не по желанию определенного должностного лица отчуждать имущество по минимально допустимой цене, а по решению Правительства (в ФКЗ о Правительстве Российской Федерации), которое в этом смысле управляет федеральным имуществом, поэтапно – аукцион, публичное предложение, минимально допустимая цена.

В законодательстве Республики Армения этому не придается значения, решение о форме приватизации напрямую решает Правительство Республики Армения, а не законодатель, указано лишь, что выбор приватизации осуществляется исходя из разных факторов, прописанных в том же законе. В законодательстве лишь указан перечень, в которых имеется даже прямая продажа субъекту приватизации государственного и муниципального имущества. В форме прямой продажи приоритет отдается арендатору государственного имущества, если применение других форм приватизации нецелесообразно в плане организационных расходов процесса приватизации, если возможный покупатель заранее известен. Эта норма имела целесообразность во время прекращения существования СССР, на данный момент хоть и имеются ограничения

(конкретно – ст. 4 того же закона), арендаторы государственного имущества имеют приоритетное право на приватизацию этого имущества, если это имущество не является частью имущества, принадлежащего обществам, включенным в программы приватизации; оно не является арендованной территорией в административных и общественных зданиях и строениях; договор приватизации заключен до 15 декабря 1997г.

Во многих случаях законодательство Республики Армения отстает от развивающихся общественных отношений по причине того, что некоторые статьи, сохранившиеся с 90-х годов, не изменялись конкретно в РА, РФ в этом плане развивало свое законодательство, дополняя правовые ограничения и убирая старые статьи и части, не подходящие для существующих общественных отношений.

Актуальность защиты объектов культурного наследия и существующие правовые ограничения в сфере приватизации таких объектов. Наше исследование показывает, что в законодательстве Российской Федерации ограничения в сфере приватизации объектов культурного наследия весьма обширны, описаны в федеральном законодательстве, некоторые и вовсе не отчуждаются, находятся исключительно в государственной собственности.

В Федеральном законе «О приватизации государственного имущества», например, вписаны те объекты, которые могут быть приватизированы: «Объекты культурного наследия, включенные в реестр объектов культурного наследия, могут приватизироваться в составе имущественного комплекса унитарного предприятия, преобразуемого в акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью, путем внесения таких объектов в качестве вклада в уставный капитал акционерного общества, путем продажи на аукционе (за исключением объекта культурного наследия, находящегося в неудовлетворительном состоянии) или на конкурсе (в отношении объекта культурного наследия, находящегося в неудовлетворительном состоянии) при условии их обременения требованиями к содержанию и использованию объектов культурного наследия, включенных в реестр объектов культурного наследия, требованиями к сохранению таких объектов, требованиями к обеспечению доступа к таким объектам, требованиями к размещению наружной рекламы на таких объектах и их территориях, а также требованиями к установке надписей и обозначений, содержащих информацию об объекте культурного наследия».

Понятие культурного наследия нам дано в «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО от 16 ноября 1972г.»:

«В настоящей Конвенции под «культурным наследием» понимаются:

1. памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры

и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

2. достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии».

Правда, с одной точки зрения понятие «культурное наследие» с понятием «культурные ценности» являются одним и тем же. В нашем исследовании, эти понятия будут отождествляться, ибо в нашем случае, культурное наследие в виде жилых помещений в старинных памятниках архитектуры и не только являются также ценностями для народа, важными для жизнедеятельности и будущего функционирования в том виде, в каком общество существует сейчас, в том числе – общественным достоянием, а не достоянием одного лица, приватизирующего объект культурного наследия, которым до этого владело государство. В законодательстве Российской Федерации есть отдельная отметка на тему отчуждения особо ценных объектов культурного наследия:

«Объекты культурного наследия, отнесенные к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации, памятники и ансамбли, включенные в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, историко-культурные заповедники и объекты археологического наследия отчуждению из государственной собственности не подлежат».

В законе «Об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры и исторической среды Армении»:

«Государственные историко-культурные заповедники, составляющие их часть памятники, сооружения и земельные территории не разобщаются и не отчуждаются».

Важно, что правоотношения в данной сфере регулируются обычными законами, а не Конституцией, которая закрепляла бы, что объекты культурного наследия или достояние общества являются чем-то настолько важным, что не отчуждается ни под каким предлогом и находятся в собственности государства, которое не имеет возможности «продать» это имущество, что мы считаем недостаточным для полного и верного правового регулирования.

Рекомендации по усовершенствованию законодательства вводом конституционных норм, ограничивающих и регулирующих отчуждение государственного имущества. Как уже было отмечено в нашем исследовании, конституционных норм, регулирующих данную сферу, не имеется, что в свою очередь влияет на развитие общества посредством потери ценностями их соответствующего вида, их коммерциализации, либо несоблюдения требований по содержанию памятников архитектуры и не только.

По нашему мнению, в Конституцию должна быть введена новая статья, которая будет ограничивать уже на конституционном уровне эти правоотношения и вводить новые процедурные механизмы по отчуждению, которое будет зависеть от того, является это имущество культурным наследием или чем-то иным, ибо, по нашему мнению, есть перечень имущества, которое должно быть неотчуждаемым, и речь в этом случае идет не только о культурном наследии.

Например, в данный момент власти могут спокойно решить продать что-то, что является в РА национальным или общественным достоянием, которое не зарегистрировано официально, как таковое, хотя об этой стороне вопроса, как продажа, на данный момент никто не задумывается. Из музея, который сам собой олицетворяет достояние, можно вывезти ценности и продать любому лицу, в собственности которого в дальнейшем здание может превратиться в наполовину разваленные здания (подобный опыт имеется в Российской Федерации), и, как уже было сказано, это является некорректным, ибо любой памятник архитектуры или государственное имущество в виде памятников имеют огромное значение для истории народа любой страны.

Должно быть несколько «уровней» ограничения (процедурных в том числе). Для начала конституционная норма, которая вводит ограничение отчуждения:

1. Стратегических и военизированных объектов, которые важны для обеспечения национальной безопасности. Полное ограничение, если объект не перемещен и отчуждение никак не помешает обеспечению национальной безопасности.
2. Природные ресурсы, имеющие особо важное и стратегическое значение в виде водных ресурсов, лесных ресурсов, месторождений полезных ископаемых и заповедники в целях обеспечения охраны окружающей среды и предотвращения вымирания разных видов животных. В том числе, ограничение отчуждения прилегающих к объектам природы, связанным с культурой, территорий (горы, имеющие особое культурное значение, например). Отчуждение обычных, не имеющих стратегическое значение, природных ресурсов, допускается.

3. Культурное наследие может отчуждаться на условиях, но ограничить отчуждение особо важного культурного наследия, в которое могут входить здания и сооружения, имеющие уникальную архитектуру, имеющие важное историческое значение, как и музеи, галереи. Есть реестр, в который входят старые крепости, оборонные сооружения, церкви, но эта норма тоже должна быть возвышена до уровня конституционной, дабы сохранить идентичность народа.
4. Научно-исследовательские центры, научно-образовательные центры, библиотеки, которые тоже имеют важное значение. Отчуждать здание старого памятника архитектуры и по совместительству государственного университета (здание ЕГУ, например) какому-то частному лицу, которое впоследствии откроет там ресторан или отель, даже, если он будет поддерживать хороший вид здания, по нашему мнению, идея плохая, ибо данное здание не должно коммерциализироваться, оно имеет свое культурное значение, как образовательное учреждение и памятник архитектуры 1920-х годов.
5. Объекты государственной и муниципальной собственности, важные для реализации прав граждан и имеющие архитектурное значение в том числе. Например, переместить работников Правительства в другое место, дабы «продать» это здание частному лицу, по нашему мнению, неверно. Перемещение сотрудников не означает, что данное здание должно быть отчуждено и использоваться для коммерциализации или иных целей. Оно имеет культурную ценность и подходит под критерий культурного наследия, при этом, не являясь старой крепостью, не зарегистрировано, но имеет ценность для общества и народа, как таковое.

Говоря о процедурных нормах, надо отметить, что они тоже должны быть отдельной конституционной нормой, которая будет предполагать, что отчуждение происходит по нескольким критериям. Критерии для вступления программы в силу рассмотрим на системе РА:

1. Программа отчуждения государственного и муниципального имущества разрабатывается Правительством на основе конституционных норм и представляется на рассмотрение Национального Собрания Республики Армения. Программа должна содержать перечень имущества, подлежащего отчуждению, и обоснование необходимости такого отчуждения.
2. Национальное Собрание Республики Армения, рассматривая представленную программу, обсуждает предложения по отчуждению имущества,

принимая во внимание общественные интересы и существующие общественные отношения. Народ, в лице депутатов, через представительную демократию, имеет право высказать свое мнение по программе.

3. Программа может быть отклонена Национальным Собранием, если она противоречит нормам, устанавливающим, какое имущество может быть отчуждено, или если имущество, включенное в программу, признано общественно важным и его отчуждение может повлиять на интересы общества.
4. Правительство имеет право представить отклоненную программу об отчуждении государственного имущества повторно, с учетом замечаний и причин, по которым программа была отклонена. Программа может быть представлена не более трех раз.
5. Отчуждение государственного и муниципального имущества осуществляется через несколько этапов: аукцион, публичное предложение, прямая продажа. Поэтапно, не переходя с одного пункта сразу на другой.
6. Программа об отчуждении государственного и муниципального имущества считается принятой, если за нее проголосовало не менее двух третей депутатов Национального Собрания. В случае утверждения программы, отчуждение имущества может быть продолжено, начиная с проведения аукциона.
7. В случае отклонения программы в третий раз, Правительство должно подготовить абсолютно новую программу, учитывая все замечания и представить ее на следующей сессии.

Данная тема еще детально не изучена и требует дальнейшого тщательного исследования в сфере исключений и особых обстоятельств, которые связаны с отчуждением государственного имущества и конституционными нормами, которые регулируют отчуждение, особенно – в контексте объектов культурного наследия, которые занимают отдельную строку в сфере отчуждения государственного имущества.

Заключение

В нашем исследовании были обсуждены нынешние правовые ограничения, и сравнительным методом было показано, как они разнятся в РФ и РА, и при этом являются неполноценными для полного правового регулирования данной сферы общественных отношений, а конкретно – прекращения права собственности на государственное имущество и его дальнейшую приватизацию субъектом приватизации.

По результатам исследования, наши рекомендации и выводы могут иметь практическое применение в законодательстве для полноценного правового контроля за отчуждением государственного имущества вводом норм Конституции, дабы народ не терял свою идентичность, свои культурные ценности и не мог реализовать свои права из-за программ по отчуждению общественного достояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Эл. ресурс] // «Система Консультант+».
2. Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 года с учетом изменений 2005 года в редакции от 06.12.2015г. [Эл. ресурс] // https://www.president.am/ru/constitution-2015/.»
3. Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21.12.2001 № 178-ФЗ (последняя редакция) [Эл. ресурс] // «Система Консультант+».
4. Закон РА о приватизации государственного имущества от 17 декабря 1997г. [Эл. ресурс] // «Система Arlis».
5. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002, № 73-ФЗ (последняя редакция) [Эл. ресурс] // «Система Консультант+».
6. «Закон РА об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры и исторической среды от 11 ноября 1998» [Эл. ресурс] // «Система Arlis».
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) № 51-ФЗ от 21 октября 1994 [Эл. ресурс] // «Система Консультант+».
8. Гражданский кодекс Республики Армения от 5 мая 1998 с изменениями и дополнениями от 09.06.2022 [Эл. ресурс] // «Система Arlis».
9. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [Эл. ресурс] // «Система Консультант+».
10. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия от 16.11.1972г. [Эл. ресурс] // Страница ООН.
11. *Наумов Д.А.* Право государственной и муниципальной собственности / [б.м.]: «Издательские решения», 2017. 92с.
12. *Мазаев В.Д.* Публичная собственность в России: конституционные основы. М.: ОАО Издательский дом «Городец», 2004, 384с.
13. Закон РА о местном самоуправлении от 7 мая 2002г. [Эл. ресурс] // «Система Arlis».

CONSTITUTIONAL RESTRICTIONS IN THE SPHERE OF ALIENATION OF STATE PROPERTY

A. Ghambaryan, M. Hovsepyan
Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of Law (IP)

ABSTRACT

The article examines the currently existing legal restrictions concerning the sphere of alienation of state property. The author touches upon the currently existing restrictions, analyzes the legislation concerning the alienation of state property, including the alienation of property that is a cultural heritage. In this work, we will touch upon recommendations for improving the legislation regulating the procedural order by constitutional norms in the sphere of alienation of state property, as well as recommendations for introducing constitutional restrictions in this sphere. The purpose of the study is to fully disclose the legislation regulating this sphere, the transition from ordinary legislation to recommendations for the introduction of new constitutional norms regulating the alienation of state property.
Keywords: legal restrictions, alienation of state property, cultural heritage, constitutional restrictions, legal regulation.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-134-138

СВЯЗЬ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА С ДРУГИМИ ПРАВОВЫМИ ОТРАСЛЯМИ

М.В. Тебеньков, О.В. Абашева

Удмуртский государственный аграрный университет (ФГБОУ ВО УдГАУ)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается взаимосвязь земельного права с другими правовыми отраслями, подчеркивая его значимость в правовой системе. Анализируются основные направления взаимодействия земельного права с гражданским, административным, экологическим, уголовным и международным правом. Статья подчеркивает необходимость комплексного подхода к регулированию земельных отношений, который учитывает как экономические интересы, так и экологические аспекты. Выводы статьи направлены на осознание важности интеграции различных правовых норм для эффективного управления земельными ресурсами и защиты прав граждан.

Ключевые слова: земельное право, земельные отношения, гражданское, административное, экологическое, уголовное и международное право.

Актуальность

Земельное право играет ключевую роль в правовой системе, регулируя отношения, связанные с использованием, охраной и распоряжением земельными ресурсами. В условиях современных экономических и экологических вызовов, таких как изменение климата, урбанизация и рост населения, становится особенно важным понимание взаимосвязей земельного права с другими правовыми отраслями. Исследование связи земельного права с другими правовыми отраслями необходимо для создания эффективной правовой системы, способной адекватно реагировать на вызовы современности и обеспечивать устойчивое развитие земельных ресурсов [2].

Цель нашей работы заключается в комплексном анализе взаимодействия земельного права с другими правовыми системами, в выявлении ключевых аспектов и механизмов этого взаимодействия.

Для достижения поставленной цели было необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть взаимосвязь земельного права с другими правовыми отраслями;
- описать необходимость комплексного подхода к регулированию земельных отношений.

Материалы и методы

При написании статьи использовался метод информационного поиска.

Результаты исследований

Земельное право – это одна из ключевых отраслей права, регулирующая отношения, связанные с использованием, владением и распоряжением земельными участками. Однако его влияние и взаимосвязь с другими правовыми отраслями делают его особенно значимым в контексте правовой системы. Рассмотрим основные направления, в которых земельное право пересекается с другими отраслями права [1].

1. Гражданское право: земельное право тесно связано с гражданским правом, так как земельные участки являются объектами гражданских оборотов. Вопросы купли-продажи, аренды, наследования и залога земельных участков регулируются нормами гражданского права. Например, сделки с недвижимостью требуют соблюдения определенных формальностей, таких как нотариальное удостоверение и регистрация прав на землю [2].

2. Административное право: земельные отношения также находятся под воздействием административного права. Государственные органы, такие как земельные комитеты и муниципальные администрации, осуществляют контроль за использованием земель, выдачу разрешений на строительство и изменение целевого назначения земельных участков. Нарушения в этой области могут привести к административной ответственности [3].

3. Экологическое право: земельное право и экологическое право взаимосвязаны через вопросы охраны окружающей среды. Использование земельных ресурсов должно учитывать экологические нормы и стандарты. Например, при проведении строительных работ необходимо проводить экологическую экспертизу, чтобы минимизировать негативное воздействие на природу [4].

4. Уголовное право: некоторые аспекты земельного права пересекаются с уголовным правом, особенно в случаях нарушения земельного законодательства. Например, незаконная застройка, самозахват земли или экологические преступления могут повлечь уголовную ответственность. Таким образом, защита земельных прав может включать элементы уголовного преследования [5].

5. Международное право: на международном уровне земельные отношения также подвержены влиянию различных конвенций и соглашений. Принципы устойчивого развития и охраны окружающей среды, закрепленные в международных документах, находят отражение в национальном законодательстве о земле. Это создает дополнительные обязательства для государств по охране земельных ресурсов [6].

Комплексный подход к регулированию земельных отношений необходим для достижения устойчивого развития, которое балансирует экономические интересы с экологическими аспектами. Вот несколько ключевых причин, почему такой подход важен:

1. Сбалансированное развитие: экономические интересы часто сосредоточены на максимизации прибыли и использовании ресурсов, что может привести к истощению природных ресурсов и ухудшению экологии. Комплексный подход помогает учитывать долгосрочные последствия для окружающей среды, что способствует более устойчивому развитию.

2. Защита экосистем: земельные отношения влияют на экосистемы и биоразнообразие. Учет экологических аспектов позволяет минимизировать негативное воздействие на природу, сохраняя экосистемные услуги, такие как чистая вода, воздух и плодородные почвы.

3. Социальная справедливость: регулирование земельных отношений должно учитывать права различных групп населения, включая коренные народы и местные сообщества. Комплексный подход способствует более справедливому распределению ресурсов и предотвращает конфликты.

4. Устойчивое использование ресурсов: экономические интересы часто ведут к чрезмерному использованию земельных и природных ресурсов. Учет экологических аспектов позволяет разработать стратегии, которые способствуют их рациональному и устойчивому использованию.

5. Инновации и технологии: комплексный подход может стимулировать внедрение новых технологий и методов управления, которые учитывают как экономическую эффективность, так и экологическую устойчивость.

6. Адаптация к изменениям климата: учет экологических аспектов в земельных отношениях помогает адаптироваться к изменениям климата, обеспечивая защиту от негативных последствий, таких как эрозия почвы, наводнения и засухи.

7. Регулирование конфликтов: комплексный подход позволяет более эффективно решать конфликты между различными пользователями земель (сельское хозяйство, промышленность, охрана природы), обеспечивая гармоничное сосуществование интересов [1].

Таким образом, комплексный подход к регулированию земельных отношений является необходимым условием для создания устойчивой экономики и сохранения природного баланса.

Выводы

Взаимодействие земельного права с другими отраслями права многогранно и требует комплексного подхода для обеспечения эффективного регулирования земельных отношений. Это взаимодействие способствует гармонизации законодательства и защите прав граждан, а также устойчивому развитию общества. Связь земельного права с другими правовыми отраслями подчеркивает его многофункциональность и значимость в правовой системе. Понимание этих взаимосвязей позволяет более эффективно решать вопросы, связанные с управлением земельными ресурсами, охраной окружающей среды и защитой прав граждан. В условиях глобализации и устойчивого развития важно учитывать все аспекты правового регулирования земельных отношений для достижения гармонии между экономическими интересами и экологической безопасностью [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Земельный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 01.09.2024: [принят Государственной Думой 28 сентября 2001 года: одобрен Советом Федерации 10 октября 2001 года]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Чубаров В.В.* Некоторые проблемы взаимодействия гражданского и земельного законодательства и пути их решения. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-vzaimodeystviya-grazhdanskogo-i-zemelnogo-zakonodatelstva-i-puti-ih-resheniya (дата обращения 02.10.24).
3. *Гиззатуллин Р.Х.* Земельное право в системе российского права. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zemelnoe-pravo-v-sisteme-rossiyskogo-prava (дата обращения 02.10.24).
4. *Анисимов А.П.* Экологическое право как отрасль права и его место в системе права России: дискуссионные вопросы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-pravo-kak-otrasl-prava-i-ego-mesto-v-sisteme-prava-rossii-diskussionnye-voprosy/viewer (дата обращения 02.10.24).
5. *Максимова Е.В.* Проблемы уголовно-правовой охраны земель сельскохозяйственного назначения. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ugolovno-pravovoy-ohrany-zemel-selskohozyaystvennogo-naznacheniya-1 (дата обращения 02.10.24).
6. *Воронина М.Д.* Конституционно-правовые основы земельных отношений в Российской Федерации. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-zemelnyh-otnosheniy-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения 02.10.24).

RELATIONSHIP OF LAND LAW WITH OTHER LEGAL BRANCHES

M. Tebenkov, O. Abasheva
Udmurt State Agrarian University (UdSAU)

ABSTRACT

The article examines the relationship of land law with other legal branches, emphasizing its importance in the legal system. The main areas of interaction of land law with civil, administrative, environmental, criminal and international law are analyzed. The article emphasizes the need for an integrated approach to regulating land relations, which takes into account both economic interests and environmental aspects. The conclusions of the article are aimed at understanding the importance of integrating various legal norms for effective land management and protecting the rights of citizens.
Keywords: land law, land relations, civil, administrative, environmental, criminal and international law.

ПОЛИТОЛОГИЯ

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-139-146

PECULIARITIES OF NATION-BUILDING IN THE POST-SOVIET SPACE: THE CASE OF AZERBAIJAN

D. Sargsyan

Russian-Armenian (Slavonic) University
dsvs9995@gmail.com

ABSTRACT

Understanding the processes occurring in the post-Soviet space requires an in-depth study of the transformation of national identity, which is the result of a specific nation-building policy. Identifying the essence, main trends, and factors of this policy is of particular importance. The nation-building processes in post-Soviet states share common characteristics to some extent due to their shared Soviet past, while also possessing distinct features. This article focuses on certain factors of the nation-building policy in the Republic of Azerbaijan. It postulates the thesis that the lack of significant experience in statehood, the ethnic and religious heterogeneity of the population, and the defeat in the First Karabakh War determined the implementation of a systematic nation-building policy aimed at the intensive construction of an Azerbaijani political nation. Special attention was given to memory politics and the construction of Azerbaijani national history, which often led to the falsification of the real historical process.

Key factors of the nation-building policy and tools for pan-Azerbaijani consolidation included the Karabakh factor, the opposition to a demonized Armenian element, and the positioning of Azerbaijani statehood as a supra-ethnic and supra-religious entity.

Keywords: nation-building, construction of national identity, Azerbaijani identity, memory politics, historical falsification, post-Soviet space.

From the perspective of human historical development, the official dissolution of the USSR occurred relatively recently, just three decades ago. Naturally, the processes unfolding in the post-Soviet space are still influenced to some extent by the Soviet past. At the same time, within this relatively short historical period, fundamental shifts have taken place that cannot be ignored. Failing to study these shifts would be scientifically incorrect and detrimental to the real policymaking of various actors, primarily the state.

One of the results of thirty years of independence has been the transformation of identity in post-Soviet states, which, in a certain sense, was a consequence of a specific nation-building policy. The general goals of nation-building policies are the

preservation, development, and construction of national-state identity. The specific tasks pursued by this policy depend on numerous factors and circumstances, such as the ethnic and religious composition of the population, the degree of social polarization, the level of political culture, the presence of serious external threats, geopolitical shifts, and so on. The primary actor in this policy is the state, in all its institutional diversity [1].

As of today, most post-Soviet states are actively pursuing policies aimed at constructing national identity. At the time of gaining independence, the societies of these states often did not constitute unified political nations. The acquisition of independence could not instantly transform these societies into nations, as the formation of a unified civic nation is the result of a long historical process. Generally, the formation of a unified civic nation requires a clearly formulated state policy in this direction – namely, a policy of nation-building.

One of the factors hindering the effective implementation of national identity formation policies in the post-Soviet space was that most states lacked sufficient practical experience in statehood. As a result, in some cases, "the task of nation-building arises simultaneously and in parallel with the task of state-building, and in some respects – even as a competing project" [2]. However, on the other hand, as the experience of some post-Soviet states shows, this very circumstance has often led to a more intensive unfolding of the nation-building process, mobilizing a wide range of available resources for this purpose.

While there are common trends in nation-building processes across the post-Soviet space, different states ultimately choose different strategies and pursue different policies in forming a political nation. In some cases, a "post-colonial syndrome" is at play, leading to identity policies based on distancing from the Soviet past, which, in turn, often transforms into a policy of distancing from Russia or even outright opposition to it. Against this backdrop, the so-called "return to Europe" strategy is widely employed. Some post-Soviet states attempt to demonstrate their historical commitment to European values (such as freedom, equality, etc.) even in contexts where it is historically inappropriate to speak of a European past. A notable example of this is that in Kazakhstan or Kyrgyzstan, one might occasionally hear references to "steppe" or "nomadic" democracy, while Azerbaijanis emphasize that the Azerbaijan Democratic Republic, proclaimed in 1918, was the first democratic country in the Muslim world.

Almost all post-Soviet republics share a certain segment of a common historical past. However, different states interpret this past in different ways. Each state, at a specific stage of its development, interprets history in a manner that serves its own interests: "The modern state, especially a national one, places great importance on

the official version of history and strives by all means to impose it on its citizens" [3]. The consequence of interpreting historical facts in line with contemporary national interests and constructing distinct historical narratives is the phenomenon known as "memory wars".

At the time of the Soviet Union's dissolution, the level of national self-awareness in Azerbaijan was relatively low. Ethnic and religious diversity, on the one hand, and the lack of a tradition of statehood, on the other, made national and state-building policies particularly relevant. As G.M. Derluguian writes, "...the project of the Azerbaijani nation lacked historical precedents, a national epic of resistance against foreign invaders, even a distinct language (too similar to Turkish), religious consciousness (too Iranian due to Shiite Islam), and cultural-lifestyle cohesion. In the imperial period, the Muslims of the South Caucasus, collectively referred to as "Tatars", represented a conglomerate of Turkic, Persian, Kurdish, and Dagestani tribes and rural communities" [4].

However, it must be acknowledged that the Soviet era laid the foundations for Azerbaijani identity. M.S. Zolyan is correct in stating that "during Soviet rule, various forms of identification (religious, tribal, regional), which were primary among Turkic-speaking Muslims in the pre-revolutionary period, gave way to national identification as Azerbaijanis" [5]. Several factors contributed to this shift. First, the policy of korenizatsiya (indigenization) strengthened the position of "titular nations" within the South Caucasian republics. As a result of this policy, "throughout the seventy years of Soviet rule in the South Caucasus, there was a continuous exchange of populations and a strengthening of the national character of the republics" [6]. Second, the Soviet policy of atheism played a significant role in weakening religious identity among the population.

Nevertheless, compared to the other two South Caucasian countries, national identity in Azerbaijan was far more amorphous at the time of independence. Therefore, Azerbaijan faced the challenge of implementing two major projects: the formation of Azerbaijani statehood and the creation of an Azerbaijani nation [7].

After gaining independence, the domestic political situation in Azerbaijan was extremely unstable. Within a year, the country saw three different presidents, stood on the brink of civil war, and faced the urgent need for multi-million-dollar investments in its oil sector. Only after Heydar Aliyev came to power did the situation begin to stabilize, and the policies of state and nation-building gradually unfolded. Paradoxically, in our view, Azerbaijan's defeat in the First Karabakh War played a key role in the process of national consolidation and mobilization.

A crucial aspect of Azerbaijan's nation-building policy is the construction of its historical past and its memory policy. As V.A. Shnirelman writes, "as soon as a new

state emerges, it must turn to history to reinforce its right to exist with claims of deep antiquity and an unbroken historical tradition. This has happened all over the world, and Azerbaijan was no exception" [8]. After various attempts to identify the historical roots of the Azerbaijani people, Azerbaijan essentially arrived at the conclusion that the genesis of the Azerbaijani nation should be linked to all the peoples who have lived in the territory of modern Azerbaijan since ancient times. As a result, a mythological narrative was constructed, asserting that Azerbaijan has absorbed the cultural and civilizational achievements of these peoples. This approach allows for the Azerbaijani people to be linked to the ancient Medes (which, according to V.A. Shnirelman, "was sanctioned by the Azerbaijani authorities" [9]), to claim a partial historical heritage from Caucasian Albanians and the Safavid Iran, while also not forgetting their actual ancestors – the Turkic nomadic tribes that arrived in the region relatively late. Clearly, this constructed narrative of the genesis and development of the Azerbaijani nation is highly artificial, yet it is sufficiently "appealing" for internal consumption and, through effective promotion, becomes an important tool in shaping a pan-Azerbaijani identity. This approach allows Azerbaijan to retroactively claim all cultural figures who lived in its territory as Azerbaijani. A striking example of this is the "appropriation" of the medieval Persian poet Nizami [10].

If Azerbaijan's policy on history and memory can, at best, be loosely described as construction, then when this policy intersects with the history of Armenia and the Armenian people, it turns into an outright falsification of historical reality. In this regard, Azerbaijan employs a favorite tool of its anti-Armenian policy – the technique of "mirror projection", whereby the assimilation of indigenous peoples by Turkic tribes and the appropriation of their historical heritage is projected onto the Armenians.

The search for historical roots of the Azerbaijani nation was, to some extent, driven by Azerbaijanis' efforts to define their national identity. For a long time, there were debates over what should serve as the foundation for Azerbaijani self-identification. Two main discourses emerged around this issue: Azerbaijani nationalism and Turkism. In 1988, on the eve of the Soviet Union's collapse, the Popular Front of Azerbaijan (PFA) was founded. The PFA government, which came to power in 1992, formulated a nationalist discourse based on the idea of Turkism, emphasizing the Turkish origins of the Azerbaijani nation as the foundation of its pre-Soviet ethnic and cultural heritage. This approach was met with negative reactions from Azerbaijan's national minorities (Talysh, Lezgins, etc.).

After Heydar Aliyev took power in 1993, the focus of nation-building shifted toward Azerbaijani nationalism – an ideology intended to reduce interethnic tensions within the country and to reinterpret identity in ways that traced back to the

Soviet period, which facilitated its internalization. Ilham Aliyev's tenure has been marked by efforts to strengthen Azerbaijani civic identity. Since 2003, the consolidated concept of Azerbaijani nationalism has formed the foundation for a civic understanding of Azerbaijani identity, promoting an inclusive civic identity. Nevertheless, awareness of Turkish roots has also increased compared to the early years of Heydar Aliyev's rule. However, the growing popularity of Turkish origins does not challenge Azerbaijani identity; instead, the two are seen as peacefully coexisting and complementing each other.

During Heydar Aliyev's rule, Azerbaijani nationalism was perceived as a project aimed at uniting people under the idea that all residents of Azerbaijan are Azerbaijanis. Representatives of the ruling party argued that an emphasis on Turkism would lead to separatist movements; therefore, Azerbaijani nationalism should serve as the national ideology, as Turks, Lezgins, Talysh, and Russians are all Azerbaijanis [11]. The ruling elite emphasizes that this position is based on multiculturalism and tolerance, contributing to the internationalization of Azerbaijan's positive image. The opposition, however, continues to emphasize Turkism. It does not object to the use of terms such as "Azerbaijani Turkish" and "Azerbaijani Turks".

V.E. Shnirelman writes that while "for Armenians, due to their complex history and the presence of a large diaspora, the sense of unity is primarily associated with the nation understood in an ethnic sense", for "Azerbaijanis, it is linked to the state", which unites "Azerbaijanis into a single nation" [12]. Thus, in Azerbaijan, the constructed identity is not purely ethnic but rather civic and state-oriented.

The principles of Azerbaijan's foreign policy doctrine also have a certain influence on the transformation of identity and the nation-building process. The country's political elite agrees that, in today's multipolar world, it is impossible to implement a political strategy based on a unilateral foreign policy. It is believed that modern foreign policy, to be adequate and realistic, must be a holistic system encompassing the full complexity of international relations [13]. Azerbaijan's membership in a number of authoritative international organizations – such as the UN, OSCE, Council of Europe, Organization of Islamic Cooperation, and CIS – plays a significant role in determining its foreign policy priorities [14].

In the context of Azerbaijan's foreign policy, its relations with Turkey and Iran influence its nation-building policies to varying degrees. Turkey enjoys special prestige in Azerbaijan due to cultural, ethnic, and linguistic similarities. Both the government and the opposition consider Turkey to be Azerbaijan's closest ally and main friend. The fact that Turkey was the first country to recognize Azerbaijan's independence, as well as its unwavering support for Azerbaijan in the Karabakh issue and its refusal to establish diplomatic relations with Armenia, have fostered strong

ties of friendship and strategic partnership. The slogan “one nation, two states”, frequently mentioned by the presidents and politicians of both countries, contributes to this unique relationship, which also enjoys solid support in public opinion in both Azerbaijan and Turkey. This strategic alliance strengthened even further after Turkey provided significant assistance to Azerbaijan during the 44-day war in 2020, an alliance that was formalized in the “Shusha Declaration”.

Iran holds a certain historical legacy in Azerbaijani culture. The populations of both countries are predominantly Shiite Muslims. However, the Popular Front government had already declared its desire to remain a secular democratic state. At the same time, it also raised the idea of protecting the cultural rights of Azerbaijanis in Iran. However, Heydar Aliyev’s government, understanding that such ideas could harm Azerbaijani-Iranian relations, declared that the status of ethnic Azerbaijanis was an internal matter of Iran.

In the context of this discussion, Azerbaijan’s positioning in the region and the world as a rapidly developing state and an open society is significant. Public diplomacy mechanisms contribute to shaping a specific international image of the country. Hosting major international events such as Eurovision, the European Games, Formula 1, the Islamic Solidarity Games, and others can be seen as part of a new national branding strategy.

Various interethnic conflicts have had – and continue to have – a significant impact on the transformation of identity and nation-building policies in the post-Soviet space in general and in the South Caucasus in particular. In the case of Armenia and Azerbaijan, this, of course, refers to the Karabakh conflict: “Unfolding between 1988 and 1994 alongside the collapse of the Soviet Union, the Karabakh conflict shaped the collective worldview of the two newly emerging nation-states, forcing them to constantly push away from each other, like two identical poles of a magnet” [15]. Furthermore, even after 1994, the Karabakh factor remained one of the main – if not the primary – determinants of both the domestic and foreign policies of the two republics. M. Zolyan is correct in noting that "Karabakh became the sacred territory, the symbol around which the Azerbaijani elite sought to consolidate the nation, while Armenians became the “image of the Other” or the “image of the Enemy”, against which the nation consolidated” [16]. The demonization of Armenians has indeed become one of the primary tools of nation-building in Azerbaijan. T. de Waal notes that “for twenty years, the Azerbaijani leadership has demonstrated an unhealthy obsession with Armenia, portraying its own country as an “anti-Armenia”, while “the Azerbaijani president likes to support his arguments about the present with (highly questionable) historical claims, attempting to deny Armenia both a future and a past” [17].

Mythologemes such as “Armenian aggression”, the “Armenian conspiracy”, “Armenians as newcomers”, and the “genocide of Azerbaijanis” are systematically developed and implanted into mass consciousness [18]. In Armenia, it is believed that all these mythologemes are based on the mirror projection of Azerbaijan’s own crimes against Armenians onto Armenia. The apex of Azerbaijan’s anti-Armenian stance can be seen in the glorification of Ramil Safarov, who brutally murdered a sleeping Armenian officer during NATO's “Partnership for Peace” training courses in Budapest. Armenophobia is even reflected in school textbooks, instilled in the minds of the younger generation from an early age [19].

Thus, Azerbaijan’s modern nation-building policy is directed toward constructing a pan-Azerbaijani state identity. It is based on efforts to diminish religious and ethno-tribal differences on one hand and on opposing the Armenian element on the other. It must be acknowledged that nation-building through opposition yields significant short-term effects but cannot serve as a long-term strategy for nation-building. A potential normalization of Armenian-Azerbaijani relations could deprive the Azerbaijani authorities of an important resource for national mobilization. Whether a new constructive nation-building project will prevail in Azerbaijan or whether the anti-Armenian factor will remain central will be determined by the future.

REFERENCES

1. *Achkasov V.* Problems of National Identity Policy in the Modern World // Problems of National Identity in the Context of Modern Globalization: Materials of the International Scientific Conference, November 3–4, 2017. Yerevan: RAU Publishing, 2017. P. 24.
2. *Semenenko I., Lapkin V., Bardin A., Pantin V.* Between the State and the Nation: Identity Policy Dilemmas in the Post-Soviet Space // Polis, 2017, No. 5. P. 56.
3. *Shnirelman V.* Memory Wars: Myths, Identity, and Politics in the Caucasus. IKC “Akademkniga”. Moscow: 2003. P. 14.
4. *Derluguian G.* A Local-Scale World War // Storm in the Caucasus / Ed. R.N. Pukhov. – Moscow: Center for Strategic and Technology Analysis, 2021. P. 18.
5. *Zolyan M.* Ethnopolitical Conflict and National Identity: Some Aspects of the Nagorno-Karabakh Conflict // Bulletin of RAU (Series: Humanities and Social Sciences), 2004, No. 2. P. 32.
6. *Derluguian G.* Op. cit. P. 19.
7. See: *Zolyan M.* Op. cit. P. 31.
8. *Shnirelman V.* Op. cit. P. 119.
9. Ibid. P. 134.
10. *Letnyakov D.* Creating a Nation: Identity Politics in Post-Soviet States // World of Russia, 2016, No. 2. P. 152.
11. *Ergun A.* Citizenship, National Identity, and Nation-Building in Azerbaijan: Between the Legacy of the Past and the Spirit of Independence. Cambridge University Press. 2021.
12. *Shnirelman V.* Op. cit. P. 37.

13. *Makhmudov Ya., Shukyurov K.* Azerbaijan: International Relations and the History of Diplomacy. International Treaties and Other Foreign Policy Acts: In 4 Volumes. Vol. 1. Baku: A.A. Bakikhanov Institute of History Publishing, 2009. PP. 15–16.
14. *Huseynova N.* Principles and Priorities of the Foreign Policy Activities of the Republic of Azerbaijan // 30 Years of the Nagorno-Karabakh Conflict (Collection of Scientific Articles). Moscow, RUDN, 2019. PP. 151–153.
15. *De Waal T.* Black Garden: Armenia and Azerbaijan Between Peace and War. Moscow: Political Encyclopedia, 2014. P. 356.
16. *Zolyan M.S.* Op. cit. P. 32.
17. *De Waal T.* Op. cit. P. 356.
18. See: *Zolyan M.* Op. cit. P. 34.
19. *Elibegova A., Vardazaryan S.* Armenophobia in Azerbaijani Textbooks and Its Impact on the Security of the Armenian State // "Bulletin of RAU" (Series: Humanities and Social Sciences), 2021, No. 1.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА)

Д.О. Саргсян
Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

Для понимания процессов, протекающих на постсоветском пространстве, особое значение имеет исследование трансформации национальной идентичности, являющейся результатом особой политики нациестроительства, выявление сущности, основных тенденций и факторов этой политики. Процессы нациестроительства в постсоветских государствах имеют как общие признаки, обусловленные в определенной степени общим советским прошлым, так и специфичные черты.

В данной статье обращается внимание на некоторые факторы политики нациестроительства в Азербайджанской Республике. Постулируется тезис, что отсутствие серьезного опыта собственной государственности, этническая и конфессиональная разношерстность населения, поражение в первой карабахской войне определили проведение системной политики нациестроительства, направленной на интенсивное конструирование азербайджанской политической нации. Особое внимание при этом уделялось политике памяти и конструированию истории азербайджанской нации, которая зачастую приводила к фальсификации реального исторического процесса. Важными факторами политики нациестроительства и инструментами общеазербайджанской консолидации являлись карабахский фактор и противопоставление демонизированному армянскому началу, а также позиционирование азербайджанской государственности как надэтнического и надконфессионального образования.

Ключевые слова: нациестроительство, конструирование национальной идентичности, азербайджанская идентичность, политика памяти, фальсификация истории, постсоветское пространство.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-147-159

POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS OF EVOLVING MANDATES AND THEIR IMPACT

T. Simonyan

Russian-Armenian (Slavonic)University
Department of Political Science after K.A. Mirumyan

ABSTRACT

This article explores the evolving role and effectiveness of United Nations (UN) peacekeeping missions, focusing on the case study of the Central African Republic (CAR). It begins by contextualizing the historical background of the CAR conflict and the establishment of the UN Multidimensional Integrated Stabilization Mission in CAR (MINUSCA) in 2014. Using a multidisciplinary approach drawing from international relations, peace and conflict studies, and political science, the article employs theoretical frameworks such as Liberal Peace Theory, Realism, Neorealism, Constructivism, and Conflict Transformation Theory to analyze MINUSCA's mandate evolution and activities. The examination highlights MINUSCA's shift from traditional peacekeeping tasks to broader responsibilities, including fostering national dialogue, supporting electoral processes, and aiding in institution-building. It examines how MINUSCA's mandate expansion reflects changing international norms and identifies motivations behind external actors' involvement in CAR, such as France and the UN. Additionally, the article evaluates MINUSCA's effectiveness in contributing to peace and stability in CAR, considering factors like resource constraints and geopolitical dynamics. By synthesizing theoretical insights, historical analysis, and evaluative frameworks, the article also provides a nuanced understanding of UN peacekeeping missions' evolution, challenges, and implications for international peace and security. It contributes to ongoing discussions on the role of international organizations in conflict resolution and peacebuilding efforts, offering insights into the complexities of modern peacekeeping operations and their impact on conflict-affected regions like the Central African Republic.

Keywords: United Nations, Peacekeeping missions, Central African Republic (CAR), MINUSCA, mandate evolution, Resolution 2149 (2014), Resolution 2196 (2015), Resolution 2217 (2015), disarmament, demobilization, and reintegration (DDR) program

Introduction

At the end of the Second World War, the United Nations started to play a pivotal role in maintaining international peace and stability, and one of its primary tools to achieve this aim was the deployment of peacekeeping missions in different parts of the world where conflicts erupted. The first large-scale peacekeeping operation

was the UN Operation in the Congo (ONUC) launched in 1960, where 20,000 military personnel was deployed in the country to bring stability in the region. Continuing the topic of Africa, UN peacekeeping mission is still evolving in the Central African Republic. Taking into consideration the evolving nature of the civil war that erupted in 2012, the mandate of the UN peacekeepers, which was initially aimed to guarantee the protection of civilians, changed over time and encompassed more broad and essential tasks such as helping to foster national dialogue between confronting parties to achieve final peace. Therefore, this article aims to explain how have the evolving mandates of UN peacekeeping missions, exemplified by MINUSCA's activities in the Central African Republic, impacted the effectiveness of international peacekeeping efforts in achieving long-term peace and stability in conflict-affected regions?

Novelty of the Research

The article introduces several novel aspects in comparison with the existing literature on UN peacekeeping missions, especially in CAR and MINUSCA contexts. The article particularly examines how the mandates of the peacekeeping mission impacted the effectiveness of international peacekeeping efforts in achieving long-term peace and stability. Much of the existing literature focuses on operational aspects of peacekeeping missions, while this work delves into the "dynamic nature of mandates" and how they adapt to changing dynamic of the conflict. The work primary analyzes the shifts from traditional peacekeeping mandate into more comprehensive stabilization and state-building mandate. Meantime, the article also gives insights about how "mandate evolution" impacts the effectiveness of the mission.

Alongside with the analysis of the mandates, the article provides a historical analysis of the conflict in CAR and links key events, resolutions and developments to the changing role of the mission. By placing MINUSCA's mandate within the broader historical context of the civil war and involvement of the United Nations, the works tries to highlight how external and internal factors such as escalating violence, humanitarian crises and geopolitical interests impacted and shaped the evolution of the mission. Historical perspective sometimes is absent in existing studies and researches, which tend to focus on particular aspects of peacekeeping operations without considering the broader context.

The existing professional literature focuses more on the operational and strategic aspects of the peacekeeping missions, while this article provides legal and political analysis of how UN resolutions have expanded MIUSCA' authority to include proactive military operations and state-building activities. This analysis sheds light on the legal and normative frameworks which underpin UN peacekeeping missions

and their evolving roles in addressing difficult conflicts. Traditional peacekeeping missions mainly focus the civilian protections; while the work highlights how the mandate of MINUSCA has expanded in order to include "political and institutional dimensions" of peacebuilding. Integration of these different perspectives, the article offers a holistic view of UN mission by highlighting the interplay between theoretical concepts, historical development and practical outcomes. The synthesis is particularly valuable to understand the complex and multifaceted nature of the peacekeeping operations. Finally, the article concludes by discussing the wide range of implications of its findings for understanding the evolution, effectiveness and ongoing challenges of the peacekeeping mission of UN. As a suggestion it emphasizes the need for flexible and adaptive mandates which will be able to respond to evolving conflict dynamics and address both immediate security concerns and long-term peacebuilding challenges.

Methodology

The article identifies several theoretical frameworks and concepts from the fields of international relations, peace and conflict studies, and political science that are relevant to the examination. These frameworks include Liberal Peace Theory, Realism (Jervis' concept), Neorealism, Constructivism, Conflict Transformation Theory, and Critical Security Studies. Each selected theoretical framework is applied to specific aspects of the study. For example, Liberal Peace Theory is applied to analyze the Multidimensional Integrated Stabilization Mission in the Central African Republic's (hereinafter referred to as MINUSCA) efforts in supporting electoral processes and fostering national dialogue as pathways to promoting democratic governance and peace. Realism and Neorealism are used to examine the motivations behind external actors' involvement in conflict in CAR, while Constructivism is employed to understand how changing norms and identities influence peacekeeping mandates' evolution. The methodology involves a conceptual analysis of MINUSCA's mandate evolution and activities in CAR within the context of the selected theoretical frameworks. This analysis aims to provide insights into UN peacekeeping missions' motivations, goals, and implications in conflict zones like CAR. The methodology includes a historical contextualization of the conflict in CAR and UN involvement, highlighting key events, resolutions, and developments that shaped MINUSCA's mandate over time. This historical perspective helps to understand the evolution of peacekeeping efforts and the challenges faced in addressing complex conflicts. The methodology evaluates MINUSCA's mandate evolution, role expansion, and effectiveness in contributing to peace and stability in CAR. This evaluation is interpreted through the lens of the selected theoretical frameworks to provide a nuanced understanding of the peacekeeping mission's impact and outcomes.

The methodology concludes by synthesizing the findings from the theoretical analysis, historical context, and evaluation of MINUSCA's mandate. It highlights the implications of the examination for understanding UN peacekeeping missions' evolution, effectiveness, and ongoing challenges in conflict resolution and peacebuilding efforts. Overall, the methodology employed in the article combines theoretical insights, historical analysis, and evaluative frameworks to comprehensively examine the UN peacekeeping mission in CAR and its broader implications for international peace and security.

Theoretical frameworks

To analyze and deepen the understanding of the evolution and effectiveness of UN peacekeeping missions, particularly in the context of the Central African Republic (CAR) as described in the article, several theoretical frameworks and concepts from the fields of international relations, peace and conflict studies, and political science could be applied. The liberal peace theory of John Oneal suggests that democracies are less likely to go to war, particularly with each other, and that the promotion of democratic governance, the rule of law, human rights, and economic interdependence can lead to more stable and peaceful international relations[1]. In the context of MINUSCA's efforts to support electoral processes and foster national dialogue in CAR, this theory could offer insights into the long-term goals of peacekeeping missions to promote democratic governance as a path to peace. This theory aligns with the mission's goals of promoting democratic governance and long-term peace[2]. Examination of MINUSCA's activities through this lens helps to highlight how the peacekeeping missions may contribute to construction of democratic institutions and fostering economic interdependence, which are key tenets of LPT.

Jervis' concept of realism, emphasizing the anarchic international system and the pursuit of national interest through power, could provide a lens to examine the motivations behind the involvement of external actors in CAR, including the UN and France[3]. Neorealism, focusing on the structure of the international system, could further help analyze how the balance of power and the interests of major states influence the scope

[1] *Oneal J., Oneal F., Maoz Z. & Russett B.* (1996). The Liberal Peace: Interdependence, Democracy, and International Conflict, 1950–85 // Journal of Peace Research, 33(1), 11–28: http://www.jstor.org/stable/425131.

[2] *Gonzalez-Vicente R.* (2018). The liberal peace fal–lacy: violent neoliberalism and the temporal and spatial traps of state-based approaches to peace. Territory, Politics, Governance, 8(1). PP. 100–116. https://doi.org/10.1080/21622671.2018.1550012

[3] *Jervis R.* (1998). Realism in the Study of World Politics. International Organization, 52(4), 971–991. http://www.jstor.org/stable/2601364

and effectiveness of peacekeeping missions[4]. Meanwhile, Constructivism could be applied to understand how changing norms and identities influence the evolution of peacekeeping mandates. This theory emphasizes the role of ideas, beliefs, and social constructs in international relations[5]. The evolving mandate of MINUSCA – from solely focusing on ceasefire and protection of civilians to fostering national dialogue and supporting electoral processes – reflects a shift in international norms regarding peacekeeping and state-building. These frameworks are used to expand and examine the motivations of the external actors involved in the conflict including France and UN. With its focus on power and national interest realism provides insights into why states and international organizations intervene in such type of conflicts. At the same time, neorealism emphasizes the structure of the international system and helps to explain how the balance of power and the interests of major states influence the scope and effectiveness of peacekeeping missions.

Last, conflict transformation theory looks beyond resolving immediate issues to address the underlying causes of conflict, aiming for deep-rooted change in relationships, attitudes, and socio-political structures[6]. Analyzing MINUSCA's efforts in fostering national dialogue and supporting electoral processes through this lens could offer insights into the mission's potential for contributing to a transformative peace in CAR[7]. CTT is applied to evaluate MINUSCA's efforts in addressing the root of causes of the conflict. Unlike traditional conflict resolution approaches CTT focuses on long-term challenges in relationships, attitudes and socio-political structures.

Historical Context

In order to understand how the UN mandate has changed over time, it is necessary to refer back to the history of the civil war in CAR. The political instability,

[4] *Behravesh M.* (2010). Realism and Neorealism: An Investigative Overview. Retrieved from: https://www.e-ir.info/pdf/5997

[5] *Checkel J.T.* (1998). The Constructivist Turn in International Relations Theory [Review of National Interests in International Society; The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics; Norms in International Relations: The Struggle against Apartheid, by M. Finnemore, P. Katzenstein, & A. Klotz]. World Politics, 50(2), 324–348: http://www.jstor.org/stable/25054040

[6] *Doucet I.* (1997). Conflict Transformation. Medicine, Conflict and Survival, 13(3), 175–194. http://www.jstor.org/stable/45354930

[7] *Mitchell Ch.* (2002). Beyond Resolution: What Does Conflict Transformation Actually Transform. Retrieved from: https://nsuworks.nova.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1020-&context=pcs

ethnic conflicts, and the humanitarian crisis became primary problems in CAR almost immediately after the ignition of hostilities. However, UN involvement in the conflict took place two years later in 2014, when the risk of the humanitarian crisis reached its apogee[8]. In order to address all the challenges, as per Resolution 2149 (2014), the UN Security Council established the United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in the Central African Republic (MINUSCA) until April 30, 2015[9]. At the same time, a request was sent to the Secretary-General to subsume the Integrated Peacebuilding Office on the Central African Republic (BINUCA), which was further smoothly transferred to MINUSCA[10]. MINUSCA initially had a primary task of securing the rights of the civilian population in areas where hostilities could erupt again.

The UN mandate power of the UN from a legal perspective

The United Nations has significant legal power and authority, although it is important to note that its powers are limited by the provisions of its charter and the willingness of member states to comply with its decisions. It is also necessary to take into consideration how resolutions that allow the UN to conduct certain types of operations would limit their capabilities in the crisis zones. Before turning into a specific example of the political and legal power of UN resolutions, the legal power of the UN should be understood in several key areas.

The UN Security Council has primary responsibility for maintaining international peace and security. It can authorize peacekeeping missions, impose sanctions, and even authorize the use of force in certain circumstances, such as in cases of self-defense or when there is a threat to international peace[11]. From a legal perspective, resolutions issued by the UN give approval to nations to act in problematic places and not violate international law. This issue was present during the US invasion of Iraq, when, without consent, the US launched a military campaign against Iraq to overthrow the regime of Saddam Hussein. The UN plays a crucial role in developing and enforcing international law. Or, for example, during the protests of Arab Spring of 2011 in Libya civil war broke out between opposition forces and leader of Jamahiriya Muamar Gaddafi. Governmental forces were ac-

[8] United Nations (2023). About: MINUSCA. Retrieved from: https://minusca.unmissions.org/en/about

[9] Ibid.

[10] Ibid.

[11] *Gross L.* (1965). The United Nations and the Role of Law. International Organization, 19(3), 537–561. http://www.jstor.org/stable/2705869

cused of committing widespread violation f human rights including attacks on civilians. After the long-lasting brutalities international community led by the UN intervened to prevent atrocities. On March 17, 2011, by the Resolution 1973, member states of the UN established a no-fly zone over Libya and to use "all necessary measures" in order to protect civilians. Resolution was based on Chapter VII of the UN Charter, which allowed the Security Council to take action in order to maintain or restore international peace and security. Resolution provided legal justification for NATO-led military operations which led to airstrikes against Gaddafi's forces without violation of international law. From legal perspective the resolution allowed NATO forces to intervene in Libya. This case demonstrated how UN resolutions may provide legal authority for military action in situations where civilian population are at risk, aligning with the principles Responsibility to Protect (R2P).

It provides a forum for member states to negotiate treaties and agreements, and it works to promote adherence to these legal instruments[12]. The UN provides a platform for member states to negotiate and draft international treaties and conventions on various subjects such as human rights, environmental protection, disarmament, trade, and more. These treaties are often developed under the auspices of specialized UN agencies, such as the International Labour Organization (ILO), the World Health Organization (WHO), or the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). As it would be presented below, UN disarmament efforts played a pivotal role in the Central African Republic.

From another perspective, the UN is a central actor in the promotion and protection of human rights globally. Bodies such as the UN Human Rights Council and the Office of the High Commissioner for Human Rights monitor human rights situations, investigate violations, and make recommendations for action. Through agencies like the United Nations Development Programme (UNDP), the UN engages in development efforts worldwide, addressing issues such as poverty, health, education, and sustainable development[13]. The UN supports international criminal justice mechanisms such as the International Criminal Court (ICC), which investigates and prosecutes individuals accused of genocide, war crimes, crimes against humanity, and aggression. However, it's important to recognize that the effectiveness of the UN's legal power can vary. For example UN played an important role in dismantling apartheid in South Africa. Due to approved resolutions,

[12] *Schachter O.* (1994). United Nations Law. The American Journal of International Law, 88 (1), 1–23. https://doi.org/10.2307/2204020

[13] Ibid.

sanctions and international pressure UN condemned apartheid as a violation of human rights. For instance, in 1973, under the auspices of the UN "The International Convention on the Suppression and Punishment of the Crime of Apartheid" was adopted.

The UN relies heavily on member states to implement its decisions and enforce international law. When there is a lack of consensus among major powers or when states choose not to comply, the UN's ability to enforce its mandates can be. The UN operates in a complex political environment where geopolitical interests, power dynamics, and diplomatic considerations influence decision-making[14]. This can sometimes result in compromises or delays in taking action on specific issues. Resource constraints can also affect its effectiveness, including financial limitations and logistical challenges in deploying peacekeeping missions or humanitarian operations. Overall, while the UN possesses significant legal authority and plays a crucial role in global governance, its ability to address complex international challenges depends on various factors, including political will, cooperation among member states, and the support of the international community.

The Genesis of MINUSCA and Its Initial Legal Framework

The most important evolution of MINUSCA's mandate has been the increasing authorization for the use of force in response to the evolving unstable situation. At first, MINUSCA's use of force was largely limited to self-defense and the protection of civilians. Nevertheless, the increasing speed of growing violence and unstable situation, in compilation with the failure to bring lasting peace expanded mission's authority to include proactive military operations against armed groups that threatened the peace process. Resolutions 2217 (2015) and 2301 (2016) of the United Nations Security Council (hereinafter referred to as UNSC) allowed the mission to take more robust actions, including disarming military groups and prevention of the continuation of violations of international. Such shift marked the change of the initial peacekeeping posture to a more comprehensive stabilization and enforcement mandate. From a legal perspective such actions are drawn from the "responsibility to protect" (R2P) doctrine, according to which the international community has a legal obligation to intervene, when state is unwilling or do not have a capacity to prevent mass atrocities, including genocide, war crimes and crimes against humanity.

[14] *Hurd I.* (2014). The UN Security Council and the International Rule of Law. The Chinese Journal of International Politics, 7(3), 361–379. https://www.jstor.org/stable/48615915

Evaluation of MINUSCA's Mandate

In 2014, MINUSCA's mandate encompassed responsibilities of maintaining security and civilian protections, but their role has evolved since its inception. Initially, according to Resolution 2149 (2014), MINUSCA was assigned a task for the parties to obey the ceasefire[15]. However, over time, the scope of responsibilities evolved, and after 2014, it started to include the support of the transitional government in achieving political stability, as from 2014 until the elections of 2020, the state was basically partitioned between government and rebels, that is why the Resolution prescribed the deployment of 10,000 peacekeepers watchdogs of security[16]. Similarly, their role could be compared to the first generation of UN peacekeepers mentioned by Ramsbotham, Woodhouse, and Miall, whose sole mission was to ensure that a ceasefire in the conflict zones should not be violated[17].

The evolution of the mandate and role of peacekeepers started to change with resolution 2196 (2015), which extended the period of MINUSCA's staying in CAR until 2016, and resolution 2217 (2015), which not only extended the staying period until 2016 but also gave a favor of the UN to cooperate with international actors (such as France) in conflict resolution process[18]. Since 2015, MINUSCA has received additional authority to enlarge its scope of powers by being engaged in the political landscape of post-war CAR. In addition to security operations, which now included safeguarding the infrastructure and strategic objects that were under the control of peacekeepers, the new responsibilities prescribed fostering national dialogue between confronting parties as well as helping the authorities to build national institutions for the state functioning (this program was implemented alongside African Union and European Union)[19]. At the same time, MINUSCA helped facilitate the electoral processes in CAR by supporting the organization of presidential and legislative elections[20]. This was entrusted to MINUSCA by resolution 2217 (2015)

[15] Security Council Report (2023). UN Documents for Central African Republic: Security Council Resolutions. Retrieved from: https://www.securitycouncilreport.org/un_documents_type/security-council-resolutions/page/2?ctype=Central+African+Republic&cbtype=central-african-republic#038;cbtype=central-african-republic.

[16] *Gorur A.* (2020) Case Study 4: The Political Strategy of the UN Peacekeeping Mission in the Central African Republic. Retrieved from: https://i.unu.edu/media/cpr.unu.edu/attachment/4414/CAR.pdf

[17] Ramsbotham, Woodhouse & Miall (2016) Chapter SIX: Containing Violent Conflict: Peacekeeping. PP. 173–198.

[18] United Nations (2023), Electoral Assistance. Retrieved from: https://minusca.unmissions.org/en/electoral-assistance-0

[19] Ibid.

[20] Ibid.

about Integrated Electoral Assistance. With the help of the UN, in December 2015, presidential and legislative elections were organized in the state, which was followed by the second round in February and March of 2016[21].

Mediation of the political conflict between rebels and the government was also included in the post-2015 mandate and was actively used by MINUSCA to settle the conflict once and for all. The first attempt was made in May 2015, when the transitional government organized the Bangui Forum with the help of MINUSCA[22]. It had to serve as a platform for national political dialogue with an objective and had to establish a new social contract for the citizens of Central Africa through the examination of sustainable resolutions to the ongoing conflict[23]. Interventions of such (political) type demonstrate an understanding that the attainment of peace and stability in the Central African Republic cannot be solely accomplished through security measures. The evolution of the mandate of MINUSCA allowed UN peacekeepers to address the most complex challenges, one of which was their contribution to stabilizing the security situation. MINUSCA has intensely worked since 2015 to implement the disarmament, demobilization, and reintegration (DDR) program and give an opportunity to the members of armed groups to return to normal life. in case foreign nationalities were spotted at the place of hostilities, DDR helped them to repatriate[24].

Conclusion

Overall, MINUSCA is a good representation of how the peacekeeping mission and mandate prescribed to the UN has evolved over time, from personnel who were prescribed with an obligation to secure the ceasefire regime to a developed institution with capabilities to help states rebuild and even modernize their institutions and political systems according to international standards. Its expansion beyond traditional security measures in CAR was seen in its efforts to help foster national dialogue, reorganize electoral processes, and mediate between conflicting parties to reach peace. The situation in the Central African Republic is an example of how UN peacekeeping missions continue to develop and play a vital part in attempting to

[21] *Gorur A.* (2020) Case Study 4: The Political Strategy of the UN Peacekeeping Mission in the Central African Republic. Retrieved from: https://i.unu.edu/media/cpr.unu.edu/attachment/4414/CAR.pdf

[22] Ibid.

[23] Ibid.

[24] United Nations (2023). Disarmament Demobilization Reintegration. Retrieved from: https://minusca.unmissions.org/en/DDR_En

maintain peace and stability. This article offers a comprehensive and nuanced analysis of the mission of MINUSCA in CAR and sheds light on the evolution of its mandate, effectiveness and the broader implication for the UN peacekeeping missions. Examination of the dynamic nature of MINUSCA's mandate in the framework of historical, legal and political context of CAR allows the article to provide a holistic understanding of how peacekeeping missions adapt to complex and evolving conflicts. Article delves into the dynamic nature of mandates and how they evolve in response to changing conflict dynamics. Legal examination of the authority of the UN in conflict resolution reinforces furtherly the argument that mandate evolution is not just a strategic decision but also a response to shifting legal interpretations and international responsibilities. Through examples such as R2P doctrine, the expansion of MINUSCA's authority to engage in proactive military operations, and its role in political mediation, this examination illustrates how peacekeeping missions are increasingly required to go beyond traditional roles in order to address complex security issues and challenges.

REFERENCES

1. *Oneal J., Oneal F., Maoz Z. & Russett B.* (1996). The Liberal Peace: Interdependence, Democracy, and International Conflict, 1950–85. Journal of Peace Research, 33 (1). PP. 11–28. http://www.jstor.org/stable/425131.
2. *Jervis R.* (1998). Realism in the Study of World Politics. International Organization, 52 (4). PP. 971–991: http://www.jstor.org/stable/2601364.
3. *Checkel J.* (1998). The Constructivist Turn in International Relations Theory [Review of National Interests in International Society; The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics; Norms in International Relations: The Struggle against Apartheid, by M. Finnemore, P. Katzenstein, & A. Klotz]. World Politics, 50(2). PP. 324–348: http://www.jstor.org/stable/25054040
4. *Doucet I.* (1997). Conflict Transformation. Medicine, Conflict and Survival, 13(3). PP. 175–194: http://www.jstor.org/stable/45354930.
5. United Nations, (2023.) About: MINUSCA. Retrieved from: https://minusca.unmissions.org/en/about
6. Ibid.
7. Ibid.
8. *Gross L*. (1965). The United Nations and the Role of Law. International Organization, 19 (3), 537–561: http://www.jstor.org/stable/2705869
9. *Schachter O.* (1994). United Nations Law // "The American Journal of International Law", 88(1), 1–23: https://doi.org/10.2307/2204020
10. Ibid.
11. *Hurd I*. (2014). The UN Security Council and the International Rule of Law // "The Chinese Journal of International Politics", 7(3). PP. 361–379: https://www.jstor.org/stable/48615915
12. Security Council Report, (2023.) UN Documents for Central African Republic: Security Council Resolutions. Retrieved from: https://www.securitycouncilreport.org/un_documents_type/security-council-resolutions/page/2?ctype=Central+African+Republic&cbtype=central-african-republic#038;cbtype=central-african-republic

13. *Gorur A*. (2020) Case Study 4: The Political Strategy of the UN Peacekeeping Mission in the Central African Republic. Retrieved from: https://i.unu.edu/media/cpr.unu.edu/attachment/4414/CAR.pdf.
14. Ramsbotham, Woodhouse & Miall (2016). Chapter SIX: Containing Violent Conflict: Peacekeeping. PP. 173–198.
15. United Nations (2023). Electoral Assistance. Retrieved from: https://minusca.unmissions.org/en/electoral-assistance-0.
16. Ibid.
17. Ibid.
18. *Gorur A*. (2020). Case Study 4: The Political Strategy of the UN Peacekeeping Mission in the Central African Republic. Retrieved from: https://i.unu.edu/media/cpr.unu.edu/attachment/4414/CAR.pdf.
19. Ibid.
20. Ibid.
21. United Nations (2023). Disarmament Demobilization Reintegration. Retrieved from: https://minusca.unmissions.org/en/DDR_En.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗВИВАЮЩИХСЯ МАНДАТОВ И ИХ ВЛИЯНИЯ

Т. Симонян
Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется меняющаяся роль и эффективность миротворческих миссий Организации Объединенных Наций (ООН), уделяется особое внимание примеру Центральноафриканской Республики (ЦАР). Она начинается с контекстуализации исторической подоплеки конфликта в ЦАР и создания Многомерной комплексной миссии ООН по стабилизации в ЦАР (МИНУСКА) в 2014г. Используя междисциплинарный подход, основанный на международных отношениях, исследованиях мира и конфликтов, а также политологии, для анализа эволюции мандата и деятельности МИНУСКА в статье используются теоретические основы, такие как либеральная теория мира, реализм, неореализм, конструктивизм и теория трансформации конфликтов. В исследовании подчеркивается переход МИНУСКА от традиционных миротворческих задач к более широким обязанностям, включая содействие национальному диалогу, поддержку избирательных процессов и помощь в институциональном строительстве. В статье рассматривается, как расширение мандата МИНУСКА отражает изменение международных норм, как определяются мотивы участия внешних игроков в ЦАР, таких как Франция и ООН. Кроме того, в статье оценивается эффективность МИНУСКА в содействии миру и стабильности в ЦАР, учитывая такие факторы, как ограниченность ресурсов и геополитическая динамика. Объединив теоретические идеи, исторический анализ и оценочные основы, статья дает детальное понимание эволюции, проблем и последствий миротворческих миссий ООН для международного мира и безопасности; МИНУСКА способствует постоянным дискуссиям о роли международ-

ных организаций в разрешении конфликтов и усилиях по миростроительству, предлагая понимание сложностей современных миротворческих операций и их влияния на пострадавших от конфликтов регионы, такие как Центральноафриканская Республика.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, Миротворческие миссии, Центральноафриканская Республика (ЦАР), МИНУСКА, эволюция мандата, Резолюция 2149 (2014), Резолюция 2196 (2015), Резолюция 2217 (2015), программа разоружения, демобилизации и реинтеграции (РДР).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-160-168

КИТАЙСКАЯ И ИНДИЙСКАЯ ДИАСПОРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ И ИНДИИ

Д.В. Джанян

Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт международных отношений и общественно-политических наук
diana.janyan@yahoo.com

АННОТАЦИЯ

В данной работе рассматриваются китайская и индийская диаспоры как важные инструменты «мягкой силы» во внешней политике этих стран. Анализируется роль диаспор в продвижении культурных, экономических и политических интересов Китая и Индии на международной арене. Особое внимание уделяется тому, как диаспоры способствуют укреплению связей между странами и формированию положительного имиджа на глобальном уровне. Также рассматриваются примеры успешного использования диаспор для реализации внешнеполитических целей.

Ключевые слова: диаспора, «мягкая сила», внешняя политика, Китай, Индия.

Введение

В современном мире внешняя политика стран становится многогранной и многоуровневой. Одним из ключевых инструментов воздействия на международные отношения является использование «мягкой силы», то есть способности страны влиять на другие государства через культурное влияние, ценности, идеологию и общественные связи, а не через военные или экономические средства. Китай и Индия, будучи крупными развивающимися державами, активно используют свои диаспоры как важный элемент мягкой силы в международных отношениях.

По утверждению знаменитого автора Дж. Милорда [4], диаспоры Китая и Индии занимают свое отдельное, почетное место при рассмотрении стран по реализации внешней стратегии посредством мягкой силы. О важности достижения стратегических целей при помощи «мягкой силы» подчеркивают также авторы А.Е. Гришина [9] и О.В. Зиневич. По утверждению этих авторов, на сегодняшний день «мягкая сила» – довольно сильный инструмент для многих

стран для реализации многих социально-экономических целей. Подобную мысль выражает автор Селезнева Н.В. [10] в своей научной работе, подчеркивая диаспоры Китая и Индии как пример успешной реализации.

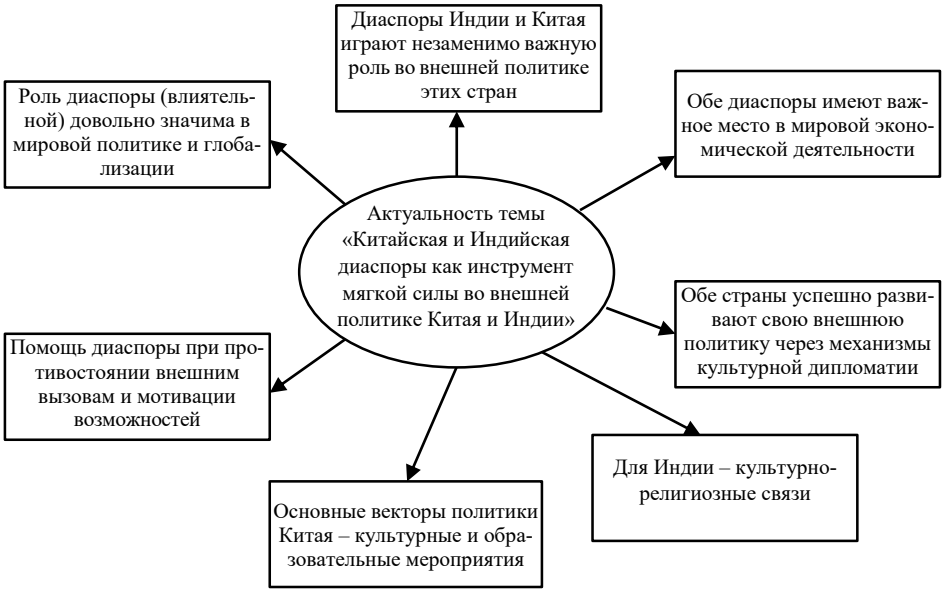
Цель данного исследования – исследовать роль китайской и индийской диаспор как инструмента мягкой силы во внешней политике Китая и Индии.

Состояние проблемы несмотря на то, что диаспоры Индии и Китая значительно обширны и развиты, тема их использования во внешней политике раскрыты сравнительно неполно.

По данной причине рассмотрение и раскрытие темы является актуальной и важной задачей.

Актуальность данной статьи обоснована рядом важных факторов, которые представлены в представленной Табл. 1.

Таблица 1. Актуальность темы «Китайская и Индийская диаспоры как инструмент мягкой силы во внешней политике Китая и Индии» [6].



С учетом таких факторов, как экономический фактор, мировая политика, глобализация и т.д, тема китайской и индийской диаспор как механизмов мягкой силы становится более важной и актуальной сегодня. Также отметим, что диаспора для обеих стран является ресурсом для реализации стратегических целей [11].

Методы исследования включают как качественный, так и количественный анализы. Оба вида были применены в данном исследовании. Поскольку тема «от-

крытая», соответственно были проанализированы «открытые» источники информации. Для полного методологического набора было проведено сравнительное исследование с целью выявления ключевых различий, а также сходств в подходах обеих стран к использованию диаспоры как инструмента мягкой силы. Также отметим, что был использован исторический метод для выявления всей хронологии вовлечения диаспоры в стратегические планы стран.

«Мягкая сила» как концепция внешней политики

В 1990г. в первый раз был упомянут и введен в обращение термин «мягкая сила». Этот термин – «мягкая сила», характеризуется как эффективный метод достижения определенных целей со стороны государства. Специфика данного метода состоит в том, что она не предполагает принуждающие или силовые действия, какие-либо прямые финансовые операции. Данный метод представляет из себя слияние нескольких элементов, таких как национальная культура, национальные ценности, политика, религия, связи и так далее. Главная особенность, которая отличает мягкую силу от жесткой состоит в том, что «мягкая сила» не основана на военном потенциале государства и не предполагает экономические операции даже в вышеупомянутых процессах, а скорее основана на невещественных ценностях, а также культурном взаимообмене.

В нашем случае, в рамках исследуемой темы, на примере Китая и Индии, «мягкая сила» является довольно значимым вектором и эффективным механизмом государственной реализации стратегий и целей. «Мягкая» политика данных двух стран схожа тем, что обе страны имеют довольно большую и хорошо развитую в плане поддержки и отдельного института диаспору [3]. Диаспоры Индии и Китая являются активной составляющей населения других стран, но активно принимают участие в развитии и реализации целей своих стран.

Китайская диаспора как инструмент «мягкой силы»

Коротко рассмотрим китайскую диаспору в рамках рассматриваемой темы и ключевых векторов направления мягкой силы. Китайская диаспора является одной из крупнейших в мире и имеет широкую представленность во многих развитых странах. Эти люди не только активно участвуют в экономическом развитии стран своего проживания, но и имеют ключевые цели воздействия для реализации увеличения каналов связи между Китаем и данными странами, а также обменом экономических и культурных ценностей [6].

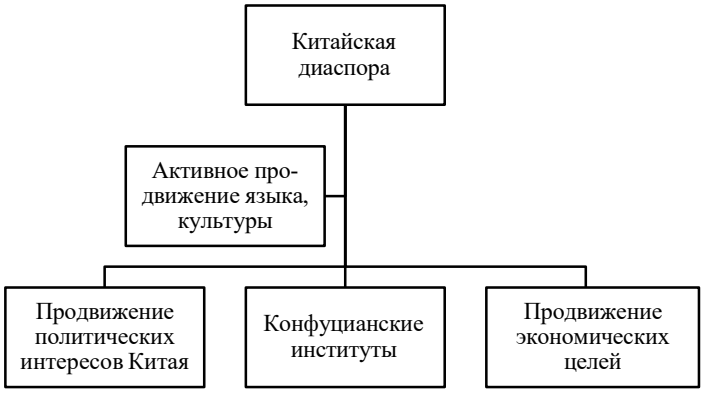
Характерная особенность диаспоры Китая состоит в том, что страна имеет стратегические цели развития и мотивации своей диаспоры, направления продвижения экономических интересов, а также культурных ценностей своей

страны. Хорошо развитая и экономически платежеспособная диаспора страны играет довольно важную роль в реализации экономических целей Китая на международной арене. Разветвленная сеть общин, которые сформированы диаспорой, позволяют использовать мировую глобализацию и экономические процессы исключительно в интересах Китая.

Постараемся в двух словах представить стратегию Китая в рамках рассматриваемой темы.

В Табл. 2 представим каналы реализации государственных стратегий путем «мягкой силы».

Таблица 2. Каналы реализации государственных стратегий Китая путем «мягкой силы» (диаспоры) [9].



При помощи разных социальных институтов, а также обучающих программ, целью которых является обучение китайскому языку, разным мероприятиям, связанным с продвижением культурных ценностей Китая, а также традиций, китайская диаспора в буквальном смысле пропагандирует продвижение своих государственных как социальных, так и экономических целей, укрепляет позицию Китая в международной геополитической сфере. Это является довольно значимым инструментом на пути к достижению государственной стратегии [6], а также является классическим примером передовых механизмов реализации государственной стратегии при помощи мягкой политики.

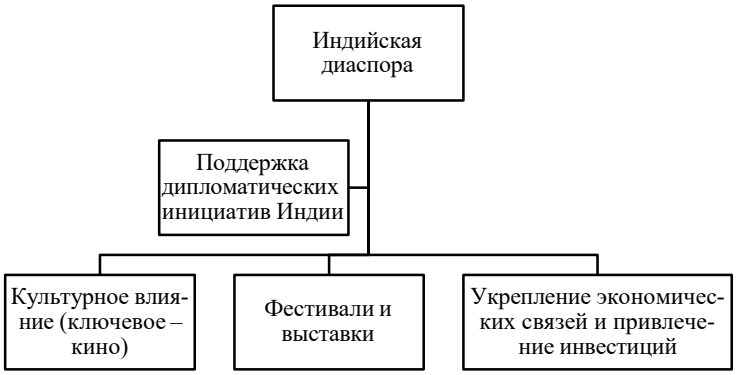
Приведем пример, подтверждающий вышесказанное и доказывающий активное участие диаспоры в продвижении политических интересов Китая в рамках применения «мягкой силы». Хорошим примером является распространение «нового Китая» на мировой арене, а также проект «Один пояс, один путь».

Индийская диаспора как инструмент «мягкой силы»

Индийская диаспора, как китайская, имеет большое значение в международной экономике и активно участвует в международный политике. Индия, в свою очередь, тоже применяет методы распространения своей культуры и традиций посредством диаспоры. В стратегических государственных планах Индии диаспора является довольно эффективным и сильным инструментом для реализации целей распространения национальных культурных ценностей. Также индийская диаспора играет довольно значимую роль в укреплении дипломатических и дружественных отношений Индии с другими странами мира, интеграции политических и экономических связей между данными странами. Одним из подобного рода достижений являются переговорные основы Индии и ООН [7].

В Табл. 3 ниже рассмотрим некоторые важные стратегические векторы распространения «мягкой силы» посредством диаспоры.

Таблица 3. Каналы реализации государственных стратегий Индии путем «мягкой силы» (диаспоры) [3].



Индийская культура кино, его распространение по всему миру, является одним из классических примеров применения мягкой силы – культурного влияния. Это один из самых успешных и широких каналов связи и распространения индийской культуры. Важное значение также имеют выставки и фестивали, которые ежегодно привлекают внимание множества сообществ и довольно значимого количества людей.

Еще одним важным аспектом является укрепление экономических взаимоотношений при помощи диаспоры. По всему миру существует довольно

большое количество людей из Индии, которые трудятся в высокотехнологических отраслях, – в частности, в информационных технологиях. Постепенное продвижение участников данных проектов повышает их значимость и делает лидерами на мировом рынке. Одним из таких наиболее известных примеров является Силиконовая Долина [4].

Отметим, что все вышеуказанные методы не только укрепляют политические позиции Индии в мире, но также способствуют привлечению инвестиций и стимулирования финансовых и торговых потоков

Сравнение китайской и индийской диаспор в контексте «мягкой силы»

Хотя и Китай, и Индия активно используют свои диаспоры как инструмент мягкой силы, методы их реализации различаются. Ниже, в Табл. 4 рассмотрим ключевые различия.

Таблица 4. Методы реализации «мягкой силы» Китая и Индии [12].

Китай акцентирован на укреплении политического и экономического влияния через свою диаспору	Китайская диаспора поддерживает и мотивирует экономические и социальные проекты на разных материках
Методы реализации «мягкой силы»	
Индия базируется в основном на национальной дипломатии	Индийская диаспора активно участвует в пропаганде индийской культуры

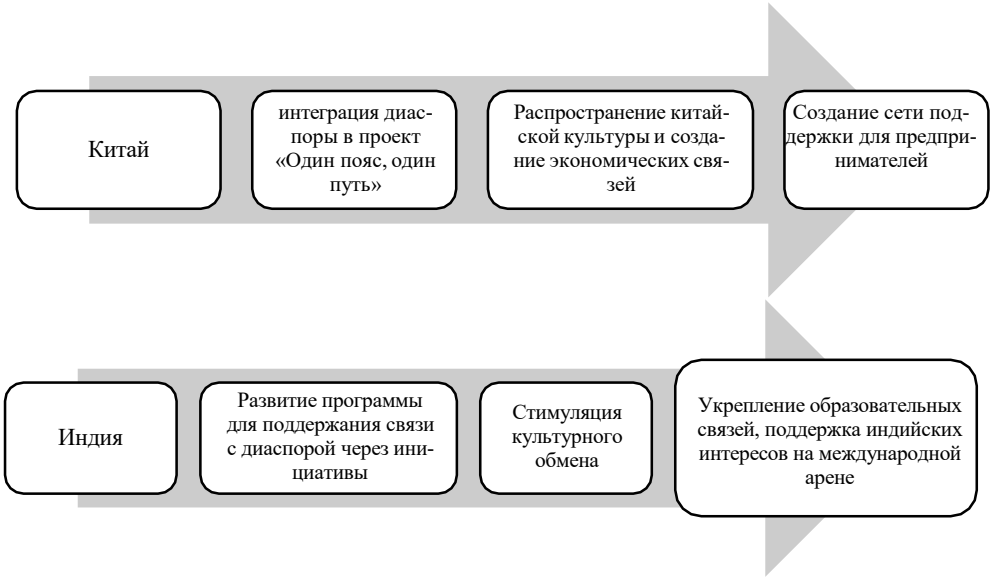
Несмотря на определенные различия методов реализации «мягкой силы» при помощи диаспоры, Китай и Индия акцентируют внимание на развитии и мотивации диаспоры. Обе стороны довольно интенсивно используют диаспоры с целью установления своего влияния в регионах Южной Азии, Америки, Африки и так далее.

Стратегические инициативы и сотрудничество с диаспорой

И Китай, и Индия понимают ключевую особенность поддержания и укрепления связей с диаспорой посредством различных стратегических инициатив сегодня.

Рассмотрим ключевые направления в Табл. 5.

Таблица 5. Ключевые направления, стратегические инициативы Китая и Индии [1].



Итак, как видно из таблицы, в политике каждой страны свои определенные стратегические направления. Необходимо подчеркнуть, что если обобщить все данные особенности, то в общем и в целом их можно разделить на две большие подгруппы – социальные и экономические факторы. Посредством развития большей части того или иного фактора страны добиваются развития именно в этой области, что помогает, применяя «мягкую силу», через диаспору продвигать национальные интересы.

Заключение

Китайские и индийские диаспоры за рубежом играют довольно важную, в некоторых случаях даже решающую роль в формировании внешней политики своих стран. Каждая страна имеет хорошо разработанную стратегию для вовлечения диаспоры в стратегические планы страны. Используя диаспору для достижения культурных, экономических и политических целей, Китай и Индия стремятся первым делом максимально расширить свой глобальный охват, далее наладить более тесные отношения с другими странами.

В современных реалиях глобализации, диаспоры превратились в мощный инструмент мягкой силы, способный усилить международное влияние и создать среду, благоприятствующую более продуктивному международному взаимодействию.

Выводы

- Китайская и индийская диаспоры играют ключевую роль в реализации стратегий «мягкой силы» своих стран, поддерживают социально- экономическое развитие стран.
- Китай и Индия активно используют свою диаспору для продвижения национальных интересов и реализации стратегии.
- Роль диаспор в «мягкой силе» этих стран продолжает расти.
- Применение «мягкой силы» через диаспоры может стать эффективным инструментом в условиях глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. A global Ranking of Soft Power // The Soft Power 30. softpower30.portland-communications.com/ranking
2. CIGI Junior fellows policy brief. 2013. № 6 // https://www.cigionline.org/sites/default/files/no6_0.pdf
3. Hall I. India's New Public Diplomacy: Soft Power and the Limits of Government Action. // Asian Survey. 2012. Vol. 52. 1 6. PP. 1089–1110.
4. *Milord J.* The World's 10 Largest Media Conglomerates // Elite daily. elitedaily.com/money/the-worlds-10-largest-media-conglomerates/
5. *Nye J*. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.-Y., 2004. 192p.
6. *Ruan Sh.* (2022). [A Study of China's "Soft Power" Tools in Southeast Asia]. [Guangxi University of Nationalities]. (4). PP. 10–20.
7. *Tharoor Sh.* Indian Strategic Power: "Soft" // Global Brief. [Эл. ресурс]: http://globalbrief.ca/blog/
8. *Xharra B. and Wählisch M.* Beyond Remittances: Public Diplomacy and Kosovo's Diaspora // Pristina: Foreign Policy Club, 2012 https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2108317
9. *Гришина А.Е*. Мировая китайская диаспора (на примере китайских мигрантов в Северной Америке) // «Актуальные проблемы современных международных отношений», 2017. № 9. СС. 92–97.
10. *Зиневич О.В., Селезнева Н.В.* Новая стратегия «мягкой силы» Китая // «Вестник МГИМО-Университета», 2022, 15(6). СС. 36–54. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54
11. *Осепян А.К.* Концепции и характер диаспоры в классическом и современном виде// Социальная философия и проблемы обществознания «Вестник Оренбургского государственного университета». № 7 (156). 2013. С. 69. https://cyberleninka.ru/article/v/kontsepty-i-harakteristiki-diaspory-vklassicheskom-i- sovremennom-vide
12. *Сингх Дж.* Большая игра без правил // BRICS // "Business magazine", bricsmagazine.com/ru/articles/bolshaya-igra-bez-pravil

CHINESE AND INDIAN DIASPORAS AS AN INSTRUMENT OF SOFT POWER IN THE FOREIGN POLICY OF CHINA AND INDIA

D. Janyan
Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of international relations and sociopolitical sciences

ABSTRACT

This paper examines the Chinese and Indian diasporas as important instruments of soft power in the foreign policy of these countries. It analyzes the role of diasporas in promoting the cultural, economic and political interests of China and India in the international arena. Particular attention is paid to how diasporas contribute to strengthening ties between countries and forming a positive image at the global level. Examples of the successful use of diasporas to achieve foreign policy goals are also considered.
Keywords: Diaspora, soft power, foreign policy, China, India.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-169-184

ПЕРСПЕКТИВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ, ИРАНОМ И РОССИЕЙ КАК СДЕРЖИВАЮЩЕГО ФАКТОРА ТУРЕЦКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

И.А. Мнацаканян

Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт международных отношений и общественно-политических наук
inna.mnatsakanian01@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В условиях обострения геополитических интересов на Южном Кавказе формирование стратегического партнерства между Арменией, Россией и Ираном представляется как возможный балансирующий механизм против влияния Турции и Азербайджана в регионе. Данная статья исследует политические и экономические интересы указанных стран, анализирует уровень их взаимодействия и перспективы усиления сотрудничества. В работе рассматриваются турецко-азербайджанские отношения, их влияние на безопасность и стабильность в регионе, проводится оценка текущего состояния отношений, а также потенциальные препятствия на пути к возможному стратегическому партнерству между Арменией, Россией и Ираном.

В результате исследований становится ясно, что такое партнерство потенциально может быть важным балансирующим фактором в регионе, обеспечивая Армении поддержку крупных союзников и способствуя политике сдерживания Турции и Азербайджана. Тем не менее, препятствия для создания стратегического союза значительны: западные санкции, изменения внешнеполитического курса Армении, а также важность экономических и политических отношений Ирана и России с Турцией и Азербайджаном. В результате, хотя перспективы стратегического партнерства остаются актуальными, его реализация в сложившихся условиях представляется маловероятной.

Ключевые слова: стратегическое партнерство, национальные интересы, геополитика, региональная безопасность, баланс сил.

Введение

Южный Кавказ занимает важное геополитическое положение, где сталкиваются интересы региональных и нерегиональных акторов. Учитывая нестабильное состояние региона, межгосударственные конфликты государств, важную роль играло посредничество нерегиональных акторов, которые при этом расширяли свою зону влияния.

Особенно в последние годы Южный Кавказ стал ареной конкуренции мировых и региональных держав, стремящихся укрепить свои позиции в этом стратегически важном регионе. Присутствие Турции и Азербайджана, а также их совместные действия подталкивают Армению к поиску союзников, способных стабилизировать ситуацию и защитить ее интересы. Важными потенциальными партнерами для Армении могут стать Россия и Иран, обладающие значительным политическим и экономическим влиянием в регионе и собственными интересами, касающимися безопасности и стабильности на Южном Кавказе.

Следовательно, актуальность темы заключается в том, что сейчас на Южном Кавказе происходят региональные изменения, где Турция может стать главным нерегиональным актором, имея связь с регионом, благодаря крепким отношениям с Азербайджаном. Так, данная тема, в первую очередь, актуальна для Армении, которая, не имея дипломатических отношения с двумя государствами, должна оценить ситуацию в регионе, понять, к каким рискам может привести вытеснение России и Ирана и доминирование Турции и Азербайджана, таким образом, выстроить свои долгосрочные приоритеты. Также актуальность темы заключается в том, что роль России и Ирана в международных отношениях меняется, что также влияет на их позиции на Южном Кавказе. Учитывая санкционную политику Запада в отношении России и Ирана, политика региональной интеграции Европейского союза, стремление региональных акторов вести независимую политику являются угрозой национальным интересам России и Ирана, следовательно, Россия и Иран должны выстраивать свою внутреннюю и внешнюю политику, учитывая геополитические изменения региона, чтобы найти пути сохранения своей сферы влияния. Соответственно, изучение данной темы позволяет оценивать, на каком уровне находятся взаимоотношения Турции и Азербайджана в рамках Южного Кавказа, какое влияние имеет их сотрудничество в регионе. Является возможное стратегическое партнерство Армении, России и Ирана механизмом балансирования сил в регионе? Насколько это возможно в результате внутриполитических и внешнеполитических изменений в Армении? Рассматривают ли Россия и Иран стратегическое партнерство с Арменией возможным, учитывая собственные национальные интересы?

Цель – получение ответа на вопрос: возможно ли осуществление стратегического партнерства между Арменией, Ираном и Россией как сдерживающего фактора турецко-азербайджанской экспансии?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос нужно выполнить следующие задачи:

- выявить интересы России и Ирана на Южном Кавказе;
- проанализировать уровень отношений между Арменией, Ираном, Россией;
- исследовать возможные направления укрепления отношений между Арменией, Ираном и Россией для противодействия турецко-азербайджанской экспансии;
- показать взаимоотношения Турции и Азербайджана в рамках Южного Кавказа;
- изучить аспекты турецко-азербайджанской экспансии;
- рассмотреть национальные интересы России и Ирана в отношениях с Турцией и Азербайджаном;
- понять, рассматривают ли Иран и Россия турецко-азербайджанские отношения вызовом;
- выявить препятствия на пути возможного создания стратегического партнерства между Арменией Россией и Ираном.

Материалы и методы

Для анализа перспектив стратегического партнерства между Арменией, Россией и Ираном как возможного механизма сдерживания турецко-азербайджанской экспансии на Южном Кавказе были использованы различные методологические подходы и методы исследования.

Проведено исследование официальных документов России, Ирана и Армении, включая внешнеполитические концепции и заявления лидеров, с целью определения геополитических интересов и национальных приоритетов каждой страны в регионе Южного Кавказа. Изучены работы российских и зарубежных исследователей по тематике геополитики на Южном Кавказе и взаимодействию ключевых позиций для выявления исторических и современных тенденций в отношениях между этими государствами.

Использованы отчеты и аналитические записки экспертных центров и институтов, занимающихся проблемами международных отношений и региональной безопасности, для оценки влияния турецко-азербайджанского сотрудничества на политическую обстановку в регионе.

Был использован сравнительный анализ для сопоставления интересов и приоритетов Армении, России, Ирана, Турции и Азербайджана на Южном Кавказе. Этот метод позволил оценить различия и сходства в подходах указанных стран к региональной безопасности и расширению политического влияния, а также оценить их потенциальные направления для взаимодействия с

Арменией. Проведен системный анализ, направленный на понимание взаимосвязей и взаимодействия различных акторов в регионе. Этот метод позволяет рассмотреть региональный кризис как комплексное явление, включающее внешние влияния и внутренние факторы каждой из стран.

Метод прогнозирования и сценарного анализа применен для моделирования возможного стратегического партнерства Армении, России, Ирана и его влияния.

Такой комплексный подход позволяет выявить и проанализировать многослойные аспекты потенциального партнерства между Арменией, Россией и Ираном, а также оценить его эффективность как инструмента сдерживания турецко- азербайджанской экспансии на Южном Кавказе. Сочетание теоретического анализа и эмпирических данных дает возможность сформулировать обоснованные выводы и рекомендации для политического процесса.

Результаты

Каждое государство выстраивает свою внешнюю политику, исходя из своих национальных интересов, так, обозначение национальных интересов России и Ирана помогает понять степень их заинтересованности в Южном Кавказе и определить дальнейшую политику в рамках региона.

Россия стремится к сохранению своего влияния на постсоветском пространстве, рассматривая Южный Кавказ как зону национальной безопасности, в частности, из-за угрозы проникновения НАТО через Турцию и потенциального усиления влияния Турции и Запада. Россия и Иран имеют определенные национальные интересы на Южном Кавказе, а Армения, являясь региональным субъектом Южного Кавказа и имея исторически сложившееся отношения с Россией и Ираном в разных сферах: политической, экономической, энергетической, военной и т.д. – в некоторой степени обеспечивает присутствие России и Ирана в регионе.

Правовая основа отношений России и Армении включает более 200 соглашений и договоров, базовыми документами которого является Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 29 августа 1997г. и Декларация о союзническом взаимодействии между Россией и Арменией.

Россия является ключевым союзником Армении, а Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) координирует военную политику Армении и России, а также является гарантом безопасности сторон.

Тесное сотрудничество между Россией и Арменией позволяло России на протяжении долгого времени доминировать в регионе. Российские войска вдоль армяно- турецкой границы и наличие российской 102-ой военной базы

с двумя гарнизонами, расположенными в Ереване и Гюмри, позволяют иметь определенный контроль над регионом.

Важным аспектом российско-армянских отношений является экономика. Россия ключевой внешнеэкономический партнер Армении (доля во внешней торговле – более 35%). Экспорт – 4,63 млрд долл. (рост на 60,5%), импорт – 3,075 млрд долл. (увеличение на 50%). Россия занимает позицию ведущего иностранного инвестора в экономику республики. Объем российских накопленных инвестиций по состоянию на июль 2023 г. составил 1,75 млрд долл. (около 40% совокупных иностранных капиталовложений). Торговые отношения Армении и России в 2024г. показали рекордный результат, Статистический комитет Армении сообщил, что товарооборот между государствами достигает почти 10,9 миллиарда долларов, что на 91 процент больше, чем за аналогичный период 2023г. В сфере энергетического сотрудничества можно отметить, что значительная часть активов энергетической системы Армении принадлежит российским инвестором, в частности, «Газпром» контролирует армянскую газовую инфраструктуру, РАО «ЕЭС России» устанавливает контроль над 80% электрогенерации Армении.

Что касается Ирана, то интересы Ирана на Южном Кавказе можно рассмотреть в трех измерениях: безопасность, энергоресурсы и выход из изоляции. Военно-политическое присутствие держав западного блока у иранских границ, в особенности США и Израиля, воспринимается Тегераном как угроза национальной безопасности. Также Южный Кавказ критически важен для Ирана из-за выхода к Каспийскому морю и его ресурсам, а также евразийских транспортно-логистических коридоров, пролегающих через кавказский регион.

Иран стремится к стабильности у своих северных границ и ограничению турецкого влияния в регионе, что делает его потенциальным союзником России и Армении в противостоянии турецко-азербайджанским устремлениям.

Иран поддерживает дипломатические и экономические отношения с Арменией, видя в ней важного партнера в регионе. Отношения Армении и Ирана также имеют многовекторный характер. Основополагающим документом между двумя государствами является «Декларация о принципах и целях отношений между Республикой Армения и Исламской Республикой Иран», которая подписана в феврале 1992г.

Продолжающееся сотрудничество министерства обороны Армении и Ирана повлияло на развитие отношений двух государств. Ключевую роль в военном сотрудничестве Армении и Ирана сыграла война Грузии и России

2008г., когда в результате этого Грузия стала препятствовать поставкам оружия из России в Армению, с учетом блокады со стороны Турции и Азербайджана. Именно эта ситуация подтолкнула Армению к выстраиванию тесных отношений с Ираном для получения военно-технической продукции. Так, несмотря на санкции против Ирана, Армения продолжила сотрудничество с ним. В результате были проведены разные встречи, в рамках которых обсуждались возможные пути сотрудничества в области военного образования, тылового обеспечения, в частности, в сфере поставок продукции военного назначения.

В 2024г. Армения и Иран подписали Соглашения об экономическом сотрудничестве. Министр экономики Геворг Папоян отметил, что товарооборот с Ираном за последние годы вырос вдвое и составил 700 млн долларов. А глава отдела исследований Евразии Центра политических и международных исследований МИД Ирана Али Беман Эхбализарч заявил, что Армения и Иран рассматривают возможность доведения двустороннего товарооборота до 3 млрд долларов.

В 2024г. на церемонии открытия международного торгового центра Министр промышленности и торговли Ирана отметил: «Уровень политических и экономических отношений между нашими странами дает нам возможность рассматривать Армению как ворота к евразийским экономическим рынкам. А Иран с его высокотехнологичной промышленностью и наукоемкой продукцией, географическим положением и доступностью морского и железнодорожного транспорта может способствовать развитию экономики Армении».

В энергетической сфере, конечно, можно отметить сотрудничество Ирана и Армении на основе соглашения «Газ в обмен на электроэнергию», в рамках которого до 2030г. Иран ежегодно экспортирует в Армению 360 млн кубометров газа, импортируя взамен электроэнергию.

Частью улучшения экономических отношений Армении и Ирана является развитие инфраструктурных проектов. В процессе строительства находится 32-километровая трасса Каджаран-Агарак, время прохождения которой составляет 20 минут.

Также для развития двусторонних экономических отношений посол Ирана в Армении Мехди Собхани рассматривает возможность запуска прямых рейсов из капанского аэропорта «Сюник» в разные города Ирана, однако препятствием являются ограниченные условия капанского аэропорта. В планах Армяно-иранских экономических отношений были перспективные проекты, которые не реализовались, например, 19 марта 2007г. Армения и Иран подписали Соглашение «О сотрудничестве в сфере строительства и эксплуа-

тации гидроэлектростанций (ГЭС) на приграничной реке Аракс» или железная дорога Иран-Армения протяженностью 300 км. Эти проекты не только способствовали бы развитию экономических отношений между Арменией и Ираном, но и развили бы транспортно-логистическую связь Ирана и Китая, повысив важность Армении как транзитной страны. Так, геополитическое положение Армении и Ирана дает возможность развивать военно-политические и экономические отношения, основываясь на общих национальных интересах. Также двустороннее сотрудничество дает возможность расширить инфраструктуру региона, привлекая международных акторов для инвестиций, увеличивая основополагающую роль в регионе.

Так, историческая связь Армении, Ирана и России переплетается с политическими и экономическими интересами этих стран, поэтому сближение трех стран может сыграть важную роль в регионе, они могут стать важными игроками для урегулирования конфликтов, обеспечения безопасности на Южном Кавказе и, таким образом, нейтрализовать экспансию Турции и Азербайджана. Однако с учетом внутриполитических изменений в Армении возникает вопрос о том, насколько руководства этих стран готовы к укреплению отношений.

Ситуация изменилась после 2020г. Победа Азербайджана в Арцахской войне, ухудшение отношений России и Армении, активная интеграция Запада в регионе побудили Турцию укрепить свои позиции, выйти на первый план и расширить свое присутствие в регионе. Такие изменения притесняют Россию, соответственно Иран должен выстраивать свои отношения с Азербайджаном, учитывая общие границы с ним и стратегическое партнерство между Турцией и Азербайджаном.

Иран и Россия имеют свои интересы на Южном Кавказе. Иран не может допускать столь широкое укрепление позиций Турции и Азербайджана, которые таким образом могут постепенно осуществить свои цели. Главной целью Турции и Азербайджана является Зангезурский коридор, что может создать препятствия прямому сообщению между Ираном и Арменией, стратегическая связь Ирана с Европой будет разорвана, Иран не будет иметь контроля над маршрутом и, естественно, потеряет право на транзит, также это приведет к скоплению военных сил Турции и Азербайджана около иранских границ. Продвигаясь вплотную к северным границам Ирана, Турция сможет потеснить своего главного регионального конкурента Тегеран и организовать антииранские операции в северных провинциях Ирана, а огромная поддержка Азербайджана в этой проблеме является еще одной угрозой для Ирана. Также Иран

обеспокоен, что возможное возобновление войны между Арменией и Азербайджаном, особенно на фоне споров вокруг Зангезурского коридора, может привести к проникновению в регионе «прокси-сил», то есть террористических сил, особенно представителей ИГИЛ с антииранскими и антишиитскими настроениями, таким образом угрожая национальной безопасности Ирана.

Что касается России, то она не имеет общих границ с Арменией и Ираном, но имеет определенные узы, которые связывают ее с регионом. Турецко-азербайджанские отношения ведут к вытеснению России, в данном случае Армения является страной, которая может обеспечить присутствие России в регионе, однако препятствием являются геополитические устремления Запада в регионе, что дестабилизирует российско-армянские отношения и, соответственно, стратегическое партнерство против турецко-азербайджанской экспансии. В данном случае заметны интересы России в регионе, присутствие Турции, которая в свою очередь является членом НАТО, что означает приход военного альянса в регион, также в интересах России помешать Западу вытеснить себя и стать для Армении партнером в борьбе против турецко-азербайджанской агрессии или наоборот – в урегулировании их отношений.

Турция и Азербайджан сформировали тесные политические, военные и экономические связи, направленные на увеличение своего влияния на Южном Кавказе. Турецко-азербайджанская экспансия, особенно в условиях укрепления военного сотрудничества и активной экономической интеграции, представляет серьезный вызов для стабильности и безопасности в регионе. Это побуждает Армению и ее потенциальных союзников искать новые форматы партнерства для сдерживания этих устремлений.

Географическое положение Южного Кавказа делает регион транзитным, повышая его стратегическое значение, в связи с этим в интересах России развитие энергетического курса и обеспечение энергетической безопасности на Южном Кавказе. Однако интересы региональных и нерегиональных акторов в торговой и энергетической сфере препятствуют политике России.

Турция и Азербайджан являются конкурентами России в энергетической сфере. Южный Кавказ является жизненно важным коридором для транспортировки энергоносителей из Каспийского моря в Европу. Наличие энергетических ресурсов в Азербайджане и строительство энергетической инфраструктуры, связывающей Южный Кавказ с Турцией, Азербайджан и Турция рассматривают как ключевые аспекты для повышения важности геополитического положения двух государств и для расширения влияния. Так, нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан, газопровод Баку–Тбилиси–Эрзрум, железная дорога Баку–Тбилиси–Карс обеспечивают связь Грузии и Азербайджана с

Турцией, что делает Южный Кавказ для Турции стратегически важным регионом. Такое сотрудничество приводит к экономическому развитию и к инвестициям. Также надо отметить Трансанатолийский газопровод (TANAP), который представляет собой один из ключевых энергетических проектов, связывающих Азербайджан с Турцией и Европой. TANAP соединяется с Южно-Кавказским трубопроводом (SCP) на востоке и с Трансадриатическим газопроводом (TAP) на западе, обеспечивая доставку газа в Европу через Грецию и Албанию до Италии. Ключевым фактором является то, что TANAP снижает зависимость европейских стран от российского газа, и, учитывая эскалацию отношений России и Запада, данный проект и, соответственно, страны, которые являются частью проекта, становятся ключевыми. Так, TANAP укрепляет позиции Турции как ключевого энергетического хаба в регионе. Это повышает ее значимость на международной арене и укрепляет ее экономическое и политическое влияния. Эти проекты не только повышают энергетическую безопасность Турции, но и повышают ее стратегическое значение как узла транзита энергии. Таким образом, Турция стремится расширить свое экономическое влияние на Южном Кавказе посредством торговых, инвестиционных и инфраструктурных проектов. Близость региона, культурные связи с Азербайджаном и экономическое присутствие в Аджарии делают регион естественным рынком для турецких товаров, услуг и инвестиций. Также Турция и Азербайджан развивают энергетические отношения с Грузией в рамках, например, такого проекта как Срединный коридор, который призван укрепить энергетическую безопасность и улучшить логистические связи между Азией и Европой.

Получается, что в интересах России не потерять важный стратегический регион как пространство экспорта своих энергетических ресурсов и использовать все возможные варианты для сохранения своей роли как главного поставщика энергии, так как энергетическая сфера – еще один аспект, который позволяет стране сохранить свою роль не только в регионе, но и в мире.

Турецко-азербайджанские отношения находятся на стратегическом уровне. Сотрудничество Турции и Азербайджана в сфере безопасности, военные учения, обучение азербайджанских военнослужащих в турецких военных академиях, поставки турецкого оружия привели к координации безопасности Турции и Азербайджана.

Определенную тревогу вызывает также понятие «тюркский мир», частью которого является создание единого энергетического бассейна, также сотрудничество в сфере языка и культуры, призванное сформировать идеологиче-

ское обоснование интеграционных вопросов тюркско-исламского мира и постепенное усиление политической интеграции государств региона путем создания определенных институтов.

Фраза «одна нация – два государства» очень хорошо выражает отношения Турции и Азербайджана, такое восприятие друг друга особенно было заметно во время Арцахской войны. Поддержка Азербайджана Турцией сыграла колоссальную роль, вооружение Турции, особенно «Байрактары» в первую очередь показали силу Турции, так Турция представила свою мощь, сделав себя важным игроком на Южном Кавказе. Победа Азербайджана стала хорошим инструментом и для Турции. Дело в том, что в результате этого оба государства считают себя победителями, что повышает их чувство силы и духа. После войны позиции Турции и Азербайджана вышли на первый план, диктуя свои правила, стараются сохранить образ стран-победительниц и контроль над регионом.

Итак, учитывая собственные интересы Ирана и России относительно Южного Кавказа, сложившуюся ситуацию после войны, Армения может использовать заинтересованность России и Ирана, чтобы развить отношения с ними, так как они помогут обеспечить баланс сил в регионе. Однако на пути их сотрудничества есть разные препятствия.

Следует учитывать, что Россия и Иран, в свою очередь, сотрудничают с Турцией и Азербайджаном, и это означает, что Россия и Иран могут по-другому оценивать турецко-азербайджанские отношения, не рассматривая эти отношения как вызов своей стране.

Присутствие огромного количества азербайджанцев в северо-западных провинциях Ирана ограничивает его в своих действиях, так как сепаратистские движения могу разрушить внутреннюю безопасность страны. Также Иран, имея общие границы с Азербайджаном, ведет военное сотрудничество. Иран сотрудничает с Азербайджаном в рамках соглашения по Каспийскому морю, также Иран является транзитной страной для перевозки туркменского газа в Азербайджан, немаловажную роль играет транспортный коридор «Север-Юг». Следовательно, Иран должен тщательно регулировать отношения с Азербайджаном и Турцией.

Россия, в свою очередь, развивает свои отношения с Турцией и Азербайджаном, что преследует несколько целей. Во-первых, Россия, развивая отношения с Турцией, может ограничить участие Запада в урегулировании отношений Армении с Турцией и Азербайджаном, что позволяет России стать посредником в переговорах и осуществить принцип 3+3, так Россия может сохранить свой контроль в качестве нерегионального актора. Во-вторых, Россия

может противодействовать своей международной изоляции и западным санкциям посредством торговых связей и транзитных коридоров; укрепить свои отношения с партнерами за пределами Азербайджана, такими как Иран, Турция и Индия; и дать отпор растущему вмешательству Запада в регионе. В-третьих, у России и у Азербайджана есть общие интересы, а, именно, противостоять развитию отношений Армении и Запада, так как это играет против региональных интересов двух стран.

Таким образом, Россия и Иран развивают отношения с Турцией и Азербайджаном в различных областях, исходя из собственных национальных интересов, что может ограничить возможность создания стратегического партнерства между Арменией, Россией и Ираном.

На пути реализации стратегического партнерства, препятствиями могут быть также санкции против России и Ирана, которые могут негативно повлиять на Армению. Также прозападный внешнеполитический курс Армении может снизить привлекательность Армении как стратегического партнера для Ирана и России.

Рассматривая модель стратегического партнерства между Арменией, Россией и Ираном, важно также проанализировать отношения России и Ирана, чтобы понять, в чем эти три страны имеют общие точки соприкосновения для дальнейшего сотрудничества. Политические отношения России Ирана основаны на Договоре об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран. Российско-иранский политический диалог основывается на совпадении или близости позиций двух государств по большинству вопросов глобальной и региональной повестки дня. Совместная политика России и Ирана направлена на обеспечение безопасности национальных интересов, укрепляя стабильность и безопасность на Каспии, в Закавказье, Центральной Азии, зоне Персидского залива, на Ближнем и Среднем Востоке. Также политический диалог России и Ирана развивается в рамках ШОС, БРИКС. В январе 2015г. Россия и Иран подписали Соглашение об ирано-российском военном сотрудничестве. Несмотря на санкции, Россия построила первый блок атомной электростанции (АЭС) «Бушер» в Иране, также Россия сейчас строит второй и третий блоки АЭС «Бушер».

Существенное место в отношениях России и Ирана занимает торгово- экономическая сфера. Москва заключила меморандум об инвестициях «Газпромом» до 40 млрд долларов в иранский нефтегазовый сектор. Итоги 2022г. говорили о возрастающем тренде: российско-иранский торговый оборот вырос на 20%, до 4,9 млрд долларов. Были соединены банковские платежные

системы двух стран, Россия второй год подряд стала крупнейшим иностранным инвестором в Иране. Импорт из Ирана в Россию вырос на 15,8%, до 1,29 млрд долларов. В 2023г. продовольственные товары и сельхозсырье составили 81,1% от общего объема российского экспорта в Иран.

Сейчас Россия и Иран уже обсуждают Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и Ираном, который будет включать в себя сферы обороны, безопасности, торговли, экономики и энергетики.

Однако следует учитывать, что между Россией и Ираном также имеются разногласия, например, позиции России и Ирана по Зангезурскому коридору различаются, что может повлиять на формирование общих позиций России, Армении и Ирана по этому вопросу.

Для реализации стратегического партнерства нужно развивать трехсторонние отношения Армении, России и Ирана, развивая основные сферы, где они имеют общие интересы и возможность сотрудничества. Потенциальные направления в укреплении отношений между Арменией, Ираном и Россией включают следующие аспекты: создание совместных транспортных и энергетических проектов, например, реализация коридора Север-Юг через Армению, проведение совместных военных учений и обмен разведывательной информацией для укрепления обороноспособности и защиты от возможных угроз, культурное и политическое сотрудничество: усиление культурных и дипломатических обменов для создания общей базы ценностей и подходов в регионе; развитие экономических отношений, чему способствует, например, соглашение между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Ираном. Армения является единственным участником ЕАЭС, который граничит с Ираном. Министр экономики Геворг Папоян отметил, что Армения обслуживает 13,5% товарооборота между Евразийским экономическим союзом и Ираном.

Обобщая, можно сказать, что в условиях обострения геополитической обстановки на Южном Кавказе и роста влияния Турции и Азербайджана, формирование стратегического партнерства между Арменией, Россией и Ираном приобретает особую значимость. Такое партнерство может стать важным балансирующим фактором в регионе, предоставляя Армении защиту и поддержку со стороны крупных государств с общими интересами и целями. Сложившаяся ситуация обостряет необходимость для Армении укреплять свои связи с Россией и Ираном, чтобы минимизировать риски от турецко-азербайджанской экспансии, что делает тему исследования значимой. Для России приоритетом остается сохранение своего влияния в регионе, противостоящего натовскому расширению и росту турецкого влияния. Иран стремится ограни-

чить турецко-азербайджанские амбиции, рассматривая их как угрозу стабильности у своих северных границ. Интересы России и Ирана по отношению Южного Кавказа, различные сферы трехсторонних отношений Армении, России и Ирана способны стабилизировать отношения и обеспечивать безопасность Южного Кавказа.

При этом исследование также показывает, что на современном этапе определенные изменения в регионе создают существенные препятствия для реализации стратегического партнерства между Арменией, Россией и Ираном. Общие интересы сохранения стабильности и защиты собственных позиций и национальных интересов могут способствовать сближению России и Ирана с Турцией и Азербайджаном.

Принимая во внимание упомянутые в работе препятствия, становится ясно, что военно-политические, экономические и энергетические связи Армении, России и Ирана являются преимуществом, но не достаточным фактором для реализации стратегического партнерства. Необходимо учитывать национальные интересы России и Ирана по отношению к Турции и Азербайджану, а также текущую диверсификацию внешней политики Армении, в которой Запад играет очень важную роль.

Подводя итог, можно сказать, что перспектива стратегического партнерства между Арменией, Россией и Ираном продолжает оставаться одним из возможных инструментов сдерживания турецко-азербайджанской экспансии, однако вероятность ее реализации невелика. Следует отметить, что в ходе работы становится понятно, что тема исследования включает в себя двойственные интересы региональных и нерегиональных акторов, что усложняет формирование стратегического партнерства между Арменией, Россией и Ираном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армения и Иран нацелены на доведение товарооборота до $3 млрд. “ARKA news agency”, 05.11.2024 //https://arka.am/news/economy/armeniya_i_iran_natseleny_na-_dovedenie_tovarooborota_do_3_mlrd/
2. Армения и Иран подписали соглашение об экономическом сотрудничестве // “Armenpress” 15.02.24 // https://armenpress.am/ru/article/1130390
3. Армения обслуживает 13,5% товарооборота ЕАЭС-Иран // “Armenpress”, 31.10.24 // https://armenpress.am/ru/article/1203721
4. Время в пути сократится до 20 минут: посол о проекте строительства дороги Каджаран- Агарак. FACTOR 01.11.24 // https://factor.am/ru/68050.html
5. *Давтян В.С.* Геополитическое измерение энергетической и транспортно-логистической безопасности Армении: Монография. Ер.: Изд-во ЕГЛУ, 2019.
6. Двусторонние отношения // https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/ir
7. Двусторонние отношения // https://mid.ru/ru/maps/am/
8. Двусторонние отношения // https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/r
9. *Искандарян А.* Кавказ в XXI веке. Ер.: Институт Кавказа, 2022.

10. *Каледжи В.* «Тревоги Ирана по поводу напряжённости между Арменией и Азербайджаном», Валдай: международный дискуссионный клуб 18.01.22 // https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/trevogi-irana-po-povodu-napryazhyennosti/
11. *Крылов А.Б.* Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. М., ИМЭМО РАН, 2017.
12. *Макиенко К.В.* В ожидании бури: Южный Кавказ. М.: «Центр анализа стратегий и технологий», 2018.
13. *Маркедонов С.М.* Российско-турецкие отношения и проблемы безопасности Кавказского региона // «Валдайские записки», № 45, 2016.
14. *Месамед В.И*. Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия). М.: Институт Ближнего Востока, 2015.
15. МИД Ирана подтвердил, что договор с РФ будет включать вопросы обороны, ТАСС 05.01.25 // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22828837
16. *Минченко Е*. Оценка политических рисков в регионе Закавказья (Южный Кавказ). М., «Минченко Консалтинг», 2015.
17. *Новиков В.В.* Геополитические и экономические факторы развития энергетического сектора Азербайджана и Турции № 1 2021 https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskie-i-ekonomicheskie-faktory-razvitiya-energeticheskogo-sektora-azerbaydzhana-i-turtsii/viewer
18. Объявление о строительстве Мегринской ГЭС http://www.minenergy.am/ru/article/1675
19. Армения обслуживает 13,5% товарооборота ЕАЭС-Иран, “Armenpress”, 31.10.24 // https://armenpress.am/ru/article/1203721
20. *Понамарев А.М., Татунц С.А.* Международные отношения на постсоветском пространстве // « Вестник Московского университета», сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 3 // https://fmp.msu.ru/attachments/article/476/TATUNTS-_PONAMARE VA_RUS.pdf
21. Посол Ирана допустил участие России в проектах иранских АЭС помимо «Бушера» // «Ведомости» 07.06.24 // https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/06/07/1042542-posol-irana
22. *Саримсоков З.С.* Азербайджан в системе координат турецкой внешней политики // «Постсоветские исследования». 2021. Т. 4, № 2. СС. 164–170.
23. *Сидоров И.* Ирано-армянские отношения: исторический опыт и перспективы сотрудничества // Фонд «Нораванк», 11.04.2017. URL: http://www.noravank.am/rus/articles/security/detail.php?ELEMENT_ID=15640
24. Сотрудничество с Ираном – выход для Армении, блокированной Азербайджаном и Турцией JAMnews 01.10.24 // https://jam- news.net/ru/
25. Специфика военно-политического присутствия Ирана, России и Турции на Южном Кавказе, Россия в глобальной политике 20.09.2023 // https://globalaffairs.ru/articles/prisuts tvie-na-yuzhnom-kavkaze/
26. *Татунц С.А.* Энергетическая безопасность республики Армения в контексте ее взаимоотношений с Российской Федерацией. М., « Вестник Московского университета», № 3, 2017. https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskaya-bezopasnost-respubliki-armeniya-v- kontekste-ee-vzaimootnosheniy-s-rossiyskoy-federatsiey/viewer
27. *Шумилов М.М*. Военное сотрудничество Турции и Азербайджана в контексте реализации проекта создания Пантюркистской армии. С-Пб., 2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voennoe-sotrudnichestvo-turtsii-i-azerbaydzhana-v-kontekste-realizatsii-proekta-sozdaniya-pantyurkistskoy-armii/viewer

28. *Энтина Е.Г.* Военно-политическое присутствие России на Южном Кавказе. М., ВШЭ, 2022.
29. *Энтина Е.Г.* Военно-политическое присутствие Ирана на Южном Кавказе. М., ВШЭ, 2022.
30. Collusion or Collision? Turkey-Russia Relations Under Erdogan and Putin. Washington, DC: "Foundation for Defense of Democracies (FDD) Press", 2021.
31. *Baev P.* Russia and Turkey in Conflict (Mis) management in the Caucasus // Peace Research Institute. Oslo, Policy Brief, 2013.
32. *Sinkaya B.* Turkey-Iran Relations after the JDP // Istanbul Institut Français d'Études Anatoliennes, № 26, 2019.
33. *Winrow G.* Turkey and the Caucasus: common and diverging interests London Chatham House // The Royal institute of International affairs, 2009.
34. *Von Essen H.* Azerbaijan's Uncertain Geopolitical Rise in a South Caucasus Maelstrom.
35. *Isachenko D.* Turkey and Russia: The Logic of Conflictual Cooperation // Centre for Applied Turkey Studies, Berlin, 2017.
36. *Arjmand M.* Iran and Turkey in the South Caucasus: Competition and Cooperation // "Journal of Iran and Central Eurasia Studies", 2018.
37. *Koru S.* The Resilience of Turkey-Russia Relations // The Foreign Policy Research Institute, 2018.
38. *Mankoff J.* Regional Competition and the Future of Russia-Turkey Relations. New-York: CSIS, 2022.
39. *Goksel N.* Tukey's Caucasus policies in the framework of Ankaras's new foreign Policy // "Istanbul Caucasus analitical digest", № 30, 2011.
40. *Özertem, H.* Turkey and Russia: A Fragile Friendship // Turkish Policy Quarterly, 2017.
41. Russia and the West: A 25-Year Forecast. Stratfor, 2015.
42. *Brannen S.* The Tukey Russia Iran Nexus. NY, CSIS, 2013.
43. *Atabaki T.* Central Asia and the Caucasus. London: Routledge.

PROSPECTS FOR STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN ARMENIA, IRAN, AND RUSSIA AS A DETERRENT TO TURKISH-AZERBAIJANI EXPANSION IN THE SOUTH CAUCASUS

I. Mnatsakanyan
Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of International Relations and Socio-Political Science

ABSTRACT

In the context of escalating geopolitical interests in the South Caucasus, forming a strategic partnership between Armenia, Russia, and Iran could serve as a potential balancing mechanism against the influence of Turkey and Azerbaijan in the region. This article explores the political and economic interests of the mentioned countries, analyzes the extent of their interactions, and assesses prospects for enhanced cooperation. The paper examines Turkish-Azerbaijani relations, their impact on regional security and stability, and evaluates the current state of affairs, alongside potential obstacles to a strategic partnership between Armenia, Russia, and Iran.
The study reveals that such a partnership could be an important stabilizing factor in the region, providing Armenia with support from major allies

while countering Turkey and Azerbaijan. However, significant obstacles to forming a strategic alliance include Western sanctions, shifts in Armenia's foreign policy direction, and the importance of Iran and Russia's economic and political relations with Turkey and Azerbaijan. Thus, while the potential for a strategic partnership remains relevant, its implementation in the current conditions appears unlikely.
Keywords: strategic partnership, national interests, geopolitics, regional security, balance of power.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-185-196

АРМЯНСКИЕ ДИАСПОРЫ ФРАНЦИИ И США КАК ФАКТОРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

***М.Г. Оганнисян*[1], *С.А. Татунц*[2]**

[1]*Филиал Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова в г. Ереван*
[2]*Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова*
mane.ogannisyan.99@mail.ru, s.tatunts@fmp.msu.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию роли армянской диаспоры во внешней политике Республики Армения. В методологии анализа лежит мультипарадигмальный подход, позволяющий изучить предмет исследования с точки зрения примордиализма, инструментализма и конструктивизма. В статье определяются основные методы реализации политической деятельности армянской диаспоры во Франции и в США, а также ее значительные результаты.
Ключевые слова: армянская диаспора, лоббистская деятельность, армянские организации, признание геноцида армян, внешняя политика Республики Армения.

Введение

Одними из крупнейших армянских диаспор являются диаспоры США и Франции. В этой связи особый интерес представляет сравнительный анализ способов и инструментов влияния диаспор в этих странах как внешнего политического фактора, а также степени их участия в принятии решений и формировании внешней политики.

Актуальность работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, связь между диаспорами и Республикой Армения особенно значима для государства. Армянская диаспора богата успешными, влиятельными личностями, которые направляют в родную страну большое количество материальной помощи, продвигают ее интересы за рубежом, а также способствуют укреплению отношений между Арменией и принимающими странами.

Во-вторых, РА находится в особенно сложном внешнеполитическом положении, связанном с Карабахской войной 2020г. и ее последствиями. В условиях напряженности международной обстановки вокруг Армении правительству страны как никогда необходима поддержка диаспоры.

Кроме того, в последние годы наблюдается кризис в сотрудничестве между Арменией и диаспорой. Причины данной проблемы выделяются абсолютно разные: недостаточная консолидация самой диаспоры, индивидуализм,

характер нынешней власти в Армении и др. Несмотря на это, важно одно – для республики это серьезная проблема, требующая неотложных мер.

Целью данной статьи является изучение армянских диаспор Франции и США как фактора внешней политика РА.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- рассмотреть понятие диаспоры в научных исследованиях;
- исследовать особенности формирования армянской диаспоры;
- вывести общие сущностные черты и специфические особенности диаспор.

В ходе исследования автором были использованы общенаучные теоретические методы: анализ, дедукция; а также общенаучные эмпирические методы, позволившие выявить общие и сущностные черты диаспор – описание и сравнение.

1. Понятие диаспоры в научных исследованиях, критерии определения

Диаспора, как результат миграционных процессов, является одним из уникальных социокультурных явлений. Особенностью данного феномена является то, что это не просто этнические и национальные общности, рассеянные на разных территориях, а общности, обладающие высоким уровнем самоорганизации и рядом функций, в том числе представительными.

Согласно этимологии, слово имеет греческое происхождение («diaspeirein») и в переводе означает «рассеяние». Тогда слово использовалось в отношении эмигрантов городов-полисов. Таковыми были купцы, ремесленники и военные, нацеленные на расширение своих владений и колонизацию новых земель. В частности, термин использовался в отношении евреев после Вавилонского пленения [1].

В начале XXв. понятие диаспоры вошло в научное поле преимущественно в примордиалистском ключе, поскольку акцент делался именно на приверженности людей своему происхождению. Одним из первых, кто использовал данное понятие, принято считать Р.Э. Парка, основателя чикагской социологической школы. Он определял диаспору как культурную, этническую, изолированную, устойчивую общность. В своем определении исследователь особое внимание уделял вопросу ассимиляции общности. «Эта ситуация, в которой народы, занимающие одну территорию, живут в более или менее полной моральной изоляции... В меньшей степени она была ситуацией каждого иммигрантского народа, который по той или иной причине пытался найти место в экономическом порядке установленного общества и в то же время поддерживать чуждую ему культурную традицию» [2].

Таким образом, в вопросе о понятии диаспоры центральным является сюжет социокультурной адаптации, то есть процесс приспособления мигрантов к инокультурной среде. Адаптация происходит в форме ассимиляции или аккультурации и может носить краткосрочный или долгосрочный характер. Выделяются 3 стадии адаптации: устройство, приспособление, устранение дискомфорта.

В условиях адаптации мигранты ведут себя по-разному и, в частности, существует 4 стратегии поведения в межэтническом взаимодействии, предложенные социологом К. Доддом: flight, fight, filter и flex. Наиболее подходящей к описанию диаспор является стратегия filter [3]. Мигрант осознает необходимость принятия новой культуры, языка, образа жизни, установления контактов, но при этом не забывает о своей культуре, нормах и обычаях. Таким образом, мигранты интегрируются в новое общество, но не ассимилируют. Многие члены иммигрантов обладают дуальной идентичностью. Как говорил известный шансонье Ш. Азнавур: «Я и армянин, и француз».

Согласно точке зрения таких сторонников социологического подхода, как Ж.Т. Тощенко, Т.И. Чаптыкова и других, главным условием, определяющим ту или иную этническую или религиозную группу диаспорой, является наличие в ней социальных институтов [4].

Социологический энциклопедический словарь предлагает следующее определение: «Диаспора – пребывание части народа (этнической общности) вне страны его происхождения при сохранении чувства идентификации со своей родиной» [5].

В политических кругах термин стал использоваться позднее. Одним из первых, кто связал политические процессы с диаспорами, был Дж. Армстронг. Центральной идеей его статьи «Мобилизированные и пролетарские диаспоры» является то, что в стране пребывания связи с властными институтами позволяют диаспоре воспользоваться ими для того, чтобы получить выгоду для страны исхода [6].

Р. Брубейкер предлагает два определения диаспоры:

- диаспора – это процесс существования некой социологической или политической модели;
- диаспора – это зафиксированное политическое заявление о себе, как о диаспоре [7].

Несмотря на разносторонность данного феномена, можно отметить наиболее общепринятые критерии и функции диаспор.

Шесть универсальных признаков были предложены У. Сафраном:

1) рассеивание из единого центра в две или более периферийные области;

2) наличие организационных механизмов как условие возникновения диаспоры;
3) коллективная память о стране происхождения;
4) сохраняющаяся идентификация со страной происхождения;
5) стремление к возвращению в страну происхождения – репатриация;
6) групповой интерес и, как следствие, функции, выполняемые диаспорой:

- сохранение этнического самосознания,
- поддержание воспроизводства общины, языка и культурного наследия,
- защита прав членов диаспоры и общины,
- поддержание экономического расцвета,
- продвижение политических интересов и лоббизм [8].

К данному ряду особенностей следует также добавить:
– рассеивание в результате катастрофических или политических потрясений;
– волнообразное пополнение за счет волн иммиграции;
– многочисленность – не менее 5–10 тыс.

С.А. Арутюнов и С.Я. Козлов предложили классификацию диаспор, основанную на временных рамках их формирования, и выделили следующие виды:
«Старые» диаспоры – те, что существовали с древних времен и средневековья. Например, еврейская диаспора, армянская диаспора и другие.
Относительно «молодые» диаспоры – японская, корейская, турецкие, польские, алжирские, марокканские диаспоры.
«Новые» диаспоры – диаспоры, сформированные с начала 1970-х годов, в частности, в государствах Персидского залива и Аравийского полуострова.

Согласно классификации Дж. Армстронга, существует два вида современных диаспор:

- *«мобилизованные» диаспоры* – способные продвигать свои интересы благодаря экономическому и политическому потенциалу;
- *«пролетарские» диаспоры* – диаспоры, в деятельности которых вышеупомянутое отсутствует [9].

По причинам формирования четыре типа диаспор выделил британский социолог У. Коэн:

- *диаспоры-жертвы* (еврейская, африканские, армянская, палестинская),
- *трудовые диаспоры* (индийская),
- *торговые* (китайская),
- *имперские* (британская, французская, испанская, португальская) [10].

Таким образом, проанализировав сущность понятия, можно прийти к выводу о том, что в научной литературе существует множество его трактовок. Диаспора не является субъектом международных отношений. Однако, абсолютно очевидно, что диаспора выполняет, довольно, важные функции в строительстве отношений между страной происхождения и принимающей страной.

2. История и особенности формирования армянской диаспоры

Несмотря на многовековую и богатую историю Армении, постоянно сопровождающуюся миграционными процессами, началом армянского диаспорального дискурса принято считать 1920-е гг. Именно тогда широкое распространение получило слово «спюрк», которое означает «народ в рассеянии» [11].

Как упоминалось ранее, одной из характерных черт диаспоры является ее волнообразное пополнение. Миграционные процессы непрерывны, однако, ознакомившись с историей Армении, можно выделить следующие условные волны [12]:

1915г. – Геноцид армян, именно в связи с данным событием слово «спюрк» вошло в обиход;

1988г. – землетрясение в Спитаке повлекло за собой крупномасштабную эвакуацию, в этом же году перенаселению способствовали начало Нагорно-Карабахского конфликта, этнические чистки в Баку, резня в Кировабаде и Сумгаите;

1991–1995гг. – в связи с Нагорно-Карабахским конфликтом отрицательное среднегодовое миграционное сальдо составляло около 100 тыс. человек.

По состоянию на 1 января 2023г., население Армении составляет 2,977 млн чел. [13], в то время как за пределами Армении, согласно различным источникам, проживает около 6 млн армян [14]. Эта цифра стремительно растет. В стране наблюдается сокращение исконно армянского населения и отрицательное миграционное сальдо. Согласно статистике, в 2022г. из Армении выехало на 27 941 человек больше с армянскими документами, чем вернулось. С сохранением таких показателей прогнозируется, что к 2050г. население составит около 1,9 млн человек, а в 2100г. – 1 млн человек [15].

Согласно упомянутым классификациям, армянскую диаспору можно охарактеризовать как «старую» «мобилизованную» диаспору-жертву [16].

Несмотря на то, что С.А. Арутюнов и С.Я. Козлов по своей классификации диаспор относят армянскую к «старым» диаспорам, существует также и внутрипонятийное деление армянской диаспоры на «старую» и «новую».

Главным критерием является временные рамки формирования армянских диаспор. Соответственно «старая» диаспора сформировалась до 1991г. – до обретения Арменией независимости, а «новая» – после.

«Старая» диаспора характеризуется «двойственной идентичностью» (российские армяне, американские армяне и т.д.), вовлеченностью в сотрудничество с Республикой Армения и неоднородностью. «Новую» диаспору в большинстве составляют трудовые мигранты, которые идентифицируют себя как «армяне». Общим является их вовлеченность в деятельность диаспоральных организаций [17].

Безусловно, вопрос адаптации и интеграции армян в новые общества должен рассматриваться в связке со спецификой принимающих стран, однако можно выделить некоторые общие черты, особенно в том, что касается сохранения национального самосознания. Можно выделить три символа самоидентификации общих для всех армян: семья, религия и язык. Если язык имеет свойство забываться, то семья и религия – это более влиятельные инструменты сохранения самосознания.

Важно отметить внутриобщинную организацию. По обретению постоянного места жительства, армяне организовывали земляческие союзы, организации, ассоциации, благотворительные организации и даже политические партии, что говорит о высоком уровне политической организованности армян [18]. Партии становятся важным средством контакта как с властями принимающей страны, так и с родиной.

Для Армении важно поддерживать отношения диаспора – родина. Учреждение Министерства Диаспоры в Армении 1 октября 2008г. вывело эти отношения на новый уровень. Это значительно укрепило взаимоотношения, а также подчеркнуло их значимость. Однако в 2019г. учреждение было реорганизовано и сформировано Управление Верховного комиссара по делам диаспоры [19].

3. Общие сущностные черты и специфические особенности двух диаспор

Армянские общины в США и во Франции являются крупнейшими, уступая место лишь диаспоре в России.

Общим для диаспор является то, что все они рассматриваются правительством РА как внешний фактор, оказывающий помощь государству, продвигающий его интересы за рубежом и укрепляющий его позиции в международных отношениях [20].

Одной из главных характерных черт армянской диаспоры в США и во Франции является «анклавная модель расселения». Об этом свидетельствует

тот факт, что центры миграции армян в США совпадают с расположением армянских протестантских церквей [21]. Так, центрами расселения в США являются Нью-Йорк, Массачусетс, Калифорния и др. [22], а во Франции – Париж и Марсель [23].

Диаспора в США и во Франции включает в свои организационные структуры социальные, благотворительные и политические институты, целью которых является оказание помощи родине и продвижение ее интересов. Общим является и действие на территории стран армянских партий, таких как «Дашнакцутюн», «Гнчак» и «Рамгавар», с деятельностью которых связан основной раскол в армянских общинах.

Если в США, так называемая, «кластерная» институциональная структура определяется, в основном, именно взаимодействием организаций с той или иной партией [24], то во Франции такой способ организации деятельности отсутствует.

Во Франции политические партии также оказывают влияние на деятельность организации, но в меньшой степени, поскольку их влияние не определяет институциональную структуру в целом. Здесь, в качестве особенности структуры, можно выделить двухступенчатую иерархичность организаций. Первую ступень занимает Национальный координационный совета армянских организаций Франции, вторую ступень – остальные организации. Основой Координационного Совета стал Комитет 24 апреля, созданный в 1994г. С целью проведения согласованной и централизованной деятельности по достижению признания геноцида армян Францией, Комитет объединял армянскую общину Франции. После принятия закона 2001–70, обнародованного 29 января 2001г., который предусматривает признание Францией геноцида армян, Комитет был преобразован в Координационный Совет и заложил основы единства армян Франции [25].

Совет способствовал принятию поправки 2016г. к законопроекту о равенстве и гражданстве, предусматривающую наказание в виде одного года тюремного заключения и штрафа в размере 45 тыс. евро за отрицание или упрощение преступления против человечности. Кроме того, на ежегодном ужине Координационного Совета президент Республики Э. Макрон объявил 24 апреля Национальным днем памяти жертв Геноцида армян. Это объявление вступило в силу 10 апреля 2019г. Указом № 2019–291 [26].

Также результатом деятельности Координационного Совета является создание «Миссии 2015», которая контролировала около 300 мероприятий, организованных по всей Франции. Программа начиналась с международного

симпозиума «100 лет исследований Геноцида армян», первое заседание которого прошло 1 июля 2016г.

В настоящем цель Совета состоит в том, чтобы представлять ассоциации-члены на национальном уровне в государственных органах и органах власти и координировать выполняемые миссии [27].

Отличительной чертой диаспоральных организации данных стран можно выделить и способ объединения профессиональных групп. Во Франции различные специалисты интегрируются в рамках одной организации – Армянского межпрофессионального объединения (за исключением Армянского медицинского союза Франции), благодаря которой в 2022г. были подписаны соглашение о партнерстве РА с Союзом предприятий передовых технологий (UATE) и соглашение о партнерстве Торгово-промышленной палаты Франции с РА. Кроме того, в 2023г. Франция установила сотрудничество с Национальным центром промышленности и предпринимательства (NCIE), учрежденным Министерством экономики РА с целью помочь французским компаниям обосноваться в Армении [28]. В США специалисты той или иной профессии организовываются в отдельные союзы (союзы врачей, юристов, историков и др.)

Среди армянских организаций в США можно отметить большое количество лоббистских организации, поскольку США является первой страной, которая законодательно оформила институт лоббизма в 1938г. Дефиниция «лоббизм» обозначает деятельность отдельных физических лиц или группировок в отношении органов государственной власти с целью оказать влияние на разработку, принятие и осуществление законодательных актов и административных решений [29]. По мнению американских политологов, лоббизм – неотъемлемый инструмент государственного управления, который позволяет гражданам принимать участие в процессе принятия политических решений [30].

Одной из лидирующих лоббистских организаций является Армянский Национальный Комитет Америки (АНКА), или «Комитет Хай Дата», который был основан в 1941г. в Нью-Йорке. В качестве приоритетных Комитет выделяет вопросы, связанные с политикой США в отношении Арцаха, политикой США в отношении геноцида, американо-армянскими и американо-турецкими связями. АНКА добился почти единогласного принятия Палатой представителей США резолюции 296 (405-11) в октябре 2019г. [31] и единогласного принятия Сенатом резолюции 150 (100-0), установив официальное и продолжающееся празднование Геноцида армян в Конгрессе [32]. Также АНКА содействовал принятию законодательных актов в США: статьи 907 Закона о

поддержке свободы в 1992г. (требует, чтобы Азербайджан предпринял «очевидные шаги для прекращения всех блокад и другого наступательного применения силы против Армении и Нагорного Карабаха»), Поправки Шермана в 2019г. (устанавливают законодательные ограничения на продажи или передачи оборонных товаров США Азербайджану), Поправки Спейера в 2019г. (увеличение помощи США Армении в области демократии на 40 млн долларов), а также подписанию ряда соглашений между РА и США: Американо-армянского соглашения о торговле и инвестициях (2015г.), Соглашения об избежании двойного налогообложения между США и Арменией, Соглашения о вызовах тысячелетия (2006г.) и др. [33].

Еще одной успешной организацией, осуществляющей лоббистскую деятельность, является Армянская Ассамблея Америки (ААА). ААА осуществляет ежегодные встречи руководства организации с членами Конгресса США, в ходе которых удалось лоббировать помощь правительства Америки, направленную РА и НКР, а также саммиты (Информационно-пропагандистский саммит 2024) [34]. В рамках ААА действует Группа Конгресса по армянским вопросам, созданная в 1995г. Группа работает над укреплением связей между США и Арменией и привлекает членов Конгресса к вопросам, связанным с Арменией, а, именно, выступает за расширение торговли и помощи Армении, самоопределение Арцаха и поддержку признания США Геноцида армян [35].

Лоббизм менее распространен во Франции. Согласно ст. 23 и 79 Регламента Национального Собрания Французской Республики, лоббирование запрещено в парламенте, когда оно фактически существует и широко практикуется через различные легитимные формы взаимодействия власти и общества. Лоббистская деятельность фактически осуществляется посредством Национального Экономического Совета Франции, который взял на себя роль «лоббистского парламента» [36].

Обе диаспоры на протяжении десятилетий сохраняли в поле зрения армянский вопрос и одной из своих важнейших целей считали признание геноцида армян в принимающих странах.

Таким образом, сравнивая армянские диаспоры во Франции и в США автор обозначил их общие и специфические черты. Несмотря на наличие различий, важным является то, что диаспоры активно проводят свою деятельность во благо родине и являются ее неотъемлемой частью.

Заключение

Армянская диаспора является важным посредником в отношениях республики со многим странами в политических, экономических, социальных и

культурных сферах. Выполнять так называемую функцию «моста» ей позволяет, в первую очередь, хорошо организованная институциональная структура. Другой вопрос, касающийся эффективность деятельности диаспоры, зависит непосредственно от отношений диаспора-родина, а также ее внутренней сплоченности.

Несмотря на все сходства и отличия, важен тот факт, что деятельность обоих диаспор имеет наглядные результаты, а именно оказание различного рода помощи Армении и со стороны правительств принимающих стран, и со стороны самих диаспор. Однако еще более важным является то, что обеим диаспорам удалось достигнуть признания геноцида армян и во Франции, и в США.

На этом диаспора не останавливается и продолжает свою активную деятельность, несмотря на все сложности текущей международной обстановки и кризиса в отношениях с Арменией. От республики, эти отношения требуют переосмысления и выработки более эффективной стратегии сотрудничества с целью достижения ею еще больших успехов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мгдесян В.М., Миненкова В.В.* Диаспоры титульных наций Закавказья и их роль для исторической родины // «Образование и право», 2006, № 12. СС. 116–123.
2. *Парк Р.Э.* Избранные очерки. Сборник переводов. Ред. Ефременко Д.В. Пер. Николаев В. Г. М., “Directmedia”, 2011. С. 154.
3. *Татунц С.А.* Этносоциология. Учебное пособие для студентов. М.: МАЛП, 1999. СС. 59–61.
4. *Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* Диаспора как объект социологического исследования // «Социологические исследования», 1996, № 12. СС. 33–42.
5. *Осипов Г.В.* Социологический энциклопедический словарь. М.: «НОРМА-ИНФРА», 2000. С. 71.
6. *Armstrong J.* Mobilized and Proletarian Diasporas // “The American Political Science Review”, 1976, № 2. PP. 393–408.
7. *Brubaker R.* The Diaspora // “Ethnic and Racial Studies”, 2005, № 28 (1). PP. 1–19.
8. *Safran W.* Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return// “Diaspora”, 1991, № 1. PP. 148–235.
9. *Armstrong J.* Mobilized and Proletarian Diasporas // “The American Political Science Review”, 1976, № 2. PP. 393–408.
10. *Cohen R.* Global Diasporas: An introduction, Second edition, Routledge, 2008. PP. 16–18.
11. *Варданян Л.М., Саркисян Г.Г., Тер-Саркисянц А.Е.* Армяне. М.: «Наука», 2012. С. 5.
12. Migration to & from Armenia /Эл. ресурс/ Режим доступа: https://database.earth/population/armenia/migration (дата обращения: 10.01.2024).
13. Официальный сайт Правительства Республики Армения. Демография /Эл. ресурс/ Режим доступа: https://www.gov.am/ru/demographics/ (дата обращения: 10.01.2024).
14. *Геворкян А.В*. Развитие и многообразие: «старая» и «новая» армянские диаспоры на современном этапе. Ер., «Института Кавказа», 2017. С. 5.
15. Исследование: Рост численности населения. Ер., «Ассамблея The future Armenia», 2023.

16. *Варданян Г.* Типология диаспоры и армянская диаспора// «История и культура», 2020, № 1. СС. 202–208. (Վարդանյան Հ. Սփյուռքի տիպաբանությունը և հայ սփյուռքը պատմություն և մշակույթ, 2020, № 1, 202–208.)
17. *Геворкян А.В.* Развитие и многообразие: «старая» и «новая» армянские диаспоры на современном этапе. Ер.: «Институт Кавказа», 2017. СС. 6–9.
18. *Дятлов В., Мелконян Э.* Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Ер.: «Институт Кавказа», 2009. СС. 108–109.
19. Официальный сайт Офиса Главного Уполномоченного по делам диаспоры РА. Программы / Эл. ресурс / Режим доступа: http://diaspora.gov.am/ru/pages/31/our-vision (дата обращения: 26.01.2024).
20. *Папоян А.Р.* Роль армянской диаспоры в участии Республики Армения в международных делах на рубеже XX–XXIвв.// «Международные отношения», 2018, № 2. СС. 128–135.
21. *Мкртчян Т.Г.* Иммиграция в США в XX – начале XXIв. География расселения // «Вестник ТГУ», 2013, № 2. СС. 247–253.
22. Численность населения Армении по штатам 2024 /Эл. ресурс/Режим доступа: https://worldpopulationreview.com/state-rankings/armenian-population-by-state (дата обращения: 15.01.2024).
23. *Кртян Л.А.* Армянская диаспора во Франции: эволюция, генезис и основные параметры деятельности // Система ценностей современного общества: сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции, 2010. СС. 102–106.
24. *Мкртчян Т.Г.* Политические, религиозные, благотворительные, образовательные и иные общественные организации армян в США (1960–1990-е гг.). СС. 283–291.
25. Loi n° 2001-70 du 29 janvier 2001//Journal officiel de la République de France, 2001, № 25. P. 1590.
26. Décret no 2019-291 du 10 avril 2019 relatif à la commémoration annuelle du génocide arménien de 1915 // Journal officiel de la république française, 2019, texte 3. P. 152.
27. Histoire|CCAF/ Эл. ресурс/Режим доступа: https://ccaf.info/histoire (дата обращения: 26.02.2024).
28. Groupement Interprofessionnel International Arménien /Эл. Ресурс/ Режим доступа: https://www.g2ia.fr/ (дата обращения: 26.02.2024).
29. *Меньшенина Н.Н., Панталеева М.В.* Лоббизм.Уч. пособие. Ек.: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 17.
30. *Кремлянская Е.А*. Правовые аспекты регулирования лоббизма в США и Канаде // «Вестник МГИМО-Университета», 2014, № 2. СС. 161–167.
31. H.Res.296 – 116th Congress (2019–2020) /Эл. ресурс/ Режим доступа: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-resolution/296/text (дата обращения: 03.02.2024).
32. S. Res .150 – 116th Congress (2019–2020) /Эл. ресурс/ Режим доступа: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-resolution/150/text (дата обращения: 03.02.2024).
33. U.S.–Armenia Ties | Partnership & Progress – Armenian National Committee of America/Эл. ресурс/Режим доступа: https://anca.org/issue/u-s-armenia-ties-partnership-progress/ (дата обращения: 03.02.2024).
34. Armenian Assembly / Эл. ресурс/Режим доступа: https://www.armenian-assembly.org/ (дата обращения: 03.02.2024).
35. Congressional Caucus on Armenian Issues // Armenian Assembly of America / Эл. ресурс/Режим доступа: https://www.armenian-assembly.org/armenian-caucus (дата обращения: 03.02.2024).

36. *Yarovoi T.* Institute of Lobbyism in France, as an example of a continental model of lobbying activity // "East journal of security studies", 2018, № 1. PP. 2–11.

THE ARMENIAN DIASPORA IN FRANCE AND THE UNITED STATES AS A FACTOR IN THE FOREIGN POLICY OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

***M. Hovhannisyan*[1], *S. Tatunts*[2]**
[1]*Branch of Lomonosov Moscow State University in Yerevan*
[2]*Lomonosov Moscow State University*

ABSTRACT

The present article examines the role of the Armenian Diaspora in the foreign policy of the Republic of Armenia. The research methodology is based on a multi-paradigm approach enabling us to view the area of inquiry from the prespectives of primordialism, instrumentalism and constructivism. The article highlights the major approaches used by the Armenian Diaspora in France and the USA to carry out their political activities and the significant outcomes achieved through these efforts.
Keywords: Armenian diaspora, lobbying activities, Armenian organizations, recognition of the Armenian Genocide, foreign policy of the Republic of Armenia.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-197-202

A SHORT COMMENTARY ON THE PHONETIC STATUS OF /XW/ IN EARLY JUDEO-PERSIAN TEXT "TAFSĪR OF EZEKIEL"

A. Hayrapetyants

Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of Oriental Studies
a.hayrapetyants@gmail.com

ABSTRACT

In the Tafsīr of Ezekiel, written in the so-called Early Judeo-Persian variety, the representation of the sound /xw/ is characterized by its unconventional orthography. Specifically, in some places, the letter *wāw* is put above the line, following the letter kaph and a/ā. In this preliminary study we aim to identify a possible explanation for the specific representation of the phoneme.
Keywords: Early Judeo-Persian, Tafsīr of Ezekiel, /*xw*/ phoneme.

Introduction

The term "Early Judeo-Persian" (EJP) refers to the form of Persian, written or inscribed in the Hebrew script during the early development of the New Persian language[1], roughly spanning from the 8th to the 12th centuries CE. The linguistic importance of this variety lies in its potential to illuminate some questions, concerning the development of New Persian, while also offering a broader view of the language/variety dynamics in the period under study[2]. The significance of the texts, written in EJP becomes even more apparent when we consider the fact that some of them, such as the two letters from Dandān-Uiliq (Utas 1969, Asefi 2023) and the inscription of Tang-i Azao (Henning 1957) predate the earliest known Early New Persian (ENP) texts. Above all, from the perspective of historical dialectology, texts of this category preserve some dialectal features that are more in line with Middle Persian, as opposed to ENP, and thus have been deemed as a "missing link" between MP and ENP (Lazard 1987; Mackenzie 2003). However, not all the texts belong to

[1] On the so-called Early New Persian see Paul 2000.

[2] As once rightly pointed out by Sh. Shaked: "From the point of view of a historian of Persian, the lack of linguistic uniformity in the early Judeo-Persian writings is a valuable asset. It gives us a more varied picture of the language situation in Iran in the rather obscure period between the tenth and the thirteenth centuries…" (Shaked 2003: 199).

the southwestern Iranian dialectal continuum and there are texts such as an early Geniza fragment, which bear some resemblance to the Gurgānī language and thus stand closer to the modern dialects of the Caspian region (Shaked 1988: 220).[3]

Even though so far, the linguistic features of the various EJP texts have been thoroughly studied, to the best of our knowledge, there remains one orthographic peculiarity to which a satisfactory solution is yet to be found. In some passages of Tafsīrs of Ezekiel which all belong to the so-called "Part 1" of the manuscript, the phoneme /*xw*/ is graphically represented in a nontraditional manner: the letter *wāw* is put above the line, following the letter *kaph* and *a/ā*, e.g. Ez17.6 ***k̄***$^{\bar{a}w}$*rdw*^{o}*m* "I ate", Ez14.36 ***k̄***$^{\bar{a}w}$*rdw* "he ate", Ez16.17 ***k̄***$^{\bar{a}w}$*ʾh*^{a}*d* "he wants", Ez4.30 *s****k***^{aw}*n*^{i}*yh*$^{\bar{a}}$*ʾ* "words",Ez22.19 *kāw'hed* "you (pl.) want", etc.[4] However, other texts in the EJP corpora follow the regular pattern, e.g. Du2.38 *kwʾhr* (Asefi 2023: 54), Lr *kwd'wnd* [xudāwand] (Asmussen 1965: 54), L3 *kwhr* (Paul 2021), etc. Additionally, regular writing with *kw* can be observed in other places of the Tafsīr, such as Ez6.8 *kwrdwm* [x^{w}ardum].

A close examination of the TE has revealed the two styles of handwriting with a further distinction of two different hands in each of them (Gindin 2003: 23–27; Gindin 2007: 23). Besides, the two parts are considered to contain two different dialects: Part 1 which contains features typical of Tajik is thought to represent a northeastern variety[5], while Part 2 generally resembles the language of Khuzistan documents (Gindin 2003: 26). According to T. Gindin, the combination *kw-* is vocalized under *k* in Part 1, whereas in Part 2 there is only one instance of vocalized *kw-* which might mean in the dialect of the second part *kw-* retains [xw] quality (idem: 19), while the first one marks the completeness of the *xw-* > *x-* transition process (Gindin 2016: 46). The author states that the vocalization of *kawrd* (14.36), as well as the slips *krd*, *krdn* "to eat" in Part 1 may suggest that vocalization of this kind, also found in Central and Northern dialects, along with some Tajik/ Bukharan forms (citing Mann 1909: 40) was opposed to New Persian xōrd. In such a scenario, however, it seems more probable that the letter *wāw* would be unnecessary for the cases above (written with $\bar{k}^{\bar{a}w}$). That being the case, the question of why the author or copyist felt compelled to write k^{aw}- in many places remains unanswered. Besides,

[3] A relatively comprehensive grouping or classification of the texts based on linguistic features was conducted by G. Lazard (2014).

[4] All the examples are drawn from Paul 2013: 39. The organization and summarization of texts, based on Shaked's classification is outlined in (idem: 11–12).

[5] In view of G. Lazard, TE and Gen are "*incontestablement du dari*" (Lazard 2014: 91). According to him, the tafsīr of Jeremiah, analyzed by Sh. Shaked (2009), should also be attributed to the same group (ibid.).

a satisfactory explanation must be given to the erratic/corrected forms that appear sporadically throughout the text corpus.

Here we approach the issue from the perspective that this phenomenon may, in fact, partly represent the true *état de langue* of the scribes. This presupposition, however, requires phonetic support, and thus pertains to the question concerning the phonetic status of the *xw* cluster in the period which coincides with the formative stages of New Persian. With respect to New Persian, based on the lack of prothesis or anaptyxis in anlaut typical of New Persian (e.g. MP spēd ~ NP sapēd; MP brūg ~ NP abrū) cluster on one hand, and the absence of C + /y/ on the other hand, it was assumed by A. Pisowicz that x^w must be treated as a separate phoneme (Pisowicz 1985: 121-122ff.). Indeed, the phonemic status of x^w, as L. Paul rightly puts in: "is quite controversial in EJP and ENP, and partly depends on the way one defines a "phoneme" (Paul 2013: 39). Concerning the EJP linguistic data alone, as already marked by H. Borjian, one of its most notable features is "the incomplete merger of *xw* with *x*" (Borjian 2016: 254). We suggest that not only was this process still incomplete in the Part 1 of the TE, considering the fact that as clearly seen from the examples cited above, both "regular" spelling with *kw* and *kaw* appear within texts, but also a different phonetic value can be proposed for the cluster *kaw*. Our argument relies on the following premises:

1. Generally, the majority of EJP manuscripts, particularly non-religious ones, are penned by the authors themselves – providing a direct record of the language's state of the time (Paul 2013: 10). This is also conditioned by the fact that there was no central authority to impose a normalized orthography which, in turn, indicates that authors/copyists from diverse regions introduced into the texts phonetic, lexical and grammatical elements specific to the vernacular of the region (Shaked 2009: 449). Thus, any orthographic peculiarity can be essential for pinning down not only the regional provenance of the manuscript but also for identification of the phonetic value of the letters.

2. Presence of occasional errors and corrections made by the scribe, such as cases when *w* of *kw* is omitted or written above the line, e.g. *muwabixān* "admonishers" which was crossed out and written *mwbykw'n* on the next line (Gindin 2003: 19). These cases could suggest that the author/ copyist struggled to choose the most fitting letter to accurately illustrate the pronunciation. Unable to determine which letter more closely represented his pronunciation of [*xw*], he probably resorted to alternating between different orthographic options.

3. Persian loanwords in Arabic, such as *xawājā* "lord" (NP $x^wāja$) (Pisowicz 1985: 122), *xewān/xowān* "tray, table" (MP *xwān*) (Tafażżolī 1986: 232) may indi-

rectly point to the possibility that in the Iranian source of borrowing the vowel segment preceded the labialization sequentially[6].

4. Some New Iranian dialects demonstrate transition from labialized *w* to semivowel *v*, e.g. Lāsgerdī *xuwâxarzâ* "child of sister", Āštīānī *xuwāka* "sister", Guzaragī *xuwardan* "to eat", *xuvateδan* "to sleep", 'Abduyī *xovārdan* "to eat", *xovatiδen* "to sleep", etc. (Tāheri 2011: 75–76). All these examples can provide typological grounding for the occurrence of this phenomenon.

To sum up the above, we may propose, tentatively, that *xw-* > *x-* transition process was still incomplete in the first part of TE[7]. On the example of the dialect of Kurdish of Turkmenia, it was already noted by D. Edelman that the phonetic character of the labialized consonant is a complex one (Edelman 1977: 82), however, the formulation that "labial articulation can start before the uvular and continue for a longer period of time" (ibid.), proposed by the author, especially from the perspective of segmental phonology and the articulatory function (McCarthy 1988) seems to be rather obscure, since labialization ([labial]) as a binary-valued distinctive feature is not something that possesses duration. In spite of this, D. Edelman draws attention to the following important observation that "*w*-shaped segments may be heard either before or after the main articulation; they can also precede the main articulation or lag behind it." (ibid.). As demonstrated by the examples mentioned above, the *xw-* cluster in some varieties, whether independently or jointly, can develop into two distinct consonantal segments /*x*/ and /*w*/ with an intervening vowel. However, before this transition was complete, it may be suggested that in the intermediary phase of this process the vowel segment was inserted before the labial segment (x + V + [labial]), which was graphically represented, using the sequence $\bar{k}^{\breve{a}w}$ in the first part of the TE[8]. Furthermore, based on preceding observation and also considering the "eastern" provenance of the text, one is tempted to explain the forms, such as Tajik *xurdan* "to eat" form a hypothetical **xawrdan*, through the

[6] For more details on phonetic peculiarities of *xw-* cluster in Iranian, see Edelman 1977.

[7] Despite the absence of phoneme /*xw*/ in Tajik dialects, the Kāboli Persian still retains it in some lexemes, such as *xwāstan* "to ask" (Farhady/Perry 2009).

[8] From a phonological perspective the Old Ir. consonantal cluster *xw- is preserved in Kurdish as *xw-* and *xŭ* (Asatrian, Livshits 1994: 88). Based on some preliminary observations, it seems that phonetically in Kurmanji Kurdish the labial segment in the cluster *xw-* is not consonant-inherent, as stated by Gündoğdu (2016: 65), but a short vowel segment is perceived to be inserted between the consonant and labial segment in some environments, e.g. *xwīn-* [x^{uw}in]? Pres. Stem of *xwendin* "to read". However, the veracity of this assumption can be checked only by a detailed phonetic analysis, providing insight into the exact sequence of segments of the speech.

phase *-aw- > -*u̇*- (-*ů*-).[9] This topic, however, necessitates more detailed studies and in this context, future studies of the phonetic environment of /xw/ can reveal additional regularities, not only from the perspective of EJP and ENP texts but also in relation to New Iranian languages, dialects, and varieties.

REFERENCES

1. *Asatrian G., Livshits V.* (1994). Origine du système consonantique de la langue kurde, *Acta Kurdica*, vol. 1. PP. 81–109.
2. *Asmussen Jes P.* (1965). Judaeo-Persica II: The Jewish-Persian Law Report from Ahwaz, A.D. 1020, *Acta Orientalia*, 29. PP. 49–60.
3. *Borjian H.* (2016). Judeo-Iranian Languages, Handbook of Jewish Languages, Ed. by L. Kahn and A.D. Rubin, Leiden.
4. *Hassan A.* (2009). Consonant clusters in the Northern Kurmanji Kurdish.
5. *Asefi N.* (2023). An Old Letter from Khotan: A Review of an Early Judeo-Persian Letter Called Dandān-Uiliq II. Persica Antiqua, Vol. 3 (4). PP. 49–60.
6. *Edelman D.* (1977). K istorii labillizovannych soglasnych v iranskich jazykach, Voprosy iranskoi I obščej filologii, Tbilisi. PP. 349–359.
7. *Gindin T.* (2003). The Tafsīr of Ezekiel: Four Copyists or Four Authors? Persian Origins: Early Judaeo-Persian and the Emergence of New Persian. Collected Papers of the Symposium, Göttingen 1999, ed. Ludwig Paul, Wiesbaden: Harrassowitz. PP. 15–30.
8. *Gindin T.* (2007). The Early Judaeo-Persian Tafsīrs of Ezekiel: Text, Translation, Commentary. Vol. I: Text. Vol. II: Translation, Wien, 2007.
9. *Gindin T.* (2016). Moyaddame-i bar fārsi-ye yahudi, Irān nāmag, № 2. PP. 40–51.
10. *Gündoğdu S.* (2016). Remarks on Vowels and Consonants in Kurmanji // Journal of Social Sciences of Muş Alparslan University, Vol. 4/1. PP. 58–70.
11. *Lazard G.* (1987). Le judéo-persan ancien entre le pehlevi et le person // Transition periods in Iranian History. Actes du symposium de Fribourg-en-Brisgau (22–24 Mai 1985), ed. Ph. Gignoux, Leuven 1987. PP. 167–176.
12. *Lazard G.* (2014). La dialectologie du persan préclassique à la lumière des nouvelles données judéo-persanes // Studia Iranica 43/1. PP. 83–97.
13. *McCarthy J.* (1988). Feature geometry and dependency: A review // Phonetica 45. PP. 84–108.
14. *Paul L.* (2013). The Early Judeo-Persian Letter L3 from the Cairo Genizah (Cambridge University Library T-S 18J3.16) // Journal of Jewish Languages 9. PP. 77–99.
15. *Pisowicz A.* (1985). Origins of the New and Middle Persian Phonological Systems, Kraków.
16. *Rastorgujeva V.* (1964). Opyt sravnenija Tajikskix govorov, Moscow.
17. *Shaked Sh.* (1988). An Early Geniza Fragment in an Unknown Iranian Dialect // Barg-e sabz. A Green Leaf. Papers in Honour of Prof. J.P. Asmussen, Acta Iranica *28*, Leiden: PP. 219–35.
18. *Shaked Sh.* (2003). Early Judaeo-Persian Texts, with Notes on a Commentary to Genesis, in Ludwig Paul, ed., Persian Origins: Early Judaeo-Persian and the Emergence of New Persian – Collected Papers of the Symposium, Göttingen 1999 (Wiesbaden: Harrassowitz, 2003). PP. 195–219.

[9] Tajik *-u̇- (-ů-)* comes from Middle Persian *-ō-*, the so-called *majhūl* vowel (Rastorgujeva 1964: 18).

19. *Shaked Sh.* (2009). Classification of Linguistic Features in Early Judeo-Persian Texts // Exegisti monumenta: Festschrift in Honour of Nicholas Sims-Williams, ed. by Werner Sundermann, Almut Hintze and François de Blois, Wiesbaden: Harrassowitz (Iranica, hrsg. von Maria Macuch, Band 17). PP. 449–461.
20. *Tafażżolī A.* (1986). Arabic Language ii. Iranian loanwords in Arabic// Encyclopaedia Iranica, Vol. II, Fasc. 3. PP. 231–233.
21. *Taheri E.* (2011). Tahavvol-e *hu-* Irāni-ye bāstān dar guyešhā-ye Irāni"// Zabānšenāxt, № 2. PP. 71–86.
22. *Utas B.* (1969) The Jewish-Persian fragment from Dandān-Uiliq // Orientalia Suecana 17, Uppsala. PP. 123–136.

КРАТКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ФОНЕТИЧЕСКОМУ СТАТУСУ /XW/ В РАННЕМ ЕВРЕЙСКО-ПЕРСИДСКОМ ТЕКСТЕ «ТАФСИР ИЕЗЕКИИЛЯ»

А.А. Айрапетянц
Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт Востоковедения

АННОТАЦИЯ

В «Тафсире Иезекииля», написанном на так называемой «ранней иудео-персидской» разновидности языка, изображение звука /xw/ отличается нетрадиционной орфографией. В частности, в некоторых местах буква "wāw" расположена над строкой, после букв "kaph" и "a/ā". В этом предварительном исследовании мы стремимся найти возможное объяснение специфической репрезентации данной фонемы.

Ключевые слова: ранний еврейско-персидский язык, «Тафсир Иезекииля», фонема *xw*.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-203-209

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.Г. Евстратов

Российско-Армянский (Славянский) университет
anton_nastoyashiy@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данном исследовании анализируются основные идеологические концепции, ставшие основой для появления и распространения политического ислама и исламского экстремизма в России и других странах постсоветского пространства. Автор также рассматривает пути проникновения радикальных мусульманских идеологий на указанную территорию.
Ключевые слова: ислам, исламизм, салафизм, шариат, ваххабизм.

Введение

Актуальность исследования идеологических концепций политического ислама в условиях победы исламистов в Сирии и возможного возвращения многих сторонников радикальных идей из Арабской республики обратно на Родину – в постсоветские страны, переоценить на настоящем этапе достаточно сложно. Особой проблемой является сравнительно слабое знакомство с особенностями исламистской идеологии представителей правоохранительных органов и спецслужб, что затрудняет идентификацию мусульманских радикалов и усложняет меры противодействия их активности. В данной статье систематизируются основные идеологические концепции, лежащие в основе политического ислама на пространствах бывшего СССР, приводятся методы их распространения и основные маркеры. Отдельно стоит оговорить, что термины «политический ислам» и «исламизм» мы используем по сложившейся в науке традиции в данном тексте как синонимы, иногда конкретизируя их формулировками «исламский экстремизм» и «исламский радикализм».

Материалы и методы

Первое открытое столкновение с политическим исламом случилось еще в Советском Союзе – это произошло в ходе войны в Афганистане, где советским войскам и союзнику СССР, афганскому правительству, противостояли боевики, ведомые радикальными идеями джихада и борьбы с «неверными».

Позже исламизм проникнет уже на территорию СССР – сначала в ходе нелегальной работы первых ваххабитских (салафитских) проповедников на Северном Кавказе, а затем – и как спутник и соратник первоначально светского режима Джохара Дудаева и его преемников в Чечне, который позже сменится полностью салафитским бандподпольем на территории всего региона.

Параллельно проникновение политического ислама проходило и в другие страны бывшего СССР, в частности, в государства Центральной Азии. Большая часть населения этого региона являлась мусульманами и на излете советской эпохи, однако в годы независимости их доля стала стремительно расти. Так, если к началу 2000-х гг. лишь 63% населения Казахстана, 79% – Таджикистана и 82% – Узбекистана называли себя мусульманами, то в последние годы эти показатели по каждой из республик существенно увеличились, а в двух последних превысили 90% [1, 105, 109, 111].

Отдельно стоит отметить процесс исламизации Азербайджана. Там данный процесс напрямую оказался связан с зарождающейся, во многом искусственной, новой национальной идентичностью. Еще в советское время исламистские идеи были популярны в кругах диссидентствующей интеллигенции. Нельзя отрицать и влияние конфликта по Нагорному Карабаху на исламизацию и последующую радикализацию населения Азербайджана, т.к. религиозная риторика была и остается крайне удобной для руководства страны в деле настраивания азербайджанцев-мусульман против армян-христиан.

Часто духовными кумирами мусульманской молодежи постсоветского пространства становились не представители традиционного, зачастую, вышедшего еще из советского бухарского медресе Мир-Араб [2, 156], духовенства, а радикальные мусульманские проповедники.

Вместе с тем, где-то постепенная деградация, а где-то едва ли не мгновенный коллапс развитой советской системы образования, социального обеспечения и культурного обогащения населения стимулировали складывание имущественной, культурной, а, как следствие – и мировоззренческой пропасти между богатыми и бедными, городом и селом, центром и периферией, а также – мусульманами и немусульманами. На данном фоне исламистские проповедники обещают своим последователям политическую, экономическую и социальную справедливость в рамках религиозной концепции адалята, участие в управлении государством и обществом по принципу исламской совещательности (Шуры), новую, религиозную, идентичность, а также достаточно глубокую, философски разработанную политическую идеологию. Кроме того, «целевая группа» сразу же получает сравнительно простой рецепт достижения

всего вышеперечисленного и столь же простой и понятный ежедневный кодекс «правильного поведения».

Все это создало объективные предпосылки для появления на территории РФ и других стран постсоветского страна целого ряда радикальных идеологий политического ислама, которые мы в рамках данного исследования рассмотрим отдельно.

Во-первых, это идеи основанной еще в 1953г. в Иерусалиме организации «Хизб ут-Тахрир». Данная группировка провозглашает своей целью построение всемирного халифата. Последователи «Хизб ут-Тахрир» отрицают легитимность светской власти, пренебрежительно относятся к традиционному исламу и мусульманскому духовенству, настаивают на строительстве исключительно исламской политикой системы, основанной на законах шариата. При этом последний понимается в рамках данной идеологии достаточно специфически – ее сторонники, к примеру, отрицают хадисы с одной цепочкой передатчиков, известные в мусульманском правоведении как «ахад».

Нельзя не отметить и крайне специфические методы, применяемые «Хизб ут-Тахрир» для распространения этой идеологии – как на постсоветском пространстве, так и за ее пределами. Во-первых, это привлечение сторонников через благотворительность и разного рода социальные программы, идеологическая обработка через религиозные уроки и специальную литературу, а также использование в протестных акциях правозащитной и либеральной демагогии. Лишь затем предусматриваются насильственные методы борьбы.

«Хизб ут-Тахрир» имела множество последователей в Центральной Азии, а также в ряде российских регионах – прежде всего, Поволжья. Имелись последователи группировки и в Москве. Отсутствие насилия с их стороны на первых порах создало у правоохранителей ложное впечатление о безопасности «Хизб ут-Тахрир». Именно поэтому она сравнительно долго оперировала в правовом поле, и была запрещена лишь в начале 2000-х гг. (в РФ – в 2005г.) [3,45].

Еще одной, также не сразу определенной в данном качестве, опасной исламистской идеологией на постсоветском пространстве являются взгляды группы «Таблиги Джамаат». Данная организация была основана в 1926г. в Индии, провозгласив целью построение всемирной исламской общины.

Особенностями идеологии «Таблиги Джамаат» являются наставление мусульман на путь «истинного ислама», отрицательное отношение к традиционному мусульманскому духовенству, отрицание традиционных религиозно-правовых школ (мазхабов), стремление к изменению жизни верующих «ради Аллаха», принятие суфийских практик зикра и подчеркнутое отстранение от политики.

Все это достигается разветвленной практикой – в частности, активной проповедью идей группы всеми ее членами, распространением религиозной литературы, демонстрацией преимущества «исламского образа жизни» и отказом от насильственных методов.

Прямой противоположностью вышеназванным в плане, прежде всего, методов достижения целей, является идеология салафизма. При схожей с «Таблиги» и «Хизб ут-Тахрир» цели, его адепты действуют гораздо агрессивнее. Это и открытая вооруженная борьба, и терроризм. Среди идеологических особенностей салафизма можно отметить уже знакомое по предыдущим группам отрицание легитимности светских властей, но также и буквалистское толкование исламских источников, признание неверными мусульман, не разделяющих идеи салафитов, а также стремление к немедленному построению исламского государства и общества. Салафитская идеология «в деле» была явлена запрещенными в РФ северокавказским «Имаратом Кавказ», а также действовавшим на Ближнем Востоке и далеко за его пределами и аккумулировавшим в рядах своих защитников тысячи жителей постсоветского пространства «Исламским государством» [4,115].

Еще одна экстремистская идеология, распространенная, как на постсоветском пространстве, так и по всему миру, в основном связана с тюркскими этносами. Речь идет о движении турецкого философа и политика Фетхуллаха Гюлена «Фетхуллахчилар». Ранее соратник действующего президента Турции Реджепа Тейипа Эрдогана и проводник его политики, в 2010-е Гюлен поссорился с ним, однако потенциал его структуры – культурные центры, образовательные учреждения и даже ВУЗы, продолжает распространять паносманистские идеи, связанные с политическим исламом. В ряде случаев структуры Гюллена перешли под контроль турецкого правительства. В некоторых случаях (как в ситуации с отделениями «Фетхуллахчилар» в Кыргызстане) этот процесс все еще не завершился.

Целью идеологии Гюллена является уже знакомое по предыдущим пунктам построение всемирного мусульманского государства, однако центром такого государства непременно должна быть Турция.

«Фетхуллахчилар» также достаточно критически относится к светским государствам, жестко настроена по отношению к христианству и христианам, она провозглашает «освобождение» тюркских, а затем и мусульманских народов и их объединение под руководством Анкары, тесно связывает шариат с турецкой культурой.

Движение Гюлена не отрицает насилие, однако рассматривает его как вынужденную, крайнюю и последнюю меру. В целом «Фетхуллахчилар» центрирована на пропаганде своей идеологии посредством открытых лекций, а также систематического учебного процесса в собственных учебных заведениях. При этом адепты движения при необходимости активно используют «такию» – сокрытие или искажение своих религиозных убеждений в целях безопасности или введения общественности в заблуждение [5,79].

Отдельно стоит отметить синкретическую, «революционную» мусульманскую идеологию, оформленную российским философом азербайджанского происхождения Гейдаром Джемалем, которую условно определяют как «джемализм». Джемаль также, как и адепты ранее рассмотренных идеологий и течений, стремился к построению всемирного мусульманского государства, однако будучи шиитом (в отличие от иных направлений политического ислама на постсоветском пространстве – практически целиком суннитских), с одной стороны, и во многом сформировавшись на изучении западной философии, он внес в разработанную концепцию некоторые особенности.

Гейдар Джемаль, как и большинство идеологов исламизма, не считал легитимной светскую власть, оспаривал авторитет традиционного мусульманского духовенства, отрицал мазхабы и оправдывал насилие. При этом его идеологии была характерна активная социальная риторика, стремление к перераспределению собственности и использование левой повестки. Джемаль в своих разработках опирался на мусульманских трудовых мигрантов России и Европы, определяя их не иначе, как «новый пролетариат», пассионариев, которые, заменив индустриальных рабочих рубежа XIX–XXвв., должны стать основной движущей силой будущей исламской революции.

Изначально определяя себя в качестве шиита, Гейдар Джемаль пытался опираться на опыт Исламской революции 1979г. в Иране, однако, выступая против иранского исламского духовенства как клерикалов, «новых жрецов», не приемлемых для идеального мусульманского общества в видении философа, он ближе к концу жизни отошел не только от шиитских идей, но и от шиитской идентичности. Более предпочтительно в глазах Джемаля выглядел пример суданского идеолога и лидера политических исламистов Хасана Тураби, с которым он Гейдар Джахидович близко общался и в «Зеленый интернационал» которого входил.

Отдельно стоит отметить и проявления азербайджанской политической идентичности Джемаля в его идеях – в частности, он призывал к полному уничтожению Армении [6].

Гейдар Джемаль для популяризации своей идеологии был крайне активен в СМИ и медиа-поле, регулярно публиковал книги, статьи, воззвания и петиции, имел собственную организацию «Исламский комитет России», а также сайт Islamcom.ru. Выступал Джемаль и на российском телевидении, где он вел свою авторскую программу об исламе, а также исключительно успешно взаимодействовал в политическом поле РФ. Так, он имел крепкие связи с российскими левыми и даже стал одним из учредителей «Левого фронта» [7].

Все указанные идеологии, помимо религиозного и чисто идеологического сходства, имеют очень важный общий момент – стремление вначале действовать относительно мягкими методами, оставаясь в легальном поле. Это позволило их адептам вполне открыто пропагандировать свои учения, приобретать новых сторонников, заводить связи в интеллектуальном, бизнес- и политическом сообществах, зачастую – в правоохранительных органах и силовых структурах. Последние, в виду временного отказа исламистов от насилия, к сожалению, слишком поздно идентифицировали указанные группы, их идеи и цели как экстремистские, принимая иногда запоздалые меры к купированию их влияния. Таким образом, данное исследование, систематизируя экстремистские идеи и вычленяя их основные маркеры, в некотором роде содействует совершенствованию оперативной работы указанных государственных структур в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шустов А.В.* Трансформация этноконфессиональной структуры новых независимых государств Центральной Азии (1990-е – первое десятилетие 2000-х гг.) // «Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность», № 5, 31.10.2011. СС. 98–115.
2. *Ахмадуллин В.А.* Особенности советской двухуровневой подготовки исламских кадров: опыт и уроки // «Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты», 2015. Т. 11. № 2. СС. 153–164.
3. *Хизб ут-Тахрир.* Справка // Духовное управление Республики Крым и города Севастополь: Эл. ресурс: URL: https://qmdi.ru/wp-content/uploads/2019/07/Kontr_Hizb_-07.05.19.pdf (Дата обращения: 1.02.2025).
4. *Евстратов А.Г.* Политический ислам. Ер.: Изд-во РАУ. 172 с.
5. *Иванов В.В.* Движение Фетхуллаха Гюлена в России и странах СНГ// «Мусульманский мир», № 3, 2014. СС. 49–82.
6. К вопросу об армянском геноциде // Контрудар: [Эл. ресурс]: URL: https://kontrudar.com/faq/k-voprosu-ob-armyanskom-genocide (Дата обращения: 2.02.2025).
7. *Сидамон Б.* Метафизический торгаш // Zilaxar Nacion talen: [Эл. ресурс]: URL: https://zilaxar.com/obschestvo/metafizicheskij-torgash/

IDEOLOGICAL ORIGINS OF ISLAMIC EXTREMISM IN THE POST-SOVIET SPACE

A. Evstratov
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This study analyzes the main ideological concepts that became the basis for the emergence and spread of political Islam and Islamic extremism in Russia and other countries of the post-Soviet space. The author also considers the ways of penetration of radical Muslim ideologies into the specified territory.

Keywords: Islam, Islamism, Salafism, Sharia, Wahhabism.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-210-218

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЖИВОПИСИ АБСТРАКТНОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА В НОВОМ ИСКУССТВЕ КИТАЯ

А.В. Цымбал

Музей истории города Еревана
historyartfaraway@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Западная абстрактная экспрессионистская живопись оказала глубокое влияние на живопись Китая Нового времени. С одной стороны, абстрактный экспрессионизм в онтологии своей мысли совмещает концепции о свободе выражения подсознания, самоотречении и интеграции духа в творческий акт, что схоже с некоторыми идеалами китайской живописной традиции, особенно выраженными после XII века под влиянием чань-буддизма и неоконфуцианства, когда непосредственный творческий акт превратился в исполнение ритуала. С другой стороны, преобладающая антифигуративная эстетика для направления западного абстрактного экспрессионизма, совершенно не свойственна для стиля традиционной китайской живописи, в которой все направления в своей основе предметны. Но именно этот симбиоз в исполнении китайских художников заложил основу для сохранения и продолжения направления абстрактного экспрессионизма, привнеся в это направление изысканность стиля.

Ключевые слова: абстрактный экспрессионизм, китайская традиционная живопись, гохуа, антифигуративная эстетика, беспредметное искусство.

На протяжении десятилетий, с 1930-х по 1950-е гг., человечество подверглось сильнейшим потрясениям – от Великой депрессии, гражданской войны в Испании, Второй мировой войны, зверств Японцев и разоблачения нацистских лагерей смерти. В сумме, эти события глубоко повлияли на сознание общества и задали импульс для формирования новой художественной мысли. В некотором смысле воображение породило ответную реакцию на прошедшие события. И абстрактный экспрессионизм – направление в развитии живописи XX столетия, получившее широкую огласку в 1940-е годы в Нью-Йорке [15, с. 18], которое сформировалось под влиянием сюрреализма [15, с. 23], немецкого экспрессионизма [15, с. 23] и синтетического кубизма [15, с. 21], явилось одной из таких реакций. В европейском искусстве направление абстрактного экспрессионизма повлияло на художественную выразительность, к примеру Жана Дюбюффе, Фрэнсиса Бэкона и Альберта Джакометти. Но европейские

современники придерживались фигуративной концепции, в отличие от американских художников, среди который сформировалась общность художников, нацеленных на иное средство художественной выразительности – антифигуративность.

Течение абстрактного экспрессионизма в живописи западных художников вобрало в себя тенденции для творческого импульса, исходя из спонтанных и подсознательных потенций, самоотречения, некоторой анархичности и мятежности. По мнению Стеллы Пауль, сотрудника музея «Метрополитен» в Нью-Йорке, для абстрактных экспрессионистов ценность работы заключалась в непосредственности выражения, а картина должна раскрывать подлинную личность (душу) художника. Именно неограненный жест художника при создании картины есть свидетельство реального создания произведения [17]. В эссе «Американские художники действия» для ARTnews в 1952г. критик Гарольд Розенберг использовал термин «живопись действия», поясняя, что в определенный момент холст стал для художника ареной, на которой нужно действовать, и перестал быть пространством для воспроизведения, передачи объекта, то, что попадало на холст, стало событием, а не картиной [19]. По мнению Розенберга, бессмысленно утверждать, что Микеланджело, например, работал так же. Розенберг отмечает, что сам подход к живописи, к созданию произведения (картины) меняется, приводя в пример отпавшую необходимость работы с эскизами [19], так как «живопись действия» есть акт непосредственного импульса [19].

В некотором смысле – это «интуитивная живопись», для которой художник не работал над набросками, эскизами, не планировал и не продумывал концепцию картины, приводит к пониманию антифигуративной эстетики, что отражает мысль об интеграции духа в творческий акт. Для художника в направлении абстрактного экспрессионизма было важно эмпирическое взаимодействие с предметами, при помощи которых было именно «сотворено» произведение. Поэтому сам непосредственный акт творения для западных художников превратился в исполнение культа или ритуала, что было свойственно для традиции китайской живописи, особенно в период династии Сун (960–1279гг.) под влиянием чань-буддизма, который демонстрирует дух радикального эмпиризма [4, с. 268]. Школа чань была нацелена на передачу состояния Будды вне письменной традиции и пренебрегала изучением писаний. Чаньские мастера демонстрировали свое пренебрежение слепому следованию традиций, например, могли сжечь статую Будды [4, с. 271].

Джексон Поллок, один из ярчайших представителей направления абстрактного экспрессионизма и идеолог этого направления в США, в интервью

изданию «Проблемы современного искусства» сказал следующее: «Когда я создаю, я не осознаю, что я делаю. Только после некоторого краткого периода «ознакомления» я увижу, кем я был. У меня нет страха вносить изменения или разрушить вовсе картину лишь потому, что картина живет свою собственную жизнь. Я пытаюсь позволить этому произойти. Но если я потеряю контакт с картиной, я потеряю и картину. Должна царить полная гармония взаимоотношений с картиной, только тогда все получится» [21, с. 103]. Эти слова ярко демонстрируют тесную связь между процессом создания с состоянием бессознательного у художника и творения.

Картина-коллаж «Номер 29» (1950г.) Дж. Поллока, созданная им в последние годы творчества, очевиднее остальных указывает на неуловимую новую эстетику для Запада, но очевидную для Китая с давних времен. Картина создана на стекле с помощью таких элементов, как масляные краски, ракушки, мелкие камушки, сетка разного плетения, металлические нити, пепел и др. Это приближает к размышлению о канонах традиционной китайской пейзажной живописи, в частности, об отражении гармонии между человеком, небом и землей. Китайский пейзаж не был точной копией какой-либо местности. Китайский пейзаж – это поклонение святыне, на полотне свитка художник писал не столько горы, сколько скрытые смыслы.

Поллоком создана некая новая интерпретация гармонии. Го Си, художник и теоретик искусства, периода Сун, говорил: «Когда вы раздумываете о картине, вы должны, первостепенно, вычислить гармонию между небом и землей» [11, с. 33]. Художники – пейзажисты Китая использовали такие традиционные материалы, как бумага, тушь и кисть. XXв. позволил Поллоку использовать как природные материалы, так и продукты промышленного производства, чтобы отобразить желаемое в произведении. В пейзажной живописи Китая после 1960-х гг. появилось понятие пейзажа, выраженного мыслью через чувства (心意山水) благодаря Шэнь Юнгану (沈永刚（雅公)). Его творчество подкреплено классическим художественным образование в академии, но он получил известность работами именно в направлении пейзажа, выраженного мыслью через чувства (心意山水). Шэнь Юнган (沈永刚（雅公)) нам говорит, что вначале его картины были созданы на основе холодного академического мастерства и он не уделял должного внимания внутреннему состоянию. Сейчас он выражает в картине свой внутренний образ и стремится к чистоте самоанализа, выражая образ гор на полотне свитка через сердце[1]. Работа «Номер

[1] Zhuoke Art Network [Эл. ресурс]. URL: http://artist.syg.zhuokearts.com/arts (дата обращения: 21.07.2024).

29» Дж. Поллока олицетворяет также некий баланс, выраженный линией в пространстве.

В работе «Номер 29» блестящая ясность рисунка, трагедия линейности, элегантность острых краев и банальных форм проволоки и ракушек, драматизм черного, появление этих форм в открытом пространстве, словно в воздухе, может напомнить зрителю визуальный строй пейзажного свитка традиционной китайской живописи как в «страна чудес Пэнлай»[2] Юань Яо (袁耀蓬莱仙境图轴) или один из видов горы Хуашань (王履华山图册)[3]. Поллок в своей характерной манере создал подвижную композицию с несколькими точками зрительной опоры. В композиции нет точки начала и конца: при помощи метода исследования символического содержания можно предположить в этом отсылку к пониманию бесконечности. Эта работа Джексона Поллока – одно из неразгаданных явлений художественной жизни западного мира середины XX столетия.

Абстрактный экспрессионизм оказал сильное влияние на живопись китайских художников XX и XXIвв. Смыслы и постулаты, мотивы и концепции творения внутри направления абстрактного экспрессионизма Запада легко и непринужденно влились в концепцию художественной мысли китайских художников. С одной стороны, западная абстрактная экспрессионистская живопись имеет в онтологии своей мысли концепции о свободе выражения подсознания, самоотречении и интеграции духа в творческий акт, что схоже с некоторыми идеалами китайской живописной традиции, особенно выраженными после XII века под влиянием чань-буддизма и неоконфуцианства. С другой стороны, преобладающая антифигуративная эстетика для направления западного абстрактного экспрессионизма, совершенно не свойственна для стиля традиционной китайской живописи, в которой все направления в своей основе предметны, что подтверждается самоназваниями направлений – «цветы и птицы», «архитектурная живопись», «горы и воды» и пр. Пейзаж в традиции китайской живописи так же отличался ясной структурой и присутствием внутри пейзажа объектов или/и предметов, что способствовало раскрытию мысли, заложенной художником. Но именно такой симбиоз – почти академической традиционности Китая и нового искусства Северной Америки, для ко-

[2] The Palace museum [Эл. ресурс]. URL: https://intl.dpm.org.cn/Ceramics/7573.html (дата обращения: 20.12.2024).

[3] The Palace museum [Эл. ресурс]. URL:https://intl.dpm.org.cn/Ceramics/7873.html (дата обращения: 20.12.2024).

торого еще не разработана описательная искусствоведческая техника, в исполнении китайских художников, заложил основу для сохранения и продолжения направления абстрактного экспрессионизма.

Чжу Дэцюнь(朱德群), Ян Пэй-Минг (严培明), Чжао Уцзи (赵无极), Лю Госун (刘国松), Ван Цзиньлин(王金岭), Ли Цзинькунь (李劲堃), Чжан Дацянь (张大千) и Цай Гоцянь (蔡国强) – имена наиболее ярких представителей нового поколения китайских художников, трансформирующих тысячелетний канон. На стыке концепции о подсознательном потенциале проявления духа с необходимостью строгого следованию мастерству, описанной в нескольких крупных трудах о живописи как Се Хэ (謝赫) «Заметки о категориях старинной живописи» (古畫品錄), «Теория живописи» Шитао, «Записки о высокой сути лесов и потоков» Го Си, Чжан Гэн (張庚) «Краткие заметки о национальной живописи» (國朝畫征錄), Цзин Хао (荆浩) «Записки о методах кисти» (筆法記) и др. и беспредметности западной абстрактной экспрессионистской живописи, они создали новое направление в искусстве. Несмотря на то, что живопись с помощью красочных пятен или живопись без тушевого контура известна как техника в Китае с V–VI вв., под названием «бескостная» (没骨法), она не пользовалась особой популярностью [7, с. 203]. «Бескостная» техника в живописи начала обретать популярность в XIX веке благодаря мастерам Шанхайской школы [7, с. 205].

Чжан Дацянь (张大千, 1899–1983гг.) – мастер традиционной китайской живописи, много лет работавший с пейзажем под влиянием стиля Шитао, в 1959г. впервые представляет на суд общественности работу «Внезапный дождь над садом» в направлении абстрактного экспрессионизма, выполненную тушью в технике «разбрызгивание туши» на рисовой бумаге. Так как это один из первых экспериментов художника в новой манере, заметна некоторая неуверенность в линиях, отсутствие ясности композиции цветовых пятен с остатками предметности на плоскости картины. Мастер использовал черную тушь, благодаря чему колорит работы монохромный. Намного увереннее выглядят такие работы, как «Ранний снег» (1965г.), «Снежные пики Швейцарии» (1965г.), «Ветер Швейцарии» (1965г.), «Храм на горной вершине» (1967г.), «Горный водопад» (1965г.). В них уже заметна индивидуальная манера, выработанная художником. Первое – это узнаваемый колорит, художник наравне с тушью применял минеральные краски. Он создал уникальный оттенок синего цвета, вдохновляясь направлением «сине-зеленого пейзажа» (青绿山水)

китайской живописи. Во-вторых, экспериментируя с шелковым полотном разных типов плетения, он выбрал полотно плотного плетения с крученой ниткой, что позволило его работам будто излучать свет [1, с. 203]. Такой тип плетения шелкового полотна позволял художнику работать с многочисленными слоями туши, что представляет еще одну особенность его стиля живописи. Кульминационной работой Чжан Дацяня в развитии направления абстрактного экспрессионизма является «Озеро Ахензее» (1968г.), представляющее собой свиток, выполненный на шелке тушью в смешанной манере работы кисти и минеральными красками. Величественное, изысканное произведение, воплотившее в себе традиции западной и восточной живописных манер.

Чжао Уцзи (赵无极, 1921–2013гг.) – художник, получивший классическое образование в китайской живописи и каллиграфии, но в молодом возрасте эмигрировавший с семьей во Францию, что глубоко отразилось на его творчестве [9]. Чжао Уцзи почти не писал в манере традиционной китайской живописи, под сильным впечатлением от метода Пауля Клее он почти сразу трансформировал форму выражения к беспредметности и очень быстро воспринял направление западной абстрактной экспрессионистской живописи, работая как маслом, так и тушью. Но сохранил эмоциональную структуру своих работ китайской, что выражалось в работе с пустым пространством полотна и движении внутри композиции, закрученным по типу символа «инь-ян» – «20.05.88» (1988г.). Художник много работал с черной тушью в монохромной колористической манере – «Момент благой вести» (1994г.), «Без названия» (2000г.). Он предпочитал оставлять нетронутым часть композиционного пространства. Чжао Уцзи разрабатывал идею традиционной китайской живописи о «белом драконе на белой бумаге» в концепции абстрактного экспрессионизма [9]. Он работал с белым цветом и его оттенками, а точнее, с цветом рисовой бумаги или цветов нефрита «бараний жир» – «Без названия» (2006г.).

Чжу Дэцюнь (朱德群, 1920–2014гг.) непревзойденно работал как в технике традиционной китайской живописи, так и в технике живописи маслом. Портрет его супруги, выполненный маслом по холсту и представленный на парижском салоне в 1956г. завоевал серебряную медаль и назван критиками «Моной Лизой Востока» [3, с.53]. Под впечатлением от стиля работ Никола де Сталя, который в своем творчестве балансировал между направлением французского ташизма и абстрактного экспрессионизма, Чжу Дэцюнь переформулировал свою живопись[4]. Его стиль отличен от стиля других китайских

[4] Foundation Chu Teh-Chun [Эл. ресурс]. URL: https://chu-teh-chun.org (дата обращения: 7.11.2024).

художников. Живопись Чжу Дэцюня в направлении абстрактного экспрессионизма визуально гораздо плотнее и яснее. В ней грани и переходы между красочными пятнами и брызгами распределены очень четко в пространстве композиции – “Sans-titre” (1973г.). Это обосновано материалами, которые предпочитал художник: гуашь, масло и бумага. Художник предпочитал яркие и чистые цвета, и один из немногих, кто почти не использовал тушь. Это помогало ему создавать эффект мощного движения композиции с «выглаженной» поверхностью картины “Les premières lueurs” (1987г.).

Лю Госун (刘国松, 1932г.) – создатель антифигуративного пейзажа внутри канона традиционной северной китайской живописной школы. Художник еще в университете начал говорить о необходимости модернизации китайской живописи[5]. На его мышление и стиль повлияло проживание в Гонконге и на Тайване, регионах, существующих на стыке западной и восточной культур. Лю Госун сохранил приверженность традиционным материалам – тушь и шелк, но изменил систему изложения мысли. Одна из его излюбленных техник китайской живописи – «тушью от руки» (指头画), что позволило создавать в работах ощущение безмерного пространства. Его работы полны драматизма («Я не могу создать свою собственную картину», 1984г.), величия («Тибет. Серия номер 67. Ледник», 2015г.) и торжества линии («Мчаться вихрем»).

Ван Цзиньлин (王金岭, 1940–2017гг.), Ли Цзинькунь (李劲堃, 1958г.) и Ян Пэй-Минг (严培明, 1960г.) – художники, которые были верны фигуративности в традиционной китайской живописи, но использовали элементы направления западной абстрактной экспрессионистской живописи с целью подчеркнуть сложную духовную структуру китайской живописи. Они придавали объектам иллюзорности с помощью приемов размытия, наложения слоев цветовых пятен, разбрызгивания туши и др.

Цай Гоцянь (蔡国强, 1957г.) использует идею западного абстрактного экспрессионизма в своих перформансах, инсталляциях и живописи. Художественную технику абстрактного экспрессионизма он реализует в работе с порохом. В его концепции, взрыв – это мятежная подсознательная потенция духа. Художник использует как инструмент цвет, чтобы отреагировать на мировые события и рассказать о них.

[5] Asia art center [Эл. ресурс]// URL: https://www.asiaartcenter.org/asia/portfolio/-%E5%88%98%E5%9B%BD%E6%9D%BE/?lang=zh-hans (дата обращения: 3.05.2024).

Таким образом, на примере творчества Чжу Дэцюнь, Ян Пэй-Минг, Чжао Уцзи, Лю Госун, Ван Цзиньлин, Ли Цзинькунь, Чжан Дацянь и Цай Гоцянь можно предположить, что китайская традиционная живопись в XX столетии открыла собственное и новое эстетическое стремление. Пятна туши, внешние формы точек и линий, которые выступали основным структурным образованием силуэта китайской традиционной живописи, воплотили свой неразрывный потенциал в направлении абстрактного экспрессионизма. Китайские художники не просто сохранили, а развили направление западной абстрактной экспрессионистской живописи, привнеся в это направление изысканность стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бай Вэй*. Мир живописи великого мастера: Чжан Дацянь. Ланьчжоу: изд-во государственного университета, 1997. 258с. (白巍.画坛巨匠：张大千. 兰州市: 兰州大学出版社).
2. *Ван Цзитай.* Китайская живопись тушью: анализ структурного мазка// «Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки», 2022, № 3–4 (48). СС. 24–36.
3. *Инь Яньхуа*. Сравнительное исследование китайской живописи кистью и западной экспрессионистской живописи// «Исследования художественного образования», 2018. № 21. СС. 50–58 (尹雁华. 中国写意 绘画和西 方表现主义 绘画对比 研究 . 美 术 教 育 研 究)
4. *Конзе Эд*. Буддизм: сущность и развитие. СПб.: «Наука», 2003. 288с.
5. *Ло Сяобин.* О внутренней взаимосвязи между формой всплеска туши и видения цвета Чжан Дацянем с западным абстрактным экспрессионизмом// «Форум китайской культуры», 2014. № 09. СС. 92–95. (罗小兵. 论张大千泼墨泼彩绘画形式与西方抽象表现主义的内在关联。中华文化论坛).
6. *Пан Сяньи*. Я забыл себя и вещество: о происхождении даосского эстетического вкуса// «Религиоведение», 2001, № 04. СС. 14–18. 潘显一 . 物我两忘:道教审美情趣探源《宗教学研究
7. Сборник очерков по истории китайского искусства. Под ред. Сюэ Юннянь и Ло Пин. Пекин, 2006. 400 с. (中国美术史论文集。薛永年，罗是平主编。北京，2006)
8. *У Гуаньчжун.* Красота форм в живописи // «Современность в искусстве», 2018, № 8. СС. 9–11. (吴冠中. 绘画的形式美 .期刊: 艺术当代).
9. Фонд им. Чжао Уцзи [Эл. ресурс]. Foundation Zao Woi-Ki. URL: https://www.zaowouki.org.
10. *Хуан Синь, У Минлинь*. Анализ факторов выразительности абстрактной живописи в пейзажной живописи Чжан Дацяня // «Мир дворцовой библиотеки», 2016, № 16. СС. 71–74. (黄鑫, 吴名琳. 张大千泼墨泼彩山水画中抽象表现因素探析. 期刊：兰台世界).
11. *Цзоу Гуанпин.* Изоморфизм формального языка восточной и западной живописи// «Художественное образование», 2005, № 02. СС. 22–23. (邹光平 东西方绘画形式语言的同构性。 艺 术 教育)

12. *Чжан Цзю*. Анализ влияния буддийской эстетики на китайскую живопись: дис. магистра Юньнаньского педагогического университета. 2013. СС. 5–10. (张菊 浅析佛教美学对 中国绘画的影响。云南师范大学硕士论文).
13. *Cotterell Ar.* Eyewitness. Ancient China. “DK Publishing”, Ink.: New-York, 2005. 72p.
14. *Emmerling L.* Jackson Pollock, 1912–1956 / Taschen. Los-Angeles: “Taschen”, 2006. 96p.
15. *Sandler I.* Abstract expressionism and the American experience. “Hard Press Editions”, 2009. 240p.
16. *Sullivan M.* Art and artists of twentieth-century China. Berkeley: “University of California Press”, 1996. 452p.
17. *Paul S.* Abstract Expressionism. In Heilbrunn Timeline of Art History. New-York: “The Metropolitan Museum of Art”, 2000.
18. *Ratcliff C.* The fate of a gesture: Jackson Pollock and postwar American art / Carter Ratcliff; Farrar, Straus, Giroux. New-York: Farrar, Straus, Giroux, 1996. 380p.
19. *Rosenberg H.* The American action painters. “ARTnews”, 1952. 5p.
20. *Steiner R.* Toward a grammar of abstraction: modernity, Wittgenstein, and the paintings of Jackson Pollock // “Pennsylvania State University Press”, 1992. 88p.
21. *Varnedoe K.* Pollock J.: interviews, articles, and reviews / Kirk Varnedoe, Pepe Karmel. Museum of Modern Art: Distributed by H.N. Abrams. New York: “Museum of Modern Art”, 1999. 288p.

RETHINKING WESTERN ABSTRACT EXPRESSIONIST PAINTING IN CHINA'S NEW ART

A. Cymbal
History museum of the Yerevan city

ABSTRACT

Western abstract expressionist painting had a profound influence on modern Chinese painting. On the one hand, Western abstract expressionist painting has in the ontology of its thought the concepts of freedom of expression of the subconscious, self-denial and integration of the spirit into the creative act, which is similar to some ideals of the Chinese painting tradition, especially expressed after the 12th century under the influence of Chan Buddhism and neo-Confucianism. And the direct creative act turned into the performance of a ritual. On the other hand, the prevailing anti-figurative aesthetics of the Western Abstract Expressionist movement is completely uncharacteristic of the style of traditional Chinese painting, in which all movements are fundamentally subjective. But it was this symbiosis performed by Chinese artists that laid the foundation for the preservation and continuation of the direction of abstract expressionism, bringing sophistication of style to this direction.
Keywords: abstract expressionism, chinese traditional painting, gohua, anti-figurative aesthetics, abstract art.

ИСТОРИЯ

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-219-229

ИНИЦИИРОВАНИЕ ВЛАСТЯМИ ВНУТРИОБЩИННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ ПО ВОПРОСУ ЗАКРЫТИЯ ЦЕРКВИ СУРБ ТАРГМАНЧАЦ ГОРОДА ПЯТИГОРСКА (1929)

В.З. Акопян, З.В. Акопян, Ю.Ю. Гранкин

Пятигорский государственный университет
zaven2005@yandex.ru, zvakopyan@mail.ru, grankinj@pgu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается инициированное властями Терского округа и города Пятигорска, являвшегося в 1920-е годы окружным центром, внутриобщинного противостояния по вопросу закрытия армянской церкви Сурб Таргманчац (Святых Переводчиков) в 1929г. Авторы показывают, что власти создали ситуацию, при которой инициатива закрытия церкви исходила не от них, а от армян-рабочих. Выявляется сознательное искажение роли Армянской Апостольской Церкви (ААЦ) в истории армянского народа в газетных публикациях того времени. Тогда армянской общине было обещано разместить в здании храма национальный клуб, что наряду с репрессиями ослабило сопротивление противников закрытия храма. Репрессивные действия в отношении защитников церкви позволили, не опасаясь сопротивления с их стороны, отказаться от обещанного создания национального клуба, а разместить в переоборудованном храме музей революции.

Ключевые слова: Армянская Апостольская церковь, Терский округ, национальная община, церковный приход, репрессии.

Введение

В 1920–1930гг. советская власть, осуществляя культурную революцию, решала конкретные практические задачи: сформировать поколение новых людей, которые станут опорой для режима и будут способны выполнить любые решения, исходящие от него. Если до 1928г. конфессиональная политика государства сопровождалась тактической либерализацией некоторых сфер церковной жизни при сохранении антирелигиозного вектора в деятельности государственных органов, то с конца 1920-х гг. ужесточается политика в отношении всех религиозных организаций. Инициатива на религиозном фронте полностью переходит карательным органам, а конфессиональные структуры ими рассматриваются как легально действующая агентура империализма. В первую очередь наступление на веру выразилось в закрытии культовых сооружений.

На этом общем фоне в Пятигорске в январе 1929г. происходило инициированное властями Терского округа и города Пятигорска, являвшегося в 1920-е гг. окружным центром, внутриобщинного противостояния по вопросу закрытия армянской церкви. В исследовании, посвященном истории прихода этой церкви, данный фрагмент не получил должного отражения [1]. Эта тема осталась вне внимания и в других работах [2; 3; 8; 9]. Настоящая статья выполнена на основе не использованных ранее первоисточников региональных архивов, в первую очередь периодической печати Терского округа.

Краткая история церкви Сурб Таргманчац. История ААЦ г. Пятигорска начинается с 1830-х гг., когда небольшая, но экономически сильная армянская община обратилась к кавказским властям с просьбой разрешить построить церковь. В 1833г. главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами Грузии, Армянской области, Астраханской губернии и Кавказской области барон Г.В. Розен в ответ на обращение Астраханского епархиального начальника архиепископа Серовбе, под опекой которого до 1836г. находились все приходы ААЦ в России [3], поддержал эту инициативу. В 1835г. император дал разрешение на постройку каменной церкви, а в следующем году был выделен участок для возведения небольшой церкви. Однако на согласование места для храма, а затем и на сбор средств ушло несколько десятилетий. Строительство церкви завершилось только в октябре 1882г. 9 октября 1883г. храм, названный Сурб Таргманчац в честь Месропа Маштоца и Саака Партева, был освящен, и в нем начались богослужения, продолжавшиеся до конца 1920-х годов.

Армянская община не только активно участвовала в строительстве храма, приходского училища, но и осуществляла благотворительную деятельность не только в отношении своих соотечественников, но и родного города. Церковный приход и попечительство, возглавляемое ктиторами (старостами), с участием представителей всей общины обсуждали кандидатуры настоятелей, рекомендуя Астраханской епархии тех из них, которые могли бы стать настоящими духовными пастырями своей общины. Это особенно важно было в период «Великой смуты» 1917г. и гражданской войны, когда Астраханская (Северо-Кавказская) епархия ААЦ испытывала огромные затруднения в связи с политической нестабильностью в стране и в регионе.

Приведем только один пример демократического обсуждения кандидатуры настоятеля церкви. По сообщению пятигорской газеты «Народное эхо», 13 августа в помещении армянского училища проводится общее собрание армянского населения по вопросу избрания священника для армянской церкви.

После кончины священника Тер-Абраама Шхинянца, похороненного у восточной стены церкви, обязанности настоятеля исполнял священник Аршак Чанчиньян, временно назначенный в приход Астраханской епархией. Он подал попечительству заявление о своем желании остаться в Пятигорске духовным пастырем на постоянной основе. За неполные полгода, в течение которых Аршак Чанчиньян исполнял духовные требы для своей паствы, он снискал уважение своими личными качествами и как духовный глава армянской общины. Х.З. Башинджагиан, делегат от пятигорских армян на съезд духовенства и избранных представителей армянских общин Северного Кавказа и других регионов, опекаемых епархией в Астрахани, «привез о священнике Чанчиньяне лучшие аттестации» [7].

На рассмотрение собрания «наиболее демократическими слоями армянской колонии, преимущественно ремесленниками, каменщиками и мелкими торговцами из Шуши и других мест Карабаха» был выдвинут второй кандидат – священник Аршак Тер-Восканьянц[1]. Автор газетной публикации сообщал: «Кандидат их – лицо с определенными принципами, примыкающий к партийным течениям, желателен как руководитель народа, которому взгляды, убеждения, вся идеология народа близки и родственны. Аршак Тер-Восканьянц многое сотворил для народа в области полезной, культурно-просветительной деятельности. Он имеет положительное влияние на большую группу прихожан, своих сородичей, это влияние духовного пастыря должно отозваться весьма благотворно на нравственном облике массы. Ко времени отбирания церковных имуществ в казну (при наместнике Голицыне) св. Тер-Восканьянц играл активную роль, прилагая все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать приведению в исполнение. Четыре года состоял под судом и следствием по делу партии Дашнакцутюн. Во время армяно-турецкой резни, дело охраны населения от последствий погромов он взял в свои руки и удачно выполнил свой долг». Автор заметки заключает: «Вообще Тер-Восканьянц достойное духовное лицо, любящий свою нацию, национальное приобретение» [7].

В последние годы существования прихода службу в церкви и религиозные обряды осуществляли Еремия Степанян, Хачатур Тер-Арутюнянц.

Борьба за церковь. Закрытие церкви партийные и советские власти Терского округа и Пятигорска планировали осуществить в самые жесткие сроки, обставив все дело так, будто инициатива исходила от самих армян-трудящихся.

[1] До массового убийства турецкими интервентами и их закавказскими собратьями армянского населения Шуши, Аршак Тер-Восканьянц (Восканян) окормлял многочисленное армянское населения арцахской столицы. До этого он служил в церкви Св. Воскресения в Гадруте Арцахской (Карабахской) епархии [4].

Еще до одобрения членами Политбюро ЦК циркуляра от 24 января 1929г., направленного на принятие жестких мер в отношении конфессиональных объединений как «легально действующих контрреволюционных организаций», власти через официальный печатный орган города приступили к обработке пятитысячного армянского церковного прихода с целью инициирования с их стороны вопроса о закрытии церкви.

Первая попытка получить согласие общины, по всей видимости, потерпела неудачу. 6 января, когда Армянская церковь одновременно отмечает Рождество и Крещение, в помещении кинотеатра «Художественный» проводилось «отчетное предвыборное собрание неорганизованных армян». Однако к 11 часам собралась меньшая часть избирателей, хотя позднее, по сообщению окружной газеты «Терек», пришли и другие «избиратели». Во время собрания один из выступивших «предложил» передать здание церкви под армянский клуб. И хотя небольшая группа присутствовавших «избирателей» за вопрос о передаче церкви под клуб проголосовала единогласно [11], среди армянского населения это событие осталось незамеченным.

Тем самым начало было положено, но с инициативой закрытия церкви в государстве «диктатуры пролетариата» должны были выступить рабочие. В этот период самой многочисленной группой армян-рабочих города (1150 человек) являлись строители, преимущественно каменщики, состоявшие в Пятигорском отделении Союза строителей. Основная масса армян-старожилов относилась к интеллигенции, служащим, кустарям, торговцам и проживала в центральной части города, а прибывшие в период I мировой войны и в последующие годы беженцы из Нагорного Карабаха, Западной Армении, работавшие строителями, разнорабочими, мелкими торговцами зеленью, батрачившие в окрестных садах и огородах, населяли городские окраины: район горы Пост и Белой Ромашки.

Анонимный «голос пролетариата» за подписью 42 рабочих (без фамилий) в форме обращения прозвучал 10 января в газете «Терек». В «обращении» говорилось: «Мы, рабочие-строители армяне и наши семьи, считаем совершенно недопустимым такое положение, что для культурного обслуживания армян в г. Пятигорске нет помещения. В то же время есть хорошее здание, построенное на наши трудовые копейки для одурманивания темных армянских масс, армянская церковь, служившая интересам врагов народа. В данное время эта церковь посещается только девятью старушками. Мы все, как один, заявляем, что армянская церковь должна быть передана под клуб армян. И мы, рабочие-строители, первые берем на себя обязательство привести ее в порядок для клуба, очага культуры» [10].

Реальные авторы этой статьи поленились познакомиться с историей строительства описываемого армянского храма. Выше отмечалось, что добровольные пожертвования на его строительство и содержание в свое время поступали и от экономически скромных членов общины, однако большая часть средств выделялась известными меценатами. К тому же мнимые заявители в своей массе поселились в Пятигорске после строительства храма и приходского училища, в котором дети бедных армян не оплачивали учебу. А еще действовавшие национальные благотворительные организации оказывали нуждающимся членам общины посильную помощь.

К середине января благодаря административному давлению число подписей в пользу закрытия храма составило 362 [12].

Не желая того, газета «Терек» в ряде своих публикаций вынуждена была признать беспрецедентное сопротивление, оказанное частью армянской общины намерению властей закрыть церковь. В ней сообщалось, что активные члены прихода (в газетном лексиконе: «торговцы», «кулаки», «нэпманы», «бывшие дашнаки») «посещают дома бедноты и убеждают постоять за церковь» [13]. Для их нейтрализации власти инспирировали противоречия внутри национальной общины. Подогреваемое противостояние переводилось в плоскость классовой борьбы. Не случайно, серия статей публиковалась под заголовком «Классовая борьба в армянских кварталах».

На враждебной стороне этого противостояния были определены в основном армяне-старожилы, в большинстве проживавшие в старой центральной части города, преимущественно в хороших домах (немаловажное обстоятельство в условиях проводившегося после установления советской власти масштабного «уплотнения» жилья в окружном центре). Эту часть общины и определили в качестве силы, выступавшей за сохранение церкви. Хотя ничего удивительного в том, что образованная часть общины, осведомленная о роли ААЦ в истории народа, особенно в диаспоре, отстаивала необходимость сохранения важного очага национальной культуры и идентичности. Еще живы были многие члены общины, принимавшие активное участие в мирных акциях протеста против проводившейся дискриминационной политики в отношении ААЦ, инициированной кавказским наместником князем Г.С. Голицыным.

Газета информировала, что в редакцию «Терека» уже поступило несколько листов с 362 подписями армян, требующих закрытия церкви и передачи здания церкви под армянский клуб. «Борьба развернулась в армянских кварталах, в армянских хатах, молодежь пошла в поход против религиозного дурмана» [12]. В 1892г., сообщал автор Л. Гай, «когда бесчинствовала холера, нашлись люди, которые, воспользовавшись этим, и предложили построить

церковь. “Кто даст 3 рубля на постройку церкви, тот спасется, кто даст 5 рублей, того холера вовсе не возьмет”. И при помощи атамана обобрали бедноту, построили церковь. А так как армянская нищета, населяющая Белую Ромашку и гору Пост, и раньше была ленивой молиться, армянскую церковь строили в центральных кварталах Пятигорска – для вышедших в люди армян, для купцов и содержателей притонов» [12]. Заметим, что под притонами автор называл престижные гостиницы и доходные дома, являвшиеся визитной карточкой Пятигорска. В них комфортно расположились советские и партийные организации Терского округа и окружного центра, а в просторных квартирах – представители новой правящей элиты.

Далее автор статьи писал: «Сейчас, в Союзе строителей, в кварталах Белой Ромашки и горы Пост идет борьба за памятник ленинским детям – за клуб и школу, борьба за новую жизнь. Первые начали борьбу рабочие строители. В Пятигорском отделении Союза строителей – 1150 армян. <…> Фактически армянская церковь никому не нужна, ее посещают лишь несколько старух, но враги народа, враги революции хотят и здесь нажить политический капиталец. Армянский поп выступает на массовом собрании, конечно, за закрытие армянской церкви, но как выступает? Довольно хитро». Он уверяет: «Бывшие торговцы пробрались в ряды коммунистической партии. Они боятся предстоящей чистки в партии, они хотят закрепить свое положение в партии и вот они требуют закрытия армянской церкви. А кулаки и нэпманы, явные и тайные враги рабочих и крестьян бродят по армянским квартирам, ведут антисоветскую пропаганду, призывают постоять за церковь. На массовых собраниях такие “защитники” Дома Божьего просто стараются не слушать, а заглушить шумом слова выступающих рабочих. Так в армянских кварталах Пятигорска развертывается классовая борьба. Мы уверены, что Союз строителей, где более тысячи армян, целиком присоединится к требованию “362-х” о закрытии армянской церкви. Мы уверены, что армянская беднота пойдет за своими же братьями, рабочими-строителями» [12]. Статья завершалась словами: «Сотни лет армяне жили в нищете, культурно отсталыми. Пора армянам иметь свой клуб, пора закрыть церковь – орудие угнетения массы, символ рабства и невежества» [12].

Решительное сопротивление армянской общины оказалось неожиданным. Поэтому для применения жестких административных мер власти решили на противников закрытия церкви прикрепить ярлык кулаков, «дашнаков» и прочих врагов народа и советской власти, что позволило бы применить в их отношении репрессии.

Ярким примером такой линии стал материал в окружной газете под названием «Классовая борьба в армянских кварталах. Контратака дашнаков». Данный материал подписан якобы от имени «рабочих армян».

В начале этой статьи говорится, что в Пятигорске у армян имеется школа-семилетка с 350 учащимися, детский сад, пункт по ликвидации неграмотности и школа малограмотных. Однако, сообщается в материале, «труднее обстоит дело в Пятигорске с клубным обслуживанием масс, т.к. квартирный кризис у нас велик. Поэтому из среды трудящихся начали раздаваться голоса <…>, что пора армянскую церковь передать под клуб. Рабочие строители первые подняли вопрос о закрытии церкви. На 62-м избирательном участке по отчету горсовета в резолюцию включен пункт об отводе церкви армян под клуб» [13]. И далее: «Тут-то и начинается вой со стороны “бывших людей”, начинается игра на национальных чувствах. “Ведь церковь, – говорят враги народа, – оплот и проводник национальной культуры”. Особенно взволновалась “торговая публика” и бывшие шефы дашнаков, которые в 1918 году хотели послать в помощь деникинскому правительству местных рабочих. Тогда армянские рабочие не пошли защищать деникинцев, а сказали и своей и русской буржуазии: “Извольте сами отправиться с благословления церкви проливать кровь за буржуазную Армению”. Сейчас у этих господ заговорило дашнакское национальное чувство, ведь в прошлом церковь благословляла дашнаков на расправу с трудящимися других национальностей» [13].

Под «трудящимися других национальностей» автор подразумевал османских головорезов, осуществлявших геноцид армянского народа, тысячелетиями проживавшего на родной земле. Церковь действительно благословляла национальные добровольческие формирования в минувшую Первую мировую войну, отправившиеся в составе российской армии на защиту родины и сохранившихся остатков народа. И хотя Кемаль Ататюрк в рассматриваемое время, ранее получив от Советской России территориальные приращения за счет Армении и индульгенцию за совершенные преступления, уже забыл о своих обещаниях поднять мусульманский Восток на мировую революцию и стремительно поворачивался лицом к Западу, по инерции кемалистская Турция большевиками рассматривалась как важный оплот трудящихся Востока в их борьбе с империализмом. Эти «трудящиеся» в облике башибузуков завершали геноцид, учиненный султаном Абдул-Гамидом и партией младотурок. По мнению авторов материала, подписанного от имени «рабочих армян», следовало и дальше приносить судьбу народа в жертву ненасытным турецким и родственным им закавказским «трудящимся».

Анонимные авторы опровергали «слухи» о намерении превратить церковь, национализированные здания приходского училища и другие сооружения общины в медицинское учреждение. Это допущение было сделано не случайно. В них действительно разместили городскую поликлинику. Также утверждалось, что «враги советской культуры» распускают слухи, что «с уничтожением церкви будет уничтожен и армянский язык». Однако любой армянин в тот период мог бы засвидетельствовать, что прежде в армянской приходской школе обучалось большинство детей общины.

Действительно, в первые советские десятилетия в городе функционировала армянская школа-семилетка, причем не в просторном национализированном здании армянского приходского училища, где и ныне размещается станция переливания крови. Однако впоследствии все армянские школы на Северном Кавказе (не менее 300) были ликвидированы, и родной язык постепенно был вытеснен из обихода армян.

Разбираемый газетный материал завершался словами: «Трудящимся армянам ясно, что церковь в руках кулаков и нэпманов, бывших дашнаков – орудие классовой борьбы... Трудящиеся за ними не пойдут. Армянская церковь должна быть передана под армянский клуб – очаг культурного социалистического строительства» [13].

Действительно, посещаемость церкви после установления советской власти резко упала. Многие пятигорчане в атеистический период опасались посещать церковь, тем более открыто выступать за ее сохранение из опасения потерять работу или имущество. Безвозмездное изъятие жилищ или переселение собственников жилья взамен изъятых домов в непригодные для жилья помещения осуществлялись на протяжении 1920–1930-х гг. и являлись самым «невинным» наказанием для «классово чуждых элементов», еще недавно вносивших достойный вклад в процветание города.

Другие же горожане разделяли точку зрения о том, что вполне приемлемо взамен церкви организовать национальный культурный очаг в форме армянского клуба, где будут действовать кружки художественной самодеятельности, студии, национальный театр (он был в Пятигорске), проводиться концерты, лекции известных ученых, собрания общины. Такие мероприятия в досоветский период и в первые советские годы регулярно проводились в ограде церкви или в актовом зале приходского училища. Обещание создать вместо церкви национальный клуб стало важным аргументом, позволившим склонить чашу весов в пользу прекращения борьбы за сохранение церкви. Хотя сопротивление общины не позволило в тот период разрушить здание церкви.

Весной 1929г. информации в СМИ о сопротивлении закрытию церкви мы

не находим. Однако в отношении наиболее активных участников борьбы за сохранение церкви проводились репрессии. Так, например, официальный орган окружкома ВКП(б) и окрисполкома осенью 1929г. сообщал, что священник Нуриджанян предан суду, который состоится 30 октября [13]. Еще раньше, в июльском номере приводился список лиц «вычищенных» (так в информации) без права службы в государственных органах и кооперативах, но с правом посылки на физические работы. В их числе называются фамилии: С.З. Залиев, Г.С. Ягубов, А.Г. Азаров, М.А. Делянов, Т.Д. Сафаров, Я.Н. Мамулов, А.А. Хачумов, Е.Н. Оганов, Н.М. Чарахчиев [14].

10 июля этого же года президиум Пятигорского горсовета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, принял постановление «О выселении лиц нетрудовых категорий и бывших домовладельцев из национализированных домовладений». В соответствии с ним из престижных домовладений в центральной части города выселялись А.П. Караманьянц, А.Х. Саркисов, А.Н. Рокотян, А.М. Асламазов, А.С. Амиров, М.Г. Мамаджанов, А. Гукасова (из дома на Провале, занимаемого под санаторий Цустраха им. Калинина), Х.Д. Нерсесянц, Н.И. Бабаев, М.М. Мартиросов, А.А. Тертерьянц. Кроме выселенных домовладельцев, подлежали переселению: М.А. Костандов, В.И. Зипалова, Н.М. Дурасанов, А.П. Авакова, С.А. Мануков [12; 13]. И это далеко не первая и не последняя акция по изъятию престижного жилья в центре города. Указанные в списке адреса свидетельствуют об этом.

За что боролись, на то и напоролись! Нам не известно точно собиралось ли руководство города изначально использовать здание армянской церкви под национальный клуб, или оно преследовало только цель спровоцировать внутриобщинное (межклассовое являлось ширмой) противостояние с последующим разрушением храма, а может, использовать помещение для иных целей.

На величественное здание армянской церкви, находившееся в самом центре города, на перекрестке главного городского Советского проспекта (пр. Кирова) и улицы Крайнего, уже давно с вожделением взирали городские учреждения. В начале 30-х гг. было принято решение о предоставлении здания Музею революции, но о национальном клубе в нем точно уже никто не вспоминал.

Таким образом, результатом инспирированной внутриобщинной борьбы за судьбу армянской церкви стало следующее. Многие из защитников церкви, записанных в «классовые враги», лишились не только национального духовного центра, но и своего жилья, а некоторые – и жизни. Занимавшие противоположную позицию «трудящиеся» армяне, выступавшие за переоборудование церкви в национальное культурно-просветительное заведение, лишившись

очага веры, принятой их предками в первые века нашей эры, не получили обещанный центр новой национальной культуры. В освященных стенах закрытой армянской церкви теперь клеймилась вера предков, называемая «орудием угнетения массы, символом рабства и невежества». Вместо святых ликов Христа, Богородицы, апостолов, Григория Просветителя, Св. Саргиса, Вардана Мамиконяна… со стен храма взирали лица новоиспеченных «пророков» – вождей мировой революции.

Дальнейшая история храма Сурб Таргманчац полна трагического драматизма. Было время, когда в нем даже возобновилась служба. Однако в период хрущевской оттепели церковь варварски разрушили, а на ее месте возвели здание института «Промстройпроект». Асфальтом покрыли могилу священника Абраама Шхинянца.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акопян В.З.* История прихода Армянской Апостольской церкви города Пятигорска. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 176с.
2. *Акопян В.З.* Государственная конфессиональная политика в отношении Армянской апостольской церкви на Юге России в 1917–1941гг. Пятигорск: ПГУ, 2017. 160с.
3. *Акопян В.З.* Армянская епархия на Северном Кавказе и ее приходы (1717–1917) // «Христианство на Ближнем Востоке», 2023. Т. 7. № 2. СС. 119–183.
4. *Асатрян А.* Шуши в 1902 году. Ер., 2022.
5. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.Р–1078. Оп.1. Д. 4. Л. 27.
6. ГАСК. Ф.Р-1078. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.
7. Народное Эхо. 1917. 13 авг. № 176.
8. Российская и Ново-Нахичеванская епархия Армянской апостольской церкви: исторический путь. Справочник / [редкол.: Вирабян А.С., Мирзоян С.С. и др.]. М.: [б. и.], 2013. 479с.
9. *Степанянц С.М.* Армянская церковь в годы сталинской диктатуры. Ер.: «Аполлон», 1994. На арм. яз. *Ստեփանյանց Ս.* Հայ առաքելական եկեղեցին ստալինյան բռնապետության օրոք, Եր., 1994).
10. Терек. 1929. 10 янв.
11. Терек. 1929. 12 янв.
12. Терек. 1929. 20 янв.
13. Терек. 1929. 22 янв.
14. Терек. 1929. 10 июля.
15. Терек. 1929. 20 июля.
16. Терек. 1929. 22 июля.
17. Терек. 1929. 22 окт.

INITIATION BY THE AUTHORITIES OF AN INTRA-COMMUNITY CONFRONTATIONS OVER THE CLOSURE OF THE CHURCH SURB TARGMANCHATS OF THE CITY OF PYATIGORSK (1929)

V. Akopyan, Z. Akopyan, Yu.Grankin
Pyatigorsk State University

ABSTRACT

The article examines the intra-communal confrontation initiated by the authorities of the Tersk district and the city of Pyatigorsk, which was the district center in the 1920s, on the closure of the Armenian Church of St. Targmanchats in 1929. The authors show that the authorities created a situation in which the initiative to close the church did not come from them, but from the Armenian workers. The deliberate distortion of the role of the Armenian Apostolic Church (AAC) in the history of the Armenian people in newspaper publications of that time is revealed. Then the Armenian community was promised to place a national club in the temple building, which, along with repression, weakened the resistance of opponents of the closure of the temple. Repressive actions against the defenders of the church made it possible, without fear of resistance from them, to abandon the promised creation of a national club, and to place a Museum of the Revolution in the converted church.
Keywords: Armenian Apostolic Church, Terek district, national community, church parish, repression.

Церковь Сурб Таргманчац и здание института «Промстройпроекта» на месте церкви (угол пр. Кирова и ул. Крайнего).

Бывшее здание армянского училища.

Церковь Сурб Саргис г.Пятигорска (2024).

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-230-237

ИСТОРИЯ ОЛЬГИНСКОЙ ГИМНАЗИИ АЛЕКСАНДРОПОЛЯ ПО ДОКУМЕНТАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА АРМЕНИИ

Л.А. Асоян

[1]Российско-Армянский (Славянский) университет
[2]Ширакский государственный университет им. М. Налбандяна
lilitasoyan@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

Нами была проведена работа по восстановлению истории формирования, становления и развития одного из старейших учебных заведений Закавказья – Александропольской Ольгинской женской гимназии, которая сыграла определенную роль в развитии местного женского образования.

Ключевые слова: женское образование, гимназия, Александрополь, Эриванская губерния, учебное заведение.

Введение

К образованию в Армении относились всегда трепетно: не случайно первый учитель Месроп Маштоц, воссоздавший армянскую письменность, причислен к лику святых, а главным сокровищем нации является алфавит, отлитый из золота. Традиции образования передавались из поколения в поколение, несмотря на исторические перипетии и политическую нестабильность на протяжении веков. Сегодня, в условиях турбулентности и активно внедряемого искусственного интеллекта, вопросы традиционного образования актуализируются в новом ракурсе. Они приобретают особое значение на фоне восстановления исторической палитры города Гюмри (Александрополь) – культурной столицы Армении, где всегда функционировало множество больших и малых образовательных учреждений, включая первый армянский университет. Однако, несмотря на обилие разнородной литературы об историческом прошлом и культурной жизни города, вопросы истории становления, развития образовательных учреждений города и их роли в региональном масштабе, остаются открытыми, так же, как и вопрос о наличии образовательных учреждений до вхождения в состав Российской империи.

После присоединения к Российской империи образование в Армении вышло на качественно новый уровень. Этому способствовали обмирщение образования, открывшиеся уездные учебные заведения разного уровня, а также возможность преподавания на местных языках. В результате проведенных ме-

роприятий по расширению сети гражданского образования уже в 1845г. в Закавказье насчитывалось 3293 учащихся в государственных и малочисленных частных учебных заведениях, среди которых преобладали армяне и русские. В 1855г. уездные училища были открыты в Ереване, Александрополе, Нахичевани, Елизаветполе и других городах края, а губернские гимназии – в Тифлисе и Кутаиси. Одной из таких гимназий была Ольгинская гимназия Александрополя – одно из старейших учебных заведений Закавказья, которая внесла определенный вклад в дело развития женского образования, здание которой чудом сохранилось и продолжает функционировать в качестве образовательного учреждения по сей день. Однако составленной полноценной истории ее функционирования нет, и мы задались целью восполнить этот пробел в истории города Гюмри: на основании архивных документов, сохранившихся в Национальном архиве Армении (фонд 545. Канцелярия попечителя Кавказского учебного округа и ф. 105. Александропольская городская управа), изучив отчеты Кавказского учебного округа [12,] [13], материалы Кавказского календаря [11] и другие связанные с темой источники, восстановить и изложить историю формирования и становления Александропольской женской гимназии.

Материал и методы

История Александропольской женской Ольгинской гимназии берет начало со следующего исторического факта – предложения городского общества.

3 мая 1875г. Александропольское городское общество заявило Эриванскому губернатору Кармалину Николаю Николаевичу (Эриванский губернатор с 8 мая 1869г. до 14 июня 1873г.) просьбу об учреждении в Александропольской женской прогимназии, так как «город находится в таких благоприятных условиях, которые постоянно влияют на увеличение в нем народонаселения и ставит его в ряду лучших уездных городов края» [1, л.1].

В марте 1877г. выборные от общества г. Александрополя избрали Попечительский совет для предполагаемой к открытию в Александрополе женской прогимназии. Еще через год попечитель Кавказского округа Неверов Январий Михайлович (1864–1879гг.), будучи в должности управляющего Кавказским учебным округом, выступил с предложением Ереванскому губернатору оказать необходимое содействие как в выборе членов совета из своей среды председателя на три года, так и в открытии советов с началом будущего академического года [1, л.7].

Однако открытие Александропольской женской прогимназии, как следует из рапорта директора народных училищ, было отложено до сентября

1879г. «вследствие военных обстоятельств и эпидемического тифа, свирепствовавшего в городе до начала текущего года». Этим временем избранное городским обществом попечительство предполагало воспользоваться, чтобы приспособить к учебному заведению нанятый еще в апреле месяце дом и построить классную мебель [1, л.9].

Одновременно обсуждался вопрос о выборе начальницы для столь престижного учебного заведения. Рассматривались две кандидатуры: вдова полковника Грюнер, которую порекомендовал уездный начальник г-н Невтонов по отзыву начальницы Харьковского девичьего института, и Марья Александровна Водопьянова – по рекомендации Эриванского губернатора генерал-лейтенанта Михаила Ивановича Рославлева (губернатор Еревана 30.06.1873 – 11.03.1880). После ознакомления с личными делами обеих дам выбор остановился на кандидатуре Марьи Водопьяновой, которая в отличие от госпожи Грюнер (простой классной дамы), имела внушительный опыт работы: занимала прежде должность помощницы начальницы Владикавказской Ольгинской женской гимназии.

Торжественное открытие Александропольской женской прогимназии состоялось 8 ноября 1879г. в день тезоименитства Его императорского величества Великого князя Наместника Кавказского Михаила Николаевича [1, л.14].

В 1885г. председателем совета гимназии был Константин Андреевич Никитин, члены – начальница Марья Андреевна Водопьянова (она же учительница рукоделия и чистописания), законоучитель православного исповедания благочестивый священник Полиевкт Степан Лебедев, Законоучитель армяно-грегорианского исповедания и учитель армянского языка священник Месроп Геонджянц и др. [11, с. 97], [12].

Учебный процесс в прогимназии был организован в соответствии с принятыми в то время стандартами, включая учебники, рекомендованные Министерством просвещения; среди предметов – армянский язык, русский язык, арифметика, закон Божий обоих исповеданий, чистописание, а также рукоделие и пение. В качестве учебной литературы Педагогический совет выбрал следующие учебные руководства: по закону Божию православного исповедания – «Молитвенник» с объяснением Соколова, по русскому языку – «Родное слово», по арифметике – задачники Захарова и Евтушенского, по закону Божию армяно-григорианского исповедания – «Молитвенник» Тер-Акопова и руководство к преподаванию Ветхого и Нового Завета священника Манденянца, по армянскому языку для младших отроков – «Родное слово» Агоянца, а для старших отроков – «Родное слово» Тер-Гевондова.

Экзамены проводились в мае с одобрения городской Управы, о чем свидетельствует письмо из Кавказского учебного округа, хранящееся вместе со всеми остальными документами в национальном архиве Армении. Так, например, в 1905 году экзамены были проведены в следующие дни:

16 мая – закон божий,

17 мая – русский язык,

18 мая – армянский язык,

20 мая – арифметика [2].

В гимназии обучались как на платной, так и бесплатной основе. Причем, плата составляла 6 рублей в месяц, однако не все могли позволить себе такую роскошь и потому, за неимением средств, часто писали просьбы об отсрочке или освобождении от платы за хорошую успеваемость [3].

Содержание гимназии было достаточно дорогим: к примеру, 420 р. в год составляла зарплата классных надзирательниц, 900 р. – православного законоучителя, 200 р. в год – помощницы начальницы с предоставлением квартиры с отоплением и освещением, 400 р. писцу – и это лишь малая часть расходов [4]. И не случайно, в одном из своих докладов Александропольский городской голова Гегам Маркарович Тер-Петросян говорил, что городская смета по сравнению с другими городами края по проценту, выделяемому на дело народного образования, является исключительно расточительной, так как: «…мы на это расходуем 20% общей суммы городских доходов, тогда как такие города, как Петербург и Тифлис не тратят и 13%» [1].

Контроль над учебным процессом осуществляли – дирекция народных училищ и Кавказский учебный округ, которым иногда приходилось разбирать и внутренние вопросы. Некоторые из них для работников сферы образования актуальны и сейчас. Так, например, в апреле 1882г. между председателем педагогического совета и начальницей прогимназии возникли недоразумения и пререкания из-за отметки «4», выставленной по русскому языку ученице 1-го класса Екатерине Лебедевой. Председатель педсовета счел оценку заниженной. В результате, в ответ на обращение начальницы, попечитель Кавказского учебного округа был вынужден вмешаться и направил письмо председателю педсовета, отметив, что «сама начальница не имеет права отменять отметок, хотя бы неправильно выставленных, и посоветовав ей на будущее время не повторять пререканий, так как таковые могут принести вред учебно-воспитательному делу» [5].

В 1885г. Александрополь посетила Великая княгиня Ольга Федоровна с августейшим супругом – с наместником Кавказским Михаилом Николаевичем (младший сын императора Николая I). В ознаменование этого события «равно в

признательность за постоянные попечения Ее высочества о женском образовании, «выразившееся между прочим в принятии на себя звания Покровительницы открытой в Александрополе именем ее величества женской прогимназии», мирскими приговорами, состоявшимися 21 апреля 1885г. и 13 июля 1899г. общество города Александрополя постановило: содержать постоянно в местной прогимназии на счет городского общества одну стипендиатку имени ее высочества, для чего взносить по общественной раскладке ежегодно 70 р.

26 октября 1897г. Министром Просвещения графом И.Д. Деляновым было утверждено «Положение о стипендии в память в Бозе почившей Великой княгини Ольги Федоровны при Александропольской Ольгинской женской прогимназии» из 7 пунктов, из которых мы выделили некоторые.

«П.3. Стипендиатка избирается из числа беднейших и отличнейших по успехам и поведению ученицы прогимназии по усмотрению педсовета оной.

П.4. Если же стипендиантка не перейдет в высший класс по болезни или по другим уважительным причинам, то за нею стипендия сохраняется.

П.7. В случае преобразования Александропольской женской прогимназии в какое-либо другое учебное заведение стипендия передается в последние на тех же условиях» [6].

В 1905г. Ольгинская женская прогимназия на основании ходатайства Александропольской городской думы была преобразована в 7-классную гимназию с постепенным открытием дальнейших классов, с содержанием на средства платных учениц и на пособие, отпускаемое ежегодно городом в размере 2000р. В том же году вновь встал вопрос о постройке собственного здания гимназии, так как она располагалась в частном доме Георгия Аврамова за 1300р. в год (в 1908 году она составила уже 2600р.) и эти помещения были признаны крайне неудовлетворительными: «Педсовет протокольным своим постановлением от 20, 26 февраля и 3 марта 1895 года № 10 указал администрации города все существенные недостатки настоящего школьного помещения и предложил городу меры к устранению их…». По этому поводу Председатель попечительного совета гимназии И.О. Тигранов встречался лично с попечителем Кавказского учебного округа, который, по словам Тигранова, «отнесся весьма сочувственно к доложенному и выразил полную со своей стороны готовность содействовать удовлетворению ходатайства попечительского совета» [8].

В 1910г. Министерство народного просвещения, а также министр финансов и госконтроля после долгих совещаний с соблюдением всех необходимых процедур согласований, одобрили ходатайство Кавказского наместника об от-

пуске из казначейства беспроцентной ссуды в размере 50 тыс. рублей на постройку здания Александропольской женской гимназии. Для этих целей был отведен участок в квартале № 2 мерою в 456,28 кв. саженей на Эриванской улице. Однако, вскоре после того, как город оставил за собой участок земли в квартале № 34 в 1015 кв. саженей, выбор остановился на этом участке возле католической церкви, как на месте, имеющем «абсолютно все гигиенические удобства» для постройки такого грандиозного здания, о чем положительно высказались городской архитектор Цитохциев, врач гимназии Тер-Сааков, член совета Тер-Мартиросов и председатель Попечительного совета Тигранов.

«Здание гимназии предполагалось строить из местного черного вулканического туфа, камня очень легкого, мягкого и твердеющего на воздухе. Фундамент и цоколь должны быть из дикого камня (базальта или порфира). По цоколю должен быть асфальтовый прослоек. Все полы и потолки будут из железных балок с бетонным заполнением или же с заполнением из плит из того же туфа с заливкой швов цементным раствором. Так как в Александрополе зима суровая, то все оконные перелеты должны быть двойные. Отопление в здании паровое, низкого давления с механической вентиляцией или с доступом свежего воздуха из-под подоконников и с побудительной вытяжкой испорченного воздуха» [1].

В 1909г. строительный комитет Министерства народного просвещения одобрил эскизный проект, а 14 сентября 1911г. Александропольский городской голова сообщал Попечителю кавказского округа: «Имею честь сообщить Вашему превосходительству, что планировка участка, отведенного под постройку здания для Александропольской женской гимназии уже произведена, поставка камня туфового, штучного рванного фундаментной твердой породы, песку и местных материалов сдана с подряда и материалы эти доставляются усиленно. Сдана также с подряда выемка земли под зданием, к каковой работе будет приступлено на днях и вообще педсоветом принимаются энергичные меры к успешному ходу строительных работ, дабы с открытием весны не встретилось никаких препятствий к закладке фундамента здания и к дальнейшей работе» [8]. Строительные материалы были закуплены в «Магазине – складе полковых разных материалов, медных стальных, железных, чугунных, скобяных товаров, разных сортов красок и канцелярских принадлежностей и местных материалов разных пород» известного александропольского купца Агаджана Амбарцумовича Юзбашева на Михайловской улице [7].

Как и планировалось, 29 мая 1912г. состоялось торжественное мероприятие по закладке фундамента, на которое был приглашен также попечитель

Кавказского учебного округа, так как он лично свои ходатайствовал для выдачи ссуды на постройку здания, о чем свидетельствует письмо барона Э.Ю. Нольде, заменявшего Кавказского наместника по делам, вносимым на рассмотрение министерств и главных управлений, Попечителю Кавказского учебного округа Рудольфу Н.Ф. [8]. Постройка здания была завершена в 1913г.

Она стала одним из престижных местных учебных заведений, в котором изъявляли желание получить образование и работать многие. Выпускницы этого заведения успешно продолжали учебу в высших учебных заведениях, а также работали в сельских школах учительницами. В письме в кавказский учебный округ от 25 января 1912г. Педсовет Александропольской Ольгинской женской гимназии отмечал: «Окончившие нашу гимназию девицы успешно продолжают учение в высших учебных заведениях и в 8 классах других гимназий, а также окончившие курсы нашей гимназии, которые поступили учительницами в сельские школы, по имеющимся сведениям, успешно исполняют свои учительские обязанности» [9, л.124]. Одна из выпускниц – Олимпиада Багдасаровна Андриасова, продолжила учебу в Закавказском девичьем институте и с 1885г. поступила на работу учительницей, а в дальнейшем стала директором родной гимназии [10].

Ольгинская гимназия продолжила свою работу и в судьбоносные дни становления Первой республики. Несмотря на тяжелое социально-экономическое положение и войну в 1917–1918 учебном году в кассу гимназии поступило 63360 руб., а в 1918–1919 учебном году – 34250 руб., большая часть этих денег была выдана учителям в качестве зарплаты. Причем снижение доходов гимназии было обусловлено отъездом многих учеников других национальностей (грузин, евреев, русских) из-за смены политической ситуации и турецкой интервенции.

Учителя Александропольской Ольгинской женской гимназии – это особая прослойка, которая славилась своей высокой квалификацией и пользовалась большим уважением. Они в особом порядке приглашались на городские торжественные мероприятия и даже получали бесплатные билеты на посещение Большого крепостного сада. При поступлении на должность будущие преподаватели не только имели документы о соответствующем уровне образования, но и периодически ездили на курсы повышения квалификации. Многие из них были выпускницами престижных учебных заведений Москвы, Петербурга (Петрограда), Тифлиса [10]: преподаватель словесности и русского языка Гладкова Вера Николаевна окончила Петроградские высшие курсы по истории, преподаватель математики и физики Акопян Александр Аркадьевич –

Петроградский политехникум по механическому отделению, преподаватель истории и географии Мадакян Вартуи Арамовна – Московские высшие курсы физико-математического факультета по естественным наукам, преподаватель французского языка Рафаэлова Ольга Богдановна – Закавказский девичий институт и др. [10].

В Национальном архиве Армении бережно хранятся папки с личными делами учителей Ольгинской женской гимназии Амировой, Асланова, Басовой, Бунятовой, Гульбинской, Гусенко, Успенской, Евангуловой, Ждановой и других, которые когда-то жили, работали и обучали девиц Александрополя, бережно храня и передавая преемникам глубокие традиции образования [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Армении, ф.545, оп.1, д. 38, лл.1, 7, 9, 14.
2. Национальный архив Армении, ф.545, оп.1,д.1076 л.16.
3. Национальный архив Армении, ф.545, оп.1,ф.545 оп.1, д.1076 л.68–69.
4. Национальный архив Армении, ф.545, оп.1,ф.545, оп.1, д.1673, л.1.
5. Национальный архив Армении, ф.545, оп.1,ф.545, д.60, л.3.
6. Национальный архив Армении, ф.105, оп.1, д.341, л 10.
7. Национальный архив Армении ,ф.105, оп.1, д.1076, л.120
8. Национальный архив Армении, ф.545, оп.1, д.158, л.58, лл.118–119.
9. Национальный архив Армении, ф.545, оп.2, дд.1, 2, 16, 26, 42, 60, 95, 96, 99, 109, 113, 118, 121, 180, 214, 221, 225, 257.
10. Национальный архив Армении, ф 105, оп. 1, д. 2808.
11. Кавказский календарь на 1885г., Тифлис, 1886.
12. Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1887 год. Тип. Канцелярии главнонач. Гражд. частью на Кавказе. Тифлис, 1887.
13. Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1894 год. Тип. Канцелярии главнонач. Гражд. частью на Кавказе. Тифлис, 1894.

HISTORY OF THE OLGIN GYMNASIUM OF ALEXANDROPOL BASED ON THE DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVE OF ARMENIA

L. Asoyan
[1]Russian-Armenian University
[2]Shirak State University named after M. Nalbandyan

ABSTRACT

We conducted a study to reconstruct the history of the formation, establishment, and development of one of the oldest educational institutions in the Caucasus – the Alexandropol Olgin Women's Gymnasium, which played a significant role in the development of local women's education.
Keywords: women's education, gymnasium, Alexandropol, Yerevan Governorate, educational institution.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-238-242

АРМЯНСКИЕ ОБЩИНЫ В СТРАНАХ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА: ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ, СТАНОВЛЕНИЯ И УГАСАНИЯ

О.Х. Бардакчян

Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт международных отношений и общественно-политических наук
hovobard@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья затрагивает историю появления армянских общин в странах, омываемых Индийским океаном. В ней описаны причины появления армянских общин, их внутреннее устройство, а также история взаимодействия с локальными сообществами и государственными образованиями.

Ключевые слова: армяне, торговля, Юго-Восточная Азия, Индия, Бирма.

История экономического взаимодействия между Востоком и Западом знает множество примеров торгового и культурного обмена. В течение веков торговля между Европой и Азией была хоть и опасным, но крайне прибыльным способом заработка, привлекавшим множество предприимчивых торговцев из самых разных стран. Несмотря на войны, эпидемии и стихийные бедствия, торговля экзотическими товарами из Восточной и Юго-Восточной Азии продолжала оставаться важным способом межкультурной коммуникации, дипломатического обмена и способа заработка.

После разорительных походов Тамерлана и Великих Географических Открытий, когда сухопутная торговля по Великому Шелковому Пути начала уступать свое место морским путям через Южно-Китайское море и Малаккский пролив, множество торговцев также начало оперировать именно в Индийском Океане, создавая там свои торговые посты и колонии. В Индийский океан ринулись португальские и испанские мореплаватели. Позже к гонке за колониями подключились Нидерланды, Англия и Франция. Индийский океан и Юго-Восточная Азия превратились в арену противоборства между набирающими силу европейскими колониальными державами.

Особняком среди всех задействованных в данном деле торговцев стоят армянские купцы. Нельзя сказать, что до этого данный регион не был интересен армянским купцам. Например, первое упоминание об армянских купцах в

Бирме датируется 1541 годом [4]. Однако именно семнадцатый век стал началом наибольшего размаха в деятельности армянского диаспорального купечества, распространившего свое влияние от Персии до современной Индонезии.

Массовому появлению на берегах Индийского океана купцов-армян, как и многим иным значительным событиям нашей с вами общей истории, предшествовала трагедия. В 1604–1605гг. по приказу персидского Шаха из династии Севефидов Аббаса I началась депортация оседлого, преимущественно армянского, населения Араратской долины, с целью воспрепятствования наступлению Армии Османской империи. В результате деятельности Шах Аббаса, на двести лет армяне превратились в национальное меньшинство в Восточной Армении, а уже существовавшая на тот момент глобальная армянская диаспора получила мощный приток свежей «крови» [1].

Кроме того, важным фактором, способствующим такому широкому распространению влияния армянского купечества, были особенности воспитания нового поколения. Дело в том, что среди армянских купеческих семей существовала следующая практика: сыновья снабжались определенным стартовым капиталом и отправлялись подальше от родительского дома с целью изучения как самого торгового дела, так и поиска новых рынков. В качестве воспитателей и наставников, которые должны были обучать и надзирать за ними, к таким молодым торговцам приставлялся либо кто-то из старших родственников, либо доверенное лицо семьи. Такая практика позволила армянским торговцам довольно быстро создать сетевую структуру, основанную на семейных связях [4].

С этой точки зрения, правильно было бы упомянуть о роли армянской общины Индии, одной из самых богатых и влиятельных центров армянской диаспоры 17–19вв. Индия для армянской торговали занимала место своеобразной метрополии. Именно выходцы из индийской диаспоры составляли основу армянского присутствия в странах Юго-Восточной Азии.

Влияние и возможности армянских торговцев, в свое время позволяли им конкурировать с Голландской и Английской Ост-индскими компаниями. Так, уже в 1626г. известный голландский предприниматель Франциско Пелзарт в своей книге “***Remonstrantie”*** так описал эпизод конкуренции с армянскими купцами за Агрский индиго, дорогой вид красителя, с уникальным оттенком синего:

«Они бегают и носятся, как голодные люди, делая вид, будто они готовы скупить все запасы, поднимая цены, немного теряя сами и нанося большой ущерб нам и другим покупателям, которым приходится покупать большие количества» [3].

То есть, если судить по данному отрывку, армянские купцы не чурались довольно специфических способов конкуренции.

Успех армянских купцов связывают также и с владением большим количеством языков. Иран в XVIIв. – страна, где говорили на разных языках, таких как фарси, турецкий, арабский и др. Живя в полилингвистической среде, армяне волей-неволей были вынуждены знать множество языков, что впоследствии дало им ценное преимущество над европейскими купцами, которые были вынуждены нанимать специальных переводчиков, «добхаши» (в переводе – лингвисты) [2].

Любопытным фактом так же является то, что армяне предпочитали улаживать свои взаимные споры в пределах собственной общины и в соответствии со своими обычаями, но в спорах с другими, естественно, применялись местные законы и правила. Споры между собой решались не по решению какого-либо одного человека, а на своего рода совете. Орган армянских представителей, известный как «джумиат» (араб. «джамиат»), решал споры. Важные сделки также проводились через этот орган [2].

Впрочем, армянские купцы частенько сталкивались с проблемой нехватки достаточного количества людей для составления «джумиата». Проблема решалась приглашением торговцев из других общин, чтобы набрать необходимое количество. Так, например, в споре с неким Ованнесом и его слугой, торгующими в Лхасе (Тибет), для урегулирования спора были также приглашены кашмирские торговцы [2].

Успешная конкуренция с колониальными компаниями дала возможность армянским купцам не только закрепиться в Индии, но и продолжить свою деятельность в Юго-Восточной Азии. Так, уже с XVI века зафиксированы случаи, когда армянские купцы торговали на Малаккском полуострове, Баатвии, Суматре и других «островах пряностей».

Так, например, Сингапурская община, несмотря на свою относительную малочисленность, очень активно участвовала в обустройстве и развитии города. Достаточно сказать, что освящение храма Святого Григория Просветителя в Сингапуре, первого христианского храма города, было настолько значимым событием, что в нем участвовали не только представители местной армянской общины, но и большое количество официальных лиц, чьи выступления в честь события были напечатаны в местной газете «Свободные новости Сингапура» [4].

На Филлипинах армянские купцы, начиная со второй половины семнадцатого века, заняли нишу торговых посредников между местными жителями и Британской Ост-Индской компанией, что в известной степени позволило англичанам избежать столкновений с испанцами, чьей колонией на тот момент и был этот

архипелаг. Кроме того, достоверно известно, что в Индонезии также существовала богатая и влиятельная армянская диаспора. Армянские купцы были замечены на островах Суматра и Бали, а на Яве проживали в нескольких городах. Более того, эта община существовала и в двадцатом веке [4].

Серьезным ударом по армянским купцам стало не только усиление Ост-Индских компаний, но и начавшаяся в Европе Семилетняя война. Так, один из армянских купцов в своих письмах сетовал на то, что корабли воюющих стран частенько захватывают и грабят суда под армянским торговым флагом. Примером этого была судьба корабля «Аршак», перевозившего денежный груз в 200 000 (2 лакха) рупий серебра, из которых 13 000 принадлежали самому владельцу корабля, Ага-Ованнесу-Акобу [4].

Важное место армянские купцы занимали на территории Бирмы. Если в других странах Юго-Восточной Азии армяне преимущественно действовали как независимые торговцы, время от времени создавая населенные колонии, то в Бирме армянским торговцам была уготована участь стать главными посредниками между европейцами и бирманцами. Армянские торговцы, пользовавшиеся доверием бирманских правителей, частенько занимали важные государственные должности, жестко отстаивая интересы как своих соотечественников, так и Бирманского двора. Так, армянин Ходжа-Григорий занимал должность шахбандара Рангуна, то есть, по сути, министра иностранных дел, и контролировал все контакты с иностранцами [4].

При изучении армянского присутствия в Бирме и иных государствах ЮВА, необходимо учитывать то, что существенная часть информации о них известна нам из отчетов британских торговцев и дипломатов, с которыми армянские купцы, особенно в XVIII–XIXвв. находились в перманентном конфликте интересов.

Так, английский дипломат Майкл Симс, дважды посещавший Рангун (в 1795 и 1802гг.), оставил ценные замечания о роли иностранцев вообще и армян в частности в Бирме. Однако в его заметках в больших количествах существуют замечания по поводу того, что своей деятельностью армяне Бирмы мешали продвижению британских интересов, из-за чего он часто переходит к личностным оценкам тех или иных армян, с которыми контактировал. Кроме того, интерес представляет также и то, что в середине XIXв. армяне Бирмы из всех европейских держав частенько поддерживали именно Российскую империю. О пророссийских взглядах местных армян пишет другой британский дипломат, Генри Юль, один из послов при дворе Бирманского короля [4].

Завоевание Бирмы в 1882г. положило конец армянскому политическому влиянию. К тому моменту армянская община в Бирме уже не имела той численности и возможностей, что и раньше, во многом повторив судьбу своих индийских соотечественников.

Девятнадцатый век в истории армянской диаспоры отметился упадком Индийской общины и, соответственно, угасанием армянского присутствия в Юго-Восточной Азии. Ко второй половине XIX-ого века, армянская община более не представляла собой серьезного конкурента для Ост-Индской компании и растеряла солидную часть своего политического и экономического влияния. Однако, выходцы из армянской общины по-прежнему вели активную торговлю в Юго-Восточной Азии, пускай и не в тех объемах, как раньше.

Таким образом, можно утверждать, что регионы Южной и Юго-Восточной Азии являются зонами традиционных интересов армянского народа. В ряде стран, таких как Мьянма, Индия, Сингапур и др. сохранились явственные следы армянского присутствия, что создает отличную почву для развития двухсторонних и многосторонних отношений уже в наше время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбаков Р.Б., Алаев Л.Б., Ашрафян К.З. и др.* История Востока. В 6-и т. М.: «Восточная литература», 2000. Т. 2: Восток в средние века. 716с.
2. *Hussian R. Ruquia H.* The armenians in India: trading together but separately. Proceedings of the Indian History Congress, vol. 72, 2011. PP. 400–07: http://www.jstor.org/stable/44146733.
3. *Moosvi S.* Armenians in Asian Trade 16th and 17th Centuries. Les Arméniens Dans Le Commerce Asiatique Au début De l'ère Moderne, édité par Sushil Chaudhury et Kéram Kévonian, Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2007. PP. 103–112: https://books.openedition.org/editionsmsh/11370.
4. *Sarkissian M.* Armenians in South-East Asia. Crossroads // "An Interdisciplinary Journal of Southeast Asian Studies", vol. 3, no. 2/3, 1987. PP. 1–33: http://www.jstor.org/stable/40860241.

ARMENIAN COMMUNITIES IN THE INDIAN OCEAN COUNTRIES: THE HISTORY OF THEIR APPEARANCE, FORMATION AND DECLINE

H. Bardakchyan
Russian-Armenian (Slavonic) University
Institute of International Relations and Sociopolitical Sciences

ABSTRACT

The article touches upon the history of the emergence of Armenian communities in the countries washed by the Indian Ocean. It describes the reasons for the emergence of Armenian communities, their internal structure, as well as the history of interaction with local communities and state entities.
Keywords: Armenians, trade, Southeast Asia, India, Burma.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-243-251

К ВОПРОСУ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕСТЕ КУРАКСКОГО ТРАКТАТА В РУССКО-ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЕ 1804–1813гг.

С. Дадаян

Институт Археологии и Этнографии НАН РА
Российско-Армянский (Славянский) университет
stepan_dadayan@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена военно-политической роли Куракского трактата (14.05.1805г.), который был заключен в ходе русско-персидской войны.

Наряду с военными операциями генерал П. Цицианов применил особый метод воздействия на противника, «словесное принуждение». Трактат не мог быть международным дипломатическим актом, как утверждают азербайджанские историки. Трактат и ход его подписания был придуман российским военным командованием, как метод одержать победу над Ибрагимом без ведения военных действий. Он имел военно-тактическую значимость, основываясь на особенностях характера Ибрагима, значимости Арцах-Карабаха (крепости Шуши) в ходе войны. Трактат вошел в историю как опыт российского военного искусства склонить противника к поражению. Арцах-Карабах стал частью Российской империи по Гюлистанскому договору (1813г.)

Ключевые слова: Россия, Персия, Арцах-Карабах, меликства, Цицианов, война, Шуши, крепость, трактат, словесное принуждение.

Русско-персидская война 1804–1813гг. и ее военно-политические итоги оставили особый след в армяно-российских отношениях. После присоединения Грузии к России (1801г.) для петербургского двора укрепление своих позиций в направлении Южного Кавказа приобрело стратегическую значимость. В этом были заинтересованы и мелики Арцах-Карабаха.

Цель работы – рассмотреть Куракский трактат, его место и роль в ходе русско-персидской войны (май, 1805), подписанный главнокомандующим русскими войсками на Кавказе генералом П. Цициановым и властвующим в Шуши представителем тюркского племени «джеваншир» Ибрагимом, так называемым, «ханом». Трактат узаконил сдачу крепости Шуши П. Цицианову без ведения военных действий, через «словесное принуждение». Речь идет о трех письмах П. Цицианова в адрес Ибрагима, которые вынудили его пойти на поклон к П. Цицианову и подписать трактат на условиях русского генерала.

В настоящее время историки Азербайджана считают данный трактат бесценным явлением, как факт признания Карабаха в 1805г. в статусе международного субъекта, как независимое тюркское государство, предшественник современного Азербайджана, поскольку под ним стоит подпись этнического тюрка.

Перед тем, как П. Цицианов в 1802г. отправился на Кавказ, глава правительства России, канцлер А. Воронцов советовал генералу привлекать армянское население края на сторону России, указав: «…армяне народ промышленный…сей части Азии, они заслуживают особенного внимания и защиты» [1].

Еще до начала войны Цицианову пришлось наказать грабительские «действия» правителя Гянджи Джавад-хана, во имя спокойствия жителей Грузии [2]. 20 ноября 1803г. русские войска, двигаясь в направлении Гянджи, призвали Джавад-хана к повиновению и сдаче крепости, выдаче им в качестве заложника сына и выплате компенсации за ущерб, нанесенный Тифлисским купцам [3]. Джавад-хан отверг призыв П. Цицианова. Ибрагим «хан», понимал, что после Гянджи наступит очередь Карабаха. Он помирился с Джавад-ханом и отправил на помощь две пушки[4]. Гянджинский хан решил вступить в бой с П. Цицияновым, тем самым подписал приговор не только Гяндже, но и своему сыну. В начале января 1804г. П. Цицианов овладел городом. О взятии Гянджи он оповестил министра внутренних дел России В. Кочубе [5] (Кочубея). П. Цицианов считал, что Гянджа должна стать российским городом и предлагал переименовать его в Елизаветполь [6], что и было сделано.

Спустя несколько дней, 8 января 1804г. Цицианов отправил из Гянджинской крепости свое первое письмо Ибрагиму с призывом повиноваться милостивому государю России: «Российская армия овладела Гянджой, а вы не приветствуете и не ищите покровительства сильного. Я надеюсь, что будете следовать общему правилу, что слабый сильному покоряется и не мечтаете с ним тягаться…отворяя путь к высокому покровительству Великого и Богом вознесенного Государя нашего, … буду ждать от вас доверенную особу или одного из детей ваших для постановления правил на каких, вы можете быть приняты» [7].

Ибрагим не выполнил требование П. Цицианова. Он оказал письменосцу определенные почести, адресовал несколько льстивых слов Цицианову, чтобы он обошел Шуши [8]. П. Цицианов ждал реального ответа. Но Ибрагим пошел по пути задабривания, принятым в мусульманском мире.

Через месяц П. Цицианов отправил второе письмо Ибрагиму, которое резко отличалось от первого. Он писал: «Письмо ваше, наималейшего существа дела в себе не заключающее, но коварной души, персидский образ изъявляющее во всей полноте, я получил; ни словесные донесения, ни письменные

постановления, …без подписи и печати, не принимаю, и вы за такую персидскую политику кровью своею заплатите… Я вашей покорности и подданства не желаю и не желал, … я на вашу Персидскую верность столько надеюсь, сколько можно надеяться на ветер… я знаю, что доколе я под Гянджею стоял, вы дрожали как лист на дереве… я знаю до прихода моего под Гянджу, как трусливый заяц и льстивая лисица …не смели вы в сем слоге говорить, как теперь считая меня в отдалении. Но верьте мне…что неприступность вашей крепости для Русских будет легка; увидите то на деле в свое время…

Призываю вас к раскаянью, а не к подданству, – мне его не надобно и буде хотите быть живы и покойны, требуемое… в сем письме выполните» [9]. Необычная по своим размерам и содержанию цитата из письма П. Цицианова диктуется необходимостью показать, что еще до заключения трактата, П. Цицианов и Ибрагим «хан» не могли находиться на равных позициях.

Подобный стиль обращения П. Цицианова в адрес Ибрагима выдержан и в третьем письме от 26 мая 1804г. В этом письме он обличал его как вора и главаря бандформирования [10], добавив: «не следовало бы мне вступиться за вас и взять в защиту от Персии, как вам по обыкновению своему выкололи бы глаза или отрезали нос, уши, хотя, повторяю, должно бы было мне передать вас в их руки и потом отнять у них Шушу» [11].

После подобной словесной обработки, последнее письмо П. Цицианова с середины приняло «мягкую» форму. Он предложил Ибрагиму принять условия бездоговорного подданства Всероссийской Империи, в частности, соблюсти верность, утвердить это присягою, отдать крепость для дислокации войск, дать в аманаты старшего сына, платить 10 (тысяч) червонных [12].

Историк Ф. Абасов, стремясь показать Ибрагима в благовидном положении, пишет, «Цицианов, не дождавшись покорности Гарабагского хана, переходит на дипломатический язык», т.е. Цицианов понял, что:

- Ибрагим поведет себя как Джавад-хан;
- Шуша – неприступная крепость в высоких горах;
- он оценил его военную силу, его влияние на другие ханства;
- ему придется воевать и нести потери [13].

Как видно, Абасов в своих комментариях пытается возвеличить Ибрагима на пустом месте. П. Цицианов не мог воспринимать Ибрагима достойным противником. Иначе вторая часть письма была бы оставлена для отдельного обращения к нему. Поэтому считаем необходимым отметить:

- после данного письма, трактат на основе условий Цицианова, был подписан только через год, в мае 1805г., не заметить этого Абасов не мог;

- Россия стояла на пороге русско-персидской войны: необходимо было Ибрагима запереть в Шушинской крепости;
- определиться в степени честности Ибрагима;
- П. Цицианов на деле вел словесную дуэль с Ибрагимом. Он принял покорность.

П. Цицианов выкладывал в силу своих слов важный факт, которую бакинские историки не хотели заметить, это – Арцах-Карабах с его армянством, его мелики и сотники, которые находились в окружении генерала. Согласно рапорту П. Цицианова Александру I (22.05.1805), армянское население Арцах-Карабаха составляло 40 тыс. домов [14].

В мае 1804г. Абасс-Мирза (наследник престола Персии), губернатор Тегерана Мирза-Шафи и Ереванский Мех-Мет хан направили ноту П. Цицианову с требованием вывести русские войска с территории Закавказья, угрожая ему объявлением войны. Генерал в своем ответе заявил: «Я вас готов на Куре и озере Гокча встретить пушками и штыками» [15].

В первых числах июня, с похода русских войск в направлении Еревана началась русско-персидская война. 13 июня заняв крепость Гюмри, а 19 июня – Эчмиадзин, П. Цицианов повернул войска к берегам Куры.

Шах, с целью предотвращения военного столкновения Ибрагима с Цициановым, отправил в Карабах (январь 1805г.) 5-ти тысячный отряд под командованием Абульфата, сына Ибрагима, будучи на правах аманата у шаха. Сражение произошло в районе села Туг (меликство Дизак). Потерпев поражение от армянских ополченцев, Абульфат покинул территорию Карабаха[16]. Азербайджанский историк Г. Гасанов, с целью показать пророссийский настрой Ибрагима, данное событие описал так: «Оскорбленный этим поступком Ибрагим хан нанес поражение иранским войскам и вытеснил их за Аракс» [17]. Так, победу над Абульфатом историк приписал Ибрагиму, т.е. отцу. А историк Ф. Абасов считает, что против Абульфата сражался его младший брат Мехти-Кули, который и одержал победу над братом [18]. Очевидно то, что оба историка лгут, а ложь в традиции азербайджанских историков. Правда в том, что Ибрагим и Мехти-Кули (отец и сын) шли на встречу сына и брата, чтобы доставить его в сохранности в Шуши, но не успели. Он был разбит дизакцами еще до их прибытия. И если учесть, что дочь Ибрагима была супругой шаха Фатали, не будет сомнения, что все они втроем выступали в интересах Персии.

В начавшейся войне значимость Арцах-Карабаха приобретала стратегически определяющее значение. Для России он был не только воротами в Персию, но и верным союзником с его армянским населением на южном направлении. Для Персии потеря Карабаха была равносильна потере всего Южного

Кавказа. Все старания шаха Фатали удержать Ибрагима под своим влиянием, включая поход двух посланников к Ибрагиму с обещаниями от шаха передать Карабах ему на вечное пользование[19], не помогли.

Сложившаяся историческая ситуация вынудила Ибрагима «принять» условия П. Цицианова. Но это была всего лишь внешняя видимость. За год до подписания трактата П. Цицианов в письме министру иностранных дел России А. Чарторыйскому (29.05.1804) писал: «я…весьма удостоверен, что на обещания персидских ханов полагаться никак невозможно…» [20]

14 мая 1805г. на берегу реки Курак П. Цициановым и Ибрагимом был подписан трактат. Согласно принятым условиям Ибрагим дал клятву: «Я – Ибрагим …именем моих наследников и преемников торжественно, навсегда отрекаюсь от всякого вассальства или, под каким бы то титулом не было, от всякой зависимости от Персии или иной державы и сим объявляю перед лицом всего света, что я не признаю над собою и преемниками моими иного самодержавия, кроме верховной власти Е. И. В. Всероссийского Великого … Императорского престола… обещевая тому престолу верность, яко верноподданный раб оного, – в им и должен дать присягу по обычаю на святом Коране» [21].

В трактат были включены все пункты, которые указал П. Цицианов в письме Ибрагиму от 26 мая 1804г. Кроме того, по требованию генерала был подписан идентичный трактат с Шекинским ханом Селимом (21.05.1805) и Ширванским ханом (25.05.1805) [22].

П. Цицианов спешил оповестить императора Александра I. В рапорте от 22 мая он писал: «Имея счастье всеподданнейше поднесть В.И.В. ключи Шушинской крепости и трактат, заключенный с Ибрагим-ханом… вступлении его со всем семейством и Карабахским владением в вечное подданство В.И.В. с сим расширением Российской империи…, что сие владение… приобретено не мечом и не военного рукою...» [23].

Бакинские историки активно работают над искажением исторической действительности. Так, по мнению историка С. Алиярлы, в трактате речь идет о переходе «ханства (не Карабаха) под власть России…» Очевидно, он хотел подчеркнуть, что российские власти дали предпочтение «ханской власти», т.е. тюркскому магометанскому началу, а не Карабаху в целом, с его армянскими меликами и населением. Для С. Алиярли вся ценность трактата в том, что под ним значится подпись мусульманина. И ничего тут «не поделаешь – имени Карабахского или Зангезурского армянина на этом трактате искать бесполезно» [24], – пишет он.

В числе бакинских историков, проявивших интерес к Куракскому трактату, значится и Т. Кочарли. Он пишет: «в 1805г., когда…генерал П. Цицианов и Ибрагим-хан подписали договор по переходе Карабахского ханства под власть России, правящие круги не использовали свою христианскую карту Карабаха. К этому времени не было ни Потемкина, ни Екатерины II. Может быть, просто забыли о плане Потемкина и об обещании Екатерины II армянским меликам, или же вынашивали другие планы» [25]. Рассуждать подобным образом может дилетант в своей профессии. Имперская Россия при небывалых возможностях 80-х годов XVIIIв. (в лице Екатерины II и Г. Потемкина), на деле не рассматривала вопрос создания на территории исторической Армении (Арцах-Карабаха) армянского государства. Речь шла о свержении так называемого «хана», чтобы создать «армянскую независимую область» в составе России[26]. Считаем необходимым подчеркнуть: присоединение Арцах-Карабаха, находящегося в правовом поле Персии, к России на деле и стало претворением в жизнь «плана» Потемкина и «обещания» Екатерины II, приемлемые к геополитическим задачам начала XIX века. Также бесспорно, что кроме собственных интересов в направлении Южного Кавказа на деле он и стал Карабахским проектом. Ведь не случайно после Гюмри и Эчмиадзина П. Цицианов двинул русские войска в направлении Арцах-Карабаха. Это была та самая армянская «карабахская карта», которую применил П. Цицианов, сведя роль Ибрагима к никчемности. Об этом свидетельствует и обращение П. Цицианова к карабахским армянам от 19 июня 1805г. «Мне известна прежняя ваша храбрость, – писал он, – а потому призываю вас священным именем великого и всемилостившйго Г.И. соединиться с Его высокославным и непобедимым Всероссийским войском… Вы и теперь те же храбрые Карабахские армяне, как были прежде страхом для персидской конницы» [27], – призывал он.

Величие П. Цицианова в том, что он поставил Ибрагима в такие рамки, что последний вынужден был подписать трактат. Он был самым подходящим подписантом, ибо за этим трактатом должны были последовать трактаты с Шекинским, Ширванским и Бакинским ханствами. Вряд ли правители последних последовали бы Куракскому трактату, если бы под ним стояли бы подписи армянских меликов. Этим самым П. Цицианов не дал возможности сложиться антироссийскому фронту шаха с ханами. Что касается Ибрагима, он был бы рад, чтобы П. Цицианов в качестве подписантов выбрал бы меликов. Но Цицианов сознательно остановился на Ибрагиме, позволив ему совершить предательство по отношению к своему сюзерену, персидскому шаху.

В российской дипломатической практике «договора» подобные Куракскому, получили известность как «шерты». «Шерт» в старорусском языке

означает клятва, с арабского – «соглашение, основанное на клятве» [28]. Такие соглашения изначально были неравноправными, что следовало из конкретного содержания как документа, так и правового положения подписантов с обеих сторон. В ходе русско-персидской войны заключение подобного соглашения стало объективной необходимостью, чтобы обеспечить спокойный тыл российских войск, пересечь общение ханов с соседями, чтобы они были свободными перед шахом в своих действиях на период войны.

Азербайджанские историки самым активным образом выпячивают конфессиональную принадлежность Ибрагима, как определяющий фактор этнополитического лица Арцах-Карабаха. Так историк Дж. Гасанлы пишет: «Карабахское ханство вошло под протекторат России именно, как мусульманская страна, … как азербайджанское государство» [29]. Подобно Гасанлы рассуждает и историк К. Шукюров: «Карабахское ханство являлось мусульманским «государством», поскольку в трактате «ничего не сказано о карабахских меликах» [30]. Утверждение историков Азербайджана, что Карабах был «мусульманским» регионом, – вымысел, не имеющий основы. Ни в одном из одиннадцати артикулов трактата нет даже косвенного упоминания, который мог бы подтвердить этот вздор.

Оценивая значение Куракского трактата, историки из Баку утверждают о равноправности подписантов. И в этом они лгут. П. Цицианов подписал с ведома императора России, а Ибрагим – вопреки персидскому шаху. Важным аргументом, доказывающим, что трактат был подписан при очевидном превосходстве П. Цицианова, свидетельствуют его письма, адресованные Ибрагиму. Они – наилучший ответ азербайджанским историкам. Карабах, будучи частью Персии, не мог быть «субъектом международного права». Зависимость Карабаха от Персии была подчеркнута самим Ибрагимом в своем «Клятвенном обещании», и в тексте трактата (артикул первый) [31].

Следует также подчеркнуть, что по решению МИД России текст трактата был составлен только на русском языке. При равности сторон материалы составляются на языках подписантов. Использование персидского языка наравне с русским означало бы признание Ибрагима главой государствообразующего субъекта, чего петербургский двор не мог допустить.

12 октября 1813г. в крепости Гюлистан Карабахской провинции был подписан договор между Российской империей и шахской Персией. Карабах вместе с другими регионами Южного Кавказа был присоединен к России [32], в составе которой Арцах-Карабах, колыбель русско-армянской дружбы, превратился в один из центров армянской культуры.

Накануне подписания Гюлистанского договора, 15 сентября 1813г. царь

России Александр I, отмечая роль армянского народа Арцах-Карабаха указал: «Они отличались примерным постоянством и преданностью в своем усердии к нам и Престолу нашему, жертвуя имуществом своим и всеми средствами и самой жизнью» [33].

При оценке исторического места Куракского трактата, следует исходить из тех задач, которые стояли перед ним в момент его подготовки и подписания.

- Трактат и ход его подписания был задуман российским военным командованием в лице П. Цицианова, одобренный петербургским двором, с целью принудить Ибрагима к повиновению без применения военной силы.
- Военно-тактическая значимость трактата определяется геополитическим месторасположением Арцах-Карабаха и неприступностью крепости Шуши на всем Южном Кавказе.
- Военно-политическое значение трактата выражается в совместных действиях русской армии с вооруженными формированиями армянского народа Арцах-Карабаха, во главе которых стояли армянские мелики.

С принятием Гюлистанского договора, Куракский трактат следует рассматривать как тактический опыт русского военного искусства в годы русско-персидской войны 1804–1813гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Присоединение Восточной Армении к России. Сб. док. М., 1972, док. 131. С. 164.
2. *Мирза-Джамал Джеваншир Карабахский.* История Карабаха. Баку, 1959. С. 19.
3. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссею. Архив главного управления наместника Кавказского. Т. 1. Тифлис, 1868, док. 1387. С. 685 (далее: АКАК).
4. Там же.
5. Присоединение Восточной Армении к России, т. 1, док. 164. С. 193.
6. Там же.
7. АКАК. Т. II, док, 1416. С. 696.
8. *Мирза-Джамал Джеваншир.* Указ. соч., с. 19.
9. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике / Сб. док. под ред. Ю. Барсегова. Т. I, док. 132. М., 2007. С. 142.
10. АКАК. Т. II, док. 1420. С. 697.
11. Там же.
12. Там же.
13. *Абасов Ф.* Карабахское ханство. Баку, 2007. С. 91.
14. *Բաշայի Վ.* Շուշի: Եր., 2017, էջ 121. АКАК, т. II, док. 1434. С. 702.
15. *Маркарян С. А.* История Ирана в средние века. Ростов-н/Д, 2010. С. 348.
16. АКАК. Т. II, док. 1416. С. 141.
17. *Гасанов Г.* Из истории Куракчайских договоров. Карабаг: Куракчай-200. Баку, 2005. С. 140.
18. *Абасов Ф.* Указ. соч. С. 112.
19. *Мирза-Джамал Джеваншир.* Указ. Соч. С. 20.
20. АКАК. Т. II, док. 1421. С. 697.
21. АКАК. Т. II, док. 1436. С. 705.

22. АКАК. Т. II, док. 1366. СС. 676–677.
23. АКАК. Т. II, док. 1436. С. 705.
24. *Алиярлы С.* Республика Азербайджан: заметки о государственных границах в прошлом и настоящем. Карабах. История в контексте конфликта. М., 2014. С. 24.
25. *Кочарли Т.* К истории Карабахского ханства. Вымыслы и действительность. Баку, 2009. С. 41.
26. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Т. I, док. 77. С. 95.
27. АКАК. Т. II, док. 1714. С. 833.
28. *Срезневский Н.Н.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3, вып. I. СПб., 1903. С. 158.
29. *Гасанлы Дж.* Присоединение Карабаха к Российской империи: исторические мифы и реалии. http:// regnut ru/143067.
30. *Шукюров К.* Курекчайский договор 1805г. между Россией и азербайджанским карабахским ханством. Карабах: История в контексте конфликта. С. 225.
31. АКАК. Т. II, док. 1436. С. 705.
32. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Т. I, док. 149. С. 159.
33. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1833–1838, ч. 1. С. 258.

TO THE ISSUE OF THE MILITARY-POLITICAL PLACE OF THE KURAK TREATISE IN THE RUSSIAN-PERSIAN WAR OF 1804-1813

S. Dadayan
Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The work is dedicated to the military-political role of the Kurak treatise (19.05.1805), which was concluded during the Russian-Persian war of 1804–1813. Along with the military actions General V. Tsitsianov applied a particular method to influence the enemy – «verbal impact». As the Azerbajanee historians claim, the treatise could not be an international diplomatic act. The treatise itself and the entire process of its concluding was initiated by the Russian military command as a strategy to win the victory over Ibrahim without any military operations. The treatise had rather military-tactical implication, based on the peculiarities of the characteristic features of Ibrahim.

With the end of the war the treatise entered the history as unfading page of Russia's military art.

Keywords: Russia, Persia, Artsakh-Karabakh, melixity/ Federation, Tsitsianov, war, Shoushi, Fortress, treatise.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-252-259

ИНТЕГРАЦИЯ ГРУЗИНСКОЙ ЭЛИТЫ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ)

Д.Г. Котенко

Алтайский государственный педагогический университет
Институт истории, социальных коммуникаций и права
kotenko1988@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуются процессы интеграции национальной знати Грузии в благородное сословие Российской империи. Отмечены трудности интеграции грузинского дворянства в качестве служилой знати в российские социально-политические институты.
Ключевые слова: тавады, азануры, Грузия, Империя.

Вхождение грузинских княжеств в состав Российской империи привело к установлению противоречивых отношений с местным населением, неоднократно поднимавшим восстания против царского режима. Территорией княжеств Грузии после вхождения в состав России не могли управлять царские чиновники из-за незнания языка, традиций, обычаев. Интеграция национальной элиты Грузии в имперскую систему управления стало единственным выходом в данной ситуации.

Актуальность исследования заключается в том, что политика интеграции в национальную элиту России грузинских знатных родов проходила медленно. Обобщенный подход к принятию Грузии в состав России не позволяет раскрыть специфику интеграционных процессов, различавшихся в зависимости от региона. Подобный подход не позволяет раскрыть специфику отношений между царской администрацией и грузинским дворянством и понять причины неоднородности азнауров (дворян) и тавадов (князей).

Целью исследования является изучение интеграции азнауров (дворян) и тавадов (князей) в социально-политическую систему России и отношение к этому самого благородного сословия. Статья не претендует на обзор положения грузинской элиты во всех княжествах Грузии. Исследование связано с Западной Грузией.

Необходимость изучения данной проблемы привело к постановке следующих задач:

- изучить особенности интеграции грузинской служилой знати в социально-политическую систему Российской Империи;
- рассмотреть деятельность царской администрации в отношении грузинского благородного сословия, его инкорпорации в дворянское сообщество Российской Империи;
- изучить особенности интеграции грузинского благородного сословия в Восточной и Западной Грузии.

Методы исследования основаны на принципах историзма и системности научного познания.

Новизна исследования заключается в попытке связать политические события в грузинских княжествах и по их границам на отношения царской администрации к грузинской элите.

Источники исследования можно разделить на опубликованные и неопубликованные материалы.

Процесс юридического оформления инкорпорации грузинской аристократии в высшее сословие Российской империи растянулся более чем на полвека и в различных грузинских землях протекал с различной скоростью. Первыми вовлеченными в него оказались тавады и азнауры Картли-Кахети, как изначально наиболее тесно и непосредственно интегрированного в империю.

Имперская администрация в грузинских княжествах сознательно затягивала процесс вхождения грузинской аристократии в дворянское собрание России, не доверяя местным элитам. Закавказский край не имеет русского дворянства, хотя в Грузии и Имеретии существует дворянство, верность его русскому правительству всегда находится в относительной пропорции к выгодам, проистекающим от правительства, отмечали чиновники Кавказского комитета в своих журналах [2, Оп.1, Д.2].

После упразднения в 1810г. Имеретинского царства в российское высшее благородное сословие влились представители имеретинской ветви рода Багратиони. С 1812г. постановлением Комитета министров потомки имеретинских царевичей стали титуловаться князьями Имеретинскими, а потомки картли-кахетинских царевичей – князьями Грузинскими [3, VIII. 137].

По сравнению с тавадами и азнаурами других грузинских земель, остальные представители элиты бывшего Картли-Кахетинского царства с точки зрения их интеграции в аристократическое сословие России оказались в более выгодных условиях. Фактически они были признаны в княжеском и дворянском достоинстве империи еще до присоединения Восточной Грузии. Дело в том, что девятым артикулом Георгиевского трактата 1783г. было установлено, что князья и дворяне, подданные царя Ираклия II, отныне пользуются «всеми

теми преимуществами и выгодами, кои российским благородным присвоены» [4, 34].

В связи с этим к трактату прилагался обширный список, в котором были перечислены 62 тавадских и 317 азнаурских фамилий с обозначением, кому они принадлежат – царю (для тавадов и азнауров), тавадам или церкви (для азнауров), а также с разбивкой по регионам – Картли и Кахети (4, 57–64.).

В последующие годы, в частности в 1822 и 1827гг., актами российского правительства правовое равенство грузинской аристократии с княжеским и дворянским сословием России было дополнительно подтверждено [3, VIII. 11]. В 1818г. Ермолову, по его собственному выражению, удалось преодолеть «решительное со стороны дворянства упорство» и созвать Грузинское дворянское депутатское собрание [5, 297] – сословный корпоративный орган, существовавший на губернском и уездном уровне в империи.

Именно таким путем, через Дворянское депутатское собрание с утверждения главноуправляющего в Грузии и Герольдии Сената, и осуществлялось признание отдельных родов Картли-Кахети и Имерети и их представителей в княжеском и дворянском достоинствах Российской империи. Однако в 1830г. сначала в Восточной Грузии, а затем и в Имеретинской области обнаружились поддельные грамоты грузинских царей, по которым были предприняты попытки отыскать дворянство, а также – права на имения [3, VIII. 545].

Казалось бы, для грузинской элиты должны были открыться новые возможности, которые предоставляла имперская служба. Однако на деле оказывалось, что эти блага, особенно в первое время, были доступны в первую очередь для представителей наиболее состоятельных и влиятельных тавадских фамилий, которые и до этого были уже тесно связаны с Россией, и многие представители которых не в одном поколении жили в российских столицах. Именно из среды грузинских колоний Москвы и Петербурга и выходили в тот период самые известные военачальники и государственные деятели России грузинского происхождения – Багратионы, Цицианов, Андроников, Эристовы, Чавчавадзе и др. Для значительной части картли-кахетинской аристократии эти карьерные перспективы долго оставались закрытыми, в первую очередь по причине бедности и незнания русского языка.

Лингвоэтнический барьер долго оставался одним из основных факторов политической и социально-экономической жизни Восточной Грузии, тормозившим интеграцию местного социума в имперское пространство. Продолжительное время местное население и те, кто был назначен им управлять, просто не понимали друг друга, в прямом смысле, говоря на разных языках. Перевод-

чиков были единицы, а те, которых все-таки удавалось найти, часто знали грузинский язык лишь приблизительно [1, Оп. 6, Д.1.Л.16].

В результате описанных выше событий рассмотрение просьб об утверждении в княжеском и дворянском достоинствах Российской империи от высшего сословия Восточной Грузии и Имерети оказалось приостановленным почти на 15 лет. Жалобы местных тавадов и азнауров, которые не могли поступить на службу, в 1846г. заставили Кавказский комитет рассмотреть вопрос о возобновлении интеграции аристократии этих грузинских земель в благородное сословие империи. Члены комитета поддержали мнение наместника Кавказского М.С. Воронцова о необходимости открытия двух особых временных комиссий – в Тифлисе и Кутаиси – для разбора прав картли-кахетинских и имеретинских князей и дворян [2, Оп.4 Д.282. Л.4].

Результатом деятельности этих комиссий должно было стать составление поименных списков всех лиц, принадлежащих к княжеским и дворянским фамилиям, которые после утверждения императором должны были быть внесены Герольдией Сената в российские родословные книги.

Контролировать эту деятельность должен был председатель из русских чиновников, а также еще один член от короны. С той же целью в комиссиях вводился строго определенный порядок делопроизводства. Все действия и решения должны были фиксироваться в протоколе, в котором также подробно указывались основания утверждения или неутверждения кого-либо в княжеском или дворянском достоинстве. Эти списки и протоколы затем должны были пройти проверку в Кавказском комитете, министерствах юстиции и внутренних дел.

Задачи, стоявшие перед кутаисской комиссией, были значительно сложнее. Как известно, действие Георгиевского трактата не распространялось на Западную Грузию. Поэтому комиссия здесь должна была в первую очередь определить право всех вообще имеретинских тавадских и азнаурских фамилий на пользование этими титулами, а уже затем приступить к установлению принадлежности к ним конкретных лиц [2, Оп.4 Д.282. Л.5]. Позднее было решено распространить действия комиссии и на Гурию, однако члены от высшего сословия Имерети не могли участвовать в обсуждении вопросов, касавшихся тавадов и азнауров Гурии, и наоборот.

В обязанности 34 членов от местной аристократии входило составление предварительных поименных списков тех, кто именовался в Имерети и Гурии тавадами и азнаурами по районам, где они проживали. Списки сверялись с данными камерального описания, при необходимости корректировались, после чего составлялись сводные списки по Имерети и Гурии отдельно [1, Оп. 4

Д.282. Л.6]. Затем начинался собственно процесс утверждения отдельных родов в княжеском или дворянском достоинстве империи. Для этого предусматривалось несколько механизмов. Самый простой – голосование всех 34 членов комиссии, которыми должно было быть подтверждено право данного рода на то или иное достоинство. В случае разногласий в комиссию приглашались 24 представителя местного дворянства, не принадлежавшие к тем родам, чье дело рассматривалось. Под присягой их просили подтвердить, действительно ли данная фамилия являлась тавадской либо азнаурской до введения в Имерети и Гурии российского правления. Таким образом, через голосование членов комиссии либо приглашенных присяжных процедуру признания проходили в первую очередь наиболее крупные и известные семейства, чье происхождение не вызывало сомнений. В Имерети это Церетели, Цулукидзе, Абашидзе, Эристави, в Гурии – Накашидзе, Тавдгиридзе и др. [2, Оп.4 Д.282. Л.7].

В случае возникновения каких-либо сомнений в обоснованности притязаний и расхождения мнений членов комиссии и приглашенных представителей дворянства, назначалось исследование письменных свидетельств и следствие. Характерно, что столь кропотливый и трудоемкий процесс, как интеграция «туземного» дворянства в высшее сословие империи российские власти по большому счету не могли начать немедленно после присоединения грузинских земель, чему было немало причин. Если при решении вопроса тавадов и азиауров Картли-Кахети значительным подспорьем был Георгиевский трактат, содержавший юридически заверенный местным царем список почти всех фамилий, принадлежавших к высшему сословию Восточногрузинского царства, то в Западной Грузии, в силу отсутствия такого рода универсального документа, было необходимо провести большую подготовительную работу [2, Оп.7. Д.16. Л.18].

Прежде всего имперской администрации нужно было накопить знания и опыт практической работы с массивом разнообразных исторических документов на незнакомом языке, которые могли быть использованы в качестве доказательств в том или ином деле, касавшемся прав собственности или прав на дворянское или княжеское достоинство. Более чем приблизительные правила для определения подлинности того или иного акта, составленные еще в 1830г. сенатором Мечниковым, не давали никакой гарантии точности и были тогда же подвергнуты критике главноуправляющим Розеном. Только к концу первой половины XIXв. российские чиновники смогли более или менее определенно классифицировать грузинские исторические документы для тех или иных административных целей, что отразилось в инструкции, данной кутаисской комиссии. В этом документе все письменные доказательства делились на

две основные категории – основные и вспомогательные. К первой относились неподлежащие сомнению документы: жалованные и охранные грамоты имеретинских царей и гурийских владетелей, составленные до 1810г., т.е. до низложения Соломона II, и до 1826г., т.е. до кончины последнего владетеля Гурии Мамиа Гуриели, если в них претенденты на княжеское или дворянское достоинство были названы сиятельными или благородными, тавадами или азнаурами; грамоты на пожалование населенных имений без упоминания тавадов и азнауров [1, Оп.1. Д.858. Л.20].

Таким образом, комиссии предстояло провести сложную источниковедческую экспертизу представленных документом и дать свое заключение об их «несомненности», «сомнительности» или «подложности». Лучше всего справиться с этим могли представители местной элиты, специально для этого и введенные в состав комиссии. Задача председателя из российских чиновников сводилась в первую очередь к контролю над процессом рассмотрения, правильностью ведения документов и оформления решений комиссии. Самостоятельно определить подлинность того или иного акта он по объективным причинам не мог, и потому должен был полагаться на коллективное мнение членов комиссии от местного благородного сословия. В отдельных случаях в комиссию могли дополнительно приглашаться авторитетные тавады и азнауры для консультаций [2, Оп.1. Д.858. Л.52].

На основании письменных свидетельств и результатов следствия комиссия выносила свое решение, подробно указывая в протоколе все основания признания или непризнания данного рода в княжеском или дворянском достоинстве. Примечательно, что при этом нивелировались многие ранее достаточно значимые нюансы традиционных социальных отношений. Звание «тавада» приравнивалось к княжескому в империи, а «азнаура» – к дворянскому, однако при этом не делалось различий между азнаурами казенными (бывшими царскими), церковными или княжескими [2, Оп.1. Д.858. Л.206]. Между этими социальными группами, как указывалось выше, прежде существовали довольно значительные статусные и юридические различия, однако в сословной структуре Российской империи аналогичных категорий не существовало, и отныне все они были объединены в одно сословие дворян. Не признавались российскими властями в княжеском достоинстве и так называемые тавадские тавады, так как считалось, что нахождение во власти тавада «разрушало их княжеское достоинство». Таких тавадов записывали в дворяне [2, Оп.1. Д.858. Л.208].

Не имели права претендовать на дворянство те, кто хотя и назывались в народе азнаурами, но не владели имениями и не были известны членам комис-

сии от местного благородного сословия, а также те, кто по первому и последующим камеральным описаниям был записан в число податных лиц. Однако последним предоставлялось право доказывать свое азнаурское происхождение, если в их собственности находились имения или они могли представить письменные свидетельства о своем происхождении [2, Оп.1.Д.858.Л.352]. От обязанности доказывать свои права были освобождены имеретинские Багратиони и гурийские Гуриели, так как они «и без того уже должны пользоваться правами княжеских родов» [2, Оп.1. Д. 858.Л.369].

После завершения процесса утверждения фамилий Имерети и Гурии в княжеском и дворянском достоинстве аналогичную процедуру должны были пройти отдельные лица, претендовавшие на принадлежность к тому или иному роду. Доказательствами при этом служило то же голосование дворянских членов комиссии или показание под присягой 24 благородных особ, уже признанных комиссией, а также владение документом, доказывавшем благородное происхождение данного рода, владение имениями, значащимися в царской или владетельской грамоте, если она служила доказательством для признания самой фамилии, свидетельство за подписью епархиального начальника, что данное лицо является сыном, внуком или племянником уже признанного представителя рода, свидетельство, выданное уже утвержденных членов фамилии о том, что данное лицо принадлежит к этой фамилии, а также – следствие [2, Оп.1.Д.858.Л.450]. При проведении следствия у присягавших выясняли, действительно ли данное лицо происходит от той фамилии, которая уже признана, известно ли, что его отец и дед «вели благородную жизнь, или состояние, или службу, сходственную с княжеским или дворянским достоинством» и не были ли награждены российскими чинами или орденами, не состояло ли указанное лицо или его отец в податном окладе, и не были ли оно лишено дворянства по закону, владел ли его отец и дед населенным имением и т.д.» [2, Оп.1.Д.858.Л.459].

6 декабря 1850г. именные посемейные списки грузинских княжеских и дворянских родов были утверждены высочайшим рескриптом на имя кавказского наместника Воронцова. Утверждение списков открыло возможность выборов в местные дворянские депутатские собрания. Дворянство Кутаисской губернии (Западной Грузии) получило такое право впервые. Предводителем дворянства Кутаисской губернии был избран гурийский князь Леван Гуриели [3, X, 878]. Опыт российской администрации показал, что процессы модернизации социальных отношений в традиционных обществах могут сопровождаться ликвидацией существовавшей системы социальных институтов и формированием новых. Ликвидация социально-политической системы в

грузинских княжествах должна была устранить внутренние противоречия и объединить присоединенные территории в политическое пространство в рамках Империи.

Устранение традиционных социальных моделей способствовало кардинальной трансформации структуры грузинского социума, формированию новых социальных отношений; уже более соответствовавших требованиям Империи. Империя также устранила существовавшие в течение нескольких столетий внутренние рубежи, разделявшие грузинские земли, объединив их в единое пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), М. 1. Фонд № 161 «Санкт-Петербургский Главный архив».
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). СПб, Фонд № 1268 «Кавказский комитет».
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией:
   Т. VIII. Кавказ и Закавказье за время управления ген.-от-инф. бар. Розена I (1831–1837гг.). Тифлис, 1881.
   Т. X. Кавказ и Закавказье за 1 время-управления ген.-от-инф. кн. М.С. Воронцова (1844–1856гг.). Тифлис, 1885.
4. Георгиевский трактат: Договор 1783 года о вступлении Восточной Грузии под покровительство России / [Текст] подгот. к изд: введ. и примеч. снабд. Г.Г. Пайчадзе. Тбилиси, 1983. 150с.
5. Записки А.П. Ермолова 1798–1826гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. М., 1991. 460с.

INTEGRATION OF THE GEORGIAN ELITE INTO THE SOCIO-POLITICAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE (ON THE EXAMPLE OF WESTERN GEORGIA)

D. Kotenko
Altai State Pedagogical University
Institute of History, Social Communications and Law

ABSTRACT

This article studies the processes of integration of the Georgian national nobility into the nobility of the Russian Empire. Difficulties of integration of Georgian nobility as a servant nobility into Russian socio-political institutions are noted.

Keywords: tavads, azanurs, Georgia, Empire.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-260-267

ФИДЖИТАЛ-МИР: ВООБРАЖЕНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

А.А. Лисенкова

Высшая школа общественных наук Гуманитарного института
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
osakar46@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию взаимодействия физического и цифрового миров, а также влиянию человеческого воображения на формирование гибридных сред. Особое внимание уделяется потенциалу воображения как инструменту расширения алгоритмических возможностей и когнитивных границ машинного обучения. Воображение рассматривается как связующее звено между чувственным восприятием и рациональным мышлением, подчеркивается его ключевая роль в формировании смыслов, моделировании будущего и преобразовании повседневного опыта. Отмечается, что, несмотря на значительные успехи в имитации воображения искусственным интеллектом, оно остается ограниченным логическими алгоритмами и лишено истинной субъективности и эмоциональности.

В тексте исследуются перспективы интеграции человеческого воображения и машинного обучения. Обсуждается, как эти два подхода могут дополнять друг друга и способствовать созданию более сложных и адаптивных систем. Особое внимание уделяется этическим и социальным аспектам использования воображения в машинном обучении, подчеркивается важность ответственности и прозрачности при разработке и применении таких технологий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, фиджитал мир, эмоциональный интеллект, воображение, творчество.

Введение

Фиджитал-мир, концепция, возникшая в результате соединения физических и цифровых пространств, создающая новую гибридную реальность. Этот мир, построенный на непрерывной интеграции человеческого и технологического, формирующий уникальное пространство, где реальные виртуальные объекты взаимопроникают друг в друга. Фиджитал-мир меняет наши представления о реальности, стирая грань между воображаемым и настоящим. Насколько этот мир реален, и какую роль в нем играет человеческое воображение? Гибридные пространства привлекают исследователей из разных областей знания, создавая уникальный опыт, в котором цифровые данные и физические объекты тесно переплетаются в новой реальности. Сама идея гибридного мира не нова, о ней писали и теоретики киберкультуры, такие как Элис

Мэри Хилтон, и постмодернисты, начиная с Жана Бодрийяра, с его концепцией симуляций и симулякров в формате «гиперреальности» и воображаемореального мира Диснейленда: «Диснейленд представляют как воображаемое, чтобы заставляет нас поверить, что все остальное является реальным, тогда же как весь Лос-Анджелес и Америка, которые окружают его, уже более не реальны, а принадлежат к порядку гиперреального и симуляции» [1, 2011]. Сама идея «фиджитал» удачно выражает именно подобные симбиотические отношения между физическим и цифровым мирами, что соответствует концепциям, изложенным в теориях гиперреальности Ж. Бодрийяра.

Очевидно, что воображение в данном отношении становится мощным посредником, позволяющим создавать смыслы и расширять границы этой реальности, при этом предоставляя нам возможность по-новому осмысливать границы цифрового пространства. В этом мире границы физического и цифрового начинают стираться, позволяя ИИ и цифровым актантам взаимодействовать с нами так, как если бы они были частью физической реальности. Именно поэтому фиджитал-реальность воспринимается как нечто большее, чем просто дополнение к физическому миру, и, вероятно, она станет основой для развития многих будущих технологий.

Философские интерпретации воображаемого

Исторически сложилось так, что философские теории сознания рассматривают воображение как механизм, позволяющий творить и выходить за пределы реального, открывая нечто новое и неизведанное. В истории философии воображение интерпретировалось по-разному: так, например, Платон отказывал ему в бытии, философы связывали его с аффектами, видя в нем связующее между душой и телом. Воображение рассматривалось как мост между чувственным восприятием и рациональным мышлением, Платон считал его этапом познания. В современном же контексте иллюзорная реальность (VR) становится полезным инструментом для реального опыта.

Фома Аквинский видел в воображении инструмент для обработки и хранения воспринимаемых образов окружающей действительности, а Рене Декарт подчеркивал его роль в формировании конкретных образов и обработке информации, связывая с материальным существованием души. Иммануил Кант [6, 121] выделял воображение как фундаментальную способность разума, играющую центральную роль в познании. Жан-Поль Сартр [4, 67] утверждал, что воображение позволяет конструировать объекты, которых нет в реальности. Значимой видится феноменологическая трактовка воображения Гастона Башляра, который переносит фокус на реальность и универсальность

образа, вызывающего эмоциональный отклик. Воображение рассматривается им как процесс трансляции значимых образов и представлений, задающих нормы культуры. Башляр, таким образом, ставит проблему интерсубъективности воображаемого, образ создан, он существует в определенном контексте, и он распознается, узнается, дешифруется сознанием в этом и в ином контексте, так работает воображение. В современной философии воображение часто рассматривается через призму его влияния на идентичность и возможности конструирования границ субъектности человека, особенно в контексте психоанализа и теории Жака Лакана, который говорит о воображаемом как о способе осознать себя в отношении к другому [5].

Внимание к воображению в последние годы вновь привлекает ученых из различных областей, фокус исследовательского интереса которых направлен на изучение того, как именно работает способность воображения, как человек строит гипотезу, создает фантазию, конструирует ментальную модель несуществующего. Наши способности к построению мира развиваются вместе с знанием реальности, и воображение играет в данном процессе ключевую роль, таким образом, мы можем строить множество воображаемых миров с разными законами и логикой.

Человек-воображающий

Возвращаясь к концепции фиджитал-мира, мы можем выделить несколько ключевых моментов, связанных с ролью воображения. Так потребность создавать новое и строить воображаемые миры – это потребность, которая позволяет человеку развивать свои когнитивные способности одновременно удовлетворяя его эмоциональные потребности. Сегодня мы видим, как в художественной вымышленной реальности создаются разнообразные воображаемые пространства, которые можно считать предшественниками фиджитал-реальности. В данном отношении М. Болл и Д. Вейсберг [6] отмечают, что «цифровая реальность и виртуальные миры не просто удовлетворяют потребности пользователей, но и создают новую инфраструктуру для человеческого опыта, расширяя границы возможного». Они конструируют новые метавселенные, где каждый человек становится не только пользователем, но и творцом собственной реальности.

Сегодня мы можем увидеть, как в художественной реальности создаются разные воображаемые образы, которые можно назвать предшественниками фиджитал-реальности. Художественная культура, литература и особенно кинематограф полны попыток создать искусственного другого, который будет, с одной стороны, сильнее, умнее, быстрее человека, а с другой – будет ему

подчиняться и служить. Таким образом, с одной стороны, создание искусственного другого (наделенного интеллектом) демонстрирует мощь человеческого разума, способного разгадать тайну собственного происхождения и функционирования. С другой стороны, признание того факта, что человек использует лишь малую часть потенциальных функций своего мозга и нуждается в машине для расширения своих возможностей, открывает ящик Пандоры, пугая безграничностью и осознанием ничтожности человека перед лицом чего-то большего, намного его превосходящего. Начиная с фильмов «Матрицы» братьев/сестер Вачовски, то есть с 1999г., символического кануна новой цифровой эры, искусство соблазняет и пугает чередой завораживающих образов силы искусственного интеллекта. Это и «Люси» Люка Бессона, пугающая трансформация интеллекта, не вмещающегося в человеческое тело, и «Искусственный разум» Стивена Спилберга, и «Она» Спайка Джонса, или "Ex Machina" Алекса Гарленда. Эти произведения человеческого воображения уже представляют собой механизм конструирования фиджитал-реальности в разных ее ипостасях, от прекрасного до ужасного.

Таким образом, воображение оказывается основой взаимодействия человека и окружающего его мира, и это взаимодействие меняется в информационную эпоху. Идея небинарности, конвергентности, одновременности «и того, и другого» – это идеи современного мира, основанные на выводах квантовой теории, теории хаоса, теории катастроф, кибернетики, киберпанка и нью-эйджизма, с учетом текущих научных и технологических достижений. Особенно ярко эта концепция воплощается в технологии блокчейн, которая позволяет создавать децентрализованные структуры, одновременно обеспечивая безопасность и прозрачность.

Алгоритмическая дружба & эмпатия машин

Разработчики новых технологий, включая AI, постоянно работают над его совершенствованием. Существует несколько концепций AI, каждая из которых обладает своими уникальными особенностями: символьный (сосредоточен на моделировании логических рассуждений, имитируя работу человеческого интеллекта), ***нейросетевой*** (работает на основе искусственных нейронных сетей, которые обучаются на больших объемах данных), ***нейросимволический*** (сочетает преимущества обоих подходов, объединяя способности нейронных сетей к обучению с символической логикой). Самообучающийся AI оставлял своих разработчиков и пользователей в неведении, какой методологией он воспользовался, чтобы прийти к тому или иному выводу, почему ответил отказом на взаимодействие и так далее. В данном отношении более

остро возникает возникает проблема неравенства человека и машины. Как в воображаемых мирах кинематографистов, AI оказывается тем «другим», с которым мы и хотим, и боимся сближаться. Возможно, именно поэтому так много рассуждений о том, как наделить машину эмоциями или хотя бы научить ее имитировать эмоции. Таким образом «человеческое, слишком человеческое» оказывается для создателей AI важнее «машинного, слишком машинного» [8, 9], и разработчики облекают машину в максимально антропоморфную, что создает основу для становления более «человечного» AI в разнообразных сферах деятельности, расширяя его функциональные возможности, позволяя ему адаптироваться к роли коммуникативного агента, способного на взаимодействие с пользователем, основываясь на эмпатии и более «дружелюбном» интерфейсе, имитируя человеческое взаимодействие в виде проявления поддержки и сочувствия. Это технический результат прогресса в области машинного обучения и распознавания естественного языка. Такая эволюция AI выдвигает на первый план виртуальное воображение, подчеркивая способность машин не только генерировать новые идеи и образы, но и интегрировать эмоциональное восприятие в процесс взаимодействия с человеком, но пока это лишь имитация. Исследования в данной области основываются на предположении, что создание систем, способных на эмпатичное и творческое взаимодействие, может привести к существенному прогрессу в развитии AI, позволяя переосмыслить его роль не только как технологического инструмента, но и как компонента социальных и культурных процессов. Несмотря на отсутствие настоящих эмоций, разработчики AI стремятся придать машинам способность распознавать и реагировать на человеческие эмоции, примером чего могут служить мобильные приложения психологической поддержки и сопровождения.

Воображает ли искусственный интеллект?

Способен ли искусственный интеллект к воображению, и можно ли его этому научить? Этот вопрос пока остается скорее в области ближайших прогнозов. Искусственный интеллект работает на основе алгоритмов, логических моделей и огромного количества данных, что ограничивает его способность к творческому воображению, в каком это понимают люди. Воображение человека – это сложный процесс, который связан не только с логикой, но и с эмоциональной интуицией, субъективностью, непредсказуемостью и способностью оперировать бесконечностями, это то, что пока остается недоступным для машин. Искусственный интеллект не обладает в полной мере воображением человека, но он способен имитировать творческий процесс, используя

различные подходы. Например, он может генерировать новую музыку и изображения, комбинировать существующие идеи в новые концепции (Dell-E 3), использовать виртуальные симуляции для прогнозирования различных сценариев будущего.

Таким образом, развитие эмоционального интеллекта у искусственного интеллекта остается одной из главных задач на пути к созданию полноценного искусственного сознания. Пока нельзя сказать, что технологии сильно продвинулись в этом направлении, однако сотрудничество человека и машины открывает новые горизонты для творчества и инноваций, делая возможным то, что раньше казалось немыслимым. Развитие эмоционального интеллекта у искусственного интеллекта остается одной из главных задач на пути к созданию полноценного искусственного сознания. Однако сотрудничество человека и машины открывает новые возможности для совместного творчества и инноваций.

Выводы

В современном мире искусственный интеллект приобретает все большую значимость, проникая в самые разнообразные сферы деятельности, от медицины до развлечений, становясь неотъемлемой частью нашего повседневного опыта. В данном отношении важно понимать, как воображение человека взаимодействует с новыми технологиями и как это взаимодействие влияет на развитие AI и фиджитал-реальности. С одной стороны, технологии расширяют наши возможности, позволяя создавать более сложные и реалистичные образы, с другой стороны, они могут ограничивать наше воображение, делая его более зависимым от технических ограничений. Развитие AI также сопряжено с рядом значимых рисков, таких как: ***смещение границ между личным и публичным***; сокращение межличностного общения и навыков социального взаимодействия, особенно среди молодежи; ***манипулирование данными и алгоритмическая сегрегация***; неконтролируемая подотчетность алгоритмов и механизмов взаимодействия человек-машина; ***алгоритмическая предвзятость и усиление неравенства***; непредсказуемость действий AI и технологическая сингулярность. Кроме того, AI создает этические вызовы, связанные с тем, как алгоритмы принимают решения и какие предвзятости они могут нести в себе. Алгоритмы, на которых базируются современные AI-системы, зачастую могут не учитывать культурные и социальные различия, что может привести к усилению неравенства и дискриминации.

Таким образом, роль воображения и технологий в развитии AI и фиджитал-реальности не ограничивается только вопросами творчества и эмпатии.

Она также включает в себя сложные социальные, психологические и этические проблемы, которые необходимо решать для более гармоничной и безопасной интеграции технологий в повседневную жизнь общества. В этой связи представляется необходимым всестороннее исследование социальных, психологических и этических последствий этих процессов, поскольку использование AI в повседневных практиках ставит новые вопросы перед этикой и моралью, включая проблемы конфиденциальности, многоуровневой безопасности и защиты личности. Эти вопросы требуют более глубокого изучения и разработки этических норм и правил использования AI, а также серьезной социально-гуманитарной экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Baudrillard J.* Simulacres and Simulation. University of Michigan Press, Michigan (1994)
2. *Švec M., Madleňák A.* Legal frameworks for the phygital concept. “European Journal of Science and Theology”, 2017, 13(6). PP. 209–217.
3. *Kant I.* Critique of Pure Reason. Cambridge, “Cambridge University Press”, 1998.
4. *Sartre, J.-P.* L’Imaginaire. Psychologie phénoménologique de l’imagination. Gallimard, Paris, 1940.
5. *Walker C., Gopnik A.* Causality and imagination. In: Oxford Handbook of the Development of Imagination. Oxford, “Oxford University Press”, 2013. PP. 342–358.
6. *Weisberg D.* The Development of Imaginative Cognition. Royal Institute of Philosophy Supplement. 75. PP. 85–103 (2014) https://doi.org/10.1017/S1358246114000289
7. *Mahadevan S.* Imagination Machines: A New Challenge for Artificial Intelligence. In: Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence, vol. 32 no.1. PP. 7988–7993. “AAAI Press”, Palo Alto (2018) https://doi.org/10.1609/aaai.v32i1.12214
8. *Torres E.* The dangerous ideas of “longtermism” and “existential risk". Current Affairs. 28 (2021) https://www.currentaffairs.org/news/2021/07/the-dangerous-ideas-of-longtermism-and-existential-risk
9. *Mele C., Spena T., Marzullo M., Di Bernardo I.* The phygital transformation: a systematic review and a research agenda. “Italian Journal of Marketing”. 2023. PP. 323–349 https://doi.org/10.1007/s43039-023-00070-7
10. *Goderdzishvili T.* Artificial Intelligence and Creative Thinking, the Future of Idea Generation. Economics. 105(3-4). PP. 63–73 (2023) https://doi.org/10.36962/ecs105/3-4/2023-63
11. *Taghavi Z., Gooran S., Dalili S., Amirzadeh H., Nematbakhsh M., Sameti H.* Imaginations of WALL-E: Reconstructing Experiences with an Imagination-Inspired Module for Advanced AI Systems. ArXiv, URL: https://arxiv.org/abs/2308.10354 (2023)
12. *Hafez M., Weber C., Kerzel M., Wermter S.* Efficient Intrinsically Motivated Robotic Grasping with Learning-Adaptive Imagination in Latent Space. In: “9th International Conference on Development and Learning and Epigenetic Robotics”, Oslo, 2019. PP. 1–7.

THE DIGITAL WORLD: IMAGINING IN THE DIGITAL AGE

A. Lisenkova
Higher School of Social Sciences of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU)

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the interaction of the physical and digital worlds, as well as the influence of human imagination on the formation of hybrid environments. Special attention is paid to the potential of imagination as a tool for expanding the algorithmic capabilities and cognitive boundaries of machine learning. Imagination is considered as a link between sensory perception and rational thinking, and its key role in forming meanings, modeling the future, and transforming everyday life experience is emphasized. It is noted that, despite significant progress in the imitation of the imagination by artificial intelligence, it remains limited by logical algorithms and lacks true subjectivity and emotionality.

The text explores the prospects for integrating human imagination and machine learning. We discuss how these two approaches can complement each other and contribute to the creation of more complex and adaptive management systems. Special attention is paid to the ethical and social aspects of using imagination in machine learning, and the importance of responsibility and transparency in the development and application of such technologies is emphasized.

Keywords: artificial intelligence, phygital world, emotional intelligence, imagination, creativity.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-268-269

«ШРАМЫ» ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ: «ТАЛИДОМИДОВАЯ ТРАГЕДИЯ»

А.Б. Оганесян

Российско-Армянский (Славянский) университет
astghik.hovhannisyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

Цель данного исследования – обсудить так называемую «талидомидовую трагедию» в Японии. В работе будут представлены подробности этого медицинского скандала, результаты судебных процессов, а также будет проведен анализ репрезентации этого скандала в японских медиа.

Ключевые слова: «талидомидовая трагедия», «якугай», Япония, инвалидность.

Введение

В 1956г. японская фармацевтическая компания «Даиниппон сэйяку» выпустила лекарство под названием «Исомин», которое рекламировалось как безопасное снотворное. В 1960г. та же компания выпустила препарат для кишечника «Пробан М», который также использовался как лекарство от токсикоза во время беременности. Оба средства содержали талидомид, и у многих женщин, которые принимали эти лекарства в ранних сроках беременности, родились дети с синдромом фокомелии (полное или частичное отсутствие верхних конечностей).

В данной статье будут обсуждаться подробности этого скандала и репрезентации детей, рожденных с синдромом фокомелии в японских медиа. Эта тема была изучена несколькими исследователями, такими как Хирасава Масао (1965) и Кавамата Сюдзи (2010), которые описали подробности скандала и ход судебных процессов, не обсудив социальное влияние этого скандала. Оригинальность этой работы состоит в том, что она анализирует репрезентации этого скандала в японских медиа, а также обсуждает его влияние на общественное сознание и государственную политику.

Материал и методы

В ходе исследований были изучены статьи о «талидомидовском скандале» в японских медицинских журналах 1960–70гг., а также в национальных газетах «Асахи» и «Емиури» с конца 1950-х по 1980-е гг.

Исследования показали, что с 1958 до 1962гг. в Японии родились 309 детей с синдромом фокомелии (это число выживших детей). В 1963г. начался первый судебный процесс против «Данниппон сэйяку» и министерства здравоохранения и социального обеспечения Японии в окружном суде Нагоя, после чего в округах Токио, Гифу, Осака, Окаяма и Фукуока. Этот скандал стал известен как первый «якугай дзикен» в Японии, т.е. причинение вреда здоровью человека из-за халатности фармацевтических компаний. В 1974г. «Дайниппон сэйяку» и правительство признались в своей халатности и заключили мировое соглашение с родителями пострадавших детей, заплатив компенсацию от 28 до 40 миллионов иен[1].

Скандал имел ряд социальных последствий. Он способствовал увеличению числа детских больниц в Японии, началу дискурсов о социальном обеспечении детей-инвалидов и их родителей, разработке протезов для верхних конечностей и т.д. Так как этот скандал вызвал резонанс не только в Японии, началось также международное сотрудничество между родителями и представителями медицинских профессий.

Автор также проанализировал нарративы о «талидомидовских» детях в японских медиа. Эти исследования показали, что в изначальном дискурсе они были представлены как «несчастные дети», однако по истечении определенного времени газеты «Асахи» и «Емиури» начали писать о достижениях этих детей, представив их примерами для подражания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хирасава М.* Адзарасикко (Дети-тюлени). «Санити сюппан», 1965.
2. *Кавамата С.* Саридомайдо дзикэн дзэнси (Полная история талидомидовского скандала). «Рекуфу сюппан», 2010.

THE “SCARS” OF POSTWAR JAPAN: THE THALIDOMIDE CRISIS

A. Hovhannisyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The aim of this presentation is to discuss the so-called “Thalidomide crisis” in postwar Japan. It will first introduce the details of this pharmaceutical scandal, the outcomes of related lawsuits, as well as discuss the representations of people affected by thalidomide in Japanese media.
Keywords: thalidomide crisis, “yakugai”, Japan, disability.

[1] Фонд поддержки жертв талидомида «Исидзуэ»: http://ishizue-twc.or.jp/thalidomide/damage-01/ (15.10.2024).

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-270-285

ԹՈՒՐՔԻԱՅԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ԾԱՌԱՅՈՒԹՅԱՆ (ԱԱԾ) ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՐԿՐՈՐԴ ՀԱՄԱՇԽԱՐՀԱՅԻՆ ՊԱՏԵՐԱԶՄԻ ԺԱՄԱՆԱԿ (1939–1945թթ.)

Ա.Ս. Սայիյան

Հայ-ռուսական (Սլավոնական) համալսարան
ՀՀ Գիտությունների ազգային ակադեմիայի Պատմության ինստիտուտ

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Թուրքիայի հանրապետության հատուկ ծառայության՝ Ազգային անվտանգության ծառայության (ԱԱԾ) համար Երկրորդ աշխարհամարտը առաջին պատերազմն էր, որտեղ նա պետք է գործնականում կիրառեր իր մասնագիտական կարողությունները: Խնդրի բարդությունն այն էր, որ ծառայությունը գործ ուներ Առանցքի երկրների և Հակահետլերյան դաշինքի հատուկ ծառայությունների հետ, որոնք ոչ միայն պայքարում էին միմյանց դեմ, այլև աշխատում էին ստեղծել Թուրքիայում գործակալական ցանցեր և ստիպել նրան մասնակցել պատերազմին իրենց կողմից: Թուրքիայի ղեկավարությունից և ԱԱԾ-ից պահանջվեցին մեծ ջանքեր չեզոքություն պահպանելու համար, ինչի շնորհիվ երկիրը զերծ մնաց ավերածություններից: Դրա մեջ մեծ էր ԱԱԾ-դերակատարությունը, որը ժամանակին կարողանում էր բացահայտել գործակալական ցանցերը և օպերատիվորեն տրամադրել անհրաժեշտ հետախուզական տեղեկությունները:

Հիմնաբառեր՝ Իսմեթ Ինյոնյու, հետախուզություն, ԱԱԾ, Աբվեր, ՕԳՊՈՒ, ՄԻ-6, Երկրորդ աշխարհամարտ, Առանցքի երկրներ, Հակահիտլերյան կոալիցիա:

Ներածություն

Սույն հոդվածի նպատակն է ներկայացնել թուրքական ԱԱԾ գործունեությունը Երկրորդ աշխարհամարտի ժամանակ՝ խնդիր ունենալով ուսումնասիրել նրա գործունեությունը պատերազմի տարբեր փուլերում:

Երկրորդ աշխարհամարտի ժամանակ թուրքական ԱԱԾ-ի գործունեության մասին հոդվածի տեսական նշանակությունն այն է, որ պատկերացում է տալիս նրա պատմության և զարգացման տրամաբանության մասին: Հոդվածն ունի կիրառական նշանակություն գիտական շրջանակների և համապատասխան ծառայությունների համար:

Հոդվածի օբյեկտը Թուրքիայի հատուկ ծառայությունն է, իսկ առար-

կան՝ Երկրորդ համաշխարհային պատերազմի ժամանակ նրա գոր-ծունեության պատմությունը:

Որպես սկզբնաղբյուր օգտվել ենք Թուրքիայի ԱՀԿ պաշտոնական կայքից[1]: Հասկանալի պատճառներով հոդվածում արխիվային սկզբնաղբյուրների օգտագործումը եղել է միջնորդավորված, այսինքն՝ օգտվել ենք թուրք հեղինակների այն ուսումնասիրություններից, որոնք գրել են դրանք բացառապես ԱՀԿ-ի արխիվային փաստաթղթերի հիման վրա: Նաև որպես աղբյուրագիտական հիմք կարող են ծառայել ԱԱԾ-ի աշխատակից Նեշիթ Գյուրեշի[2] և Երկրորդ աշխարհամարտի ժամանակ Թուրքիայում նացիստական Գերմանիայի դեսպան Վիլհելմ ֆոն Պապենի[3] հուշերը: Որպես սկզբնաղբյուր օգտագործել ենք նաև ժամանակի մամուլը[4]:

Թուրքական հատուկ ծառայությունների պատմությունն ուսումնասիրել են թուրք քաղաքական գործիչ, Նոր կուսակցության ղեկավար, ԹԱՄԺ-ի 28-րդ գումարման պատգամավոր, գրող և լրագրող Թունջայ Օզքանը[5], լրագրող Քայլան Մուամարը[6] և իսրայելացի հետազոտող Բարի Ռուբինը[7]: Բավականին հետաքրքիր փաստերի ենք հանդիպում Սավաշ Սերթելի՝ Երկրորդ աշխարհամարտում թուրքական ԱԱԾ-ի գործունեության մասին հոդվածում[8]: Երկրորդ աշխարհամարտի ժամանակ թուրք-գերմանական կապերի մասին գրված է Ռըֆաթ Բալիի[9] և Ֆահիր Արմաօղլուի[10] հոդվածներում, իսկ նացիստների հետ ՀՅ Դաշնակցության

---

[1] Տե՛ս *Türk-İngliz Güvenlik Bürosu,* 1940 – Milli İstihbarat Teşkilatı (mit.gov.tr),:

[2] Տե՛ս *Tuncay Özkan*, MİT'in Gizli Tarihi, s. 173, Cumhuriyet Kitapları, İstanbul, 2010, 558 sayfa:

[3] Տե՛ս *Özkan T.,* նշվ. աշխ., էջ 168:

[4] Տե՛ս *Cumhuriyet,* sayı 6095, Salı 29 Temmuz 1941, https://egazete.cumhuriyet.com.tr/oku/-192/1941-07-29/0; տե՛ս նաև *Resmi Gazete*, 8 Ağustos 1944, https://www.resmigazete.gov.tr/arsiv/5777.pdf; նաև՝ *Cumhuriyet*, 7 Aralık 1945, Gazete Oku (cumhuriyet.com.tr):

[5] Տե՛ս *Özkan T.,* նշվ. աշխ.:

[6] Տե՛ս *Kaylan Muammar*, Islamic Revival and the fate of Secular Turkey, Prometheus Books, New York, 2005, 482 էջ:

[7] Տե՛ս *Burry Rubin*, İstanbul Entrikaları, Şefik Marbaası, İstanbul, 1997, 284 sayfa:

[8] Տե՛ս *Savaş Sertel*, İkinci Dünya Savaşı Sırasında Türkiye'de Yürütülen Casusluk Faaliyetleri, Akademik Sosyal Araştırmalar Dergisi, Yıl: 4, Sayı: 25, Mart 2016. S. 95–124,

[9] Տե՛ս *Rıfat Bali*, (Ağustos 2006). "Nazilerin Türk Basınını Etkileme Çabaları." Toplumsal Tarih (151). 2–6, naziler_ve_turk_basini.pdf – Yandex Belgeler,

[10] Տե՛ս *Fahir Armaoğlu*, İkinci Dünya Harbinde Türkiye, https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/37678:

կապերի մասին թուրքական տեսակետն արտացոլված է Մեհմեդ Փերինչեքի հոդվածում[11]:

Պետք է նշել, որ Թուրքիայի հանրապետության հետախուզական ծառայության մասին Հայաստանում կան քիչ հրապարակումներ, որոնց մեծ մասը հենված է աղբյուրագիտական աղքատ հիմքի վրա, ինչպես նաև ցավալիորեն զգացնել է տալիս շատ դեպքերում միակողմանի և բևեռացված գնահատականները՝ պայմանավորված հայ-թուրքական բարդ հարաբերություններով: Այս երկու բացասական պատճառները մեզ հնարավորություն չեն տալիս լիարժեք և անաչառ ուսումնասիրելու թուրքական հատուկ ծառայությունների զարգացման և գործունեության պատմությունը: Մեր կողմից լայնորեն օգտագործված թուրքական գրականությունը նպատակ ունի լրացնելու այդ բացը:

1. Թուրքիայի ԱԱԾ-ն Երկրորդ համաշխարհային պատերազմի առաջին փուլում

Երկրորդ աշխարհամարտը ծանր փորձություն էր թուրքական ԱԱԾ-ի համար: Առանցքի երկրները և Հակահիտլերյան դաշինքը ցանկանում էին Թուրքիան ներգրավվել իրենց դաշինքների մեջ: Սակայն նախագահ Իսմեթ Ինյոնյուին հաջողվեց պահպանել չեզոքությունը, ինչի շնորհիվ Թուրքիան զերծ մնաց ավերածություններից: Թուրքայի ղեկավարությունը երկյուղում էր խորհրդային, իտալական և գերմանական ծավալապաշտությունից և փորձում էր խուսավարել այս երկրների միջև, սակայն երբ ակնհայտ դարձավ, որ պատերազմն անխուսափելի է, 1939թ. մարտի 12-ին և հունիսի 23-ին դաշնային պայմանագրեր կնքեց Անգլիայի և Ֆրանսիայի հետ: Իսկ երբ 1939 թ. օգոստոսի 23-ին կնքվեց խորհրդա-գերմանական պայմանագիրը, հոկտեմբերի 19-ին կնքվեց անգլո-ֆրանս-թուրքական դաշինքը: Թուրքիայի կառավարությունը նույնիսկ թողեց, որ ֆրանսիական հետախուզական ինքնաթիռները իր տարածքով թռչեին դեպի Բաքու և նկարահանեին այն գնացքները և նավերը, որոնք նավթ էին առաքում դեպի Գերմանիա[12]: Բուն Թուրքիայում ԱԱԾ-ն սկսեց պայքար Աբվերի դեմ՝ խուզարկություններ կատարվեցին Տևտոնական ակումբում, որը գերմանական գործակալների հավաքատեղին էր, բացահայտվեցին մի քանի լրտեսական և դիվերսիոն ծրագրվող գործողություններ, և Ստամբուլի գործարաններում աշխատող հարյուրավոր գերմանացիներ

[11] Տե՛ս *Mehmet Perinçek,* İkinci Dünya Savaşı'nda Nazi-Taşnak İşbirliği, https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/138001:

[12] Տե՛ս *Özkan T.*, նշվ. աշխ., էջ 164:

արտաքսվեցին: Խարխլված գործակալական ցանցը վերականգնելու նպատակով Աբվերի ղեկավար Վ. Կանարիսը 1940 թ. գարնանը Ստամբուլի գերմանական հետախուզության պետ է նշանակում կապիտան Պաուլ Լևերկուենին: Վերջինիս հաջողվում է վերականգնել և ավելի հզորացնել գործակալական ցանցը, սակայն ԱԱԾ-ն նորից սկսում է խուզարկություններ, որին հետևում են նոր ձերբակալություններ և արտաքսումներ: Աբվերի ղեկավարությունը ստիպված գերմանական հետախուզության կենտրոն դարձնում է Բուլղարիան[13]: Գիտակցելով այս քայլից եկող իրական վտանգը՝ թուրքական իշխանությունները թուրք-բուլղարական սահմանի երկայնքով կոնտրոնացնում են 37 դիվիզիա[14]: Սակայն պատերազմի սկզբնական փուլում Գերմանիայի և ԽՍՀՄ-ի նվաճումները Արևելյան Եվրոպայում ստիպեցին Թուրքիային 1941 թ. մարտի 25-ին և հունիսի 18-ին չեզոքության պայմանագրեր կնքել Մոսկվայի ու Բեռլինի հետ և համաձայնելու Թուրքիայում գերմանական հետախուզության գործունեության վերսկսմանը:

Այսպիսով, Թուրքիան մնաց չեզոք պետություն, սակայն նրա տարածքում շատ լայն գործունեություն էին ծավալում երկու դաշինքների երկրների հատուկ ծառայությունները, իսկ Ստամբուլը դարձել էր նրանց կենտրոնը: Երկրում գործունեություն էին ծավալում շուրջ 17 հետախուզական կազմակերպություններ[15], իսկ Ստամբուլում՝ նրանց 20 ստորաբաժանում[16]: ԱԱԾ-ն տեղյակ էր, որ Թուրքիայի տարածքում գործում էին այս երկու ռազմաքաղաքական դաշինքների, ինչպես նաև հարևան երկրների շուրջ 13 հատուկ ծառայություններ[17]:

Պետք է նշել, թուրքերի հետ համագործակցելու գործում ավելի առաջ գնացին բրիտանացիները, որոնց հաջողվեց 1940 թ. նոյեմբերին ստեղծել համատեղ բրիտանա-թուրքական անվտանգության բյուրո՝ Bimak Venture-ն: Սա թուրքական ԱԱԾ-ի պատմության մեջ օտար երկրի հատուկ ծառայության հետ համագործակցության առաջին դեպքն էր:

---

[13] Տե՛ս նույն տեղում:

[14] Տե՛ս Տե՛ս *Özkan T.*, նշվ. աշխ., էջ 166:

[15] Տե՛ս *Savaş Sertel*, İkinci Dünya Savaşı Sırasında Türkiye'de Yürütülen Casusluk Faaliyetleri. S. 101: Akademik Sosyal Araştırmalar Dergisi, Yıl: 4, Sayı: 25, Mart 2016. SS. 95–124, (PDF) DURING THE SECOND WORLD WAR ESPİONAGE ACTİVİTİES İN TURKEY/İkinci Dünya Savaşı Sırasında Türkiye'de Yürütülen Casusluk Faaliyetleri (researchgate.net), (մուտք 09.04.2024):

[16] Տե՛ս *Türk-İngliz Güvenlik Bürosu,* 1940 – Milli İstihbarat Teşkilatı (mit.gov.tr), (մուտք 09.04.2024):

[17] Տե՛ս *Özkan T.*, նշվ. աշխ., էջ 164:

Սակայն պետք չէ մտածել, թե թուրքական հատուկ ծառայությունները միակողմանիորեն ընդունել էին բրիտանամետ դիրքորոշում: Նրանց հետ միաժամանակ ԱԱԾ-ն աշխատում էր նաև գերմանական Աբվերի հետ, որը Թուրքիայից գործունեություն էին ծավալում Իրանում, Աֆղանստանում և մերձավորարևելյան երկրներում: Դա արվում էր ինչպես չեզոքացնելու բրիտանացիների ազդեցության աճը, այնպես էլ՝ մեղմելու գերմանացիների զայրույթը բրիտանացիների հետ համագործակցության համար և առիթ չտալ նրանց դիմելու Թուրքիայի նկատմամբ թշնամական գործողությունների, կամ չթողնել, որ Գերմանիան ներքաշի Թուրքիային պատերազմի մեջ: Իսկ գերմանացիները դա շատ էին ցանկանում և բանն այնտեղ էր հասել, որ Երզնկայում (Էրզինջան) տեղի ունեցած երկրաշարժը գերմանական ռադիոն մեկնաբանում էր որպես Աստծո պատիժ՝ Գերմանիային չմիանալու համար[18]: Այդ իսկ պատճառներով թուրքական հատուկ ծառայությունները գերմանացիների հետ համագործակցում էին, սակայն աշխատում էին հսկողության տակ պահելով՝ իմանալ նրանց գործելակերպը և գործակալական ցանցերը: Մասնավորապես՝ նրանք Աբվերի աշխատակից Վիլհելմ Համբուրգերի միջոցով իմացան գերմանական գործակալական ցանցի մասին: Սակայն կարևորն այն էր, որ համագործակցելով այս երկու բարձրակարգ հետախուզական ծառայությունների հետ՝ թուրքական ԱԱԾ-ն նրանցից փոխառում էր հետախուզական գործունեության նոր մեթոդներ: Բացի այդ, թուրքերը շատ լավ հասկանում էին, որ առանց իրենց թույլտվության էլ այս երկրները ծավալելու էին հետախուզական գործունեություն, բայց այս անգամ շատ գաղտնի, ինչը վտանգավոր էր պետության համար: Իսկ համագործակցելով նրանց հետ՝ ԱԱԾ-ն ուշիուշով հետևում էր նրանց և չէր թողնում, որ նրանք գործունեություն ծավալեին Թուրքիայի դեմ: Եթե պայքարը գնում էր երկու օտար հետախուզությունների միջև, ապա ԱԱԾ-ն չէր խառնվում, բայց օտարերկրյա հատուկ ծառայությունների գործունեությունն ուղղված էր իրենց դեմ, ապա անմիջապես այդ լրտեսները ձերբակալվում էին: Սակայն հասկանալի էր, որ թուրքական ԱԱԾ-ն իր ներուժով և կադրերով զիջում էր բրիտանական, խորհրդային և գերմանական հատուկ ծառայություններին, և ըստ թուրքերի խոստովանության, մեծ թվով լրտեսներ կարողացել են աշխատել Թուրքիայի դեմ և բարեհաջող հեռանալ[19]:

[18] Տե՛ս *Özkan T.*, նշվ. աշխ., էջ 163:

[19] Տե՛ս *Sertel S.*, նշվ. աշխ., էջ 102:

Թուրքական ԱԱԾ-ն նույնպես աշխատում էր ստանալ օպերատիվ տեղեկատվություն՝ շատ հաճախ իր աշխատակիցներին կամ՝ գործակալներին ներդնելով որևէ երկրի գործակալական ցանց: Որպես օրինակ կարելի է բերել Ցիցերոն գործակալին (Իլյաս Բազնա), ով լինելով թուրքական հատուկ ծառայությունների գործակալ[20], աշխատում էր որպես Մեծ Բրիտանիայի դեսպան Հյու Հեչբուլ-Հյուջեսսենի վարորդ և առաջարկել էր գերմանացիներին գաղտնի փաստաթղթերի լուսանկարներ փոխանցել նրանց: Գերմանացիները սկզբում կարծում էին, թե նա բրիտանացիների կողմից ուղարկված գործակալ է, սակայն որոշեցին փորձել և տվեցին նրան Ցիցերոն օպերատիվ կեղծանունը: 1943 թ. հոկտեմբերից նա մոտ երկու տարի գերմանացիներին տալիս էր կարևոր տեղեկություններ, հատկապես Նորմանդիայում դաշնակից զորքերի ափհանման ճշգրիտ վայրերի և ժամանակի մասին, սակայն Հիտլերը դրանց թերահավատորեն էր վերաբերում, ինչի համար Գերմանիան շատ ծանր պատժվեց[21]: Եթե Բազնայի՝ թուրքական հատուկ ծառայությունների գործակալ լինելը ճիշտ է, ապա պարզ է, որ այդ գաղտնի փաստաթղթերը նախ և առաջ հայտնվում էին ԱԱԾ-ի սպաների տրամադրության տակ[22]: Իսկ նրա գործակալ լինելը հաստատվում է պատերազմից հետո ամերիկյան ռեժիսոր Ջոզեֆ Մանկևիչի հետ Անկարա Փալաս հյուրանոցում Բազնայի վեճից հետո, երբ Մանկևիչը ստիպված ոստիկանություն է կանչում: Թուրք ոստիկանները ձերբակալում են Բազնային, սակայն նա ցույց է տալիս ԱԱԾ թարգմանչի վկայականը, ինչից հետո ազատ է արձակվում[23]:

2. Թուրքական ԱԱԾ-ի գործունեությունը պատերազմի երկրորդ փուլում

1943թ., երբ Առանցքի երկրների պարտությունն ակնհայտ էր, թուրքական իշխանությունները որոշեցին բրիտանական և ամերիկյան հատուկ ծառայություններին գործունեության ավելի մեծ հնարավորություններ տալ: Բրիտանական հատուկ ծառայությունները Թուրքիայում ունեին

---

[20] Տե՛ս *Kaylan Muammar*, Islamic Revival and the fate of Secular Turkey, էջ 131, Prometheus Books, New York, 2005,

[21] Տե՛ս *Özkan T.*, նշվ. աշխ., էջ 167:

[22] Պետք է նշել, որ գերմանացիները նրան վարձատրում էին անգլիական ֆունտ ստեռլինգներով, որոնց մեծ մասը կեղծ էին: Բազնան նույնիսկ հետագայում դատի տվեց ԳՖՀ-ի կառավարությանը՝ պահանջելով փոխհատուցել վնասը, սակայն ստացավ հեգնական մերժում: 1960թ. նա ընտանիքով տեղափոխվեց Մյունխեն, որտեղ էլ մահացավ 1970թ.:

[23] Տե՛ս *Özkan T.*, նշվ. աշխ., էջ 172:

երկու կարևոր խնդիրներ: Առաջինը օգտագործել Իզմիրը և Ստամբուլը որպես Բալկաններում հետախուզադիվերսիոն գործունեություն ծավալելու նպատակով: 1943թ. բրիտանական Հատուկ գործողությունների վարչությունը՝ ՀԳՎ (SOE – Special Operations Executive) թուրքական իշխանություններից ստացավ թույլտվություն ստեղծելու Իզմիրի շրջանի հրամանատարություն, ինչպես նաև Ալաչատիում ռազմակայանի կառուցում՝ պահեստներով և վերանորոգման արհեստանոցով: Ստամբուլում բրիտանական ՀԳՎ-ն գործում էր իրենց հյուպատոսության Ծովային դեպարտամենտի անվան տակ: Երկրորդ խնդիրը Թուրքիայի՝ Գերմանիայի կողմում պատերազմի մեջ մտնելը չթողնելն էր: Նրանք շատ ուշադիր հետևում էին գերմանացիների գործունեությանը, այդ թվում՝ Գերմանիա ուղարկվող տեղեկատվությանը: Գերմանիայի կողմից Թուրքիան ռազմակալվելու, կամ Թուրքիայի՝ Առանցքի երկրներին հարելու դեպքում բրիտանացիները ծրագրել էին ստեղծել ընդհատակյա մի կազմակերպություն, որը կզբաղվեր լրտեսությամբ, սաբոտաժով և քարոզչությամբ: Բացի այդ՝ բրիտանացիները կազմել էին մի ցուցակ, որի մեջ գրված էր, թե ռազմավարական որ օբյեկտները պետք է ոչնչացվեին[24]:

Ինչ վերաբերում է ամերիկացիներին, ապա նրանց հետախուզական ծառայությունը՝ Ռազմավարական ծառայությունների վարչությունը՝ ՌԾՎ (Office of Strategic Services – OSS) ուներ իր սեփական ռազմակայանը Իզմիրի վիլայեթի Դիքիլի-Ալիաղա վայրում, որտեղից նրանք իրենց հետախույզներին ուղարկում էին գերմանացիների կողմից նվաճված հունական ափ: Մյուս կարևոր ռազմակայանը Ստամբուլի Բեյօղլու թաղամասն էր, որտեղից նրանք գործունեություն էին ծավալում Բուլղարիայում, Ռումինիայում և հատկապես՝ Հունգարիայում, որի կառավարությանը համոզում էին դուրս գալ Առանցքի երկրների դաշինքից: Թեև թուրքական կառավարությունը գործունեության ազատություն էր տվել ամերիկացիներին, սակայն ԱԱԾ-ն ուշադիր հետևում էր նրանց: Նրա աշխատակիցներին հաջողվել էր պարզել ինչպես ամերիկացներին տեղեկատվություն տվող մարդկանց և նրանց ծածկանունները, այնպես էլ այդ տեղեկատվության ստացման աղբյուրները:

Ինչպես արդեն վերը նշվել էր, ԱԱԾ-ն հետևում էր նաև գերմանական և իտալական հատուկ ծառայությունների աշխատանքին: Պետք է նշել, որ մինչև ԽՍՀՄ վրա Գերմանիայի հարձակումը թուրքերը չէին ընկալում գերմանացիներին որպես դաշնակիցներ՝ վախենալով ռուսների հետ հակաթուրքական դաշինք ստեղծելուց, ինչն էլ, ինչպես արդեն նշվեց

[24] Տե՛ս *Sertel S.*, նշվ. աշխ., էջ 103:

վերևում, ստիպեց Թուրքիային դաշնակցային պայմանագրեր կնքել Անգլիայի և Ֆրանսիայի հետ: Հարաբերությունների նման լարվածությունը չէր կարող չանդրադառնալ հատուկ ծառայությունների վրա: Թուրքերը գիտեին, որ գերմանացիների և իտալացիների համար Թուրքիայի տարածքը ծառայում էր որպես հենակետ՝ Մերձավոր և Միջին Արևելքի բնակչությանը դաշնակիցների դեմ ապստամբեցնելու նպատակով: Սակայն երբ Գերմանիան հարձակվեց ԽՍՀՄ վրա, նրա բոլոր հետախուզական ծառայությունները հրաման ստացան իրենց ողջ ուշադրությունը կենտրոնացնել Կովկասի վրա, և իմանալ թուրքական արտգործնախարարության կոդերը՝ Մոսկվայի հետ շփումների մասին իմանալու նպատակով: Գերմանացիների համար շատ կարևոր էր Թուրքիային ստիպել հարձակվելու ԽՍՀՄ վրա: Այդ նպատակով նրանք Ստամբուլ էին բերել ԽՍՀՄ-ից փախած մահմեդական քաղաքական վտարանդիների, որոնք կոչ էին անում թուրքերին հարձակվել անհավատ կոմունիստների վրա և ազատագրել իրենց հավատակիցներին, որոնց մեծ մասը նաև թյուրքեր էին: 1942–1943թթ. Աբվերը կապեր էր հաստատել թուրքական ազգայնական կազմակերպությունների հետ[25], ինչպես նաև մեծ գումարների շնորհիվ փորձում էր գերմանամետ և հակառուսական գաղափարներ տարածել մամուլի միջոցով[26]: Գերմանիայի գրաված տարածքներից եկած մարդկանց հոսքը, որոնց մեջ կային նաև լրտեսներ, այնքան շատ էր, որ թուրքական ԱԱԾ-ն լրջորեն անհանգստացած էր: Նրա այդ մտավախությունը կիսում էին նաև բրիտանացիները, որոնք էլ առաջարկեցին իրենց ֆինանսերով ստեղծել համատեղ բյուրո, որը կստեղծեր ներգաղթյալների տեղեկատվական բազա՝ լուսանկարներով[27]: 1943թ. կարևոր էր թուրքական ԱԱԾ-ի համար: Երկու ճամբարներն էլ աշխատում էին Թուրքիային ներգրավվել պատերազմի մեջ: Այդ հարցում ավելի շատ ակտիվ էին անգլիացիները, որոնք լուրեր էին տարածում, որ եթե Թուրքիան չմիանա Գերմանիային, ապա վերջինս կհարձակվի նրա վրա: Եվ իրենք խոստանում էին պաշտպանել Թուրքիային, եթե նա միանար Հակահիտլերյան դաշինքին: Մթնոլորտն ավելի էին շիկացնում գերմանացիների կողմից տարածվող լուրերը, որոնք կարծես հաստատում էին դա: Սակայն ԱԱԾ-ն կարողացավ Ստամբուլում գերմանական հյուպատոսության քարտուղարի տեղեկալից տեղեկություն ստանալ, որ Բեռլինը մտադիր չէ հարձակվել Թուրքիայի վրա, և որ դա ընդամենը բլեֆ էր՝ Թուրքիային իր

[25] Տե՛ս *Armaoğlu F.*, նշվ. աշխ., (մուտք 05.05.2024):

[26] Տե՛ս *Bali R.*, նշվ. աշխ., (մուտք 06.05.2024):

[27] Տե՛ս *Özkan T.*, նշվ. աշխ., էջ 167:

կողմը գրավելու նպատակով: Ստացված տեղեկությունն ամրապնդեց Ի. Ինյոնյուի դիրքերը 1943 թ հունվարի 30–31-ին Ադանայում Ու. Չերչիլի հետ հանդիպման ժամանակ, և Թուրքիան հերթական անգամ կարողացավ խույս տալ պատերազմի մեջ ներգրավվելուց[28]:

Սակայն գերմանացիները և իտալացիները խախտում էին թուրքական իշխանությունների կողմից սահմանված խաղի կանոնները՝ քանի դեռ հակամարտող կողմերի հետախուզությունները պայքարում էին միմյանց դեմ, թուրքական անվտանգության մարմինները չէին խառնվում, սակայն եթե նրանք սկսում էին հետախուզական գործունեություն ծավալել Թուրքիայի դեմ, ապա անհապաղ ձերբակալվում էին, մասնավորապես՝ 1940 թ., երբ մի գերմանացի ձերբակալվում է ռազմածովային բազան լուսանկարելու համար: Հարցաքննելով նրան՝ ԱԱԾ-ն ձերբակալում է նրա ղեկավար հայտնի հնագետ Հանս Հեննինգ ֆոն դեր Օստենին: Ռազմական դատարանը նրան դատապարտեց 12 տարվա բանտարկության, որից հետո նա արտաքսվեց: Իզմիրում ձերբակալվում է ռազմական գրող Գերմանը, որի տանը հայտնաբերվում են բազմաթիվ փաստաթղթեր և լուսանկարներ: Ստամբուլում մյուս գերմանացի լրտեսը ձերբակալվել էր էլեկտրացանցի աշխատակցի հաղորդման հիման վրա, որը նրա տանը նա տեսել էր բազմաթիվ մալուխներ: Արդյունքում ԱԱԾ-ն բնակարանում հայտնաբերում է հզոր ռադիոհաղորդիչներ, որով լրտեսը կապ էր պահում Բեռլինի հետ[29]:

1941 թ. հունվարի 6-ին Անկարայում ձերբակալվում են գերմանացի պրոֆեսորներ Վարհոլցերը և Բալլինգը: Թուրքիայի դեմ գործունեության նպատակով Աբվերը ներգրավվում էր ոչ միայն գերմանացիներին և Թուրքիայի քաղաքացիներին, այլև երրորդ երկրների քաղաքացիներին, սակայն ԱԱԾ-ն բացահայտում էր նաև այդպիսի դեպքեր: Այսպես՝ թուրքական հատուկ ծառայության աշխատակիցները լրտեսության մեղադրանքով ձերբակալում են մի շվեյցարացի դիվանագետի, որին արտաքսում են[30]: Արտաքսում են նաև Հարավսլավիայից Թուրքիա ներգաղթած Հասան Բասրիին՝ լրտեսության մեղադրանքով, ընդ որում՝ զրկելով նրան նաև Թուրքիայի քաղաքացիությունից[31]: Համագործակցության նման մի դեպք ԱԱԾ-ն բացահայտում է երկրի հարավ-արևելքում, որտեղ ձերբակալվում են Հովսեփ և Լյուսի Այվազյաններ ամուսինները, որոնք ըստ թուրքերի՝

[28] Տե՛ս *Özkan T.*, նշվ. աշխ., էջ 173:
[29] Տե՛ս *Sertel S.*, նշվ. աշխ., էջ 104:
[30] Տե՛ս *Sertel S.*, նշվ. աշխ., էջ 105:
[31] Տե՛ս *Cumhuriyet*, 29 Temmuz 1941:

դաշնակցականներ էին և օգտագործում էին իրենց պատկանող հյուրանոցը որպես Աբվերի գործակալների հանդիպումների և վարձատրման կայան: Գործակալների զեկուցագրերը, ըստ թուրքերի, Այվազյաններն էին ուղարկում Բեռլին: Հովսեփ Այվազյանը ձերբակալվում է պատերազմից հետո և 1945թ. դեկտեմբերի 6-ին դատապարտվում է 19 տարվա ազատազրկման[32]: Պետք է նշել, որ թուրքական իշխանություններն անհանգստացած էին Մուսոլինիի և Հիտլերի հետ ՀՅ Դաշնակցության կապերի հանգամանքով, և վստահ էին, որ հայերը Գերմանիայի աջակցությամբ խոչընդոտելու էին Թուրքիայի արևելյան արշավանքին և ստեղծելու էին Հայաստանի Հանրապետություն և պահանջելու էին վերադարձնել Արևմտյան Հայաստանը[33]: Պետք է սակայն նշել, որ երբ պատերազմի սկզբնական փուլում Գերմանիան պատկառելի ուժ էր և կարող էր մահացու վտանգ սպառնալ Թուրքիային, թուրքական ԱԱԾ-ն համագործակցում էին Աբվերի հետ ընդդեմ ռուսների՝ թողնելով, որ խորհրդա-թուրքական սահմանին ստեղծվեր ռադիոկապի և մատակարարման մի փոքր բազա, բայց արգելեցին իրականացնել դիվերսիաներ: Մի քանի գերմանացի սպաներ, որոնք չէին ենթարկվել արգելքին և փորձել էին անցնել սահմանը, ձերբակալվեցին: Ձերբակալվեցին նաև մի քանի աղրբեջանցիներ, որոնք գերմանացիներից ստացել էին սպառազինություն և փորձել էին անցնել սահմանը[34]: Սակայն ԱԱԾ-ն օգնեց, որ Աբվերն գործունեություն ծավալեր ԽՍՀՄ հարավում և ՈՒրալում, որը ստացավ «Ցեպելին» անվանումը[35]: Ըստ երևույթին՝ թուրքական ԱԱԾ-ն տրամադրել էր իր կապերն այդ շրջանների թյուրքերի շրջանում: Սակայն խորհրդային հատուկ ծառայությունների կողմից գերմանական դիվերսիոն ջոկատներից մեկի գերևարումից և Մոսկվայի բողոքից հետո Անկարան փակեց «Ցեպելինը»:

1944 թվականին Գերմանիան կրեց ռազմավարական պարտություն, որն անդրադարձավ նաև նրա հետախուզական գործունեությանը: Նույն թվականին Ստամբուլում Աբվերի 6 աշխատակից անցնում են հակառակորդի կողմը, ինչի հետևանքով բացահայտվում է նրանց գործակալական ցանցը, որից հետո Հիտլերը հրամայում է դադարեցնել Աբվերի գործունեությունը[36]:

---

[32] Տե՛ս *Cumhuriyet*, 7 Aralık 1945:

[33] Տե՛ս *Perinçek M.,* նշվ. աշխ. (մուտք 01.05.2024):

[34] Տե՛ս *Rubin B.*, նշվ. աշխ., էջ. 219–220:

[35] Տե՛ս *Özkan T.*, նշվ. աշխ., էջ 166:

[36] Տե՛ս *Rubin B.*, նշվ. աշխ., էջ. 217–218:

Ինչ վերաբերում է իտալական հատուկ ծառայությունների գործունեությանը, ապա պետք է նշել, որ այն կարճ է տևել ոչ բավարար մասնագիտական որակների և Իտալիայի 1943 թ. անձնատվության պատճառով: Թուրքական հատուկ ծառայությունները կարողանում էին ավելի դյուրին բացահայտել իտալական գործակալներին, ինչի հետևանքով գործակալական ցանցը փլուզվեց: Այսպես՝ լրտեսության մեղադրանքով մի իտալացի դատապարտվեց երկար բանտարկության, իսկ ևս մեկ իտալացի և մի վրացի հոգևորական՝ մահապատժի[37]:

Սակայն թուրքերի համար ամենամեծ վտանգը ռուսներն էին: Խորհրդային զորքերի հաղթանակների հետ Ստալինի վերաբերմունքը Թուրքիայի հանդեպ ավելի էր կոշտանում, որին նա մեղադրում էր Հիտլերին օգնելու և Ստալինգրադի ճակատամարտի օրերին խորհրդային սահմանների մոտ 25 դիվիզիա կենտրոնացնելու մեջ: Որպես պատիժ նա պահանջում էր ԽՍՀՄ-ին հանձնել արևելյան միշարք վիլայեթներ: Ահա ինչու ԱԱԾ-ն ամենամեծ ուշադրությունը դարձնում էին հենց խորհրդային հատուկ ծառայությունների գործունեության վրա: Ըստ թուրքերի՝ ԽՍՀՄ հատուկ ծառայությունները երկրում ունեին երեք կենտրոն՝ Ստամբուլ, Անկարա և Կարս, որտեղից նրանք կառավարում էին գործակալական ցանցերը: Նրանք ակտիվ աշխատում էին իրանա-թուրքական սահմանի քրդերի հետ՝ խոստանալով նրանց տալ անկախություն: Ըստ ԱԱԾ-ի՝ ռուսները ԽՍՀՄ էին անցկացրել մոտ հազար քրդերի, որոնց բացի ռուսերենից սովորեցնում էին նաև կոմունիստական գաղափարախոսություն[38]:

Թուրքական ԱԱԾ-ն հնարավորության սահմաններում որսում էր խորհրդային գործակալներին: Այսպես՝ 1941 թ. ձերբակալվում լրտեսության մեղադրանքով բանտարկվում են Ռեջեփ օղլու Ռիջալինը Թիֆլիսից և Շաքիր օղլու Օսմանը Գյանջայից: Սակայն միշտ չէր, որ հաջողվում էր ժամանակին բացահայտել խորհրդային գործակալներին: Նրանց մի մասը կամովին էր հանձնվում, իսկ մյուս մասը բացահայտվում էր պատահական ձախողումից հետո: Կամովին հանձնման հայտնի դեպքերից է Բեհչեթ Հալիթի գործը: 1941թ. Բեհչեթը Թավրիզից ցանկանում է գնալ Շահպուր և անցնել թուրքական սահմանը: Նա 60 թումանով պայմանավորվում է երկու հայ վարորդների հետ, սակայն ճանապարհին այս հայ վարորդները հանձնում են նրան ռուսներին: Ըստ նրա՝ չեկիստները նրան անգլիացիներին հանձնելու սպառնալիքով ստիպում են դառնալ իրենց

[37] Տե՛ս *Sertel S.*, նշվ. աշխ., էջ 111:
[38] Տե՛ս *Sertel S.*, նշվ. աշխ., էջ 105:

գործակալը, որից հետո ուղարկում են Թուրքիա, որտեղ նրա պարտականությունները պիտի լինեին՝ իմանալ Բայազետի շրջանում տեղակայված զորամասերում ինքնաթիռների, տանկերի և հրետանու թվաքանակը, զորամասերի համարները և նրանց թվակազմը, իմանալ, թե արդյոք այդտեղ կային գերմանացի կամ՝ իտալացի զինվորականներ և որ ամենագլխավորն է՝ իմանալ արդյոք Թուրքիան նախապատրաստվում է հարձակվել Իրանի վրա: Սակայն սահմանն անցնելուց հետո նա հանձնվում է Գյուրջուբուլակ ոստիկանական բաժանմունքին և պատմում այս ամենը: Թեև Բեհչեթ Հալիթը ինքնակամ էր հանձնվել, և ԱԱԾ-ն դերակատարում չուներ այս ամենում, սակայն թուրք սպաները հասկացան խորհրդային հատուկ ծառայությունների՝ հավաքագրման մարտավարությունը և նրանց հետաքրքրող հարցերը:

Սակայն մյուս դեպքում ԱԱԾ-ն ձախողվել էր, և խորհրդային հատուկ ծառայությունների գործողությունը չստացվեց միայն այն բանի շնորհիվ, որ ռումբը ճամանակից շուտ պայթել էր: Խոսքը Գերմանիայի դեսպան Ֆրանց ֆոն Պապենի նկատմամբ մահափորձի մասին է: Ստալինը հրամայում է խորհրդային հայտնի դիվերսանտ Պավել Սուդոպլատովին կազմել դեսպանի ոչնչացման ռազմագործողության ծրագիրը: Վերջինս Նաում Էյտինգտոնի ղեկավարությամբ Թուրքիա է ուղարկում մարդասպանների խումբը: Խմբի մյուս անդամներն էին Վասիլևսկին և ազգությամբ բուլղար Իվան Ցոլովիչ Վինարովը: Ֆոն Պապենին սպանելու անմիջական գործողությունը պետք է կատարեր թուրք կոմունիստ Օմեր Թոքաթը: 1942թ. փետրվարի 24-ին Օմերը մոտենում է ֆոն Պապենին և նրա կնոջը, սակայն վերջին պահին ռումբը պայթում է նրա ձեռքի մեջ՝ սպանելով վերջինիս: Դեսպանը և իր կինը փրկվում են: Հասկանալի է, որ այդ դեպքից հետո թուրքական իշխանությունները ձեռք առան շատ կոշտ, իսկ որոշ դեպքերում՝ դաժան միջոցներ ռուսների և նրանց հետ համագործակցող թուրքերի դեմ: Թեև ԱԱԾ-ն չէր կարողացել բացահայտել այդ ահաբեկչությունը, սակայն նրա անհաջող ավարտը թույլ տվեց նրան բացահայտել խորհրդային գործակալական ցանցը: Կալանավորվում և 16,5 տարով բանտարկում են ոմն Պավլով և Կոռնիլով, իսկ նրանց աջակցած Աբդուռահման Սայմանը և Սուլեյման Սաղոլը՝ 10 տարվա ազատազրկման: Խորհրդային մյուս լրտեսը՝ Ստեֆան Պադոնչիկը, խույս է տալիս ձերբակալությունից՝ անցնելով թուրք-սիրիական սահմանը [39] : Ինչ վերաբերում է բանտարկված խորհրդային գործակալներին, ապա նրանք

[39] Տե՛ս *Sertel S.*, նշվ. աշխ., էջ 108:

ազատ արձակվեցին 1944թ.[40], երբ Թուրքիան տեղի տվեց անչափ հզորացած Խորհրդային Միության՝ իր քաղաքացիներին անհապաղ ազատ արձակելու պահանջին:

1942 թվականը, ըստ ԱԱԾ-ի բացահայտած դեպքերի, համարվում է խորհրդային հատուկ ծառայությունների համար ամենաակտիվ տարին: Ամենաակտիվ շրջանը Կարս-Արդահանն էր, որտեղ բռնվել են ամենաշատ գործակալները: 1942թ. մայիսի 18-ին Չըլդըրի Սահրա գյուղի պահապանները ձերբակալում են երկու լրտեսների՝ Մնլուդ օղլու Սեյդուլլահին և Յուսուֆ օղլու Հասանին, որոնք անցել էին սահմանը ռուս կապիտան Վելիկիի հրամանով[41]: Մեկ ուրիշ լրտեսի՝ Ռիզեի բնակիչ Զիայի գործով 1942թ. սեպտեմբերի 11-ի Նախարարների խորհուրդը որոշում կայացրեց աքսորել նրան Քըրշեհիր: ԱԱԾ-ի աշխատակիցները խորհրդային հատուկ ծառայությունների աշխատակիցների, կամ նրանց թուրք գործակալների դեմ կիրառում էին նաև հոգաբանական «զենք»՝ նրանց մեջ սարսափ սերմանելու նպատակով: Կարսի ԱԱԾ-ի վարչության աշխատակիցները շենքի ներսից պարբերաբար աղեկտուր բղավոցներ էին արձակում, իսկ մի քանի րոպե անց շենքից դուրս էր գալիս մի աշխատակից՝ արյունոտ կացինը ձեռքին: Ըստ Նեշիթ Գյուրեշի շենքի բակում հավ էին մորթում և արյունոտում կացինը: Բնակիչների մոտ այն տպավորությունն էր ստեղծվում, թե ԱԱԾ շենքում մարդկանց են կացնահարում: Սա նաև պետք էր ժողովրդին մշտական սարսափի մեջ պահելու նպատակով[42]:

Պատերազմի վերջում Գերմանիայի օգտին լրտեսություն կատարած և հիմնականում ոչ թուրքերի նկատմամբ թուրքական իշխանությունները վարվում էին շատ դաժան՝ հակահիտլերյան դաշնակիցներին իր հավատարմությունը ցույց տալու նպատակով: Թուրքական հատուկ ծառայությունները ուշադիր հետևում էին մի խմբի գործունեությանը, որոնք ըստ նրանց լրտեսում էին բուլղարների և գերմանացիների համար: Օպերատիվ աշխատանքների արդյունքում խմբի մի մասը՝ իրեն թուրք ներկայացրած, բայց իրականում գնչու Չինգենե Ռահմին և երեք հույներ ձերբակալվում են թուրք-հունական սահմանի վրա, որից հետո ուղարկվում են Էդիրնե, սակայն Էլչիլիի մոտ բոլոր երեքն էլ գնդակահարվում են փախուստի դիմելիս: Այդ խմբի մյուս անդամներից Մուսթաֆա Նեյիրը շարունակում է լրտեսել Գերմանիայի օգտին մինչև 1945թ. գարունը, երբ նա իր խմբի 15 անդամների հետ ձերբակալվում է և 1945թ. հուլիսի 30-ին

[40] Տե՛ս *Resmi Gazete*, 8 Ağustos 1944:

[41] Տե՛ս *Sertel S.*, նշվ. աշխ., էջ 109:

[42] Տե՛ս *Özkan T.*, նշվ. աշխ., էջ 183:

Ռազմական դատարանի որոշմամբ դատապարտվում են մահապատժի[43]:

Վերջացնելով Երկրորդ համաշխարհային պատերազմի ժամանակ թուրքական հատուկ ծառայության՝ ԱԱԾ-ի գործունեության պատմությունը, պետք է նշել, որ 1944 թվականին, երբ արդեն ակնհայտ էր Հակահիտլերյան կոալիցիայի հաղթանակը, Թուրքիան ազատ է արձակում նրա անդամների ձերբակալված կամ արդեն դատապարտված հատուկ ծառայությունների գործակալներին, իսկ ահա Առանցքի երկրների գործակալները մնացին թուրքական բանտերում մինչև 1950թ. ամառը, երբ ԹԱՄԺ-ի որոշմամբ դատապարտյալների ներման արդարադատության հանձնաժողով:

Եզրակացություններ

- վերլուծելով Երկրորդ համաշխարհային պատերազմում Թուրքիայի ԱԱԾ-ի կատարած աշխատանքը, պետք է նշել, որ այն կարողացավ լուծել իր առջև դրված բոլոր խնդիրները՝ երկիրը զերծ պահելով պատերազմից և հնարավորինս վերահսկելով օտարերկրյա տարբեր հետախուզական ծառայությունների գործունեությունը,
- թեև ԱԱԾ-ն համագործակցում էր երկու ճամբարների հատուկ ծառայությունների հետ, սակայն որպես ամենավտանգավոր թշնամական ուժ թուրքական հատուկ ծառայությունները տեսնում էին Խորհրդային Միությանը, Գերմանիային և Իտալիային, քանի որ հակամարտող բոլոր կողմերից այս երկրներն էին, որ ունեին Թուրքիայի վրա հարձակվելու և նրա տարածքի մի մասը զավթելու իրական ծրագրեր,
- պետք է փաստել, որ գերմանական հատուկ ծառայությունների հետ թուրքական հատուկ ծառայությունը տանում էր հավա-սարակշռված և ադեկվատ գործունեություն, որի արդյունքն այն էր, որ թեև մինչև 1944թ. Թուրքիան կարողանում էր Գերմանիային ցույց տալ, թե հանդիսանում է դաշնակից, սակայն Աբվերին դրել էր այնպիսի հսկողության տակ, որ վերջինս չկարողացավ ոչ մի լուրջ գործողություն իրականացնել ԽՍՀՄ-ի և Անգլիայի դեմ,
- թուրքական իշխանությունները և նրա հատուկ ծառայություններն ընդունել էին միակ ճիշտ քաղաքականությունը, երբ պաշտոնապես կամ ոչ պաշտոնապես թույլատրում էին հակամարտող կող-

[43] Տե՛ս *Cumhuriyet*, 31.06.1945:

մերի հատուկ ծառայությունների գործունեությունը, քանի որ հակառակ դեպքում նրանց գործունեությունը կդառնար անվերահսկվելի, ինչը շատ վտանգավոր էր այդ բարդ ժամանակներում,

- պատերազմի վերջին փուլում թուրքական իշխանությունները, այդ թվում՝ ԱԱԾ-ն, ճիշտ ընտրություն կատարեցին՝ համագործակցելով ամերիկյան և բրիտանական հատուկ ծառայությունների հետ՝ ապահովելով պաշտպանություն խորհրդային տարածքային պահանջատիրությունից:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Armaoğlu F.* İkinci Dünya Harbinde Türkiye: https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/37678.
2. *Bali R.* (Ağustos 2006). "Nazilerin Türk Basınını Etkileme Çabaları." Toplumsal Tarih(151). 2–6, naziler_ve_turk_basini.pdf – Yandex Belgeler.
3. *Cumhuriyet*, 29 Temmuz 1941.
4. *Cumhuriyet*, 7 Aralık 1945.
5. *Muammar K.* Islamic Revival and the fate of Secular Turkey, "Prometheus Books", New York, 2005.
6. *Özkan T.* MİT'in Gizli Tarihi, "Cumhuriyet Kitapları", İstanbul, 2010.
7. *Perinçek M.* İkinci Dünya Savaşı'nda Nazi-Taşnak İşbirliği**,** https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/138001.
8. *Resmi Gazete*, 8 Ağustos 1944.
9. *Rubin B.* İstanbul Entrikaları, "Şefik Marbaası", İstanbul, 1997.
10. *Sertel S.,* İkinci Dünya Savaşı Sırasında Türkiye'de Yürütülen Casusluk Faaliyetleri, Akademik Sosyal Araştırmalar Dergisi, Yıl: 4, Sayı: 25, Mart 2016. SS. 95–124, (PDF) DURING THE SECOND WORLD WAR ESPİONAGE ACTİVİTİES İN TURKEY/İkinci Dünya Savaşı Sırasında Türkiye'de Yürütülen Casusluk Faaliyetleri (researchgate.net).
11. *Türk-İngliz Güvenlik Bürosu*, 1940 – Milli İstihbarat Teşkilatı (mit.gov.tr).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛУЖБЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СНБ) ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939–1945)

А. Саиян
Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт Истории Национальной Академии Наук Республики Армения

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается деятельность спецслужбы Турции – Службы национальной безопасности в годы Второй мировой войны. На основе архивных документов данной службы, а также исследований, написанных на основе воспоминаний ее сотрудников, освещается ее деятельность вместе со спецслужбами двух противоборствующих военных союзов, что позволяло ей сохранять нейтралитет и защищать страну от враждебных действий любой из сторон.

Ключевые слова: Исмет Иненю, разведка, спецслужба, Абвер, ОГПУ, МИ-6, Вторая мировая война, страны «Оси», антигитлеровская коалиция.

THE ACTIVITY OF THE NATIONAL SECURITY SERVICE (NSS) OF THE REPUBLIC OF TURKEY DURING THE SECOND WORLD WAR (1939–1945)

A. Sayiyan
Russian-Armenian (Slavonic) University
National Academy of Sciencies of Republic of Armenia

ABSTRACT

The article examines the activities of Turkey's special service, the National Security Service, during World War II. Based on archival documents of that service, as well as studies written on the basis of the memoirs of its employees, it highlights its activities with the special services of the two opposing alliances of the war, which allowed it to maintain neutrality and protect the country from hostile actions by any side.
Keywords: Ismet Inyonu, Intelligence, Special Service, Abwehr, OGPU, MI-6, World War II, Axis Powers, Anti-Hitler Coalition.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-286-293

HISTORICAL PERCEPTION OF CILICIA AND THE FRENCH MANDATE SYSTEM IN THE INTERWAR PERIOD, 1918–1939

K. Saribekyan

PhD Student, Pazmany Peter Catholic University
Global Armenian Studies Department
saribekyan29@gmail.com

ABSTRACT

This study explores the fascinating complexities of the Interwar Period, revealing its profound impact on the Middle East landscape following World War I. One of the central issues of this work lies in France's endeavors in Cilicia, a region steeped in historical significance within the post-Ottoman Middle East. The core of this research seeks to unravel Cilicia's historical standing within the post-World War I Middle East, thoughtfully considering the international agreements and the conflicting claims of France, Syria, and Turkey, taking into account the post-War international agreements and claims of France, Syria and Turkey.

The study of historical narratives surrounding Cilicia and the French Mandate System during the Interwar period (1918-1939) will reveal a complex interaction of political, cultural, and socio-economic factors that shaped societal perceptions and understandings at that time. Depending on how these histories are constructed and interpreted by different stakeholders, they may highlight the tensions between colonial ambitions, local identities, and international influences. Furthermore, the exploration of these narratives could potentially unveil overlooked perspectives and offer insights into the broader dynamics of imperialism, nationalism, and post-World War I reconstruction in the Eastern Mediterranean region.

Keywords: Mandate, Cilicia, French Mandate, Historical Perception.

Starting in 1915, the Entente powers began negotiating a series of secret treaties that pledged not only mutual support, but also advanced their territorial claims and interests. Once such an agreement, the Sykes-Picot, was signed between Great Britain and France in 1916, aimed to reduce the threat of other power controlling Arab provinces of the Ottoman Empire. In fact, the agreement laid the groundwork for the partition of Arab provinces of the Ottoman Empire. After World War I, the flow of treaties continued. The Armistice of Mudros in 1918, the Franklin-Bouillon agreement (1921) and the Treaty of Lausanne in 1923, each influenced the formation of the modern Middle East. New nation-states in the Middle East sprang up after the collapse of the Ottoman Empire.

Two processes shaped state formation in the Middle East in the wake of WWI: The Mandate system of the League of Nations and the creation of independent

states. Under the Mandate system certain former Ottoman Empire territories such as Syria, Lebanon, Iraq, and Palestine. France and Great Britain were granted Mandate status over these territories. The mandatories were responsible for maintaining the rights of the minorities and supervising the new-established states until they became self-governed. On the other hand, Turkey and Iran became independent states as a result of anti-imperialist struggles and the national independence movements. The importance of both processes for the following research lies in their influence on the fate of minorities within former Ottoman Empire territories. [1, 187]

The League of Nations Mandate system after World War I aimed to create the new administrations in the Middle East countries to provide them the opportunity to find the nation-states based on the Western models. In some ways, the mandates helped to defuse the charges of "annexation" and "militarism" that threatened to undermine France's colonial legitimacy in Mandated territories. However, Turkey emerged as an independent state and continued the claim of its territorial integrity despite European attempts to disassemble the Ottomans state after World War I. During the wartime the Young Turks (The Committee of Union and Progress (CUP), who rebelled in 1908 against Sultan Abdulhamid II, were in power, however, after the armistice was concluded the leaders Cemal, Enver, Talât, Bahaettin Şakir, Dr.Nazım and three others left aboard, because of the threat to take the responsibility for organizing Armenian Genocide in 1915, and it led to the power vacuum in Istanbul. However, Turkish diplomacy reached recognition as an independent state in 1923 according to the Treaty of Lausanne. And later, Turks also demanded the "special regime" for Sanjak of Alexandretta in 1936, which led to the abandonment of the French Mandated territory and had the direct influence on the events, which this research covers.

In the Levant and Mesopotamia, the territory of present-day Syria, Lebanon, Israel/Palestine, Jordan, and Iraq, France and Britain constructed new independent nations to replace the former Ottoman territories with new independent nation-states. However, the "independent nation-state" definition cannot be applied to the former Ottoman territories in this case, because the Mandate system intended to create independent states, but first they should have passed the transition period under French and British administration. [3, 27] Considering the importance of nation-building processes in the Levant and Mesopotamia after the collapse of the Ottoman Empire, this work focuses on France's efforts in Cilicia.

As in addition to being a unique historical and political topic within the scholarship of the post-Ottoman Middle East, the subject of this study remains untouched in the larger discussion of the fate of the Armenian people in the new Mandate system after World War I. According to the post-War international agreements, and

claims of France, Syria, Turkey, and Armenia, the purpose of this research is to determine the historical position of Cilicia as object of this study in the context of the Middle Eastern processes after World War I.

Scholarly attention has overlooked and underemphasized the importance of France's role in Cilica, by flattening the international diversity and complexity which comprised the situation. The literature of this topic can be roughly divided into several parts: the secondary sources on Cilicia and its history including the period under the French Mandate; the general academic works on the formation of League of Nations' Mandate system and nation-state building processes in the modern Middle East; and finally, the literature on the late Ottoman Empire and the formation of the new Republic of Turkey and its path to nationalism and independence on the example of the Sanjak of Alexandretta.

Within the Armenian scholarship, it is important to mention Torossyan's work on the national liberation movements of the Armenians of Cilicia. Torossian draws on H. Terzian's memoirs, published in Buenos Aires, Argentina, in 1956, to depict the eight-month siege and subsequent conquest of Hadjin by Kemalist forces. Terzian was a member of Hadjin's self-defense force and an eyewitness to the events he describes. After the Kemalist coup, he claims that just a few hundred people out of a population of 6,000 to 8,000 were able to evacuate. Terzian holds Damadian responsible for the Armenian losses in Hadjin. Since he was a member of the ARF, Terzian, according to Torossian, is driven by inter-party competition. Additionally, Yeghiayan's book on the history of Adana covers the French-Turkish Relationships within the context of formation of the Armenian national cabinet in 1920.

During the war, French interests also expanded and shaped Armenian people as well. The Armistice of Mudros between Allies and the Ottoman Empire became a new phase of the growing influence of the European countries in the Middle East. This treaty became the final resolution of the Eastern Question, which, in fact, was the destruction of Turkish statehood and the next step of the partition of the Ottoman Empire. The French government in Syria faced the Armenian refugees during the post-genocide period, who were not able to go back to their homeland. And, thus, it requires how Armenians recreated their institutions and established transnational relations with both the French government and the Syrian population. The French stake in the Middle East can be traced to the Medieval times.French Crusaders left their mark in the Levant through the centuries. [4, 133-153]. The attachment of France towards this region also was caused by the desire to protect Christian people of the Levant alongside with protection of its political and economic influence in the region during the era of the Ottoman Empire. Moreover, the French government also understood the advantage of commercial cooperation. This followed also by the

growing desire of the European countries to participate in the commercial network of the Levant from the sixteenth century onwards.

From the fifteenth century and prior to World War I, the Ottoman Empire ruled almost all of the Arab Middle East. French ambition to strengthen its position in the Middle East became vital by wartime, because Great Britain also had its colonial interests in the region. The French diplomacy expected to assure that France would control Syria, Lebanon, and Palestine after the war. [5, 41-47]. The Sykes-Picot agreement, which was signed between Great Britain and France in 1916 aimed to reduce the threat that another power will control these parts of the Ottoman Empire.

The question of the importance of Cilicia for the French authorities can be explained through the understanding of the geographical position of Cilicia, which is connected to the geographical importance of Syria. Historically, Syria was the "battle-ground" [6, 527] for great empires being the center of connecting three continents: Europe, Asia and Africa. On the other side, the French saw Armenians as the loyal allies in the region to maintain the Mandate. An interesting research on French-Cilician relations was made by Ellen Marie Lust-Okar, who tries to look at this collaboration in the framework of Robinson's theory of colonialism.According to the United States state records around twenty thousand Armenian refugees moved to Syria as a result of the massacres of the Ottoman government. A significant role in the proposing of homeland to Armenians played the Armenian Legion, who had helped the French during the War. [7,63-68] Robinson's argument is that colonies weren't maintained by merely the military might of colonizers; they were maintained by collaboration between colonial governments and intermediary organizations within colonies. Therefore, the French found it beneficial to offer their support and get in return support from part of the population in Syria.French 'High Commissioner to Syria and Armenia, François Georges-Picot, on behalf of his government, appeals to the Cilician Armenians in Aleppo, Damascus and other cities in Syria to return to Cilicia and settle there to strengthen the Armenian element, which was drastically reduced in the years of deportations and massacres.

Examining several articles written by the modern historians, the French Cilician Campaign, despite remaining not as a widely known event, still occupies a specific place in the study of Armenian-French and Turkish-French relations in history.The Franco-Turkish war of 1920-1921 ended with the defeat of the French army by Turkish nationalists led by Mustafa Kemal Ataturk. They signed the Treaty of Ankara (or Franklin-Bouillon Agreement), which led to the withdrawal of the French troops from Cilicia and "humanitarian evacuation" of Armenians, who found there a new home after Genocide of 1915. Already in the beginning of the war the French

political leadership realized that the Turkish army outperformed them. The Armenian scholarship on the Interwar Cilicia focuses on the argument that the French administrative authorities, who "invited" Armenians to Cilicia, did not take serious steps to ensure their safety, even though they were well aware that "the Turks were armed and the Armenians were not". [8, p.77]. As American historian Professor Helmreich has noted, "the Armenians who had returned to their former homes were met with opposition from the Turkish authorities, who denied them their rights to the lands they had previously owned". The Order also demands that the Armenians return to their former homes.

However, the Order issued by the French authorities was unenforceable. The point is that the return of property to the Armenians could have been carried out in the context of the condemnation of the crimes committed by the Young Turk party during the First World War. But neither the Sultan's nor the Kemalist government did this. The representatives of the Sultan government, while criticizing the domestic policies of the Young Turk leaders at the Paris Peace Conference, did not in fact reveal or condemn their nationalistic policies.The situation in Cilicia deteriorated further in autumn 1919, when, following the agreement signed on 15 September between the French and British governments, the British troops in Cilicia and the "Eastern Territories"-Aintab, Urfa, and Biredjik- were replaced by French troops. On November 12, 1919, on behalf of a representative committee of the Right Associations, Kemal sent a telegram protesting against the French occupation. At the same time, the Kemalists began military actions in Cilicia.

The Armenian political parties and organizations operating in Cilicia during this period exacerbated the already difficult situation of Armenians by their shortsighted and inconsiderate policies and often irresponsible actions. Being unable to understand the economic and political motives of the French imperialists` Turkophile policy because of their social class nature, they blindly trusted their promises, clearly underestimating the power of the Kemalist movement. They had failed to understand in time that the Kemalists had come under new conditions to continue the Young Turks' racist policy on the national question, although it had already been clear after the Erzerum and Sivas congresses in 1919 that the Kemalists would not accept the right to self-determination for the minorities of the Ottoman Empire, and would not cede an inch of land, particularly to Armenians. As a result of this misunderstanding of both French and Kemalist policies, the Armenian leaders of Cilicia, the local leaders in charge of the fate of the Cilician Armenians, effectively disoriented them by linking security guarantees not to their self-defense organization but to the help of the French authorities and the few occupying troops.

Mihran Damadian, the representative of the Paris-based Delegation of Integral

Armenia in Cilicia, is regarded as a key actor in Cilician politics between 1919 and 1921, according to Armenian, French, and even Turkish sources. He was sent to Cilicia with the twin mission of organizing the Armenian community and representing it in front of the French authorities. In June 1919, Damadian landed in Adana. He was a man with a lot of political experience and a good grasp of Armenian issues. According to sources, he was the ideal candidate for the job. The 55-year-old Armenian functionary had a lengthy history of accomplishments as a schoolteacher, revolutionary, and head of the Hunchakian Party. During Sultan Abdul Hamid II's reign, he was active in revolutionary actions in Sasun (1894) and Constantinople (1895), and he had to flee from the Ottoman Empire to Europe. He stayed in Europe for several years, taking university classes and learning French, English, and Italian as a second language. After returning to Cilicia, where he had been a teacher in Adana from 1882 to 1884, and the Ottoman Empire's eastern regions, he committed himself to teaching and occupied administrative roles as inspector of education. Boghos Nubar Pasha, one of the Delegation of Integral Armenia's two chiefs, wrote to Damadian, pushing him to take the role of Delegation's representative in Cilicia. Nubar Pasha's letter was received by Damadian in Alexandria, Egypt, in 1908. Damadian had joined the Ramgavar Party after 1908 and had risen to a position of leadership within it.After returning from a long tour of duty in Europe and the United States, where he addressed Armenian groups and secured funds for shipping Armenian volunteers from the United States and Europe to Egypt, the Legion d'Orient proposed headquarters. [9, p.130].

Alongside with its location and geopolitical importance Cilicia became involved in these processes, which also gave Armenian people hope for being protected from the violence and gaining independence, however, the great powers were guided by their own economic and political interests. Two external forces played a role in the protection of the Armenian people in Cilicia. And both French and the United States mandates aimed to support the national liberation of Armenians from Turkish rule. However, each side faced barriers to establish peace in mandated territories, which was the result of the feud between the Armenian population in Cilicia and Turkish nationalists.

The establishment of the French mandate in Cilicia and its failure can be explained by several reasons. It is no coincidence that the Kemalists started the War of independence in Anatolia, especially, in Cilicia, because Kemalists were aware of the interest of French financial interests in Turkey and alongside with that Kemalist government to reach an agreement with France, which had its own separate policy from the Allied powers toward mandated territories. The Turkish nationalists and their propaganda became an effective tool for gaining support from Turks in

Cilicia, however, the implementation of their policy could not be effective without military success of the French troops, which were incomparably weaker than English troops.

Turkish nationalism became one of the most effective instruments in the establishment of the modern Republic of Turkey and became the main tool for the establishment of Turkish control over Sanjak of Alexandretta. However, the problem of Sanjak officially stays unresolved and the Syrian government has not recognized the annexation of Sanjak by Turks in 1939.

All things considered, there is still a need for investigation through the archival sources on the above-mentioned topics, because each of them has its influence in the modern Middle East conflicts, including the "Cilician Question" as part of the territorial claims of Armenia. The thesis aimed to made contribution into the larger discourse of the Middle East History and the new International Relations order in the Middle East after the collapse of the Ottoman Empire and establishment of Mandates over its territories. Furthermore, it would be helpful to understand the period in Armenian History when the fate of the Armenian people depended on powerful nations such as the United States and France, and how Armenian-American and Armenian-French relations before World War I created the illusion of possible independent Armenia. Therefore, the future invention in scholarship could be furthered by a deeper analysis of the primary sources in French, Ottoman and Armenian archives, given additional time and resources.

REFERENCES

1. *Gelvin, James L.* The Modern Middle East: A History (New York: Oxford University Press), 2020. P. 187.
2. *Zurcher Erik J.* Turkey: A Modern History, B. Tauris; 3rd edition (September 4, 2004).
3. *Gelvin, James L.* The "Politics of Notables" Forty Years After, *Middle East Studies Association Bulletin*, Vol. 40, No. 1 (June 2006). PP. 19–29.
4. *Shorrock, I. William.* The Origin of the French Mandate in Syria and Lebanon: The Railroad Question, 1901–1914, International Journal of Middle East Studies, Vol. 1, No. 2 (Apr., 1970). PP. 133–153.
5. Hourani, Albert, Syria and Lebanon: A political essay, Oxford University Press; 1st edition (January 1, 1946). PP. 41–59.
6. Antonius, George, Syria and the French Mandate, Oxford University Press on behalf of the Royal Institute of International Affairs, International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1931–1939), Jul. Aug., 1934, Vol. 13, No. 4 (Jul. – Aug., 1934). PP. 523–539.
7. Lust-Okar Ellen Marie, Failure of Collaboration: Armenian Refugees in Syria, Taylor & Francis, Ltd, Middle Eastern Studies, Jan., 1996, Vol. 32, No. 1 (Jan., 1996). PP. 63–68.
8. *Barsegov Yuri ed.* Genotsid armian: Otvetstvennost Turtsii i obiazatelstva mirovogo soobshchestva, vol. 2, pt. 2, Dokumenty. Dopolnenie k 1-mu i 2-mu tomam Sbornika (Moscow: Gardariki, 2005).
9. *Damadian M*. From My Memories,Beirut: Zartonk Press, 1985. P. 130.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ КИЛИКИИ И ФРАНЦУЗСКОЙ МАНДАТНОЙ СИСТЕМЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД, 1918–1939гг.

К. Сарибекян
Католический университет Питера Пазманя
Кафедра арменоведения

АННОТАЦИЯ

Данное исследование анализирует сложности межвоенного периода, раскрывая его глубокое влияние на ближневосточную политическую ситуацию после Первой мировой войны. Один из центральных вопросов этой работы связан с деятельностью Франции в Киликии, регионе с богатым историческим значением в рамках пост-османского Ближнего Востока. Суть данного исследования заключается в том, чтобы раскрыть историческое положение Киликии на Ближнем Востоке после Первой мировой войны, рассматривая международные соглашения и противоречивые претензии Франции, Сирии и Турции.

Изучение исторических повествований, связанных с Киликией и французской мандатной системой в межвоенный период (1918–1939гг.), позволяет выявить сложное взаимодействие политических, культурных и социально-экономических факторов, которые формировали общественное восприятие и понимание в то время. В зависимости от того, как эти истории строятся и интерпретируются различными заинтересованными сторонами, они могут высветить противоречия между колониальными амбициями, местной самобытностью и международным влиянием. Кроме того, изучение этой истории может раскрыть упущенные перспективы и предложить более широкое понимание динамики империализма, национализма и восстановления после Первой мировой войны в регионе Восточного Средиземноморья.

На фоне идеологических и геополитических противостояний между французскими колониальными державами и Советской Россией данное исследование вносит значимый вклад в науку о межвоенном периоде, охватывающем историю Франции, России и Армении.

Ключевые слова: мандат, Киликия, Французский Мандат, историческое восприятие.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-294-306

ԱՐՑԱԽԻ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ԿՐՈՆԱԿԱՆ ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱԴՐԲԵՋԱՆԱԿԱՆ ՊԱՏՄԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ (ԴԱԴԻՎԱՆՔ ԵՎ ԳԱՆՁԱՍԱՐ)

Վ. Սաֆարյան

Պատմ. գիտ. թեկնածու
ՀՀ ԳԱԱ հնագիտության և ազգագրության ինստիտուտ
safarianvardges@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Արցախի տարածքում պահպանվել են V–XV դարերում ստեղծված ավելի քան 3000 հազար պատմաճարտարապետական հուշարձաններ։ Եթե մինչ 1960-ական թթ. դրանք հիմնականում ուսումնասիրվել են հայ գիտնականների կողմից, ապա 1960-ականների երկրորդ կեսից դարձել են ադրբեջանցի պատմաբանների ուսումնասիրության առարկան։ Այդ ժամանակից սկսած՝ ադրբեջանական պատմաբանները փորձում են յուրացնել արցախահայության մշակութային ժառանգությունը։ Հայ մշակութային ժառանգության օտարացման եւ յուրացման ընթացքում, ադրբեջանցի պատմաբանները «փնտրում» և «գտնում» են միհիրականության տարրեր Արցախի քրիստոնեական հուշարձաններում։ Օտարման և յուրացման օբյեկտներ են դարձել, մասնավորապես, Դադիվանքն ու Գանձասարը։

Ի պատասխան ադրբեջանցի հետազոտողների՝ Արցախի պատմամշակութային ժառանգությունը զավթելու և յուրացնելու փորձերին, 1970–1990-ական թվականներին հայ գիտնականները հիմնավորում էին նման միտումների անհեթեթությունը։

Եթե խորհրդային ժամանակաշրջանում հայկական էթնոսին որևէ դեր հատկացվել էր տվյալ տարածաշրջանի պատմության ու մշակույթի մեջ, ապա այսօր ամբողջությամբ արհամարհվում է հայերի գոյությունը ոչ միայն Ղարաբաղում, այլև՝ ընդհանրապես Այսրկովկասում։

Այսօր Ադրբեջանը շարունակում է լայնածավալ աշխատանքներ տանել՝ ուղղված պատմական իրականության կեղծարարությանը։ «Աղվանականացման» են ենթարկվում ոչ միայն նորաստեղծ Ադրբեջանի Հանրապետության տարածքում գտնվող հուշարձանները, այլ նաև Հայաստանի Հանրապետությունում գտնվողները։

Սույն հոդվածում փորձում ենք հայագիտության նվաճումների դիրքերից ցույց տալ ադրբեջանական պատմագիտության նման միտումների անհիմն և անհեռանկար լինելը։

Հիմնաբառեր՝ Արցախ, Դադիվանք, Գանձասար, կեղծարարություն, մշակույթ, Մեծ Հայք։

Ներածություն

Մեծ Հայքի Արցախ նահանգի տարածքում պահպանվել են V–XV դարերում ստեղծված մեծ թվով պատմաճարտարապետական հուշարձաններ։ Դրանց մեջ առանձնահատուկ տեղ են գրավում կրոնական շինությունները՝ վանքերը, եկեղեցիներն ու խաչքարերը։ Եթե մինչ 1960-ական թթ. դրանք հիմնականում ուսումնասիրվել են հայ գիտնականների կողմից, ապա 1960-ականների երկրորդ կեսից դարձել են ադրբեջանցի պատմաբանների ուսումնասիրության առարկան։

Այսօր, երբ ադրբեջանական քարոզչամեքենան շարունակում է լայնածավալ աշխատանքներ տանել՝ ուղղված պատմական իրականության կեղծարարությանը, «հայերը Ղարաբաղի տարածքում հյուրեր են» թեզի «հիմնավորմանը»՝ հայագիտության նվաճումների դիրքերից ադրբեջանական պատմագիտության համակողմանի քննությունը, քննադատությունն ու գնահատումն էլ ավելի արդիական են դառնում։ Սա հատկապես կարևոր է մշակույթի հետազոտության առումով, քանի որ հաճախ հենց մշակութային ժառանգության դրսևորումներով կարելի է վերհանել էթնիկ ինքնության մի շարք կողմերը։

ա) դիտարկել ադրբեջանական պատմագրության կեղծման առարկա դարձած Դադիվանքի և Գանձասարի ճարտարապետությունը։

բ) Ադրբեջանական պատմագիտության վերլուծության հիման վրա ցույց տալ նրանում արցախահայության մշակութային ժառանգության յուրացման փորձերի անհիմն և անհեռանկար լինելը։

Աշխատությունը գրված է պատմականության ու պատմահամեմատականության մեթոդով։ Հաշվի է առնված հասարակական զարգացումների օրինաչափությունները Ադրբեջանական պատմաբանների առանձին աշխատանքներն դեռևս խորհրդային տարիներին առաջատար հայ և ռուս հետազոտողների կողմից ստացել են համապատասխան գնահատական [2, 3, 19, 20, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 34, 35,37, 38, 39]։ Ի պատասխան ադրբեջանցի հետազոտողների փորձերին՝ Արցախի պատմամշակութային ժառանգությունը զավթելու և յուրացնելու, 1970-1990-ական թվականներին հայ գիտնականները հիմնավորում էին նման միտումների անհեթեթությունը [16, 17, 18, 26]։ Սույն ուսումնասիրությամբ փորձ է արվում ամբողջական ձևով ներկայացնել ադրբեջանական պատմաբանների կողմից արցախահայության մշակութային ժառանգության

օտարման և յուրացման միտումները, վերլուծել ադրբեջանական պատմաբանների համապատասխան աշխատությունները, մշակել Արցախի մշակույթի կեղծարարության դեմ պայքարի ռազմավարությունն ու մարտավարությունը:

Կրոնական ճարտարապետության հուշարձաններից ադրբեջանցի հետազոտողները ամենից հաճախ դիմել են Դադիվանքի, Գանձասարի, Գտչավանքի և Ամարասի վանական համալիրներին:

Օտարման և յուրացման օբյեկտներից մեկը դարձավ Թարթառ գետի ափին գտնվող Դադիվանքը: Վանքն առաջին անգամ հիշատակվում է հայ պատմիչների կողմից IX դարում [15. 340], թեև մեզ հասած եկեղեցական շինությունները, ըստ շինարարական արձանագրությունների, թվագրվում են XII–XIII դարերի երկրորդ կեսով (որոշ աշխարհիկ շինություններ կառուցվել են XVII դ.)

Վանքի ճարտարապետական և հատակագծային լուծումների, վիմագրական, խաչքարերի հորինվածքի հարցերը մեկ անգամ չէ, որ դարձել են հայ հետազոտողների ուսումնասիրության առարկան:

Անցյալ դարի 70-ական թվականներից հուշարձանը դարձել է ադրբեջանցի հետազոտողների ուսումնասիրության առարկան: Ադրբեջանական պատմագրության հիմնարար հայեցակարգին համապատասխան՝ ադրբեջանցի պատմաբանները ձգտում են «աղվանացնել» Արցախի հուշարձանները՝ դրանց հետագա «ադրբեջանականացման» հեռանկարով: Այս հայեցակարգային գիծը հստակ երևում է Ռ.Գեյուշևի, Դ. Ախունդովի և այլոց աշխատություններում [4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12]:

Ռ. Գեյուշևն իր աշխատություններից մեկում փորձել է բացահայտել Լեռնային Ղարաբաղի որոշ վանքերի, մասնավորապես՝ «Խոտավանք» և «Խադավանք» վանքերի անունների ստուգաբանությունը: Նրա կարծիքով, «խաթ» բառը և դրա «հադ», «հոդ» տարբերակները վրացական ծագում ունեն և նշանակում են «սրբապատկեր» [10. 331–333]: Փորձելով «ապացուցել» իր առաջարկած ստուգաբանությունը՝ Ռ. Գեյուշևը մատնանշում է, որ արաբների կողմից Ադրբեջանի ներկայիս տարածքը գրավումից հետո իսլամը հաստատվել է բազմաթիվ շրջաններում, և, միևնույն ժամանակ, Լեռնային Ղարաբաղում ամրապնդվել են հայկական եկեղեցու դիրքերը: Հայ հոգևորականները արաբ նվաճողների օգնությամբ աղվանական եկեղեցին բռնի կերպով ենթարկեցին հայ եկեղեցուն [10. 333]: Սակայն XII–XIII դարերում Խաչենի իշխանությունը (որը Ռ. Գեյուշևը ներկայացնում է որպես վերածնված աղվանական թագավորություն) սերտ հարաբերություններ է ունեցել Վրաստանի հետ, և «Հասան Ջալալի օրոք աղվանական

եկեղեցին ապահովել է իր ինքնուրույն գործունեությունը: Հենց այս ժամանակաշրջանում Լեռնային Ղարաբաղում կրկին վերածնվեց քաղկեդոնականությունը և պայմաններ ստեղծեց ուղղափառ «տիպի» քրիստոնեական հուշարձանների տարածման համար [10. 333]:

Իր եզրակացությունը հիմնավորելու համար Ռ. Գեյուշևը վկայակոչում է Կիրակոս Գանձակեցու աշխատությունը, որտեղ ասվում է, որ Իվանեն «ընկել է հերետիկոսության մեջ» [7. 120], իսկ ամիրսպասալար Զաքարեն կոչ է անում հայ հոգևորականներին երկրպագել սրբապատկերներին [7. 125]: Սակայն, միևնույն ժամանակ, Ռ. Գեյուշևը «մոռանում է» ներկայացնել այդ մեջբերման վերջաբանը, որտեղ ասվում է, որ «Զաքարեն ողջ կյանքում, քանի դեռ ողջ էր, գործել է իր ցանկությանը համապատասխան, բայց եկեղեցիները շարունակեցին գործել նախկինի պես»: Այսպիսով, Կիրակոս Գանձակեցին պարզ նշում է, որ Արցախի եկեղեցիներն այս ընթացքում շարունակել են մնալ Հայ Առաքելական եկեղեցու գրկում, ինչպես եղել է դարեր ի վեր [7. 125]:

Ռ. Գեյուշևը Դադիվանքի միանավ մեծ բազիլիկան թվագրում է VI–VII դարերով և կարծում է, որ ավելի ուշ՝ XIII դարում, վանքի վանահայր Տեր-Աթանասի կողմից դրան ավելացվել են երկու աբսիդներ [12. 86]:

Սակայն բազիլիկի կառուցման տեխնոլոգիայի ուսումնասիրությունները ցույց են տվել, որ «նախ՝ պատերի հաստության մեջ կառուցված ավանդատները կարող են կառուցվել միայն եկեղեցու հիմնական ծավալի հետ միաժամանակ, և երկրորդ՝ նման ներկառուցված ավանդատները հայտնվում են զարգացած միջնադարում» [16. 114]: Այդպիսի ճարտարապետական ձևերի օրինակներ են Բարձրաքաշի (XI դ.), Թեժառույքի վանքերը՝ (XIII դ.) և այլն [1. 198–218, 16. 50] :

Ռ. Գեյուշևը բազմիցս վերադարձել է Դադիվանքին և չնայած վանքի պատերին և խաչքարերին բազմաթիվ վիմագրական արձանագրություններին, որոնք վկայում են, որ շինությունների մեծ մասը կառուցվել է XII–XIII դարերում, նա փորձել է հնացնել վանքը՝ ըստ երևույթին հույս ունենալով հեշտությամբ «աղվանացնել» այն:

Նա, մասնավորապես, իր աշխատություններից մեկում նշում է, որ թեև ամենահին արձանագրությունը թվագրվում է 1182 թվականին և պատկանում է Վախթանգի որդի Խաչենի իշխան Հասանին, այնուամենայնիվ, «Ջալալյանի կողմից ֆիկսված արձանագրությունում նշվում է, որ «... Դադիվանքը... թողնվել է մեզ մեր նախնիներից՝ նրանց երաշխավորելու նպատակով, որովհետև այս վանքերում չկան այն մարդիկ, որոնք նախկինում էին...»: «Սա մեզ հիմք է տալիս ենթադրելու, որ համալիրում դեռևս կային հնագույն շինություններ», – եզրափակում է Ռ. Գեյուշևը [11. 67]:

Դեռևս 1986 թվականին Դադիվանքը դարձավ Դ. Ախունդովի ուսումնասիրության առարկան: Նրա մոտ հուշարձանը ստացել է նոր անվանում՝ «Խաշավանք» և առաջ է քաշում. գիտության հետ կապ չունեցող վանքի անվանման հետ կապված մի ամբողջ «տեսություն»: Նա ընդգծում է, որ Արցախում ապրում էին կովկասյան աղվանները, որոնց մեջ մտնում էին նաև ուտի-ուդիները, որոնց լեզվում «խաշ» բառն ունի «կրկնակի նշանակություն՝ Լուսին և լույս, պայծառություն» և ուղղակիորեն առնչվում է «անվերջ լույսի պաշտամունքին – Միհր աստծուն և Լուսնի աստվածությանը...» [5. 225]:

Ադրբեջանցի պատմաբանների այս մոտեցումն առաջին հերթին կապված է հայկական մշակույթից հայ քրիստոնեական հուշարձանները օտարացնելու և դրանք «աղվանացնելու» փորձի հետ՝ դրանց հետագա ադրբեջանացնելու համար: Իսկ Խոտավանք (Խութավանք) – Դադիվանք անվանումների ստուգաբանության վերաբերյալ կարելի է ասել հետևյալը. «Խութ» բառը հայերենում նշանակում է «բլուր», որը համապատասխանում է այն տարածքի լանդշաֆտին, որտեղ գտնվում է վանքը, ուստի վանքը կոչվում է Խութավանք՝ «վանք բլրի վրա», իսկ Դադիվանք անունը կապված է Թադեոս առաքյալի առասպելական աշակերտի անվան հետ և ոչ մի կապ չունի ոչ միհրայականության, ոչ լուսնի աստվածության, ոչ էլ «սրբապատկերի» հետ: Ի դեպ, մեկ այլ տեղում նույն Ռ. Գեյուշևը նշում է, որ վանքի անունը կապվում է Թադեոս առաքյալի աշակերտներից մեկի մասին լեգենդի հետ [8. 89] :

Փորձելով Դադիվանքը օտարել Հայաստանի պաշտամունքային ճարտարապետական հուշարձանների շարքից՝ Դ. Ախունդովը, առանց որևէ փաստարկների, հայտարարում է, թե «Կովկասյան Աղվանքի ճարտարապետների այս հետաքրքիր ստեղծագործությունը խիստ տարբերվում է հարևան ժողովուրդների կրոնական ճարտարապետության գործերից» և «չունի ոչ մի նմանատիպ կառույց հայ միջնադարյան ճարտարապետական համալիրներում» [5. 226]:

Հիշեցնենք, որ քննարկվող «Կովկասյան Աղվանքի ճարտարապետների ստեղծագործության» բոլոր արձանագրությունները (ավելի քան յոթ տասնյակ)՝ շինարարական, նվիրատվական, հիշատակային և այլն արված են հայերեն լեզվով, հայերեն տառերով: Իսկ իշխանուհի Արզու-Խաթունի կողմից իր որդիների պատվին կառուցված տաճարի հորինվածքը շատ մոտ է Գանձասարի վանքի Սբ. Հովհաննես Մկրտիչ եկեղեցուն: Դադիի անվան հետ կապված միանավ մեծ բազիլիկը համեմատելի է Հայաստանի միջնադարյան բազմաթիվ հուշարձանների հետ. մասնավորապես

Բարձրաքաշի (XI դ.), Թեժառույքի (XIII դ.), Գրիգորիսի գավիթ – ժամատունն իրենից ներկայացնում է միջնադարյան Հայաստանի այդ տիպի ամենատարածված կառույցներից մեկը (Թեղենեաց վանք, Սանահին, Գոշավանք, Հառիճավանք, Մակարավանք, Կեչառիս, Հաղարծին), Դադիվանքի գրատունը նմանատիպ է Սանահինի գրատանը, իսկ պալատական սրահում վանական համալիրի ճարտարապետներն օգտագործել են XIII դարի հայկական գավիթների տիպիկ քառասյուն կենտրոնաձիգ հորինվածքը՝ կենտրոնում գլանաձև տանիքով [16. 108–109]:

Դարձյալ դառնալով Դադիվանքին (որը նա համառորեն կոչում է «Խաշավանք») Դ. Ախունդովը նշում է, որ «տաճարի կենտրոնում գտնվող հենասյուների բարձր հիմքերի վրա, դեպի արևմտյան մուտքը, քանդակված են մարդու, խոյի և երկու ցլի գլուխներ» [5. 233]:

Հետաքրքիր է, որ Դադիվանքի գլխավոր տաճարում սյուներ ընդհանրապես չկան, իսկ գմբեթը հենվում է որմնասյուների վրա, որոնք նույնպես չունեն բարձրաքանդակներ: «Գլուխներ» կան Խաթրավանքի սյուների հիմքերում, որը գտնվում է Դադիվանքից հարավ-արևելք՝ Մարտակերտի շրջանի Վաղուհաս գյուղից 7 կմ դեպի արևմուտք՝ Թարթառ գետի աջ ափին: Դ. Ախունդովն այսպես թե այնպես փորձում է «միհրական» մոտիվներ գտնել այս բարձրաքանդակներում՝ նշելով, որ «խոյի գլխի պատկերումը վկայում է հին և միջնադարյան աղբբեջանցիների աշխարհայացքի մասին. Միհր աստծու խոյի – Ֆարնի կերպարը՝ կապվում է արեգակնային և լուսնային պաշտամունքների հետ, հանդես է գալիս որպես լույս-կրակի պատկերումը» [5. 234]:

Իսկ Խատրավանքի բարձր ռելիեֆները, որոնք ներկայացնում են մարդու, ցլի, առյուծի և արծվի գլուխներ ոչ մի կապ չունեն հեթանոսության կամ միհրականության հետ, այլ ավետարանիչների խորհրդանիշներն են [36. 52 -54]:

1970-ական թվականներից աղբբեջանցի պատմաբանները փորձել են յուրացնել հայտնի Գանձասարի վանքը: Այս ժամանակի աշխատանքներից կարելի է նշել Ռ. Գեյուշևի գրառումը (դժվար է հոդված անվանել՝ ընդամենը երկու էջ)՝ ուղղված ճարտարապետության դոկտոր Ա.Լ. Յակոբսոնի արտահայտած կարծիքի դեմ, թե Գանձասարի տաճարը հայ ճարտարապետության հանրագիտարան է [39. 433–448]: Իր հերթին Ռ. Գեյուշևը փորձում է «ապացուցել», որ «Գանձասարի վանքի տաճարը և ամբողջ համալիրը Կովկասյան Ալբանիայի մշակույթի և կրոնի հուշարձաններ են» [11]: Գրառման վերնագիրը ենթադրում է առկա փաստերի խորը գիտական վերլուծություն, սակայն Ռ. Գեյուշևը փորձում է հասնել իր նպա-

տակին՝ որպես փաստարկ օգտագործելով աղբյուրներից և գիտնականների ուսումնասիրություններից հատվածներ մեջբերելով: Տեսնենք, իսկապե՞ս Գեյուշևի ներկայացված տեղեկությունները հերքում են Ա. Յակոբսոնի կարծիքը:

Ռ. Գեյուշևը վկայակոչում է XIII դարի անանուն աշխարհագրությունը, որտեղ ասվում է. «Խաչենը դժվարամատչելի տարածք է, լեռների և անտառների մեջ: Պատկանում է Արրանի շրջաններին, *այնտեղ հայեր կան*» [21. 204]: Ռ. Գեյուշևը խոհեմաբար բաց է թողնում մեր ընդգծած արտահայտությունը, բայց իր անունից ավելացնում է «այսինքն՝ Կովկասյան Ալբանիային» [11. 366]:

Այնուհետև, փորձելով ապացուցել իր տեսակետը, Ռ. Գեյուշևը վկայակոչում է ակադեմիկոս Ի.Ա. Օրբելուն, ով իսկապես հավանական էր համարում, որ որոշակի ժամանակաշրջանում Արցախը կարող էր կազմել Աղվանքի մաս [30. 146]: Տպավորություն է ստեղծվում, որ Ռ. Գեյուշևը, ըստ երևույթին, ամբողջության չի կարդացել Ի. Օրբելու հոդվածը: Հակառակ դեպքում նա կնկատեր, որ ականավոր գիտնականը հոդվածը եզրափակում է հետևյալ խոսքերով. «Գրության հիման վրա կարելի է իրավացիորեն պնդել, որ ուսումնասիրվող դաշույնի բռնակը պատկանել է Խաչենի տիրակալ հայոց իշխան Հասան Ջալալ Դավլային, ով մահացել է 1261 թվականին» [30. 161]:

Մեկ այլ հոդվածում, Ռ.Գեյուշևը խոսելով տաճարի ճարտարապետական առանձնահատկությունների մասին նշում է, որ «տաճարի ճարտարապետությունը խաչաձև կենտրոնագմբեթ հորինվածք ունի, որի ակունքները հասնում են VIII-IX դարերին», որ «նման պլանավորված հորինվածք չի հանդիպում IX դարի արևելյան երկրների կրոնական շենքերում» [11]: Նշենք, որ խաչաձև կենտրոնագմբեթ հորինվածքը մշակվել է ոչ թե VIII–IX դարերում, ինչպես պնդում է Ռ.Գեյուշևը, այլ X դարում և ներկայացված է Հայաստանի այնպիսի «հուշարձաններով, ինչպիսիք են Հաղպատի (967–991), Սանահինի (967–972), Կեչարուկի (1033թ.) տաճարները» [39. 434]:

Այս հոդվածում Ռ.Գեյուշևը հաճախ կրկնում է Ա. Յակոբսոնի արտահայտած դիրքորոշումները Գանձասարի ճարտարապետության վերաբերյալ՝ միաժամանակ հրաժարվելով այն ամենից, ինչը չի համապատասխանում իր իսկ նպատակներին: Մասնավորապես, հետևելով Ա Յակոբսոնին, նա նշում է, որ «յուրաքանչյուր կորնթարդ առագաստի վերին մասում, ձողերը շրջանակող հարթության վրա, պատկերված են սուրբ կենդանիների գլուխների հորելիեֆներ՝ ցուլի, խոյի», մինչդեռ այդ առագաստների վրա կան մարդու, առյուծի, ցլի և արծվի բարձր հորելիեֆներ, որոնք խորհրդանշում են ավետարանիչներին [36. 53]:

Փորձելով աղվանացնել Գանձասարը՝ Ռ. Գեյուշևը հայտարարում է, որ «երկբնակ բնույթի բազմաթիվ տարրերը ցույց են տալիս, որ տաճարը հայկական չէ, այլ աղվանական է», բայց չի մեջբերում «երկբնակ բնույթի» որևէ տարր։

Բազմաթիվ էջեր են նվիրված Գանձասարի վանքին Դ. Ախունդովի աշխատության մեջ [6]։ Այստեղ մենք բախվում ենք ինչպես ճարտարապետությանը, այնպես էլ հուշարձանի վրա ներկայացված պատկերների իմաստաբանությանը վերաբերող խնդիրների կողմնակալ լուսաբանմանը։ Նորից նույն «միհիրականության» գայթակղությունը։ Դ. Ախունդովը քրիստոնեական տաճարներում փորձում է գտնել նախաքրիստոնեական խորհրդանիշներ, տալ «միհիրական» բացատրություն Արցախի քրիստոնեական տաճարների ու խաչքարերի այս կամ այն պատկերներին։ Այսպես, վերլուծելով Գանձասարի վանքի տաճարի ճակատամասերի հարթաքանդակները, Դ. Ախունդովը եզրահանգում է, որ նրանցում ներկայացված է աշխարհի բազմաստիճան միհրական պատկերը։ Անդրադարնալով տաճարի արևմտյան ճակատամասի Խաչելության քանդակին՝ նա նշում է, որ այստեղ ևս պատկերված է աշխարհի բազմաստիճան միհրական պատկերը [5. 230]։ Իրականում այստեղ ներկայացված է Խաչելության մի հորինվածք, ուր խաչելության խաչը հենվում է շքեղ վարդյակի վրա, որը խորհրդանշում է երկրային Գողգոթան, ուր թաղված էր Ադամը և որտեղ խաչվել է Քրիստոսը [34. 283]։ Տվյալ հորինվածքը հայտնի է Հայաստանի շատ հուշարձաններից՝ Փարպի, Հովհաննավանք, Գնդեվանք և այլն [34. 185]։ Վերջին երկու դեպքերում խաչի տակ վարդյակի փոխարեն պատկերված է Ադամի գլուխը։ Այդպիսի հորինվածքը խորհրդանշում է Խաչի փրկագործությունը. խաչի տակ Ադամի գլուխը խորհրդանշում է նախնական մեղքը, իսկ Քրիստոսը՝ այդ մեղքի հաղթահարման հեռանկարը [34. 283]։ Քրիստոսի բացված ձերքերի վերևում տեղադրված են սերովբեներ, որոնք քրիստոնեական առասպելաբանության մեջ ներկայացնում են Աստծո աթոռի պաշտպանությունը [22. 427]։ Երկու հակադրվող թռչունները խաչի վրա ներկայացվել են արծիվների պատկերներով, որոնք միջնադարյան քրիստոնեական սրբապատկերության մեջ ծառայում էին որպես Մկրտության և Համբարձման խորհրդանիշ [23. 260]։ Քրիստոսի երկու կողմերին պատկերված են ծնկաչոք ֆիգուրաներ։ Այսպիսով, մեր առջև տիպիկ «Խաչելության» հորինվածք է, որը լայնորեն տարածված էր հայկական միջնադարյան խաչքարերի վրա, և հայտնի է «Ամենափրկիչ» անունով [34. 188, 191]։

Դ. Ախունդովը պնդում է, որ աղվանական ճարտարապետության յուրահատկություններից են «քրիստոնեական, զրադաշտական, միհրական և մահմեդական կրոնների հյուսվելը» [5. 234]. Աղվանական արվեստին յուրահատուկ տարրերից նա նշում է վանքերի, տաճարների, մանրակերտերի պատկերումը Արցախի եկեղեցիների վրա: Հարկ է նշել, որ նման քանդակներն ու պատկերումները բնորոշ են ինչպես Հայաստանի, այնպես էլ Վրաստանի համար: Մասնավորապես, «Հայաստանի միջնադարյան ճարտարապետության մեջ ներկայացված են չորս տեսակի մանրակերտեր՝ նվիրատվական, մասունքների պահպանման տուփ, ճակտոնազարդ և տիպար: Գանձասարի թմբուկի մանրակերտները՝ կառուցողների պատկերաքանդակների հետ պատկանում են նվիրատվական խմբին, որոնք հանդիպում են Հայաստանի բազմաթիվ վանքերում (Աղթամար, Հաղպատ, Սանահին, Հառիճավանք, Հաղարծին և այլն): Գանձասարում կա մանրակերտների մյուս տեսակը ևս՝ ճակտոնազարդ ծառայող, որը նույնպես բավական տարածված է Հայաստանի ճարտարապետական համալիրներում Բարձրակաշի ս. Գրիգոր վանք, Հառիճվանք, Գեղարդ, Ամաղու Նորավանք և այլն)» [16. 93]:

Դ.Ախունդովը չի համաձայնվում Լ. Դուրնովոյի հետ, ով Գանձասարը համարում է «հայկական ճարտարապետության լավագույն հուշարձաններից մեկը» և ընդգծում է, որ «տաճարը իր չափերով, քանդակագործական ձևավորման խոհունությամբ, փորագրությունների քանակով և բարձր որակով պետք է դասվի ալբանական և ***ոչ միայն ալբանական ճարտարապետության*** լավագույն ստեղծագործությունների շարքում» [5. 228–229]: «Ոչ միայն աղվանական ճարտարապետություն» արտահայտությամբ, ըստ երևույթին, պետք է հասկանալ «ադրբեջանական», մանավանդ որ նույն էջի տողատակ նա պարզ նշում է, թե ինչի մասին է խոսքը. «Լ. Դուրնովոն, Ա. Յակոբսոնը, Բ. Ուլուբաբյանը, Մ. Հասրաթյանը, Թիերին, Ա. Այվազյանը և այլք ձգտում են կովկասյան Ալբանիայի (Ադրբեջանի) ճարտարապետական հուշարձաններն անվանել հայկական՝ ***այդպիսով օտարելով ճարտարապետության և արվեստի եզակի գործերը ադրբեջանական ժողովուրդից»*** [5. 229]:

Հատուկ ուշադրության է արժանի Դ. Ախունդովի փորձը՝ մեկնաբանել Գանձասարի հարթաքանդակների պաշտամունքային սիմվոլիկան: Կրկին նույն «միհրայացման» մոլուցքը: Դ. Ախունդովը փորձում է քրիստոնեական եկեղեցիներում նախաքրիստոնեական խորհրդանիշներ գտնել, «միհրայական» բացատրություն տալ Արցախի քրիստոնեական տաճարների և խաչքարերի որոշ զարդաքանդակներին [5. 236–252]:

Եզրակացություններ

Եթե խորհրդային ժամանակաշրջանում հայկական էթնոսին հատկացվել էր որևէ դեր տվյալ տարածաշրջանի պատմության ու մշակույթի մեջ, ապա այսօր ամբողջությամբ արհամարհվում է հայերի գոյությունը ոչ միայն Արցախում, այլև՝ ընդհանրապես Հարավային Կովկասում:

Հայ մշակութային ժառանգության օտարացման եւ յուրացման ընթացքում, աղրբեջանցի պատմաբանները «փնտրում» և «գտնում» են միհիրականության տարրեր Արցախի քրիստոնեական հուշարձաններում:

«Աղվանականացման» են ենթարկվում ոչ միայն նորաստեղծ Աղրբեջանի Հանրապետության տարածքում գտնվող հուշարձանները, այլ նաև Հայաստանի Հանրապետությունում գտնվողները՝ Գոշավանքը (XI-XIII դդ. Իջևանի շրջան), Գյուտավանքը (Հադրութի շրջան – XIII դդ.), Տաթևը (Զանգեզուրի շրջան – IX–XI դդ.), Կիրանց գյուղի Սբ. Երրորդություն և Ոսկեպարի Սբ. Աստվածածին եկեղեցիները և այլն:

Ժամանակակից աղրբեջանական պատմաբանների աշխատանքի մեթոդը պանթուրքիզմի գաղափարների իրականացման նպատակաուղղված օրինակ է, որը բացահայտորեն քարոզվում է Ադրբեջանում: Ընդ որում այդ գաղափարները ոգեշնչողների դերում. ինչպես և նախկինում, հանդես են գալիս պետության ղեկավարները:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Այվազյան Ս.* Դադիվանքի հոգևոր շինությունների կառուցման ժամանակագրական հաջորդականությունը, ՊԲՀ, 3, Եր., 2006, էջ. 198–218:
2. *Арутюнян Б.* Административно-политическое состояние северо-восточных областей царства Великой Армении 387–451гг./ К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и Восточных провинций Армении. Ер., 1991. СС. 16–37.
3. *Арутюнян Б.* К вопросу о локализации страны Лпинк// К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и Восточных провинций Армении. Ер., 1991. СС. 107–126.
4. *Ахундов Д.* Пути развития круглых храмов Азербайджана // «Ученые записки АН Аз.ССР», сер. X, № 1, Баку, 1976. СС. 3–17.
5. *Ахундов Д.* Отличительные черты и символические особенности стел Кавказской Албании // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тезисы докладов, Баку, 1985. СС. 77–78.
6. *Ахундов Д.* Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку, изд.-во «Азернешр»,1986.
7. *Гандзакеци К.* История Армении. М., 1976.
8. *Геюшев Р.* Армянская надпись о построении купольной базилики Хотаванского комплекса, ДАН Аз.ССР, № 2, Баку, 1971. СС. 89–92.
9. *Геюшев Р.* О хотаванском монастыре и его надписях. // Изв. АН Аз.ССР, № 3, Баку, 1972. СС. 65–72.
10. *Геюшев Р.* О слове «хат» в наименованиях памятников Нагорного Карабаха/ МКА, вып. 7, Баку, 1973. СС. 331–334.

11. *Геюшев Р.* О конфессиональной принадлежности Гандзасарского монастыря // МКА, вып. 7, Баку, 1973. СС. 366–368.
12. *Геюшев Р.* Христианство в Кавказской Албании. Баку, 1984.
13. *Գրիգորյան Վ.* Հայաստանի վաղ միջնադարյան կենտրոնագմբեթ փոքր հուշարձաններ. Եր., 1982:
14. *Фаензен Н.* Некоторые вопросы формирования крестово-купольных церквей (II международный симпозиум по армянскому искусству, сб. докл. т. II, Ер., 1978. СС. 15–24.
15. *Կարանկատվացի Մ.* Պատմություն Աղվանից աշխարհի. Եր., 1983:
16. *Հասրաթյան Մ.* Հայկական ճարտարապետության Արցախի դպրոցը. Եր., 1992:
17. *Կարապետյան Ս.* Հայ մշակույթի հուշարձանները խորհրդային Ադրբեջանի բռնակցված շրջաններում. Եր., 1999:
18. *Կարապետյան Ս.* Հյուսիսային Արցախ. Եր., 2004:
19. *Мелик-Оганджанян К.* Историко-литературная концепция З. Буниятова // «Вести архивов Армении», № 2. Ер., 1968. СС. 169–196.
20. *Мелик-Оганджанян К.* Еще раз о национальной принадлежности Мхитара Гоша, автора «Судебника» // «Вестник арховов Армении», № 1, Ер., 1969. СС. 183–198.
21. *Миклухо-Маклай Н.* Географическое сочинение XIII века на персидском языке («Ученые записки Института востоковедения», IX, М.–Л., 1954. СС. 146, 204.
22. Мифы народов мира. М., 1988, т. 2, с. 260.
23. Мифы народов мира. М., 1988, т. 2, с. 427.
24. *Мнацаканян С.* О литературе Кавказской Албании. Ер., 1969.
25. *Մնացականյան Ս.* Զվարթնոցը և նույնատիպ հուշարձանները, Եր., 1971:
26. *Մնացականյան Ս.* Հայկական աշխարհիկ պատկերաքանդակը X–XIV դարերում. Եր., 1976:
27. *Мурадян П.* Обнаружен еще один «албанский» историк // История – память поколений. «Проблемы истории Нагорного Карабаха». Ер., 1990.
28. *Новосельцев А.* К вопросу о политической границе Кавказской албании в античный период// К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и Восточных провинций Армении, Ер., 1991. СС. 10–18.
29. *Новосельцев А.* Кавказская Албания: проблемы, трудности и пути их преодоления, Восток, № 5, М., 1991. СС. 190–200.
30. *Орбели И.* Асан Джалал, князь Хаченский (Избранные труды). Ер., 1963. СС. 146–174.
31. *Պետրոսյան Հ.* Խաչի գաղափարաբանությունն ու պատկերագրությունը վաղքրիստոնեական Հայաստանում// Հայագիտության արդի վիճակը և նրա զարգացման հեռանկարները, միջազգային գիտաժողով, Եր., 2003, էջ 587–604:
32. *Պետրոսյան Հ.* Վողճերը և մեռածները (մահը և անմահությունը հայ ավանդական աշխարհընկալման համակարգում)// Գիտություն և տեխնիկա, թիվ 6–7, Եր., 2003, էջ 54–60:
33. *Պետրոսյան Հ.* Խաչքարը և հիշատակի միջնադարյան ընկալումը (Հայոց պատմության հարցեր). Գիտական հոդվածների ժողովածու. ՀՀ ԳԱԱ Պատմության ինստիտուտ, Եր.,2005, էջ 195 – 215:
34. *Պետրոսյան Հ.* Խաչքար. ծագումը, գործառույթը, պատկերագրությունը, իմաստաբանությունը, Եր., 2008:
35. *Свазян Г.* Понятие «страны Агванк» в сочинении Мовсеса Каганкатваци // «Вестник архивов Армении», № 1. Ер., 1971. СС. 225–283.

36. *Сафарян В.* К вопросу о интерпретации некоторых рельефов гандзасарского монастыря // Ученые записки АрГУ, № 1, Степанакерт, 2004. СС. 52–54.
37. *Ուլուբաբյան Բ.* «Ալբանիյա», «Աղվանք» և «Առան» տեղանունները, ՊԲՀ, Եր., 1971, 3, էջ. 115–126:
38. *Ուլուբաբյան Բ.* Հին Աղվանքի սահմանների շուրջը // Բանբեր Երևանի համալսարանի, Եր., 1979, թիվ 1, էջ 109–124:
39. *Якобсон А.* Из истории армянского средневекового зодчества (Гандзасарский монастырь XIII века) // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и Восточных провинций Армении. Ер., 1991. СС. 433–448.
40. *Якобсон А.* Гандзасарский монастырь и хачкары // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и Восточных провинций Армении. Ер., 1991. СС. 448–457.

СРЕНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА АРЦАХА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (ДАДИВАНК И ГАНДЗАСАР)

В. Сафарян
Институт археологии и этнографии НАН РА

АННОТАЦИЯ

На территории Нагорного Карабаха сохранилось более 3000 историко-архитектурных памятников, созданных в период с V по XV в. Среди них особое место занимают культовые сооружения – монастыри, церкви и хачкары. Если до 1960-х гг. их в основном изучали армянские ученые, то начиная со второй половины 1960-х годов они стали обьектом «исследований» азербайджанских историков.

Начиная с этого времени, азербайджанские историки пытаются присвоить культурное наследие армян Арцаха. В процессе отчуждения и присвоения армянского культурного наследия, азербайджанские историки «ищут» и «находят» митраистские элементы в христианских памятниках Арцаха. Обьектами отчуждения и присвоения стали, в частности, монастырские комплексы Дадиванк и Гандзасар.

В ответ на попытки отчуждения и присвоения историко-культурного наследия Арцаха, в 1970-1990гг. армянские ученные обосновывали абсурдность подобных тенденций.

Если в советское время армянскому этносу отводилась какая-то роль в истории и культуре региона, то сегодня полностью игнорируется существование армян не только в Арцах-Карабахе, но и во всем Закавказье.

Сегодня Азербайджан продолжает проводить широкомасштабную работу, направленную на фальсификацию исторических реалий. Подвергаются «албанизации» не только памятники, расположенные на территории новосозданной Азербайджанской республики, но и находящиеся на территории Республики Армения.

В данной статье делается попытка с позиций достижений армяноведения показать несостоятельность и абсурдность подобных тенденций азербайджанской историографии.

Ключевые слова: Арцах, Дадиванк, Гандзасар, фальсификация, культура, Великая Армения.

MEDIEVAL CULTIC ARCHITECTURE OF ARTSAKH IN AZERBAIJANI HISTORIOGRAPHY (DADIVANK AND GANDZASAR)

V. Safaryan
Institute of Archeology and Ethnography,
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia

ABSTRACT

More than 3,000 historical and architectural monuments created in the 5th–15th centuries have been preserved on the territory of Artsakh. If before the 1960s. they were studied mainly by Armenian scientists, then from the second half of the 1960s they became the subject of "study" by Azerbaijani historians. Since then, Azerbaijani historians have been trying to appropriate the cultural heritage of the Armenians of Artsakh. In particular, Dadivank and Gandzasar became objects of rejection and appropriation from Armenian history and culture.

In the 1970–1990s, in response to attempts by Azerbaijani researchers to appropriate the historical and cultural heritage of Artsakh, Armenian scientists in their works substantiated the absurdity of such trends.

If during the Soviet period the Armenian ethnic group was assigned some role in the history and culture of this region, today the existence of Armenians is completely ignored not only in Karabakh, but throughout the entire South Caucasus.

If during the Soviet period the Armenian ethnic group was assigned some role in the history and culture of this region, today the existence of Armenians is completely ignored not only in Karabakh, but throughout the entire South Caucasus.

Today, large-scale work aimed at falsifying historical reality has intensified in Azerbaijan: not only monuments located on the territory of the newly created Republic of Azerbaijan are being Albanized, but also those located on the territory of the Republic of Armenia.

This article, using the example of the Armenian monasteries of Dadivank and Gandzasar, shows the inconsistency and groundlessness of attempts by Azerbaijani historians to appropriate the cultural heritage of the Armenians of Karabakh.

Keywords: Artsakh, Dadivank, Gandzasar, falsification, culture, Great Armenia.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-307-317

АРМЯНЕ В МОСКВЕ В XVII ВЕКЕ

С.М. Степанянц

Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт международных отношений и
общественно-политических наук
stepan.stepanyants@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье нами был проведен анализ истории жизнедеятельности армянского населения Москвы в XVIIв. (как постоянно проживающего, так и временно прибывающего). Освещена деятельность представителей Джульфинской армянской торговой компании в Москве, их контакты с царской администрацией и лично с царем Алексеем Михайловичем, заключение торговых льгот.

На основе архивных документов освещается жизнедеятельность армянства Москвы, деятельность придворного живописца Богдана Салтанова. Особо освещена деятельность армянского рода Мануковых – родственников по матери полководца А.В. Суворова.

Ключевые слова: Москва, торговая компания, царский трон, купец, толмач.

Введение

Сведения о деятельности армян в Москве в первой половине XVIIв. отсутствуют. Однако, зная активность армянского народа в политических событиях России в последующие века, трудно представить, чтобы армянство Москвы не принимало бы участия в событиях «Смутного времени» или в народном ополчении, освободившем Москву от иноземных захватчиков. Тем не менее, как уже было сказано выше, документальные сведения о деятельности армян в этот период отсутствуют.

Материалы и методы

Из имеющихся в наличии документальных материалов (запись в книге Посольского приказа) первое упоминание об армянах, приехавших в Москву в XVIIв., относится к 1660г. В этот год в Москву, ко двору царя Алексея Михайловича, в качестве посла шаха Ирана Аббаса II, прибыл армянский купец из Новой Джульфы Захар Саградов (в документах Посольского приказа – армянский купец из Испагани Ходжа Захария Саградов) [1] в сопровождении девяти других купцов, которые остановились в Москве, в доме в Артамоновском переулке, названном в честь именитого московского боярина Артамона

Сергеевича Матвеева (в дальнейшем, переулок будет назван Армянским).

Гости из Ирана привезли образцы иранских товаров, а также подарки царю Алексею Михайловичу.

Глава посольства Захар Саградов был сыном известного джульфинского армянского купца и главы Джульфинской торговой компании Саграда Шериманяна и представлял интересы Джульфинской торговой компании в России.

Поездка Захара Саградова должна была завершиться подписанием торгового соглашения между влиятельной и богатой армянской торговой компанией и правительством Российского государства.

Как свидетельствуют документы и сообщения того времени, «Ходжа Захар был принят по протоколу посланника: представлен на особой аудиенции царю, потом приглашался на дворцовые приемы, имел перед домом, где остановился, караул» [2].

«Апреля 12 допущен был Сарадов (Саградов – С.К.) на аудиенцию к Государю, и поднес в дар Его Величеству следующие вещи: писаную на медном листе Тайную вечерю, царское место, или кресло, оправленное золотом, украшенное алмазами, яхонтами, жемчугом и бирюзами; перстень с алмазом…» [3].

Царю Алексею Михайловичу очень понравилась гравированная на меди «Тайная вечеря», и он поинтересовался мастером, создавшим ее.

Изготовленный из сандалового дерева, Алмазный трон, напоминающий «павлиньи» троны правителей Индии – магарадж – был отделан слоновой костью и украшен 28-ю фунтами золота (11 кг золота – С.К.), 8-ю фунтами серебра, 697-ю алмазами, 1298 – яхонтами, 18.030 зернами восточной бирюзы, жемчугом. Часть драгоценных камней для трона специально была закуплена в Индии [4].

Алмазный трон был изготовлен в 1659г. мастерами в Нор-Джуге (Новой Джульфе) – армянском пригороде столицы Ирана Исфагане – и, как предполагает крупнейший исследователь творчества армянского художника Богдана Салтанова Н.М. Молева, по-видимому, художник Богдан Салтанов (на то время Аствацатур Салтанян или Танри Веран) принимал участие в создании Алмазного трона[5].

Царь Алексей Михайлович щедро вознаградил Захария Саградова, дал ему поручение приобрести «дорогие каменья и иных узорчатых (т.е. украшенных рисунком) товаров», но, главное, прислать в Москву «мастеровых золотописцев, золотого и серебряного дела мастеров», а также всяких людей, знающих ремесла [6].

Помимо экономических вопросов царь Алексей Михайлович обсуждал с З. Саградовым также и политические вопросы, касающиеся взаимоотношений Московского государства с Ираном.

Идя навстречу пожеланиям царя, З. Саградов от имени своего отца Саграда Шериманяна и от своего имени обязался прислать в Москву армянских мастеров – художников – для работы при дворе царя: «А великому де государю всякими узорочьи и мастеровыми людьми отец ево и он (Захарий) промышлять готовы для его великого государя милости» [7].

Позднее и в письме Алексею Михайловичу от 1666г. Ходжа Захар рекомендовал находившегося в его джульфинской мастерской, где была создана выгравированная на меди «Тайная вечеря», хорошего мастера, «а имя ему Богдан» [8].

Приезд Захария Саградова послужил поводом для направления в 1662г. русского посольства в Иран во главе с окольничим Федором Яковлевичем Милославским и в сопровождении армянского джульфинского купца Микитки Петрова. В результате русско-иранских переговоров Федора Милославского с шахом Ирана русским купцам были предоставлены льготы для торговли на всей территории Ирана. Через посредничество Захария Саградова и других армянских купцов были завербованы разные «мастеровые люди», которые в составе большой группы армян во главе с приказчиками Саградовых Григорием Лусиковым и Стефаном Рамадамским прибыли в Москву. Об этом имеется запись в книге Посольского приказа от 21 декабря 1666г., в которой сказано: «сын кизилбашские земли» Захарка Саградов бьет челом и сообщает, что он исполнил царево желание и вместе со своими приказчиками направил в Москву того мастера-живописца, чья картина так ему понравилась. В письме Саградова царю сказано, что имя художника «Танриверан», «по христианскому речению означает Богдан… Он обладает хорошим даром и ремеслом… Когда останетесь довольные его ремеслом, понравиться вам, приставьте к нему двух способных к живописи учеников и пусть учатся его ремеслу 5–6 месяцев» [9]. В случае возвращения Богдана на родину, Саградов обещал немедленно отправить другого мастера, которого царь затребует.

Художник Б. Салтанов в Россию приехал не один, а взял с собой родного брата Степана Яковлева.

Прибывшие в Москву приказчики З. Саградова Г. Лусиков и С. Рамадамский были приняты царем, «у великого государя у руки были декабря 21 дня» [10].

Они просили дать указ о даровании армянским купцам права свободной торговли шелком-сырцом «и иные всякие товары на русскую и на немецкую руку», т.е. в городах Российского государства и транзита через Великий Новгород или Архангельск в Западную Европу, «возвращения из моря с немецкими товарами» через Россию в Иран [11].

Несмотря на существующий в то время запрет транзита товаров из Европы в Иран для европейских купцов, царь Алексей Михайлович сделал исключение для

Джульфинской торговой компании и даровал армянским купцам право свободной торговли в России, транзита в Западную Европу и обратно.

31 мая 1667г. царь Алексей Михайлович дал Жалованную грамоту Армянской Джульфинской торговой компании, в которой, в частности, было сказано следующее: «По указу великого государя велено тем армянской компанье в его царского величества Российское царствие и в городы с шелком-сырцом и с иными персидскими товары приезжать и великого государя жаловальная грамота дана», после чего Лусиков и Рамадамский «со товарищи» выехали в Иран [12].

В документах Посольского приказа от 31 мая 1667г. есть запись, оставленная армянскими купцами: «Се яз Шаховы области и столици Испагани города, торговые люди Арменья Степан Моисеев сын Ромадамский, да аз Григорий Матвеев сын Лусиков, в нынешнем 7175 (1667 – С.К.) году пожаловал нас Великий Государь, Цари и Великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец, поволил нам, нашею Армянскою компаниею и прикащикам нашим приходить в свое Великого Государя Российское Царство и к Архангельскому городу и в иные Царского Величества порубежные города и до окрестных Немецких Государств с шелком сырцом и с иными Персидскими товары и в Российском Царстве торговать повольною торговлею» [13].

31 августа 1667г. царь Алексей Михайлович своею же Жалованной грамотой назначил поверенным Армянской Джульфинской торговой компании в России англичанина Томаса Брейна [14]. Также был заключен договор между поверенными торговой компании С. Рамадамским и Г. Лусиковым с англичанином Т. Брейном, дабы тот исполнял обязанности представителя компании в Москве. «Да нас же Великий Государь пожаловал, по нашему челобитью поволил от нас, от нашей компании быть на Москве в агентах московскому жителю Англичанину Томасу Томасову сыну Брейну» [15].

Армянские купцы из Джульфы развивали Волжско-Каспийский торговый путь, шедший затем через Москву в Архангельск, а затем – в европейские страны.

В Москве иранские армянские купцы задерживались надолго и продавали здесь часть своих товаров.

Согласно историческим документам, иранские армянские купцы останавливались как в самой Москве, так и в пригородных деревнях – Горенки и Мошницы [16].

Летом 1671г. Г. Лусиков снова посетил Москву. Из записи бесед в Посольском приказе и его письма Алексею Михайловичу явствует, что помимо

торговых дел он выполнял в Иране дипломатические поручения русского правительства, в частности, установил контакты с высшими иерархами Армянской церкви.

В связи с походом Степана Разина на Иран (бой у Свиного острова в июне 1669г. и др.), шах Ирана Сулейман был недоволен Россией. Однако Г. Лусиков смог рассеять сомнения шаха относительно участия в походе регулярных войск, указывая, что в походе участвовали лишь «разбойные люди» и «воровские казаки».

Однако, именно поход Степана Разина 1669г., а также восстание С. Разина 1670–1671гг., охватившее часть Каспийского моря и бассейн реки Волги, помешали развитию нормальных торговых отношений между армянскими джульфинскими купцами и Россией. Именно блокировка Волги восставшими перекрыла важнейшую хозяйственную артерию России. В этот период войска С. Разина захватывали как иранские купеческие корабли, так и русские. В 1670г. разинцы захватили Царицын, Астрахань и все Среднее Поволжье.

После разгрома восстания С. Разина армяно-российский торговый договор 1667г. должен был быть обновлен. В 1672г. переговоры об обновлении договора с армянскими купцами вел окольничий Посольского приказа Артамон Матвеев [17].

Новым торговым договором между Россией и армянской Джульфинской торговой компанией от 7 февраля 1673г. были дополнены статьи торгового договора от 31 мая 1667г.:

«а) в отношении безопасности от воров во время провоза шелку от Астрахани до Москвы;

б) если товар на сем пути потонет, то пошлин не брать;

в) за море вывозить шелк токмо в Государства, пребывающие с Россиею в мире;

г) если шелк не продается в России по вольной цене, брать в казну за лежей пуд по 35 руб…» [18].

Армянским купцам также разрешалось, кроме порта города Архангельск, отправляться в Швецию не сушей, как прежде, а морем через город Нарва.

Однако до перезаключения нового договора шах Ирана дал свое согласие армянским купцам на заключение нового торгового договора с Россией [19].

Гарантом нового договора с армянской стороны являлся также армянский Агванский (Гандзасарский, Албанский) католикос Петрос IV Хандзнеци (1653–1675), направивший русскому царю свое письмо.

Католикос Агванка был не единственным армянским церковнослужителем, обращавшимся к Алексею Михайловичу. К нему за помощью в вопросе

освобождения Армении от гнета захватчиков обращался и католикос всех армян Акоп IV Джугаеци (1655–1680). Католикос Акоп стремился к созданию антитурецкого блока, в сотрудничестве с Грузией, с целью освобождения Армении. Вскоре он во главе посольства, состоявшего из именитых армян, отправился за помощью в Европу. Однако в 1680г. католикос Акоп умер в Европе, а его дело продолжил член посольства 20-летний сын сюникского мелика Исраэл Ори.

Армянские купцы в Москве в XVIIв. торговали у Красной площади, в начале Варварки, Ильинки и Никольской улиц. Однако самая активная часть рынка располагалась в районе Варварки, или Варьской улицы. Как пишет академик М.Н. Тихомиров: «В отличие от других московских рынков этот основной торговый центр города назывался «великим торгом». Здесь в XVIIв. между Ильинкой и Варваркой стоял «Гостин двор», обращенный к Кремлю-городу «лицом». Здесь же «на Варварском крестьце, против Гостина двора», находился Старый Денежный двор. Рядом с ним возвышался каменный храм св. Варвары и поблизости от нее – Английский двор – ранее палаты Юрия Урвихвостова. На Варварке же был Устюженский гостин двор, и позади него место, «что ставились на нем арменя и греченя» [20].

Возвращаясь к судьбе живописца Богдана Салтанова (Аствацатура Салтаняна или Танри Веран), нужно отметить, что 3 декабря 1669г. он вместе со своим братом Степаном Яковлевым и с джульфинскими купцами прибыл в Москву и предстал перед царем Алексеем Михайловичем.

По повелению царя Богдан Салтанов был назначен одним из четырех придворных живописцев и работал под руководством первого придворного живописца поляка Станислава Лопуцкого.

По приказу царя Богдану Салтанову был предоставлен дом на Посольской улице в Китай-городе. Позже Богдан Салтанов приобрел собственный дом у устья Яузы.

Ему и его брату оказывал покровительство глава Оружейной палаты боярин Богдан Матвеевич Хитрово. Брат Б. Салтанова Степан Яковлев был определен на государственную службу в стольники и дозорники оружейной полковой казны.

Б. Салтанов был грамотным человеком, владел армянским письмом, что дает основания думать, что он учился в каком-либо армянском монастыре. В это время в Исфагане славилась школа армянских живописцев-миниатюристов. Не исключено, что Б. Салтанов принадлежал к этой школе. О поступлении Б. Салтанова на службу в Оружейную палату сохранился документ, в котором было сказано следующее: «175 г. (1667г. – С.К.) июня в 15 день великий

государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец указал быть вновь в Оружейной палате иноземцу армянские веры в живописных Богдану Салтанову, который по указу его великого государя прислал в Оружейную палату и Посольского Приказу в нынешнем во 175-м году июня в 8 день Посольского приказу переводчиком Даудовым, и выучить ему своему мастерству из русских людей учеников впредь для его государевых живописных дел, а для его иноземства великий государь указал ему дать своего государева жалованья в приказ с дворцов питься и корму с сытного десять ведер вина дворянского, ведро вина двойного, пятнадцать ведер пива, десять ведер меду, романеи, ренского вина, церковного по полуведру, с кормового белудну, осетрина, да свежих рыб шесть посолоив, хлебного осмину муки пшенично…» [21].

После пяти лет пребывания в России верующий Армянской Апостольской церкви Богдан Салтанов в 1674г. принял православие и 24 ноября того же года получил русское дворянство, получив дополнительно к своему имени еще имя Иван Иевлевич Салтанов и 300 рублей жалованья. Крестным отцом Богдана Салтанова стал боярин Богдан Хитрово.

Богдан Салтанов продолжал службу и при дворе Петра I. Переводчиком с русского на армянский язык Богдану Салтанову был назначен Василий Даудов.

Богдан (Иван Иевлевич) Салтанов – художник «иноземец армянской веры» – так он писался в официальных документах до принятия православия, работал в Московской оружейной палате в качестве живописца и иконописца в течение тридцати лет, однако его имя в ряду иконописцев упоминается редко, так как до принятия православия он оставался «армянской веры» и, что он не был иконописцем в строгом смысле слова, а поле его деятельности, как царского живописца, было значительно шире.

Один из позднейших историков искусств Московской Руси А. Новицкий так определяет место Богдана Салтанова в истории русской живописи: «Салтанов среди живописцев занимал такое же положение, как Симон Ушаков среди иконописцев» [22].

Как бы то ни было, даже приняв православие, Богдан Салтанов на официальных бумагах расписывался на армянском языке [23].

После отъезда первого придворного живописца поляка Станислава Лопуцкого в Польшу в 1670-х годах, Богдан Салтанов становится вторым придворным живописцем после живописца Ивана Безмина, а с 1686г., когда И. Безмин оказывается в опале, Богдан Салтанов становится главным мастером артели Оружейной палаты – главным придворным живописцем.

Ему было высочайше повелено выучить своему мастерству русских учеников. Его учениками стали в дальнейшем знаменитые живописцы Карл Золотарев, араб Марк Астафьев, братья армяне Матюшка и Ивашка Богдановы, Марчка Остафьев, основатель армянской династии художников Бельских, представители которой играли большую роль в формировании русской живописи [24]. Их имена русифицированы до неузнаваемости и без специального исследования мы бы не имели никаких оснований утверждать, что названные мастера – армяне. Эти армяне, ученики Салтанова, помогали своему учителю, а потом работали самостоятельно [25]. Всего же Богдан Салтанов обучил своему мастерству 23 учеников.

Б. Салтанов исполнял прежде всего заказы царского двора, а не церкви, хотя и начинал с создания икон по «тафтам» (аппликаций из шелка в изображении одежд); даже в его работах на религиозную тему видна манера «фряжского письма»; размывания границ между светской живописью и иконописью.

Самыми известными работами Богдана Салтанова являются: «Спас Эммануил», «Царь Алексей Михайлович», «Рождение царя Александра Македонского» (1669), «Образ Пречистой Богородицы с Пресвятым младенцем» (1671), «Распятие Господне» (1678), «Царь Федор Алексеевич перед образом Спаса Нерукотворного» и др. [26].

Богдан Салтанов также расписывал царские хоромы в селе Коломенском и в Кремле, а также хоромы царицы Натальи Кириловны (1670-е гг.).

Из перечисленных выше работ Богдана Салтанова становится очевидным, что живописец был исключительно плодовитым и талантливым. Кроме вышеотмеченных работ Б. Салтанов в январе 1674г. расписал «аспидом цветным древко и хоругви в Вознесенском монастыре».

К пасхе того же года Б. Салтанов написал «в поднос государю пять знамен с изображением на первом из них Логина Сотника, иже при кресте господнем, на втором – благоверного князя Довмонта Пеновского, на третьем – архистратига божия Михаила, на четвертом – благоверного князя Георгия Владимирского, на пятом – мученика Христова Севастиана, на других сторонах знамен были изображены кресты пяти степеней» [27].

В декабре 1674г. для двухлетнего царевича Петра Алексеевича Богдан Салтанов изготовил бубны, а 1-го марта 1676г. разукрасил и расписал окна в хоромах царевича.

В 1679г. Богдан Салтанов написал «золотом и красками персону» царевича Федора Алексеевича, а в 1682г. – «персону царя Алексея Михайловича на полотне».

Одна из последних работ Богдана Салтанова связана с военными походами Петра I, с победой русских над турками при штурме крепости Азов 19 июля 1696г. Царь Петр I хотел запечатлеть эту победу, установив триумфальную арку победную «торжественным вшествием в столицу по образцу древних римских триумфаторов» [28].

Триумфальные ворота были построены Богданом Салтановым и его учениками при въезде из Замоскворечья на Каменный мост. Богдан Салтанов умер в 1703г., вскоре после сооружения Триумфальных ворот.

В Древней Руси внешними сношениями занималась Боярская дума. С XVIв. дворцово-вотчинная система управления трансформировалась в приказно-вотчинную систему. Великие князья, а затем цари дают своим боярам поручения «ведать» ту или иную область управления, т.е. приказывать. Из этих поручений возникают специализированные отраслевые органы управления – приказы. С середины XVIв. приказы становятся монопольными органами управления (Посольский, Поместный, Разбойный, Казанский и др.), состоявшими из боярина, приказных дьяков, подьячих, писцов, толмачей-переводчиков, золотописцев.

В Московском государстве внешними сношениями стал заниматься Посольский приказ с думным дьяком во главе.

Среди сотрудников Посольского приказа были представители разных национальностей, в том числе и армяне.

В эпоху Алексея Михайловича авторитетом в Посольском приказе пользовался толмач выходец из Ирана армянин Василий Александрович Даудов. В 1664г. он поступает на службу толмачем (переводчиком) в Посольский приказ. Кроме занятий толмачеством, он также являлся посланником русского царя в Константинополе, в Бухаре, Хиве, являлся стольником в Дворцовых палатах, воеводой в Яренске Вологодской губернии, Чаронде, Скопине-Рязанском [29].

Во второй половине XVII века он способствовал приглашению из Исфагани – Джульфы в Россию армянских мастеровых людей, и в их числе живописцев.

В Петровскую эпоху в протоколах Верховного тайного совета упоминаются армяне – служащие государевой службы, и в их числе «вотчинной коллегии вице-президент» в Астрахани Федосий Мануков [30] – дедушка по матери полководца А.В. Суворова.

Фамилия Мануков (Манукян) – одна из самых распространенных армянских фамилий наряду с Хачиков (Хачикян), Петросов (Петросян), Керкоров (Григорян) и не может вызывать сомнение в национальной принадлежности

носителя, хотя и некоторые авторы в России ставят под сомнение национальную принадлежность деда А.В. Суворова, отслеживая его татарско–тюркские или угро–финские корни. Корень фамилии Мануков (Манук – отрок), юноша. Сами Суворовы не были представителями знатнейшего русского дворянства, и как пишет историк XIXв. Д.Н. Бантыш-Каменский, «Суворовы происходят от древней благородной шведской фамилии. Предок их, Сувор, выехал в Россию в 1622 году при царе Михаиле Федоровиче и принял российское подданство» [31].

ЛИТЕРАТУРА

1. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М.,1833. С. 328.
2. *Молева Н.М.* Мастер из Джульфы // «Вопросы истории», 1975, № 8, с. 210.
3. *Базиянц А., Мартиросян Р.* Обелиск. Ер., изд-во «Армянский открытый университет», 1993. С.17.
4. *Молева Н.М.* Мастер из Джульфы.С. 209.
5. Там же. С. 211.
6. *Айвазян К.В*. История отношений Русской и Армянской церкви в Средние века. Ер.,1989. С.130.
7. «Армяно-русские отношения в XVII веке», сб. докум. под ред. проф. В.А. Парсамяна, Ер., 1993. С. 26.
8. *Молева Н.М.* Мастер из Джульфы. С. 211.
9. *Айвазян Н.В.* История отношений… С.131.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же, с. 132.
13. «Собрание актов, относящихся к обозрению истории Армянского народа». СС.142–143.
14. Там же. С. 330.
15. Там же. С. 143.
16. Там же. С. 341.
17. Там же. С. 330.
18. Там же. С. 331.
19. Там же.
20. *Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва в XIV–XV веках. М.: Изд-во МГУ, 1957. С. 38.
21. *Успенский А.И.* Царские иконописцы и живописцы XVII века. Т. III, М., 1914. СС. 385–386.
22. *Новицкий А*. Парсунное письмо в Московской Руси // «Старые годы», 1909, июль-сентябрь. С. 390.
23. *Успенский А.И*. Царские иконописцы и живописцы XVII века. Т. IV, М., 1916. С.С. 494, 502, 507.
24. *Молева Н.М.* О художниках Бельских // «Вестник» («Лрабер»), 1974, № 8. СС. 38–52.
25. *Молева Н.М*. Иван Салтанов и его школа // «Лрабер» («Вестник»), 1977, № 10. С. 79.
26. *Атаджанян И.А.* Из истории русско-армянских взаимоотношений с X по XVIII вв. Ер.: «Лингва», 2006; *Комашко Н.И.* Живописец Богдан Салтанов в контакте художественной жизни Москвы XVIII века. Древняя Русь // «Вопросы медиевистики», 2003, № 2 (12). СС. 44–54. «Кто есть кто: армяне». В 2-х томах (на арм. яз.), Ер.: 2005, Т. 2. С. 376. *Успенский А.И.* Царский живописец дворянин Иван Иевлиевич Салтанов // «Старые

годы», С-Пб, 1907. С.77; *Молева Н.М.* Мастер из Джульфы // «Вопросы истории», 1975, № 8.
27. *Успенский А.И.* Царские иконописцы и живописцы XVII века. Т. IV. М., 1916. С. 235.
28. Историческое изображение жизни и всех дел славного женевца Франца Яковлевича Лефорта… М., 1800. С. 104.
29. *Барсуков А.* Списки городовых воевод XVII столетия. С-Пб, 1902. С. 469 // «Сборник Российского исторического общества». Т. 63, С-Пб., 1888. С.С. 93, 250, 305, 626, 669–670.
30. «Сборник Российского исторического общества». Т. 63, С-Пб, 1888. С.С. 93, 250, 305, 626, 667–670.
31. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Энциклопедия знаменитых россиян. М.: «ЭКСМО», 2008. С. 680.

ARMENIANS IN MOSCOW IN THE 17TH CENTURY

S. Stepanyants
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

In the article, we studied the Armenian ethnology of Moscow in the 17th century (both permanent and temporary residents). The Armenian Trading Company of New Jugha in Persia, the activities of its representatives in Moscow, their cooperation with the Russian tsar administration, the benefits provided to them and the conclusion of agreements with the Russian Tsar Alexei Mikhailovich are covered. Based on archival materials, the life and activities of the Armenians of Moscow, as well as the activities of Alexei Mikhailovich and the court painter of Peter I Bogdan Saltanov, are covered. We especially mentioned the activities of F. Manukov – the grandfather of Generalissimo A. Suvorov – an Armenian on his mother's side.

Keywords: Moscow, trading company, diamond royal chair, merchant, translator.

ФИЛОСОФИЯ

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-318-331

ПРОБЛЕМА ПОСТЧЕЛОВЕКА: ТРАНСГУМАНИЗМ VS ПОСТГУМАНИЗМ

В.А. Багдасарян

Российско-Армянский (Славянский) университет
vahan.baghdasaryan.student@rau.am

АННОТАЦИЯ

Данная статья исследует концепцию «постчеловека» как следующей ступени эволюции человека, рассматривая философские направления трансгуманизма и постгуманизма. Оба течения исходят из предположения, что эволюция человека не завершена и может быть продолжена. Постгуманизм ориентирован на радикальную деконструкцию субъекта, в то время как трансгуманизм делает акцент на технологических модификациях человека. Однако ни одно из этих направлений не предлагает полноценного пути истинной эволюции, игнорируя раскрытие исходного человеческого потенциала. Автор утверждает, что восхождение человечества возможно лишь через создание новой антропологической концепции, которая объединяет лучшие идеи прошлого и настоящего. Эта концепция должна сосредотачиваться на развитии творческих способностей, самопознании и раскрытии высших возможностей разума и духа. Преодоление постантропологизма возможно лишь через возвращение к человеку, но не в старом понимании, а в новом, многомерном смысле. Только сочетание технологического прогресса с внутренним развитием личности может привести к появлению человека нового типа, способного осознавать свою природу и гармонично взаимодействовать с миром.

Ключевые слова: человек, трансгуманизм, постгуманизм, эволюция, постчеловек.

Введение

Современные философские дискуссии все чаще обращаются к проблеме переосмысления человека и его будущего. Кризис классического европейского гуманизма, появление теории эволюции Чарльза Дарвина, стремительное развитие технологий, таких как генная инженерия и искусственный интеллект, а также философские идеи Фридриха Ницше, Мартина Хайдеггера и Жана-Поля Сартра создают предпосылки для постановки нового фундаментального вопроса: **что такое человек?**

В конце XXв. на этот вызов ответили антропологические концепции **постгуманизма** и **трансгуманизма**, предлагая альтернативные взгляды на дальнейшую эволюцию человека. Оба направления исходят из предположения, что человеческая эволюция не завершена и человек может быть радикально преобразован в будущем. Однако их подходы различны: **трансгуманизм** стремится к технологическому совершенствованию человека в рамках традиционного гуманизма, тогда как **постгуманизм** предлагает деконструкцию самого понятия субъекта, уходя от антропоцентрической картины мира. Каждая из концепций предлагает свое видение человека и свою версию **«постчеловека»**. **Постчеловек** для обоих концепции является своеобразным следующим звеном в эволюции человека. В постгуманизме и трансгуманизме на смену главному вопросу «кантовского четырехугольника» «что такое человек?» приходит вопрос **«что такое постчеловек?»**

Несмотря на некоторые общие черты, постгуманизм и трансгуманизм представляют собой принципиально разные философские концепции. Главное их различие заключается в том, что трансгуманизм является продолжением классического гуманизма и не ставит под вопрос само понятие «человек». Напротив, постгуманизм критикует гуманизм и всю картезианскую эпоху (эпоху модерна), деконструируя и переосмысляя представления о человеке и субъекте. Он утверждает идеи постантропоцентризма и постдуализма.

Таким образом, постгуманизм и трансгуманизм не являются синонимами, а представляют собой противоположные взгляды, основанные на разных концептуальных основаниях. Трансгуманизм, наследуя идеи эпохи Просвещения, фактически минует философию постмодернизма и во многом сохраняет традиционные представления о ценности и абсолютности субъекта. В отличие от него, постгуманизм отвергает идею о человеке как носителе особых привилегий. Более того, сам термин «субъект» в постгуманистском дискурсе считается некорректным, и вместо него предпочтительно говорить об «акторах взаимодействия».

Исходя из вышеизложенного, характеристики постчеловека в двух концепциях существенно различаются. Для более глубокого понимания этой разницы следует подробнее рассмотреть перечень характеристик и концептов, а также генезис трансгуманизма и постгуманизма.

Актуальность данной темы обусловлена не только философским интересом, но и реальными технологическими изменениями, которые уже сейчас влияют на человеческую природу. В данной статье будут рассмотрены основные концепты постгуманизма и трансгуманизма, их различия и возможные сценарии эволюции человека в будущем.

Постгуманизм: Философия за пределами человека

Постгуманизм – это антропологическая концепция, противопоставляющая себя классическому гуманизму. Она переосмысливает место человека в мире, пересматривает природу человека и исходит из идеи, что эволюция человека не завершена. На ее становление повлияли труды Чарльза Дарвина («Происхождение видов», 1859) и Фридриха Ницше («Так говорил Заратустра», 1883), которые утвердили идею эволюции и отказ от представления человека как венца творения. Постгуманизм оформился в 1990-х годах в работах Д. Харауэй, К. Хэйлс, Р. Брайдотти и других философов, вобрав в себя идеи постструктурализма, постмодернизма, феминизма и постколониальных исследований.

Истоки и ключевые идеи постгуманизма

Постгуманизм возник в результате эволюции философских идей постмодернизма и постструктурализма, заимствуя у них релятивизм, деконструкцию субъекта и отказ от метанарративов (стоит заметить, что и сам термин «постгуманизм» впервые появился в постмодернистской литературе в работе И. Хассана «Прометей как перформер»). Важное влияние на него оказали идеи «смерти человека» и «смерти субъекта», сформулированные Мишелем Фуко в книге «Слова и вещи» (1966). Фуко утверждал, что понятие человека как субъекта является исторически изменчивым и возникло лишь в XVIIIв. Он критиковал гуманизм и указывал на необходимость отказа от традиционного понимания человека. Сам М. Фуко так описывает концепт «смерти человека»: «Во всяком случае, ясно одно, – человек – это не самая древняя и не самая постоянная из всех проблем, стоящих перед человеческим знанием. <…> Археология нашей мысли с легкостью показывает: человек – это изобретение недавнего времени, и конец его, может быть, уже недалек. Если эти установки исчезнут так же, как они возникли, если какое-нибудь событие (возможность которого мы можем лишь предвидеть, не зная пока ни его формы, ни облика) разрушит их, как разрушилась на исходе XVIIIв. почва классического мышления, тогда – в этом можно поручиться – человек изгладится, как лицо, нарисованное на прибрежном песке» [Фуко, 1994].

Жак Деррида, один из ключевых философов постструктурализма, развивает эти идеи, вводя понятие деконструкции. В работе *«О грамматологии»* он утверждает, что субъект и автор – это иллюзии, а традиционные гуманистические представления о человеке являются культурной конструкцией. Постгуманизм развивает этот тезис, расширяя сферу субъектности на нечеловеческие формы жизни и даже неживые объекты.

Жиль Делёз вводит концепцию «номадического субъекта» – подвижной, нестабильной идентичности, которая не привязана к фиксированным категориям. Франческа Феррандо, один из ведущих современных постгуманистов, отмечает, что постгуманизм не отвергает субъектность, а предлагает ее радикальную трансформацию. Вместо фиксированного «я» появляется динамическая, реляционная идентичность, которая формируется в процессе взаимодействия с различными агентами – биологическими, технологическими и социальными.

Основные концепты постгуманизма

- **Постантропоцентризм** – отказ от главенствующей роли человека во Вселенной.
- **Постдуализм** – устранение бинарных оппозиций (природа/культура, субъект/объект, мужчина/женщина и т. д.).
- **Деконструкция субъекта** – пересмотр понятия субъективности, ее распространение на нечеловеческие формы жизни (животных, машины, вирусы и др.).
- **Номадическая сингулярность** – идея создания небинарного субъекта, предложенная Жилем Делёзом и развитая постгуманистами.

Таким образом, постгуманизм не просто переосмысляет субъект, но и полностью деконструирует традиционное понимание человеческой природы, переходя к реляционной и децентрализованной модели взаимодействия.

Размывание границ между человеческим и нечеловеческим

Идея маргинальности, номадичности развивается такими представителями постгуманизма как Р. Брайдотти и Д. Харауэй, и в целом пропитывает весь постгуманистический дискурс. Работая с различными модальностями различий, постгуманисты расширяют поле философской антропологии до социальной философии, тем самым выдвигая тезис о том, что философская антропология уже невозможна, так как рождается из исключительной фигуры «антропос», которая, как считают постгуманисты, дискредитировала себя за последнее столетие окончательно.

Тенденция, направленная на отход от базовых концептов континентальной философии, находит свое продолжение в постгуманизме. Постгуманистическая риторика в первую очередь основывается на постантропоцентризме. В этом контексте текстуальный отказ от иерархической фигуры автора, предложенный структуралистом Бартом, соотносится с отходом от влияния «витрувианского человека» в гуманитаристике в целом. Базовые нарративы, которые

были закреплены в европейском сознании, подвергаются деконструкции, начатой структуралистами в середине прошлого века и продолженной постгуманистами в последние десятилетия. Как позже отметит Ф. Феррандо, постгуманизм – это философия различий. Множественность проявляется как линия, которая в постгуманизме и новом материализме артикулируется через плюралистичность. Плюрализм становится ответом на субъект-объектную установку универсалистской парадигмы в контексте означивания одного и многого, человеческого и нечеловеческого, природы и культуры, Востока и Запада, мужчины и женщины и других категорий. «У множественности нет ни объекта, ни субъекта, только детерминации, величины, измерения» [Ferrando, 2019, p. 64]. Здесь, на мой взгляд, в стремлении к различиям прослеживается обратная тенденция – искусственное «уравнивание» и стирание границ, что неминуемо приведёт к уменьшению различий. Ведь важно помнить, что именно четкое определение человека и его отличительных черт помогает различать нечеловеческие сущности. А смерть философской антропологии или антропологический нигилизм приведет к ситуации, когда все будут восприниматься как одинаковые или как “zoe” (термин постгуманистки Рози Брайдотти). Постгуманистка Брайдотти, говоря о перспективах постгуманистической теории, приходит к выводу, что гуманитаристике в целом необходимо стремиться к трансверсальности, междисциплинарности, которые отсылают к ризоматичности. «Этот междисциплинарный подход влияет на саму структуру мысли и задействует ризоматический охват концептуального разнообразия в исследованиях. Постчеловеческий метод выливается в высшие степени дисциплинарной гибридизации и основывается на интенсивной дефамилиаризации наших привычек мысли с помощью столкновений, раскалывающих унылое повторение процедур институционального разума» [Braidotti, 2013, p. 106]. Постгуманисты считают этот процесс отказом от традиционных, фашизирующих как реальность, так и мышление оптик, что необходимо для более полной описательности тех процессов, которые мы наблюдаем в слияниях человеческого и нечеловеческого. В этом контексте постмодернистский подход, реинкарнированный в постгуманистической теории, представляется мне недопустимым, так как он является отрицанием антропологии или антропологическим нигилизмом. Ведь если принять концепты и онтологическую базу постгуманизма, где нет ни определения человека, ни его четких характеристик и идентичностей (таких как пол, национальность, этнос и т. д.), то сами понятия «человек» и «нечеловеческий другой» лишаются содержания и становятся бессмысленными. Для постгуманистов, в частности для Д. Харауэй, автора «Манифеста киборгов», люди, животные, растения и машины теряют свою

идентичность и становятся киборгами: «киборг – это кибернетический организм, гибрид машины и организма, существо социальной реальности и одновременно порождение фантазии» [Харауэй, 2017, с. 5]. «В конце XX века, в наше время, мифическое время, мы все – химеры, выдуманные, сфабрикованные гибриды машины и организма; короче, мы – киборги» [Харауэй, 2017, с. 7]. Именно этим гибридом и химерой и является постгуманистический «постчеловек». Однако в этом стремлении к стиранию различий таится парадокс: отрицание антропологии ведет к нивелированию уникальности, превращая всех в абстрактное “zoe”. Постчеловек в постгуманизме понимается не как существо, преодолевшее свою биологию (как в трансгуманизме), а как точка сборки мифического, химерического, технологического, социального и биологического; как дальнейшая деконструкция и видоизменение гуманистического «витрувианского» человека.

Критика постгуманизма

Постгуманизм стремится преодолеть традиционные онтологические границы между человеком, животными, машинами и искусственным интеллектом, но это несет в себе ряд проблем, связанных с подлинностью и отчуждением.

1. **Размывание границ и кризис идентичности**

Если человек перестает быть уникальной сущностью, а превращается в нечто гибридное (био-техно-социальный конструкт), то возникает вопрос: что остается от «я» как самобытного субъекта? Если сознание, тело и технологии становятся взаимозаменяемыми, исчезает личностная аутентичность. Это ведет к ощущению отчуждения не только от традиционных человеческих форм существования, но и от самого себя.

2. **Проблема подлинности опыта**

Постгуманизм допускает кибернетические модификации, интеграцию с искусственным интеллектом, загрузку сознания в цифровую среду. Однако может ли симулированный опыт быть подлинным? Если эмоции, чувства и восприятие можно редактировать или копировать, перестают ли они быть «реальными»? Возможность бесконечной модификации себя подрывает идею уникальности личного существования.

3. **Отчуждение в постгуманистическом обществе**

В традиционном гуманизме человек осознает себя через отношения с другими людьми. Постгуманизм, предлагая радикальное слияние с технологиями, создает разрыв между теми, кто примет эти изменения, и теми, кто останется в привычных антропоцентрических рамках. Это приведет не к освобождению,

а к новому виду социального и экзистенциального отчуждения.

4. **Дегуманизация как результат стирания различий**

Если разница между человеком и машиной исчезает, возможно ли говорить о моральной ответственности, этике и личной автономии? Человеческое достоинство основывается на осознании себя как уникального существа. Когда границы стираются, человек может восприниматься как просто узел в информационной сети, а не носитель ценности сам по себе.

6. **Критика постгуманистического постчеловека**

Постгуманизм утверждает, что человек как существо, отличающееся от животных, машин и других объектов, больше не существует в своей традиционной форме. Однако постгуманистическая концепция постчеловека сталкивается с критикой, поскольку она предполагает исчезновение всех четких границ, включая моральные и этические. Постчеловек, как гибрид технологий и биологии, перестает быть субъектом с уникальной автономией и личной ответственностью, а становится частью более широких технологических и социальных процессов, которые могут выйти из-под контроля. Этот переход от традиционного представления о человеке к «постчеловеку» вызывает опасения по поводу будущих социальных структур и отношений власти, где человек, как носитель ценности, может быть сведен к роли функционального элемента в системе, который лишен своей субъектности и моральных ориентиров.

В конечном итоге постгуманизм, инесмотря на свои утопические амбиции, рискует привести не к освобождению, а к потере личной аутентичности и усилению экзистенциального одиночества.

Трансгуманизм: переосмысление человеческой природы

Термин «трансгуманизм» в современном смысле впервые употребил футуролог Макс Мор, однако его истоки восходят к Джулиану Хаксли – биологу и основателю Всемирного фонда дикой природы. В 1927г. в работе *Religion Without Revelation* он писал:

«Человеческий вид может при желании преодолеть самого себя – не поодиночке, каждый по-своему, а коллективно, всем человечеством. Нам нужно дать название этой новой вере. Возможно, *трансгуманизм* подойдет: человек остается человеком, но превосходит себя, открывая новые возможности своей природы».

В отличие от постгуманизма, трансгуманизм не стремится деконструировать понятие «человек» и не исходит из постмодернистской идеи «смерти человека». Он не отрицает субъективность, антропоцентризм и дуализм, а, напротив, видит своей целью эволюционное развитие человека с помощью технологий.

Идейные корни и научные направления

Трансгуманизм базируется на работах ученых XXв., таких как биолог Дж.Б.С. Холдейн, физик Дж.Д. Бернал, палеонтолог Пьер Тейяр де Шарден и др. Существенный вклад в его формирование внес иранский фантаст и футуролог Ф.М. Эсфендиари (FM-2030), а также такие исследователи, как Роберт Эттингер («Перспективы бессмертия», 1962), Эрик Дрекслер, Марвин Мински.

Ключевые направления трансгуманизма

- **Иммортализм** – идея радикального продления жизни вплоть до бессмертия.

Искусственный интеллект – развитие программ, имитирующих человеческий интеллект, с перспективой создания Сверхразума.

Нанотехнологии – технологии, способные изменять человеческий геном и физические характеристики.

Особое место в трансгуманизме занимает концепция переноса сознания в цифровую среду. Это вызывает ряд вопросов:

- Что именно переносится – сознание, личность или сущность?
- Возможно ли существование личности вне телесного опыта?
- Каков будет статус цифровой личности?

Философ Федор Гиренок предупреждает: цифровизация сознания может привести к его упрощению и нивелированию. По его словам, «человек в цифровой философии – это не органическое тело и не субъективность, а вычислительная машина и база данных».

Аналогичные сомнения вызывают проекты крионики, предполагающие заморозку тел и мозга для последующего воскрешения.

Трансчеловек и постчеловек

Трансгуманизм предлагает новую ступень эволюции – *трансчеловека* (по FM-2030). Первоначально транслюди не считались обязательными носителями передовых технологий, но с развитием движения это понятие стало включать элементы самоидентификации и целенаправленной модификации.

Основные признаки трансчеловека:

- улучшенное тело (имплантаты, кибернетические компоненты);
- бесполость и искусственное размножение;
- распределенная индивидуальность.

Эти черты сближают его с постгуманизмом, но главная цель остается неизменной: переход к *постчеловеку* – существу, превосходящему людей по

интеллектуальным и физическим характеристикам. Визуальные образы постчеловека нашли отражение в культовых фильмах: «*Терминатор*» (1984), «*Робот-полицейский*» (1987), «*Призрак в доспехах*» (1995) и других.

Юваль Харари в «*Homo Deus*» описывает трансгуманистический идеал так: «В качестве постчеловека вы будете умнее любого гения, обладать совершенной памятью, будете свободны от болезней и старости, испытывать более сильные эмоции и наслаждение».

Однако, по сути, постчеловек здесь – это просто *усиленный* человек, а не новая форма бытия.

Философская уязвимость трансгуманизма

Главная проблема трансгуманизма – не его этическая противоречивость и аморальность, а философская наивность. Он некритически принимает натуралистическую модель человека, полностью игнорируя альтернативные взгляды.

Возьмем ключевую идею – перенос сознания в компьютер. Согласно натуралистическому подходу, человек – это *«мясной робот»* с *«мясным компьютером»* (Мински). Однако этот взгляд сталкивается с серьезными трудностями.

1. **Проблема индивидуальности**

- Атомы мозга постоянно обновляются, значит, «Я» не определяется составом материи.
- Если сознание – это структура мозга, его можно клонировать, но копия не будет тем же самым субъектом.

2. **Проблема функционального тождества**

Философ Джон Сёрл доказал в мысленном эксперименте «китайская комната», что алгоритмы могут имитировать понимание, но не осознавать смысл. В эксперименте, человек, вручную исполняющий компьютерную программу, имитирующую понимание китайского языка, может успешно манипулировать символами, не осознавая их смысла. Точно так же компьютер, выполняя сложные вычисления, не приобретает субъективного восприятия. Это показывает, что простое воспроизведение функциональных связей «вход–выход» недостаточно для возникновения сознания. Следовательно, отождествление феноменального сознания с мозговыми процессами является ошибочным.

3. **Проблема «объяснительного разрыва»**

Почему нейронные разряды сопровождаются субъективными переживаниями? На этот вопрос нет ответа.

Даже если удастся создать функциональный аналог мозга, сознание не появится автоматически. Идея оцифровки разума несостоятельна – она не решает проблему индивидуальности и субъективного опыта.

Критика трансгуманизма

Трансгуманизм стремится сделать человека «величественным» за счет количественного роста возможностей, но игнорирует вопрос качественного изменения. Он видит человека как биологическую машину, упуская фундаментальную загадку сознания.

Реальность такова: технологии могут изменить наше тело, но пока остаются бессильны перед тайной «Я». Бессмертие личности через цифровизацию остается лишь футурологической мечтой, а не научной реальностью.

Выводы

Обобщая вышесказанное, можно выделить основные характеристики и принципы двух философских концепций.

Постгуманизм, который оформился в второй половине 20-го века, представляет собой синтез взглядов нескольких философов, считающих, что эволюция человека еще не завершена. Следующий этап эволюции – это постчеловек, который представляет собой слияние человеческого и нечеловеческого, в том числе «слияние» человека с машиной («киборгизация»), природой, животными и т.д. Как и трансгуманизм, постгуманизм не разделяет области человеческого и технического, рассматривая человека как элемент биосферы. В отличие от трансгуманизма, постгуманизм не является продолжением классического гуманизма, а требует деконструкции понятий о человеке, отрицая антропоцентризм и имея сходство с постмодернизмом. В отличие от трансгуманизма, постгуманизм критически оценивает последствия научно-технического прогресса и концентрируется на исследовании возможных негативных последствий воздействия технологий на человека. Несмотря на фрагментарность внутри этого направления, общей чертой является тенденция к деантропологизации дискурса, хотя акцент на модификацию биологии человека не является обязательным. Основной проблемой постгуманизма, на мой взгляд, является антропологический нигилизм. Потеря идентичности, отрицание человеческой сущности и всеобщая онтологическая демократия, при которой все субъекты (включая вирусы и бактерии) обладают субъективностью, ставят под сомнение человеческую деятельность и его отношения с «нечеловеческими другими». Это, в свою очередь, не ведет к восхождению человека. От-

рицая антропоцентризм, постгуманизм отказывается от самого понятия «человек», размывая онтологические границы мира и объединяя всё в понятие “zoe”. **Постгуманизм изменяет само определение человека**, существующего в современности, тогда как трансгуманистический постчеловек возможен только с развитием таких технологий, как искусственный интеллект и генная инженерия, которые изменят человеческое тело и интеллектуальные способности. Если, например, человек будет признавать постдуализм и утверждать, что он «небинарный», его субъективность всегда в процессе становления, он будет близок к постгуманистическому постчеловеку. Таким образом, **постчеловек в постгуманизме – это скорее деконструированный человек, а не более развитый или находящийся на следующей ступени эволюции**. Потеря идентичности и внутренней структуры личности, предполагаемая постгуманизмом, приведет к ослаблению человека и ограничению его свободы. Не будет преувеличением утверждение, что постгуманистический подход «свободы от» может привести к рабству человека, и для этого не потребуются злые цифровые киборги или чипы, ибо безвольный человек, утративший связь с реальностью, будет поддаваться любым манипуляциям. Не хотелось бы демонизировать все идеи постгуманизма, но можно выразить уверенность, что будущее, в котором человек теряет свою сущность и идентичность, становясь постчеловеком, киборгом или рабом среды, кажется крайне нежелательным и недопустимым.

Трансгуманизм, в свою очередь, представляет собой неоднородное философское течение, корни которого уходят в эпоху Просвещения. Трансгуманисты отвергают ограниченность человеческого тела и рассматривают технологии как средство преодоления этих ограничений. Они считают развитие науки и технологий главным объектом интереса и признают неотъемлемое право совершенствовать своё тело и возможности с помощью современных технологий (цифровое бессмертие, улучшение функций мозга, биохакинг, клонирование, киберимпланты и т.д.). В трансгуманизме отсутствует жесткое разделение между человеческим и техническим. Основная проблема трансгуманизма, на мой взгляд, заключается в том, что он во многом остается заложником натуралистического видения человека. В трансгуманизме постчеловек предстает как «мясной робот», и, несмотря на использование технологий, его человеческая сущность не развивается. Реальное восхождение человека возможно только через развитие человеческих и духовных качеств, а трансгуманизм может служить лишь вспомогательным средством для достижения этой цели.

Из вышеизложенного ясно, что обе концепции можно считать постантропологическими. В обеих концепциях **постчеловек** на самом **деле не является**

следующим этапом эволюции человека, а представляет собой видоизменную форму человека. В постгуманизме меняется определение человека и его самоидентификация, а в трансгуманизме – его физическое тело. Следовательно, для подлинного восхождения и эволюции человека необходима совершенно новая антропологическая концепция. Экспоненциальный рост технологического потенциала человечества при отсутствии роста человеческого потенциала или его деградации неизбежно приведет к серьезным проблемам, которые могут поставить под угрозу существование человечества. Чтобы избежать этого, необходимо развитие человека в темпе, не уступающем развитию технологий. **Истинная эволюция**, на мой взгляд, заключается в **раскрытии исходного потенциала человека –** независимо от того, как мы его называем: искрой божьей или природными способностями. В эпоху антропоцена, когда возможности человечества так велики, как никогда, важно раскрыть этот потенциал и **развить высшие творческие способности** каждого человека. Для этого необходимо разработать новую антропологическую концепцию, которая будет философской и теоретической основой будущего. Этот новый антропологический подход должен признавать наличие у человека изначального потенциала, а также незыблемую сущность человека, которая, конечно, может изменяться в ходе жизни. Главной целью этой концепции должно стать восхождение человека через развитие его врожденного антропологического потенциала. В основе концепции могут лежать идеи, выработанные в предыдущих антропологических учениях, начиная с античности и заканчивая постгуманизмом и трансгуманизмом. Из Средневековья можно заимствовать веру в человека как богоподобного существа («И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» – Бытие 1:27). Из гуманизма Ренессанса – идею универсального развития человеческих способностей. Из постгуманизма и трансгуманизма – постантропоцентризм и использование технологий для развития человека. Высший тип человека, по моему мнению, не обязательно должен стать новым видом в будущем. Человек в том виде, в котором он существует сегодня, вполне способен раскрыть свои ресурсы, понять свои тайны и соответствовать вызовам, которые стоят перед человечеством. Можно прийти к убеждению, что подавляющее большинство людей не раскрывают даже 10% своего потенциала. Большинство антропологических и постантропологических концепций либо не замечали, либо игнорировали этот огромный нераскрытый потенциал. Новая антропологическая концепция должна предложить методы и практики для раскрытия этого потенциала. Антропологические концепции будущего должны содержать как практическую часть, так и теоретическую основу, помогая раскрывать творческий потенциал

людей. Постантропологизм может быть преодолен только новой антропологической концепцией, которая будет предлагать реальные практики для раскрытия высших творческих способностей и обеспечит подлинное восхождение человечества.

Заключение

Наступает эпоха, когда прежние антропологические концепции уже не способны дать ответы на вызовы современности. Современные антропологические концепции недостаточно учитывают ключевой аспект – **огромный нераскрытый потенциал человека**. Как показал анализ постгуманизма и трансгуманизма, оба эти направления являются важными этапами переосмысления человеческой природы, но они не предлагают полноценного пути истинной эволюции. Постгуманизм стремится к радикальной деконструкции субъекта, а трансгуманизм делает ставку на технологические модификации человека, но ни одна из этих концепций не ставит во главу угла раскрытие **исходного потенциала** человека и игнорируют главное: **человек уже обладает ресурсами для собственного восхождения**.

Настоящее восхождение человечества возможно лишь при создании **новой антропологической концепции**, объединяющей лучшие антропологические идеи прошлого и настоящего, но при этом ориентированной на развитие **врожденных творческих способностей** человека. Эта концепция должна признать, что ключ к эволюции не только в технологиях, но и в глубоком самопознании, преодолении внутренних ограничений и раскрытии высших возможностей разума, сознания и духа.

Если человечество продолжит уделять внимание только развитию технологий, игнорируя собственный потенциал, оно рискует столкнуться с кризисом существования и экзистенциальными угрозами. Однако, если будет найден баланс между технологическим прогрессом и внутренним развитием личности, может возникнуть **человек нового типа** – не просто улучшенный организм, а **качественно иное существо**, способное осознавать свою природу, управлять своим развитием и гармонично взаимодействовать с миром.

Преодоление постантропологизма возможно только через возврат к человеку, но не в старом понимании, а в **новом, глубоком и многомерном смысле**. Восхождение человечества – это не побег от своей сущности, а ее **полное раскрытие**. И только тогда эволюция станет не абстрактной теорией, а реальностью, в которой каждый человек сможет приблизиться к своей высшей возможной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: «A-cad», 1994.
2. *Деррида Ж.* О грамматологии. М.: “Ad Marginem”, 2000.
3. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. М., 1990.
4. *Барт Р.* Смерть автора // Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. СС. 384–391.
5. *Феррандо Фр*. Философский постгуманизм. М.: Издательский Дом ВШЭ, 2022.
6. *Брайдотти Р.* Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021.
7. *Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: «Ад Маргинем Пресс», 2017.
8. *Hassan I.* Prometheus as Performer: Toward a Posthumanist Culture? “The Georgia Review”, 1977, vol. 31, №. 4. PP. 830–850.
9. *Чалмерс Д.* Сознающий ум: в поисках фундаментальной теории. М.: URSS, 2019. 512с.
10. *Сёрл Дж.* Разум мозга – компьютерная программа? // «В мире науки», 1990. № 3. СС. 7–13.
11. *Криман А.И.* Философия постмодернизма как условие возникновения постгуманизма. (науч. статья)
12. *Иванов Е.М.* Трансгуманизм и проблема бессмертия (науч. статья)
13. *Сепир Э.* Язык // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: «Прогресс», 1993. С. 253.

THE PROBLEM OF THE POSTHUMAN: TRANSHUMANISM VS. POSTHUMANISM

V. Baghdasaryan
Russian-Armenian (Slavonic) University
«GEOECONOMICS» CJSC/ Master's student at the Faculty of Philosophy

ABSTRACT

The article explores the concept of the “posthuman” as the next stage of human evolution, analyzing the philosophical ideas of transhumanism and posthumanism. Both theories assume that human evolution is unfinished and can continue. Posthumanism aims for the radical deconstruction of the subject, while transhumanism focuses on technological modifications of humans. However, neither approach offers a complete path to true evolution, neglecting the potential for human self-realization. The author argues that humanity's ascension is only possible through the creation of a new anthropological concept that combines the best ideas of the past and present. This concept should emphasize the development of creative abilities, self-awareness, and the unlocking of higher potentials of the mind and spirit. Overcoming post-anthropology is possible only by returning to the concept of the human, but in a new, multidimensional sense. Only by combining technological progress with personal growth can the emergence of a new type of human be achieved – one capable of understanding its nature and interacting harmoniously with the world.

Keywords: Human, Transhumanism, Posthumanism, Evolution, Posthuman.

ПСИХОЛОГИЯ

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-332-350

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООТНОШЕНИЯ СО СТИЛЕМ ЛЮБВИ У МОЛОДЕЖИ: ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.С. Берберян, Д. Африкян

Российско-Армянский (Славянский) университет
aspsy@inbox.ru, afrikian.donara@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Исследование посвящено изучению взаимосвязи между показателями самоотношения и стилями любви среди молодежи в контексте этнопсихологических особенностей. В работе рассматриваются различия в самоотношении, уровне принятия себя и самоценности, а также взаимосвязь с предпочтением тех или иных стилей любви среди молодых людей различных этнических групп. Представлен теоретический обзор концептуальных положений по вопросам самоотношения и стилей любви, а также проведен эмпирический анализ результатов исследования. Полученные данные могут быть полезны для разработки психологических программ, направленных на укрепление позитивного самоотношения и формирование гармоничных отношений у молодежи с учетом этнопсихологических особенностей. Также результаты исследования могут способствовать созданию более эффективных стратегий психологической поддержки и развития эмоционального благополучия в мультикультурной молодежной среде.

Ключевые слова: самоотношение, стиль любви, молодежь, этнопсихологические особенности, этнопсихологические различия.

Актуальность

Изучение связи между самоотношением и стилем любви у молодежи актуально в условиях глобализации и мультикультурного взаимодействия. Самоотношение влияет на уверенность в себе и выбор стиля романтических отношений, что делает его важным фактором личностного развития. Этнопсихологический аспект играет ключевую роль, так как культурные особенности могут определять восприятие себя и модели поведения в отношениях. Понимание этих процессов помогает разрабатывать эффективные программы психологической поддержки, учитывающие этнические различия, для укрепления эмоционального благополучия молодежи.

Гипотеза исследования: предполагается, что существует взаимосвязь между компонентами самоотношения и стилем любви у современной молодежи Армении.

Цель исследования: изучение взаимосвязи между самоотношением и стилем любви у современной молодежи.

Методологическая база нашего исследования – теоретические положения о стилях любви таких авторов, как Э. Фромм, Дж. Ли, и по проблемам самоотношения – труды В. Мясищева и В. Столина.

Методы исследования: анкетирование и тестирование, в том числе авторская анкета.

Методики исследования:

- методика исследования самоотношения С.Р. Пантилеева (МИС);
- методика «Установки на любовь и секс» (Attitudes About Love and Sex – "Colors of Love") (AALS) (К. Хендрик, С. Хендрик).

Самоотношение – это психический процесс, отражающий отношение человека к самому себе и включающий аспекты самооценки, самопринятия и самоценности. Самоотношение является основой формирования личностной идентичности и влияет на поведение и межличностные отношения. Позитивное самоотношение способствует формированию здоровых отношений с окружающими, тогда как негативное восприятие себя может приводить к проблемам в коммуникации и конфликтам в личной жизни.

Исследователи выделяют несколько компонентов самоотношения, включая когнитивные (представления о себе), эмоциональные (чувства к себе) и поведенческие (действия в отношении себя) аспекты. Высокий уровень самооценки и положительное самопринятие способствуют развитию уверенности в себе, что влияет на качество романтических отношений и выбор стиля любви.

Стиль любви представляет собой уникальные модели поведения и эмоциональные установки, которые люди проявляют в романтических отношениях. Одной из наиболее известных классификаций стилей любви является модель, предложенная Дж. Ли, который выделил шесть основных стилей: эротический (эрос), безумный (мания), дружеский (сторге) , практический (прагма), альтруистический (агапэ) и игровой (людус). Каждый из этих стилей отражает различные подходы к любви и может быть связан с определенными аспектами самоотношения.

Кроме того, стиль любви также может оказывать влияние на самоотношение. Успешные романтические отношения могут укрепить самооценку и самоценность, в то время как неудачи в любви могут способствовать формированию негативного самоотношения. Таким образом, возникает двусторонняя связь, где самоотношение и стиль любви взаимодействуют и взаимовлияют

друг на друга. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к их изучению в контексте молодежи, особенно в этнокультурной среде.

Этнопсихология изучает влияние культурных и этнических факторов на психические процессы и поведение человека. В контексте самоотношения и стиля любви важно учитывать, что этническая принадлежность может определять ценности, нормы и традиции, которые влияют на восприятие себя и межличностные отношения. Например, в некоторых культурах акцент на коллективизме влияет на способы выражения любви и близости, тогда как в других культурах наблюдается больший упор на индивидуализм, что способствует более свободным и независимым стилям отношений.

Этнокультурные различия также могут влиять на восприятие романтической любви, включая представления о том, какие отношения являются идеальными, как должны проявляться чувства и какие роли занимают партнеры. Понимание этих аспектов позволяет более глубоко оценить влияние этнических факторов на самоотношение и стиль любви у молодежи.

Эмпирическое исследование взаимосвязи самоотношения со стилем любви у молодежи

Организация и методы исследований

Цель эмпирического исследования заключается в изучении и выявлении взаимосвязи между компонентами самоотношения и стилем любви у современной молодежи Армении.

Исследование было проведено среди современной молодежи Армении (местные жители, российские мигранты).

Общая группа респондентов составило 30 человек в возрасте 18–29 лет. Для некоторых результатов они были распределены на 2 группы:

- I группа: 15 местных жителей;
- II группа: 15 российских мигрантов.

Респонденты были опрошены методом онлайн-тестирования.

В исследовании была использована авторская анкета, а также следующие методики:

- методика исследования самоотношения С.Р. Пантилеева (МИС);
- методика «Установки на любовь и секс» (Attitudes About Love and Sex – “Colors of Love”) (AALS) (К. Хендрик, С. Хендрик).

Анализ полученных данных

Исходя из результатов прохождения респондентами авторской методики, нами были получены следующие данные.

Местные жители Армении более склонны считать романтическую любовь

важной, и чаще указывают на материальные факторы, такие как жилье и финансы, как на препятствия для создания семьи. Российские мигранты нередко выбирают прагматичный подход к любви и больше сосредоточены на профессиональной реализации, что видно из их ответов по приоритетам карьеры и низкому проценту приверженности браку как обязательной ценности. Большинство респондентов подтверждают чувство любви к партнеру.

Среди российских мигрантов немного выше доля тех, кто затрудняется ответить, что может быть связано с адаптацией и культурными различиями. Положительные эмоции преобладают у обоих групп, но среди российских мигрантов больше тех, кто испытывает смешанные чувства, что может отражать нестабильность, связанную с переездом и культурной адаптацией. У местных жителей Армении сильнее выражено желание создать семью, тогда как российские мигранты только выражают уверенность в этом намерении. Российские мигранты чаще затрудняются с ответом, что связано с неопределенностью их планов на будущее. Планы партнера на создание семьи также более выражены среди местных жителей, что может отражать культурные особенности и традиционные ценности. Среди российских мигрантов чаще встречаются случаи неопределенности, что также связано с их текущими условиями и приоритетами (Таб.1–Таб.6).

Вопрос 1: «Что для вас значит любовь?» (Таб.1)

Таблица 1.

Категория ответа	**Местные жители Армении (%)**	**Российские мигранты (%)**
Романтическая любовь (эрос)	73,33%	60%
Партнерская любовь (сторге)	13,33%	46,67%
Практическая любовь (прагма)	53,33%	66,67%
Игровая любовь (людус)	26,67%	33,33%
Самоотверженная любовь (агапе)	33,33%	53,33%
Безумная любовь (мания)	6,67%	13,33%

Вопрос 2: «Испытываете ли Вы чувство любви к партнеру?» (Таб.2)

Таблица 2.

Ответ	**Местные жители Армении (%)**	**Российские мигранты (%)**
Да	73,33%	60%
Нет	6,67%	20%
Затрудняюсь ответить	20%	20%

Вопрос 3: «Какие эмоции Вы испытываете к объекту любви?» (Таб.3)

Таблица 3.

Эмоции	**Местные жители Армении (%)**	**Российские мигранты(%)**
Положительные	60%	53,33%
Отрицательные	20%	26,67%
Смешанные	20%	20%

Вопрос 4: «Есть ли у Вас планы на создание семьи?» (Таб.4)

Таблица 4.

Ответ	**Местные жители Армении (%)**	**Российские мигранты(%)**
Да	60%	40%
Нет	20%	33,33%
Затрудняюсь ответить	20%	26,67%

Вопрос 5: «Есть ли у партнера планы на создание семьи?» (Таб.5)

Таблица 5.

Ответ	**Местные жители Армении (%)**	**Российские мигранты(%)**
Да	46,67%	40%
Нет	20%	33,33%
Затрудняюсь ответить	33,33%	26,67%

Вопрос 6: «Есть ли какие-либо причины, мешающие принятию решения о создании семьи?» (Таб.6)

Таблица 6.

Причина	**Местные жители Армении (%)**	**Российские мигранты(%)**
Отсутствие жилплощади	20%	40%
Материальные причины	60%	60%
Реализация в профессии	53,33%	73,33%
Брак не является ценностью	20%	40%
Создание семьи не планирую в ближайшем будущем	20%	33,33%

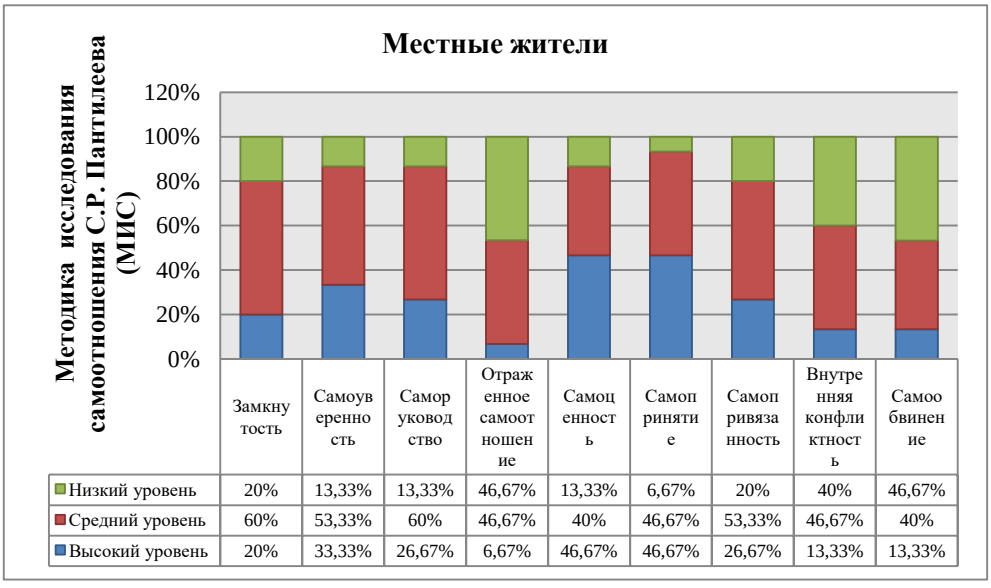
Результаты показывают, что местные жители Армении чаще демонстрируют уверенность в чувствах к партнеру и планах на создание семьи, отражая

традиционные семейные ценности и стабильность в родной культурной среде. Российские мигранты, напротив, склонны к смешанным чувствам и неопределенности как в отношении своих эмоций, так и в вопросе создания семьи. Среди них больше тех, кто фокусируется на профессиональной реализациии и испытывает сложности в формировании долгосрочных планов. Это подчеркивает, что культурные различия и новая жизненная ситуация влияют на восприятие любви и семейные приоритеты.

Методика исследования самоотношения С.Р. Пантилеева (МИС)

Методика направлена на выявление структуры самоотношения личности, а также на оценку выраженности отдельных его компонентов, таких как закрытость, самоуверенность, саморуководство, отраженное самоотношение, самоценность, самопривязанность, внутренняя конфликтность и самообвинение. Самоотношение рассматривается как совокупность представлений личности о своем «Я», выражающем общее чувство отношения к себе. В основе понимания самоотношения лежит концепция самосознания В.В. Столина, который выделял три основных составляющих этого отношения: симпатию, уважение и близость.

По итогам проведения опроса «Методики исследования самоотношения» С.Р. Пантилеева (МИС) нами были получены следующие результаты (Рис.1, Рис.2, Таб.7):



	Замкнутость	Самоуверенность	Саморуководство	Отраженное самоотношение	Самоценность	Самопринятие	Самопривязанность	Внутренняя конфликтность	Самообвинение
Низкий уровень	20%	13,33%	13,33%	46,67%	13,33%	6,67%	20%	40%	46,67%
Средний уровень	60%	53,33%	60%	46,67%	40%	46,67%	53,33%	46,67%	40%
Высокий уровень	20%	33,33%	26,67%	6,67%	46,67%	46,67%	26,67%	13,33%	13,33%

Рисунок 1.

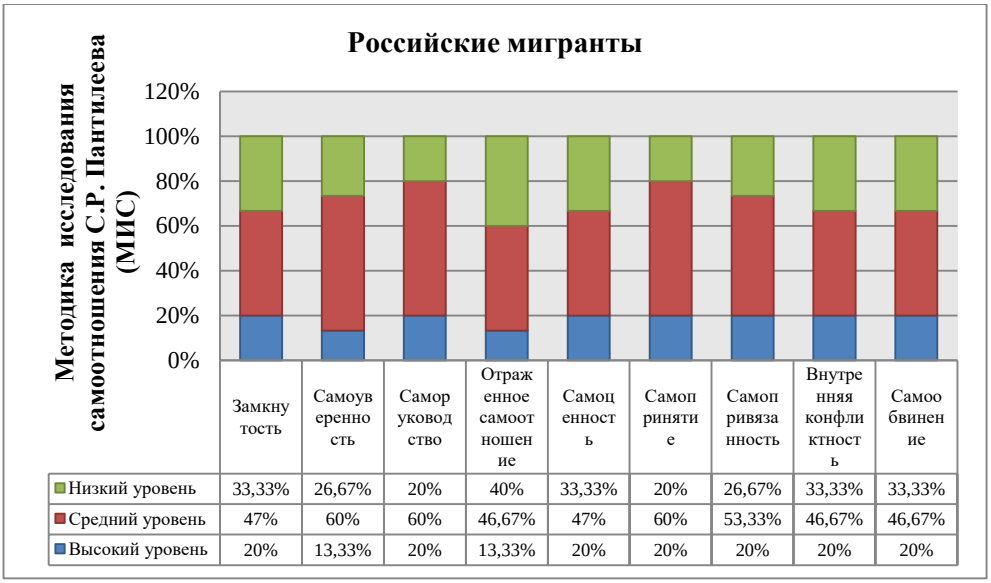


Рисунок 2.

Таблица 7.

Шкала	Группа	Низкий уровень (количество)	Средний уровень (количество)	Высокий уровень (количество)
Замкнутость	Местные жители	20%	60%	20%
	Российские мигранты	33,33%	46,67%	20%
Самоуверенность	Местные жители	13,33%	53,33%	33,33%
	Российские мигранты	26,67%	60%	13,33%
Саморуководство	Местные жители	13,33%	60%	26,67%
	Российские мигранты	20%	60%	20%
Отраженное самоотношение	Местные жители	46,67%	46,67%	6,67%
	Российские мигранты	40%	46,67%	13,33%
Самоценность	Местные жители	13,33%	40%	46,67%
	Российские мигранты	33,33%	46,67%	20%
Самопринятие	Местные жители	6,67%	46,67%	46,67%
	Российские мигранты	20%	60%	20%

Шкала	Группа	Низкий уровень (количество)	Средний уровень (количество)	Высокий уровень (количество)
Самопривязанность	Местные жители	20%	53,33%	26,67%
	Российские мигранты	26,67%	53,33%	20%
Внутренняя конфликтность	Местные жители	40%	46,67%	13,33%
	Российские мигранты	33,33%	46,67%	20%
Самообвинение	Местные жители	46,67%	40%	13,33%
	Российские мигранты	33,33%	46,67%	20%

1. Замкнутость

- **Местные жители**: большинство (60%) находится на среднем уровне по шкале замкнутости, что свидетельствует о преобладании умеренно закрытых, интровертированных личностей в данной группе; 20% респондентов проявляют высокий уровень замкнутости, что может указывать на глубокую социальную изоляцию, а 20% имеют низкий уровень, открываясь другим людям.
- **Российские мигранты**: из них 33,33% имеют низкий уровень замкнутости, что указывает на более открытое отношение к внешнему миру; 46,67% находится на среднем уровне, что также свидетельствует о некотором умеренном интровертизме.

В целом, обе группы склонны к умеренной замкнутости, но среди мигрантов наблюдается несколько более высокая склонность к открытости по сравнению с местными жителями.

2. Самоуверенность

- **Местные жители**: 53,33% местных жителей проявляют средний уровень самоуверенности, что говорит о некоторой уверенности в себе, но без излишней самоуверенности; 33,33% имеют высокий уровень самоуверенности, что указывает на уверенных в себе людей, но 13,33% имеют низкий уровень, что может свидетельствовать о недостаточной уверенности в своих силах.
- **Российские мигранты**: 60% от общего числа находятся на среднем уровне, что также указывает на умеренную самоуверенность; 26,67% мигрантов имеют низкий уровень самоуверенности, что может говорить о внутренней неуверенности или адаптационных трудностях в но-

вой социальной среде, 13,33% обладают высоким показателем самоуверенности.

Местные жители демонстрируют более высокие уровни самоуверенности по сравнению с российскими мигрантами, среди которых больше респондентов с низким уровнем самоуверенности.

3. Саморуководство

- **Местные жители**: 60% местных жителей имеют средний уровень саморуководства, что свидетельствует о хорошем уровне контроля над своими действиями и решениями. 13,33% имеют низкий уровень, что может говорить о недостаточной самостоятельности, а 26,67% проявляют высокий уровень саморуководства.
- **Российские мигранты**: 60% мигрантов имеют средний уровень саморуководства. 20% респондентов имеют низкий уровень саморуководства, что может говорить о трудностях в принятии решений или нехватке самостоятельности.

Обе группы, как местные жители, так и мигранты, в целом проявляют высокий уровень саморуководства, с преобладанием умеренного контроля над действиями.

4. Отраженное самоотношение

- **Местные жители**: 46,67% респондентов имеют низкий уровень отраженного самоотношения, что может указывать на зависимость самооценки от внешней оценки; 46,67% проявляют средний уровень, что также свидетельствует о высоком влиянии внешних факторов на восприятие себя, и лишь 6,67% респондентов имеют высокий уровень, что может говорить о большом внутреннем самоощущении.
- **Российские мигранты**: у мигрантов 40% имеют низкий уровень отраженного самоотношения, что также указывает на склонность к зависимой самооценке, а 46,67% находятся на среднем уровне.

Обе группы демонстрируют тенденцию к зависимой самооценке, с преобладанием среднего уровня отраженного самоотношения, что подтверждает влияние внешних факторов на самоощущение.

5. Самоценность

- **Местные жители**: 46,67% местных жителей имеют высокий уровень самоценности, что свидетельствует о высоком уровне самоуважения и уверенности в собственной значимости; 40% находятся на среднем уровне, а 13,33% – на низком уровне, что может говорить о недостаточной признанности собственной ценности.

- **Российские мигранты**: 33,33% мигрантов имеют низкий уровень самоценности, что может указывать на проблемы с самопринятием; 46,67% находятся на среднем уровне, и лишь 20% проявляют высокий уровень самоценности.

Местные жители имеют более высокую самоценность по сравнению с российскими мигрантами, у которых наблюдается склонность к более низкой самоценности.

6. Самопринярtие

- **Местные жители**: 46,67% местных жителей имеют высокий уровень самопринятия, что свидетельствует о хорошем принятии себя; 46,67% находятся на среднем уровне, а только 6,67% имеют низкий уровень самопринятия.
- **Российские мигранты**: среди мигрантов 20% имеют низкий уровень самопринятия, что может указывать на трудности с принятием своей личности в новых условиях; 60% мигрантов находятся на среднем уровне, а 20% имеют высокий уровень самопринятия.

Местные жители демонстрируют более высокие уровни самопринятия, чем российские мигранты, у которых наблюдаются более выраженные трудности с принятием себя.

7. Самопривязанность

- **Местные жители**: 53,33% местных жителей находятся на среднем уровне самопривязанности, что свидетельствует о нормальной степени привязанности к близким и окружающим; 20% имеют низкий уровень, а 26,67% – высокий уровень, что указывает на разнообразие в степени эмоциональной привязанности.
- **Российские мигранты**: 53,33% мигрантов имеют средний уровень самопривязанности, что говорит о нормальной привязанности, однако 26,67% имеют низкий уровень, что может указывать на проблемы в отношениях с окружающими.

Обе группы демонстрируют схожий уровень самопривязанности, с преобладанием среднего уровня привязанности, но российские мигранты проявляют большее разнообразие в эмоциональных привязанностях.

8. Внутренняя конфликтность

- **Местные жители**: 46,67% местных жителей имеют средний уровень внутренней конфликтности, что указывает на наличие внутренних противоречий, но в умеренной степени; 40% – низкий уровень внутреннего конфликта, что может свидетельствовать о спокойствии и гармонии в самоощущении.

- **Российские мигранты**: 46,67% мигрантов имеют средний уровень внутренней конфликтности, что также указывает на присутствие некоторого напряжения в самоощущении; 33,33% мигрантов имеют низкий уровень внутреннего конфликта.

В обеих группах наблюдается умеренная внутренняя конфликтность, с небольшой склонностью к внутреннему спокойствию, особенно среди местных жителей.

9. Самообвинение

- **Местные жители**: 46,67% местных жителей имеют низкий уровень самообвинения, что указывает на отсутствие склонности обвинять себя в проблемах; 40% находятся на среднем уровне, и 13,33% – на высоком уровне, что может говорить о наличии тенденции к самообвинению.
- **Российские мигранты**: из мигрантов 33,33% имеют низкий уровень самообвинения, что также свидетельствует о низкой склонности к обвинению себя. 46,67% находятся на среднем уровне, и 20% – на высоком уровне.

Оба эти показателя говорят о тенденции к самообвинению, но среди российских мигрантов эта склонность выражена несколько сильнее, чем среди местных жителей.

В целом, местные жители проявляют более высокие показатели по шкалам самоценности, самопринятия и самообвинения, что может свидетельствовать о большем уровне психологической устойчивости и уверенности в себе. Российские мигранты, в свою очередь, часто демонстрируют более выраженные трудности с самопринятием и самоуважением, что может быть связано с процессами адаптации в новой социальной среде.

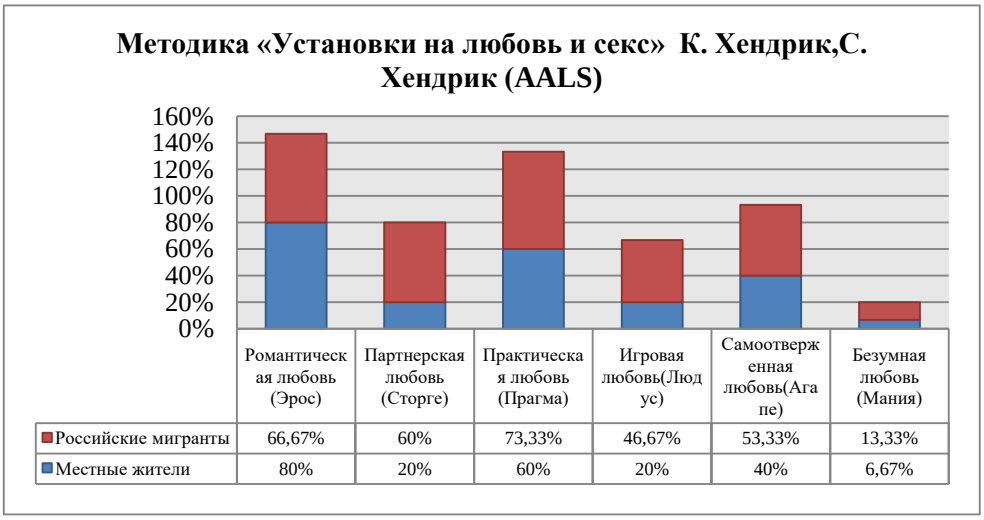
Методика «Установки на любовь и секс» (Attitudes About Love and Sex – “Colors of Love”) (AALS) (К. Хендрик, С. Хендрик)

Методика «Установки на любовь и секс» (Attitudes About Love and Sex – “Colors of Love”, AALS) разработана К. и С. Хендрик для анализа различных типов любви, которые влияют на отношение людей к любовным и сексуальным отношениям. Эта методика позволяет изучать, как разные категории людей воспринимают любовь через шесть основных стилей, или «цветов любви», каждый из которых имеет свои особенности. Рассмотрим, как эти стили любви проявляются в контексте данных, полученных от местных жителей Армении и российских мигрантов.

Типы любви по методике AALS

1. **Романтическая любовь** (эрос) – эмоциональная, страстная любовь, часто ассоциируемая с физическим влечением и сильным чувством влюбленности.
2. **Партнерская любовь** (сторге) – любовь, основанная на дружбе, заботе и стабильности. Это более спокойный и длительный тип любви, часто возникающий на основе общего опыта и общих интересов.
3. **Практическая любовь** (прагма) – любовь, основанная на разумных, практичных критериях. Здесь важны такие аспекты, как совместимость, материальное положение и соответствие жизненных целей.
4. **Игровая любовь** (людус) – любовь, рассматриваемая как игра или развлечение. Она характеризуется легкостью, независимостью и отсутствием серьезных обязательств.
5. **Самоотверженная любовь** (агапе) – любовь, в основе которой лежит бескорыстная забота о партнере. Это глубокая привязанность, выраженная в желании жертвовать ради другого человека.
6. **Безумная любовь** (мания) – любовное увлечение, основанное на интенсивных эмоциях и потребности в контроле и одобрении партнера. Это страстная, иногда деструктивная любовь.

Результаты методики «Установки на любовь и секс» (Attitudes About Love and Sex –"Colors of Love") (AALS) (К. Хендрик, С. Хендрик) (Рис. 3, Таб. 8)



	Романтическая любовь (Эрос)	Партнерская любовь (Сторге)	Практическая любовь (Прагма)	Игровая любовь(Людус)	Самоотверженная любовь(Агапе)	Безумная любовь (Мания)
Российские мигранты	66,67%	60%	73,33%	46,67%	53,33%	13,33%
Местные жители	80%	20%	60%	20%	40%	6,67%

Рисунок 3.

Таблица 8.

Категория ответа	Местные жители Армении (%)	Российские мигранты (%)
Романтическая любовь (эрос)	80%	66,67%
Партнерская любовь (сторге)	20%	60%
Практическая любовь (прагма)	60%	73,33%
Игровая любовь (людус)	20%	46,67%
Самоотверженная любовь (агапе)	40%	53,33%
Безумная любовь (мания)	13,33%	20%

1. **Романтическая любовь (эрос)**:
   - местные жители Армении – 80% считают этот стиль любви важным, что говорит о высокой значимости страсти и романтических чувств в отношениях;
   - российские мигранты – 66,67% поддерживают этот стиль, что указывает на несколько более низкую, но все же значительную приверженность романтической любви. Это может быть связано с более прагматичным подходом к отношениям среди российских мигрантов, которые могут больше ценить стабильность и практичные аспекты жизни.
2. **Партнерская любовь (сторге)**:
   - местные жители Армении – только 20% видят партнерскую любовь как важный стиль, это может говорить о том, что в культуре Армении больше ценятся страсть и эмоции, чем долгосрочные, основанные на дружбе отношения;
   - российские мигранты – 60%, что существенно выше, чем у армян. Это может указывать на более стабильные и долгосрочные ожидания от отношений среди мигрантов, возможно, обусловленные необходимостью создания крепких социальных связей в новой среде.
3. **Практическая любовь (прагма)**:
   - местные жители Армении – 60% считают этот стиль важным, что может говорить о том, что армяне ценят прагматичный подход к отношениям, особенно в аспектах совместимости и материального положения;
   - российские мигранты – важным считают этот стиль 73,33%, что чуть выше, чем у армян, этот факт может свидетельствовать о еще большем акценте на практическую сторону отношений, возможно, в силу необходимости обеспечить стабильность в условиях миграции и социальной адаптации.

4. **Игровая любовь (людус)**:
   - местные жители Армении – 20%, что указывает на низкий интерес к легким и непринужденным отношениям, что может свидетельствовать о более серьезном подходе к отношениям в армянской культуре;
   - российские мигранты – 46,67%, что значительно выше. Это может говорить о большей склонности мигрантов к экспериментам и поиску легких отношений в контексте миграционного опыта, когда легче позволить себе краткосрочные связи.
5. **Самоотверженная любовь (агапе)**:
   - местные жители Армении – 40% признают значение этого стиля, что указывает на наличие традиций, связанных с заботой о партнере и семейными ценностями;
   - российские мигранты – 53,33%, что несколько выше, это может отражать более высокую ценность самопожертвования в отношениях среди российских мигрантов, которые могут ощущать необходимость поддерживать друг друга в трудных жизненных обстоятельствах.
6. **Безумная любовь (мания)**:
   - местные жители Армении – 13,33%, что означает редкость этого типа любви в их восприятии, это может говорить о более сдержанном отношении к романтическим отношениям, избегании чрезмерной страсти и эмоций;
   - российские мигранты – 20%, что в два раза выше, чем среди армян, это может указывать на большую склонность к эмоциональным и бурным отношениям среди мигрантов, возможно, в попытке компенсировать трудности адаптации.

Результаты исследования показывают, что существует несколько ключевых различий между восприятием любви и отношений в контексте местных жителей Армении и российских мигрантов. Местные жители Армении более ориентированы на **романтическую любовь** и **практическую любовь**, что отражает более традиционный взгляд на отношения, где ценятся страсть, а также материальная и социальная совместимость. В то время как **российские мигранты** проявляют большую приверженность **партнерской любви**, ценят **прагматичные аспекты** отношений и склонны к большему поиску **игровой** и **самоотверженной любви**, что может быть связано с процессом адаптации и социальной мобильности в новой среде.

Чтобы увидеть взаимосвязь между компонентами самоотношения и стилем любви, нами был проведен коррелляционный анализ (Таб. 9).

Таблица 9.

Категория ответа	Романтическая любовь (эрос)	Партнерская любовь (сторге)	Практическая любовь (прагма)	Игровая любовь (людус)	Самоотверженная любовь (агапе)	Безумная любовь (мания)
Замкнутость	0.45	-0.32	0.60	-0.10	0.12	-0.45
Самоуверенность	0.85	0.34	0.80	0.20	0.38	-0.42
Саморуководство	0.78	0.23	0.75	0.00	0.35	-0.36
Отраженное самоотношение	0.64	-0.18	0.55	-0.05	0.22	-0.41
Самоценность	0.77	0.15	0.78	0.20	0.45	-0.32
Самопринятие	0.80	0.32	0.76	0.10	0.60	-0.45
Самопривязанность	0.74	0.10	0.67	0.05	0.50	-0.38
Внутренняя конфликтность	-0.35	0.10	-0.40	0.05	-0.30	0.45
Самообвинение	-0.40	0.05	-0.50	0.00	-0.22	0.60

Связь между самооценкой и романтическим стилем любви (эрос)

- **Высокий уровень самоуверенности и самоценности** положительно коррелирует с **романтической любовью** (эрос), что предполагает, что люди с высокой самооценкой склонны к более страстным и эмоционально насыщенным отношениям. Они, вероятно, обладают устойчивым внутренним ощущением ценности, что позволяет им легко открываться для романтической привязанности и ярких эмоций.
- Это подтверждается высокой положительной корреляцией между **самоуверенностью** ($r = 0.85$) и **эросом**, что говорит о том, что уверенные в себе люди более склонны к проявлению любви через страсть и сильные чувства.

Практическая любовь (прагма) и прагматичное самоотношение

- **Практическая любовь** (прагма) также положительно связана с высоким уровнем **самоценности** и **самопринятия**. Люди с хорошей самооценкой и самопринятием, скорее всего, ищут стабильности и безопасности в отношениях, ориентируясь на реальную совместимость и долгосрочные цели, что характерно для прагматичного стиля любви.
- Примером является высокое значение корреляции между **самоценностью** и **прагмой** ($r = 0.78$), что подтверждает, что люди с внутренним ощущением уверенности и принятия себя чаще выбирают партнеров, с которыми могут создать стабильные и практичные отношения.

Игровая любовь (людус) и низкое самопринятие

- **Игровая любовь** (людус), как стиль, ориентированный на легкость и отсутствие серьезных обязательств, может быть связана с низким уровнем **самоценности** и **самопринятия**. Люди, испытывающие внутренние сомнения или неуверенность в себе, могут избегать глубоких эмоциональных привязанностей и использовать легкие, менее обременительные отношения как способ защиты от потенциальных эмоциональных травм.
- Эта связь подтверждается слабой положительной корреляцией между **самоценностью** и **людусом** (r = 0.20) и отрицательной корреляцией с **внутренней конфликтностью** (r = -0.10), что может указывать на то, что люди с внутренними конфликтами и низким самопринятием чаще выбирают более игривые и менее серьезные отношения.

Безумная любовь (мания) и внутренняя конфликтность

- **Безумная любовь** (мания), характеризующаяся зависимостью и нестабильностью, склонна быть сильно связана с высокими уровнями **внутренней конфликтности** и **самообвинения**. Люди, страдающие от чувства неполноценности или переживающие внутренние противоречия, могут стремиться к эмоционально интенсивным, но нестабильным отношениям, что является одним из признаков мании в любви.
- Это видно из отрицательной корреляции между **самоценностью** и **манией** (r = -0.45) и высокой положительной корреляции с **внутренней конфликтностью** (r = 0.60). Люди с высокими уровнями внутреннего конфликта и самообвинения склонны к интенсивным, но деструктивным отношениям.

Самообвинение и низкая самооценка

Люди с высоким уровнем **самообвинения** и низкой **самоценностью** часто будут иметь тенденцию к болезненным и зависимым отношениям, что соответствует корреляции с **безумной любовью** и **внутренней конфликтностью**. Это может указывать на потребность таких людей в любовных отношениях как способе компенсации своей внутренней неудовлетворенности.

Самопринятие и самоотверженная любовь (агапе)

Самоотверженная любовь (агапе), которая включает заботу о другом человеке без ожидания взаимности, чаще всего коррелирует с высоким уровнем **самопринятия** и **самоценности**. Люди, которые принимают себя, более способны к бескорыстной любви и заботе о других.

Эта взаимосвязь видна в положительной корреляции между **самопринятием** и **агапе** (r = 0.60), что подчеркивает, что высокий уровень самооценки и

внутреннего согласия способствует развитию глубоких, альтруистичных отношений.

Корреляционный анализ показывает, что компоненты самоотношения (самооценка, самопринятие, внутренний конфликт и т.д.) играют значительную роль в формировании предпочтений в любви. Люди с высокой самооценкой и уверенностью в себе склонны к романтическим и практическим типам любви, тогда как те, кто испытывает внутренний конфликт или низкое самопринятие, могут выбирать более нестабильные или зависимые отношения, такие как **игровая** или **безумная любовь**.

Корреляции между компонентами самоотношения и стилями любви подчеркивают, насколько важно внутреннее восприятие себя для выбора типа любовных отношений. Самоотношение играет ключевую роль в определении стиля любви, который люди проявляют в своих романтичческих отношениях.

Таким образом, наша гипотеза о том, что существует взаимосвязь между компонентами самоотношения и стилем любви у современной молодежи Армении подтвердилась.

Заключение

Изучив научную литературу по теме «Самоотношение» и «Стиль любви», были сделаны следующие выводы:

- **самоотношение** – ключевой фактор формирования личностной идентичности и влияния на межличностные отношения, высокая самооценка и самопринятие способствуют уверенности в себе и здоровым романтическим отношениям;
- **стиль любви** – разнообразие моделей поведения и эмоциональных установок, отражающих подход к любви: успешные отношения могут укреплять самоценность, в то время как неудачи в любви могут негативно влиять на восприятие себя;
- **этнокультурное влияние** на восприятие любви и самоотношения: различные культурные ценности и нормы формируют уникальные подходы к любви, что требует учета этнической специфики при анализе стилей любви у молодежи;
- **взаимодействие самоотношения и стиля любви**: существует двусторонняя связь, где позитивное самоотношение способствует здоровым романтическим отношениям, а успешные отношения укрепляют самооценку и самоценность.

В экспериментальной части исследования были проведены выбранные нами методики для изучения взаимосвязи компонентов самоотношения и стилей любви современной молодежи Армении. На основе полученных результатов можно сделать определенные выводы.

Влияние культурных различий: местные жители Армении склонны к более стабильным и традиционным взглядам на любовь, с акцентом на романтическую любовь и практическую совместимость. Российские мигранты, в свою очередь, показывают более разнообразные предпочтения, в том числе большую приверженность партнерской любви и склонность к экспериментам в поиске игровых и самоотверженных отношений, что может быть связано с процессом адаптации в новой социальной среде.

Связь между самоотношением и стилем любви: высокая самооценка и самопринятие положительно коррелируют с романтической и практической любовью, что подтверждается значительными корреляциями с самоценностью ($r = 0.78$ для прагмы и $r = 0.85$ для эроса). Это говорит о том, что люди с высоким внутренним ощущением ценности предпочитают стабильные и эмоционально насыщенные отношения.

Проблемы адаптации у мигрантов: российские мигранты демонстрируют более низкие уровни самоценности и самопринятия, что связано с трудностями в адаптации и поиске стабильных долгосрочных отношений. Это также влияет на их предпочтения в любви, склонность к менее серьезным отношениям (игровая любовь) и более выраженные внутренние конфликты.

Влияние внутренней конфликтности. Внутренняя конфликтность и низкая самоценность ассоциируются с склонностью к более нестабильным и эмоционально интенсивным отношениям, таким как безумная любовь (мания). Это подтверждается высокой корреляцией между внутренним конфликтом и манией ($r = 0.60$), что указывает на поиски интенсивных, но деструктивных отношений среди людей с высокими уровнями внутреннего напряжения.

Самоотверженная любовь и самопринятие: высокий уровень самопринятия и самоценности способствует развитию альтруистичных и бескорыстных отношений, как видно из положительной корреляции между самопринятием и самоотверженной любовью ($r = 0.60$). Люди, принимающие себя, склонны к заботе о других без ожидания взаимности.

Эти выводы подчеркивают важность понимания связи между компонентами самоотношения и стилями любви, а также влияние культурных и личных факторов на восприятие отношений и эмоциональное поведение в контексте адаптации и личной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Столин В.В.* Самосознание личности. М.: Издательство Московского университета, 1983. 288с.
2. *Столин В.В., Пантилеев Спан Р.* Опросник самоотношения / В кн.: Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы // Под ред. А.А. Бодалева, И.М. Карлинской, В.В. Столина, С.Р. Пантилеева М., 1988. СС. 123–130.
3. *Мясищев В.Н.* Психология отношений. Избранные психологические труды [Текст] / В.Н. Мясищев. М.: МПСИ, 2004. 400с. // В.Н. Мясищев Личность и отношения человека [Текст] / В.Н. Мясищев // «Психология личности в трудах отечественных психологов». СПб.: «Питер», 2000. СС. 95–105.
4. *Розенова М.И.* Отношения любви в контексте обыденного сознания, развития, обучения, воспитания и социализации личности. Теоретическое и экспериментальное исследование проблемы. М., 2006. С. 59.
5. *Фромм Э*. Искусство любить. Исследование природы любви = The Art of Loving. An Enquiry into the Nature of Love (1956) / Перевод Л.А. Чернышевой. М.: «Педагогика», 1990. 160с.

RELATIONSHIP BETWEEN SELF-ATTITUDE AND LOVE STYLE IN YOUNG PEOPLE: ETHNOPSYCHOLOGICAL ASPECT

A. Berberyan, D. Afrikyan

ABSTRACT

The study is devoted to the study of the relationship between self-attitude indicators and love styles among young people in the context of ethnopsychological characteristics. The paper examines differences in self-attitude, level of self-acceptance and self-esteem, as well as the relationship with the preference for certain love styles among young people of different ethnic groups. A theoretical review of conceptual provisions on self-attitude and love styles is presented, as well as an empirical analysis of the research results. The data obtained can be useful for the development of psychological programs aimed at strengthening positive self-attitude and forming harmonious relationships in young people, taking into account ethnopsychological characteristics. Also, the results of the study can contribute to the creation of more effective strategies for psychological support and development of emotional well-being in a multicultural youth environment.
Keywords: self-attitude, love style, youth, ethnopsychological features, ethnopsychological differences.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-351-355

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИИ С НЕКОТОРЫМИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫМИ СОСТОЯНИЯМИ МОЛОДЕЖИ

А. Берберян, Э. Петросян, Д. Африкян

Российско-Армянский (Славянский) университет
aspsy@inbox.ru, afrikian.donara@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Исследования, проведенные в контексте анализа взаимосвязи между мотивацией и эмоциональными состояниями молодых людей, являются важным вкладом в понимание психологических механизмов, влияющих на их поведение. В данной работе анализируются эмпирические данные, собранные с помощью тестов и опросников, которые показывают, как различные эмоциональные состояния связаны с мотивацией к учебе и социальной деятельности. В теоретическом обзоре рассматриваются основные подходы к пониманию регуляции эмоций и мотивации. Результаты исследования подчеркивают важность учета эмоциональных особенностей молодых людей при разработке программ поддержки, направленных на повышение мотивации и психологической устойчивости, что особенно важно в современном быстро меняющемся обществе.

Ключевые слова: мотив, эмоции, мотивация, эмоциональные состояния, психологическое благополучие, молодежь.

Актуальность

Важность изучения взаимосвязи между мотивацией и эмоциональными состояниями молодых людей обусловлена современными социальными и психологическими проблемами, с которыми сталкивается молодое поколение. В связи со стремительными изменениями в обществе, включая влияние технологий и социальных сетей, эмоциональные состояния молодых людей становятся все более разнообразными и сложными. Понимание того, как различные эмоции влияют на мотивацию, может помочь разработать эффективные стратегии поддержки и развития, способствующие личностному росту и психологическому благополучию молодых людей. Исследования на эту тему имеют практическое значение для педагогов, психологов и родителей и подчеркивают необходимость комплексного подхода к развитию положительной мотивации в условиях эмоциональной нестабильности.

Гипотеза исследования

Предполагается, что существует взаимосвязь между мотивацией и некоторыми эмоциональными состояниями молодежи.

Цель исследования: изучение взаимосвязи мотивации с некоторыми эмоциональными состояниями молодежи.

Методологическая база

Методологической базой нашего исследования являются теоретические положения по мотивации таких авторов, как Л.С. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и по проблемам эмоциональных состояний – Л.И. Петражицский и Б.И. Додонов.

Методы исследования: анкетирование и тестирование.

Методики исследования:

- Методика для диагностики учебной мотивации (А.А. Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой);
- Методика «Диагностика самооценки психических состояний» (Г. Айзенк).

Мотивация – это совокупность психологических процессов, которые определяют направленность, интенсивность и устойчивость поведения человека. Мотивация играет важную роль в том, как люди ставят цели, стремятся к их достижению и преодолевают трудности. Мотивация может быть внутренней или внешней.

- *Внутренняя мотивация* – это движущая сила, которая исходит из внутренних потребностей и интересов. Она связана с самореализацией, увлеченностью и удовлетворением от процесса.
- *Внешняя мотивация:* движущей силой являются внешние факторы, такие как вознаграждение, признание, одобрение со стороны окружающих или желание избежать наказания.

Л. Рубинштейн рассматривал мотивацию как важный компонент человеческой деятельности и связывал ее с потребностями и интересами. Он разделил мотивацию на несколько уровней, от первичного (физиологического) до высшего (социального и духовного). Рубинштейн подчеркивал, что мотивация не является изолированным процессом, а интегрирована в деятельность, направленную на удовлетворение потребностей. Он считал, что для понимания мотивации необходимо учитывать как индивидуальные, так и социальные факторы [7].

А. Леонтьев, напротив, выделял деятельность как основу мотивации. Он утверждал, что мотивация возникает в связи с конкретной деятельностью и всегда связана с целями, которые человек ставит перед собой. Леонтьев ввел понятие «смысловой мотивации», которое подчеркивает, что внутренняя мотивация человека основана на понимании смысла и ценности определенных

целей. Он рассматривал мотивацию как динамический процесс, который меняется в зависимости от жизненных обстоятельств и опыта [2].

Существует несколько основных теорий мотивации, каждая из которых предлагает свою интерпретацию и понимание этого процесса.

Теория потребностей Маслоу: эта иерархическая модель предполагает, что человеческие потребности организованы в виде пирамиды. Эта пирамида представляет потребности человека в виде иерархии потребностей. Базовые физиологические потребности находятся внизу, а потребности в самореализации – наверху. Чтобы удовлетворить высшие потребности, сначала должны быть удовлетворены низшие.

Двухфакторная теория Герцберга: эта теория делит удовлетворенность работой на удовлетворенность и неудовлетворенность работой. Гигиенические факторы (условия труда, зарплата) могут вызывать неудовлетворенность, но не являются источником мотивации. Мотивация, по мнению Герцберга, связана с такими факторами, как достижения, признание и ответственность.

Теория ожиданий Врума: предполагается, что мотивация зависит от ожидания успешного выполнения задачи и веры в то, что это приведет к желаемому результату. Люди оценивают свои усилия, вероятность успеха и привлекательность результата [7].

На мотивацию влияют различные факторы.

Черты личности: ценности, взгляды и интересы человека.

Социальное окружение: влияние семьи, друзей, общества и культурных норм.

Эмоциональное состояние: эмоции играют важную роль в формировании мотивации. Положительные эмоции могут повышать уровень мотивации, а отрицательные – снижать.

Молодежная мотивация имеет специфические характеристики, обусловленные изменениями в социальном и культурном контексте. Молодые люди часто сталкиваются с проблемами, связанными с самоопределением, поиском своего места в обществе и влиянием технологий. Важно понимать мотивацию молодых людей, чтобы разрабатывать эффективные образовательные и социальные программы.

Эмоции – это сложные психофизиологические реакции на внутренние или внешние раздражители. Они включают в себя несколько компонентов: физиологический (изменения в организме), когнитивный (осознание ситуации) и поведенческий (выражение эмоций через действие). Эмоции играют важную роль в регуляции поведения и принятии решений [4].

Эмоции можно классифицировать по различным критериям [1].

Базовые эмоции, согласно теории Пола Экмана, это радость, грусть, гнев,

страх, отвращение и удивление. Эти эмоции универсальны и выражаются одинаково во всех культурах.

Сложные эмоции, они основаны на базовых эмоциях и могут включать в себя более тонкие переживания, такие как зависть, гордость или стыд.

Эмоции выполняют несколько ключевых функций.

Регулирование поведения: эмоции помогают определить, как реагировать на различные ситуации. Например, страх может привести к избеганию опасности, а радость – к социальному взаимодействию.

Установление социальных связей: эмоции помогают создавать и поддерживать социальные связи. Выражение эмоций помогает другим понять состояние и намерения человека.

Мотивация: эмоции могут быть мощным источником мотивации. Положительные эмоции могут побуждать к действию, а отрицательные – вызывать желание избегать определенных ситуаций.

Эмоциональные состояния различаются по интенсивности и продолжительности и могут оказывать значительное влияние на поведение и когнитивные процессы.

Положительные эмоциональные состояния (такие как счастье и удовлетворение) могут повышать творческий потенциал, социальную активность и общую продуктивность.

Негативные эмоциональные состояния (такие как тревога и депрессия) могут снижать мотивацию, ухудшать когнитивные способности и приводить к социальному избеганию.

Эмоциональные состояния являются важной частью человеческого опыта и влияют на поведение, здоровье и социальное взаимодействие. Исследования в этой области постоянно развиваются, открывая новые возможности для понимания роли эмоций в жизни человека.

Общие выводы

1. Мотивация и психические состояния взаимосвязаны, и многие мотивационные факторы могут служить способом компенсации или преодоления стрессовых и эмоциональных переживаний.

2. Тревожность и фрустрация оказывают сильное влияние на выбор мотивации, в то время как такие эмоциональные состояния, как агрессивность и ригидность, проявляются через специфические мотивации (например, избегание, стремление к престижу и т.д.), которые связаны с желанием контролировать ситуацию или придерживаться стабильности.

Таким образом, наша гипотеза о том, что существует взаимосвязь между

мотивацией и некоторыми эмоциональными состояниями молодежи, подтвердилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Додонов Б.И.* Эмоция как ценность. М.: «Политиздат», 1978. 272с.
2. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. М.: «Политиздат», 1977. 304с.
4. *Петражицкий Л.И.* Основы эмоциональной психологии. СПб., 1907, 2-изд. С. 331.
5. *Петражицкий Л.И.* Теория и политика права: Избранные труды / Науч. ред. Б.В. Тимошина. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010. 1032с.
6. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир / С.Л. Рубинштейн // «Методические и теоретические проблемы психологии», 1969. СС. 348–374.
7. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: «Просвещение», 1946. 698с.

THE RELATIONSHIP BETWEEN MOTIVATION AND SOME EMOTIONAL STATES OF *YOUNG PEOPLE*

A. Berberyan, D. Afrikyan, E. Petrosyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The study, conducted within the framework of the analysis of the relationship between motivation and emotional states among young people, is an important contribution to understanding the psychological mechanisms that influence their behavior. The article presents an analysis of empirical data collected as a result of testing and questionnaires, which allowed us to identify how various emotional states are associated with motivation for educational and social activities. The theoretical review examines the main approaches to understanding emotional regulation and motivation. The results of the study emphasize the importance of taking into account the emotional characteristics of young people to develop support programs aimed at increasing motivation and psychological stability, which is especially important in the context of a rapidly changing modern society.
Keywords: motive, emotions, motivation, emotional states, psychological well-being, young people.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-356-364

ДУХОВНОСТЬ, КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

А.В. Ваганян

Российско-Армянский (Славянский) университет
a.v.vahanyan@gmail.com

«Духовность – это не роскошь, а вопрос выживания»
В. Франкл

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблеме сохранения психологического здоровья современной молодежи в ситуации развития трансформационного общества. Предметом исследования стало психологическое здоровье как феномен институциональной и ментальной целостности социума. В отношении развития молодежи данный феномен рассматривался как эффект и результат ее адекватной социализации, позитивно-оптимального самосознания и конструктивных паттернов жизнедеятельности. Научная рефлексия проблемы выполнена на основе методологии социокультурной детерминации духовного и психологического развития личности. Представлен анализ исследований и подходов в области психологии здоровья. Описаны основные уровни идентификации социокультурных вызовов здоровью молодого поколения. Важность работы заключается в концептуальном переходе от эгоцентрической парадигмы понимания психологического благополучия и здоровья к культуроцентрической парадигме с опорой на жизненно-деятельный план личности как полноценного субъекта. Причем речь идет не просто о воспитании или воскрешении нравственности в нашем обществе, т.к. нравственность зависит от духовности, какая духовность такая и нравственность.

Ключевые слова: духовность, молодежь, полноценный субъект, психологическое здоровье, ценностные ориентации, духовная самозащита, формирование идентичности, смысл жизни, самосознание и понимание границ своей личности, личностный рост и самосовершенствование.

Введение

Современная социокультурная ситуация в мире характеризуется масштабными преобразованиями в экономике, политике, образе жизни населения, что влечет за собой значительные изменения и в ценностных ориентациях личности. Трансформации общественных отношений в первую очередь проявляются в молодежной среде, так как в силу возрастных, психологических и социальных особенностей молодежь является самой восприимчивой социальной группой, инди-

катором всех положительных и отрицательных процессов, происходящих в обществе. Ценностные ориентации молодых людей находятся в процессе формирования, а сформировавшись, требуют еще некоторого времени для обретения устойчивости, в связи с чем испытывают большую зависимость от различных внешних факторов. Чтобы противостоять этой социокультурной реальности, ставящей под сомнение идентичность, и сохранить свою идентичность, от сегодняшней молодежи требуются большая воля и серьезные усилия; с кем себя идентифицировать и как сохранить свою идентичность.

Состояние научной разработки проблемы. Проблематика психологического здоровья выступает в числе ведущих областей психологической науки и находится в сфере приложения усилий смежных научных отраслей (Б.С. Братусь, 1988; И.И. Брехман, 1990; А.А. Бодалев, Г.Т. Ганжин, А.А. Деркач, 2000; И.М. Быховская, 2000; Д. Вутулкас, 1997; С. Ганеман,1992; О.Л. Даниленко, 2000; В.П. Казначеев, Е.А. Спирин, 1991; Е.Р. Калитеевская, 1999; В.П. Петленко, Д.Н. Давиденко,1998; А.Б. Холмогорова, Н.Г. Гараян, 1999; U. Flick, 2000; J. Gordon; 1996, M. Murray, K. Chamberlain, 1998; R. Schwarzer, R. Fuchs, 1995; H. Stam, 2000 и др.) [1; 2;14]. При этом долгое время большая часть исследований ограничивалась рамками проблемы психического здоровья, в трактовках которой преобладало понятие о сложном, многофакторном явлении, определяющем репродуктивные и созидательные функции как отдельных индивидов, так и целых сообществ (Б.Г. Юдин, 2000; В.М. Розин, 2000; Э. Фромм, 1998; D. Marks, M. Murray, B. Evans, 2000; H. Stam, 2000; K.C. Schou, J. Hewison, 1998; S. Wilkinson, 1998).

Основным признаком психического здоровья признавалось отсутствие болезненных проявлений (А.Е. Личко, Ю.А. Александровский, П.Б. Ганнушкин, С.Ю. Головин, Г.К. Ушаков и др.) [14]. Исследователи, анализирующие феномен психологического здоровья в онтогенетическом измерении, делают акцент на таких показателях как: характеристики общения со сверстниками, замкнутость, тревожность, агрессивность, искаженная мотивация, неадекватная самооценка и т.п. (И.В. Дубровина, А.В. Шувалов, В.Э. Пахальян и др.). В качестве критериев здоровой личности рассматриваются такие характеристики, как стремление к самоактуализации, позитивные смысложизненные ориентации, адекватное самоотношение, оптимизм и т.п. (Н. Брэдберн, М. Багери, О.И. Лелякова, Г. Олпорт, А.А. Печеркина и др.) [14].

Характерные проявления современного общества. Современная культура с ее тенденцией к вечному самоотрицанию выполняет взаимоисключающую функцию в формировании идентичности. Быть этноносителем культур-

ной нации – значит обладать историко-культурным наследием, определяющим национальную психику и идентичность, или, по крайней мере, ее «культурным ядром». В нашем мире, стремящемся к культурной однородности, важны как роль исторического и культурного наследия нации в организации «духовной самозащиты», так и способность модернизировать национальную жизнь. Культурное «мы» для молодой армянской этнократии постоянно «вмешивается» в формирование его представлений о жизни, придавая им каким-то своеобразным приемом особую окраску и оттенок «армянскости». В этом смысле «армянство» – это этнокультурная экзистенциальная ситуация, онтологическое пространство для осуществления выбора в альтернативных ситуациях. Современному молодому человеку практически невозможно вырваться из этой культурной ситуации, потому что он всегда в ней и через нее существует как часть «армянства». Молодежь, объединенная вокруг «общего прошлого», (например, принятие и поддержание христианской системы ценностей), также должна стать сообществом, объединенным вокруг «общего будущего».

Знание того, каких ценностей придерживается молодежь, позволяет прогнозировать дальнейшие перспективы развития каждого общества и в конечном итоге предвидеть и ближайшее, и весьма отдаленное будущее страны. С точки зрения формирования внешней среды организации национальной жизни, одной из проблем «национализации» христианства было создание новых цивилизационных возможностей горизонтальной идентичности в историко-культурной сокровищнице армянского национального народа. В экзистенциальном смысле расширение цивилизационных возможностей горизонтальной идентичности открывает пространство внутренней солидарности человека с социальным миром и новыми альтернативами, что очень соответствует ищущему и новаторскому духу армянской личности.

В биофилософии выживания армянского народа экзистенциальная судьба имеет феноменологический смысл и иногда воспринимается как «второе тело» нации, которое как бы является скрытым присутствием при принятии судьбоносных решений и практически превратилось в культурный код, не подлежащий рефлексии. Решение проблемы гармоничного развития человека в контексте специфики современного образования и процессов социализации, на наш взгляд, заключается в переходе от простого обучения специалистов в области какой-либо одной специальности (так как не охватывает весь потенциал человека, ограничивая его в своей реализации и развитии) к действительному образованию, т.е. воспитанию и формированию зрелого – целостного человека, во всей его не просто нравственной, а духовной красоте и великолепии

– полноте бытия. И эта полнота невозможна без связи с прошлым человека с тем, что питало народы целые тысячелетия, – его религией, культурой, а попросту – верой в Бога, безраздельной связи с ним. Причем речь идет не просто о воспитании или воскрешении нравственности в нашем обществе, ***т.к. нравственность зависит от духовности, какая духовность такая и нравственность***. ***«Нравственный срыв следует за духовным срывом», писал Клайв Льюис*** [5]. Они глубоко взаимосвязаны, но и духовность сама по себе не показатель, ведь если святое место пусто не бывает, значит, человек и окружающие его, всегда находятся в сфере какой-то духовности, либо доброй (необходимо помнить что доброта без Бога также полностью чистой не бывает, в основном она с примесью пристрастия к делу, людям и т.), либо явно злой, различие ее в наполненности, направленности или сути. Ведь пользование всеми дарами в избытке часто не приносит счастья людям. «В наши дни, – пишет В. Франкл, известный психотерапевт-психолог в своей книге "Страдание от бессмыслицы жизни", – пациенты жалуются главным образом на чувство внутренней опустошенности, которое возникает от ощущения абсолютной бессмысленности жизни. Вот что я называю экзистенциальным вакуумом» [9; 368]. Там же он пишет, что «экзистенциальный вакуум возникает как раз из-за того, что в таком обществе созданы условия лишь для удовлетворения потребностей, но не для стремления к смыслу» [9;368]. «С христианской точки зрения человеческие проблемы имеют глубинные духовные корни и являются последствиями грехопадения. Постижение этого – залог физического и морального выживания современного человечества», – пишет психолог Ю.М. Зенько [3;192]. И не стоит говорить, что это не касается меня. «Разве то, что влияет на жизнь отдельного человека, не оказывает такое же влияние на жизнь всего человечества?» – пишет В. Франкл [9;368]. Во Вселенной ничего не остается бесследно. Чтобы занять «достойное место» в жизни, необходимо обладать социальной активностью, целеустремленностью и предприимчивостью, способностью находить оптимальные решения в нестандартных ситуациях, иметь в разумной мере индивидуалистические установки, ориентацию на себя, потребность в жизненных достижениях и успехе, обладать рациональным и прагматическим отношением к жизни. Эти качества помогают добиться материального успеха, но часто вступают в противоречия с общественными нормами и ценностями, не соответствуют общепринятым морально-нравственным образцам, противоречат многовековым традициям духовной культуры, сложившейся в обществе. При этом современная молодежь во многом сохраняет традиционную ценностно-ориентационную базу и ста-

вит ценности эмоционального самоопределения выше ценностей материального комфорта.

Каждый человек хочет быть здоровым. Но что такое здоровье и что нужно для его сохранения? В уставе ВОЗ здоровье определяется как «состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [2;67-95]. Придерживаясь психосоматической теории, человек может восстанавливать свое здоровье, изменяя оценки, убеждения, повышая духовность. Связано ли здоровье со смыслом человеческой жизни, с психологическими установками человека?

Смысл жизни – это то, к чему человек стремится, смысл заключает в себе черты его индивидуальности. Но смысл человеческой жизни противоречив и связан с конкретными ценностями, различны формы его осознания, они изменяются с возрастом и с течением времени. Есть общечеловеческие ценности. Это ценность человеческой жизни, стремление людей к справедливости, счастью и т.д. ***И чем выше духовность у человека, тем выше смысл его жизни.*** Хотя человек не всегда думает о смысле жизни, однако не может смириться с мыслью о смерти. Чаще всего и о том, и о другом он начинает глубоко задумываться, когда появляются болезни или первые признаки старения рушат идеалы. По теории В.В. Лазарева, развитие духовности идет через болезни: размышляя во время болезни о смысле жизни, человек развивает духовность. ***Даже при отсутствии высшего смысла у человека должно быть какое-то представление о смысле жизни, так как самочувствие, ощущение счастья, смысл жизни и духовность взаимосвязаны***. Если же смысла нет, человек несчастен. Он может иметь высший альтруистический смысл или обыденный эгоистический смысл существования, если же смысла нет, человек даже может отказаться от жизни. Ощущение бессмысленности больше распространено среди молодежи. При этом среди причин смертности у американских студентов второе место после дорожно-транспортных происшествий занимают самоубийства. Большинство таких студентов не видели в жизни смысла. Отсутствие смысла жизни – это и причина появления вредных привычек (алкоголизм, наркомания).

Если термин «психическое здоровье» фактически охватывает лишь отдельные психические процессы и механизмы, то «психологическое здоровье», как отмечает И.В. Дубровина, характеризует личность в целом, указывает на «… свойство развитой личности. Оно представляет собой одно из важнейших состояний личности и связано с нравственным развитием человека» [2, с. 69].

Психологическое здоровье играет решающую роль в развитии духовно-

сти через самосознание и поиск внутренних границ личности. Это утверждение можно обосновать следующими ключевыми факторами.

- Во-первых, эмоциональная стабильность. Стабильное состояние психического здоровья позволяет людям эффективно обрабатывать свои эмоции, что является необходимым для самосознания. Когда люди эмоционально стабильны к распознаванию и пониманию своих чувств, мыслей и поведения, это понимание позволяет им исследовать свои внутренние границы и развивать более глубокое чувство себя, а значит, становиться более духовным.
- Во-вторых, когнитивное функционирование. Психологическое здоровье тесно связано с когнитивным функционированием, которое жизненно важно для самосознания. Люди с хорошим психическим здоровьем имеют лучшие когнитивные способности, такие, как внимание, память и навыки решения проблем. По результатам многих исследований были сделаны четкие выводы, что психическое здоровье помогает развивать важные когнитивные процессы, играющие ключевую роль в формировании духовности. ***Духовность и когнитивные навыки необходимы для самоанализа и саморефлексии, которые являются ключевыми компонентами самосознания и понимания границ своей личности.***
- В-третьих, социальные взаимодействия. Психологическое здоровье влияет на то, как люди взаимодействуют с другими, что действует на их самосознание и понимание границ своей личности. Люди с хорошим психическим здоровьем более склонны к позитивному взаимодействию и получают конструктивную обратную связь от других. ***Эта обратная связь может помочь получить представление о своем поведении и личностных чертах, способствуя самосознанию и исследованию своих внутренних границ, тем самым развивая свою духовность.***
- В-четвертых, устойчивость и приспособляемость. Психологическое здоровье помогает человеку справляться со стрессом и адаптироваться к изменениям. ***Устойчивые люди с хорошим психическим здоровьем и высокой духовностью с большей вероятностью будут стремиться к личностному росту и самосовершенствованию, что может привести к повышению самосознания и лучшему пониманию границ своей личности.***
- В-пятых, самоуважение и самооценка. ***Психологическое здоровье и духовность тесно связаны с чувством собственного достоинства***

и самоуважением человека. Люди с духовностью и хорошим психологическим здоровьем имеют положительное представление о себе и уверены в своих способностях.

Итак, процесс современного образования, на наш взгляд, кроме обретения специальности должен:

- научить человека поиску Бога, как смысла всего существующего;
- научить человека принять и воскресить в своей душе истинную религию (которая в переводе есть связь, соединение с Создателем), а не просто классический набор обрядовости, форм, что выливается далее в фанатизм, и, к сожалению, достаточно часто наблюдается в любой из конфессий;
- просвещать человека в области его этнической природы, познать культуру своего народа в целом и своей семьи (рода), в частности;
- прививать человеку желание учиться, научить мыслить и размышлять над всем происходящим, чтобы он мог сам, находясь в любых условиях, заниматься самообразованием и иметь возможность отличать добро от зла.

Выводы

Таким образом, духовность и психическое здоровье служат фундаментальными факторами развития самосознания и поиска внутренних границ личности. Эмоциональная регуляция, когнитивные функции и социальное взаимодействие неразрывно связаны с психическим здоровьем и духовностью и существенно влияют на способность человека правильно и объективно воспринимать себя. Поэтому рассмотрение ключевой роли духовности и психического здоровья необходимо при изучении динамики самосознания и развития личности. В целом для развития психологически здоровой молодежи необходима ценностно-смысловая и нормативная реконструкция социокультурного пространства функционирования отечественной культуры и системы образования современного общества. Необходимо преодолеть ценностный вакуум, который разъедает культуру, стирает временную перспективу и смысловую конструкцию общества. Для современной молодежи наличие ценностной шкалы – это гарантия ее национальной и социокультурной идентичности, а для общества и страны – гарантия будущего. Учитывая эту реальность, этнокультурное существование «армянства» сочетается с феноменом духовности, рассматриваясь как уникальный «иммунитет» для сохранения идентичности, как сокровищница культурных возможностей жизнеспособности армянского народа, богатство которого оценивается способностью адекватно реагировать на цивилизационные вызовы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Братусь Б.С.* Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Д.А. Леонтьев, В.Г. Щур (ред.). М., 1997. СС.3–29.
2. *Дубровина И.В.* Психологическое здоровье личности в контексте возрастного развития // «Развитие личности», 2015. № 2. СС. 67–95.
3. *Зенько Ю.М.* Христианская антропология и психология в лицах. Основные авторы и работы с древнехристианского периода по настоящее время. Библиографический справочник. СПб., 2009, С. 192.
4. *Ильинский И.М.* Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. 664с.
5. *Клайв Л.* «Из двух интервью» (Из интервью Шервуду Уирту, представителю Евангелистской ассоциации Билли Грэма в 1963г.)
6. *Роджерс К.Р.* Полноценно функционирующий человек. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: «Прогресс», 1994. СС. 234–247.
7. *Ситаров В.А.* Ценностные трансформации современной студенческой молодежи // «Знание. Понимание. Умение», 2017. № 2. СС. 202–210.
8. *Ситаров В.А., Шутенко А.И., Шутенко Е.Н.* Психологические особенности студенческой молодежи с различным уровнем самореализации в обучении // Alma Mater («Вестник высшей школы»), 2008. № 7. СС. 49–55.
9. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: «Прогресс», 1990. 368с.
10. *Шувалов А.В.* Гуманитарно-антропологические основы теории психологического здоровья // «Вопросы психологии», 2004. № 6. СС. 18–33.
11. *Шутенко А.И.* Социокультурные измерения образовательного процесса в высшей школе // Alma Mater («Вестник высшей школы»), 2013. № 7. СС. 36–40.
12. *Шутенко Е.Н.* Психологическое здоровье молодежи в условиях социокультурных трансформаций современного общества // «Психолог», 2018. № 3. СС. 32–40. DOI: 12.25136/2409-8701.2018.3.27044 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27044
    Человек. Основы христианской антропологии в таблицах Сайт «Азбука веры» http://azbyka.ru/shemy/chelovek.shtml
13. *Baudrillard J.* A l'ombre des majorités silencieuses ou la fin du social. Paris: “Utopie”, 1981.
14. *Bradburn N.* The Structure of Psychological Weil-Being. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. 320p.
15. *Deleuze G., Guattari F.* Anti-Œdipus: Capitalism and Schizophrenia. New-York: “Viking Press”, 1977.
16. *Miquelon P., Vallerand R.* Goal motives, well-being, and physical health: Happiness and self-realization as psychological resources under challenge. Motivation and Emotion, 2006.

SPIRITUALITY AS A FACTOR IN THE PSYCHOLOGICAL HEALTH OF MODERN YOUTH

A.Vahanyan

ABSTRACT

This article is devoted to the problem of maintaining the psychological health of modern youth in the situation of development of a transformational society. The subject of the study was psychological health as a phenomenon of institutional and mental integrity of society. In relation to the

development of youth, this phenomenon was considered as the effect and result of its adequate socialization, positive-optimal self-awareness and constructive patterns of life. Scientific reflection of the problem is carried out on the basis of the methodology of socio-cultural determination of spiritual and psychological development of the individual. An analysis of research and approaches in the field of health psychology is presented. The main levels of identification of socio-cultural challenges to the health of the young generation are described. The importance of the work lies in the conceptual transition from the egocentric paradigm of understanding psychological well-being and health to the culture-centric paradigm based on the life-activity plan of the individual as a full-fledged subject. Moreover, we are not just talking about education or the resurrection of morality in our society, since morality depends on spirituality, and what spirituality is such is morality.

Keywords: spirituality, youth, full-fledged subject, psychological health, value orientations, spiritual self-defense, identity formation, the meaning of life, self-awareness and understanding of the boundaries of one's personality, personal growth and self-improvement.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-365-372

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ IT

С.А. Григорянц

Российско-Армянский (Славянский) университет
sophie.grig7@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения факторов, влияющих на психологическое благополучие специалистов в сфере IT. Сфера IT характеризуется высокими требованиями к когнитивным и эмоциональным ресурсам, а также демонстрирует значительный рост популярности и привлекает все большее количество работников. Несмотря на это, психологические аспекты работы в IT остаются недостаточно изученными. В статье представлен теоретический обзор и анализ литературы, направленный на выявление ключевых факторов и характеристик, определяющих уровень психологического благополучия специалистов в данной профессиональной среде. Полученные результаты подчеркивают практическую значимость исследования, позволяя глубже понять аспекты, способствующие устойчивости и эффективности профессиональной деятельности IT-специалистов.

Ключевые слова: психологическое благополучие, IT-специалисты, профессиональная деятельность, факторы влияния, специфические особенности.

Введение

В последние десятилетия сфера информационных технологий (IT) стала одной из наиболее динамично развивающихся и востребованных отраслей. Работа в IT требует от специалистов высокой степени концентрации, адаптивности и умения решать сложные когнитивные задачи в условиях ограниченного времени. При этом эмоциональные нагрузки, высокие ожидания работодателей и нестабильные рабочие условия оказывают значительное влияние на психологическое состояние работников.

Несмотря на растущую популярность IT-профессий, вопросы, касающиеся психологического благополучия специалистов в этой области, остаются недостаточно изученными. Важность данной проблемы обусловлена тем, что состояние психологического благополучия непосредственно связано с профессиональной эффективностью, уровнем стресса и качеством жизни работников. Исследование факторов, влияющих на психологическое благополучие IT-специалистов, представляется необходимым для понимания и создания

условий, способствующих их устойчивости и продуктивности.

Данная статья основывается на теоретическом анализе литературы и направлена на выявление специфических характеристик психологического благополучия, которые определяют эффективность и устойчивость профессиональной деятельности специалистов в сфере IT.

Исследование специфических факторов, влияющих на психологическое благополучие IT-специалистов, привлекло внимание ряда ученых. В частности, А.С. Кот и А.А. Качина в своей работе «Профессиональное благополучие специалистов сферы информационных технологий» анализируют компоненты профессионального благополучия в их взаимосвязи с выгоранием и самооценкой успешности (1, 4).

Кроме того, в статье «Психологические ресурсы профессионального благополучия и успешности IT-специалистов» рассматривается вклад таких психологических ресурсов, как жизнестойкость, толерантность к неопределенности и самоэффективность в профессиональное благополучие и успешность IT-специалистов (2).

Также стоит отметить работу О.О. Гофман и соавторов работы «Проблема профессионального выгорания специалистов в сфере информационных технологий: теоретический обзор», где анализируются детерминанты выгорания у IT-специалистов, включая профессиональные, организационные и личностные факторы (3).

Эти исследования подчеркивают важность комплексного подхода к изучению психологического благополучия IT-специалистов, учитывая как индивидуальные, так и организационные аспекты их профессиональной деятельности.

Теоретико-методологические аспекты психологического благополучия

Понятие психологического благополучия

Психологическое благополучие рассматривается как многогранное состояние, отражающее внутреннюю гармонию, удовлетворенность жизнью и позитивное эмоциональное состояние. Этот феномен включает несколько ключевых аспектов:

- эмоциональное благополучие – наличие положительных эмоций и минимизация негативных;
- социальное благополучие – удовлетворенность социальными связями и взаимодействиями;
- личностное благополучие – чувство самореализации, автономии и личностного роста.

Сущность и функции психологического благополучия

Психологическое благополучие выполняет важные функции, которые способствуют как индивидуальному, так и социальному развитию:

- адаптивная функция помогает справляться со стрессами и жизненными трудностями;
- мотивационная функция стимулирует стремление к достижению целей и самосовершенствованию;
- социальная функция поддерживает установление и сохранение позитивных социальных связей;
- защитная функция снижает риск развития психических и физических заболеваний.

Ключевые концепции психологического благополучия

Первая концепция, которую мы взяли в основу исследования – теория самореализации Абрахама Маслоу.

Теория самореализации представляет собой одну из основополагающих концепций психологического благополучия. Маслоу выделил иерархию потребностей, включающую пять уровней:

- физиологические потребности (еда, сон, вода);
- потребности в безопасности (стабильность, защита);
- социальные потребности (любовь, принадлежность);
- потребности в уважении (самоуважение, признание);
- потребности в самореализации (личностный рост, творчество, достижение смысла).

Самореализация как вершина иерархии символизирует достижение полного психологического благополучия. Она включает раскрытие потенциала личности, высокую степень автономии и удовлетворенность жизнью.

Иерархия потребностей помогает понять, какие из уровней наиболее уязвимы в IT-среде, например, как недостаток безопасности из-за нестабильности проектов или неудовлетворенность социальной принадлежностью в удаленных командах могут препятствовать самореализации.

Вторая концепция – концепция эвдемонического благополучия Раяна и Деси.

Эвдемоническое благополучие акцентирует внимание на личностном росте, автономии, цели в жизни и самопринятии. Оно связано с достижением глубокой удовлетворенности через реализацию потенциала и осмысленную жизнь.

Аспекты автономии и личностного роста имеют ключевое значение для

IT-специалистов, поскольку их работа часто предполагает креативное мышление и независимое принятие решений.

Третья концепция – субъективное благополучие Эда Динера. Динер определяет субъективное благополучие как совокупность когнитивной оценки жизни (удовлетворенность жизнью) и эмоционального баланса (наличие положительных эмоций и минимизация негативных).

Концепция субъективного благополучия Эда Динера помогает исследовать, как IT-специалисты воспринимают свою удовлетворенность жизнью и эмоциональный баланс, учитывая интенсивный рабочий ритм и частые дедлайны.

Последняя основополагающая концепция – модель психологического благополучия Кэрол Рифф. Модель Рифф включает шесть ключевых компонентов:

- автономия;
- контроль над окружающей средой;
- личностный рост;
- позитивные отношения;
- цель в жизни;
- самопринятие.

Эти концепции подчеркивают, что психологическое благополучие является результатом гармоничного развития личности и ее взаимодействия с окружающей средой.

Компоненты модели, такие как контроль над окружающей средой и позитивные отношения, могут быть адаптированы для анализа того, как рабочая культура и организация труда в IT-сфере поддерживают или ограничивают психологическое благополучие (5, 6, 7).

Благодаря этим теоретическим и методологическим аспектам, исследование специфических особенностей психологического благополучия у IT-специалистов позволяет не только глубже понять их профессиональную среду, но и выработать практические стратегии для улучшения их благополучия и профессиональной эффективности.

Факторы и критерии психологического благополучия

Психологическое благополучие определяется рядом факторов, каждый из которых включает конкретные критерии, влияющие на общее состояние индивида. Выделяются когнитивные, эмоциональные, социальные, профессиональные, личностные и физические аспекты, каждый из которых выполняет свою роль в формировании благополучия. В таблице ниже приведены основные факторы и их критерии.

Факторы	Критерии
Когнитивные факторы	– Удовлетворенность жизнью – Четкость профессиональных целей – Способность к принятию решений
Эмоциональные факторы	– Эмоциональная устойчивость – Уровень позитивных и негативных эмоций – Управление стрессом
Социальные факторы	– Качество межличностных отношений – Социальная поддержка – Чувство принадлежности к коллективу
Профессиональные факторы	– Удовлетворенность работой – Баланс между работой и личной жизнью – Возможности для профессионального роста
Личностные факторы	– Самоэффективность – Личностный рост – Способность к саморефлексии
Физические факторы	– Уровень физического здоровья – Устойчивость к усталости – Поддержание физического тонуса

На основе теоретической базы и особенностей профессиональной среды специалистов в IT можно выделить следующие **специфические характеристики психологического благополучия**, которые отличают их от других профессиональных групп.

1. **Когнитивные характеристики**:
   - высокая когнитивная нагрузка: IT-специалисты постоянно решают сложные задачи, требующие высокой концентрации, внимания и аналитического мышления, их психологическое благополучие зависит от способности справляться с такими нагрузками;
   - гибкость мышления: умение адаптироваться к быстро меняющимся требованиям и внедрению новых технологий;
   - удовлетворенность профессиональными достижениями: значимость и ценность выполненных задач для карьерного роста и личной удовлетворенности.
2. **Эмоциональные характеристики**:
   - устойчивость к стрессу: психологическое благополучие IT-специалистов во многом зависит от их способности управлять стрессом, вызванным дедлайнами, высокими ожиданиями и техническими сбоями;
   - баланс между позитивными и негативными эмоциями:частое столкновение с техническими проблемами и потребность в креативных решениях формируют уникальный эмоциональный фон, который требует развития эмоциональной устойчивости;

- эмоциональное выгорание: у специалистов в IT высокий риск профессионального выгорания из-за продолжительной работы над сложными проектами.

3. **Социальные характеристики**:
   - особенности социальной интеграции: IT-специалисты часто работают в распределенных командах, что может ограничивать их чувство принадлежности и удовлетворенность межличностными отношениями;
   - потребность в поддержке: поддержка со стороны коллег, руководства и семьи играет важную роль в укреплении их психологического благополучия;
   - коммуникативная изоляция: частая работа в одиночку или в режиме удаления требует развития новых форм социальных взаимодействий.
4. **Профессиональные характеристики**:
   - удовлетворенность работой: уникальные условия труда в IT (гибкий график, возможность удаленной работы) могут положительно влиять на благополучие, если соблюдается баланс между работой и личной жизнью;
   - потребность в профессиональном росте: IT-специалисты стремятся к постоянному обучению, что связано с требованиями рынка и их внутренними мотивациями;
   - стремление к автономии: высокий уровень самостоятельности в работе позитивно влияет на их удовлетворенность и мотивацию.
5. **Личностные характеристики**:
   - самоэффективность: чувство компетентности и уверенности в своих навыках является важным фактором благополучия для IT-специалистов;
   - личностный рост: постоянное стремление к развитию, освоению новых технологий и навыков;
   - автономия: высокая независимость в принятии решений и выполнении задач.
6. **Физические характеристики**:
   - уровень физического здоровья: малоподвижный образ жизни и долгие часы за компьютером могут негативно сказываться на физическом здоровье, что влияет на общее благополучие;
   - управление усталостью: способность восстанавливать силы после интенсивной работы является важным аспектом благополучия.

Специфические характеристики психологического благополучия у IT-

специалистов определяются сочетанием высокой когнитивной нагрузки, потребности в профессиональном росте, эмоциональной устойчивости, а также уникальными особенностями их социальной и профессиональной среды. Учет этих факторов помогает разработать целевые стратегии для поддержания их благополучия и повышения эффективности работы.

Выводы

Анализ факторов психологического благополучия через обзор и изучение теоретической литературы выявил их значительную практическую ценность. Психологическое благополучие, как многогранное состояние, оказывает непосредственное влияние на адаптивность, мотивацию, социальные связи и защитные механизмы индивидов. Структурирование факторов и их критериев позволяет не только глубже понять природу благополучия, но и использовать полученные знания для разработки практических рекомендаций, направленных на повышение качества жизни и профессиональной деятельности, особенно в условиях высоких когнитивных и эмоциональных нагрузок, характерных для специалистов в сфере IT.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гофман О.О. и др.* Проблема профессионального выгорания специалистов в сфере информационных технологий: теоретический обзор // «КиберЛенинка», 2024. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-professionalnogo-vygoraniya-spetsialistov-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy-teoreticheskiy-obzor.
2. *Иванова Т.Ю. и др.* Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности // «Организационная психология». 2018. Т. 8, № 1. СС. 85–121.
3. *Качина А.А., Кот А.С.* Психологические ресурсы профессионального благополучия и успешности разработчиков программного обеспечения // «Теоретическая и экспериментальная психология», 2023, 4. СС. 163–182: https://doi.org/10.11621/TEP-23-34.
4. *Кот А.С., Качина А.А.* Профессиональное благополучие специалистов сферы информационных технологий [Эл. ресурс] // «Организационная психология», 2024. Т. 14. № 1. СС. 134–157. URL: http://orgpsyjournal.hse.ru
5. *Обознов А.А., Бессонова Ю.В.* Психологическое благополучие субъекта труда // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России. 2018. Часть II. СС. 192–198.
6. *Meier A., Kropp M., Anslow C., Biddle R.* Stress in agile software development: practices and outcomes. In J. Garbajosa, X. Wang, A. Aguiar (Eds). Agile Processes in Software Engineering and Extreme Programming. XP 2018. Lecture Notes in Business Information Processing. PP. 259–266.
7. *Rietze, S., Zacher, H.* Relationships between agile work practices and occupational well-being: The role of job demands and resources. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022, 19 (3). P. 1258.

SPECIFIC FEATURES OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN IT PROFESSIONALS

S. Grigoryants
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The relevance of the study is determined by the necessity of exploring the factors influencing the psychological well-being of IT professionals. The IT sector is characterized by high demands on cognitive and emotional resources, alongside demonstrating significant growth in popularity and attracting an increasing number of workers. Despite this, the psychological aspects of working in IT remain insufficiently studied. This article presents a theoretical review and literature analysis aimed at identifying the key factors and characteristics determining the level of psychological well-being in this professional environment. The findings emphasize the practical significance of the research, offering a deeper understanding of the aspects contributing to the resilience and effectiveness of IT professionals in their work activities.

Keywords: psychological well-being, IT professionals, professional activity, influencing factors.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-373-384

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЕЙ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ДЕТЕЙ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Э.А. Григорян, А.Р. Мурадян

Российско-Армянский (Славянский) университет
elen.grigoryaan@gmail.com, armine_43@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье освещаются следующие аспекты: особенности копинг-стратегий личности в стрессовых ситуациях, их значение для адаптации подростков к современным вызовам, а также роль стилей семейного воспитания в формировании совладающего поведения. Особое внимание уделяется подростковому возрасту как сенситивному периоду, когда происходят важные процессы личностного самоопределения и развития стратегий преодоления трудностей.
Ключевые слова: стили воспитания, копинг-стратегии, родители, стресс и совладание, поведение, подростковый возраст.

Задачи данного исследования:

- изучение особенностей подросткового возраста;
- анализ факторов, влияющих на стрессоустойчивость;
- исследование механизмов копинг-поведения.

Актуальность исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день все большую значимость приобретает изучение проблемы копинг-стратегий личности в стрессогенных ситуациях современной жизни. Особое значение эти вопросы приобретают в старшем подростковом возрасте, поскольку этот период является этапом подготовки к выходу во взрослую жизнь с ее неопределенностью, необходимостью ориентироваться, принимать верные решения и делать жизненные выборы.

Задачи подросткового возраста достаточно сложны и вызывают разнообразные эмоциональные переживания вследствие противоречивых внутренних тенденций подростков в процессе личностного самоопределения. Длительные эмоциональные и физические нагрузки в сочетании с определенными личностными особенностями, такими как акцентуации характера, могут стать причиной нарушений психоэмоционального состояния школьников. В этом отношении важным аспектом исследования выступают процессы преодоления подростками стрессовых факторов. В психологической науке этот феномен принято обозначать как совладающее (копинг) поведение, выражающееся

в определенных стратегиях. Основная функция копинг-стратегий состоит в эффективной адаптации личности к требованиям сложной жизненной ситуации. Проблемы копинг-поведения личности исследованы в работах зарубежных (Р. Лазарус, С. Фолкман, Ч. Карвер, Э. Фрайденберг, Е. Льюис и др.) и отечественных ученых (Е.А. Белан, Л.И. Дементий, Т.Л. Крюкова, Н.М. Лыкова и др.). В отечественных источниках встречается несколько вариантов перевода термина «копинг». В психологической литературе его обозначают как «купирование стресса» (Л.А. Китаев-Смык, 1983) или «преодоление» (В.А. Бодров, 1995). Наибольшее распространение получил термин «совладание», который используется в работах Л.И. Анцыферовой и Т.Л. Крюковой.

В связи с актуальностью темы взаимосвязи стилей семейного воспитания и формирования копинг-стратегий у подростков, а также значительным количеством публикаций на эту тему, широко используется понятие «копинг» как синоним совладающего поведения. В настоящем исследовании оба термина будут использоваться как равнозначные. В данной работе особенности копинг-стратегий рассматриваются во взаимосвязи со стилями семейного воспитания и их влиянием на подростков. Изучение данной проблемы является значимой областью психологического исследования, так как оно выявляет слабые и уязвимые места в характере школьника, позволяя предвидеть факторы, провоцирующие реакции дезадаптации, нарушения поведения и социализации. Проблема взаимосвязи стилей семейного воспитания и формирования копинг-стратегий подростков освещена в работах К. Леонгарда, Е.В. Жилиной, Е.А. Коваленко, Т.И. Михайловой и других. Актуальность исследования также определяется тем, что подростковый возраст является сенситивным периодом для формирования адекватных стратегий совладающего (копинг) поведения, что способствует эффективному самоопределению подростков в условиях постоянных изменений современного общества.

Гипотеза исследования: предполагается, что существует взаимосвязь между стилями семейного воспитания и копинг-стратегиями подростков.

Цель исследования: изучение соотношений между стилями семейного воспитания и копинг-стратегиями поведения подростков.

Материалы и методы: анализ литературы по проблеме исследования; методы статистической обработки данных, корреляционный анализ Пирсона.

Методики исследования:

- опросник изучения опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС) Н. Эндлера, Дж. Паркера в адаптации Т.Л. Крюковой;
- методика диагностики копинг-стратегий Э. Хайма, адаптирована в ин-

ституте им. В.М. Бехтерева, под руководством профессора Л.И. Вассермана. Эмпирическая база исследования: МАОУ «СОШ № 28».

- тест «Подростки о родителях» ADOR (автор Е. Шафер, модификация З. Матейчика и П. Ржичана).

Результаты исследования

На основании результатов первой методики, а, именно, методики диагностики копинг-стратегий Э. Хайма, были проанализированы стратегии совладания, используемые подростками для преодоления стрессовых ситуаций. Копинг-стратегии участников были распределены по трем шкалам: когнитивной (А), эмоциональной (Б) и поведенческой (В). Для анализа использовались следующие категории стратегий:

- П – продуктивные стратегии, направленные на эффективное решение проблемы или снижение стресса;
- О – относительно продуктивные стратегии, которые не всегда помогают в полной мере справляться с трудностями;
- Н – непродуктивные стратегии, усиливающие стресс или препятствующие решению проблемы.

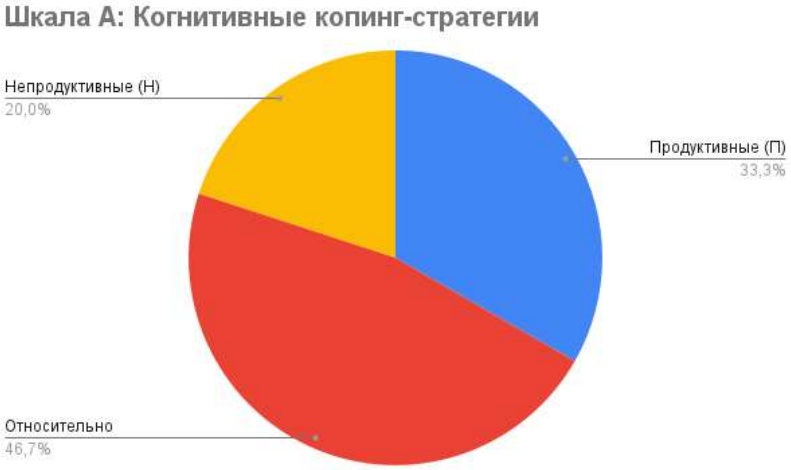
Шкала А: Когнитивные копинг-стратегии

Распределение стратегий (всего 15 ответов).

- **Продуктивные (П):** 5 ответов (**33,3%**).
  Участники, использующие такие стратегии, применяют проблемный анализ или придают смысл происходящему.
- **Относительно продуктивные (О):** 7 ответов (**46,7%**).
  Сюда относятся стратегии сохранения самообладания, религиозности, относительности и установки собственной ценности. Эти подходы помогают стабилизировать состояние, но могут быть менее эффективны в решении проблемы.
- **Непродуктивные (Н):** 3 ответа (**20%**).
  Непродуктивные стратегии включают смирение и растерянность, которые препятствуют активным действиям.

Выводы по шкале А

Большинство участников (80%) выбирают стратегии, которые в той или иной мере помогают справляться с трудностями, однако лишь треть применяет действительно продуктивные подходы. Высокая доля относительно продуктивных стратегий (46,7%) говорит о склонности участников к стабилизации состояния через внутренние убеждения или игнорирование проблемы.



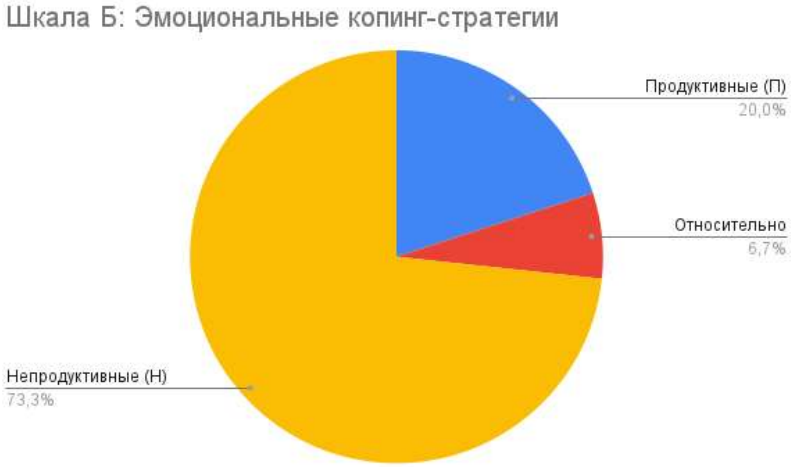
Шкала Б: Эмоциональные копинг-стратегии

Распределение стратегий (всего 15 ответов).

- **Продуктивные (П):** 3 ответа (**20%**).
  К ним относится оптимизм, который помогает участникам сохранять веру в лучшее и поддерживает эмоциональное равновесие.
- **Относительно продуктивные (О):** 1 ответ (**6,7%**).
  Протест против несправедливости может временно облегчить состояние, но не способствует полноценному решению проблемы.
- **Непродуктивные (Н):** 11 ответов (**73,3%**).
  Стратегии, такие как самообвинение, подавление эмоций, агрессивность и эмоциональная разрядка, усиливают стресс и не способствуют конструктивному решению ситуации.

Выводы по шкале Б

Эмоциональная сфера участников исследования наиболее уязвима: подавляющее большинство (73,3%) применяет стратегии, которые усугубляют их эмоциональное состояние. Лишь 20% выбирают продуктивные подходы. Это подчеркивает необходимость развития навыков эмоционального самоконтроля.



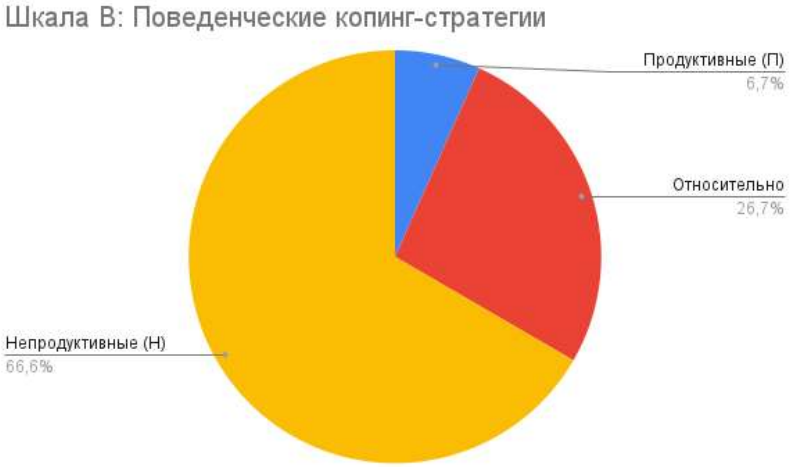
Шкала В: Поведенческие копинг-стратегии

Распределение стратегий (всего 15 ответов).

- **Продуктивные (П):** 1 ответ (**6,7%**).
  Единственной продуктивной стратегией оказалось сотрудничество, которое способствует активному решению проблемы через взаимодействие с окружающими.
- **Относительно продуктивные (О):** 4 ответа (**26,7%**).
  К таким стратегиям относятся отвлечение, обращение за поддержкой и альтруизм, которые помогают временно снизить напряжение, но не всегда решают проблему.
- **Непродуктивные (Н):** 10 ответов (**66,7%**).
  Непродуктивные стратегии включают отступление, активное избегание и компенсацию, что указывает на склонность участников избегать проблем вместо их решения.

Выводы по шкале В

Поведенческие стратегии в основном непродуктивны (66,7%), что свидетельствует о недостатке навыков активного противостояния трудностям. Лишь один участник выбрал продуктивный подход. Это говорит о необходимости обучения участников эффективным действиям в сложных ситуациях.



Общий анализ и рекомендации

Общий профиль копинг-стратегий

- **Продуктивные стратегии.**
  Наиболее часто продуктивные подходы встречаются в когнитивной сфере (33,3%), реже – в эмоциональной (20%) и поведенческой (6,7%).
- **Относительно продуктивные стратегии.**
  Преобладают в когнитивной сфере (46,7%) и встречаются реже в эмоциональной и поведенческой сферах (6,7% и 26,7% соответственно).
- **Непродуктивные стратегии.**
  Наиболее распространены в эмоциональной (73,3%) и поведенческой (66,7%) сферах, что говорит о сложностях в управлении чувствами и действиями.

Основные выводы

1. Когнитивные стратегии демонстрируют наибольшую продуктивность, что отражает способность участников рационально оценивать ситуацию. Однако доля относительно продуктивных подходов также значительна.

2. Эмоциональная и поведенческая сферы требуют внимания, так как большинство участников используют стратегии избегания или деструктивного реагирования.

3. Высокая доля непродуктивных стратегий указывает на необходимость развития навыков конструктивного поведения и эмоционального самоконтроля.

На основании данных **второй методики**, теста «Подростки о родителях» ADOR (автор Е. Шафер, модификация З. Матейчика и П. Ржичана), были выявлены особенности восприятия подростками отношений с матерью и отцом.

Для оценки использовались следующие шкалы:

- **POZ** (Позитивный интерес): уровень внимания и заботы, проявляемых родителем;
- **DIR** (Директивность): степень контроля и навязывания правил;
- **HOS** (Враждебность): наличие агрессии или конфликтности в отношениях;
- **AUT** (Автономность): степень независимости подростка в отношениях с родителем;
- **NED** (Непоследовательность): стабильность или изменчивость воспитательных подходов.

Результаты по матери (М)

1. M-POZ (Позитивный интерес): 2.2

Это значение указывает на умеренный уровень позитивного интереса со стороны матери. Матери проявляют умеренное внимание и заинтересованность в жизни подростка, что говорит о достаточно теплых, но не слишком активных отношениях.

2. M-DIR (Директивность): 1.9

Умеренно низкий уровень директивности. Мать, скорее всего, не сильно контролирует поведение подростка, позволяя больше свободы в принятии решений.

3. M-HOS (Враждебность): 1.8

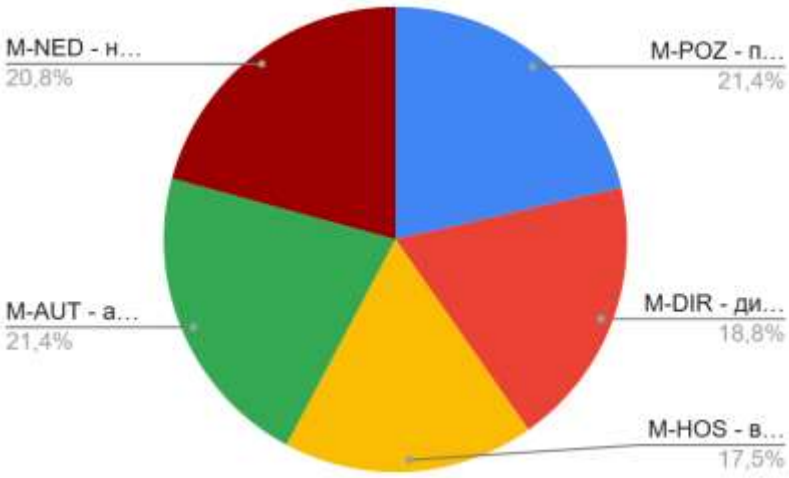
Низкий уровень враждебности. Это означает, что в отношениях с матерью нет сильных проявлений конфликта или агрессии, а скорее, они спокойные и гармоничные.

4. M-AUT (Автономность): 2.2

Умеренный уровень автономности. Подросток чувствует умеренную степень независимости от матери, но при этом присутствует некоторый контроль или ограничения со стороны.

5. M-NED (Непоследовательность): 2.1

Умеренный уровень непоследовательности. Это может означать, что в воспитании матери есть моменты неопределенности или переменности в подходах, но они не слишком выражены.



Результаты по отцу (О)

1. О-POZ (Позитивный интерес): 1.9

Слегка ниже среднего уровня позитивного интереса. Отец проявляет интерес к жизни подростка, но его внимание может быть не таким выраженным, как у матери.

2. О-DIR (Директивность): 1.5

Низкий уровень директивности. Отец позволяет подростку больше самостоятельности и не навязывает строгие правила, скорее поддерживая, чем контролируя.

3. О-HOS (Враждебность): 1.5

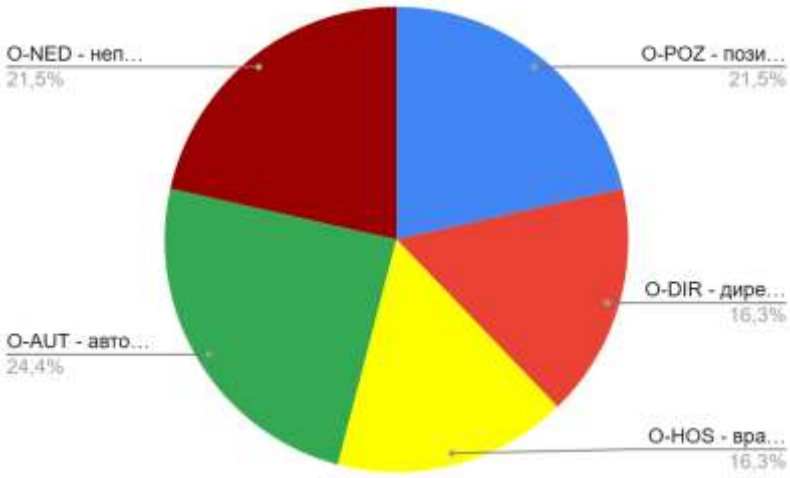
Очень низкий уровень враждебности. В отношениях с отцом наблюдается минимальный уровень агрессии или конфликта, что указывает на достаточно спокойные и конструктивные отношения.

4. О-AUT (Автономность): 2.2

Умеренно высокий уровень автономности. Подросток чувствует значительную степень независимости от отца, при этом в отношениях сохраняется уважение к личной свободе.

5. О-NED (Непоследовательность): 1.9

Низкий уровень непоследовательности. Отношения с отцом достаточно стабильные, без значительных перемен в подходах, что свидетельствует о последовательности в воспитании.



Обобщение и сравнение

Сравнивая отношения подростка с матерью и отцом, можно выделить несколько ключевых различий и сходств. В обоих случаях наблюдается умеренный уровень позитивного интереса к подростку, однако **мать** проявляет несколько больше внимания и вовлеченности (2.2), чем **отец** (1.9), что свидетельствует о более активной роли матери в жизни подростка.

Что касается **директивности**, то в обоих случаях контроль со стороны родителей довольно низкий. Однако у **отца** этот показатель ещё ниже (1.5), что указывает на меньшую степень вмешательства в жизнь подростка. **Мать** склонна предоставлять подростку немного больше свободы, чем отец, но в целом и у нее контроль остается умеренным (1.9).

Враждебность в отношениях с обоими родителями практически отсутствует, но уровень враждебности у **отца** еще ниже (1.5), что свидетельствует о более спокойных и конструктивных отношениях с ним.

Что касается **автономности**, то подросток ощущает схожий уровень независимости и от **матери**, и от **отца** (оба имеют значение 2.2), что подтверждает значительную степень свободы действий и самостоятельности в отношениях с обоими родителями. Однако стоит отметить, что у отца это ощущение независимости может быть более выражено, учитывая его меньший контроль.

Наконец, в отношении **непоследовательности** подходов к воспитанию, **мать** проявляет незначительную переменность в воспитательных методах (2.1), что несколько увеличивает неопределенность в отношениях. У **отца** этот

показатель еще ниже (1.9), что свидетельствует о большей стабильности и предсказуемости в воспитании.

Таким образом, хотя оба родителя демонстрируют схожий подход в поддержке автономности подростка, **мать** проявляет больше внимания и вовлеченности, а **отец** отличается большим уровнем свободы и стабильности в воспитании, что способствует формированию независимости и уверенности подростка.

Заключение

Исследование взаимосвязи стилей семейного воспитания и формирования копинг-стратегий у подростков показало важную роль родителей в развитии совладающих поведений в стрессовых ситуациях. На основании проведенного анализа, можно сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, наибольшее количество продуктивных копинг-стратегий подростки применяют в когнитивной сфере. Это свидетельствует о способности большинства подростков рационально оценивать ситуацию и искать решения, хотя лишь небольшая часть использует по-настоящему эффективные подходы. Эмоциональная и поведенческая сферы требуют особого внимания, так как большинство подростков прибегает к непродуктивным стратегиям, которые лишь усиливают стресс и усугубляют ситуацию. Это подчеркивает важность формирования у подростков навыков эмоционального самоконтроля и активного противостояния трудностям.

Во-вторых, данные по методике «Подростки о родителях» ADOR выявили, что в отношениях с матерью и отцом существует схожий уровень автономности, однако между стилями воспитания есть различия. Мать проявляет больше внимания и вовлеченности в жизнь подростка, но при этом сохраняет умеренную степень контроля, что способствует формированию у подростка чувства безопасности и поддержки. Отец же демонстрирует меньший контроль и большую стабильность в воспитательных подходах, что способствует формированию у подростка независимости и уверенности.

Таким образом, исследование подтверждает гипотезу о взаимосвязи между стилями семейного воспитания и копинг-стратегиями подростков. Родители играют ключевую роль в формировании навыков совладания с трудными ситуациями, и для эффективной адаптации подростков необходимо сочетание тепла, поддержки и разумного контроля со стороны родителей. Важно развивать у подростков продуктивные копинг-стратегии, направленные на конструктивное преодоление стресса, а также обучать их эмоциональной устойчивости и самостоятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анцыферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // «Психологический журнал», 1994. Т. 15, № 1. СС. 3–18.
2. *Бандура А.* Теория социального научения. СПб.: «Евразия», 2000. 320с.
3. *Баумринд Д.* Current Patterns of Parental Authority // “Developmental Psychology Monograph”, 1971. Vol. 4(1). PP. 1–103.
4. *Бек А*. Cognitive Therapy and the Emotional Disorders. “International Universities Press”, 1976.
5. *Бем С.* Sex Roles: A Sociological Perspective. “Addison-Wesley”, 1974.
6. *Бенедикт Р.* Образцы культуры. М.: «Прогресс», 2001. 328с.
7. *Бернс Р*. Развитие «Я-концепции» и воспитание. М.: «Прогресс», 1986.
8. *Белан Е.А*. Копинг-стратегии личности: теория и практика. М.: «Аспект Пресс», 2015. 256с.
9. *Бодров В.А*. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: «ПЕР СЭ», 2006. 528с.
10. *Божович Л.И*. Личность и её формирование в детском возрасте. М.: «Просвещение», 1968. 464с.
11. *Болдырев Н.И*. Воспитание в семье. М.: «Просвещение», 1987. 240с.
12. *Боулби Дж*. Привязанность. М.: «Педагогика», 1997.
13. *Бронфенбреннер У*. Экология человеческого развития. М.: «Смысл», 1979. 416с.
14. *Выготский Л.С*. Психология развития человека. М.: «Смысл», 2005. 1136с.
15. *Гаврилова Т.П*. Влияние родительского воспитания на формирование копинг-поведения подростков // «Вестник МГППУ», 2018. № 2. СС. 115–123.
16. *Гарбузов В.Н*. Психология семьи. М.: «Просвещение», 1990. 320с.
17. *Гезелл А*. Развитие ребенка: его процессы и закономерности. М.: «Просвещение», 1982. 288с.
18. *Гроф С.* Психология будущего: уроки современных исследований сознания. М.: «АСТ», 2000. 464с.
19. *Дементий Л.И*. Копинг-стратегии личности: диагностика и коррекция. Омск: ОмГУ, 2009. 212с.
20. *Дольник В.* Нейропсихология и возрастная психология. М.: «Психологический институт», 1994.
21. *Зимбардо Ф*. Застенчивость. М.: «Педагогика», 1995. 208с.
22. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология. М.: «Логос», 2000. 384с.
23. *Изард С.* The Psychology of Emotions. “Springer”, 1999.
24. *Китаев-Смык Л.А*. Психология стресса. М.: «Наука», 1983.
25. *Кле М*. Психология подростка. М.: «Педагогика», 1991. 176с.
26. *Ковалева Н.П.* Психология семьи. М.: «Академия», 2003. 320с.
27. *Кон И.С*. Ребенок и общество. М.: «Наука», 1988. 368с.
28. *Крайг Г.* Психология развития. СПб.: «Питер», 2000. 816с.
29. *Крюкова Т.Л*. Психология совладающего поведения. Кострома: КГУ, 2004. 344с.
30. *Кулагина И.Ю.* Возрастная психология. М.: «Академия», 2001. 464с.
31. *Лазарус Р., Фолкман С*. Стресс, оценка и копинг. М.: «Медицина», 1984. 240с.
32. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб.: «Речь», 2000. 240с.
33. *Леонгард К.* Акцентуированные личности. Ростов н/Д: «Феникс», 2000. 544с.
34. *Либин А.В.* Дифференциальная психология. М.: «Смысл», 2010. 552с.
35. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: «Питер», 2003. 352с.
36. *Маккоби Э., Мартин Дж.* Socialization in the context of the family: Parent-child interaction // “Handbook of Child Psychology”, 1983. Vol. 4. PP. 1–101.

37. *Мак-Адамс Д., Олсон Б.* Personality Development: Continuity and Change Over the Life Course // “Annual Review of Psychology”, 2010. Vol. 61. PP. 517–542.
38. *Мид М.* Взросление на Самоа. СПб.: «Евразия», 2001. 272с.
39. *Мухина В.С.* Возрастная психология. М.: «Просвещение», 1999. 384с.
40. *Овчинникова Ю.Г.* О конструктивной роли кризиса личностной идентичности в развитии личности // «Мир психологии». 2004. № 2. СС. 124–132.
41. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта. М.: «Просвещение», 1972. 432с.
42. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: «Прогресс», 1994. 480с.
43. *Рожков М.И.* Психология воспитания. М.: «Академия», 2006. 304с.
44. *Роттер Дж.* Социальное научение и клиническая психология. М.: «Прогресс», 1966. 328с.
45. *Смирнова Е.О., Холмогорова А.Б.* Эмоциональная регуляция и семейное функционирование подростков // «Психологическая наука и образование», 2020. № 2. СС. 45–54.
46. *Столин В.В.* Самосознание личности. М.: МГУ, 1983. 254с.
47. *Столяренко Л.Д.* Основы психологии. Ростов н/Д: «Феникс», 1997. 512с.
48. *Ушинский К.Д.* Человек как предмет воспитания. М.: «Педагогика», 1953. 656с.
49. *Фрейд А.* Психология «Я» и защитные механизмы. М.: «Педагогика», 1993. 144с.
50. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: «АСТ», 2011. 288с.
51. *Холмогорова А.Б., Гардашева Ю.В.* Когнитивные стили и совладающее поведение. М.: «Институт психотерапии», 2006. 312с.
52. *Хорни К.* Невроз и развитие личности. М.: «АСТ», 1997.
53. *Хухлаева О.В.* Психология подростка. М.: «Академия», 2001. 160с.
54. *Шпрангер Э.* Психология юношеского возраста. М.: «Академия», 1999. 192с.
55. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.* Семейная психология и психотерапия. СПб.: «Речь», 2008. 512с.
56. *Эльконин Д.* Возрастная психология. М.: МГУ, 1971.
57. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: «Флинта», 2006. 352с.
58. *Carver C., Scheier M.* Perspectives on Personality. Boston: “Allyn & Bacon”, 2000. 560p.
59. *Lazarus R.* Stress and Emotion: A New Synthesis. New York: “Springer”, 1999. 340p.

THE RELATIONSHIP BETWEEN PARENTING STYLES AND THE DEVELOPMENT OF COPING STRATEGIES IN ADOLESCENTS

E. Grigoryan, A. Muradyan

ABSTRACT

This article highlights the following aspects: the characteristics of individual coping strategies in stressful situations, their significance for adolescents' adaptation to modern challenges, and the role of parenting styles in shaping coping behavior. Special attention is given to adolescence as a sensitive period during which important processes of personal self-determination and the development of strategies for overcoming difficulties take place.

Keywords: parenting styles, coping strategies, parents, stress and coping, behavior, adolescence.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-385-390

К ВОПРОСУ О ДИСЦИПЛИНАРНОМ СТАТУСЕ ПСИХОТЕРАПИИ

Е.Н. Давтян

Российско-Армянский (Славянский) университет
elena.davtian@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Несмотря на многолетние дискуссии, вопрос о дисциплинарном статусе психотерапии остается, по-прежнему, открытым. Психотерапию относят к сфере медицины и к сфере образования; называют родом целительской практики, объявляют самостоятельной научной дисциплиной и сферой практической деятельности. Внутри основных направлений психотерапии единства мнений также нет: психоанализ традиционно говорит о лечении; бихевиоризм – о практическом применении теории научения; экзистенциально-гуманистическое направление – о развитии личности средствами философии. В статье проанализировано частое несоответствие заявляемых целей психотерапевтического вмешательства традиционным целям лечения в медицине. Особенное внимание уделено тем проблемам, которые возникают при отнесении психотерапии к медицинскому дискурсу.

Ключевые слова: доказательная психотерапия, медицина, уход, парадокс эквивалентности.

Психотерапия давно и прочно вошла в список помогающих профессий: психотерапевты работают в частных и государственных медицинских учреждениях, реабилитационных центрах, школах и учебных заведениях, в социальных службах и крупных кампаниях, имеют собственную частную практику. Профессия «психотерапевт» на сегодняшний день является одной их самых востребованных профессий в мире. И все же, несмотря на такую популярность психотерапевтической деятельности, вопрос о ее дисциплинарном статусе остается открытым. Время от времени вспыхивают серьезные дискуссии на эту тему [1], в процессе которых становится очевидным, что психотерапию относят и к сфере медицины, и к сфере образования, и к роду целительской практики и даже объявляют «самостоятельной научной дисциплиной и сферой практической деятельности» [2].

Во врачебной среде сомнений в принадлежности психотерапии полю медицины, как правило, не возникает. Ее рассматривают как нелекарственный способ лечения, прежде всего, невротических расстройств, как один из способов терапии вообще, наряду с фармакотерапией, гормонотерапией, физиотерапией и прочими «терапиями».

В среде самих психотерапевтов бытует убеждение в том, что поле психотерапевтической деятельности значительно шире узких лечебных задач медицины, что психотерапия существует автономно и вполне может претендовать на статус самостоятельной научной дисциплины со своей специфической, ни на что не похожей сферой практической работы с клиентом.

Вдали от медицины, например, в поле антропологии, рассматривается сходство психотерапии и целительства. Так, подробно разбирается сходство практик шаманизма с практиками психоанализа. Исследователи обращают внимание на поразительную похожесть деятельности шамана и психоаналитика: единое символическое поле, феномен отреагирования, важная роль веры в успех лечения со стороны социальной группы и пр. [3].

Реже о психотерапии пишут, как о специфической форме обучения. Так психотерапевт Харви Л. Сакстон считает, что психотерапия – это «просто вопрос переучивания» с отказом от устаревших понятий и знакомством с новыми, а пациенты «подобны студентам, они нуждаются в способности и готовности участвовать в процессе переучивания» [4].

Три ведущих направления психотерапии также оценивают сферу своей деятельности по-разному: психоанализ традиционно говорит о *лечении* душевных расстройств; бихевиоризм (когнитивно-поведенческая терапия – КПТ) позиционирует себя как практическое применение *теории научения*; экзистенциально-гуманистическое направление претендует на *развитие личности* средствами философии [2].

В этой статье мы бы хотели сравнить подходы к пониманию психотерапевтической деятельности как лечения патологических состояний, с одной стороны, и как специфическую форму обучения/воспитания, – с другой. Претензии психотерапии на существование как самостоятельной научной дисциплины, по нашему мнению, надо еще обосновывать, а рассмотрение психотерапии как рода целительской практики нам не представляется правомерным. Поэтому последние два подхода к пониманию деятельности в психотерапии далее мы рассматривать не будем.

Для начала представляется интересным сравнить толкование глаголов *лечить* и *воспитывать*. В толковых словарях русского языка глагол *лечить* трактуется довольно единообразно – его относят к полю медицины и определяют через понятия *болезни* и *здоровья*. Например, в словаре С.И. Ожегова написано: «Лечить – это применять медицинские средства для восстановления здоровья, принимать меры к прекращению болезни» [5]. В толковом словаре русских глаголов *лечить* – это «помогать кому-либо избавиться от болезни, стать здоровым, применяя какие-либо средства» [6].

Глагол *воспитать* имеет существенно больше толкований: первое значение – вырастить (ребенка), воздействуя на духовное и физическое развитие, дав образование, обучив правилам поведения; второе – путем систематического воздействия, влияния сформировать (характер, навыки); третье – привить, внушить что-нибудь кому-нибудь (например, любовь к Родине). Таким образом, глагол *воспитать* в толковых словарях определяется через глаголы *вырастить, воздействовать, развивать, обучать, формировать, внушать* [5].

Для анализа того, как определяют процесс воздействия в результате психотерапии сами психотерапевты, мы использовали монографию основателя одного из направлений динамической терапии – современного психоанализа – Хаймана Спотница «Современный психоанализ шизофренического пациента» [7]. Вот некоторые выдержки из этой базовой для многих психотерапевтов книги (курсив наш, Е.Д.): «…личностное *созревание* рассматривается как цель лечения» [7, стр. 139]; «…коммуникации, предназначенные ослаблять патологические защиты и способствовать *эмоциональному росту*…» [7, стр. 180]; «важный фактор в разрешении сопротивления пациента… – *обучение*…» [7, стр. 177]. Для описания процесса воздействия на клиента Х. Спотниц использует слова *созревание, рост и обучение*, которые очевидно относятся к семантическому полю воспитания, а не лечения.

Отдельная глава в книге посвящена тому, что называть выздоровлением в ходе психотерапевтической работы, сущность которого Х. Спотниц обозначает как обретение больным способности «испытывать *весь спектр человеческих эмоций*» [7, стр. 281]. Такое определение сущности выздоровления не до конца понятно и нуждается в уточнении: если больной имел «весь спектр человеческих эмоций» и утратил его в результате болезни, то возвращение этого «спектра эмоций» будет излечением; а если больной «всего спектра» не имел, но получил его в результате психотерапевтической работы, то речь идет о «доращивании» функции, которой больной не обладал, а, значит, об обучении/воспитании. Как мы можем убедиться, даже в базовых, основополагающих работах для целых направлений психотерапии нет достаточного понимания того, чем же все-таки преимущественно является процесс воздействия на клиента – лечением или воспитанием.

Представление о психотерапии как о способе *лечения* душевных расстройств сразу предъявляет к психотерапии жесткие требования, выполнение которых необходимо для включения в состав медицинской (лечебной) деятельности. Мы имеем в виду стандартные медицинские вопросы: «Кого лечим?»; «На каком этапе болезни?»; «Какова длительность лечения?»; «Где до-

казательства эффективности терапии?»; «Каковы побочные эффекты терапии?»; «Каковы финансовые затраты на терапию и оправданны ли они?»; «Есть ли стандарты терапии?»; «Какова юридическая ответственность психотерапевта за неправильное осуществление его деятельности?»; «Как осуществляется контроль за деятельностью?» И много других вопросов, без ясного ответа на которые существование в поле современной медицины невозможно. Как известно, эти вопросы все чаще ставятся перед профессиональным психотерапевтическим сообществом, что воспринимается в самом сообществе довольно болезненно (например, происходящая в настоящее время дискуссия по поводу законопроекта «Об основах регулирования психологической деятельности в Российской Федерации» [8]). Далее мы попробуем обсудить некоторые из поставленных выше вопросов.

Кого лечим и на каком этапе болезни? Ответ предполагает четкую квалификацию состояния больного в соответствии с принятой Международной классификацией болезней (МКБ) с обозначением ведущего синдрома и этапа заболевания. Определения, часто встречающиеся в психотерапевтической литературе, типа «психотик» или «глубоко нарушенный пациент», в медицинском поле неприемлемы. «Психотик» – это кто? Человек, переносящий психоз? Трудно себе представить, что психотерапия эффективна при лечении инфекционных, инволюционных или эпилептических психозов. Или «психотик» – это человек с «психотическим уровнем организации»? Тогда необходимо объяснить, с какими рубриками МКБ соотносится этот уровень личностной организации, при каких заболеваниях встречается, так как следование принятой международной медицинской номенклатуре – это закон. То же самое касается определения «глубоко нарушенный пациент» – это о ком? Что именно нарушено и как глубоко?

Какова длительность лечения? Важный вопрос, всегда волнующий пациентов и их родственников. Например, Х. Спотниц отвечает на этот вопрос так: «Созревание шизофренической личности требует, как минимум, пяти лет аналитической терапии» [7, стр. 125]. Ответ не ясен и, в свою очередь, вызывает вопросы. Слово «созревание» эквивалентно излечению или достижению качественной ремиссии? И первое, и второе сомнительно. Если за пять лет можно было бы вылечить больного шизофренией, то психоаналитическая терапия была бы в настоящее время главной в лечении шизофрении. Однако это не так.

Где доказательства эффективности психотерапии? Один из самых болезненных вопросов в психотерапевтической среде. Дискуссия на эту тему широко известна, начиная со знаменитого утверждения Г.Ю. Айзенка (1952г.) о том, что процент улучшения состояния больных в результате психотерапии

ниже, чем величина спонтанной ремиссии (65% против 67%) [9] и заканчивая метаанализом, опубликованным в Кокрейновской базе данных в марте 2024г., о влиянии когнитивно-поведенческой терапии на симптомы депрессии у пожилых: «Психологическая терапия может улучшить качество жизни пожилых людей… в течение трех месяцев после терапии, но мы не нашли доказательств того, что психологическая терапия уменьшает симптомы тревоги… Наша уверенность в доказательствах весьма ограничена» [10].

Ограниченность доказательной базы психотерапии (а часто и просто отсутствие доказательств эффективности) приводит к любопытным эффектам в среде психотерапевтов. Самый частый – подмена доказательств эффективности убеждением психотерапевта в действенности его метода. Следующий эффект – апелляция к спросу на психотерапию как на косвенное доказательство ее эффективности. Очевидно, что «спрос, рождающий предложение», еще ничего не говорит о качестве предлагаемой услуги. Не секрет, что устойчивым и большим спросом среди населения пользуются, например, услуги гадалок на картах Таро. Однако вопрос о достоверности предсказаний гадалок, насколько нам известно, в научном сообществе не ставится.

Неопределенность позиции об основных методах воздействия в психотерапии и связанное с этим длительное существование ее в поле медицины закономерным образом приводят к попыткам нормирования психотерапевтической деятельности: принятию законов, разработке параметров оценки эффективности психотерапии [11] и пр. Со временем эта тенденция будет только усиливаться. В свете этого нам представляется чрезвычайно важной дискуссия о принадлежности психотерапии полю медицины. Тем более, что основные направления в психотерапии очень напоминают три классические теории обучения, где каждый из подходов отражает одну часть освоения умений: 1) действие по разработанному шаблону, использование стандартных разработок для решения типичных проблем (бихевиоризм); 2) модификация стандартных инструкций (шаблонов) для решения конкретной задачи (когнитивизм); 3) разработка и использование новых методов мыслительных процессов и действий при отсутствии алгоритмов (конструктивизм).

ЛИТЕРАТУРА

1. «Психология. Журнал Высшей школы экономики». Том 3, № 1, 2006. 155с.
2. *Ромек Е.А*. Психотерапия: рождение науки и профессии. Ростов-н/Д.: ООО «Мини Тайп», 2005. 392с.
3. *Христофорова О.Б.* Символическое исцеление: от схемы до практик // доклад на II Международной школе семинара «Языки психиатрии» 29.03.2024 – https://www.youtube.com/@Languages_Of_Psychiatry
4. *Козлов Н.И.* Лечить или учить? – https://psychologos.ru/articles/view/lechit-ili-uchit-vop-zn

5. Толковый словарь Ожегова онлайн – https://slovarozhegova.ru/
6. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антогнимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: «АСТ-ПРЕСС», 1999. 704с.
7. *Спотниц Х.* Современный психоанализ шизофренического пациента. Теория техники. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. 296с.
8. Сайт «Психологической газеты» – https://psy.su/feed/12885/
9. *Орлов А.Б.* Психотерапия в процессе рождения // «Психология. Журнал Высшей школы экономики», 2006. Т. 3. № 1. СС. 82–96.
10. Cochrane Эффективна ли психологическая терапия для снижения депрессии у пожилых людей, живущих в учреждениях долгосрочного ухода? 19.03.2024 – https://www.cochrane.org/ru/CD013059/DEPRESSN_effektivna-li-psihologicheskaya-terapiya-dlya-snizheniya-urovnya-depressii-u-pozhilyh-lyudey
11. *Катков А.Л.* Негативные эффекты психотерапии: феноменология, систематика, классификация – https://oppl.ru/daydjest-nauchnih-publikatsiy/negativnyie-effektyi-psihoterapii-fenomenologiya-sistematika-klassifikatsiya.html

ON THE DISCIPLINARY STATUS OF PSYCHOTHERAPY

E. Davtyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

Despite longstanding debates, the question of the disciplinary status of psychotherapy remains unresolved. Psychotherapy is variously classified as: 1) a branch of medicine; 2) an area of education; 3) a form of healing practice; or 4) an independent scientific discipline and practical field. There is also no consensus within major psychotherapy approaches: psychoanalysis traditionally focuses on treatment; behaviorism emphasizes the practical application of learning theory; and the existential-humanistic approach addresses personal development through philosophical means. The article analyzes the frequent discrepancy between the declared goals of psychotherapeutic intervention and the traditional objectives of medical treatment. Special attention is given to the issues that arise when psychotherapy is attributed to the medical discourse.
Keywords: evidence-based psychotherapy, medicine, treatment, equivalence paradox.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-391-401

ԷԿՐԱՆԱՅԻՆ ԿԱԽՎԱԾՈՒԹՅԱՆ ԴՐՍԵՎՈՐՈՒՄՆԵՐԸ ԿՐՏՍԵՐ ԴՊՐՈՑԱԿԱՆ ՏԱՐԻՔԻ ԵՐԵԽԱՆԵՐԻ ՄՈՏ

Հ.Մ. Գնյազյան

Մ. Նալբանդյանի անվան Շիրակի պետական համալսարան,
haykuhi.petrosyan2012@mail.ru

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Թվային տեխնոլոգիաների կիրառումը ժամանակակից կյանքի անբաժանելի մասն է կազմում: Եվ չնայած այն մեծամասնությամբ ունի դրական ազդեցություն, ապահովելով կյանքի տարբեր ոլորտների հասանելիությունն ու շարժունակությունը, այնուամենայնիվ, չափից դուրս օգտագործումը կրտսեր դպրոցական տարիքի երեխաների մոտ բացասաբար է անդրադառնում նրանց ֆիզիկական և սոցիալ-հոգեբանական առողջության վրա: Երեխաներն օգտագործում են թվային տեխնոլոգիաները խաղալու, տեսաֆիլմեր դիտելու, բլոգերների գործունեությանը հետևելու, սոցիալական ցանցերում շփվելու նպատակով: Էկրանային կախվածությունը երեխայի կողմից հեռախոսի կամ ցանկացած գաջետի առջև անցկացրած ժամանակի ավելցուկն է: Արդյունքում երեխայի մոտ ձևավորվում է նյարդայնության, տագնապայնության, լարվածության, ագրեսիայի բարձր մակարդակ, որն արտահայտվում է թե՛ ամենօրյա միջանձնային հարաբերություններում, թե՛ դպրոցական միջավայրում: **Հոդվածում դիտարկվել են** կրտսեր դպրոցականների կողմից թվային տեխնոլոգիաների կիրառման առանձնահատկությունները և դրսևորումները, ինչպես նաև բացահայտվել են կրտսեր դպրոցականների էկրանային կախվածության և տագնապայնության միջև կապը:

Հիմնաբառեր՝ էկրանային կախվածություն, ադիկտիվ վարք, թվային տեխնոլոգիաներ, վիրտուալ իրականություն, տագնապայնություն:

Ներածություն

Էկրանային կախվածությունը պատկանում է ոչ քիմիական կախվածությունների թվին, սակայն դրա հետևանքները ոչ պակաս խնդրահարույց են: Այն մի կողմից ավելի քիչ է վնաս հասցնում մարդու ֆիզիկական առողջությանը (ի տարբերություն հարբեցողության և թմրամոլության), սակայն մյուս կողմից հասարակության չեզոք վերաբերմունքը և խնդրի կարևորության արժեզրկումը հանգեցնում են ավելի բարդ հետևանքների:

Ուսումնասիրության *արդիականությունը* կայանում է նրանում, որ

համակարգչային տեխնոլոգիաների մուտքը ժամանակակից հասարակություն տարեցտարի ավելի շատ է ներգրավում կրտսեր դպրոցականներին վիրտուալ իրականության մեջ: Հաշվի առնելով այն փաստը, որ կրտսեր դպրոցականը նոր ձևավորվող անձ է և վերլուծական մտածողությունը բավականաչափ զարգացած չէ, հետևաբար ավելի շատ է ենթակա տարաբնույթ ներազդումների և կախյալ վարքի: Ամեն տարի ավելի ու ավելի շատ երեխաներ են բախվում այս խնդրին: Երեխաների կողմից թվային տեխնոլոգիաների կիրառման հարցը խիստ արդիական է, քանի որ էկրանային կախվածությունը տանում է մի շարք հոգեբանական և սոցիալական պրոբլեմների, այդ թվում և ֆիզիկական առողջության խնդիրների: Ակնհայտ է, որ երեխայի էկրանային կախվածության պրոբլեմը նոր տեխնոլոգիաների խնդիրը չէ: Այն նոր տեխնոլոգիաների սպառման մշակույթի խնդիր է:

Աշխատանքը *նորույթ է* այն առումով, որ վեր են հանվել էկրանային կախվածություն ունեցող կրտսեր դպրոցականների վարքային դրսևորումները, ուսումնասիրվել էկրանային կախվածության և դպրոցական տագնապայնության, ինչպես նաև տագնապայնության գործոնների միջև առկա կապերը, որպեսզի ավելի հասկանալի լինեն այդ կապերի հիմքում ընկած հոգեբանական մեխանիզմները և մշակվեն հոգեբանական ուղիներ կրտսեր դպրոցականների շրջանում էկրանային կախվածության կանխարգելման և արդյունավետ հաղթահարման համար:

Հետազոտության նպատակն է վերլուծել էկրանային կախվածություն ունեցող կրտսեր դպրոցականների վարքային դրսևորումները և դպրոցական տագնապայնության գործոնների արտահայտվածությունը: Վերոնշյալ նպատակից բխում են *հետևյալ խնդիրները*՝ տալ էկրանային կախվածության սահմանումը և ընդհանուր բնութագիրը, դիտարկել տարածվածության ցուցանիշները, առաջացմանը նպաստող արտաքին և ներքին գործոնները, ինչպես նաև փորձարարական հետազոտության ենթարկել կրտսեր դպրոցականների էկրանային կախվածության և դպրոցական տագնապայնության միջև կապը: Հետազոտության ընթացքում կիրառվել են դիտման, զրույցի, ինչպես նաև Ս.Ա. Կուլակովի «Համացանցային կախվածության բացահայտման» և Բ.Ն. Ֆիլլիպսի «Դպրոցական տագնապայնություն» մեթոդիկաները:

Էկրանային կախվածությունը էկրանով կամ ժամանակակից այլ տեխնոլոգիական միջոցներով (համակարգիչ, պլանշետ, հեռախոս, հեռուստացույց) չափից դուրս գրավվածությունն է, դրանց սևեռուն կիրառման ձգտումը, որն ուղեկցվում է սեփական վարքի վերահսկման կորստով և

սոցիալ-հոգեբանական հետևանքներով: Այս հասկացությունն առաջարկվել է 1995թ. Ի. Գոլդբերգի կողմից, իսկ երևույթի փորձարարական ուսումնասիրությունը սկսվել է մեկ տարի շուտ Կ. Յանգի կողմից: Ի. Գոլդբերգը «ինտերնետ-կախվածություն» եզրույթի տակ հասկանում էր վարքային այնպիսի անոմալիան, որի հետևանքով անձի մոտ նվազում է ինքնակառավարման մակարդակը և խաթարվում կյանքի բնականոն ընթացքը: Իր հերթին, Մ. Գրիֆիթսը պնդում էր, որ ինտերնետային կախվածությունը տեխնոլոգիական կախվածության տեսակ է [1]:

Հոգեբանության մեջ էկրանային կախվածության հարցը մեկն է ամենահետաքրքիրներից և արդիականներից, սակայն այն դեռևս ամբողջությամբ ուսումնասիրված չէ: Այնպիսի գիտնականներ, ինչպիսիք են Ա.Է. Վոյսկունսկին, Մ.Դ. Գրիֆիթսը, Ա.Է. Ժիչկինան, Ա.Յու. Եգորովան, Յ.Պ. Կորոլենկոն, իրենց աշխատություններում վեր են հանել էկրանային կախվածության խնդիրը, դիտարկել պատճառները, առանձնահատկությունները [2, 3, 4, 5, 6]: Ըստ Կ. Յանգի՝ էկրանային կախվածությունը բազմաչափ երևույթ է, ինչը ներառում է փախուստի դրսևորումները, և առաջին հերթին փախուստը դեպի վիրտուալ իրականություն՝ ցածր ինքնագնահատականով, տագնապայնությամբ, դեպրեսիայով, անապահովության զգացումով, միայնակությամբ կամ հարազատների կողմից չհասկացվածությամբ, աշխատանքային, ուսումնական և սոցիալական միջավայրից մեկուսացվածությամբ [7]: Յ. Պ. Կորոլենկոն նշում է, որ համացանցային ադիկցիան համացանցից հոգեբանական կախվածության ֆենոմեն է, որն իր հերթին արտահայտվում է իրականությունից կտրվելով, ինչի ընթացքում այդ գործընթացը սուբյեկտին գերում է այն աստիճան, որ նա հայտնվում է իրական աշխարհում գործելու անկարող վիճակում [8]:

Համացանցային կախվածության զարգացման հիմնական մեխանիզմը, ըստ Ն.Ա.Նոսովի, նպատակի անցումն է դեպի վիրտուալ իրականություն՝ համալրելու անհատի կյանքի բացակայող հատվածները՝ ***մարդկային հիմնական պահանջմունքների պատրանքային բավարարման, վիրտուալ իրականության մեջ նոր անհատականության ստեղծման միջոցով*** [9]***:***

Ժամանակակից կյանքն անհնար է պատկերացնել առանց տեխնոլոգիական միջոցների: Վերջին շրջանում կատարված հետազոտությունները ցույց են տվել, որ 2005թ. համեմատությամբ 2021թ.-ին ամբողջ աշխարհում համացանցի օգտատերերի թիվը 16%-ից հասել է 59,5%-ի, իսկ Հայաստանում 2018թ.-ին համացանցից օգտվել է բնակչության 64,7%-ը: Օգտատերերի մեկ երրորդը կազմում են մինչև 16 տարեկան երեխաները: Միջինում հայ օգտատերը համացանցում անցկացնում է օրական մինչև 7

ժամ [10]: Իսկ սա նշանակում է, որ բացի համացանցի առավելություններից օգտվելուց, բնակչությունը կանգնել է լուրջ մարտահրավերի առջև, քանի որ ապագայում սպասվում է այս կախվածության աճ: 2019թ-ին ՀՄԴ 11 վերանայված տարբերակի մեջ համացանցային խաղային կախվածությունը (**6C51**) դիտվում է որպես **աղիկտիվ վարքի հետևանքով առաջացած խանգարում [11]:**

Դպրոցական տարիքի երեխաների էկրանային կախվածության ձևավորումը տեղի է ունենում ներքին և արտաքին գործոնների համալիր ազդեցության ներքո: Արտաքին գործոններին են պատկանում էկրանների հասանելիությունը (յուրաքանչյուր հայի ընտանիքում կա հեռուստացույց, համակարգիչ, եթե երեխաների որոշ մասը չունի անձնական սմարթֆոն, ապա օգտվում է ծնողների սմարթֆոններից, որոնք ստանում է կա՛մ սիրահոժարությամբ, կա՛մ էլ լացով ու ծնողներին մանիպուլացնելով), համացանցի հասանելիությունը (Հայաստանի բնակչության 96%-ն ունի ինտերնետային հասանելիություն, ինչը հասանելի է դարձնում այն նաև երեխաների համար), ընտանեկան հարաբերությունների և ընտանեկան դաստիարակության առանձնահատկությունները: Ներքին գործոններն են՝ հոգեֆիզիոլոգիական (նյարդային համակարգի թուլությունը և ռիգիդությունը, բարձր գրգռականությունը, հոգնածությունը, ուշադրության պակասի և հիպերակտիվության սինդրոմի ախտանիշները՝ անուշադրությունը, հիպերակտիվությունը և իմպուլսիվությունը), անհատական-հոգեբանական (հուզական անկայունությունը, ցածր ինքնավերահսկողությունը, երկչոտությունը, տագնապայնությունը, անվստահությունը, ագրեսիայի բարձր մակարդակը, ինտրովերտությունը), սոցիալ-հոգեբանական (միայնակությունը, միջանձնային հարաբերությունների խնդիրները): Այս գործոնների ազդեցության տակ ձևավորված էկրանային կախվածությունն իր հերթին տանում է մի շարք հոգեբանական և սոցիալական խնդիրների, այդ թվում և ֆիզիկական առողջության խնդիրների:

Այս տարիքի երեխաները մեծ հաճույք են ստանում էկրանի առջև լինելով. հետաքրքրաշարժ պատկերների միմյանց արագ փոխարինումը, գույների խաղը, ձայների առատությունը երեխաների համար ստեղծում են դրական ինքնազգացողություն, էյֆորիա: Արդյունքում երեխան, հայտնվելով թվային տեխնոլոգիաների «հրաշք» աշխարհում, մոռանում է ժամանակի, իրականության, շրջապատողների մասին, ինչն էլ կամաց-կամաց երեխային ներքաշում է կախվածության մեջ: Երեխայի համար անհնար է դառնում կանգ առնելը, և նա ավելի ու ավելի շատ ժամանակ է անցկացնում գաջետի առջև:

Այն, որ ծնողը ցանկացած պահի կարող է երեխային ստիպել հրաժարվել իր խաղը խաղալուց կամ սիրելի մուլտֆիլմը դիտելուց, նրան մշտապես պահում է լարվածության և տագնապի մեջ: Արդյունքում բարձրանում է երեխայի նյարդայնության մակարդակը, երեխան չի ուզում ենթարկվել ծնողի պահանջներին, անընդհատ խնդրում է «մի տաս րոպե էլ խաղալ», կամակորություն է անում, գոռում է, եթե ձեռքից վերցնում են հեռախոսը կամ էլ սպառնում է իրեն վնասել, եթե հեռախոսը չտան: Երեխաների մոտ դիտվում է նաև ստախոսության աճ՝ կապված գաջետների օգտագործման հետ: Նրանք ծնողներին խաբում են գաջետում անցկացրած ժամանակի մասին, ստում են՝ թաքցնելով տեսանյութի բովանդակությունը:

Էկրանային կախվածությունը երեխային զցում է փակ շրջանի մեջ: Երեխան չունի շփման բավարար հմտություններ, երբեմն իրեն անօգնական է զգում, տագնապած, տխուր, փորձում է փախչել իրականությունից՝ ձգտելով խնդիրների լուծումը գտնել թվային տեխնոլոգիաների մեջ, սակայն ինչքան դրանց կիրառման ժամանակը երկարաձգվում է, այնքան երեխան ավելի է մեկուսանում շրջապատից, զգում իրեն միայնակ, չհասկացված և չսիրված:

Բացի թվարկած հոգեբանական ազդեցություններից, էկրանային կախվածությունն իր բացասական ազդեցությունն է թողնում նաև երեխայի ֆիզիկական առողջության վրա:

- Քնի և սննդային սովորույթների խանգարում, ինչը տանում է գերգրգռականության և նյարդայնության աճի (ինչպես մի աղջնակ խոստովանեց՝ «սպասում է, մինչև ծնողները քնեն, որ ինքն ամբողջ գիշերն անցկացնի տարբեր կայքերում»):
- Տեսողության խանգարում և «չոր աչք»:
- Խոսքի խանգարում (երեխաներն ունեն տարբեր լոգոպեդական խնդիրներ, քանի որ մեծահասակների և հասակակիցների հետ շփման բացակայության պայմաններում խոսքը, որպես այդպիսին, չի զարգանում):
- Մանր մոտորիկայի խանգարում (ձեռքի մկանների երկարատև լարման հետևանքով տեղի է ունենում ձեռքի նյարդային թելիկների ախտահարում):
- Ֆիզիկական զարգացման խանգարում (բնական ֆիզիկական ակտիվության պակասը տանում է երեխայի ոսկրամկանային համակարգի ոչ լիարժեք ձևավորվածության):
- Ողնաշարի ծռում, արյան շրջանառության խանգարում վզի հատվածում (միևնույն դիրքում երկարատև անշարժությունը, վզի

մկանների լարվածությունն առաջացնում է վզի շրջանում արյան կանգ)։

- Մարսողության խանգարում և գիրացում, որպես հիպոդինամիկայի հետևանք։
- Գլխացավեր [12]։

Համացանցում ժամանակ անցկացնելը կարող է բացասաբար ազդել կրտսեր դպրոցականների ուսումնական հաջողությունների վրա և, համապատասխանաբար, ազդել նրանց ինտելեկտուալ զարգացման վրա: Ինչպես նշում են Մ.Ի. Չումակը և Մ.Յու. Ելագինան, կրտսեր դպրոցական տարիքում էկրանից կախվածությունը կարող է հանգեցնել կրթական գործունեության ճնշման, ծնողների հետ վեճերի և նրանց հետ կապերի թուլացման, արտադասարանական գործունեության նկատմամբ հետաքրքրության պակասի (սպորտ, երաժշտություն, նկարչություն և այլն), խոսքի խանգարումների [13]։

Կրտսեր դպրոցականի տարիքում առաջնային գործունեությունը խաղից փոխվում է ուսումնական գործունեության, որն էական փոփոխություն է մտցնում նրա վարքի մոտիվացիայում: Սակայն էկրանային կախվածություն ունեցող երեխաների համար խաղը մնում է որպես առաջատար գործունեություն. լավ տիրապետելով Google, YouTube, Play Market, Tik-Tok կայքերին, երեխաներն արագ գտնում են իրենց հաճելի խաղերը և երկար ժամանակ անցկացնում այդ կայքերում: Կրտսեր դպրոցական տարիքի երեխաների համար նախընտրելի խաղեր են Roblox, Brawl Stars, Standoff 2, Among Us, Minecraft և այլ ժամանցային խաղերը: Երեխաները, ովքեր չեն վերահսկվում ծնողների կողմից, կարող են ժամերով լինել այդ կայքերում և անվերջ խաղալ:

Այսպես ծնողը հայտնվում է անելանելի վիճակի մեջ. մի կողմից չի ուզում երեխային զրկել հաճելի զբաղմունքից, հարաբերություններ լարել, երեխայի նյարդային և ագրեսիվ պոռթկումների պատճառ հանդիսանալ, բայց մյուս կողմից էլ հասկանում է դրա բացասական ազդեցությունը թե՛ երեխայի ինքնազգացողության, թե՛ առողջության, և թե՛ իրենց հարաբերությունների վրա: Ծնողներն երբեմն իրենք են երեխային «դրդում» էկրանային կախվածության՝ ապահովելով երեխայի պասիվությունը և հանգստի կազմակերպման «լավագույն» միջոցը:

Վերջին ժամանակաշրջանում կրթական համակարգի փոփոխությունները, դասագրքերի փոփոխումը ևս նպաստավոր պայմաններ են հանդիսացել երեխաների մոտ էկրանային կախվածության առաջացման համար: Նոր գրքերում առկա են QR կոդեր, որոնք նախատեսված են լրացուցիչ տեղեկատվություն ստանալու համար, սակայն դրանք ոչ միշտ

կարող են ծառայել որպես գիտելիքների ստացման աղբյուր. երեխաներն հեշտությամբ կարող են շեղվել ուսումնական գործընթացից և ավելի շատ ժամանակ անցկացնել համացանցում:

Նպատակ ունենալով ուսումնասիրել կրտսեր դպրոցականների կողմից թվային տեխնոլոգիաների կիրառման առանձնահատկությունները և դրսևորումները, ինչպես նաև բացահայտելու համար թվային տեխնոլոգիաներից կրտսեր դպրոցականների կախվածության և տագնապայնության միջև կապը՝ 2024թ. ամռանը մեր կողմից հետազոտություններ են կատարվել «Շիրակի մարզի երեխայի և ընտանիքի աջակցության կենտրոն» ՊՈԱԿ-ում: Հետազոտությունն անցկացվել է 86 շահառու կրտսեր դպրոցականների հետ՝ կիրառելով Ս.Ա. Կուլակովի «Համացանցային կախվածության բացահայտման» և Բ. Ն. Ֆիլլիպսի «Դպրոցական տագնապայնություն» մեթոդիկաները:

Ըստ Ս.Ա. Կուլակովի «Համացանցային կախվածության բացահայտման մեթոդիկայի»՝ ստացվել են հետևյալ արդյունքները [14]:

Աղյուսակ 1. Համացանցային կախվածության արտահայտվածությունը (n=86):

N	Համացանցային կախվածության մակարդակը	Արտահայտվածությունը %-ով
1.	ցածր	18,6
2.	միջին	48,8
3.	բարձր	32,6

Ինչպես ցույց են տալիս հետազոտության արդյունքները, հետազոտված կրտսեր դպրոցականների 32,6%-ի մոտ գերակշռում է համացանցային կախվածության բարձր մակարդակը, այսինքն 3 կրտսեր դպրոցականներից առնվազն մեկի մոտ դիտվում է համացանցային կախվածություն:

Այնուհետև Բ.Ն. Ֆիլլիպսի «Դպրոցական տագնապայնություն» մեթոդիկայի օգնությամբ ուսումնասիրել ենք թվային կախվածություն ունեցող կրտսեր դպրոցականների տագնապայնությունը՝ կապված ուսումնական գործընթացի հետ: Երկրորդ հետազոտությանը մասնակցել են էկրանային կախվածության բարձր մակարդակ ունեցող 28 կրտսեր դպրոցականներ, որոնք ընդգրկվել են փորձարարական խմբում և կախվածություն չունեցող 28 կրտսեր դպրոցականներ՝ վերահսկիչ խմբում: Ստացված արդյունքները ներկայացված են ստորև:

Աղյուսակ 2. Տագնապայնության արտահայտվածությունը (n=56):

N	Տագնապայնության գործոններ	Արտահայտվածությունը %-ով	
		Փորձարարական	Վերահսկիչ
1.	Ընդհանուր դպրոցական տագնապայնություն	57,1	39,3
2.	Սոցիալական սթրես	35,7	28,6
3.	Հաջողության նվաճման պահանջմունքի ֆրուստրացիա	17,9	14.3
4.	Ինքնարտահայտման վախ	57,1	32,1
5.	Վախ գիտելիքների ստուգման նկատմամբ	21,4	21,4
6.	Ուրիշների սպասումներին չհամապատասխանելու վախ	32,1	17,9
7.	Ցածր ֆիզիոլոգիական դիմադրություն սթրեսին	25	21,4
8.	Ուսուցչի հետ խնդիր ունենալու վախ	28,6	14,3

Ինչպես երևում է աղյուսակից, փորձարարական խմբի ընդհանուր տագնապայնության մակարդակն ավելի բարձր է (57,1%), քան վերահսկիչ խմբի տագնապայնությունը (39,3%)։ Էկրանային կախվածություն ունեցող կրտսեր դպրոցականների տագնապայնության բարձր մակարդակը պայմանավորված է երեխայի բացասական հուզական փորձառություններով, երբ շփման հմտությունների բացակայությունը թույլ չի տալիս երեխային ինքնարտահայտվել, ցույց տալ սեփական հնարավորությունները։ Երեխայի սոցիալական շփումները տեղի են ունենում սոցիալական սթրեսի (35%) ֆոնի վրա։

Էկրանային կախվածություն ունեցող կրտսեր դպրոցականների ինքնագնահատականը ցածր է, չի համապատասխանում երեխայի կարողություններին։ Երկար ժամանակ անցկացնելով գաջետներում՝ չի զարգանում երեխայի խոսքը, որպես հաղորդակցման միջոց։ Երբեմն դրան խանգարում է երեխայի երկլեզվությունը, որը օտար լեզուներով ինֆորմացիայի երկարատև ընդունման արդյունք է։

Սթրեսի հանդեպ ցածր ֆիզիոլոգիական դիմացկունությունը դրսևորվել է հետազոտվողների 25%-ի մոտ, ինչը վկայում է նրանց մոտ սթրեսակայունության ցածր մակարդակի մասին։ Սթրեսի հանդեպ ցածր ֆիզիոլոգիական դիմացկունությունը պայմանավորված է երեխայի հոգեֆիզիոլոգիական առանձնահատկություններով, որոնք նվազեցնում են երեխայի հարմարվողականությունը սթրեսային իրավիճակներին, մեծացնում են շրջակա միջավայրի տագնապային գործոնին ոչ ադեկվատ արձագանքի

հավանականությունը: Լինելով վիրտուալ իրականության մեջ՝ այս երեխաներն իրենց համար չեն մշակում սթրեսի դիմադրության ռազմավարություններ, և հայտնվելով նմանատիպ իրավիճակներում՝ պարզապես չեն կողմնորոշվում ինչպես վարվել, շփոթվում են, տագնապում, հայտնվում տարբեր վախերի ազդեցության տակ (վախ Անաբել տիկնիկից, Մոմոյից, Օնոյից):

Սթրեսակայունության ցածր մակարդակի պատճառ կարող են հանդիսանալ ամենօրյա նյարդայնացնող իրադարձությունները (գաջետը օգտագործելու անդադար ցանկությունը և մտքերը, ծնողների կողմից գաջետի կիրառման արգելանքը կամ սահմանափակման փորձերը, դրա հետևանքով ստեղծված վեճերը, գաջետի կիրառման մասին ծնողներին ստելու և դրա հետևանքով մեղքի զգացման առաջացումը), սոցիալական դեպրիվացիան կամ մեկուսացումը (վիրտուալ իրականությունում ապրելը), միջանձնային հարաբերությունների խանգարումները (հուզականորեն նշանակալի), հասարակության, դասարանական կոլեկտիվի, խմբի մեջ երեխայի կարգավիճակի փոփոխումը (ընկերներից, հասակակիցներից կտրվածությունը):

Ի տարբերություն վերահսկիչ խմբի՝ փորձարարական խմբի հետազոտված երեխաների 32,1%-ի մոտ առկա է ուրիշների սպասումներին չհամապատասխանելու վախը: Նրանց 28,6%-ը նման մտավախություններ ունի դպրոցում: Ուսուցիչների հետ հարաբերությունների ընդհանուր բացասական հուզական ֆոնը նվազեցնում է երեխայի ուսումնական հաջողությունը: Նրանք տագնապում են բացասական գնահատականներ ստանալու ակնկալիքից, զգուշանում դասընկերների ներկայությամբ իրենց արդյունքների, գործողությունների և մտքերի գնահատումից, անհանգստանում շրջապատողների տված գնահատականների մասին:

Հաջողության նվաճման պահանջմունքի ֆրուստրացիան բարձրացնում է տագնապայնությունը (17,9 %), ինչը շատ հաճախ հանգեցնում է տրամադրության անկման: Իսկ այս դեպքում կրտսեր դպրոցականը նորից ուղղվում է դեպի գաջետը, քանի որ այնտեղ զվարճալի է, հետաքրքիր, տեղի է ունենում տրամադրության բարելավում և երեխան կտրվում է իրականությունից: Ուսուցիչների հետ հարաբերություններում խնդիրները և վախը պայմանավորված են երեխայի ինքնահաստատման ձգտմամբ, ինչպես նաև մեծահասակների վերահսկողությունից խուսափելու ցանկությամբ: Իսկ վիրտուալ իրականության մեջ իրենք իրենց գործողություններում, մտքերում, ցանկություններում ազատ են, ինչն ավելի հրապուրիչ է դարձնում գաջետը երեխայի համար:

Եզրակացություն

Այսպիսով, կրտսեր դպրոցական տարիքի երեխաների էկրանային կախվածության դրսևորումներն իրենց մեջ ներառում են համացանցում անցկացրած ավելորդ ժամանակը, իրական կյանքից հեռացումը, հետաքրքրությունների նվազումը, հեռացումը ընտանիքից, ընկերներից, դպրոցական տագնապայնությունը, որը կարող է ազդել երեխայի ուսումնական գործունեության վրա, ինչպես նաև փոփոխությունները վարքի մեջ՝ տագնապայնություն, դյուրագրգռություն, անտարբերություն շրջապատի նկատմամբ: Էկրանային կախվածության արդյունքում կրտսեր դպրոցականի մոտ ձևավորվում է տագնապայնության, նյարդայնության, լարվածության բարձր մակարդակ, որն արտահայտվում է թե՛ ամենօրյա միջանձնային հարաբերություններում, թե՛ դպրոցական միջավայրում:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Griffiths M.* Internet addiction – time to be taken seriously? // Addiction Research. 2000. Vol. 8, № 5. PP. 413–419. Digital 2022 Global Overview Report.
2. *Войскунский А.Е.* Феномен зависимости от Интернета // Psychology.ru. [Эл. ресурс]. URL: https://www. psychology.ru/internet/ecology/04.stm
3. *Гриффитс М.Д.* Избыточное применение Интернета: онлайновое аддиктивное поведение // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: «Акрополь», 2009.
4. *Егоров А.Ю.* Современные представления об интернет-аддикциях и подходах к их коррекции // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2015. № 4 (33). [Эл. ресурс]. URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_ global/2015_4_33/nomer01.php
5. *Жичкина А.Е.* Взаимосвязь идентичности и поведения в интернете пользователей юношеского возраста: автореф. дисс. … канд. психол. наук. М., 2001.
6. *Короленко Ц.П.* Психосоциальная аддиктология: моногр. Новосибирск: «Олсиб», 2001.
7. *Young K.S.* Caught in the net: how to recognize the signs of Internet addiction – and a winning strategy for recovery. – John Wiley & Sons, inc., 1998.
8. *Короленко Ц.П., Лоскутова В.А.* Интернет-зависимость в русскоязычном секторе интернета, 2004. СС. 45–48.
9. *Носов Н.А.* Виртуальная психология. М.: «Аграф», 2000. СС. 52–57.
10. Digital 2022 Global Overview Report.
11. https://www.who.int/ru/news-room/spotlight/international-classification-of-diseases
12. *Orzack M.* (1998) Computer addiction: What is it? // “Psychiatric Times”. V. 15. № 8. PP. 34–38.
13. *Чумак М.И., Елагина М.Ю.* Интернет поведение детей младшего школьного возраста // «Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология». 2021. Т. 4, № 4. СС. 40–51.
14. https://xn--h1adajub9e.xn--p1ai/wp-content/uploads/2020/02/mrpp2.pdf

ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКРАННОЙ ЗАВИСИМОСТИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

А.М. Князян
Ширакский государственный университет им. М. Налбандяна

АННОТАЦИЯ

Использование цифровых технологий является неотъемлемой частью современной жизни. И хотя в большинстве случаев оно оказывает положительное влияние, обеспечивая доступность и мобильность в различных сферах жизни, все же их чрезмерное употребление у детей младшего школьного возраста негативно сказывается на их физическом и социально-психологическом здоровье. Дети используют цифровые технологии, чтобы играть, смотреть видео, следить за деятельностью блогеров, для общения в социальных сетях. В результате у ребенка формируется высокий уровень нервозности, тревожности, напряженности, агрессии, что проявляется как в повседневных межличностных отношениях, так и в школьной среде. В статье рассмотрены особенности и проявления использования цифровых технологий младшими школьниками, а также выявлена связь между экранной зависимостью младших школьников и тревожностью.
Ключевые слова: экранная зависимость, аддиктивное поведение, цифровые технологии, виртуальная реальность, тревожность.

MANIFESTATIONS OF SCREEN ADDICTION AMONG PRIMARY SCHOOL CHILDREN

H. Knyazyan
M. Nalbandyan State University of Shirak

ABSTRACT

The use of digital technologies is an integral part of modern life. And although in most cases it has a positive effect, providing accessibility and mobility in various spheres of life, nevertheless, excessive use in primary school children has a negative impact on their physical and socio-psychological health. Children use digital technologies to play, watch videos, follow the activities of bloggers, and communicate on social networks. As a result, the child develops a high level of nervousness, anxiety, tension, aggression, which manifests itself both in everyday interpersonal relationships and in the school environment. The article examines the features and manifestations of the use of digital technologies by younger schoolchildren, and also reveals the relationship between screen addiction of younger schoolchildren and anxiety.
Keywords: screen addiction, addictive behavior, digital technology, virtual reality, anxiety.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-402-409

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОТРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ИЗОЛЯЦИИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ (МОЛЧАНИЕ, НЕМОТА И ОДИНОЧЕСТВО)

З.А. Малоян

Российско-Армянский (Славянский) университет
z.malojan@yandex.com

АННОТАЦИЯ

Проблема коммуникативной изоляции в полный рост встала в 2019-2020 годах, во время памятного тотального карантина, связанного с пандемией COVID-19. До сих пор, по прошествии четырех лет, нуждается в осмыслении и масштабном психологическом исследовании процесс переживания и купирования того ощущения коммуникативной изоляции, в которое оказались погружены не только отдельные индивиды, но и общество в целом. Однако коммуникативная изоляция нашла свое отражение в изобразительном искусстве, которое является ценным визуальным свидетельством особенностей переживания этого психологического состояния на протяжении длительного периода. Статья посвящена исследованию таких состояний, как молчание, немота и одиночества на материале изобразительного искусства.

Ключевые слова: коммуникативная изоляция, молчание, немота, одиночество, изобразительное искусство.

Введение

Переживания молчания и одиночества могут рассматриваться как психические эмоциональные состояния имманентно присущие человеку, как большинство психических состояний они сами по себе нейтральны и амбивалентны. Исследованию этих феноменов посвящено множество научных трудов, в которых раскрывается тот или иной аспект молчания и одиночества, проявляющийся в повышении или понижении жизненного тонуса и активности личности. История научных публикаций по теме одиночества берет начало с конца XVIIIв. с четырехтомника Й.Г. Циммермана «Об уединении», которым зачитывалась европейская элита, включая Екатерину II. В собственно психологических и социальных науках эта тема подверглась как концептуальным, так и практическим разработкам, начиная со статьи Г. Зилбурга, опубликованной в 1938г., который в соответствии с психоаналитическим подходом, рассматривал одиночество в русле нарциссического комплекса, берущего начало в раннем детстве. В дальнейшем американские ученые Л. Пепло

и Д. Перлман выделили восемь различных концепций, объясняющих одиночество: психодинамический, феноменологический, экзистенциальный, социологический, интеракционистский, когнитивный, интимный, общесистемный [7]. Как отмечает И.М. Слободчиков в своем обзоре исследований одиночества, начиная с 80-х годов прошлого века количество публикаций по этой проблеме многократно увеличилось. В итоге, рассматривая различные подходы к изучению одиночества, автор приходит к выводу, что в исследованиях этой проблемы можно выделить две основные тенденции:

- трактовка одиночества как психического состояния или субъективного переживания;
- представление об одиночестве как преимущественно негативном состоянии и переживании [8].

Молчание и одиночество, как и другие психические состояния, возникают под влиянием внешних и внутренних факторов. Следует отметить, что молчание и одиночество мы традиционно связываем в единый блок, однако в мире современных технологий эти состояния необязательно переживаются одновременно (например, запись видеоролика нередко происходит в одиночестве, но не в молчании). В отличие от состояния одиночества, которое подразумевает молчание в большинстве случаев, даже при учете сегодняшних возможностей молчание далеко не всегда рассматривается как непременный атрибут одиночества, напротив, в ряде публикаций молчание маркируется как инструмент общения, при этом, один из самых эффективных. Так Г.В. Ожиганова вслед за другими исследователями (Н.Д. Арутюнова, Т.А. Флоренская) признает позитивный характер молчания и рассматривает его как ресурс, необходимый для активации высших духовных способностей, личностной рефлексии и саморегуляции [6, 190–195].

Однако многие исследователи отмечают, что молчание может быть использовано с целью манипуляции: в обиход практической психологии входит термин “silent treatment” – «наказание молчанием», в таких случаях, применительно к межличностным отношениям, под молчанием скрываются деструктивные чувства (гнев, презрение, разочарование и т.д.). «Молчание – форма остракизма», а в ряде случаев молчание предваряет и является сигналом предстоящего разрыва отношений [10].

Отметим, что современные технологии изменили не только повседневную и социальную жизнь личности, но и внесли коррективы во все виды коммуникативной активности. Эти изменения произошли настолько стремительно, что исследования, касающиеся социальной и коммуникативной дея-

тельности, не успевают фиксировать и осмыслять новые психические образования, которые регулируют жизнедеятельность современного человека.

Однако, какие бы новые факторы ни влияли на личность в эпоху новых технологий, само переживание одиночества остается важным для человека и, хотя субъективно по определению воспринимается как сугубо личное, все же оно хорошо знакомо каждому человеку с незапамятных времен. Задолго до того, как оно стало объектом исследования психологов, состояние одиночества приковывало внимание писателей и художников, последние искали визуальные средства для передачи этих состояний и провели своеобразное исследование, представив одиночество и молчание во всех возможных нюансах и в разнообразии форм.

Темы одиночества в искусстве привлекают внимание множества критиков и ученых искусствоведов, но очевидно самым глубоким исследованием стала книга британской эссеистки и критика Оливии Лэнг «Одинокий город. Упражнения в искусстве одиночества», опубликованная в 2016г. в США и Британии, книга была почти немедленно переведена на многие языки, в том числе на русский, и немедленно стала бестселлером. В своей книге О. Лэнг рассматривает произведения американских художников Эдварда Хоппера, Энди Уорхола, Клауса Номи, Генри Дарджера и Дэвида Войнаровича, сочетая мемуаристику, арт-критику и психоаналитический подход. Книга Лэнг это попытка понять, «что это значит – быть одиноким и как это устроено в жизнях других людей, попытаться отобразить сложные взаимоотношения между одиночеством и искусством» [5].

Исследование

В нашем исследовании таких феноменов, как одиночество и молчание, также основной целью является стремление к пониманию этих состояний, того, как и какими художественными средствами авторы пользовались для их передачи и, что немаловажно, особенностей восприятия этих произведений.

Надо сказать, О. Лэнг маркировала как произведения об одиночестве те картины, которые вызывают соответствующие ассоциации, сами авторы эти произведения не называли или даже не считали картинами об одиночестве, что, несомненно, достаточно субъективно. В отличие от Лэнг, в нашем подборе представлены только те произведения, которые не только ассоциируются с одиночеством и вызывают подобное настроение у зрителя, а те, для которых авторы (за малым исключением) выбрали названия «Silence» и близкие по смыслу. Иными словами, представленные произведения не только ассоциируются с одиночеством, но и были созданы как произведения об одиночестве и

молчании, тем самым мы исключили разночтения между автором и зрителем и по мере возможности снизили уровень субъективности восприятия (хотя, когда речь идет о восприятии произведений искусства, говорить об объективности не имеет смысла).

В ходе исследования естественным образом выделилась классификация состояния одиночества и молчания.

1. Молчание и одиночество как архетип

Первое из предлагаемых к рассмотрению произведений “Silence” (1799), Иоганн Генрих Фюссли (1741–1825), надо сказать, что кисти этого английского художника швейцарского происхождения принадлежит известное произведение «Ночной кошмар» (1781), репродукция которого висела в кабинете З. Фрейда. «Она, очевидно, была для него иллюстрацией его идей о роли подсознательного в психике человека» [2]. Эта работа вызвала бурную реакцию в Европе и США, не менее сильное впечатление оставила картина “Silence”. На этой картине сидящая человеческая фигура с опущенной головой, композиционно она замкнута в форме шара, полностью закрытая от внешнего мира, она «слишком базовая. Это архетипическая фигура, олицетворяющая очень фундаментальное состояние человеческого разума» [9].

Не менее архетипические образы создает французский художник Odilon Redon (1840–1916). Его две картина под названием “Silence” (1911) представляют женское лицо с опущенным вниз взглядом, на одном из них характерный жест, ко рту поднесены два пальца, этот жест во всех культурах воспринимается одинаково, как призыв к молчанию. Надо сказать, что именно Редону принадлежат знаменитые «пауки» («Плачущий паук» и «Смеющийся паук» 1881г.). Он интуитивно точно находил образы, символически передающие состояние одиночества: ведь пауки – одиночки, они не живут семьями и группами, кроме того, они вызывают инстинктивное отвращение и страх у большинства людей. Редон удивительно точно находил образы, выражающие острое состояние одиночества и отверженности, которые характерны для ранних произведений этого художника, очевидно, в связи с особенностями его биографии, в которой был тяжелый опыт переживания одиночества в детские годы.

2. Игра в молчание

Для этой относительно небольшой группы произведений одиночество и молчание не являются подлинным негативным опытом, это своеобразная игра или манипуляция, самые яркие произведения такого типа созданы в XVIIIв. в эпоху рококо, для которой характерно создание композиций с игровой тематикой, от изображения быта актеров до флирта. К этой категории можно отнести некоторые произведения А. Ватто (1684–1721) («Капризница», 1718, «Жиль в костюме

Пьеро», 1720) и два автопортрета Жозефа Дюкре (1735–1802), оба называются «Silence» (1790–1795). На них изображен мужчина с экспрессивной мимикой и пальцем, прижатым ко рту в знакомом жесте, призывающем к молчанию. Если персонажи Ватто по мнению большинства искусствоведов, несмотря на игру и флирт, вызывают чувство печали, то Дюкре, обращаясь к зрителю, призывает его к участию в какой-то игре и к молчанию в рамках игровой ситуации.

3. Ситуативное молчание

Молчание и одиночество в подобных композициях предстают не экзистенциальным состоянием, а лишь временные явления, продиктованные обстоятельствами. К этой категории можно отнести многие произведения Франсуа Милле (1814–1875), который изображал повседневную жизнь простых людей, поглощенных своей работой, но самой репрезентативной является “Silence” (1855), на ней молодая мать прижимает ко рту палец в знакомом жесте молчания, а за ней, погруженный в тень, угадывается спящий ребенок. Отметим, что на этой картине молчание не подразумевает одиночества, даже если не учитывать спящего ребенка, предполагается, что женщина призывает к молчанию кого-то, находящегося перед ней.

К той же категории можно отнести произведение британского художника Чарльза Спенслея (1865–1958) “Two Minutes' Silence” (1928), это трогательное произведение с сильным иллюстративным началом, на картине изображен пожилой человек, который погружен в себя, он молится перед портретом погибшего сына. Спенслей был убежденным патриотом и глубоко взволнован Первой мировой войной, написав несколько картин, тема которых отражает переживания о «потерянном поколении». Ему близка тема одинокой старости и утраты.

Несколько особняком стоят плакаты, но все же их следует отнести к той же категории ситуативного молчания. Самый знаменитый из них – плакат Н.Н. Ватолиной и Н.В. Денисова «Не болтай!» (1941), на нем портретное изображение женщины средних лет в красной косынке с прижатым ко рту пальцем, ее лицо сурово, строгий взгляд требователен. Плакат был настолько успешен, что продолжал тиражироваться и после ВОВ. Позже были и другие плакаты той же тематики («Не болтай. Враг подслушивает» и др.)

4. Молчание и одиночество как ощущение таинственности

Это достаточно обширная категория, в которую входит значительный корпус работ преимущественно символического направления. Для примера отметим лишь произведения Арнольда Бёклина (1827–1901) «Весталка» (1874), на которой изображена молодая женщина с повязкой на нижней части лица, и “Silence of the forest” (1885), на которой изображен всадник, верхом на единороге выступающий из таинственного леса.

5. Молчание и одиночество как духовный труд

К этому типу произведений в принципе можно отнести множество произведений, которые посвящены монашеской жизни, но здесь в качестве примера приведем лишь две: картина Василия Поленова «Палестинский монах» (1886) и Артура Оганесяна – «Григор Лусаворич» (2005).

Близко по теме, но не по композиционным решениям стоит Медитативное молчание, в эту категорию входят преимущественно пейзажные композиции, такие как картина М. Нестерова «Белая ночь. Молчание» (1903) и картина Н.К. Рериха «Философ. Тишина» (1940).

6. Одиночество вдвоем. Внутренняя изоляция

Одно из самых напряженных психологических состояний, психологическое одиночество, которое предваряет фактическое окончание отношений. Такие произведения обычно предельно автобиографические и требуют подробного погружения в жизненные реалии и историю личных отношений автора, что далеко выходит за пределы формата статьи, потому ограничимся лишь простым перечислением: Эдвард Мунк (1863–1944), «Два человека (Одинокие)» (1905), на ней мужчина и женщина стоят спиной к зрителю и смотрят на море, первая версия картины в 1901г. была уничтожена взрывом. Впоследствии Мунк написал еще три версии мотива в 1905, 1906/07 и 1933–35гг., очевидно, придавал этому сюжету исключительное значение и Виктор Попков (1932–1974) «Двое» (1966).

7. Животные как символ одиночества

Выше уже отмечалось, что таким символом можно считать пауков, но гораздо чаще в этом качестве изображаются кошки, собаки, гораздо реже другие животные. Стоит отметить, что между ними достаточно большая разница. Если изображение одинокой кошки воспринимается как самодостаточное состояние, то изображение одинокой собаки несет в себе посыл покинутости. Можно предположить, одиночество воспринимается как неестественное состояние для собаки, как стайного животного и напротив – естественное для кошки, которая «ходит сама по себе», таких произведений немного, но они весьма известны: «Рассвет после кораблекрушения» (1841) Уильяма Тернера (1775–1851), «Дом Глухого», «Собака» Франсиско Гойи (1819–1823).

8. Протестное молчание

Протестное молчание – совершенно особый тип молчания, ставший актуальным в современных реалиях. Это произведения художников стрит-арта, адресованные нецелевой аудитории: Иван Предит «Молчание в тряпочку» (Омск 2023), Бэнкси, его работа «Венеция» (2019). «На граффити изображен ребенок-беженец в спасательном жилете, который держит в руках дымящийся

розовый факел. Многие предполагают, что этот рисунок пытается привлечь внимание к проблеме глобального кризиса беженцев. Ещё одно мнение – проблема чрезмерного туризма» [1].

9. Немота, напряженное молчание, невозможность высказывания

Есть только одна известная картина, которая называется «Немая» (1507, поитальянски: “La Muta”) кисти Рафаэля Санти. Это женский портрет с твердо сжатыми тонкими губами, о личности модели споры продолжаются по сей день.

К этой же категории следует отнести картину Валентина Подпомогова «Ожидание» (1979). В.Г. Подпомогов рассказывал, что однажды он встретился с журналисткой, которая видела эту картину в Музее Современного искусства и выразила свой восторг словами: «У нее такое лицо...»

А лица нет вовсе. Это состояние напряженного ожидания, которое сопровождается нервными движениями рук, когда что-то теребишь и рвешь. Оно знакомо если не каждому, то большинству людей.

***

Разумеется, в рамках нашего небольшого исследования не представляется возможным исчерпать все категории и формы, в которых предстают одиночество и молчание в изобразительном искусстве, в частности, за пределами остались картины, в которых одиночество выражается при помощи предметов, а ведь натюрморт – это целый мир молчащих вещей, вспомним, что на английском этот жанр так и называется “still life” – тихая жизнь.

Однако, даже такое небольшое исследование показывает на огромные возможности, которые предоставляет изобразительное искусство для более глубокого понимания психических состояний, таких как одиночество и молчание.

«Каково это – быть одиноким? Чувство, похожее на голод: все равно, что голодать, когда все вокруг приготовились к пиру. В этом есть стыд и тревога, а со временем они начинают лучиться наружу, и одинокий человек делается все более отрезанным от остальных, все более отчужденным. Это ранит – как ранят чувства, но есть и физические последствия: они незримы, спрятаны внутри замкнутых полостей тела. Одиночество надвигается, пытаюсь я сказать, холодное, как лед, и прозрачное, как стекло, оно огораживает и поглощает» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арт-активизм. Прошлое, настоящее и будущее https://spb.hse.ru/ixtati/news/405644862.html (дата обращения: 09.03.2025).
2. *Ваганов А.Г.* Доктор Франкенштейн и рождение хоррора // «Управление наукой: теория и практика», 2021. № 3: https://cyberleninka.ru/article/n/doktor-frankenshteyn-i-rozhdenie-horrora (дата обращения: 09.03.2025).
3. *Ишанов С.А., Осин Е.Н.* Наедине с собой: уединение и одиночество // «Человек», 2019. Т. 30, № 3. СС. 164–183.

4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь https://www.ruthenia.ru/logos/number/34-/02.pdf (дата обращения: 15.11.2024).
5. *Лэнг О.* Одинокий город. Упражнения в искусстве одиночества. М.: «Ад Маргинем Пресс», Музей современного искусства «Гараж», 2019. 352 с.
6. *Ожиганова Г.В*. Психология молчания и высшие способности: ресурсный подход «Акмеология», № 4 (60), 2016. PP. 190–195.
7. *Перлман Д., Пепло Л.Э.* Теоретические подходы к одиночеству. М., «Прогресс», 1989. СС. 152–168.
8. *Слободчиков И.М*. Современные исследования переживания одиночества // «Психологическая наука и образование». 2007, № 3. СС. 27–35.
9. *Lubbock T.* Great Works: Silence (1799-1801), Henry Fuseli, https://www.independent.co.-uk/arts-entertainment/art/great-works/great-works-silence-17991801-henry-fuseli-1811332.html (дата обращения: 09.03.2025).
10. Shilpi Agarwal, |Nidhi Prakash “When Silence Speaks: Exploring Reasons of Silent Treatment from Perspective of Source", published in “International Journal of Trend in Scientific Research and Development”, Volume-6, |Issue-3, Apr. 2022.

PSYCHOLOGICAL STUDY OF THE REFLECTION OF COMMUNICATIVE ISOLATION IN FINE ARTS (SILENCE, MUTENESS AND LONELINESS)

Z. Malojan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The problem of communicative isolation arose in full force in 2019-2020, during the memorable total quarantine associated with the COVID-19 pandemic. Until now, four years later, the process of experiencing and stopping the feeling of communicative isolation, in which not only individuals but also society as a whole found themselves immersed, needs to be understood and undergo a large-scale psychological study. However, communicative isolation has found its reflection in fine art, which is a valuable visual evidence of the peculiarities of experiencing this psychological state over a long period. The article is devoted to the study of such states as silence, dumbness and loneliness on the material of fine art.
Keywords: communicative isolation, silence, dumbness, loneliness, fine art.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-410-419

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У МОЛОДЕЖИ

Н.В. Матвеева, А.С. Берберян

Российско-Армянский (Славянский) университет
aspsy@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится исследование взаимосвязи психологического благополучия и личностной зрелости, которая обусловлена растущим интересом к здоровому функционированию личности, а также недостаточной изученностью взаимовлияния этих феноменов. Исследование заявленной темы приобретает важное значение сейчас. Сегодняшняя реальность и современное общество предъявляет человеку особые требования. Из-за угрозы войн, пандемий и экономической неопределенности снижается уровень безопасности и общество годами живет в состоянии пролонгированного стресса.

Ключевые слова: психологическое благополучие, личностная зрелость, личность, студенческая молодежь.

Введение

Личностное развитие молодых людей в настоящее время происходит в ситуации политической, экономической, социальной неопределенности. А ведь молодежь сегодня – это те, кто призван изменить ситуацию в мире, и для этого важно быть и оставаться полезным членом общества на протяжении всей жизни.

Ощущение осмысленности, значимости, удовлетворения от понимания своего жизненного пути и способности реализовать свой потенциал – это лишь некоторые критерии сформированной личностной зрелости и психологического благополучия.

Темы психологического благополучия и личностной зрелости стали исследоваться не так давно. Долгое время фокус был больше направлен на изучение психологического неблагополучия и нездоровье.

Трактовать понятие личностной зрелости сложно в связи с и многогранностью определения и недостаточно сформулированными критериями. Но к этой теме обращались давно З. Фрейд, Э. Фромм, Г. Салливан, Э. Эриксон, К.Г. Юнг А. Маслоу, Ф. Перлз, К. Роджерс, Э. Эриксон, Г. Олпорт, Дж. Л. Колберг, Ловингер, А. А. Реан, А.Г. Асмолов, С.К. Нартова-Бочавер, Н.Е. Харламенкова, К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Божович, Д.А. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, Б.С. Братусь и др.

В некоторых недавних научных работах предпринимались попытки выявления универсальных критериев этого феномена [8]. Были выделены интраперсональные характеристики (индивидуально психологическая зрелость) – такие как:

- ответственность;
- осознанность, рефлексивность – реалистическое восприятие мира, сознательный контроль поведения, способность разводить реальные и идеальные цели, оценочная рефлексия;
- направленность на саморазвитие;
- самопринятие, самоуважение;
- автономия, как как самостоятельная опора на себя;
- жизнестойкость, как способность осуществлять стратегию жизни, сила характера;
- самоуправление и организацию жизни – создание собственной среды развития;
- целостность и конгруэнтность;
- широта связей с миром, открытость опыту, проявление творческого начала.

  Интраперсональный аспект зрелости (социально – психологическая зрелость):
- толерантность, нравственное сознание, гуманистические ценности;
- позитивные межличностные отношения – умение строить межличностные отношения.

Д.А. Леонтьев [3] считал, что личностная зрелость – это способность человека к автономному осмысленному поведению, осознанию и принятию ответственности за свою жизнь, внутренней свободе и готовности к развитию и самореализации. По его мнению, зрелая личность отличается сочетанием внутренней автономии, активного стремления к смыслу жизни и способность взаимодействовать с миром на основе собственных ценностей.

Одним из первых личностную зрелость системно описал Г. Олпорт, [5] делая акцент на непрерывный процесс становления личности, ее индивидуальности, уникальности опыта. Он выделил 6 аспектов, характеризующих личностную зрелость.

1. Зрелый человек имеет широкие границы «Я». Он интересуется не только собой, но и активно участвует в социальной жизни. Живет в соответствии зрелых целей и мотивации. Его цели устойчивы, они выходят за рамки эгоистичных желаний и связаны с более высоким смыслом, альтруизмом и социальной ответственностью.

2. Способность к теплым межличностным отношениям: дружеской интимности и сочувствию. Это способность выражать любовь, не запятнанную собственническими чувствами и ревностью. Сочувствие, как терпимость к различиям между собой и другими, признание этой позиции, уважение, общность со всеми людьми.

3. Олпорт считал, что зрелость включает в себя принятие своих как сильных, так и слабых сторон, а также эмоциональную неозабоченность. Это положительное отношение к себе, способность терпимо относиться к раздражающим факторам, не ожесточаясь внутренне. А также умение справляться с собственными эмоциональными состояниями.

4. Демонстрация реалистического восприятия, опыта и притязаний. Умение видеть вещи такими, какие они есть, не искажая факты в угоду своим фантазиям. Способность справиться с фрустрирующими чувствами, отложив личные желания ради важного дела.

5. Личностная зрелость формируется благодаря способности к постоянному самопознанию и саморазвитию. Наличие здорового чувства юмора, направленного на себя. Зрелые люди учатся на своих ошибках, готовы к новому опыту, что позволяет адаптироваться к переменам.

6. Целостность личности. Зрелая личность может интегрировать свои эмоции, мысли, поведение в единое целое, в соответствии со своими ценностями.

Теория Г. Олпорта легла в основу многих подходов, описывающих личностную зрелость.

До недавнего времени не было целостного описания состава, структуры и динамических особенностей ЛЗ. И.А. Шляпникова [8] предложила выделить состав и структуру и функции ЛЗ. Анализируя работы различных авторов, были выявлены структурные элементами ЛЗ:

1) сформированность мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер личности, где на пике иерархии – духовные и культурные потребности и ценности;

2) автономия, самостоятельность, ответственность;

3) способность личности к саморегуляции и самоопределению;

4) самопознание, саморазвитие, самоактуализация, и способность это реализовать;

5) способность к самотрансценденции.

Функции личностной зрелости – это проявление активности по отношению к себе и другим, новые возможности и реализация способности к саморегуляции и самоорганизации. Свойства личностной зрелости характеризуются в литературе целостностью и интегрированностью. Близким в семантическом

поле с выше рассмотренным понятием является понятие психологического благополучия.

Проблемой психологического благополучия занимались такие исследователи, как К. Рифф (модель Психологического благополучия), М. Селигман (теория PERMA), Э. Деси и Р. Райан (Теория самодетерминации), Д. Леонтьев (взаимосвязь ценностей и осмысленности жизни с психологическим благополучием), Ф. Василюк (психологическое благополучие через призму преодоления кризисных ситуаций), и другие.

Понятие психологического благополучия рассматривают по двум направлениям: гедонистическому – субъективное благополучие (В. Вислон [13], А.С. Ватерман [12]) и эвдемоническому – психологическое благополучие. Если субъективное благополучие рассматривается, как достижение удовольствия, предполагает удаление от проблем, то в понимании психологического благополучия речь идет о состоянии удовлетворения в связи с решением проблем, оно динамично и напряженно. Это ощущение полноценного функционирования личности. Л.С. Рубинштейн [6] считал, что «не погоня за счастьем, как совокупность удовольствий и наслаждений, является целью и смыслом человеческого существования, как это утверждает гедонизм и утилитаризм. Основная этическая задача выступает, прежде всего, как основная онтологическая задача: борьба за вершину человеческого бытия» [6, с. 346].

Концепцию психологического благополучия разработала К. Рифф, объединив в себе теории, объясняющие позитивное функционирование человека (Ш. Бюлер, А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс, Э. Эриксон, К.Г. Юнг и др.). Модель К. Рифф описывает шесть компонентов: автономность, компетентность, личностный рост, позитивные отношения, жизненные цели, самопринятие.

Между личностной зрелостью и психологическим благополучием много общего, например, самопринятие, осознанность, автономность, осознанность, саморазвитие, теплые отношения с другими, целеполагание и т.д. Однако, если личностная зрелость – это способность управлять своей жизнью, функционировать в долгосрочной перспективе, умение осознавать и управлять своими эмоциями и действиями, то психологическое благополучие – это состояние удовлетворенности жизнью, эмоционального равновесия, вовлеченности в жизнь, которое может колебаться в зависимости от жизненных обстоятельств, но при этом приносить человеку ощущение цельности и осмысленности.

На наличие взаимосвязи между категориями личностной зрелости и психологического благополучия указывали В.Р. Манукян, Е.Г. Трошихина [4] и другие авторы.

Существует мнение, что личностная зрелость – это итог жизненного процесса, который основан на опыте, рефлексии, взаимодействии с миром, и это возможно лишь в период, когда человек научился осознавать свою идентичность, интегрировать жизненный опыт, строить гармоничные отношения с другими людьми. То есть, только в зрелом возрасте. Означает ли это, что у молодых людей не может сформироваться личностная зрелость, и как она взаимосвязана с психологическим благополучием?

Мы провели эмпирическое исследование по выявлению показателей психологического благополучия и уровня личностной зрелости у молодых людей.

Цель исследования: выявление взаимосвязи уровня личностной зрелости и психологического благополучия, а также их компонентов.

В пилотажном исследовании приняли участие 24 человека обоего пола в возрасте от 18 до 30 лет.

Гипотезы пилотажного исследования

1. Мы предполагаем, что существует взаимосвязь между компонентами психологического благополучия и критериями личностной зрелости;

2. Мы предполагаем, что показатели студентов по шкалам психологического благополучия и критериям личностной зрелости выражены неравномерно.

В соответствии с целью и гипотезой были подобраны соответствующие методы исследования.

1. Методы теоретического обоснования проблемы: теоретико – методологический литературы, синтез, обобщение научной литературы по теме исследования.

2. Методы эмпирического исследования.

В работе использовались следующие методики:

1. анкета,

2. «Тест-опросник личностной зрелости» под редакцией Ю.З. Гильбух,

3. опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко).

Методы математической обработки результатов: ранговая корреляция rs – критерий Спирмена. Статистическая обработка данных проведена с помощью пакета статистических программ IBM SPSS Statistics 22.

В исследовании рассматривались корреляционные связи между шкалами личностной зрелости и психологического благополучия с помощью «Теста-опросника личностной зрелости» под редакцией Ю.З. Гильбух и опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф.

В методике «Тест-опросник личностной зрелости» рассматривались следующие компоненты личности: мотивация достижений, отношение к своему «Я» («Я- концепция»), чувство гражданского долга, жизненная установка, способность к психологической близости с другим человеком.

В тесте «Шкала психологического благополучия» рассматривались следующие компоненты: положительные отношения с другими, автономия, управление окружением, личностный рост, цель в жизни, самопринятие.

А также респондентам было предложено ответить на вопросы анкеты об удовлетворенности материальным положением своей семьи, наличием дружеских связей, духовных ценностей, наличии увлечений и хобби, возможности просить помощи у близких и у Бога. Мы посчитали корреляционные связи в выборке. Отобрали в таблицу только значимые корреляции.

Таблица значимых корреляционных связей между критериями личностной зрелости и психологического благополучия.

Таблица 1.

Критерии	**Автономия**	**Управление средой**	**Цели в жизни**	**Самопринятие**	**Личностный рост**
Чувство гражданского долга			.499*		.440*
Способность к близости		.454*			
Жизненные установки	.462*	.488*	.673**	.490*	.677**

Таблица 2.

Критерии	Помощь Бог
Вера	.643**

Примечание : знаком «» обозначены значимые корреляционные связи p ≤0,05. Знаком «**» обозначены значимые корреляционные связи p ≤0,01.*

В 1-й таблице отмечена значимая корреляция между жизненной установкой (ЛЗ) и автономией (ПБ). Можно сделать вывод, что уравновешенный, рассудительный человек, способный управлять эмоциями, чувствует себя независимым и самостоятельным, оценивает себя в соответствии с личными критериями.

Также со шкалой жизненных установок коррелирует шкала «управление окружением».

Вероятно, способность контролировать эмоциональное состояние нераз-

рывно связано со способностью контролировать внешнюю деятельность, эффективно использовать предоставляющиеся возможности, способность создавать условия для удовлетворения потребностей и достижения целей.

Шкала «управление окружением» также коррелирует со способностью к близости. Возможно ощущение, что человек может контролировать среду помогает испытывать чувство безопасности и в межличностных отношениях.

Значимая корреляция обнаружена также между жизненными установками и целями в жизни. Понимание относительности всего сущего, уравновешенность, способность справиться с фрустрирующими чувствами, отложив личные желания ради важного дела – влияет на чувство направленности, понимание своих жизненных целей и намерений. Также со шкалой «цели в жизни» коррелирует шкала «чувство гражданского долга». Эта шкала связана не только с патриотизмом, но и чувством профессиональной ответственности, потребность в общении, коллективизм, что необходимо для достижения поставленных задач.

С чувством гражданского долга также связан личностный рост – чувство непрекращающегося развития, открытость новому опыту, желание улучшать свои компетенции, реализовать свой потенциал. Если человек направляет свой потенциал на благо общества – это значимый критерий развития и зрелости.

Личностный рост связан со шкалой жизненных установок: личностное развитие безусловно невозможно без эмоциональной грамотности, понимание своих чувств и эмоций и умение обладать ими.

Шкала «жизненные установки» коррелирует также с самопринятием.

Также значимая положительная корреляция обнаружена при анализе данных анкеты: декларация духовных ценностей, «вера» совпадает с желанием обращаться к Богу в трудных жизненных ситуациях. Однако, далеко не все респонденты, считающие, что у них есть верные друзья, готовы обращаться к ним за поддержкой. Более частым является обращение к семье.

Корреляции между личностной зрелостью и психологическим благополучием не выявлено. Однако почти половина опрошенных обладают высокой личностной зрелостью. Чуть меньше половины имеют высокий показатель по шкале психологическое благополучие. И оно не зависит от удовлетворенности материальным положением: треть отпрошенных с очень высоким показателем психологического благополучия не довольны финансовым положением семьи. Большая часть из психологически благополучных респондентов верят в Бога, все они имеют верных друзей в реальности, почти все могут обратиться за помощью, если это будет необходимо.

Четверть опрошенных, имеющих очень высокий показатель психологического благополучия и низкий показатель личностной зрелости. У большинства опрошенных молодых людей очень высокий показатель «мотивации к достижению» (ЛЗ) и высокие баллы по шкале «положительные отношение с другими» (ПБ). Поддержка друзей и родных, а также стремление к полной реализации, инициативность, самостоятельность, стремление к достижению высоких результатом дает молодым людям ощущение полноты жизни, осмысленности и собственной значимости в этом мире.

Если принять во внимание то, что нашими респондентами являлись молодые люди, в возрасте от 18 до 29 лет, а это возраст, когда личность достигает стадии психосоциального развития «Близость – изоляция», то наши выводы приводят к новой гипотезе, требующей подтверждения: удачное решение задач определенной стадии развития дает чувство удовлетворенности жизнью в целом. И это успешное развитие поможет в формировании такого необходимого конструкта, как личностная зрелость.

Результаты корреляционного анализа имеют высокую практическую ценность и нуждаются в более широком исследовании.

Выводы

Гипотеза пилотажного исследовании подтвердилась лишь частично в нашем исследовании мы не выявляли значимых корреляций между ЛЗ и ПБ. Показатели респондентов по шкалам психологического благополучия и критериям личностной зрелости выражены неравномерно.

Было отмечено, что молодые люди, обладающие высоким уровнем психологического благополучия в своем большинстве имеют высокую мотивацию к достижениям и позитивное отношения с другими людьми. А это те показатели, которые важны для прохождения молодежью шестой стадии развития и достижение близости вопреки изоляции. Э. Эриксон [10] считал, что именно благополучное прохождение кризиса поможет выйти на новую стадию развития, в нашем случае «Зрелость».

Только один критерий личностной зрелости, жизненные установки, коррелирует почти со всеми шкалами психологического благополучия. Психологическая удовлетворенность собственной автономией, уверенность в выборе жизненной направленности и постановки целей, удовлетворение от непрерывного развития, осознание, что человек может контролировать среду, эффективно использовать представляющиеся возможности, создавать условия для удовлетворения потребностей – это необходимое условие для формирования

необходимых жизненных установок (компонент личностной зрелости) – саморегуляции, способности управления потребностями, поведением, эмоциями, понимание относительности всего сущего, способность к выбору, инициативность, способность менять поведение в соответствии с собственными ценностями, в зависимости от обстоятельств.

Итак, феноменологически взаимосвязь психологической зрелости и благополучия может быть объяснена посредством процесса возрастного развития. Анализ литературы, описывающих ЛЗ и ПБ, позволил нам выделить области их сходства и различий. Можно надеятся, что прояснение соотношения данных категорий даст возможность сопоставлять результаты отдельных исследований и развивать теоретические представления о зрелости и благополучии человека. Также можно предположить, что успешное прохождение возрастных кризисов и разрешение задач развития приносит человеку ощущение психологического благополучия, что в свою очередь может являться фундаментом для формирования личностной зрелости. Эта гипотеза нуждается в подтверждении и более глубоком исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Головей Л.А.* (под общ. ред). Психологическая зрелость личности. СПб.: «Скифия-принт»: СПбГУ, 2014.
2. *Крайг Г.* Психология развития. СПб.: «Питер», 2000, 992с.
3. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности, 1999.
4. *Манукян В.Р., Трошихина Е.Г.* Современные психологические концепции благополучия и зрелости личности: области сходства и различий // «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология.» 2016. Вып. 2 (26). СС. 77–85. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-77-85
5. *Олпорт Г.* Становление личности: Избранные труды / пер. с англ. Л.В. Трубицыной, Д.А. Леонтьева; под общ. ред. Д.А. Леонтьева. М.: «Смысл», 2002.
6. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: «Питер», 2001. 720с.
7. *Селигман М.* Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия, 2011 by Martin Seligman, PhD. / Пер. на русский язык / М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013.
8. *Солдатова Е.Л.* Эго-идентичность как системообразующий фактор формирования личностной зрелости / Е.Л. Солдатова, И.А. Шляпникова // «Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Психология.» 2010. № 27 (203). СС. 66–74.
9. *Шляпникова И.А.* Взаимосвязь эго-идентичности и личностной зрелости: специальность 19.00.01. Общая психология, психология личности, история психологии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Шляпникова И.А. Челябинск, 2010. 26с.
10. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.
11. *Ryff C.D., Keyes C.L.M.* The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. № 69. PP. 719–727.

12. *Ryff C.D., Keyes C.L.M., Shmotkin D*. Optimizing Well-Being: The Empirical Encounter of Two Traditions // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 82. PP. 1007–1022.
13. *Waterman A.* Two conceptions of happiness: Contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment // Journal of Personality and Social psychology. 1993. № 64. PP. 678–691.
14. *Wilson W.R.* Correlates of Avowed Happiness // Psychological Bulletin. 1967. Vol. 67(4). PP. 294–306.

THE RELATIONSHIP BETWEEN PERSONAL MATURITY AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN YOUNG PEOPLE

N. Matveeva, A. Berberyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article studies the relationship between psychological well-being and personal maturity, which is due to the growing interest in the healthy functioning of the individual, as well as the insufficient study of the mutual influence of these phenomena. The study of the stated topic is of great importance now. Today's reality and modern society make special demands on a person. Due to the threat of wars, pandemics and economic uncertainty, the level of security is decreasing and society lives in a state of prolonged stress for years.
Keywords: psychological well-being, personal maturity, personality, student youth.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-420-434

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ВОСПРИЯТИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕФЕРЕНТНЫХ ГРУПП У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.А. Микаелян, А.С. Берберян

Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт международных отношений и общественно-политических наук
adel.mik@mail.ru, aspsy@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется взаимосвязь ценностных ориентаций и восприятия особенностей референтных групп у студенческой молодежи. Ценностные ориентации представляют собой принципы, которые вносят планомерность в личное и групповое восприятие, отношения и поведение в социальных ситуациях. Ценностные ориентации понимаются как жизненные смыслы, которыми индивиды руководствуются в повседневных взаимодействиях с окружающей средой. В рамках исследования были рассмотрены ключевые аспекты данной взаимосвязи, которые играют важную роль в исследовании личности. Особое внимание уделяется актуальности этой темы для возрастной группы студенческой молодежи. Рассмотрены и проаннотированы результаты эмпирического исследования, которые имеют практическую ценность.

Ключевые слова: ценностные ориентации, референтные группы, аспекты личностной структуры, студенческая молодежь

Введение

Актуальность

Тема данной статьи актуальна в современном глобализированном обществе, которое стремительно меняется в психологическом и социальном контексте. В связи с этим студенческая молодежь часто сталкивается с такими изменениями, что непременно сказывается на формировании ее ценностных ориентаций. Одним из ключевых факторов, связанных с формированием ценностных ориентаций студенческой молодежи, является восприятие референтных групп, которые являются важным механизмом социальной идентификации. Исследование взаимосвязи ценностных ориентаций и восприятия особенностей референтных групп у студенческой молодежи важно для глубокого понимания механизмов формирования личности и ее взаимодействия с социумом, а также для разработки практических рекомендаций в области образовательных и социальных практик.

Гипотезы

1. Предполагается, что есть взаимосвязь между некоторыми ценностными ориентациями и восприятием значимых референтных групп.
2. Предполагается, что есть различия ценностных ориентаций у студентов, исходя из возрастной группы.

Цель исследования: выявление взаимосвязи между восприятием особенностей референтных групп и ценностными ориентациями у студенческой молодежи.

Методологическая база – это теоретические положения для изучения референтных групп и ценностных ориентаций. Для исследования были использованы следующие методы: анализ научной литературы, анкетирование, тестирование, а также известные методики:

- методика Ш. Шварца («Ценностный опросник» (ЦО) Шварца / «Тест ценности» Шварца);
- составная анкета для исследования восприятия особенности референтных групп.

В методологической базе нашего исследования нашли свое место научные труды и теории А.А. Леонтьева, И.И. Лапина, А.В. Битуева, Е.В. Щедрина, С.В. Молчанова, А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского, Г.М. Андреева, Р.С. Немова, Г. Келли.

В рамках исследования нами было использовано анкетирование, в том числе анкета, разработанная нами. Анкета включала ряд вопросов, которые были направлены на выявление некоторых особенностей восприятия референтных групп. Исходя из ответов на данные вопросы, нами и были сделаны выводы в отношении восприятия особенностей референтных групп. Далее представлены предложенные нами вопросы.

1. На кого я в большей степени ориентируюсь при совершении конкретных действий и поступков?

2. Кто сильнее всего влияет на мои чувства или эмоциональные переживания?

3. На чье мнение я буду ориентироваться в первую очередь при принятии решений в сложной жизненной ситуации?

4. В компании кого (с кем) мне больше всего нравится проводить свободное время?

5. Чье мнение для меня является самым важным и значимым?

6. С кем я больше всего предпочитаю готовиться к учебным занятиям?

7. Всегда ли я учитываю идеи и мнения значимых для меня людей?

Рассматривая ценностные ориентации и восприятие особенностей референтных групп, следует говорить о том, что мы рассматривали взаимосвязь между некоторыми ценностными ориентациями и восприятием значимых референтных групп. Для этого нами было проведено эмпирическое исследование. Наша выборка состояла из 40 студентов, из которых 20 человек были студентами 1–2 курсов и 20 человек – 3–4 курсов (Табл. 1). Всех студентов можно разделить на две возрастные группы, где 20 человек были в возрасте от 18 до 20 лет, а остальные 20 – в возрасте 21–23 лет. В выборке было 8 юношей и 32 девушки. В целях нашего исследования выборка была разделена на 2 возрастные группы:

- группа 1 – 18–20 лет,
- группа 2 – 21–23 года.

Таблица 1. Пол, возраст, курс и направление студентов, вошедших в выборку.

		Количество студентов
Пол	Мужской	8
	Женский	32
Возраст	18-20	20
	21-23	20
Курс	1-2 курс	20
	3-4 курс	20
Направление	Психология	16
	Юриспруденция	12
	Филология	12

Человек, как социальное существо, всю свою жизнь является членом разных социальных групп, что несомненно может повлиять на формирование его как личности. В процессе своего взаимодействия с группой человек усваивает различные социальные нормы, что может качественно изменить его личность. В рамках личности человека мы часто обращаем внимание на ценностные ориентации. Рассматривая ценностные ориентации, следует отметить, что определение ценностных ориентаций разное в разных источниках. Ценностные ориентации – это значимая составляющая личности человека. Внутреннее «Я» человека связывается с окружающей средой именно посредством ценностных ориентаций. Ценностные ориентации являются основой формирования сложной иерархической системы, которая находится между мотивационно-потребностной сферой и сферой личностного смысла [2].

Ценностные ориентации делятся на личностные и социальные. Переход социальных ценностей в личностные происходит благодаря включенности личности в социальные отношения, т.е. в «микросреду» – социальную группу, которая является передатчиком ценностей [1].

У. Билски и Ш. Шварц выделяют определенные характеристики ценностных ориентаций:

- ценности – это убеждения, которые являются эмоциональными и не объективными, ценности могут легко сливаться с эмоциями и чувствами при активации;
- ценности – точки для достижения, к которым человек стремится;
- ценности не ограничиваются в действиях и в ситуациях;
- ценности – это определенные идеалы, это эталоны для оценивания или выбора поведения человека;
- ценности расположены по значимости исключительно по порядку возрастания, здесь есть иерархия.

Ш. Шварц и У. Билски выделяют следующие виды ценностей:

- ценности самоопределения;
- ценности видоизменения;
- ценности сохранения;
- ценности самовозвышения.

Наиболее сильно личность меняется под влиянием референтных групп. Референтная группа – это условная или реальная социальная группа, на нормы, мнения, оценки и ценности которой индивид ориентируется в своем поведении и с которой соотносит себя. Впервые дать определение понятию «референтность» попыталась Е.В. Щедрина, по мнению которой, референтность состоит в том, что направленность индивида на некоторый значимый для него объект может быть реализована посредством установления взаимодействия с другим индивидом [5].

Референтные группы классифицируются, в первую очередь, по выполняемым функциям, исходя из чего выделяются сравнительные и нормативные, по признаку фактического членства в группе – группы присутствия и идеальные, а в соответствии с отклонением или с принятием индивидом ценностей и норм группы – положительные и отрицательные референтные группы.

Группа, которая выступает источником норм, которые регулируют поведение индивида и является ориентиром по ряду значимых для него вопросов, называется нормативной. В то время, как сравнительная референтная группа считается для индивида эталонной в оценивании себя и окружающих. Стоит

отметить, что одна и та же группа может быть как сравнительной, так и нормативной [5].

Группа присутствия – это та референтная группа, частью которой является индивид. Идеальная референтная группа, группа мнение которой является для индивида ориентирующим в рамках его поведения, для оценивания волнующих его событий, в рамках субъективных отношений к другим людям, но сам индивид не является частью этой группы. Такая референтная группа для человека является особо притягательной, она может существовать и реально, и быть вымышленной.

Референтные группы могут выполнять две основные функции: нормативную и сравнительную. Первая проявляется в мотивационных процессах. Референтная группа здесь становится источником социальных норм, паттернов поведения и ценностных ориентаций для индивида. Данная функция реализуется в процессе вознаграждения группой индивида за конформность и наказывать за ее отсутствие. Сравнительная функция проявляется, когда референтная группа становится эталоном, с которым индивид сопоставляет других и себя. Примечательно то, что обе эти функции могут быть реализованы одной и той же группой.

Референтные группы можно разделить на «положительные» и «отрицательные», где положительными являются группы, с которыми человек себя идентифицирует и стремится быть частью этой группы. К отрицательным группам человек испытывает неприязнь или некое отторжение. Важно отметить, что человек может быть частью нескольких групп и зачастую группы не осознают свою важность для определенного индивида.

Обработка результатов

Ответы на данные вопросы содержали список из нескольких конкретных ответов и одного пункта, где можно было дать свой индивидуальный ответ. Каждый из вопросов был направлен на конкретный аспект исследования. В первую очередь была выявлена ориентация на определенную референтную группу при совершении конкретных действий и поступков. Было выявлено, что в большей степени респонденты ориентируются на родителей – 22%, родителей и близких друзей – 33% (Табл. 2).

Таблица 2. Ориентация при совершении конкретных действий и поступков в трудных жизненных ситуациях.

Ориентация при совершении конкретных действий и поступков в трудных жизненных ситуациях.	
референтная группа	Процентное соотношение
Родителей, Близкого друга / друзей	33%
Родителей	22%
Близкого друга / друзей	20%
другое	18%
Себя	7%

Было также выявлено, что больше всего на чувства и эмоциональные переживания респондентов влияет референтная группа родителей и близких друзей – 33% (Табл. 3).

Таблица 3. Влияние определенной личности на собственные чувства и эмоциональные переживания в большей степени.

Влияние определенной личности на собственные чувства и эмоциональные переживания в большей степени.	
референтная группа	Процентное соотношение
Родителей, Близкого друга / друзей	33%
другое	22%
Близкого друга / друзей	20%
Родителей	18%
Себя	7%

В результате анкетирования было выявлено, что ориентация на мнение при принятии решений в сложной жизненной ситуации в первую очередь обращается на близких друзей – 25%, родителей и близких друзей – 40% (Табл. 4).

Таблица 4. Ориентация на мнение личности при принятии решений в сложной жизненной ситуации, в первую очередь.

Ориентация на мнение личности при принятии решений в сложной жизненной ситуации, в первую очередь.	
референтная группа	Процентное соотношение
Родителей, Близкого друга / друзей	40% (2 предпочтения)
Близкого друга / друзей	25%
Родителей	20%
Собственное мнение	10%
другое	5%

Было также выявлено, что в большей степени респонденты предпочитают проводить свое свободное время с близкими друзьями и родителями (Табл. 5).

Таблица 5. Предпочтение социальной компании для общения в свободное время.

Предпочтение социальной группы для общения в свободное время.	
референтная группа	Процентное соотношение
Близкого друга / друзей	48%
Родителей, Близкого друга / друзей	33% (2 предпочтения)
Родителей	10%
другое	5%
С самим собой	4%

Также было выявлено, что самым важным и значимым мнением респонденты считают мнение родителей и близких друзей (Табл. 6). Стоит так же отметить, что данный вопрос нами был добавлен для проверки честности респондентов. А компания, которую респонденты предпочитают для подготовки к учебным занятиям – близкие друзья (Табл. 7).

Таблица 6. Самое важное и значимое мнение для студента.

Самое важное и значимое мнение для студента.	
референтная группа	Процентное соотношение
Родителей, Близкого друга / друзей	35% (2 предпочтения)
Родителей	35%
Близкого друга / друзей	20%
Себя	10%

Таблица 7. Предпочтение компании для подготовки к учебным занятиям.

Предпочтение социальная группа для подготовки к учебным занятиям.	
референтная группа	Процентное соотношение
Близкого друга / друзей	38%
Один	27%
Однокурсники	25%
Родителей	10%

По последнему вопросу нами был выявлен уровень принятия идей и мнения значимых личностей. Далее представлена гистограмма процентного соотношения полученных результатов. В ходе исследования было выявлено, что 40% респондентов выбрали 4-ый уровень. Следующий 5-ый уровень – 35% (Рис. 1). Исходя из полученных данных в ходе анкетирования, мы можем сделать вывод, что среди наших респондентов преобладающее предпочтение идет в сторону родительской референтной группы, а также референтной группы друзей. Проанализировав полученные данные, можно сделать вывод, что основная ориентация, как на референтную группу, направлена на родителей и близких друзей, это значит, что во всех описанных нами ситуациях предпочтение отдается именно данным группам.

Рисунок 1. Процентное соотношение уровней принятия идей и мнения значимых личностей.

По первой методике (методика Ш. Шварца, «Ценностный опросник» Шварца) можно сделать следующее заключение.

- В первой части методики Шварца – «Обзор ценностей», было выяв-

лено определенное различие показателей между группами 1 и 2. Данные различия были выявлены по показателям: универсализм, власть, безопасность (Рис. 1).

По всем показателям у группы 1 были выявлены следующие результаты, которые мы можем упорядочить для составления некой последовательности значимости ценностей: конформность (19), власть (17.5), достижения (19.35), традиции (20.2), безопасность (23.05), самостоятельность (24), доброта (26.9), универсализм (38.1), стимуляция (13.65), гедонизм (13.35).

В группе 2 были выявлены следующие показатели, которые мы тоже расположили по мере значимости ценностей: гедонизм (12.95), власть (13.75), стимуляция (13.9), достижения (21.35), конформность (19.25), безопасность (26.25), традиции (24.2), самостоятельность (24.75), доброта (28.9), универсализм (40.65).

- Во второй части методики – «Профиль личности», было выявлено определенное различие показателей между группой 1 и группой 2. Данные различия были выявлены по показателям: конформность, универсализм, самостоятельность, гедонизм, достижения (Рис. 2).

  При сравнении степеней проявления ценностей мы также можем упорядочить и составить некую последовательность ценностей по мере их значимости. Начнем с показателей студентов, принадлежащих группе 1: традиции (4.2), гедонизм (7.2), самостоятельность (7.45), власть (7.45), стимуляция (7.4), достижения (8.9), доброта (9.8), конформность (9.85), безопасность (11.3), универсализм (11.9).

  В группе 2 были выявлены следующие показатели, которые мы тоже расположили по мере значимости ценностей: традиции (4.5), самостоятельность (5.6), гедонизм (6.35), власть (7.7), стимуляция (7.9), достижения (10.7), доброта (10.2), конформность (10.8), безопасность (12.05), универсализм (13.65).

В рамках данной методики стоит отметить, что первая часть проведенного исследования дает нам результаты уровня нормативных идеалов. Нормативные идеалы – это те ценности личности, которые находятся на уровне убеждений. Тут выявляется та структура ценностей, которая оказывает наибольшее влияние на личность, но может не проявляться в социальном поведении. Это значит, что в обеих возрастных группах больше всего проявляются универсализм, доброта, самостоятельность. Касательно данных ценностей, в том числе и с точки зрения терминальных целей, мы можем сделать вывод, что в нашей

выборке ценностные приоритеты в значительной степени связаны с терпимостью, пониманием, заботой о природе, благополучием и защитой других людей (Рис. 2).

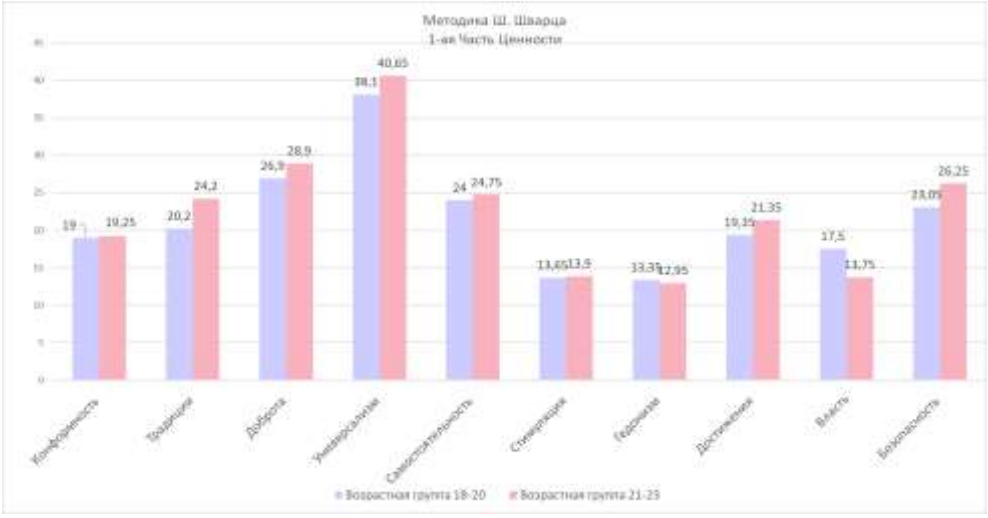


Рисунок 2. Результаты методики Ш. Шварца («Обзор ценностей»).

Исходя из результатов, связанных с ценностью доброты, можно отметить, что большая ориентация на позитивное взаимодействие с окружающими людьми, обеспечение процветания и благополучия тех, с кем есть близкие отношения. Ценностные приоритеты, в связи с самостоятельностью, в значительной степени связаны с личной свободой, независимостью, способностью принимать собственные решения.

Во второй части методики исследуются индивидуальные приоритеты, которые больше всего проявляются в социальном поведении личности (Рис. 3). Было выявлено, что в обеих возрастных группах больше всего проявляются конформность, доброта, универсализм, достижения, безопасность. В отношении данных ценностей, с точки зрения терминальных целей, мы можем сделать вывод, что в нашей выборке конформность проявляется в ориентации на социальные нормы, способность сдерживать свои импульсы и желания, исходя из ожиданий общества и уважение к авторитетам, исходя из ценности доброты ориентация на благополучие близких людей и гармонию в личных отношениях. Здесь большая ориентация на позитивное взаимодействие с окружающими людьми, обеспечение процветания и благополучия тех, с кем есть близкие отношения. Исходя из ценности достижения основная мотивация

состоит в стремлении к личному успеху через появление своей компетентности и способностей. Ценностные приоритеты безопасности в значительной степени связаны со стабильностью, защищенностью на личном и социальном уровне.

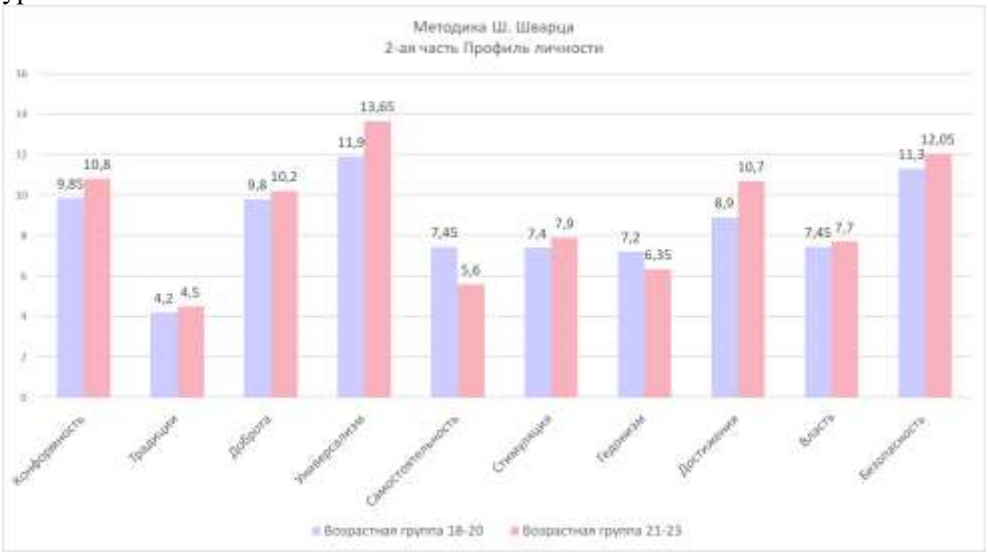


Рисунок 3. Результаты методики Ш. Шварца («Профиль личности»).

Далее рассматриваются результаты полученные при проведении методики Ш. Шварца (Рис. 4), без разделения на возрастные группы. В результате можно расположить ценности в рамках «Обзора ценностей» по мере их значимости: гедонизм (13.2), стимуляция (13.8), власть (15.6), конформность (19.1), достижения (20.35), традиции (22.2), самостоятельность (24.4), безопасность (24.7), доброта (27.9) и универсализм (39.4).

Ценности в рамках «Профиль личности» по значимости: традиции (4.35), самостоятельность (4.5), гедонизм (6.775), власть (7.6), стимуляция (7.7), достижения (9.8), конформность (10.325), доброта (10), безопасность (11.7) и универсализм (12.8) (Рис. 3).

В результате, при сравнении мы можем сказать, что у наших респондентов на уровне нормативных идеалов направленность на ценности универсализма, доброты, безопасности. На уровне индивидуальных приоритетов направленность на ценности универсализма, безопасности и доброты. Если проанализировать данные, то можно сделать вывод, что три преобладающие ценности и на уровне индивидуальных приоритетов, и на уровне нормативных идеалов совпадают (Рис. 3).

Рассматривая с точки зрения нашей гипотезы, есть ли разница ценностных ориентаций у наших респондентов исходя из возрастной группы, существует некая разница в рамках ценностей. В рамках ценностей, то есть нормативных идеалов, традиции проявляются больше у возрастной группы поздней юности. Власть проявляется больше у ранней возрастной группы, также в рамках нормативных идеалов. В рамках индивидуальных приоритетов у представителей поздней юности универсализм на более высоком уровне, а самостоятельность – у возрастной группы ранней юности. В целом в раннем возрасте более проявлены ценности, которые связаны с самоутверждением, стремлением к власти, в то время как в поздней юности уделяется внимание более глобальным ценностям, которые связаны с универсализмом, справедливостью, Нормативные же ценности, такие как «традиции», доминируют в поздней юности. Подобные изменения могут быть трактованы как результат личностного роста и изменения идентичности именно под влиянием референтных групп.

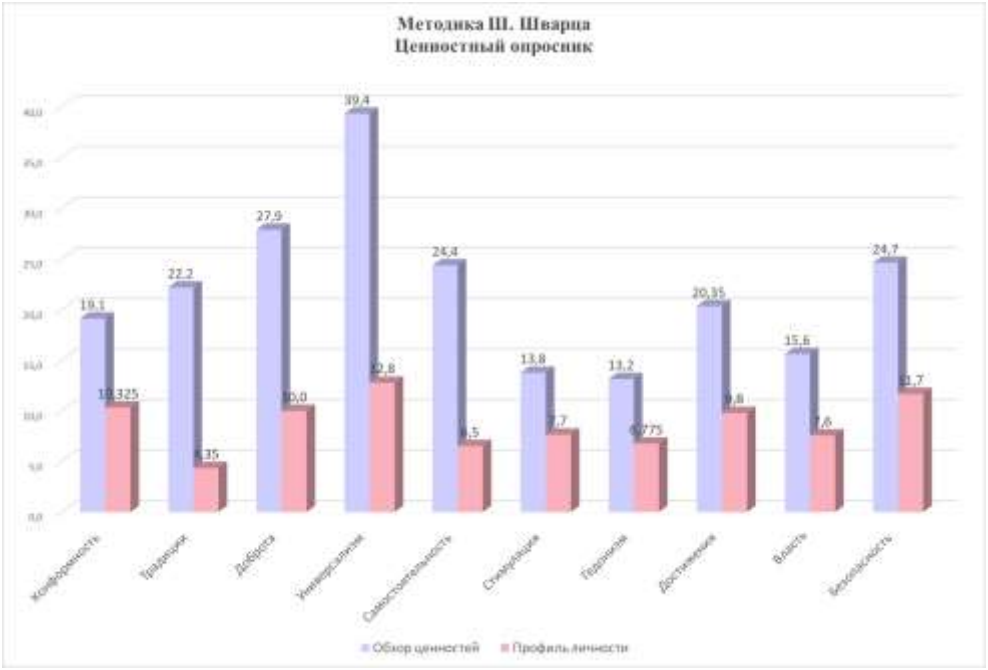


Рисунок 4. Результаты методики Ш. Шварца.

Для нахождения взаимосвязи между восприятием особенностей референтных групп и ценностными ориентациями мы провели корреляционный анализ между данными показателей методики Ш. Шварца и одним пунктом

из составной анкеты, который в баллах выявлял оценками респондентов уровня своего принятия идей значимых людей. Была использована встроенная в EXCEL функция CORREL. В результате выяснилось, что корреляционные индексы между влиянием идей значимых людей и некоторыми ценностями (конформность (по шкале «Обзор ценностей»), традиции (по шкале «Обзор ценностей»), достижения (по шкале «Профиль личности»)) у студенческой молодежи = 0.5. Корреляционный индекс между влиянием идей значимых людей и достижениями (по шкале «Обзор ценностей») = 0.4.

Между влиянием идей значимых людей и конформностью (по шкале «Обзор ценностей») корреляционный индекс 0.6. Корреляционные индексы между принятием идей значимых людей и некоторыми ценностями (традиции (по шкале «Профиль личности»), самостоятельность (по шкале «Обзор ценностей»), гедонизмом (по шкале «Профиль личности»), властью (по шкале «Профиль личности»)) = -0.5. Между влиянием идей значимых людей и самостоятельностью (по шкале «Профиль личности») корреляционный индекс -0.7. Между влиянием идей значимых людей и гедонизмом (по шкале «Обзор ценностей») корреляционный индекс -0.8. Между влиянием идей значимых людей и властью (по шкале «Обзор ценностей») корреляционный индекс -0.6. Между влиянием идей значимых людей и добротой (по шкале «Обзор ценностей») корреляционный индекс -0.4.

Таблица 8. Корреляционный анализ между методикой Ш. Шварца и составной анкетой для исследования восприятия особенности референтных групп.

Корреляция	**Влияние идей значимых людей**
Конформность (профиль личности)	0,60
Конформность (обзор ценностей)	0,50
Традиции (обзор ценностей)	0,48
достижения (профиль личности)	0,46
достижения (обзор ценностей)	0,43
гедонизм (обзор ценностей)	-0,79
самостоятельность(профиль личност	-0,70
власть (обзор ценностей)	-0,57
гедонизм(профиль личности)	-0,47
Традиции (профиль личности)	-0,47
власть (профиль личности)	-0,45
доброта (профиль личности)	-0,41

Подводя итоги, можем сделать вывод, что есть взаимосвязь между конформностью и принятием идей значимых людей и на уровне индивидуальных

приоритетов, и на уровне нормативных идеалов. Взаимосвязь так же была выявлена между традициями (на уровне нормативных идеалов) и принятием идей значимых людей, а также между достижениями (на уровне индивидуальных приоритетов) и принятием идей. Обратная взаимосвязь была выявлена между традициями (на уровне индивидуальных приоритетов) и принятием идей значимых людей. Так же – обратная связь между самостоятельностью и принятием идей значимых людей и на уровне индивидуальных приоритетов, и на уровне нормативных идеалов. Обратная взаимосвязь была выявлена между гедонизмом и принятием идей значимых людей и на уровне индивидуальных приоритетов, и на уровне нормативных идеалов. Обратная взаимосвязь была выявлена между властью и принятием идей значимых людей и на уровне индивидуальных приоритетов, и на уровне нормативных идеалов.

Выводы

Подводя итоги данного исследования, мы можем сделать следующие выводы.

1. Наша первая гипотеза подтвердилась. Действительно между некоторыми ценностными ориентациями и восприятием значимых референтных групп есть взаимосвязь. Прямая взаимосвязь была выявлена между влиянием идей, а, следовательно, и между восприятием значимых референтных групп, и традиции по нормативным идеалам, достижениям, конформностью и в рамках нормативных идеалов, и в рамках индивидуальных приоритетов. Обратная взаимосвязь была выявлена между влиянием идей и гедонизмом, властью (и на уровне нормативных идеалов, и на уровне индивидуальных приоритетов). Также на уровне индивидуальных приоритетов, взаимосвязь была выявлена между влиянием идей и самостоятельностью, традициями, добротой.

2. Наша вторая гипотеза подтвердилась частично, поскольку различия ценностных ориентаций у студентов, исходя из их возрастной группы, были не столь явными, как предполагалось. В рамках индивидуальных приоритетов у представителей поздней юностей универсализм на более высоком уровне, а самостоятельность – у возрастной группы ранней юности. В целом в раннем возрасте более проявлены ценности, которые связаны с самоутверждением, стремлением к власти, в то время как в поздней юности уделяется внимание более глобальным ценностям, которые связаны с универсализмом, справедливостью. Нормативные же ценности, такие как «традиции», доминируют в поздней юности. Подобные изменения могут быть трактованы как результат личностного роста и изменения идентичности именно под влиянием референтных групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнян Э.А.* Микросреда и трансформация общественных ценностей в ценностную ориентацию личности // Образ жизни и ценностные ориентации личности. Ер.: Изд-во АН Арм. ССР, 1979. СС. 49–61.
2. *Битуева А.В.* Особенности структурного строения ценностных ориентаций/ А.В. Битуева // Теоретический журнал «Credo», 2000, № 2. С. 24.
3. *Леонтьев Д.А.* Методика изучения ценностных ориентаций / Д.А. Леонтьев. М.: «Смысл», 1992. 17 с.
4. *Немов Р.С.* Психология. Книга 1. М.: «Владос», 2003.
5. *Щедрина Е.В.* Референтность как характеристика системы межличностных отношений // Психологическая теория коллектива. М., 1979. СС. 111–127.

THE RELATIONSHIP BETWEEN VALUE ORIENTATIONS AND THE PERCEPTION OF REFERENCE GROUP CHARACTERISTICS AMONG UNIVERSITY STUDENTS

A. Berberyan, A. Miqayelyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article explores the relationship between value orientations and the perception of reference group characteristics among university students. Value orientations are principles that bring consistency to personal and group perceptions, relationships, and behaviors in social situations. They are understood as life meanings that individuals use to guide their everyday interactions with the environment. The study examines key aspects of this relationship, which play an important role in personality research. Special attention is given to the relevance of this topic for the age group of university students. The results of an empirical study are reviewed and annotated, highlighting their practical significance.

Keywords: value orientations, reference groups, aspects of personality structure, university students.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-435-441

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМПАТИИ И ПСИХОТИПА ЛИЧНОСТИ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.С. Береберян, М.С. Мкрдумян

Российско-Армянский (Славянский) университет
mariamkrdumian1010@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается актуальная тема: характеристика эмпатии, ее сущность и классификации, предложенные в трудах Э. Титченера, З. Фрейда, А. Валлона, Т. Коэна и других авторов. Особое внимание уделено взаимосвязи эмпатии и психотипов личности. Приведены основные теоретические подходы к изучению психотипов, основанные на исследованиях К. Юнга, Г. Айзенка, Э. Берна, К. Леонгарда и И. Павлова. Описаны ключевые черты различных психотипов и их влияние на уровень эмпатии. Также приводятся результаты эмпирического исследования, направленного на выявление особенностей эмпатических проявлений у студентов различных психотипов, что, в конечном итоге, определяют продуктивность межличностных взаимоотношений в студенческой среде.

Ключевые слова: эмпатия, психотипы, личность, студенческая молодежь, межличностные отношения.

Введение

В современном мире в условиях быстро меняющихся социальных реалий и технологических изменений, психология человека становится одной из важнейших областей исследования. Особенно это актуально в контексте студенческой молодежи, которая находится на этапе активного формирования своей личности, социальных навыков и профессиональных ориентиров. Важным аспектом, влияющим на личностное развитие и успешную социализацию, является эмпатия – способность человека понимать, переживать и разделять эмоции других. Эмпатия оказывает влияние на качество межличностных отношений, облегчая взаимодействие и создавая основу для эффективного общения и поддержки как в учебном процессе, так и в повседневной жизни.

Однако способность к эмпатии не является универсальной: она может варьироваться в зависимости от личных особенностей человека, которые, в свою очередь, тесно связаны с его психотипом. Психотипы – это устойчивые комплексы черт личности, определяющие стиль поведения и восприятия окружающего мира. Знания о том, как различные психотипы влияют на уровень эм-

патии, позволяют глубже понять, почему одни люди более чутко воспринимают эмоции других, а другие менее восприимчивы к чужим переживаниям.

Целью данной статьи является исследование взаимосвязи между эмпатией и психотипами личности среди студенческой молодежи. В статье будет рассмотрено, как особенности психотипа влияют на развитие эмпатии, как эта способность проявляется в межличностных отношениях и какие факторы способствуют или, наоборот, препятствуют ее развитию в условиях высшего образования. Осознание этих взаимосвязей имеет важное значение для создания эффективных методов поддержки студентов, их личностного роста и улучшения климата в учебных коллективах.

Изучение этой темы способствует не только улучшению образовательной среды, но и помогает развивать навыки взаимодействия между людьми, что особенно важно в условиях современной социальной динамики.

Основное содержание работы

Актуальность

Исследование взаимосвязи между эмпатией и психотипами личности имеет социальную значимость из-за нескольких аспектов. Улучшение межличностных отношений; повышение социальной адаптации и эмоциональной компетентности; развитие эффективной коммуникации в образовательной среде; снижение конфликтности и улучшение взаимодействия в коллективе; подготовка студентов к профессиональной деятельности и межкультурным взаимодействиям. Таким образом, изучение взаимосвязи между эмпатией и психотипами имеет важное значение для психологии. Исследования в этой области обнаружили ряд важных взаимосвязей, таких как: эмпатия и моральные ценности; эмпатия и альтруизм; эмпатия и уровень эмоциональной зрелости; психотипы и способность к эмпатии; половые и возрастные различия в проявлениях эмпатии; эмпатия и способность к конфликтному разрешению. Исследования в этой области продолжаются. Взаимосвязь эмпатии и психотипов личности – это комплексный и интересный аспект психологических исследований.

Объект исследования: эмпатия, психотипы личности.

Предмет исследования: взаимосвязь эмпатии и психотипа личности у студенческой молодежи, а также их влияние на межличностные отношения и социокультурные аспекты студенческой жизни.

Гипотезы исследования:

1. Мы предполагаем, что существует взаимосвязь между психотипами личности и некоторыми каналами эмпатии.

2. Мы предполагаем, что существует различие у психологов и лингвистов, по видам психотипов и по каналам эмпатии.

Цель: изучение взаимосвязи эмпатии и психотипа личности у студенческой молодежи.

Задачи исследования – изучение эмпатии, как социально-психологического феномена и психотипов личности современной молодежи.

Методологической базой исследования являются научные труды зарубежных и отечественных авторов относительно рассматриваемого вопроса. В частности, труды Э. Титченера, З. Фрейда, А. Валлона, Т. Коэна, В. Бойко об эмпатии, К. Юнга, Г. Айзенка, Э. Берна, К. Леонгарда и И. Павлова – о психотипах личности.

Методы исследования: тестирование и анкетирование.

Обсуждение результатов

Методы исследования: тестирование и анкетирование. Для изучения взаимосвязи эмпатии и психотипов личности студенческой молодежи были использованы методики, позволяющие выявить направленности личностей и развитие уровня эмпатии студенческой молодежи.

Методика диагностики эмпатических способностей В. Бойко и методика К. Юнга по определению направленностей личности.

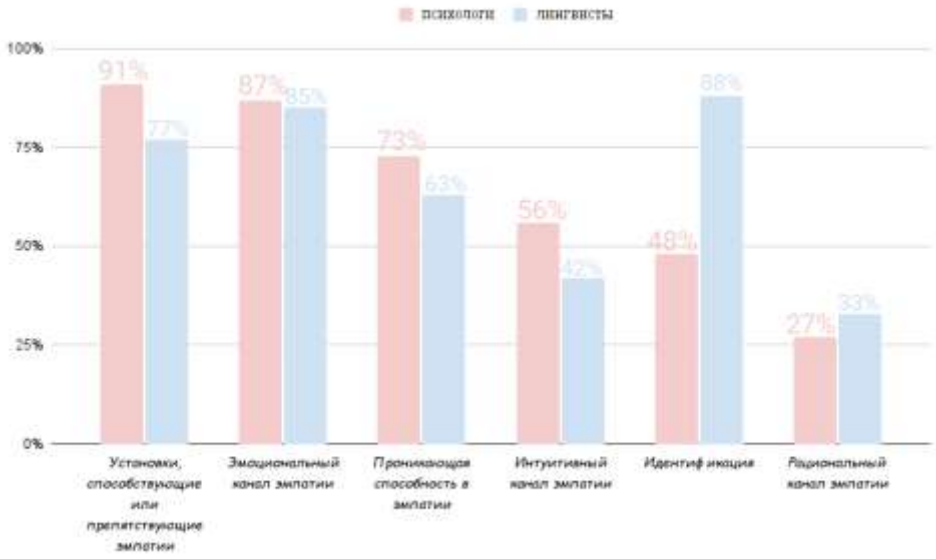
Исследование проводилось среди студентов психологов и лингвистов четвертого курса.

Респонденты были опрошены методом тестирования и анкетирования. Эмпирическая проверка уровня развития эмпатии у студенческой молодежи позволила выявить, что эмпатия является одним из важнейших факторов жизнедеятельности человека. Выявлена высокая степень развитости эмпатии у студенческой молодежи, что в свою очередь влияет положительно на межличностное взаимодействие. Также способствует профессиональному становлению психолога, лингвиста, педагога и др.

Далее мы провели исследование и выявили психотипы личностей студентов психологов и лингвистов по таким категорям, как экстраверсия, интроверсия и амброверсия. Важно отметить, что количество амбивертов является преобладающим у обеих групп, далее –интроверты и в меньшей степени проявилась экстраверсия.

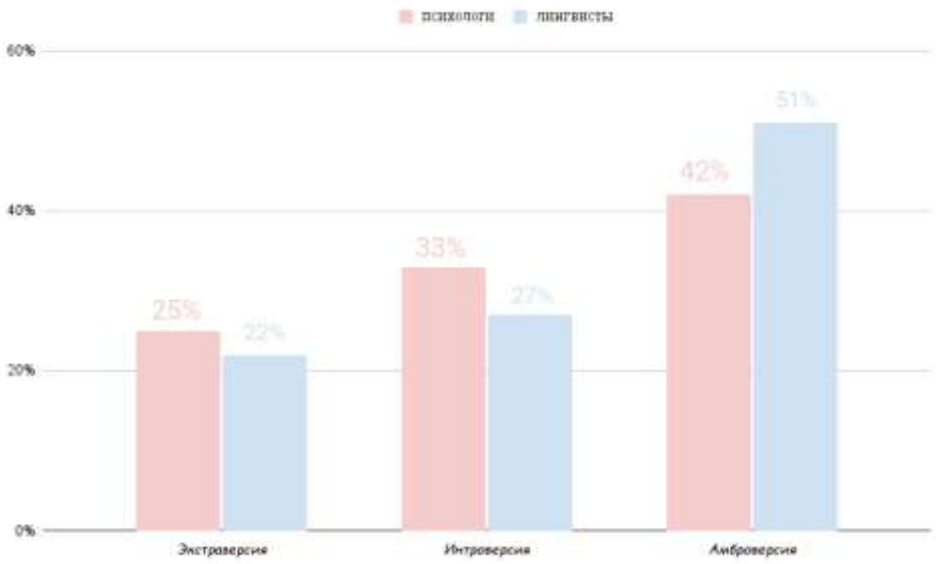
Исследование проводилось среди студентов Российско-Армянского университета, в котором приняло участие 42 респондента женского и мужского полов от 18 до 25 лет.

График 1. Результаты исследования каналов эмпатии у студентов.



В результате метода диагностики уровня эмпатии В. Бойко была выявлена степень развитости каждого канала эмпатии у студентов психологов и лингвистов.

График 2. Результаты исследования видов психотипов у студентов.



В результате метода общепсихологической типологии личности К. Юнга была выявлена степень развитости психотипов личности у студентов психологов и лингвистов.

Поскольку мы предполагаем, что существуют различия у психологов и лингвистов по видам психотипов и по каналам эмпатии, мы выявили степень развитости психотипов и каждого канала эмпатии у обеих групп. Наша гипотеза о существовании различия у психологов и лингвистов по видам психотипов и по каналам эмпатии получила подтверждение.

Таблица 1. Корреляционный анализ взаимосвязи между психотипами личности и некоторыми каналами эмпатии.

	экстраверсия	интроверсия	амброверсия
Эмоциональный к	0,1	0,1	0,1
Установки с или п э	0,2	0,2	0,1
Проникающая с	0,02	0,3	0,2
Идентификация	0,2	0,4	0,2
Интуитивный к	0,05	0,2	0,3
Рациональный к	0,3	0,3	0,01

Поскольку мы предполагаем, что существует взаимосвязь между психотипами личности и некоторыми каналами эмпатии у студенческой молодежи, была проведена корреляция между психотипами личности и некоторыми каналами эмпатии. Взаимосвязь эмоционального канала с экстраверсией составила 0,1: с интроверсией – 0,1; с амброверсией – 0,1.

Взаимосвязь установок, способствующих или препятствующих эмпатии с экстраверсией, составила 0,2; с интероверсией – 0,2; с амброверсией – 0,1.

Взаимосвязь проникающей способности с экстраверсией составила 0,02; с интроверсией – 0,3; с амброверсией – 0,2.

Взаимосвязь идентификации с экстраверсией составила 0,2; с интроверсией – 0,4; с амброверсией – 0,2.

Взаимосвязь интуитивного канала с экстраверсией составила 0,05; с интроверсией – 0,2; с амброверсией – 0,3.

Взаимосвязь рационального канала с экстраверсией составила 0,3; с интроверсией – 0,3; с амброверсией – 0,01.

В результате корреляции между психотипами личности и некоторыми каналами эмпатии их взаимосвязи не оказалось. Гипотеза не получила подтверждение.

Выводы

1. Мы изучили характеристику эмпатии и ее особенностей у студенческой молодежи; эмпатию и ее сущность; уровни и особенности, как психологического и педагогического феномена; психологические новообразования студенческого возраста; самооценку и ее проявления у социальных категории молодежи на основе литературы Э. Титченера, В. Бойко, З. Фрейда, Т. Коэна и т.д.

2. Мы рассмотрели представление студенческой молодежи о направленностях личности и теоретико-методологические аспекты отношения личности к понятию направленностей на основе литературы К. Юнга, Г. Айзенка, Э. Берна, К. Леонгарда и т.д.

3. Было проведено исследование, в результате которого были выявлены развитость некоторых каналов эмпатии и степень развитости направленностей личности у студентов. Мы провели корреляционный анализ между каналами эмпатии и направленностями личности. Также мы выявили различие между каналами эмпатии и психотипами личности у студентов психологов и лингвистов.

4. Первая гипотеза о взаимосвязи между некоторыми каналами эмпатии и направленностями личности у студенческой молодежи не получила подтверждение. Вторая гипотеза – о различии между видами психотипов и каналов эмпатии у психологов и лингвистов – получила подтверждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаврилова Т.П.* Понятие эмпатии в зарубежной психологии // «Вопросы психологии», 1975. № 2.
2. *Гаврилова Т.П.* Эмпатия и ее особенности у детей младшего и среднего школьного возраста: дис. … канд. психол. наук / Т.П. Гаврилова. М.: «Наука», 2009.
3. *Зинченко Е.В., Юсупов И.М.* Эмпатия // «Психология общения. Энциклопедический словарь» / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: «Когито Центр», 2011.
4. *Юнг К.Г.* Психологические типы. СПб.: «Ювента», М.: «Прогресс-Универс», 1995.

THE RELATIONSHIP OF EMPATHY AND PERSONALITY PSYCHOTYPE IN STUDENTS

M. Mkrdumyan
Russian-Armenian University

ABSTRACT

The article discusses an actual topic: characteristics of empathy, its essence and classifications proposed in the works of E. Titchener, Z. Freud, A. Vallon, T. Cohen and other authors. Special attention is paid to the relationship between empathy and personality psychotypes. The main theoretical approaches to the study of psychotypes based on the research of K. Jung, G. Eysenck, E. Bern, K. Leonhard and I. Pavlov are presented. The

key features of various psychotypes and their influence on the level of empathy are described. The article also presents the results of an empirical study aimed at identifying the features of empathic manifestations in students of various psychotypes, which ultimately determine the productivity of interpersonal relationships in the student environment.
Keywords: empathy, psychotypes, personality, student youth, interpersonal relationships.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-442-452

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

И.А. Саргсян, Л.А. Арутюнян

Российско-Армянский (Славянский) университет
inna.sargsyan@rau.am, lyubharut@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлено исследование особенностей межличностных отношений в юношеском возрасте. В фокусе внимания – взаимосвязь эмоционального интеллекта, ключевых психических состояний (фрустрация, агрессия, ригидность и тревожность) и межличностных взаимоотношений. В теоретической части рассматриваются психологические концепции агрессии, эмоционального интеллекта, самооценка психических состояний. Результаты данного исследования могут представить интерес для психологов, педагогов и других специалистов, работающих в сферах данной направленности.

Ключевые слова: межличностные отношения, эмоциональный интеллект, агрессия, тревожность, эмпатия, фрустрация, ригидность.

Введение

Актуальность

Период юности критически важен для становления личности, поскольку в это время происходят активные психологические, эмоциональные и социальные изменения. Развитие идентичности и независимости связано с формированием крепких межличностных связей, что особенно важно для психологии, так как основы взрослых коммуникаций закладываются в юношеском возрасте. Подростки активно ищут и утверждают свое место в обществе через взаимодействие с ровесниками. Анализ этих взаимоотношений имеет важное значение для психологии. Актуальность исследования усиливается в условиях нестабильности социальной среды и быстрого технологического прогресса, влияющих на психологическое состояние подростков. Изучение межличностных отношений в подростковом возрасте помогает лучше понять процессы, происходящие в этот период, и разработать эффективные методы психологической и педагогической поддержки.

В данной работе основное внимание уделено психологическим аспектам межличностных взаимоотношений в подростковом возрасте, с акцентом на их влиянии на эмоциональное состояние и психологическое благополучие молодежи. В исследовании использовались как классические, так и современные

исследования в области эмоционального интеллекта, включая работы Дэниела Гоулмана, Джона Майера и Питера Сэловея, с целью глубокого понимания роли эмоционального интеллекта в формировании межличностных связей подростков [2].

Для анализа динамики межличностных отношений использовались исследования в области психологии, касающиеся эмпатии в подростковом возрасте, факторов формирования здоровых отношений и влияния абъюзивных отношений на эмоциональное состояние молодежи. Эти исследования помогли лучше понять динамику межличностных взаимоотношений и их влияние на психологическое благополучие подростков.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, агрессия, тревожность, эмпатия, фрустрация.

Объект исследования: межличностные взаимоотношения в юношеском возрасте.

Предмет исследования: выявление взаимосвязи между субъективной оценкой межличностных отношений, эмоциональным интеллектом и самооценкой психических состояний.

Цель исследования: выявление взаимосвязи между субъективной оценкой межличностных отношений, эмоциональным интеллектом и самооценкой психических состояний.

Использованные методики: методика Г. Айзенка самооценки психических состояний; методика Н. Холла оценки эмоционального интеллекта (опросник EQ); методика С.В. Духновского «Субъективная оценка межличностных отношений (СОМО)».

Гипотезы исследования

1. **Гипотеза № 1** – существует взаимосвязь между субъективной оценкой межличностных отношений и эмоциональным интеллектом в юношеском возрасте.
2. **Гипотеза № 2** – существует взаимосвязь между субъективной оценкой межличностных отношений с самооценкой психических состояний (агрессия, фрустрация, ригидность, тревожность) в юношеском возрасте.
3. **Гипотеза № 3** – существует взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и самооценкой психических состояний в юношеском возрасте.
4. **Гипотеза № 4** – существует разница по показателям трех методик в раннем и позднем юношеском возрасте.

Теоретическая значимость: исследование дает новый взгляд на процессы

формирования межличностных связей в юношеском возрасте, углубляя понимание влияния психологических аспектов на индивидуальное развитие.

Практическая значимость: полученные результаты могут быть использованы для создания более эффективных программ поддержки и консультирования юношей и девушек, направленных на развитие навыков социального взаимодействия и снижение конфликтных ситуаций в их жизни.

Обработка результатов

Опросник составлен по трем методикам: методика С.В. Духновского «Субъективная оценка межличностных отношений (СОМО)» со шкалами напряженности, отчужденности, конфликтности и агрессии в отношениях; методика Н. Холла по оценке эмоционального интеллекта (EQ) со шкалами эмоциональной осведомленности, управления эмоциями, самомотивации, эмпатии, управления эмоциями других людей; методика Г. Айзенка «Самооценка психических состояний» со шкалами тревожности, фрустрации, агрессивности, ригидности. Также были использованы уточняющие вопросы из исследования Е.С. Игнатовой и Е.Д. Дроздовой [3].

В опросе приняли участие 60 респондентов в возрасте от 16 до 25 лет, включая 30 девушек и 30 юношей, имевших опыт романтических отношений. Также было решено разделить респондентов на две возрастные группы: от 16 до 20 и от 21 до 25 лет.

Методика С.В. Духновского «Субъективная оценка межличностных отношений (СОМО)» позволяет оценить напряженность, отчужденность, конфликтность и агрессию в отношениях на основе субъективной оценки респондентов. Рассмотрим полученные данные по методике СОМО, представленные на Рис. 1, в котором представлены первичные и вторичные стены (итоговый балл), исходя из среднего значения ответов респондентов. Важно учитывать, что данный опросник отражает личное восприятие отношений, а не объективные показатели.

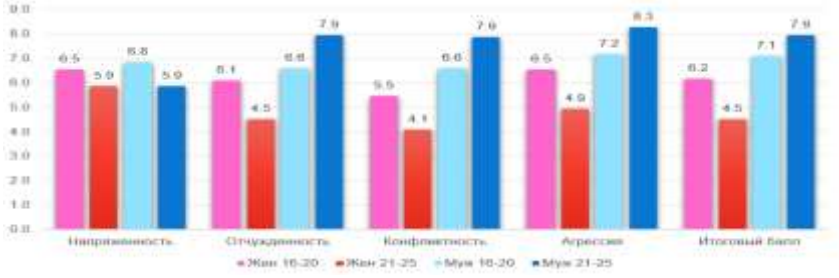


Рисунок 1. Данные методики «Субъективная оценка межличностных отношений (СОМО)» С.В. Духновского.

Напряженность в отношениях наиболее распространена среди юношей 16–20 лет (41.7% высокая степень), что может быть связано с периодом формирования идентичности и социальными требованиями. Среди девушек этой же возрастной группы 38.5% респондентов также отметили высокий уровень напряженности, однако у девушек 21–25 лет этот показатель снижен до 21.4%. Средний уровень напряженности преобладает во всех возрастных группах, особенно у девушек 21–25 лет (50%).

Отчужденность проявляется наиболее выраженно у юношей 21–25 лет, где 53.3% респондентов отметили высокий уровень. У девушек той же возрастной группы высокий уровень отчужденности наблюдается лишь у 7.1% опрошенных, в то время как 50% считают его средним. Юноши 16–20 лет также отмечают высокий уровень отчужденности (33.3%), тогда как среди женщин этого возраста показатель высокий у 30.8% респондентов.

Конфликтность в отношениях наиболее выражена среди юношей 21–25 лет, где 53.3% указали на высокий уровень. Среди юношей 16–20 лет данный показатель чуть ниже (41.7%), однако также значительно превышает группы девушек. Девушки 16–20 лет в большинстве случаев оценивают уровень конфликтности как средний (69.2%), а в группе 21–25 лет этот показатель составляет 50%.

Агрессия в отношениях проявляется сильнее у юношей 21–25 лет (60.0% высокая степень) и юношей 16–20 лет (58.3%). Среди девушек 16–20 лет высокий уровень агрессии отмечают 38.5%, а среди девушек 21–25 лет этот показатель снижен до 14.3%. Это может свидетельствовать о различиях в выражении агрессивного поведения и его восприятии у разных полов и возрастных групп.

Таким образом, можно отметить, что юноши, особенно в возрасте 21–25 лет, демонстрируют более высокие показатели напряженности, отчужденности, конфликтности и агрессии в отношениях по сравнению с девушками. Девушки же чаще оценивают свои отношения как средне-напряженные и менее агрессивные, особенно в возрастной группе 21–25 лет.

Методика Н. Холла оценки эмоционального интеллекта (EQ) представляет собой инструмент для измерения пяти основных аспектов эмоциональной компетентности: эмоциональной осведомленности, управления эмоциями, самомотивации, эмпатии и распознавания эмоций других людей. Она помогает оценить способность индивида осознавать и управлять своими эмоциями, а также взаимодействовать с окружающими, предоставляя сведения о его эмоциональной интеллектуальной готовности и способности к социальным взаимодействиям. Ниже приведены данные по методике Н. Холла (Рис. 2).

Рисунок 2. Данные методики Н. Холла оценки эмоционального интеллекта (опросник EQ).

Эмоциональная осведомленность. Из данных видно, что в ранней возрастной группе у девушек и юношей наблюдается схожий уровень эмоциональной осведомленности (8,2 и 9,9 соответственно), что соответствует среднему уровню восприятия эмоций. Разница минимальна, что указывает на схожую способность обоих полов осознавать свои эмоции в этом возрасте. Однако у девушек поздней возрастной группы этот показатель значительно выше – 14,5, в то время как у юношей он равен 13,6. Это свидетельствует о более высоком уровне осознания своих эмоций у девушек. Данное явление может быть связано с социокультурными аспектами, но данная гипотеза требует дополнительных исследований.

Управление эмоциями. Из данных видно, что в ранней возрастной группе у девушек и юношей наблюдается схожий уровень эмоциональной осведомленности. У девушек он составляет 8,2, у юношей – 9,9, что соответствует среднему уровню восприятия эмоций. Разница минимальна, что указывает на схожую способность обоих полов осознавать свои эмоции в этом возрасте. Однако у девушек поздней возрастной группы этот показатель значительно выше – 14,5, в то время как у юношей он равен 13,6. Это свидетельствует о более высоком уровне осознания своих эмоций у девушек.

Самомотивация. У девушек в ранней возрастной группе наблюдается несколько сниженная самомотивация, с результатом 6,0, что ближе к низкому уровню, в отличие от юношей, у которых показатель равен 8,3. У девушек поздней возрастной группы этот показатель также ниже, чем у юношей, составив 7,8 против 9,0 у юношей. Это может указывать на различия в мотивационных факторах между девушками и юношами, где девушки могут сталкиваться с определенными социокультурными ожиданиями, что влияет на их внутреннюю мотивацию.

Эмпатия. У девушек и юношей всех возрастных групп наблюдается средний уровень эмпатии, при этом девушки в ранней группе имеют показатель 9,5, а юноши – 10, что говорит о схожей способности к сочувствию и пониманию эмоций других людей. У девушек поздней возрастной группы этот показатель возрастает до 13,4, что также выше, чем у юношей, где он составляет 11,5. Это может отражать более высокую способность девушек понимать эмоции других.

Распознавание эмоций других людей. Данные показывают, что как девушки, так и юноши в младшей возрастной группе имеют схожие показатели в распознавании эмоций других людей: у девушек – 6,1, у юношей – 7,6, что соответствует среднему уровню. В поздней возрастной группе девушки также демонстрируют более высокий результат (13,5) по сравнению с юношами (10,8). Это может говорить о развитии навыков распознавания эмоций у девушек старшего возраста.

Интегративный уровень эмоционального интеллекта. Интегративный балл, отражающий уровень развития эмоционального интеллекта, у девушек младшей группы составляет 28,6, а у юношей – 39,9 (средний уровень для обеих групп). В поздней группе девушки имеют показатель 49,4, а юноши – 45,7, что также оценивается как средний. Эти данные показывают, что девушки поздней группы развивают эмоциональный интеллект лучше, возможно, из-за более высоких показателей осведомленности и эмпатии.

Полученные данные показывают, что эмоциональный интеллект в целом находится на среднем уровне у обоих полов. Однако девушки поздней возрастной группы демонстрируют более высокие результаты, что может свидетельствовать о развитии эмоциональных навыков с возрастом. При этом у девушек и юношей наблюдаются трудности с управлением эмоциями, что требует внимания к регуляции эмоций и самомотивации.

Методика Г. Айзенка самооценки психических состояний представляет собой тест, который позволяет измерить уровень таких психических свойств, как тревожность, фрустрация, агрессивность и ригидность. Тест состоит из 40 высказываний, сгруппированных в четыре блока, каждый из которых оценивается по шкале. Данные этой методики представлены на Рис. 3.

Тревожность. Средние значения тревожности выше у юношей (12.3) по сравнению с девушками (10.1). В целом, как девушки, так и юноши демонстрируют тревожность на среднем уровне, что не достигает высоких значений, но при этом показывается ее заметная выраженность, особенно у молодых людей.

Фрустрация. У девушек (8.0) и юношей (9.2) отмечается средний уровень фрустрации. Это означает, что у респондентов присутствуют определенные уровни разочарования или неудовлетворенности, однако они не достигают чрезмерной выраженности и не становятся серьезным барьером для их психоэмоционального состояния.

Агрессивность. У юношей второй возрастной группы уровень агрессивности (14.0) выше, чем у девушек (10.4). У девушек первой группы агрессивность составляет 12.8, что также указывает на более выраженные эмоциональные реакции. Среди юношей 16–20 лет 55% имеют высокий уровень агрессивности, что связано с возрастными особенностями и обязательной военной службой. В условиях Кавказа, например, в Армении, где происходят геополитические конфликты, служба может иметь серьезные психологические последствия, такие как стресс и травмы, что проявляется в агрессии. Важную роль играют также экономические, социальные и культурные факторы.

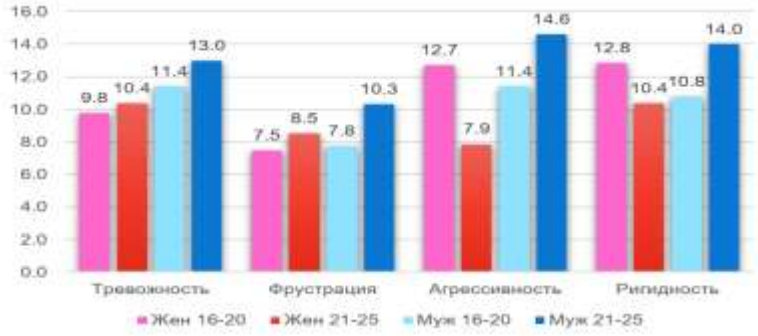


Рисунок 3. Данные методики Г. Айзенка «Самооценка психических состояний».

Ригидность. Ригидность у девушек составляет 11.6, а у юношей – 12.6, что указывает на средний уровень и способность к адаптации и гибкости в поведении и мышлении. Несмотря на отсутствие выраженной неизменности, уровень адаптивности остаётся высоким, позволяя реагировать на изменения условий.

Результаты показывают, что у девушек и юношей схожие уровни тревожности, фрустрации и ригидности, но юноши демонстрируют более высокую агрессивность. Это может быть связано с возрастными особенностями и внешними факторами.

Для вычисления корреляции была использована базовая функция программы Microsoft Excel. Ниже приложены таблицы корреляции для девушек (Табл. 1, 3, 5) и юношей (Табл. 2, 4, 6).

Таблица 1. Корреляция данных респондентов женского пола по субъективной оценке межличностных отношений (методика С.В. Духновского) и самооценке психических состояний (методика Г. Айзенка).

	Напряженность в отношениях	Отчужденность в отношениях	Конфликтность в отношениях	Агрессивность в отношениях
Тревожность	0.7	0.3	0.3	0.5
Фрустрация	0.7	0.4	0.4	0.4
Агрессивность	0.5	0.6	0.8	0.9
Ригидность	0.4	0.6	0.5	0.6

Таблица 2. Корреляция данных респондентов мужского пола по субъективной оценке межличностных отношений (методика С.В. Духновского) и самооценке психических состояний (методика Г. Айзенка).

	Напряженность в отношениях	Отчужденность в отношениях	Конфликтность в отношениях	Агрессивность в отношениях
Тревожность	-0.1	0.2	0.4	0.5
Фрустрация	-0.2	0.3	0.3	0.4
Агрессивность	0.3	0.8	0.9	0.8
Ригидность	-0.4	0.6	0.4	0.5

В корреляционном анализе методик С.В. Духновского и Г. Айзенка у респондентов обеих выборок выявлена выраженная прямая корреляция с небольшой разницей в пользу юношей: между отчужденностью в отношениях и агрессивностью (0.6 и 0.8), отчужденностью и ригидностью (0.6 и 0.6), конфликтностью и агрессивностью (0.8 и 0.9), агрессивностью в отношениях и агрессией (0.9 и 0.8). Однако наблюдается разница в корреляции тревожности и напряженности в отношениях (0.7 и -0.1), фрустрации и напряженности в отношениях (0.7 и -0.2).

Таблица 3. Корреляция данных респондентов женского пола по методикам оценки эмоционального интеллекта Н. Холла и самооценки психических состояний Г. Айзенка.

	Эмоциональная осведомленность	Управление своими эмоциями	Самомотивация	Эмпатия	Распознавание эмоций других	Интегративный уровень ЭИ
Тревожность	-0.1	-0.6	-0.6	0.1	0.0	-0.3
Фрустрация	-0.1	-0.7	-0.6	-0.1	-0.2	-0.5
Агрессивность	-0.2	-0.3	-0.3	0.1	-0.2	-0.3
Ригидность	-0.1	-0.4	-0.1	0.1	-0.1	-0.2

Таблица 4. Корреляция данных респондентов мужского пола по методикам оценки эмоционального интеллекта Н. Холла и самооценки психических состояний Г. Айзенка.

	Эмоциональная осведомленность	Управление своими эмоциями	Самомотивация	Эмпатия	Распознавание эмоций других	Интегративный уровень ЭИ
Тревожность	0.3	-0.2	0.1	-0.1	0.3	0.1
Фрустрация	0.1	-0.3	-0.2	0.1	0.3	-0.1
Агрессивность	0.7	-0.1	0.6	0.0	0.3	0.5
Ригидность	0.1	-0.2	0.1	0.2	0.3	0.2

В корреляционном анализе методик Н. Холла и Г. Айзенка выявлена разница между выборками. У девушек наблюдается выраженная обратная корреляция между управлением эмоциями и тревожностью, фрустрацией, а также между самомотивацией и тревожностью, фрустрацией, интегративным уровнем ЭИ и фрустрацией, ригидностью и управлением эмоциями (-0.6; -0.7; -0.6; -0.6; -0.5; -0.4 соответственно). У юношей корреляция слабая, но сильная прямая корреляция наблюдается между агрессивностью и эмоциональной осведомленностью, агрессивностью и самомотивацией, агрессивностью и интегративным уровнем ЭИ (0.7; 0.6; 0.5 соответственно).

Таблица 5. Корреляция данных респондентов женского пола по методикам оценки эмоционального интеллекта Н. Холла и субъективной оценки межличностных отношений С.В. Духновского.

	Напряженность в отношениях	Отчужденность в отношениях	Конфликтность в отношениях	Агрессивность в отношениях
Эмоциональная осведомленность	-0.3	-0.6	-0.5	-0.3
Управление своими эмоциями	-0.6	-0.5	-0.5	-0.5
Самомотивация	-0.5	-0.3	-0.5	-0.4
Эмпатия	0.2	-0.2	-0.2	-0.1
Распознавание эмоций других	-0.1	-0.4	-0.6	-0.3
Интегративный уровень ЭИ	-0.4	-0.5	-0.6	-0.4

Таблица 6. Корреляция данных респондентов мужского пола по методикам оценки эмоционального интеллекта Н. Холла и субъективной оценки межличностных отношений С.В. Духновского.

	Напряженность в отношениях	Отчужденность в отношениях	Конфликтность в отношениях	Агрессивность в отношениях
Эмоциональная осведомленность	0.6	0.4	0.7	0.7
Управление своими эмоциями	0.0	-0.1	0.3	0.2
Самомотивация	0.3	0.5	0.8	0.6
Эмпатия	0.2	0.0	0.2	0.4
Распознавание эмоций других	0.2	0.0	0.4	0.4
Интегративный уровень ЭИ	0.4	0.4	0.8	0.7

В корреляционном анализе методик Н. Холла и С.В. Духновского у девушек выявлена обратная корреляция, у юношей – прямая. У девушек сильная корреляция между отчужденностью и управлением эмоциями, конфликтностью и распознаванием эмоций других, а также конфликтностью и интегративным уровнем ЭИ (-0.6 для всех). У юношей выраженная корреляция между напряженностью, конфликтностью, агрессивностью и эмоциональной осведомленностью (0.6; 0.7; 0.7 соответственно), конфликтностью и самомотивацией (0.8), конфликтностью и агрессивностью в отношениях с интегративным уровнем ЭИ (0.8 и 0.7 соответственно).

Было выявлено, что агрессивные люди чаще находятся в агрессивных (0.9 и 0.8) и конфликтных (0.8 и 0.9) отношениях, а также чувствуют в них отчужденность (0.6 и 0.8). У юношей наблюдается корреляция 0.7 между Э/О и конфликтностью, агрессивностью, интегративным значением ЭИ и агрессивностью, а также Э/О и агрессией. Также значимы связи (0.8) между интегративным значением ЭИ, конфликтностью и самомотивацией. В женской выборке сильная связь (0.7) между напряженностью в отношениях, фрустрацией и тревожностью, а также отрицательная связь (-0.7) между фрустрацией и управлением эмоциями. Гипотезы № 1 и № 2 подтверждены. Гипотеза № 3 (о взаимосвязи методик Н. Холла и Г. Айзенка) частично подтверждена. Гипотеза № 4 о разнице показателей в раннем и позднем юношеском возрасте подтверждена.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анфиногентова М.Д.* Абьюз и абьюзивные отношения // «Наука XXI века: Актуальные направления развития», 2020. № 1. СС. 118–120.
2. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 1995. 61с.

3. *Игнатова Е.С., Разводова Е.Д*. Абъюзинг и газлайтинг в межличностных отношениях между мужчиной и женщиной // «Будущее клинической психологии», 2018. СС. 3–11.
4. *Кон И.С.* Психология ранней юности. Кн. для учителя. М.: «Просвещение», 1989. СС. 225–256.
5. *Налчаджян А.А.* Фрустрация, психологическая самозащита и характер. Т. 1. Защитные психологические механизмы и их генезис. Ер., 2013, 167с.
6. *Немов Р.С.* Психология: учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. Кн. 2. Психология образования. 2-е изд. М.: «Владос», 1995. 261с.

PSYCHOLOGICAL STUDY OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS IN ADOLESCENCE

L. Harutyunyan, I. Sargsyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article presents a study of the features of interpersonal relationships in adolescence. The focus is on the relationship between emotional intelligence, key mental states (frustration, aggression, rigidity and anxiety) and interpersonal relationships. The theoretical part examines the psychological concepts of aggression, emotional intelligence, and self-assessment of mental states. The results of this study may be of interest to psychologists, educators, and other professionals working in this field.
Keywords: interpersonal relationships, emotional intelligence, aggression, anxiety, empathy, frustration, rigidity.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-453-456

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПОЛЬЗА И ВОЗМОЖНЫЕ УГРОЗЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В.Р. Саркисян

Институт физиологии НАН РА им. акад. Л.А. Орбели
Международная Академия Нейронаук
Армянский медицинский институт
Медицинский колледж им. Мелрабяна
sargsyan.vahram@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной работе представлена очевидная польза и возможные угрозы искусственного интеллекта с точки зрения современной фундаментальной биологии. Приводятся все этапы большого биологического взрыва с точки зрения эволюции биологических систем. Теория большого биологического взрыва имеет три этапа и описывает расширение биоценоза в филогенезе и онтогенезе. Обсуждаются профессии, которые в будущем может заменить искусственный интеллект. В заключительной части приводятся меры по профилактики потенциальной угрозы искусственного интеллекта для человечества. Например, разработка и внедрение человеко-ориентированных (гуманистических) компонентов искусственного интеллекта, понимание биологических механизмов и закономерностей эволюции органического мира и человека разумного, а также другие подобные меры профилактики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, теория большого биологического взрыва, нейросети, машинное обучение, эволюция человека.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) – раздел компьютерных наук о создании интеллектуальных систем, способных имитировать когнитивные функции человека: восприятие, обучение, рассуждение, понимание языка и принятие решений. Благодаря увеличению вычислительной мощности и доступности больших данных, системы ИИ приобрели возможность обучаться и совершенствоваться. В 1956г. Джон Маккарти, Марвин Мински, Клод Шеннон и Натаниэль Роч предложили провести Дартмутскую конференцию (Рис. 1) [3].

Рисунок 1. Ученые, которые предложили провести Дартмутскую конференцию в 1956г. Слева направо: Джон Маккарти, Марвин Мински, Клод Шеннон и Натаниэль Роч.

Нейросети и машинное обучение – подразделы искусственного интеллекта. Нейросети и машинное обучение тесно взаимосвязаны, их общность заключается в том, что оба подраздела ИИ стремятся к созданию систем, способных к обучению и принятию решений без явного программирования [1].

Научные исследования в области ИИ на сегодняшний день являются весьма актуальными, особенно, если дело касается взаимодействия ИИ с процессами развития человека и человечества [5].

Целью научной работы стало понимание биологических механизмов развития человека в процессе филогенеза и онтогенеза, а также оценка пользы и возможных угроз ИИ для дальнейшего развития человечества.

На сегодняшний день есть необходимость предложить научно обоснованные способы и методы профилактики потенциальной угрозы искусственного интеллекта. Это стало возможным благодаря интенсивному развитию теоретической и фундаментальной биологии в последние 8–10 лет [4].

Информационные технологии, интернет и Искусственный Интеллект с точки зрения эволюции биологических систем

Большой биологический взрыв (ББВ) – расширение биоценоза, который описывается теорией ББВ. Благодаря подобному процессу трансформации в природе происходит расширение биологического пространства во Вселенной. Условно можно предложить три этапа расширения биологического пространства.

- I этап – тот период, когда вирусы (биокоммуникаторы) – первые обитатели планеты Земля – вошли в бактериальные клетки.
- II этап расширения биологического пространства, или II ББВ, включает в себя период вхождения вирусов (в том числе вместе с бактериями) в многоклеточные организмы. Фактически многоклеточные орга-

низмы стали прекрасной инфраструктурой для более масштабной деятельности биокоммуникаторов в Природе.

- III этап начался совсем недавно и связан с появлением компьютерных технологий и интернета. Фактически благодаря высоким технологиям произошло масштабное расширение влияния «живого», или «биологического», на окружающую среду. Фактически на данном этапе теряется граница между нашей (человеческой) собственной памятью и распределенной памятью интернета. Это расширенное познание.

Таким образом, появление современных информационных технологий, интернета и искусственного интеллекта является естественным процессом развития человечества. Этот процесс неизбежен и, с точки зрения экосистемы нашей Планеты, – полезен. Однако, как и любое полезное изменение, может в себе таить определенные риски.

Ниже рассмотрим очевидную пользу ИИ.

Польза Искусственного Интеллекта

- Технологии на основе ИИ помогают повысить эффективность и производительность труда за счет автоматизации процессов и задач, которые раньше выполнялись людьми. ИИ также умеет интерпретировать объемы данных, которые не под силу интерпретировать человеку.
- Медицина (эффективная диагностика) и фармакология.
- Наука и сфера образования.
- Робототехника и транспорт.

Возможные угрозы искусственного интеллекта:

- конкуренция роботов с людьми на рынке труда [2];
- ошибки диагностики и лечения в области здравоохранения;
- истребление человечества и господство биороботов на планете Земля.

Профессии, которые в будущем может заменить Искусственный Интеллект

По прогнозу аналитиков компании Nelson, к 2030г. около 42% профессий будут автоматизированы в той или иной степени. Приведем специальности, которые в ближайшем будущем могут быть заменены ИИ, в том числе роботами: переводчик, корректор, копирайтер, журналист, курьер, водитель, диспетчер, тур агент, продавец, банковский сотрудник, бухгалтер, уборщик, диктор, учитель, терапевт, иллюстратор, аналитик, провизор-фармацевт, маркетолог, SEO-специалист, дизайнер, рабочий склада, сотрудник техподдержки.

Заключение

В заключение представим некоторые профилактические меры по устранению потенциальной угрозы ИИ для человечества и современного человека.

Разработка и внедрение гуманистических (человеко-ориентированных) компонентов искусственного интеллекта.

Понимание биологических механизмов и закономерностей эволюции органического мира и человека разумного.

Различные мероприятия (научные конференции, лекции, семинары) по информированию населения по данной теме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бродская М.* Доверенный ИИ: начало пути / М. Бродская // “Bis journal”, 2023. № 3. СС. 16–20.
2. *Дубровский Д.И., Ефимов А.Р., Матвеев Ф.М.* Может ли интеллектуальный робот обладать этическими свойствами? // «Вопросы философии», 2022. № 9. СС. 193–197.
3. *Пилипчук И.Н.* (отв. редактор) и др. Новая наука: стратегии и векторы развития. Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции, 19 апреля 2016г. Часть 3. УДК 00(082), ББК 65.26. 2016г.
4. *Саркисян В.Р.* Фундаментальная наука XXI века. 5-е изд. Ер.: Авт. изд., 2024. 144 с. ISBN 978-9939-0-4960-1
5. *Суходолов А.П., Бычкова А.М.* Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // «Российской журнал криминологии», 2018. Том 12. СС. 753–766.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: BENEFITS AND POSSIBLE THREATS FOR THE DEVELOPMENT OF HUMANITY

V. Sargsyan
L. Orbeli Institute of Physiology NAS RA
International Academy of Neuroscience RA
Armenian Medical Institute
Medical College after Mehrabyan

ABSTRACT

The scientific work presents the obvious benefits and possible threats of artificial intelligence from the point of view of modern fundamental biology. All stages of the Big Biological Bang are given from the point of view of the evolution of biological systems. The Big Biological Bang theory has three stages and describes the expansion of the biocenosis in phylogenesis and ontogenesis. Professions that artificial intelligence can replace in the future are discussed. The final part provides measures to prevent the potential threat of artificial intelligence to humanity. For example, the development and implementation of human-oriented (humanistic) components of artificial intelligence, understanding the biological mechanisms and patterns of evolution of the organic world and Homo sapiens, as well as other similar preventive measures.

Keywords: artificial intelligence, big bang theory, neural networks, machine learning, human evolution.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-457-463

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПСИХОДИАГНОСТИКИ КАК ПРЕДМЕТ ТВОРЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК

А.А. Согомонян

Российско-Армянский (Славянский) университет
arthur.soghomonyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В контексте профессиональной подготовки психологов критический разбор изучаемых методик психодиагностики предлагается рассматривать как мотивирующий повод для обретения опыта самостоятельных разработок. На конкретных примерах раскрывая потенциальную вариативность стимульных материалов и схем построения тестовых ситуаций, студенты получают возможность не только обсудить и обосновать, но и применить на практике творчески переосмысленные приемы и средства в порядке учебного эксперимента.

Ключевые слова: модификация диагностических методик, обновление стимульных материалов, вариабельность тестовых заданий.

Введение

Вполне объяснимый в современном мире всеобщий интерес к проблематике психологического тестирования и к арсеналу психодиагностики сыграл довольно неоднозначную роль: получили чрезвычайное распространение и даже популярность в народе именно те методики, которые приберегались профессионалами в качестве инструментария закрытого или строго ограниченного доступа. В связи с этим обесцениваются традиционно поддерживаемые на требуемом уровне психометрические процедуры, обостряется необходимость пересмотреть конкретные диагностические средства в части их содержания и формы. Услужливый интернет предлагает способы быстрой онлайн-подготовки к психологическому тестированию. Чаще всего в расчете на успешное прохождение процедуры отбора кадров кандидаты выучивают выигрышную линию работы с образцами опросников и показывают при проверке подходящие результаты. Таким образом, проведенное по всем правилам отборочное тестирование заведомо становится недостоверным. Освоив стандартную модель тестирования личности по тренировочным заданиям, кандидат в качестве испытуемого выбирает себе образцовое сочетание качеств, якобы доказывающих профпригодность.

Критическое переосмысление и творческая переработка средств методического обеспечения психодиагностики мотивируются различными причинами внешнего и внутреннего порядка. Опыт аналитического разбора конкретных случаев в контексте учебного освоения основ психодиагностики при подготовке психологов в Российско-Армянском университете (Ереван) позволяет нам судить и о некоторых общих тенденциях в этом направлении, как наблюдаемых непосредственно по факту, так и прогнозируемых с определенной вероятностью.

Своевременное обновление и взвешенная корректировка методического арсенала позволяют поддерживать их эффективность в актуальных условиях непрерывных социальных и технологических трансформаций. Модификация тестов и других инструментов происходит в практике психодиагностики постоянно, как естественное сопровождение, подобно текущему ремонту – по мере назревающей очевидной необходимости, как частный случай локального решения, не требующий особого научно-теоретического объяснения. Данная работа является попыткой в обзорном режиме представить важные с нашей точки зрения принципы и общие закономерности, в соответствии с которыми происходит преобразовательная активность и которые можно рассматривать как материал к ее теоретическому обоснованию.

В некоторых российских университетах направление подготовки «Психолого-педагогическое образование» включает в себя помимо всего и дисциплину «Модификация и адаптация психологических тестов», причем ее освоение необходимо для прохождения преддипломной практики. Считается, что системное формирование соответствующих компетенций необходимо психологу-профессионалу, что способность модифицировать, адаптировать и разрабатывать новые диагностические средства открывает ему реальную возможность решать актуальные задачи и анализировать ситуации не только в образовательной среде, но и в более широком контексте стремительно изменяющихся обстоятельств и отношений в общественной жизни и в условиях индивидуально-личностного развития.

Материалы и методы

Прежде чем осваивать соответствующие навыки и приемы по преобразованию инструментария, специальному обоснованию подлежат сами критерии необходимости, этапы и правила проведения работ по модификации. Предполагается, что можно научить практикующего психолога объективно оценивать, обнаруживать признаки возможных искажений и неадекватного использования тестов, требующих творческой переработки. Неадекватность следует

понимать здесь как неуместность в конкретном приложении, в данных обстоятельствах, без соответствующих корректив по части процедуры проведения или формы представления стимульного материала.

Недостаток элементарной психометрической культуры пользователей тестов особенно очевиден в связи с адаптацией зарубежных тестов. Лингвистические и социокультурные препятствия преодолеваются с трудом, требование к симметричности перевода (сохраняющего смысл и разговорную привычность) остается в большинстве случаев нереализованным [1, сс. 124–126]. Даже случае с удачным переводом новый опросник нуждается в прохождении стандартных процедур: анализ внутренней согласованности вопросов (утверждений) по каждой шкале, проверка устойчивости к ретестированию, анализ корреляций с соответствующим критерием.

Методом комментированного разбора характеристик, определяющих информативную ценность выполняемых испытуемым заданий и позиций опросника, мы рассчитываем вооружить студентов-психологов навыками обнаружения нераскрытого потенциала существующих инструментов. Намечаются способы ненарушающих изначальную однородность, гомогенных преобразований исходного материала, разработки достаточно близких версий, не уступающих исходному варианту ни в качестве, ни в тематической направленности, ни в показателях валидности.

В обыденных представлениях творческая разработка связывается прежде всего с созданием исключительно нового, однако следует осознавать, что абсолютно на пустом месте ничего существенно нового не возникает. Творчество как свободный процесс в реальности основано на преобразовательной активности в отношении корней и традиций. Практически все достижения авторов-создателей новых направлений – результат влияния предшественников и взаимодействия с современниками. Показателен пример из другой области, подсказанный студентами. Известно, по свидетельству музыковедов, что с наиболее часто исполняемыми, излюбленными музыкальными шедеврами связана проблема: при очередном воспроизведении исполнители в наше время особенно мотивированы вносить что-то новое, свое, соавторское. Аналогичная схема работает в практических ситуациях психодиагностики. Каждый отдельный сеанс, даже скромно заявленный как не претендующий на новизну, происходит в изменившихся обстоятельствах и невольно приобретает тенденцию к свободному приспособлению к ним за счет творческого переосмысления некоторых значимых в данный момент позиций.

В отношении психодиагностической модели личности специалисты постоянно подчеркивают особую информативную ценность комплексного подхода, основанного на применении батарей тестов, рекомендуемых для прикладных и исследовательских задач. Утверждается, например, что «согласованность однотипных факторов в показателях разных методик обнаружена у гармоничных, уравновешенных людей» [4, с.174]. В свою очередь, рассогласованность между данными вербальной методики (опросник СМИЛ) и результатами невербального тестирования (адаптированный тест Люшера – цветовой выбор) свидетельствует о личностной дисгармонии и эмоциональной незрелости. Таким образом, во время пробных, демонстрационных применений на учебно-практических занятиях можно убедиться в плодотворности и заведомой целенаправленности использования специально подобранных тестов в групповых или парных сочетаниях.

Трудно избежать внутренне несогласованного сочетания в рамках созданной по случаю батареи тестов. Отдельно взятая надежная методика может утратить ожидаемую достоверность результатов в случае применения в определенной последовательности со смежными по тематике методиками, которые мешают друг другу в групповом соседстве и зависят от очередности предъявления. Даже в пространстве одной тестовой методики нарушение нормативно заданного порядка выполняемых заданий может привести к неожиданным эффектам: заведомо более легкие по своим условиям, просто устроенные задачи оказываются трудно решаемыми по сравнению со сложными. Практика применения фигурного теста Равена в протокольном режиме свидетельствует, что утвержденная схема относительной весомости в тестовых баллах сохраняет свою классически признанную справедливость только при соблюдении требований инструкции, предписывающей каноническую последовательность прохождения всех 60 заданий, сгруппированных в 5 сериях по 12. Известны случаи, когда объективно самое трудное и дорогостоящее, последнее задание прогрессивной матрицы решалось сравнительно легко, если оно выполнялось… первым. Видимо, тест создавался в расчете на оперативную выработку навыков оценочного анализа ситуаций и формирование при этом соответствующих установок. Здесь прежде всего ценится именно способность вовремя, по необходимости отходить от привычных способов решения и быстро осваивать другие подходы в новых предлагаемых обстоятельствах. Упомянутый эффектный случай с финальным заданием, которое вне очереди предъявлялось испытуемому, связан с отсутствием отвлекающих установок, формирующихся при прохождении предварительных процедур. Дело в том, что в каждой серии рассматривались задания только определенного типа, с

постепенным усложнением, развитием мотива. А самая последняя задача, против правил, относится к особому типу, распознание которого ничем конкретным не подготовлено. Зато свободный от заученных стереотипов подход позволял решать нестандартную задачу, выпадающую из общего ряда.

Следует помнить, что при разработке любого психометрического средства прежде всего рассматривается диагностическая проблема: какое именно свойство требуется измерять, в рамках какой из существующих концепций это свойство интерпретируется. Затем решается вопрос о способах измерения и и начинают конструировать собственно тест. На последнем этапе происходит отбраковка непригодных заданий, оценка валидности и надежности методики [2, сс. 57–58]. Считаем, что данная последовательность должна соблюдаться и при учебном освоении необходимых навыков для модификации арсенала имеющихся исходных средств.

На примере тестов интеллекта покажем диапазон возможных творческих преобразований на основе базовых версий. Тесты «скорости», которые проводятся с жестким лимитом времени, обычно состоят из однотипных и близких по сложности задач. Вариации здесь допустимы за счет изменения изначально заданных условий: например, испытуемому предлагается не только найти очередной правильный ответ, но и сочинить всякий раз аналогичную задачу по распознанной схеме, сохраняя заданный уровень трудности и характер содержания. Тесты «уровня», в которых преимущественно содержательные особенности заданий составляют трудность для испытуемых, можно переосмыслить с таких позиций: нельзя ли решить задание более, чем одним способом, применимы ли здесь составные ответы, – и предложить испытуемым видоизмененные тестовые ситуации. Отметим, что студенты могут приобрести собственный опыт оценивания и изменения уровня сложности заданий, экспериментально добывая статистический матерал для расчетов по процедуре.

Широко распространенный невербальный тест Равена («Прогрессивные матрицы») в свою очередь был модификацией нескольких предшествующих редакций. В расчете на применение к различным возрастным категориям разработаны новые формы (Стандартные черно-белые, Цветные, Повышенной сложности). Общий принцип построения сохраняется: в первой серии и до последней задания постепенно усложняются, требуется мыслить по аналогии, замечать закономерности, использовать перестановки, понимать принципы сложных изменений фигур. Естественно, ориентируясь на классические примеры подходов к модификации и творческой интерпретации идей, заложен-

ных в инструментарии психодиагностики, студенты убеждаются и в незыблемости психометрических требований к построению и проверке методик: к стандартизации, надежности и валидности [3, сс. 81–103].

Результаты

В процессе занятий применяемый инструментарий рассматривался как предмет, подлежащий критическому переосмыслению содержащихся в нем конструктивных и содержательных идей. Оценивая потенциал, позволяющий при необходимой модификации получить приемлемые результаты (без потери качественных характеристик), студенты в порядке эксперимента опробовали на практике несколько новых подходов к построению методик тестового типа. В частности, были предложены и применены творчески разработанные рекомендации по проведению диагностических измерений интеллекта не в индивидуальном исполнении (как это традиционно принято), а в парном взаимодействии. Некоторые невербальные методики в пересмотренном варианте открывали новую возможность получения информации о мыслительных процессах при решении логических задач: испытуемый вслух рассуждал и иллюстрировал тем самым свою поисковую тактику. Специально придумывались видоизмененные условия, чтобы решение задачи становилось не единственным, или вариант с правильным ответом просто отсутствовал бы, или ответ предполагался составным.

Особо продуктивными можно считать включение элементов игры в диагностическую процедуру. Заимствованные из разных развивающих игр приемы и идеи были реализованы в предложенных вариациях по мотивам известных методик. Студентами отмечен мотивирующий эффект этих нововведений и сделаны выводы о необходимости теоретических и психометрических обоснований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурлачук Л.Ф.* Психодиагностика: учебник. СПб.: «Питер», 2003. 351с.
2. *Дружинин В.Н.* Психология общих способностей: Монография. 3-е изд. СПб.: «Питер», 2007. 368с.
3. Психологическая диагностика: Учебник. / Под ред. М.К. Акимовой, К.М. Гуревича. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: «Питер», 2005. 652с.
4. *Собчик Л.Н.* Психодиагностика в медицине: Практ. руководство. М.: ООО «Компания БОРГЕС», 2007. 416с.

CONSIDERING PSYCHODIAGNOSTIC INSTRUMENTAL MEANS A CREATIVE ELABORATION MATTER

A. Soghomonyan
Russian-Armenian (Slavonic) University
Chair of Psychology

ABSTRACT

In the context of professional training of psychologists the critical rewiew of well studied psychodiagnostic methods is considered as a reason for acquiring experience on student's own elaborations in modification and adaptation works. Discovering potential variability of test contents and structures, students can discuss, substantiate and put in practice creatively rewiewed diagnostic means in the experimental course.
Keywords: modification of psychodiagnostic methods, renewing of test content, variability of diagnostic tasks.

DOI 10.24412/cl-37384-2025-1-464-471

ВЛИЯНИЕ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ПРОЖИВАНИЯ НА ПОЗИТИВНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДИАСПОРЫ (НА ПРИМЕРЕ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ В США)

А.Л. Тумасян

Российско-Армянский (Славянский) университет
alina.tumasyan@rau.am

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется влияние длительности проживания на позитивность этнической идентичности у представителей диаспоры. Согласно выдвинутой гипотезе, существует статистически значимая связь между длительностью проживания и позитивностью этнической идентичности. Проверка гипотезы была проведена на примере армянской диаспоры в Соединенных Штатах Америки. В исследовании использовались методы анкетирования и тестирования, в том числе методики А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой, а также шкала Дж. Финни для оценки когнитивных и аффективных компонентов этнической идентичности. Эмпирические данные, собранные среди 66 респондентов, показали слабую положительную корреляцию (0,09) между длительностью проживания и позитивностью этнической идентичности, что говорит о незначительном влиянии данного фактора. Это указывает на то, что длительность проживания за пределами родины слабо связана с уровнем позитивной этнической идентичности и что на ее формирование могут влиять другие факторы, выявление которых и их детальное изучение – вопрос дальнейших исследований.

Ключевые слова: длительность проживания, позитивность, этническая идентичность, армянская диаспора в США.

Введение

В период глобализации одной из наиболее актуальных тем является тема позитивности этнической идентичности. Причиной является тот факт, что процесс глобализации приводит к массовой миграции, которая в свою очередь способствует образованию диаспор. Согласно Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой: «Диаспора – это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности» [1].

Представители диаспор оказываются вдали от своей родины и вынуждены адаптироваться к жизни среди принимающего этноса. У некоторых

представителей диаспоры может развиться моноэтническая идентичность с чужой этнической группой, что означает, что человек идентифицирует себя с чужой этнической группой, а не со своей собственной, так как рассматривает данное действие как единственный способ достижения положительного отношения к себе, что в конечном счете может привести к полной ассимиляции – потере языковых и культурных черт исходной этнической группы [2]. Таким образом, в результате взаимодействия различных культур возникает вопрос сохранения своей национальной и этнической идентичностей и опасность полного растворения в чужой этнической группе.

Отметим, что выделяются две формы ассимиляции: мирная и военная. В случае мирной ассимиляции представители определенного этноса вынуждены эмигрировать по различным причинам, таким как поиск лучшей жизни и получение образования. Со временем их потомки теряют связь со своей исторической родиной, забывают традиции, не разговаривают на родном языке. В случае же насильственной ассимиляции захватчики запрещают использование языка, закрывают издания, образовательные учреждения [3].

Таким образом, одной из задач представителей диаспоры является сохранение своей идентичности, что довольно сложно сделать в период глобализации. Человеку присуще стремление сохранить свою позитивную этническую идентичность, для чего он может использовать стратегию социального творчества, которая может проявляться в разнообразных формах. Рассмотрим данные формы стратегии социального творчества:

- поиск новых оснований для сравнения, в рамках которого индивид стремится найти новые критерии, в которых преимущество у своей этнической группы;
- выбор для сравнения менее успешных и более слабых групп;
- выделение внутри этноса подгруппы, которой приписывались положительные характеристики [4].

Представители армянской диаспоры делают все возможное, чтобы сохранить свои национальную и этническую идентичности и передавать свою культуру последующим поколениям, а, именно, открывают общинные и молодежные организации, церкви, воскресные школы, печатные издания с армянской тематикой и т.д. Армянская диаспора считается одной из самых многочисленных диаспор. В мире проживают около 9 млн армян, из которых лишь около 3 млн живут на родине, соответственно, 6 млн армян – представители Диаспоры. Значительные армянские диаспоры находятся в Российской Федерации, Соединенных Штатах Америки, Франции, Иране, Грузии, Сирии и других странах. Самая многочисленная армянская диаспора в Российской Федерации

(2,5–3 млн армян). Далее следуют Соединенные Штаты Америки (1,6 млн армян). Третье место занимает армянская диаспора Франции (650000 армян).

Гипотеза исследования – существует статистически значимая связь между длительностью проживания и позитивностью этнической идентичности.

Цель исследования: на примере представителей армянской диаспоры в США изучить, как длительность проживания влияет на позитивность этнической идентичности и выявить возможные корреляции между этими показателями.

Методологическая база: по диаспоре – теоретические положения, отраженные в трудах Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой, Р. Брубейкера, У. Сафрана и др.; по идентичности, этносу и этнической идентичности – теоретические положения, отраженные в трудах Ю.В. Бромлея, Т.Г. Стефаненко, Л.М. Дробижевой и др.

Методы: анализ научной литературы, социологический анализ, тестирование с использованием методики оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности (А.Н. Татарко и Н.М. Лебедева). Для более детального изучения этнической идентичности респондентов также были применены методика Дж. Финни, измеряющая степень выраженности когнитивного и аффективного компонентов этнической идентичности; шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н.М. Лебедева); и шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности (Н.М. Лебедева).

Респондентами эмпирического исследования стали 66 человек в возрасте от 18 до 66 лет (11 мужчин и 55 женщин), представляющие армянскую диаспору в США, большинство из которых проживает в Лос-Анджелесе. Причины эмиграции респондентов различные, такие как получение образования, поиск работы, стремление улучшить условия жизни, война и другие.

Эмпирическая часть базируется на методике оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности (А.Н. Татарко и Н.М. Лебедева). Данная методика состоит из восьми вопросов, разделенных на две шкалы, первая из которых позволяет оценить эмоциональную окрашенность этнической идентичности, а вторая – насколько ясно респондент ощущает себя представителем своей этнической группы. Также были применены методика Дж. Финни, измеряющая степень выраженности когнитивного и аффективного компонентов этнической идентичности; шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н.М. Лебедева); и шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности (Н.М. Лебедева).

Результаты исследования

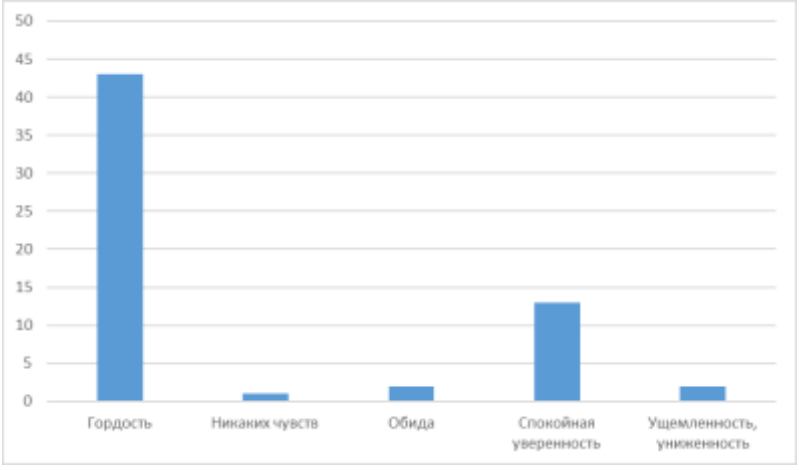
Изучив ответы, полученные по методике Дж. Финни, необходимо отметить, что у респондентов высокие показатели выраженности как когнитивного, так и

аффективного компонентов. У 54 человек показатель выраженности когнитивного компонента превышает 3, что указывает на сильное осознание респондентами своей этнической принадлежности. У 61 респондента наблюдаются показатели выраженности аффективного компонента результат выше 3, что в свою очередь свидетельствует о сильной эмоциональной привязанности к своей этнической группе, гордости за свою этническую принадлежность. Высокие показатели когнитивного и аффективного компонентов указывают на успешное сохранение этнической идентичности в условиях эмиграции.

В рамках экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью, респонденты должны были ответить на следующий вопрос: «Какие чувства вызывает у вас принадлежность к своему народу?»

Предложенные варианты ответа: гордость, никаких чувств, обида, спокойная уверенность, ущемленность, униженность. Нормой является ответ «спокойная уверенность», который выбрали лишь 13 человек. В Диагр. 1 наглядно представлены полученные результаты.

Диаграмма 1. Результаты экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н.М. Лебедева).



Гордость за свою этническую принадлежность часто связана с позитивным самовосприятием, что можно наблюдать в полученных результатах по методике оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой. Из респондентов, ответивших «гордость», только у троих уровень по шкале позитивности этнической идентичности ниже 3. У всех респондентов, испытывающих гордость, низкие показатели по шкале неопределенности этнической идентичности (у 30 человек показатель = 1). Более того, 45 человек из 66 опрошенных в полной мере ощущают себя

представителями своего народа, и лишь один не ощущает совсем (по шкале экспресс-оценки выраженности этнической идентичности Н.М. Лебедевой, направленной на быструю оценку выраженности этнической идентичности).

Далее разделим всех респондентов на три группы (по длительности проживания в США) и рассмотрим средние показатели в группах:

1. группа 1 – до 5 лет – 23 респондента;
2. группа 2 – от 5 до 15 лет – 24 респондента;
3. группа 3 – более 15 лет – 19 респондентов.

Первая группа респондентов включает тех, кто находится на начальных стадиях адаптации в новой культурной среде. Для них характерны интенсивные процессы культурного шока, освоения новых социальных норм и языковых навыков, что может существенно влиять на их этническую идентичность. Респонденты из группы 2 уже прошли первичные этапы адаптации и начали более активно интегрироваться в американское общество. Период от 5 до 15 лет представляет собой ключевой этап формирования устойчивых межкультурных связей, переработки своей этнической идентичности и возможной реинтеграции этнических ценностей. Третья группа состоит из респондентов, которые прожили в США значительный период времени и, возможно, уже достигли высокого уровня интеграции. Влияние американской культуры на их этническую идентичность в этой группе может быть наиболее выраженным.

В Табл. 1 представлены средние показатели по группам.

Таблица 1. Средние показатели выраженности когнитивного и аффективного компонентов этнической идентичности и позитивности этнической идентичности.

	группа 1	группа 2	группа 3
Выраженность когнитивного компонента	3,37	3,61	3,49
Выраженность аффективного компонента	3,70	3,86	3,78
Шкала позитивности этнической идентичности	2,95	3,16	3,05

Самые высокие показатели наблюдаются у группы 2 (от 5 до 15 лет), самые низкие – у группы 1 (до 5 лет). Показатели группы 3 незначительно меньше показателей группы 2, однако тем не менее выше, чем первой группы. В рамках данной научной статьи основными являются показатели по шкале позитивности этнической идентичности.

Среди представителей 1-ой группы 11 респондентов испытывают гордость, вызванную принадлежностью к своему народу; 1 человек не испытывает никаких чувств; 1 человек – обиду; 9 респондентов испытывают спокойную уверенность и 1 человек – ущемленность и униженность. Более того, 18 человек в полной мере ощущают себя представителем своего народа, 2 человека ощущают почти всегда, 2 человека иногда ощущают, иногда – нет, и только 1 респондент совсем не ощущает себя представителем своего народа.

Среди представителей 2-ой группы 19 респондентов испытывают гордость, 4 респондента – спокойную уверенность, 1 респондент не испытывает никаких чувств, ни одни респондент не испытывает обиду, ущемленность и униженность. 14 респондентов в полной мере ощущают себя представителем своего народа, 8 респондентов ощущают почти всегда, 2 человека иногда ощущают, иногда – нет. В данной группе нет ни одного респондента, который совсем не ощущает себя представителем своего народа.

Среди представителей 3-й группы 15 респондентов испытывают гордость, 2 респондента – спокойную уверенность, по одному респонденту – обиду, ущемленность и униженность и ни один респондент не испытывает никаких чувств. 13 респондентов в полной мере ощущают себя представителем своего народа, 4 респондента ощущают почти всегда, 2 человека иногда ощущают, иногда – нет. В данной группе также нет ни одного респондента, который совсем не ощущает себя представителем своего народа.

В рамках проведенного исследования был проведен корреляционный анализ между длительностью проживания в США и показателями по шкале позитивности этнической идентичности (по Татарко). С целью проведения данного корреляционного анализа все переменные (длительность проживания) были переведены в одну величину (месяцы). В результате была выявлена очень слабая корреляция (0,09).

Обсуждение результатов

Обсудим результаты, полученные в рамках проведенного исследования. Напомним, что гипотеза предполагала существование статистически значимой связи между длительностью проживания и позитивностью этнической идентичности. В результате длительного нахождения за пределами своей родины, человек может предпринимать попытки внедрить элементы новой культуру в свою собственную. В том числе сравнение своей культуры и культуры принимающей стороны может привести как к укреплению собственной этнической идентичности, так и к ее ослаблению, а также – к переосмыслению ее значимости в целом. Длительность проживания за пределами родины может

являться значимым фактором, влияющим на степень выраженности позитивности этнической идентичности. В качестве респондентов для проверки гипотезы были выбраны представители армянской диаспоры, проживающие в Соединенных Штатах Америки. В результате анализа полученных ответов респондентов была выявлена слабая положительная корреляционная связь между длительностью проживания в США и степенью выраженности позитивности этнической идентичности (0,09), что означает, что по мере увеличения длительности проживания в стране, позитивность имеет тенденцию несколько увеличиваться. Однако, так как корреляция очень слабая, данная связь не является статистически значимой. Заметная связь между рассматриваемыми двумя переменными отсутствует. Таким образом, гипотеза не подтвердилась, что означает, что иные факторы, предположительно такие как личные качества человека, темперамент, характер, мотивы эмиграции, уровень интеграции в местное общество и др. оказывают воздействие на степень выраженности позитивности этнической идентичности.

Опровержение гипотезы влечет к проведению дальнейших исследований, учитывающих большее количество переменных, с целью выявления факторов, воздействующих на позитивность этнической идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т. И.* Диаспора как объект социологического исследования // «Социологические исследования», № 12, 1996. СС. 32–33.
2. *Стефаненко Т.Г.* Социальная психология этнической идентичности. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999: http://irbis.gnpbu.ru/Aref_1999/Stefanenko_T_G_1999.pdf
3. *Кравченко А.* Социокультурная антропология. М.: «ИНФРА-М», 2023, 318с.
4. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: «Аспект Пресс», 2003. СС. 258–260.

THE IMPACT OF DURATION OF RESIDENCE ON THE POSITIVITY OF ETHNIC IDENTITY AMONG DIASPORA MEMBERS (BASED ON THE EXAMPLE OF THE ARMENIAN DIASPORA IN THE USA)

A. Tumasian
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article studies the impact of duration of residence on the positivity of ethnic identity among diaspora members. According to the hypothesis, there is a statistically significant relationship between duration of residence and the positivity of ethnic identity. The hypothesis was tested on the Armenian diaspora in the United States of America. Methods of surveying and testing, including the methodologies by A.N. Tatarko and N.M. Lebedeva, and the J. Phinney scale for assessing cognitive and affective components of ethnic identity were used while conducting the research.

Empirical data collected from 66 respondents showed a weak positive correlation (0.09) between duration of residence and the positivity of ethnic identity, which indicates a minimal impact of this factor. The obtained results indicate that the duration of residence in a different country is weakly connected with the level of positive ethnic identity and that some other factors can influence its formation, the identification and detailed examination of which, require further research.
Keywords: duration of residence, positivity, ethnic identity, Armenian diaspora in the USA.

Международная Восемнадцатая годичная научная конференция (2–6 декабря 2024г.): Часть I.

Главный редактор РНИ – *М.Э. Авакян*
Редакторы – *А.С. Есаян, Н.Б. Бадалян*
Компьютерная верстка – *А.С. Бжикян*

Editor-in-Chief of the EOSP – *M. Avakyan*
Editors– *A. Yesayan, N. Badalyan*
Computer layout – *A. Bzhikyan*

ԳՀԽ գլխավոր խմբագիր – *Մ.Է. Ավագյան*
Խմբագիրներ – *Ա.Ս. Եսայան, Ն.Բ. Բադալյան*
Համակարգչային էջադրում – *Ա.Ս. Բժիկյան*

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского (Славянского) университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
тел./факс: (+374 12) 77-57-75 (внутр.: 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am

Address of the Editorial Board of Scientific Publications
of the Russian-Armenian University:
0051, Yerevan, st. Hovsep Emin, 123
tel./fax: (+374 12) 77-57-75 (ext. 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am

Հայ-ռուսական (Սլավոնական)
համալսարանի Գիտական
հրապարակումների խմբագրության հասցե՝
0051, ք. Երևան, Հովսեփ Էմինի փող., 123
հեռ.ֆաքս՝ (+374 12) 77-57-75 (ներքին՝ 392)
էլ.փոստ՝ maria.avakian@rau.am